

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- С. В. Алексеев**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Ю. М. Антонян**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков**,
доктор юридических наук, профессор
- Е. Н. Бегалиев**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)
- А. Р. Белкин**,
доктор юридических наук, профессор, академик РАН
- Е. В. Богданов**,
доктор юридических наук, профессор
- Г. А. Василевич**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)
- А. А. Власов**,
доктор юридических наук, профессор
- К. К. Гасанов**,
доктор юридических наук, профессор
- В. И. Елинский**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ
- А. Е. Епифанов**,
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ, академик РАН
- О. В. Зиборов**,
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов**,
доктор юридических наук, профессор
- О. Ю. Ильина**,
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников**,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян**,
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- Н. Н. Карпов**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ
- О. Г. Карпович**,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор
- А. И. Клименко**,
доктор юридических наук, профессор
- Н. А. Колоколов**,
доктор юридических наук, профессор
- А. М. Кононов**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

- S. V. Alekseev**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- Yu. M. Antonyan**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- E. N. Begaliev**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)
- A. R. Belkin**,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- G. A. Vasilevich**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- K. K. Gasanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. I. Elinskiy**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia
- A. E. Epifanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia, Member of RANS
- O. V. Ziborov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. Yu. Il'ina**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- N. N. Karpov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia,
Honored Worker of Prosecutor of Russia
- O. G. Karpovich**,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor
- A. I. Klimenko**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. A. Kolokolov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. M. Kononov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

М. В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Oлимпiev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

M. V. Saudahanov,
Candidate of Legal Sciences

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

М. М. Максимцов,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

M. M. Maksimov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher
Professional Education of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Э. В. Зауорова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

А. А. Ласкин,
доктор педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

A. A. Laskin,
Doctor of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 6 • 2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

Абдуллоза С. А. О некоторых проблемах в правовой характеристике административной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан	11
Абрамов А. В. Идеи и ценности в профессиональном правосознании современного полицейского	14
Алференок Е. А., Дмитренко А. П. Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак побоев (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ)	20
Альханов Н. М., Ахтаева Э. А., Ахъядов Э. С.-М. Историко-правовые аспекты научных взглядов о юридической технике	24
Апухтин М. П. Частноправовые аспекты влияния пандемии на развитие общественных отношений в сфере цифровой трансформации	27
Бабич А. А. Предупреждение преступлений, связанных с миграционными процессами в Республике Казахстан	30
Бадамшин С. К., Идельбаева Г. И. Использование средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей как признак объективной стороны преступлений террористической и экстремистской направленности	33
Баранов А. А., Соломатина Е. А. К вопросу о предупреждении органами внутренних дел преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	38
Бехзоди Ф. А. Административная ответственность в сфере незаконной миграции в Республике Таджикистан и Российской Федерации	44
Богатырев В. В., Каламкарян Р. А. Современный миропорядок как основа юридической действительности системы международных правоотношений	48
Габдрахманов А. Ш., Казанцев С. Я. Использование специальных знаний при расследовании хулиганства	53
Гаджалиева Н. Ш. Состязательность гражданского судопроизводства: вопросы развития и реализации в судебной практике	58
Горынина О. С., Кулакова А. А. Опыт применения укладок для оказания первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования	61
Давитадзе М. Д. Поддержание международного мира и безопасности как основная цель ООН и проблемы ее реализации	66
Джанболатов А. И. Франция как пример президентской республики	69
Дроздов Д. Е. Концептуальные положения развития предмета криминологии	72
Есина А. С. Деятельность следователя по обеспечению права подозреваемого на телефонный разговор при задержании	76
Железняк Н. С., Леонтьева Ю. В. Юридическая наука и заимствования – любовь или брак по расчету?	80
Жестков К. В. О малозначительности мелкого взяточничества	86
Забавка В. И. Основные направления взаимодействия государств в противодействии международной преступности: правовой аспект	89

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27627 от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-62944 от 31 августа 2015 г.

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГКОУ ВО
«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 168

Подписано в печать
 30.12.2022 г.
 Цена свободная

Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р., Филатова И. В. Взаимодействие следователя и прокурора в целях предупреждения нарушений, влекущих возвращение уголовного дела на дополнительное следствие.....	96
Иванов П. И. О соотношении понятий криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений.....	104
Иванова С. А. Деятельность садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ: направления и границы совершенствования правового регулирования	111
Ивасюк О. Н. Современные проблемы противодействия киберпреступности	117
Кальгина А. А. Об особенностях статуса города Москвы как субъекта Российской Федерации	121
Канаева Ю. А. Специфика обеспечения права на жилище сотрудников полиции в XVIII – начале XX вв.	124
Карев А. Г. Скрытые неправомерные экономические потери, обуславливающие экономические преступления, методы их выявления и предупреждения.....	129
Комаров В. В., Попова С. Н., Ворожейкин В. А., Давидов Д. С. Исследование технологий распознавания лиц для идентификации участников несанкционированных публичных мероприятий	136
Кононов А. М. Проект нового федерального закона о местном самоуправлении: трансформация демократии в бюрократию	142
Кривошеев С. В., Кириллов С. И. Особенности структуры личности преступника, совершающего насильственные деяния в следственном изоляторе	146
Кудряшова С. Д., Зубач А. В., Томилина Е. Е. Роль прокурора в формулировании вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, в различные периоды истории уголовного судопроизводства.....	151
Лампадова С. С. Институциональные предпосылки создания условий для адаптации иностранных граждан в Российской Федерации.....	156
Лановая Г. М. Причины девальвации международного публичного права.....	162
Логунов О. В., Кутуев Э. К. Искусственное соблюдение сроков в ходе предварительного следствия: понятие и способы его пресечения	167
Маилян С. С., Миронов А. Л. О предназначении прокуратуры в системе правоохранительных органов Российской Федерации.....	175
Матиенко Т. Л. Организация сыска в России в XVI – первой половине XVII вв.: дуализм общественных и государственных начал (к дискуссии об участии населения в охране общественного порядка).....	178
Мейер Р. С. Развитие Системы быстрых платежей в рамках хозяйственной деятельности Банка России.....	183
Митин А. В. Гибридные войны как вызов современности	187
Молчанова Т. В., Таранина Е. И. Эмпирическое измерение преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	193
Мурадян С. В., Кузьмин Н. А. Оценка вероятных криминальных рисков и угроз, связанных с майнингом криптовалюты	198
Пихов А. Х.-А. Факторы транснационализации преступности	205
Прудников А. С., Иванченко Ю. А., Шориков Д. А. Правовая и практическая роль НКВД СССР в становлении и развёртывании партизанского движения.....	209
Раасов Р. Р. Права и свободы личности в аспекте институциональных связей с общечеловеческими ценностями	213
Румянцев Н. В., Журавлев В. В. К вопросу о совершенствовании организационно-правовых основ применения полицией физической силы.....	217
Соколова А. Ю. Реализация полномочий территориальных подразделений МВД Российской Федерации в сфере миграции и пути их совершенствования	223
Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере профилактики и производства по делам об административных правонарушениях за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних.....	227

Стандзюнь Л. В. Административная ответственность за нарушение правил лицензирования в Социалистической Республике Вьетнам: общая характеристика и возможность рецепции в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.....	232
Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в России.....	237
Федорова И. В., Сухинина Я. В. О некоторых вопросах реализации государственной политики в сфере мониторинга и защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет	241
Хайлова М. П., Шестаков В. А. Предупреждение преступности в Республике Сингапур.....	244
Хвостова А. В. Ограничение как понятие общей теории права.....	249
Червонюк В. И. Процедура «нулевого чтения» как конституционная форма согласования интересов в публично-правовом дискурсе.....	253
Шаров А. В., Архипова И. А. Совершенствование применения следователем специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий.....	259
Эриашвили Н. Д., Федулов В. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта как ключевого элемента цифровой экономики Российской Федерации.....	264

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Аблеев С. Р. Украинский проект как геополитическая и экономическая ошибка Запада.....	271
Абрамов В. И. Сегментирование участников закупочной деятельности по критериям законопослушности (легитимности) их операций	277
Дианов Д. В. Динамическое моделирование факторов и показателей материального ущерба по экономическим преступлениям	279
Кантемирова М. А., Каллагова М. К., Касаев Д. Э. Проблемы безработицы и занятости населения на примере РСО-Алания.....	288
Купрещенко Н. П. Безработица как внутренняя угроза экономического развития и повышения качества жизни граждан России.....	292
Литвиненко А. Н. Методологические аспекты стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности страны	299
Староверова О. В. Некоторые вопросы административного регламента рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков на решения налоговых органов.....	306
Тиникашвили Т. Ш. Бюджетная политика муниципального образования	311
Фирсов Д. В. Концептуальная оценка опорных промышленных платформ	317

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования Методология и технология профессионального образования

Бычков В. М., Капитонов В. Ю. Гимнастика, ЛФК и комплекс лечебных упражнений при сколиозе у детей.....	319
Мякенький Г. С., Ленёва Ю. Б., Грушина А. Ю. Структурно-функциональная модель практико-ориентированной подготовки курсантов образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации в условиях обучения рукопашному бою в ограниченном пространстве.....	322
Сахарова Т. Н., Фонина В. В., Батаева М. Д., Журавлева И. А. Особенности развития мотивации к обучению в юношеском возрасте	328
Семенова С. А., Гомбожапова Х.-Ц. Д., Сысоев А. А., Гынинов Б. Б. Адаптационный подход как метод улучшения физической подготовленности детей 10–12 лет на уроках физической культуры	332
Ульянова И. В. Подготовка курсантов образовательных организаций МВД России к публичным выступлениям	339

Журнал был учрежден в 2007 году с названием «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27627 от 16 марта 2007 г.) и вот уже более восьми лет является одним из авторитетных и узнаваемых в научном сообществе изданий в области экономики, юриспруденции, педагогики и психологии.

На основании Заключения Президиума ВАК Минобрнауки России «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» был неоднократно включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

В соответствии с Приказом МВД России № 716 от 24 июня 2011 г. Академия экономической безопасности МВД России с 1 сентября 2011 г. была реорганизована путем присоединения к Московскому университету МВД России имени В.Я. Кикотя. В результате реорганизации все права на журнал «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» перешли к Московскому университету МВД России имени В.Я. Кикотя в порядке правопреемства.

В 2015 году журнал «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» был перерегистрирован с новым названием – «Вестник экономической безопасности».

В настоящее время редакция обновленного журнала продолжает лучшие традиции этого периодического печатного издания.

Подписной индекс Агенства «Урал-Пресс Округ» **81108**, или на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of a Science and Technics,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
**Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot**

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2
Tel. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 6 • 2022

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences
Public Law (State Law) Sciences
Private Law (Civil) Sciences
Criminal Law Sciences
International Law Sciences

Abdullozoda S. A. On some issues in legal characteristics of administrative responsibility under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan	11
Abramov A. V. Ideas and values in the professional legal consciousness of a modern policeman	14
Alferenok E. A., Dmitrenko A. P. Conviction for a crime committed with the use of violence as a qualifying sign of beatings (part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	20
Alkhanov N. M., Akhtaeva E. A., Akhyadov E. S.-M. Historical and legal aspects of scientific views on legal technique	24
Apukhtin M. P. Private legal aspects of the impact of the pandemic on the development of public relations in the field of digital transformation.....	27
Babich A. A. Prevention of crimes related to migration processes in the Republic of Kazakhstan	30
Badamshin S. K., Idelbaeva G. I. Use of mass media, electronic or information and telecommunication networks as a sign of the objective side of terrorist and extremist crimes	33
Baranov A. A., Solomatina E. A. On the issue of prevention by the internal affairs bodies of crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors	38
Behzodi F. A. Administrative responsibility in the field of illegal migration in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation.....	44
Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. The modern world order as the basis of the legal effectiveness of the system of international legal relations	48
Gabdrakhmanov A. Sh., Kazantsev S. Ya. Use of special knowledge in the investigation of hooliganism.....	53
Gadzhialieva N. Sh. Competitiveness of civil litigation: issues of development and implementation in judicial practice.....	58
Gorynina O. S., Kulakova A. A. Experience in the use of first aid kit for victims of road traffic accidents by employees of the State Inspectorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems and ways to improve	61
Davitadze M. D. Maintaining international peace and security as the main goal of the UN and the problems of its implementation.....	66
Dzhanbolatov A. I. France as an example of a presidential republic	69
Drozdov D. E. Conceptual provisions of the development of the subject of criminology	72
Esina A. S. Activities of the investigator to ensure the suspect's right to a telephone conversation during detention	76
Zheleznyak N. S., Leontyeva Yu. V. Legal science and borrowing – love or a mercenary marriage?.....	80
Zhestkov K. V. On the insignificance of petty bribery	86
Zabavka V. I. The main directions of interaction of states in combating international crime: legal aspect	89

Ivanov D. A., Mullagaleeva L. R., Filatova I. V. Interaction between the investigator and the prosecutor in order to prevent violations leading to the return of the criminal case for further investigation.....	96
Ivanov P. I. On the relationship of the concepts of criminalist and operational search support of the investigation of crimes.....	104
Ivanova S. A. Activities of horticultural and horticultural non-profit partnerships: directions and boundaries of improving legal regulation.....	111
Ivasyuk O. N. Modern problems of countering cybercrime.....	117
Kalgina A. A. About the peculiarities of the status of the city of Moscow as a subject of the Russian Federation.....	121
Kanaeva Yu. A. Specifics of ensuring the right to housing of police officers in the XVIII – beginning of XX centuries.....	124
Karev A. G. Concealed wrongful economic losses, causing economic crimes, methods of their detection and prevention.....	129
Komarov V. V., Popova S. N., Vorozheikin V. A., Davydov D. S. Research of facial recognition technologies for identification of participants of unauthorized public events.....	136
Kononov A. M. Draft of a new federal law on local self-government: transformation of democracy into bureaucracy.....	142
Krivoshchev S. V., Kirillov S. I. Features of the personality structure of a criminal who commits violent acts in a pre-trial detention center.....	146
Kudryashova S. D., Zubach A. V., Tomilina E. E. The role of the prosecutor in the formulation of issues to be resolved by jurors in various periods of the history of criminal proceedings.....	151
Lampadova S. S. Institutional prerequisites for creating conditions for the adaptation of foreign citizens in the Russian Federation.....	156
Lanovaya G. M. Reasons for the devaluation of public international law.....	162
Logunov O. V., Kutuev E. K. Artificial compliance with deadlines during the preliminary investigation: the concept and methods of its suppression.....	167
Mailyan S. S., Mironov A. L. About the purpose of the Prosecutor's Office in the system of law enforcement agencies of the Russian Federation.....	175
Matiyenko T. L. Organization of investigation in Russia in the XVI – first half of the XVII centuries: dualism of public and state principles (to the discussion about the participation of the population in the protection of public order).....	178
Meyer R. S. Development of the Fast payment system in the framework of economic activities of the Bank of Russia.....	183
Mitin A. V. Hybrid wars as a challenge to modernity.....	187
Molchanova T. V., Taranina E. I. Empirical measurement of crimes committed using information and telecommunication technologies.....	193
Muradyan S. V., Kyzmin N. A. Assessment of likely criminal risks and threats associated with cryptocurrency mining.....	198
Pikhov A. Kh.-A. Factors of transnationalization of crime.....	205
Prudnikov A. S., Ivanchenko Yu. A., Shorikov D. A. Legal and practical role of the NKVD of the USSR in formation and deployment the partisan movement.....	209
Raasov R. R. Individual rights and freedoms in the aspect of institutional ties with universal values.....	213
Rumyantsev N. V., Zhuravlev V. V. On the issue of improving the organizational and legal basis for the use of physical force by the police.....	217
Sokolova A. Yu. Implementation of the powers of territorial divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of migration and ways to improve them.....	223
Sosnovskaya Ju. N., Markina E. V. Topical issues of law enforcement practice in the field of prevention and proceedings in cases of administrative offenses for failure to fulfill obligations for the upbringing and maintenance of minors.....	227

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release – 300)
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot 117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 168

Issued
30.12.2022
The price is not fixed

The journal was established in 2007 with the name «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (registration certificate PI № FS77-27627 dated March 16, 2007) and for more than eight years is one of the most reputable and recognizable in the scientific community edition in the field of economics, law, pedagogy and psychology.

Based on the opinion of the Presidium of the HAC Ministry of education and science of Russia «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» has been repeatedly included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences.

According to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 716 of June 24, 2011 since September 1, 2011 the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia has been reorganized by joining to the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. As a result of reorganization all rights to the journal «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» were transferred to the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot in succession.

In 2015 the journal «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» was re-registered with a new name – «Bulletin of economic security».

Currently, the editorial staff of the updated journal continues the best traditions of this printed edition.

Zip Code at the List of the Agency «Ural Press Okrug» **81108**, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

Standzon L. V. Administrative responsibility for violation of licensing rules in the Socialist Republic of Vietnam: general characteristics and possibility of admission to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.....	232
Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Problems of intellectual property protection in Russia	237
Fedorova I. V., Sukhinina Ya. V. About some issues of the implementation of the state policy in the sphere of monitoring and protection of minors from information harmful to their health and development in the information and telecommunication network Internet	241
Khaylova M. P., Shestak V. A. Crime prevention in the Republic of Singapore.....	244
Khvostova A. V. Restriction as a concept of the general theory of law	249
Chervonyuk V. I. The procedure of «zero reading» as a constitutional form of coordination of interests in public legal discourse	253
Sharov A. V., Arkhipova I. A. Improvement of the investigator’s application of special knowledge in the field of information and telecommunication technologies	259
Eriashvili N. D., Fedulov V. I. Legal regulation of artificial intelligence as a key element of the digital economy of the Russian Federation	264

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

Ableev S. R. Ukrainian project as a geopolitical and economic mistake of the West.....	271
Abramov V. I. Segmentation of participants in procurement activities according to the criteria of law-abiding (legitimacy) of their operations	277
Dianov D. V. Dynamic modeling of factors and indicators of material damage in economic crimes	279
Kantemirova M. A., Kallagova M. K., Kasaev D. E. Problems of unemployment and employment of the population on the example of RSO-Alania.....	288
Kupreschenko N. P. Unemployment as an internal threat to economic development and improving the quality of life of Russian citizens.....	292
Litvinenko A. N. Methodological aspects of strategic planning in the field of ensuring the economic security of the country.....	299
Staroverova O. V. Some issues of the administrative regulations for the consideration of complaints (appeals) of taxpayers against decisions of tax authorities.....	306
Tinikashvili T. Sh. Budget policy of the municipality	311
Firsov D. V. Conceptual evaluation of bearing industrial platforms.....	317

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education

Methodology and technology of vocational education

Bychkov V. M., Kapitonov V. Yu. Gymnastics, exercise therapy and a complex of therapeutic exercises for scoliosis in children.....	319
Myakenky G. S., Leneva Yu. B., Grushina A. Yu. Structural and functional model of practice-oriented training of cadets of educational organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation in the conditions of hand-to-hand combat training in a limited space.....	322
Sakharova T. N., Fonina V. V., Bataeva M. D., Zhuravleva I. A. Features of the development of motivation to study in adolescence	328
Semenova S. A., Gombozhapova H.-Ts. D., Sysoev A. A., Gyninov B. B. Adaptive approach as a method of improving the physical fitness of children 10–12 years old in physical education lessons	332
Ulyanova I. V. Preparation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for public speaking	339

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-11-13>

НИОН: 2015-0066-6/22-520

MOSURED: 77/27-011-2022-06-719

О некоторых проблемах в правовой характеристике административной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан

Саъдулло Абдулло Абдуллозода

Академия управления МВД России, Москва, Россия, maschoh_ibidov@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ нормативно-правовых актов Республики Таджикистан и Российской Федерации в области административной ответственности, рассматриваются различные подходы к понятию административной ответственности, анализируются мнения авторов, ученых-правоведов о данном определении.

Ключевые слова: административная ответственность, административно-правовые нормы, кодекс, Республика Таджикистан, Российская Федерация

Для цитирования: Абдуллозода С. А. О некоторых проблемах в правовой характеристике административной ответственности по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 11–13. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-11-13>.

Original article

On some issues in legal characteristics of administrative responsibility under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

Saidullo A. Abdullozoda

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, maschoh_ibidov@mail.ru

Abstract. The analysis of regulatory legal acts of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the field of administrative responsibility is made, the various approaches to the concept of administrative responsibility are considered, the opinions of the authors, legal scholars to this definition are analyzed.

Keywords: administrative responsibility, administrative and legal norms, Code, Republic of Tajikistan, Russian Federation

For citation: Abdullozoda S. A. On some issues in legal characteristics of administrative responsibility under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Bulletin of economic security. 2022;(6):11–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-11-13>.

Правовая характеристика административной ответственности по законодательству России и Таджикистана имеет много общего. Административная ответственность представляет собой государственное принуждение, поскольку реализация властных полномочий осуществляется через органы государственной власти.

Административная ответственность – это вид юридической ответственности, который выражается в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему правонарушение [1].

Рассматривая термин «административная ответственность», можно констатировать, что несмотря на нормативную и обыденную восприимчивость, а также на многогранность и многоаспектность его сущностного выражения в трудах российских ученых-юристов, этот

юридический термин до сих пор не имеет не то, чтобы своего легального воплощения, но даже единого подхода к его определению среди ученых-административистов.

Однако необходимо отметить, что административная ответственность выступает в качестве одного из способов правовой защиты общественных отношений, в частности, Д. Н. Бахрах считает, что как часть административного принуждения она обладает всеми его качествами, а именно: нормативно регулируется, состоит в применении правовых санкций, является последствием виновного общественно вредного деяния, сопровождается государственным и общественным осуждением правонарушителя и совершенного им деяния, связана с принуждением, с отрицательными последствиями для правонарушителя, реализуется в соответствующих процессуальных формах [2, с. 700].

© Абдуллозода С. А., 2022

Особого внимания по этой проблеме заслуживает позиция И. В. Тимошенко, заключающаяся в том, что, несмотря на огромную роль научных определений в правоповедении и в практической жизни, только законодательно закрепленное определение того или иного понятия (емкое, краткое и в то же время всеобъемлющее) может придать ему высшую качественную ценность в аспекте его эффективного восприятия людьми и отражения в их правосознании [3, с. 146–150].

Основные признаки (характерные черты) административной ответственности можно свести к следующему:

1) основанием привлечения к административной ответственности является совершенное административное правонарушение;

2) к ней привлекаются не только физические лица (граждане, должностные лица, индивидуальные предприниматели и др.), а также юридические лица (предприятия, учреждения, организации);

3) она состоит в официальном осуждении и применении к виновным административных наказаний (взысканий);

4) она применяется должностными лицами исполнительных органов государственной власти, коллективными органами (комиссиями по делам несовершеннолетних, административными комиссиями и др.), а также судьями (судами);

5) порядок привлечения к административной ответственности урегулирован административно-процессуальными нормами.

В этой связи в качестве одного из терминологических недостатков понятийного аппарата российского законодательства об административной ответственности, требующим своего устранения, является отсутствие в КоАП РФ нормативно закрепленного определения термина «административная ответственность» в отличие от КоАП Республики Таджикистан. Это не только обедняет само его содержание, но и лишает стержневой направленности многие содержащиеся в нем нормы.

Статья 22 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях дает понятие административной ответственности.

1. Административная ответственность, являясь разновидностью юридической ответственности, означает применение судьей, уполномоченным государственным органом или уполномоченным должностным лицом административного взыскания к физическому лицу, частному предпринимателю, должностному или юридическому лицам, совершившему административное правонарушение, предусмотренное настоящим Кодексом [1].

2. Разные виды административного правонарушения влекут за собой применение различных административных взысканий.

3. Систематическим признается совершение физическим или юридическим лицом административного правонарушения два и более раз в течение одного года.

Статья 17 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях определяет понятие

«административное правонарушение» (п. 1). Им признается – противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, совершение которого в установленном настоящим Кодексом порядке влечет административную ответственность [1].

Административная ответственность является мерой государственно-правового воздействия на нарушителей установленных правил поведения в различных сферах общественной жизни.

Ответственность за административное правонарушение в России и Республике Таджикистан назначается судом, компетентными органами и должностными лицами по специальной административно-юрисдикционной процедуре, которая выражается в реальном претерпевании правонарушителем ограничений (лишений) его личных, имущественных и иных прав и свобод.

Необходимо отметить, что административная ответственность и административное правонарушение имеют схожие признаки:

а) наличие посягательства на любые приоритеты, а также на ценности государства или общества;

б) здесь есть отношения, ущемляющие чьи-либо интересы и права;

в) правонарушение отрицательно сказывается на жизни государства и общества, нарушает сложившийся общественный порядок;

г) административное правонарушение является незаконным.

Правовая характеристика понятия «административное правонарушение» невозможна без анализа его четырех признаков:

а) общественной опасности (по другим источникам: антиобщественность, вредность);

б) противоправности деяния (действие или бездействие);

в) виновности;

г) наказуемости.

Давая правовую характеристику административным правонарушениям по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан, мы можем утверждать о наличии в правонарушении такого признака как общественная опасность, хотя кодексы об административных правонарушениях указанных стран его не содержат. Но, мы считаем, возможным говорить об общественной опасности административных правонарушений (хотя степень этой опасности в большинстве случаев меньше, чем у преступлений).

Примерами здесь могут быть административные правонарушения: на транспорте и в области дорожного движения; нарушения, посягающие на здоровье и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения; в области охраны окружающей природной среды; в промышленности, строительстве и энергетике, и другие.

В законодательном определении понятия административного правонарушения (например, ст. 2.1 КоАП РФ) подчеркиваются черты, или признаки, которые и характеризуют любое деяние именно, как админи-

стративное правонарушение: противоправность деяния, виновность и наказуемость. Вместе с тем общеизвестно, что правонарушение характеризуется посягательством на определенные объекты общественных отношений и является «антиобщественным деянием, которое повлекло или могло повлечь наступление вредных последствий» [4].

Современные формулировки понятий административного правонарушения и уголовного преступления, приводимые ст. 2.1 КоАП РФ и ст. 14 Уголовного кодекса РФ [5], дают новый повод для продолжения дискуссии по поводу того, являются ли административные правонарушения общественно опасными или общественно вредными. Законодатель в качестве основного признака уголовного преступления ввел критерий его общественной опасности (ст. 14 УК РФ) и разделил все преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности на четыре категории:

- а) преступления небольшой тяжести;
- б) преступления средней тяжести;
- в) тяжкие преступления;
- г) особо тяжкие преступления (ст. 15 УК РФ).

В связи с этим, представляется, что сам критерий «общественная опасность» может быть отнесен только к преступным деяниям. В статье 2.1 КоАП РФ при определении понятия «административное правонарушение» [4] не указывается на общественную опасность действий (бездействия), признаваемых административным правонарушением. Видимо, законодатель имел в виду указанные обстоятельства.

Во-первых, давая определение административного правонарушения, КоАП РФ не называет его общественно опасным, указывая только признаки противоправности, виновности и административно-правовой наказуемости.

Во-вторых, Уголовный кодекс РФ в ч. 2 ст. 14 говорит о том, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее под признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [5].

Это прямо свидетельствует о позиции законодателя, считающего общественно опасными только преступления. КоАП РФ в понятии административного правонарушения умалчивает о признаке общественной опасности. Отсутствие этого признака в административном правонарушении, однако, не противоречит его понима-

нию как «меньшей» степени общественной опасности по сравнению с уголовно-правовыми деяниями.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в административном законодательстве России и Республики Таджикистан есть много общего, но есть и некоторые различия. Как видим, из анализа правовых норм КоАП РФ, в отличие от Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях, отсутствует понятие «административная ответственность», в котором законодательно могли бы быть закреплены все его признаки. По-нашему мнению, следует использовать способ имплементации и включить это понятие в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Список источников

1. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 года № 455) (с изм. и доп. по состоянию на 25.06.2021).
2. Бахрах Д. Н. Административное право России. М. : Эксмо, 2010.
3. Тимошенко И. В. Административная ответственность : учебное пособие. М., 2004.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021).

References

1. Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses (adopted by the Law of the Republic of Tajikistan № 455 of December 31, 2008) (with amendments and additions as of 25.06.2021).
2. Bakhrakh D. N. Administrative Law of Russia. M. : Eksmo, 2010.
3. Timoshenko I. V. Administrative responsibility : textbook. M., 2004.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (ed. of 01.07.2021, with amendments from 09.11.2021) (with amendments and additions, intr. effective from 01.10.2021).
5. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on 01.07.2021) (with amendments and additions, intr. effective from 22.08.2021).

Информация об авторе

С. А. Абдуллозода – адъюнкт 2-го курса факультета № 3 Академии управления МВД России.

Information about the author

S. A. Abdullozoda – Adjunct 2nd year of Faculty number 3 of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 340.114.5

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-14-19>

ИПОН: 2015-0066-6/22-521

MOSURED: 77/27-011-2022-06-720

Идеи и ценности в профессиональном правосознании современного полицейского

Антон Витальевич Абрамов

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия,

antonabramovnd57@gmail.com

Аннотация. Рассматривается формирование, а также последующая реализация ценностей и идей, входящих в структуру правосознания современного полицейского. Отмечается, что к числу таких ценностей и идей стоит отнести идеи верховенства права и торжества закона, достижение справедливости и демократических устоев общества, ценность жизни и здоровья человека. Установлено, что формируются данные элементы правосознания на двух уровнях, а особое значение имеет не специальный, а общий компонент. Автором не оспаривается связь ценностей и идей правосознания полицейского, а также рассматриваются ее последствия, которые могут быть как положительными, так и отрицательными.

Ключевые слова: правосознание, полицейский, ценности, идеи, деформация

Для цитирования: Абрамов А. В. Идеи и ценности в профессиональном правосознании современного полицейского // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 14–19. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-14-19>.

Original article

Ideas and values in the professional legal consciousness of a modern policeman

Anton V. Abramov

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia,

antonabramovnd57@gmail.com

Abstract. The formation, as well as the subsequent implementation of values and ideas included in the structure of the legal consciousness of a modern policeman is considered. It is noted that such values and ideas include the ideas of the rule of law and the triumph of the law, the achievement of justice and democratic foundations of society, the value of human life and health. It is established that these elements of legal consciousness are formed at two levels, and not a special, but a general component is of particular importance. The author does not dispute the connection of values and ideas of the police officer's sense of justice, and also considers its consequences, which can be both positive and negative.

Keywords: legal awareness, policeman, values, ideas, deformation

For citation: Abramov A. V. Ideas and values in the professional legal consciousness of a modern policeman. Bulletin of economic security. 2022;(6):14–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-14-19>.

Представляется вполне естественным, что на современном этапе развития, современные полицейские, выступая в качестве сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД), осуществляют достаточно значимую и нужную деятельность, суть которой состоит в охране общественного порядка и общественной безопасности, защите прав, свобод и интересов общества и государства. Одновременно с этим, эффективность данной деятельности напрямую коррелирует с правосознанием субъектов, которые в условиях объективной действительности ее осуществляют. Это

означает, что правосознание, равно как ценности и идеи, которые являются элементами содержания правосознания, приобретают особое значение для деятельности современного полицейского.

Под правосознанием понимают форму общественного сознания, которая включает в себя широкую совокупность понятий, а также идей, чувств и взглядов, во многом основанных на знании права, равно как иных явлений правового характера, которые отражают оценку явлений подобного рода и нередко содержат некоторые иные правовые требования. Отсюда можно заключить,

© Абрамов А. В., 2022

что правосознание вполне целесообразно рассматривать с точки зрения отражения именно духовной стороны общества, а повышение уровня правосознания является сегодня объективной необходимостью абсолютно для каждого члена нашего общества, что в полной мере относится и к сотрудникам органов внутренних дел. Более того, именно для них данная задача приобретает максимальную актуальность, так как их текущая деятельность непосредственно связана с охраной правовых норм, которые действуют в государстве, и борьбой с преступностью, достигшей на современном этапе развития угрожающих масштабов.

Правосознание современного полицейского выступает в качестве вида общественного правосознания. Полагаем, что определять данный вид правосознания стоит в качестве правосознания, сформированного под влиянием служебной деятельности, отражающего особенности данной деятельности на практике. В указанном аспекте особый интерес представляет точка зрения такого автора, как В. М. Столовский, который отмечал, что «профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел необходимо рассматривать через призму специфической формы правосознания, для которой характерны определенные взгляды, идеи, ценности, ориентации, чувства и представления. Формируются данные аспекты в рамках осуществления ими профессиональной деятельности и впоследствии именно они оказывают на сотрудника ОВД некоторое влияние» [7, с. 55]. Полагаем, что не согласиться с данной точкой зрения весьма затруднительно, однако отсюда возникает закономерный вопрос о том, какие именно идеи и ценности выступают в качестве структурных элементов правосознания современного полицейского?

Полагаем, что в связи с тем, что генезис идей и ценностей в правосознании всех сотрудников ОВД обусловлен перманентным осуществлением ими профессиональной деятельности, учитывая специфику деятельности подобного рода целесообразно предположить, к числу основных идей и ценностей в правосознании полицейского стоит отнести широкую совокупность ценностных ориентаций в части обеспечения и необходимости верховенства права и торжества закона, достижения справедливости и в охране общественного порядка, а также общественной безопасности. Большая часть сотрудников ОВД, в том числе, на первоначальном этапе своей деятельности, являются приверженцами идей демократии и ценности ее устоев, понимают важность и значимость защиты прав и свобод человека, осознают ценность человеческой жизни и важности своей деятельности в части ее охраны и защиты. Представляется, что в некоторой степени им может быть свойственен правовой идеализм. Основное влияние на возникновение данных установок оказывает осуществление профессиональной деятельности. Одновременно с этим, рассмотрение генезиса идей и ценностей только в данных пределах не является верным, так как на него вполне

не могут оказывать влияние и многие иные факторы. В частности, будучи элементом общественного правосознания, профессиональное правосознание в данном случае также находится под влиянием условий объективной действительности, с которыми, так или иначе, сталкивается современный полицейский, выступая в качестве полноценного члена современного общества. Речь в данном случае закономерно идет о духовных, социальных, культурных, экономических и политических условиях жизни всего общества. Как справедливо отмечает О. А. Ветрова, «службу в ОВД проходят уже в том возрасте, в котором правосознание оценивается в качестве сформированного» [2, с. 197]. Как следствие, идеи и ценности в правосознании современного полицейского могут быть уже сформированы и впоследствии получить свое развитие в рамках служебной деятельности. Данный вывод видится вполне оправданным в связи с тем, что на службу в ОВД в принципе не поступают граждане, для которых характерен правовой нигилизм или иные деформации правосознания, при которых успешное прохождение службы по защите граждан и охране закона едва ли будет представлять для них интерес. Как правило, у таких лиц ценности и идеи диаметрально противоположны тем ценностям и идеям, которые свойственны для сотрудников ОВД и которые уже были описаны ранее.

В то же время стоит акцентировать внимание на том, что генезис ценностей и идей в правосознании современного полицейского все равно является длительным процессом и проистекает он постепенно, а его временные рамки в целом совпадают с временными рамками социализации личности, что также подтверждается в научной и юридической литературе [5, с. 712]. Однако в данном аспекте стоит принимать во внимание тот факт, что основные структурные элементы правосознания, которые сформировались у человека на определенном этапе его развития, так или иначе остаются в правосознании, что наиболее характерно для правового менталитета, ибо он связан не только с правосознанием, а с бессознательным, в котором уже заложены такие ценности и идеи, которые весьма характерны для социокультурной общности, в которой проживает тот или иной индивид. Анализ данных положений позволяет сформулировать вывод о том, что происхождение и дальнейшее формирование правового менталитета на прямую от службы в органах полиции не зависит, но под влиянием особенностей данной службы он может подвергаться определенным изменениям, что видится вполне логичным.

Приходим к выводу, что генезис идей и ценностей правосознания полицейских имеет достаточно сложную, если не сказать двойственную правовую природу, так как с одной стороны, данные ценности и идеи уже являются сформированными на момент начала службы в ОВД, однако с другой стороны, под влиянием данной службы они несколько меняются, а данные изменения будут иметь тот вектор развития, который формирует-

ся на службе, в том числе, в коллективе полицейского, так как ценностные установки и идеи вполне могут переходить от одного сотрудника к другому. В данном аспекте трудно выразить согласие с тем, что как такового профессионального правосознания не существует, а влияние службы в ОВД на правосознание сотрудников минимально. В частности, этой точки зрения придерживался Д. В. Гуренко, который отмечал, что «достаточно сложно говорить о том, что профессиональное правосознание является самостоятельной или автономной формой правового сознания, которая формируется в особых условиях» [4, с. 19]. Данная точка зрения является достаточно спорной, так как абсолютно все условия объективной действительности, в том числе, служба в ОВД, оказывает на правовое сознание индивида определенное влияние. Одновременно с этим, Д. В. Гуренко прав в том, что на правосознание сотрудников ОВД особое влияние оказывают особенности правовой системы того государства, в котором их профессиональная деятельность осуществляется. Действительно, данный фактор вполне можно отнести к числу тех факторов, которые, как и иные условия реальной действительности, оказывают влияние на ценности и идеи правосознания современного полицейского. Стоит отметить, что в данном случае значение также будет приобретать государственная идеология, равно как правовое воспитание, полученное будущим полицейским ранее.

Отсюда следует, что генезис ценностей и идей в правосознании современного полицейского включает в себя два компонента, один из которых можно представить как специальный компонент, а второй как общий. Так, общий компонент, как уже было установлено ранее, формируется в рамках социализации будущего полицейского и характерен данный процесс для каждого человека на территории государства. Влияние на данном этапе приобретают те идеи и ценности, которые характерны для общества в целом и для окружения человека в частности. В свою очередь, специальный компонент представлен ценностными ориентациями, идеями, которые формируются под влиянием профессиональной деятельности полицейского, в том числе, под влиянием ценностей и установок, которые были привиты ему в период прохождения обучения и подготовки. В связи с этим, вполне можно сформулировать вывод о том, что именно специальный компонент впоследствии будет отличать правосознание полицейского от обыденного (массового) сознания, так как обычные граждане не проходили обучения по профилю «юриспруденция» или «правоохранительная деятельность» и не сталкивались с теми факторами, с которыми сталкиваются сотрудники ОВД в рамках своей деятельности. Отметим, что данный вывод находит свое подтверждение в научной литературе, так как С. Ф. Шумилин указывал, что «в отличие от обыденного, профессиональное правосознание формируется более целенаправленно и находит свое развитие в иных условиях, представленных осуществлением профессиональной деятельности» [11, с. 24].

Одновременно с этим, необходимо акцентировать внимание на том, что генезис ценностей и идей в правосознании современного полицейского может быть поделен на определенные этапы. В частности, на первом этапе происходит формирование ряда предпосылок для формирования той или иной идеи и ценностной установки, затем будущий полицейский проходит специальную подготовку, направленную на получение необходимого спектра знаний, отсутствие которых не позволит ему осуществлять в дальнейшем свою профессиональную деятельность. Представляется, что каждый из данных этапов обладает определенной значимостью, так как каждый из них так или иначе оказывает влияние на формирование и на развитие идей и ценностей, входящих в структуру профессионального правосознания. Речь в данном случае также идет о специальном компоненте, однако говорить о том, что именно этот компонент является преобладающим, едва ли представляется возможным. Стоит отметить, что такой же точки зрения придерживается А. И. Овчинников, который указывал, что «несмотря на значимость специального компонента, общий компонент формируется раньше специального, в связи с чем, может оказывать даже большее влияние на идеи и ценности правосознания сотрудника ОВД» [1, с. 5]. Действительно, именно общий компонент выступает в качестве базиса правосознания сотрудника ОВД в связи с чем, влияние данной компоненты никоим образом нельзя недооценивать. Однако их разделение и четкое разграничение друг с другом также стоит признать ошибочным, так как в большинстве случаев они оказывают влияние на поступки полицейского в практической деятельности одновременно и в его сознании они представляют скорее единую картину, чем дифференцированный набор ценностей или идей.

Что касается становления и развития ценностей и идей в правосознании современного полицейского то в данном аспекте необходимо отметить, что данные ценности и идеи взаимно влияют друг на друга, что представляется естественным, так как они являются скорее динамичной, чем статичной категорией. Одновременно с этим, взаимовлияние и динамика категорий подобного рода нередко образует деформации правосознания, что нередко отмечалось в юридической литературе [8, с. 642]. Так каков же механизм взаимодействия этих двух категорий, и действительно ли их взаимодействие друг с другом может привести к профессиональным деформациям?

Представляется, что типичное взаимное влияние ценностей и идей правосознания полицейского происходит таким образом, при котором идеи предопределяют ценности и наоборот, а в совокупности идеи и ценности будут оказывать влияние на поступки, осуществляемые сотрудником ОВД в практической деятельности. В то же время, на практике современный полицейский сталкивается в широкой совокупности явлений и процессов, которые могут несколько менять его ценности и идеи, су-

ществовавшие в его правосознании ранее. Как отмечает Р. И. Канунников, «к числу таких процессов и явлений стоит отнести деструктивные нравственные, моральные установки коллектива, в котором полицейский осуществляет свою профессиональную деятельность» [6, с. 92]. С этим весьма затруднительно не согласиться, так как даже тот полицейский, который имеет достаточно высокий уровень правосознания, включающий в себя ценности и идеи, отвечающие основным морально-нравственным принципам, может быть подвергнут трансформации правосознания, в том числе, под влиянием коллег, которые не имеют идентичных ценностей и идей. Так, в каждом коллективе формируются свои ценности и идеи, которые с течением времени начинают выступать в качестве эталона для всех членов замкнутого коллектива. Более того, на базе ценностных ориентаций и идей такого рода впоследствии формируются целые традиции и обычаи, которым каждый член коллектива стремится следовать для оптимального группового взаимодействия. Однако ошибочно говорить о том, что изменения подобного рода могут иметь только негативную окраску, так как в том случае, если ценностные установки и идеи в данном коллективе отвечают морально-этическим нормам и требованиям, то едва ли можно говорить о том, что правосознание полицейского в данном случае выйдет на новый, но крайне негативный уровень. Таким образом, при наличии в коллективе положительных ценностных установок, идей, мотивов, их взаимодействие в правосознании сотрудника ОВД будет происходить в положительном ключе. Вполне естественно, что в данном аспекте особое значение будет приобретать индивидуальное правосознание, так как в том случае, если ценности и идеи, преобладающие у полицейского достаточно сильны и устойчивы, он будет менее подвергнут негативному влиянию коллектива. Также это позволит закалить его моральный дух в части противостояния тем соблазнам, которые встречаются не только в служебном коллективе, но и преступном мире. Очевидно, что в данном случае можно наблюдать синтез профессиональных качеств полицейского и особенностей его правосознания в лице его структурных элементов и взаимодействие между ними.

Одновременно с этим, на формирование и последующее взаимодействие идей и ценностей правосознания сотрудников ОВД может оказать влияние тот факт, что при выполнении ими служебной деятельности, современные полицейские подвергаются негативному влиянию окружающей среды, к числу которых можно отнести грубость, преступность, жестокость, криминальную среду и иные. Представляется естественным, что данные факторы также могут оказывать влияние на правосознание сотрудника ОВД и его ценностные установки, и идеи, выступая в качестве его структурных элементов, могут подвергаться изменениям. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что идеи и ценности, заложенные в основу правосознания современного полицейского, нуждаются в подкреплении, причем подкрепление тако-

го рода должно происходить на постоянной основе, так, как только в данном случае можно говорить о его эффективности. Свое выражение на практике – это может находить в системе мотивации сотрудников ОВД, в их награждении, а также в переобучении и повышении квалификации. Полагаем, что в данном случае оптимизации подлежит не только существование самих ценностей и идей в целом, но и их взаимодействие, которое носит взаимно дополняющий характер. Указанный аспект приобретает особую значимость в связи с тем, что деформация правосознания сотрудников ОВД априори начинается с изменения ценностных ориентаций, что можно рассматривать в качестве подтверждения значимости идей и ценностей как элементов правосознания сотрудников ОВД. Например, при смещении ценностной ориентации полицейского с соблюдения законности и правопорядка к достижению максимального материального благополучия, его правосознание будет существенно изменяться, а деятельность будет направлена на поиск путей для личного обогащения, что впоследствии вполне закономерно породит коррупцию, а также иные преступления и правонарушения.

В целом, взаимное влияние структурных элементов правосознания, коими также являются идеи и ценностные установки, является подтверждением того, что институт правосознания имеет достаточно сложную правовую природу. Так, как отмечал А. Н. Фролов, «структура правосознания представлена не только компонентами или их взаимосвязями, а внутренней организацией целостной системы, а компоненты данной системы расположены в диалектическом взаимодействии друг с другом» [9, с. 129]. В связи с этим, взаимное влияние ценностей и идей в правосознании современного полицейского видится вполне логичным и обоснованным, так как наличие взаимодействия данного рода не оспаривается в научной и юридической литературе.

Известно, что у любой формы правосознания выделяют внутренние и внешние формы выражения. Уделяя особое внимание внутренней форме выражения, отметим, что внутренняя структура правосознания включает в себя правовую идеологию, равно как правовую психологию. Именно правовая идеология включает в себя в указанном случае идеи, установки и ценности, отражающие отношение индивида к праву. В свою очередь, правовая психология это переживания, чувства и эмоции, тесно связанные с отношением человека к праву. Как следствие, реакции между ценностями и идеями в этом аспекте во многом предопределяется тем, что они одновременно входят в одну форму выражения правосознания, представленную правовой идеологией, а значит, близки друг к другу как с внешней, так и внутренней точек зрения. Полагаем, что указанное явление приобретает особое значение для теории и практики. Более того, при его изучении можно сделать вывод о понимании категории правосознания в целом, а также элементов, которые в него входят, в частности. Отсюда можно сделать

вывод о том, что ценности и идеи оказывают глубокое воздействие на правосознание современного сотрудника ОВД по модели диалектического взаимовлияния и впоследствии это закладывается в основу нормативного поведения и влияет на формирование деонтических правовых модальностей.

В то же время, в данном случае не стоит умалять значения такого структурного элемента правосознания, как правовая установка, требующая внимания одновременно с правовой идеологией и психологией. Так, правовая установка в полной мере позволяет систематизировать все ценности, идеи, знания и убеждения, которые сформированы у полицейского и проявить их в практической деятельности. Очевидно, что ценности и идеи в данном случае также находят свое проявление, а выражение правовая установка в целом находит в том, что полицейский совершает правомерные поступки, но данное правило действует лишь в том случае, если ценности и идеи в правовой установке не лишены законного содержания и идентичны тем идеям и ценностям, которые указаны в настоящем исследовании ранее. Полагаем, что значимостью правовая установка будет обладать также в связи с тем, что в отличие от какой-либо мотивации, она выступает в качестве отражения отношения современного полицейского к правовой реальности и может свидетельствовать о том, что правосознание сотрудника ОВД действительно высокое.

Таким образом, ценности и идеи оказывают воздействие друг на друга, а их синтез впоследствии оказывает влияние на все правосознание в целом. Правосознание затем оказывает влияние на нормативное поведение сотрудника ОВД, эффективность его служебной деятельности, формирование правовой идеологии, отвечающей морали и нравственности, соблюдение служебной этики и развитие правовой культуры. Более того, отсутствие каких-либо правовых деформаций и смещений ценностей и идей в сторону нарушения законности для достижения различных целей имеет достаточно высокое превентивное значение, так как правильные ценностные установки являются основным средством для профилактики преступности среди сотрудников всех силовых структур.

В связи с этим, значимость ценностно-идейных ориентаций и их взаимодействия друг с другом для современного полицейского весьма затруднительно переоценить, однако механизм данного влияния отвечает основным принципам формальной логики. Как справедливо отмечено в литературе, «высокий уровень правосознания сотрудников полиции определен общественно значимыми ориентациями и ценностями» [10, с. 90]. С этой точкой зрения весьма затруднительно не согласиться в связи с тем, что ранее данный вывод был сформулирован в рамках представленного исследования. Более того, в настоящем исследовании ранее была определена диалектическая и взаимная связь ценностей и идей, входящих в структуру правосознания и влияние

их синтеза на эффективность деятельности современного полицейского.

Стоит отметить, что было бы ошибочно утверждать, что все ценности и идеи, которые входят в правосознание современного полицейского, функционируют в нем таким образом, что правосознание сотрудника ОВД характеризуется как идеальное. Действительно, говорить о некоей степени «идеальности» в данном случае возможно, однако в то же время стоит осознавать, что универсальных критериев для определения понятия «идеальное правосознание» не существует и каждое конструирование такой модели не будет лишено определенной степени субъективизма, так как то, что кажется идеальным одному участнику правоотношений, не будет казаться таковым другому. Более того, как было установлено ранее, правосознание любого полицейского, осуществляющего свою деятельность на современном этапе, может подвергаться при определенных условиях некоторым деформациям, а значит, априори оно не может быть идеальным, так как та или иная деформация, выраженная, в том числе, в виде изменения той или иной ценностной ориентации, может быть заметна не сразу, а лишь по истечении определенного периода времени. Как следствие, весьма ошибочным на данном этапе будет делать вывод о том, что правосознание сотрудника ОВД является идеальным, так как доподлинно это едва ли будет известно. Интерес в данном аспекте представляет точка зрения, высказанная Н. В. Вопленко, так как этот отмечал, что «общество едва ли будет расценивать правосознание сотрудника ОВД в качестве идеального, так как эффективная деятельность полицейского соответствует их социальным ожиданиям и не является отклонением от нормы» [3, с. 26]. Действительно, даже в случае, когда идеи и ценности в правосознании полицейского приобрели вид стройной морально-нравственной концепции, говорить о том, что их взаимодействие по такой модели является эталоном нельзя, так как социальные ожидания общества примерно и составляют именно такую картину.

Приходим к выводу, что под правосознанием современного полицейского стоит понимать разновидность правосознания, для которой характерны определенные взгляды, идеи, ценности, ориентации, чувства и представления, сформированные на фоне осуществления им профессиональной деятельности. В то же время, в рамках проведенного исследования был сформулирован вывод о том, что профессиональное правосознание современного полицейского формируется несколько ранее, совместно с формированием общественного правосознания в процессе социализации личности. Сделан вывод о том, что к числу основных идей и ценностей современного полицейского стоит отнести ценности законности, справедливости, общественного порядка, а также жизни и здоровья человека. Данные идеи и ценности оказывают влияние на всю деятельность современного полицейского, кроме того, они могут оказывать влияние и на поведение полицейского

в его свободное время. Установлено, что идеи и ценности достаточно тесно связаны между собой, а связь подобного рода формирует единую концепцию структурных элементов правосознания, предопределяющих многие аспекты служебной и иной деятельности современного полицейского. Негативно следует оценить различные правовые деформации, возникающие на фоне изменения правосознания ценностями и идеями, полученными полицейским извне, как правило, в рамках служебного коллектива или, например, в быту. Выявлено, что такое изменение может порождать различного рода коррупционные и иные преступления и правонарушения, что предопределяет значимость морально-нравственных ценностей и идей в структуре правосознания современного полицейского, что приобретает высокую актуальность в условиях значимости материальных благ и личного благополучия и распространения данных ценностей среди широкой общественности и молодежи.

Список источников

1. Баранов П. П., Овчинников А. И. Концептуальные приоритеты теории правосознания // Юристы-Правоведы. 2007. № 1. С. 1–7.
2. Ветрова О. А. Роль правосознания сотрудников органов внутренних дел в правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 196–200.
3. Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. 50 с.
4. Гуренко Д. В. Социокультурные особенности профессионального правосознания в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 25 с.
5. Ермолаева П. Е. Правосознание сотрудников правоохранительных органов и его деформация // Форум молодых ученых. 2017. № 6 (10). С. 710–714.
6. Канунников Р. И. К вопросу формирования правосознания у сотрудников органов внутренних дел // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 81–1. С. 90–93.
7. Столовский В. М. Профессиональное правосознание следователей органов внутренних дел. Волгоград, 1978. 78 с.
8. Федосеева О. И. Психологические аспекты формирования правового сознания в процессе инновационной подготовки сотрудников ОВД // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 640–643.
9. Фролов А. Н. Право и правосознание : диалектика взаимовлияния // Юридические исследования. 2017. № 5. С. 124–131.
10. Хакимов И. В. Правосознание в процессах реализации права. М. : Проспект, 2021. 128 с.
11. Шумилин С. Ф. Функции юридической науки в процессе формирования профессионального правосознания // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение. 2003. С. 24–25.

References

1. Baranov P. P., Ovchinnikov A. I. Conceptual priorities of the theory of legal consciousness // Jurist-Pravoved. 2007. № 1. P. 1–7.
2. Vetrova O. A. The role of legal awareness of employees of internal affairs bodies in law enforcement activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 12. P. 196–200.
3. Voplenko N. N. Legal awareness and legal culture. Volgograd, 2000. 50 p.
4. Gurenko D. V. Socio-cultural features of professional legal awareness in Russia : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2007. 25 p.
5. Ermolaeva P. E. Legal awareness of law enforcement officers and its deformation // Forum of Young Scientists. 2017. № 6 (10). P. 710–714.
6. Kanunnikov R. I. On the issue of the formation of legal awareness among employees of internal affairs bodies // Trends in the development of science and education. 2022. № 81–1. P. 90–93.
7. Stolovsky V. M. Professional legal awareness of investigators of internal affairs bodies. Volgograd, 1978. 78 p.
8. Fedoseeva O. I. Psychological aspects of the formation of legal consciousness in the process of innovative training of police officers // Legal technique. 2021. № 15. P. 640–643.
9. Frolov A. N. Law and legal consciousness: dialectics of mutual influence // Legal studies. 2017. № 5. P. 124–131.
10. Khakimov I. V. Legal awareness in the processes of realization of law. M. : Prospect, 2021. 128 p.
11. Shumilin S. F. Functions of legal science in the process of formation of professional legal consciousness // Humanities and legal worldview. 2003. P. 24–25.

Информация об авторе

А. В. Абрамов – Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Information about the author

A. V. Abramov – Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 08.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 08.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 343.3/7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-20-23>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-6/22-522

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-011-2022-06-721

Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак побоев (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ)

Елена Александровна Алференок¹, Андрей Петрович Дмитренко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ le555na1993@yandex.ru

² stvkup@yandex.ru

Аннотация. Важной задачей, стоящей перед законодателем при подготовке и издании законов, является соблюдение приемов и методов юридической техники, которые, к сожалению, не всегда применяются должным образом, порождая проблемы теоретического и практического характера. Так, в июне 2022 г. в УК РФ включен термин «судимость за преступление, совершенное с применением насилия» в связи с внесением изменений и дополнений в ст. 116.1. В ходе исследования сделан вывод, что правоприменители неизбежно столкнутся с трудностями при установлении признаков субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, поскольку насилие имеет несколько уголовно-правовых значений. В целях их преодоления авторами предложен и обоснован перечень преступлений, которые подпадают под категорию, совершенных с применением насилия.

Ключевые слова: физическое насилие, психическое насилие, угроза применения насилия, судимость, побои, ч. 2 ст. 116.1 УК РФ

Для цитирования: Алференок Е. А., Дмитренко А. П. Судимость за преступление, совершенное с применением насилия, как квалифицирующий признак побоев (ч. 2 ст. 116.1 УК РФ) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 20–23. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-20-23>.

Original article

Conviction for a crime committed with the use of violence as a qualifying sign of beatings (part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Elena A. Alferenok¹, Andrey P. Dmitrenko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ le555na1993@yandex.ru

² stvkup@yandex.ru

Abstract. An important task facing the legislator in the preparation and publication of laws is compliance with the techniques and methods of legal technology, which, unfortunately, are not always applied properly, giving rise to problems of a theoretical and practical nature. So, in June 2022, the term «criminal record for a crime committed with the use of violence» was included in the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the introduction of amendments and additions to Article 116.1. The study concluded that law enforcement officers will inevitably face difficulties in establishing the signs of the subject of the crime provided for in Part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, since violence has several criminal-legal meanings. In order to overcome them, the authors have proposed and justified a list of crimes that fall under the category committed with the use of violence.

Keywords: physical violence, mental violence, threat of violence, criminal record, beatings, part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Alferenok E. A., Dmitrenko A. P. Conviction for a crime committed with the use of violence as a qualifying sign of beatings (part 2 of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of economic security. 2022;(6):20–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-20-23>.

© Алференок Е. А., Дмитренко А. П., 2022

Федеральным законом № 203-ФЗ 28 июня 2022 г. [11] ст. 116.1 УК РФ дополнена ч. 2, предусматривающей ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия. Поводом к принятию данного нормативно-правового акта послужило Постановление Конституционного Суда Российской Федерации, признавшее ст. 116.1 УК РФ в ранее действовавшей редакции не соответствующей основному закону нашей страны, поскольку она не обеспечивала соразмерную уголовно-правовую защиту лицам от насилия, «когда побои нанесены или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершены лицом, имеющим судимость за предусмотренное в этой статье или аналогичное по объективным признакам преступление» [7]. В указанном Постановлении, а также в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [10] называются лица, имеющие судимость либо по этой статье или по другой, где побои выступают составообразующим признаком объективной стороны (ст. ст. 116, 116.1, 117 и 334 УК РФ) или ее составной частью (ст. ст. 131, 156, 161, 213 УК РФ и др.).

В тоже время термин, использованный законодателем при конструировании ч. 2 ст. 116.1 УК РФ – «лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия», предопределяет возникновение значительных трудностей при ее применении. Это обусловлено тем, что в настоящее время как на законодательном уровне, так и на уровне толкования высшей судебной инстанции Российской Федерации отсутствует определение преступления, совершенного с применением насилия. Также не определен их перечень.

В теории же уголовного права высказываются различные мнения относительно содержания понятия преступления, совершенного с применением насилия.

Так, одним из вопросов, подлежащих разрешению, является вид насилия, применяемого при совершении преступления, наличие судимости за которое будет составлять содержание квалифицирующего признака ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. В уголовно-правовой доктрине выделяют два основных вида – физическое и психическое насилие. При этом ряд авторов высказывают позицию, согласно которой использование термина «насилие» предполагает только физическое воздействие на человека [например, 2; 3, с. 523; 4, с. 25]. Также высказывается и иная точка зрения о том, что термином насилие должно охватываться как физическое, так и психическое воздействие на человека [например, 5, с. 12; 6, с. 92]. Авторы, оппонировавшие первому мнению, отмечают, что при психическом насилии телесная неприкосновен-

ность не нарушается, под негативным воздействием оказываются сознание и воля лица. При этом психическое насилие они отождествляют с «угрозой применения насилия».

Однако буквальное толкование норм уголовного закона позволяет констатировать, что законодатель проводит разграничение между насилием, понимая под ним только физическое воздействие на человека и угрозу его применения, которая термином насилие не охватывается. Соответственно если имела место только угроза применения насилия, то такое преступление не может признаваться совершенным с применением насилия.

Этот вывод находит свое подтверждение и в актах толкования высшей судебной инстанции, в которых не используется термин «психическое насилие». Верховный Суд Российской Федерации, как и уголовный закон, использует термины насилие и угроза применения насилия [например, 8; 9].

Анализ норм уголовного законодательства, позволяет выделить следующие виды физического насилия, критерием разграничения которых является опасность для жизни или здоровья человека: опасное для жизни; опасное для жизни или здоровья; не опасное для жизни или здоровья.

Насилием, опасным для жизни, является такое посягательство, при котором причиняется вред здоровью, создающий реальную угрозу для жизни лица (например, ранения жизненно важных органов), применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.) [8, п. 2].

Насилием, опасным для жизни или здоровья, признается такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности [9, п. 21].

Насилием, не опасным для жизни лица или здоровья лица, признаются побои или иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.) [9, п. 21].

Поскольку Верховный Суд РФ под насилием понимает, в том числе и ограничение свободы, то похищение человека, незаконное лишение свободы, а также преступления, сопряженные с этими деяниями, также относятся к категории совершенных с применением насилия.

Следует отметить, что судебная практика признает насилием и введение в организм человека опасного или не представляющего опасности для жизни и здоровья вещества с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние. При этом не имеет значения против или вопреки его воли оно было введено [9, п. 23].

Определяя перечень преступлений, которыепадают под категорию, совершенных с применением насилия также следует иметь в виду, что насилие имеет несколько уголовно-правовых значений:

1) является обязательным признаком основного состава преступления (например, ст. 295, ст. 317, ст. 334 УК РФ и др.);

2) является одним из альтернативных обязательных признаков основного состава преступления (например, ст. 131, ст. 162, ст. 213 УК РФ и др.);

3) является квалифицирующим признаком (например, п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ);

4) является одним из альтернативных квалифицирующих признаков (например, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и т.д.);

5) может применяться при совершении преступления, но не является ни обязательным ни квалифицирующим признаком, при этом не подлежит самостоятельной юридической оценке (например, ст. 205 УК РФ, ст. 281 УК РФ, ст. 279 УК РФ).

Соответственно однозначно признавать субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, можно только лиц, имеющих судимость за преступления, в которых насилие признается обязательным признаком основного состава преступления (ст.ст. 105, 111, 295 УК РФ и др.), а также по тем пунктам и частям статей Особенной части Уголовного кодекса РФ, где предусматривается ответственность за преступления, в которых применение насилия является единственным квалифицирующим признаком (например, п. «б» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ).

При наличии же судимости за преступления, в которых применение насилия является одним из альтернативных обязательных признаков основного или квалифицированного состава преступления, а также в тех, где оно может применяться при совершении преступления, но не является ни обязательным ни квалифицирующим признаком, для признания лица, имеющим судимость за совершение преступления с применением насилия, необходимо изучать материалы уголовного. В случае установления факта его применения лицо должно признаваться субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116.1 УК РФ.

Действующий уголовный закон предусматривает ответственность за ряд преступлений с неосторожной формой вины, объективную сторону которых составляют деяния, заключающиеся в физическом воздействии на человека (ст. 109 УК РФ, ст. 118 УК РФ, 216 УК РФ, ст. 264 УК РФ и др.). В связи с этим возникает вопрос о возможности признания лица, имеющего судимость за такие преступления, субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. Представляется, что на данный вопрос следует дать отрицательный ответ. Это обусловлено позицией законодателя, который использует термин насилие исключительно в уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за умыш-

ленные преступления. Эта позиция поддерживается и в теории уголовного права. Так, Р. А. Базаров указывает на возможность признания насилием только умышленного применения физической силы [1, с. 42–43].

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, может быть только лицо, имеющее судимость за умышленные преступления, в которых насилие признается обязательным признаком основного состава преступления либо единственным квалифицирующим признаком преступления. Во всех остальных случаях правоприменителю необходимо ознакомиться с материалами уголовного дела для установления наличия судимости именно за совершение преступления с применением насилия.

2. Термином насилие, как минимум для целей ч. 2 ст. 116 УК РФ, охватывается физическое воздействие на человека, т. е. физическое насилие. Соответственно лицо, имеющее судимость за преступление, совершенное с применением психического насилия, не является субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116 УК РФ.

Список источников

1. Базаров Р. А. Уголовно-правовая характеристика насилия // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан : Тр. Академии МВД России. М., 1995.

2. Безверхов А. Г. Понятие и виды насилия в уголовном праве России : вопросы правотворчества и правоприменения. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4732> (дата обращения: 22.07.2022).

3. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Т. 9. Вып. 4. С. 522–534.

4. Безручко Е. В. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов н/Д, 2001. 203 с.

5. Иванова Л. М. О видах насилия в уголовном праве // Глаголь правосудия. № 2 (4). 2012. С. 10–12.

6. Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. Нефизическое насилие в уголовном праве : понятие и признаки // Журнал Высшей школы экономики. № 3. 2017. С. 89–104.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 08 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=381845&date=19.07.2022#yO1rJCTSKfyG5zx2> (дата обращения: 22.07.2022).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: <http://www.consultant.ru>

ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 02.09.2022).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 02.09.2022).

10. Проект Федерального закона № 536-8 «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.07.2022).

11. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

References

1. Bazarov R. A. Criminal and legal characteristics of violence // Problems of ensuring the personal safety of citizens : Tr. Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 1995.

2. Bezverkhov A. G. The concept and types of violence in the criminal law of Russia : issues of law-making and law enforcement. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=4732> (accessed: 22.07.2022).

3. Bezverkhov A. G., Norvartyan Yu. S. Correlation of the categories «violence» and «threat» in the modern criminal law of Russia // Bulletin of St. Petersburg University. 2018. Vol. 9. Issue 4. P. 522–534.

4. Bezruchko E. V. Criminal liability for causing harm to human health : dis. ... cand. jurid. sciences : 12.00.08. Rostov-on-Don. 2001. 203 p.

5. Ivanova L. M. On types of violence in criminal law // Verb of justice. № 2 (4). 2012. P. 10–12.

6. Krukovsky V. E., Mosechkin I. N. Non-physical violence in criminal law: concepts and signs // Journal of the Higher School of Economics. № 3. 2017. P. 89–104.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P dated April 08, 2021 «On the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L. F. Sakova». URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=381845&date=19.07.2022#yO1rJCTSKfygG5zx2> (accessed: 22.07.2022).

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012 № 19 (ed. dated 05/31/2022) «On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (accessed: 02.09.2022).

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 № 29 (ed. of 29.06.2021) «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (accessed: 02.09.2022).

10. Draft Federal Law № 536-8 «On Amendments to Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 13.10.2021) // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 19.07.2022).

11. Federal Law of 28 June 2022 № 203-FZ «On Amendments to Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 20.07.2022).

Информация об авторах

Е. А. Алференок – старший преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. П. Дмитренко – профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук.

Information about the authors

E. A. Alferenok – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. P. Dmitrenko – Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-24-26>

ИПОН: 2015-0066-6/22-523

MOSURED: 77/27-011-2022-06-722

Историко-правовые аспекты научных взглядов о юридической технике

Насрудин Магомедович Альханов¹, Элиза Абуязитовна Ахтаева²,

Эльман Саид-Мохмадович Ахьядов³

^{1,3} Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия

^{2,3} Грозненский государственный нефтяной технический университет имени М. Д. Миллионщикова,
Грозный, Россия

¹ n.alkhanov@mail.ru

² eliza.mazhaeva@mail.ru

³ Akhyadov1990@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена историческим аспектам и научным взглядам становления и развития юридической техники в праве. Авторы рассматривают наиболее актуальные вопросы, связанные с историческим обоснованием зарождения института юридической техники. Также в статье приводится ряд ученых, ставших основоположниками учений о юридической технике.

Ключевые слова: юридическая техника, исторический аспект, научные взгляды, институт, становление

Для цитирования: Альханов Н. М., Ахтаева Э. А., Ахьядов Э. С.-М. Историко-правовые аспекты научных взглядов о юридической технике // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 24–26. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-24-26>.

Original article

Historical and legal aspects of scientific views on legal technique

Nasrudin M. Alkhanov¹, Eliza A. Akhtaeva², Elman S.-M. Akhyadov³

^{1,3} Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny, Russia

^{2,3} Grozny State Oil Technical University named after M. D. Millionshchikov, Grozny, Russia

¹ n.alkhanov@mail.ru

² eliza.mazhaeva@mail.ru

³ Akhyadov1990@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the historical aspects and scientific views of the formation and development of legal technique in law. The authors consider the most pressing issues related to the historical justification for the emergence of the institution of legal technique. The article also cites a number of scientists who became the founders of the doctrine of legal technique.

Keywords: legal technique, historical aspect, scientific views, institute, formation

For citation: Alkhanov N. M., Akhtaeva E. A., Akhyadov E. S.-M. Historical and legal aspects of scientific views on legal technique. Bulletin of economic security. 2022;(6):24–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-24-26>.

Проблемы становления и развития юридической техники в праве практически не исследованы в отечественной правовой литературе. Учебники по теории государства и права в разделах о происхождении права не рассматривают юридико-технический фактор, поэтому, раскрывая причины происхождения права, они практически не затрагивают вопрос о том, каким образом про-

ходил этот процесс, т. е. вопрос о технике становления права в истории человечества. Однако перемены, которые произошли в юридической надстройке общества, внесли свои коррективы в обсуждаемую проблему. Количественные и качественные параметры роста юридической практики привели к существенному изменению функционального значения юридической техники.

© Альханов Н. М., Ахтаева Э. А., Ахьядов Э. С.-М., 2022

Именно в данной связи возникла потребность их теоретического переосмысления.

Тема юридической техники в таком контексте в теории права не ставилась. На что справедливо обращает внимание М. Ю. Румянцев: «Недооценка законодательной техники или ее игнорирование порождают массу законодательных ошибок, «цена» которых очень велика. Речь идет не только о недопустимых отступлениях от формальных правил, но даже и о нарушении законности» [1, с. 7].

В пределах обозначенной познавательной-оценочной задачи важнейшим методологическим основанием исследования выступает научно-практическая идея. Она формируется в соответствии со стремлением человека понять и объяснить изучаемое явление правовой действительности, что требует проведения системного и комплексного анализа закономерностей возникновения и развития юридической техники.

Родоначальником учения о юридической технике следует признать английского ученого Ф. Бэкона, написавшего в 1620 г. «Новый органон», где было написано не только о краткости юридического языка, но и о его точности, чтобы не возникало поводов к неоднозначному пониманию законов. Заслугой этого ученого было и то, что он впервые завел речь об инкорпорации как способе систематизации права. Он считал инкорпоративную деятельность надежным способом составления свода законов [2, с. 16].

Следующим в развитие взглядов на юридическую технику стал французский ученый Ш. Л. Монтескье, который в 1748 г. в своей работе «О духе законов» определил, что простота слога, определенность, сжатость нормативного материала относятся к принципам изложения законов [3, с. 78].

Эстафету о юридической технике подхватил английский ученый И. Бентам в сочинении «Тактика законодательных собраний». Он рассуждал о законах и правилах их составления, касаясь при этом кроме законодательного языка также внутренней структуры нормативных актов, что стало серьезным продвижением вперед в области юридической техники [4, с. 28].

Первым специальную книгу «Юридическая техника» написал немецкий ученый Р. Иеринг, где он дал понятие «юридическая техника», понимая под ней законодательную технику и сформулировав закон бережливости в праве, ввел множество новых правил составления законов, произвел классификацию накопленных правил законодательной техники (по его терминологии - правила «количественного упрощения» и «качественного упрощения» законов), детально проанализировал многие из этих правил. Он писал: «В первом смысле я понимаю под выражением «техника» юридическое искусство, задачу которого составляет формальная отделка данного правового материала... технический метод, во втором смысле – осуществление этой задачи в самом праве, т. е. соответствующий технический механизм права» [5, с. 34].

Между тем, позднее появилось много трудов по законодательной технике, и история развития государства и права в России также свидетельствует о том, что законодательная техника имела глубокие корни, свои особенности развития, к которым можно отнести нормативное построение предложений, наличие заголовков статей, специальных правовых терминов в Русской Правде и так далее.

Огромную работу по кодификации российского законодательства проводил один из российских реформаторов М. М. Сперанский. При нем в 1830 г. было издано Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, а через некоторое время был подготовлен первый Свод законов Российской империи, снабженный алфавитными хронологическими и сравнительными указателями, что следует признать одной из новинок юридической техники особенно для того времени. Со второй половины XIX в. начал регулярно издаваться источник текущего законодательства – Собрание узаконений и распоряжений Правительства [6, с. 60].

Одним из этапов в развитии технико-юридических правил оформления законодательства явилась разработка советских конституций, создание в 60-е годы основ законодательства, новых кодексов, подготовка и издание систематического Собрания законодательства СССР и соответствующих собраний законодательства союзных республик. Значительным достижением в развитии юридической техники стали разработка и издание с применением съемных листов свода законов СССР (11 томов) и свода законов РСФСР (8 томов).

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что юридическая техника возникает в истории одновременно с правом. На различных этапах истории ее содержание неодинаково и соотношение права и юридической техники постоянно изменяется в соотношении с правопониманием. С одной стороны, юридическая техника первична по отношению к правовой доктрине, так как исторически ей предшествует. С другой стороны, она является вторичной, поскольку входит в правовую доктрину, обусловлена ее характером. Юридическая техника формировалась постепенно, по мере того как усложнялась юридическая действительность для обобщения и понимания этого правового явления.

Список источников

1. Румянцев М. Ю. Теоретические проблемы правотворчества и механизм нормообразования : монография. М. : Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2022.
2. Бэкон Ф. Новый Органон. СПб. : Азбука, сор. 2021.
3. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М. : АСТ, 2022.
4. Бентам И. Тактика законодательных собраний : монография. М. ; Челябинск : Социум, 2020.

5. Иеринг фон Р. Юридическая техника / пер. с нем. ; сост. А. В. Поляков. М. : Статут, 2008.

6. Шуклина А. И. Значение работы М. М. Сперанского в развитии юридической техники в Российской империи первой половины XIX в // Perspective research and development. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021.

References

1. Rumyantsev M. Yu. Theoretical problems of law-making and the mechanism of norm formation : monograph. M. : Editorial and Publishing House of the Russian New University, 2022.

2. Bacon F. A new Organon. St. Petersburg : ABC, cop. 2021.

3. Montesquieu Sh. L. On the spirit of laws. M. : AST, 2022.

4. Bentham I. Tactics of legislative assemblies : monograph. Moscow ; Chelyabinsk : Socium, 2020.

5. Iering R. Legal technique / Trans. from it. ; comp. A.V. Polyakov. M. : Statute, 2008.

6. Shuklina A. I. The significance of M. M. Speransky's work in the development of legal technology in the Russian Empire in the first half of the XIX century // Perspective research and development. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2021.

Информация об авторах

Н. М. Альханов – доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, кандидат педагогических наук;

Э. А. Ахтаева – старший преподаватель кафедры информационного права и юриспруденции Грозненского государственного нефтяного технического университета имени М. Д. Миллионщикова;

Э. С.-М. Ахьядов – доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, доцент кафедры информационного права и юриспруденции Грозненского государственного нефтяного технического университета имени М. Д. Миллионщикова, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. M. Alkhanov – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Candidate of Pedagogical Sciences;

E. A. Akhtayeva – Senior Lecturer of the Department of Information Law and Jurisprudence of the Grozny State Oil Technical University named after M. D. Millionshchikov;

E. S.-M. Akhyadov – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and National Security of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Associate Professor of the Department of Information Law and Jurisprudence of the Grozny State Oil Technical University named after M. D. Millionshchikov, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 29.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34:002

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-27-29>

НИОН: 2015-0066-6/22-524

MOSURED: 77/27-011-2022-06-723

Частноправовые аспекты влияния пандемии на развитие общественных отношений в сфере цифровой трансформации

Михаил Павлович Апухтин

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, gen.barmaglot@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые вопросы влияния пандемии на процесс цифровой трансформации. Рассмотрены нормативные основы использования цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта, применяемого уже в различных сферах жизни, как в бытовых, так и в промышленных, существенным образом упрощая проведение отдельных финансовых, правовых операций, регистрацию пациентов в медицинских организациях и др.

Ключевые слова: пандемия коронавирусной инфекции, искусственный интеллект, аутентификации, идентификация, цифровая трансформация

Для цитирования: Апухтин М. П. Частноправовые аспекты влияния пандемии на развитие общественных отношений в сфере цифровой трансформации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 27–29. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-27-29>.

Original article

Private legal aspects of the impact of the pandemic on the development of public relations in the field of digital transformation

Mikhail P. Apukhtin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, gen.barmaglot@mail.ru

Abstract. The legal issues of the impact of the pandemic on the process of digital transformation are being considered. The normative bases of the use of digital technologies, in particular artificial intelligence, which is already used in various spheres of life, both in domestic and industrial, are considered, significantly simplifying the conduct of certain financial and legal transactions, registration of patients in medical organizations, etc.

Keywords: coronavirus pandemic, artificial intelligence, authentication, identification, digital transformation

For citation: Apukhtin M. P. Private legal aspects of the impact of the pandemic on the development of public relations in the field of digital transformation. Bulletin of economic security. 2022;(6):27–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-27-29>.

Пандемия коронавирусной инфекции выявила значительное количество проблемных вопросов применения законодательства в период введенных ограничений. Часть из них нашли свое отражение в Обзорах по отдельным вопросам судебной практики, связанных с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2020 г. (№ 1), от 30 апреля 2020 г. (№ 2), от 17 февраля 2021 г. (№ 3).

Влияние пандемии коронавирусной инфекции на развитие общественных отношений сложно недооценить. Нахождение общества в опасном положении по-

влекло за собой, с одной стороны, введение ряда непопулярных мер (в силу отказа органов государственной власти от введения режима чрезвычайной ситуации), ограничивающих конституционное право на свободу передвижения, признанных впоследствии законными и обоснованными (например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению

© Апухтин М. П., 2022

распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»), а с другой стороны, разработку новых и совершенствование имеющихся механизмов обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений с использованием дистанционных систем.

Стоит заметить, что о необходимости совершенствования использования современных информационных технологий отмечает и Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедев, полагающий необходимым в краткосрочной перспективе обязать организации и органы подавать документы в суд в электронном виде (Верховный Суд предложил обязать юридических лиц подавать документы в суд только в электронном виде).

Особый интерес вызывает развитие системы искусственного интеллекта, применяемого уже в различных сферах жизни, как в бытовых, так и в промышленных, существенным образом упрощая проведение отдельных финансовых операций, регистрацию пациентов в медицинских организациях (искусственный интеллект победит очереди в поликлиниках и плохие дороги).

Как представляется, в ближайшее время правовая регламентация технологий искусственного интеллекта **получит** свое развитие. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе конференции AIJourney поручил Правительству Российской Федерации рассмотреть вопросы, в частности, о введении экспериментальных правовых режимов для использования технологий искусственного интеллекта, утвердить стратегии цифровой трансформации с практическими мерами по внедрению в их работу алгоритмов, предоставить доступ разработчикам нейросетей к большим данным, при этом не допуская распространения персональных данных граждан Российской Федерации.

Сложно не согласиться с утверждением о необходимости введения отдельных институтов права, регламентирующих правоотношения в сфере использования технологий искусственного интеллекта. Например, в своих исследованиях Н. В. Мишина отмечает актуальность использования термина «RoboLaw («робоправо»)» в части, касающейся регламентации общественных отношений по эксплуатации роботов и систем искусственного интеллекта [3].

В настоящее время предпринимаются различные попытки установления дефиниции права искусственного интеллекта. А. А. Косых, например, под правом искусственного интеллекта понимает «институт информационного права, который представляет собой совокупность правовых норм, направленных на урегулирование общественных отношений, связанных с технологиями искусственного интеллекта» [1].

А. В. Разин, не раскрывая дефиниции технологий искусственного интеллекта, указывает на его необходимые признаки: «выбор оптимальных решений вместе со встроенными этическими ограничениями; возможность

оценки рисков, реакции на случайные события, анализ индивидуально неповторимых ситуаций; коммуникация; наличие аналога нравственных переживаний, способностью к эмпатии» [4].

Несмотря на практическое удобство применения таких технологий, отмечается и справедливая критика отдельных аспектов его использования. А. Ж. Степанян и Т. С. Заплата полагают, что продукт развития искусственного интеллекта является разрушительным явлением, поскольку «с новыми роботами человечество переходит от автоматического к автономному (подразумевая свободу решать, а не только делать)» [5].

С особой осторожностью считают необходимым использовать технологии искусственного интеллекта в медицине М. А. Липчанская и Е. А. Отставнова. По их мнению, существует опасность нарушения тайны частной жизни, поскольку имеются основания полагать о несанкционированном доступе к базам данным пациентов, а также имеется угроза причинения вреда пациенту вследствие «врачебной ошибки» [2].

В этой связи, возникает справедливый вопрос о том, каким образом квалифицировать подобные деяния? Как представляется, разумным решением данной проблемы будет являться использование технологии искусственного интеллекта в качестве помощника специалиста, который будет нести ответственность за его использование. Так, например, некоторые банки, активно внедряющие технологии искусственного интеллекта, определяют принципы этики искусственного интеллекта, к которым относят: контролируемость и управляемость систем искусственного интеллекта, прозрачность и предсказуемость функционирования, стабильность и надежность систем, ответственное применение, непредвзятый искусственный интеллект.

Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в том числе в части введения механизма удаленной биометрической идентификации клиента кредитной организации, который разработан Банком России в рамках реализации программы развития технологий финансовых услуг. Таким образом, развитие финансовых технологий с использованием инструментов удаленной идентификации и аутентификации позволит клиентам обращаться в финансовые учреждения даже не предоставляя документы, удостоверяющие личность. Система видеонаблюдения распознает их и позволит оказать услугу.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2018 г. № 772 определен состав сведений, размещаемых в единой информационной системе персональных данных: биометрические персональные данные физического лица – гражданина РФ: данные изображения лица, данные голоса; идентификатор сведений в соответствующем регистре Единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА); идентификатор сведений об уполномоченном сотруд-

нике уполномоченной организации в регистре органов и организаций ЕСИА, идентификатор сведений о физическом лице в регистре физических лиц ЕСИА, биометрические персональные данные которого размещаются в единой биометрической системе; контактные данные физического лица (номер абонентского устройства подвижной радиотелефонной связи, электронной почты).

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 293-р Оператором единой информационной системы персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации (далее – Оператор единой информационной системы персональных данных), определено ПАО «Ростелеком».

Приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 25 июня 2018 г. № 321 определен порядок обработки этих данных.

Перспективным представляется и введение обязанности предоставления биометрических персональных данных несовершеннолетними, склонными к систематическому самовольному уходу из дома, лицами, имеющими психические отклонения и склонными к бродяжничеству, иностранным гражданам, прибывающим на территорию Российской Федерации.

Технологии удаленной идентификации применяются и в зарубежных странах. Например, в Великобритании применяется технология идентификации для определения возраста лица, которому осуществляется продажа алкогольной продукции, в США эти же технологии применяются для ограничения допуска лиц на территорию школ и детских лагерей, популярные социальные сети и смартфоны внедряют технологии распознавания для разблокировки доступа к отдельным приложениям.

Внедряются и системы аутентификации по уникальному рисунку кровеносных сосудов глазного дна посредством сканирования инфракрасным излучением через зрачок к задней стенке глаза, которые уже используются в аэропортах Объединенных Арабских Эмиратов.

В качестве вывода отметим, что цифровизация различных сфер жизнедеятельности в Российской Федерации показала свою эффективность во время введения ограничений, в связи с пандемией коронавирусной ин-

фекции. Однако имеющиеся технологии и инструменты до сих пор не нашли своего должного закрепления в нормативных правовых актах.

Список источников

1. Косых А. А. Право искусственного интеллекта в системе права : отрасль права или правовой институт? // Вестник Владимирского юридического института. 1 (58), 2021. С. 159–164.
2. Липчанская М. А., Отставнова Е. А. Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 3 (134), 2020. С. 69–78.
3. Мишина Н. В. Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. 3 (72). С. 62–65.
4. Разин А. В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 1 (90), 2019. С. 57–73.
5. Степанян А. Ж., Заплата Т. С. Правовое регулирование роботов и искусственного интеллекта в странах Латинской Америки, проблема прав человека и ИИ // Lex Russica. 7 (164), 2020. С. 127–136.

References

1. Kosykh A. A. The law of artificial intelligence in the system of law : a branch of law or a legal institution? // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 1 (58), 2021. P. 159–164.
2. Lipchanskaya M. A., Ostregnova E. A. Constitutional, legal and moral foundations of the use of artificial intelligence in the realization of human social rights and freedoms // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 3 (134), 2020. P. 69–78.
3. Mishina N. V. The law of artificial intelligence as a new sphere of legal regulation or a new branch of law // Eurasian Union of Scientists (EUU). 2020. 3 (72). P. 62–65.
4. Razin A. V. Ethics of artificial intelligence // Philosophy and Society. 1 (90), 2019. P. 57–73.
5. Stepanyan A. Zh., Zaplatina T. S. Legal regulation of robots and artificial intelligence in Latin America, the problem of human rights and AI // Lex Russica. 7 (164), 2020. P. 127–136.

Информация об авторе

М. П. Апухтин – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Information about the author

M. P. Apukhtin – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 08.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 08.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-30-32>

ИПОН: 2015-0066-6/22-525

MOSURED: 77/27-011-2022-06-724

Предупреждение преступлений, связанных с миграционными процессами в Республике Казахстан

Александра Анатольевна Бабич

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

aleksa.babich@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с предупреждением преступлений, обусловленных миграционными процессами, на государственном и национальном уровне в Республике Казахстан. Международное сотрудничество в сфере противодействия миграционной преступности является флагманом в построении эффективной миграционной политики Казахстана. В соответствии с Конституцией международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед ее законами. Автоматизация государственных услуг в миграционной сфере является одним из эффективных направлений в борьбе с нелегальной миграцией. Плановый переход казахстанской полиции на «сервисную модель» предполагает тесное взаимодействие деятельности полиции и гражданского общества в реальном социальном пространстве. Первый Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев в своем выступлении на заседании Совета безопасности Республики Казахстан 18 июня 1993 года прагматично отметил: «нужно... поднять на борьбу с преступностью трудовые коллективы, широкую общественность, весь народ, средства массовой информации. Такой опыт у нас накоплен» (Газета «Советы Казахстана», 1993 г. 19 июня. Статья «Против преступности – всем обществом») [1, с. 9]. Указанное направление в предупреждении преступлений, в том числе, связанных с миграционными процессами, актуально и в настоящее время.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграция, торговля людьми, сервисная полиция, миграционная политика, гражданское общество

Для цитирования: Бабич А. А. Предупреждение преступлений, связанных с миграционными процессами в Республике Казахстан // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 30–32. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-30-32>.

Original article

Prevention of crimes related to migration processes in the Republic of Kazakhstan

Alexandra A. Babich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

aleksa.babich@inbox.ru

Abstract. The issues related to the prevention of crimes caused by migration processes at the state and national level in the Republic of Kazakhstan are considered. International cooperation in the field of combating migration crime is the flagship in building an effective migration policy in Kazakhstan. In accordance with the Constitution, international treaties ratified by the Republic of Kazakhstan have priority over its laws. Automation of public services in the migration sphere is one of the most effective areas in the fight against illegal migration. The systematic transition of the Kazakh police to the «service model» implies close interaction between the activities of the police and civil society in the real social space. The first President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev in his speech at a meeting of the Security Council of the Republic of Kazakhstan on June 18, 1993 pragmatically noted: «it is necessary ... to raise labor collectives, the general public, the whole people, the media to fight crime. We have accumulated such experience» (Newspaper «Soviets of Kazakhstan», June 19, 1993. Article «Against crime – by the whole society») [1, p. 9]. The indicated direction in the prevention of crimes, including those related to migration processes, is still relevant at the present time.

Keywords: migration processes, migration, human trafficking, service police, migration policy, civil society

For citation: Babich A. A. Prevention of crimes related to migration processes in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of economic security. 2022;(6):30–2. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-30-32>.

© Бабич А. А., 2022

Усиление конкуренции между государствами приводит к усилению геополитической напряженности, что, в свою очередь, порождает пространственную мобильность населения, обусловленную, с одной стороны, стремлением в обеспечении безопасности личности, семьи, стабилизации экономического благосостояния, с другой, является катализатором экстремистских и террористических угроз, триггером которых выступает глобальная миграция. Предупреждение преступности, связанной с миграционными процессами, является одной из главных задач государства и мирового сообщества, цели которого должны быть направлены на достижение управляемой, безопасной и упорядоченной миграции на этапе идентификации миграционных рисков. Универсального механизма и единого учета регулирования миграционных процессов в мире не существует. Данный факт продиктован различным национальным симбиозом, уровнем социально-экономического развития и культурного колорита, исходя из которого каждое государство реализует собственную миграционную политику.

В Республике Казахстан одним из приоритетных направлений в противодействии нелегальной миграции является заключение международных соглашений в области миграции. По состоянию на 1 января 2022 года Казахстан является участником практически всех правозащитных пактов и конвенций ООН. В соответствии с подписанными конвенциями, Казахстан провел огромную работу по совершенствованию национального законодательства, отвечающего требованиям современных реалий и международным стандартам. Для граждан 73 государств в Казахстане действует безвизовый режим. Граждане 54 стран освобождены от визовых обязательств в одностороннем порядке. Двусторонние и многосторонние соглашения об освобождении от визовых требований распространяются на владельцев общегражданских паспортов.

В рамках Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы принятой решением Совета Глав государств СНГ [2], в Республике Казахстан в период 2018–2020 годы был реализован План мероприятий по профилактике, предотвращению и борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми [3]. В указанный период были локализованы 6 организованных преступных групп, деятельность которых заключалась в торговле людьми; пресечены 2 канала незаконного ввоза граждан из Кыргызстана и Узбекистана в целях трудовой эксплуатации и 7 каналов вывоза граждан Казахстана с целью сексуальной эксплуатации в Бахрейн, Катар, Турцию, Индонезию, Объединенные Арабские Эмираты и Республику Корея [4].

Понимание предпосылок, создающих условия для реализации столь многогранной преступной деятельности, связанной с торговлей людьми, имеет определяющее значение в разработке результативных мер борьбы на местном и государственном уровнях. Общеизвестными причинами вовлечения жертв в организованные криминальные синдикаты остаются бедность, дискри-

минация, вынужденная миграция, расизм и многие другие, требующие специальные знания и ресурсы в сфере противодействия торговле людьми.

По итогам реализации Концепции миграционной политики на 2017–2021 годы, в Республике Казахстан разработан комплекс мероприятий по предоставлению миграционных услуг в понятной и прозрачной для использования автоматизированной форме. Необходимая информация по вопросам миграции, размещается на официальном сайте Комитета миграционной службы Республики Казахстан. В целях противодействия коррупции в миграционной сфере, для обеспечения прозрачности процедур получения разрешений на работу с 2020 года подача документов работодателем на получение или продление разрешений на привлечение иностранной рабочей силы проводится в удаленном режиме, через веб-портал «Электронного правительства».

При содействии Комитета национальной безопасности и Министерства внутренних дел Республики Казахстан, Министерством Культуры и Спорта, в рамках программы развития туризма внедрена единая информационная система учета туристов – «eQонақ» (е-конак). Работа системы направлена на осуществление миграционного контроля, а также сбор и анализ информации принимающими лицами о туристическом потоке. Система «е-конак», создана для учета иностранных граждан, временно прибывающих в отелях, хостелах, гостиницах, санаториях и других местах общественного назначения. Информационная система «е-конак» обрабатывается правоохранительными органами, и содержит данные о месте размещения иностранного гражданина и сроках его пребывания.

Основное внимание в работе правоохранительных органов Республики Казахстан сосредоточено на предупреждении правонарушений, выявлении потенциальных угроз, связанных с высокой степенью латентности преступных формирований. Следует отметить, что преступления, связанные с миграционными процессами, обладают индивидуальными чертами, такими как: национальная идентичность, массовость, латентность, которые в совокупности своей представляют угрозу национальной безопасности страны, что подтверждается январскими событиями 2022 года, прошедшими в Казахстане.

Превентивная политика Казахстана, направлена на аккумуляцию усилий государственных органов с институтами гражданского общества, в сфере предупреждения преступлений, связанных с миграционными процессами. Постепенный переход на «сервисную модель полиции», требует участия всех заинтересованных сторон общества и государственных органов. В целях реализации поручений Главы государства К.-Ж. Токаева в контексте успешной реализации Концепции «Слышащего государства», на улицах городов устанавливаются тревожные кнопки экстренного вызова полиции, в случае совершения противоправных действий или возникновения чрезвычайных происшествий, повышая тем самым эффективность защиты граждан от преступных посягательств. Участковые инспекторы полиции тес-

но взаимодействуют с объединениями собственников имущества и простыми товариществами, по вопросам обеспечения общественного порядка и безопасности. Подобная работа характеризуется положительными результатами, по выявлению незаконных хостелов, притонов и других правонарушений.

На постоянной основе проводятся целевые оперативно-профилактические мероприятия (ОПМ) «Мигрант», «Нелегал Трафик» и «Нелегал-Кордон» [5] по выявлению лиц, нарушающих миграционное законодательство. По данным информационного медиа-портала Polisia.kz, в течении трех дней проведения ОПМ «Мигрант» установлено и привлечено к ответственности 183 работодателя за нарушение режима и использования иностранной рабочей силы. В Едином реестре досудебного расследования, зарегистрировано 5 фактов организации незаконной миграции. В г. Шымкент выявлены иностранные граждане, в количестве 30 человек, осуществляющие работы по строительству школы, без соответствующих документов. Кроме того, в ходе ОПМ «Мигрант», были выявлены и задержаны 30 лиц, находящихся в розыске за совершение преступлений. В их числе 27 граждан Республики Казахстан, 3 граждане СНГ, находившиеся в международном розыске за совершение насильственных действий сексуального характера [6].

Таким образом, предупреждение преступлений, связанных с миграционными процессами, в Республике Казахстан, осуществляется на межгосударственном и местном уровнях. Приоритетными направлениями в предупреждении преступлений, обусловленных миграционными процессами, в Казахстане являются меры по совершенствованию государственной миграционной политики, с учетом положительного международного опыта. Автоматизация государственных миграционных услуг, является одним из эффективных инструментариев по обеспечению защиты прав мигрантов и противодействию незаконной миграции. Эффективное взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества, является эффективным механизмом, обеспечивающим охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности страны.

Список источников

1. Алауханов Е. О. Криминология / Е. О. Алауханов. ООО «Юридический центр», 2013.
2. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 28 сентября 2018 года «О Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы (город

Душанбе)» [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3263y6>.

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 октября 2018 года № 609 «О Плане мероприятий Правительства Республики Казахстан по профилактике, предотвращению и борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми, на 2018–2020 годы» [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/32643Y>.

4. Проект Постановления Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2022–2026 годы и Плана мероприятий по реализации Концепции миграционной политики». Портал электронного правительства. Открытые НПА [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/326g7S>.

5. Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Казахстан. Противодействие незаконной миграции [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/326iwc>.

6. Информационный медиа-портал Polisia.kz : МВД начало операцию «Мигрант» [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/326QSB>.

References

1. Alaukhanov E. O. Criminology / E. O. Alaukhanov. LLC «Legal Center», 2013.
2. Decision of the Council of Heads of State of the Commonwealth of Independent States of September 28, 2018 «On the Interstate program of joint measures to combat crime for 2019–2023 (Dushanbe city)» [Electronic resource] // URL: <https://clck.ru/3263y6>.
3. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated October 1, 2018 № 609 «On the Action Plan of the Government of the Republic of Kazakhstan on prevention, prevention and combating crimes related to human trafficking for 2018–2020» [Electronic resource] // URL: <https://clck.ru/32643Y>.
4. Draft Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan «On approval of the Concept of Migration Policy of the Republic of Kazakhstan for 2022–2026 and the Action Plan for the implementation of the Concept of Migration Policy». E-government portal. Open NPAs [Electronic resource] // URL: <https://clck.ru/326g7S>.
5. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. Countering illegal migration [Electronic resource] // URL: <https://clck.ru/326iwc>.
6. Information media portal Polisia.kz : The Ministry of Internal Affairs launched operation «Migrant» [Electronic resource] // URL: <https://clck.ru/326QSB>.

Информация об авторе

А. А. Бабич – адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Babich – Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-33-37>

НИОН: 2015-0066-6/22-526

MOSURED: 77/27-011-2022-06-725

Использование средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей как признак объективной стороны преступлений террористической и экстремистской направленности

Салават Курбангалиевич Бадамшин¹, Гульфия Ишбулдовна Идельбаева²

¹ Университет управления ТИСБИ, Казань, Россия, Sk-badamshin@mail.ru

² Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета, Сибай, Россия, Gylfiya_1310@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются такие признаки объективной стороны преступлений террористической и экстремистской направленности как использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а также использование средств массовой информации. Делается вывод, что уголовное законодательство об ответственности за рассматриваемые преступления нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, преступления террористической направленности, преступления экстремистской направленности, средства массовой информации и электронные или информационно-телекоммуникационные сети

Для цитирования: Бадамшин С. К., Идельбаева Г. И. Использование средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей как признак объективной стороны преступлений террористической и экстремистской направленности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 33–37. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-33-37>.

Original article

Use of mass media, electronic or information and telecommunication networks as a sign of the objective side of terrorist and extremist crimes

Salavat K. Badamshin¹, Gulfiya I. Idelbaeva²

¹ TISBI University of Management, Kazan, Russia, Sk-badamshin@mail.ru

² Sibai Institute (branch) of Bashkir State University, Sibai, Russia, Gylfiya_1310@mail.ru

Abstract. Such the signs of the objective side of terrorist and extremist crimes are considered as the use of electronic or information and telecommunication networks, as well as the use of the media. It is concluded that the criminal legislation on responsibility for the crimes in question needs to be further improved.

Keywords: objective side of the crime, terrorist crimes, extremist crimes, mass media and electronic or information and telecommunication networks

For citation: Badamshin S. K., Idelbaeva G. I. Use of mass media, electronic or information and telecommunication networks as a sign of the objective side of terrorist and extremist crimes. Bulletin of economic security. 2022;(6):33–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-33-37>.

Объективная сторона преступления в теории уголовного права понимается как совокупность установленных уголовным законом внешних признаков преступного поведения человека. Она характеризуется определенным набором признаков: общественно опасное деяние (действие или бездействие), являющееся обязательным признаком любого преступления; общественно опасное

последствие и причинная связь как обязательные признаки в материальных составах преступлений; факультативные признаки: место, время, обстановка, способ, орудия и средства совершения преступления [8, с. 356].

Исследуя признак объективной стороны преступлений террористической и экстремистской направленности, в целях упорядоченности, следует в первую очередь

© Бадамшин С. К., Идельбаева Г. И., 2022

рассмотреть признак объективной стороны преступления террористической направленности. Преступления террористической направленности обладают рядом уголовно-правовых особенностей, позволяющих выделить данные деяния в относительно самостоятельную группу, провести их разграничение между собой и отграничение от иных, смежных с ними составов преступлений. Особенности уголовной ответственности за данные преступления проистекают из повышенного уровня их общественной опасности, что отражается законодателем не только в санкциях соответствующих статей Особенной части УК РФ, но и в положениях его Общей части, регламентирующих назначение наказания, условное осуждение, отдельные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Предваряя анализ объективной стороны объективной стороны преступлений террористической направленности, охарактеризуем такой значимый признак, как использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей [4, с. 59].

Использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в процессе непосредственного выполнения объективной стороны преступления является типичным для трех деяний террористической направленности: содействия террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ), публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ) и прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ). Публичность свойственна осуществлению только одного из данных преступлений, для которого этот признак предусмотрен в самой уголовно-правовой норме, – для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма (ст. 205² УК РФ). Содействие террористической деятельности и прохождение обучения в целях ее осуществления не всегда протекают в открытой, публичной обстановке, поэтому соответствующий признак обоснованно не предусмотрен в диспозициях статей 205¹ и 205³ УК РФ.

Все преступления террористической направленности можно разделить на две группы в зависимости от уголовно-правового и криминалистического значения использования при их совершении электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Первая группа преступлений террористической направленности состоит из деяний, для которых использование таких сетей является типичным для непосредственного осуществления их объективной стороны (содействие террористической деятельности; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности). Внутри этой группы выделяется преступление, предусмотренное ст. 205²

УК РФ, в ч. 2 которой в качестве альтернативного квалифицирующего признака указано совершение предусмотренных ею публичных действий с использованием электронных или электронно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Вторую группу рассматриваемых преступлений террористической направленности составляют те общественно опасные деяния, для которых использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей не является типичным, но может иметь место на практике в процессе приготовления к ним или(и) осуществления вспомогательных (обеспечительных) действий в процессе выполнения их объективной стороны. В отдельных случаях совершения преступлений второй группы электронные или информационно-телекоммуникационные сети могут применяться для выполнения их объективной стороны, например, террористический акт в форме угрозы совершить взрыв, поджог и т. п. (ст. 205 УК РФ) и аналогичное деяние, но совершенное при обстоятельствах, позволяющих отнести его к разновидности акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ). В настоящей статье хотелось бы уделить внимание именно первой группе преступлений террористической направленности для которых использование таких сетей является типичным для непосредственного осуществления их объективной стороны.

Следует отметить, что использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей придает данным деяниям определенные специфические черты, в том числе уголовно-правового характера, поскольку их совершение подобным способом предполагает особенности моментов их начала и окончания, а также отражается на содержании объективной и субъективной сторон данных преступлений. Анализируя объективную сторону преступлений террористической направленности, входящих в первую группу, следует охарактеризовать такой значимый признак, как использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Этот признак имеет бланкетный характер, поэтому для его раскрытия необходимо обратиться к нормативным правовым актам иной отраслевой принадлежности. Так, ряд определений, имеющих значение для его правильного понимания, содержится в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1]. Приведем основные определения данного Закона, которые следует учитывать при толковании и последующем применении рассматриваемых уголовно-правовых норм:

1) информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники;

2) предоставление информации – действия, направленные на получение информации определенным

кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц, тогда как распространение информации направлено на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц;

3) электронное сообщение – информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети.

По охвату аудитории, назначению и техническим особенностям сети подразделяются на глобальные (Wide Area Network), распространяющиеся огромные площади, в том числе на весь мир, и локальные (Local Area Networks), которые географически расположены в одном месте, применяются на ограниченной территории (в рамках одного здания, офиса и т. п.).

Изучение уголовных дел о преступлениях террористической направленности, в том числе о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности или публичном оправдании терроризма, не выявило ни одного факта применения при их совершении каких-либо иных сетей, кроме сети Интернет. Кроме того, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» также указываются не электронные, а информационно-телекоммуникационные сети. То есть приводимое в настоящее время в диспозициях ч. 2 ст. 205² и 280¹ УК РФ указание на использование не только информационно-телекоммуникационных сетей, основным видом которых является сеть Интернет, но еще и электронных сетей не основывается на законодательстве в области информационного права и не вытекает из имеющейся правоприменительной практики, ее актуальных потребностей и тенденций. Вместе с тем, учитывая быстрое развитие информационных технологий, представляется, что указание в уголовно-правовой норме не только на информационно-телекоммуникационные, но еще и электронные сети, обеспечивает адаптационную емкость уголовного закона, то есть возможность его применения в будущем без корректировки текста, несмотря на последующие изменения общественных отношений и расширение видов средств, используемых при осуществлении террористической деятельности.

Можем сделать вывод, что уголовный закон уравнивает в рассматриваемом квалифицирующем признаке и использование средств массовой информации и электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, что является вполне обоснованным с позиции сопоставимого повышения степени публичности соответствующих действий.

Отметим, что в настоящее время практически все средства массовой информации, будь то телевизионный канал, газета, журнал или радиопередача, помимо присущих им форм и средств распространения информации, одновременно задействуют и ресурсы сети Интернет, где можно увидеть, услышать или прочитать все то же самое, что имеет место в соответствующем эфире

или издании. Вместе с тем определенные сайты получают статус средств массовой информации, а другие нет, если таковые не отвечают требованиям, предъявляемым законодательством к таким средствам.

Пленум Верховного Суда РФ в пунктах 21 и 21¹ Постановления «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» применительно к ч. 2 ст. 205² УК РФ детализируется момент окончания данного преступления в зависимости от того, используют ли виновные средства массовой информации либо электронные или информационно-телекоммуникационные сети. Как указывает Пленум, преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205² УК РФ, совершаемые с использованием средств массовой информации, следует признавать оконченными с момента распространения продукции СМИ (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию). Если те же деяния совершаются путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи или с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, преступление следует считать оконченным с момента размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или в блогах), отправления сообщений другим лицам.

Средства массовой информации определяются в ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» посредством раскрытия объема данного понятия, к которому относятся периодические печатные издания, радио-, теле-, видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы периодического распространения массовой информации, при этом под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы [2].

В п. 6 постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [3] разъясняется, что лица, нарушившие законодательство при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет, которые не зарегистрированы в качестве средств массовой информации, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность в согласно российскому законодательству без учета особенностей, предусмотренных законодательством о средствах массовой информации.

Согласно ст. 1 Закона РФ «О средствах массовой информации» свобода массовой информации предполагает, в том числе право любого лица на учреждение средств массовой информации в любой форме, не запрещенной законом. Создание сайтов в сети Интернет

и использование таковых для периодического распространения массовой информации законодательством не запрещено, и в соответствии с ч. 1 ст. 13 этого Закона, регистрирующий орган не имеет права на отказ в регистрации сайта сети Интернет в качестве СМИ.

Мотивы и цели преступлений экстремистской направленности носят избирательный характер, поскольку касаются определенных социальных групп и их представителей, однако основаны не столько на рациональных, сколько на эмоциональных моментах, присутствующих в психике виновных. Именно на эмоциональный отклик и рассчитывают те, кто совершает действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды в обществе, выбирая для этого публичные способы осуществления своих деяний, в том числе активно используя средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего, сеть Интернет [5, с. 75–76].

Применительно к преступлениям экстремистской направленности использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, является одним из альтернативных способов совершения призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичных призывов к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ) и возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Если в статьях 280 и 280¹ УК РФ использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет входит в число квалифицирующих признаков, то в ст. 282 УК РФ данные способы совершения деяния отнесены к основному составу преступления, причем они указаны в качестве альтернативы публичности действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Полагаем, что последнее обстоятельство вносит диссонанс в дифференциацию уголовной ответственности за выделенные преступления экстремистской направленности, поскольку демонстрирует отсутствие у законодателя единого подхода к оценке общественной опасности данных действий, совершаемых не только публично, но еще и с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Кроме того, толкование диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ в действующей редакции может привести к ошибочному выводу о том, что использование указанных средств или сетей при возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства не обязательно должно быть публичным. На практике такой вывод может обусловить уголовное преследование лиц, использовавших сеть Интернет для частной переписки. Считаем, что для недопущения подобных правоприменительных решений необходимо внести изменения в ст. 282 УК РФ, а

именно: исключить из диспозиции ее ч. 1 упоминание об использовании средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Именно так данный способ совершения преступления регламентирован в статьях 280 и 280¹ УК РФ, что подчеркивает кримиобразующее значение признака публичности, распространяющегося и на использование средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Подчеркнем, что использование сети Интернет и информационно-телекоммуникационных сетей само по себе еще не означает, что соответствующие преступления совершены публично. То есть более правильно говорить о том, что данные уголовно наказуемые деяния могут быть совершены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей при условии, что этот способ характеризуется публичностью.

Современная преступность и ее различные формы являются серьезной проблемой для предупредительной и правоприменительной деятельности. Для разрешения вопросов эффективного противодействия преступности необходимо учитывать современные реалии в развитии как преступности в целом, так и правовые возможности воздействия на нее [6, с. 132]. Учитывая специфику преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в сочетании с террористической направленностью рассматриваемых уголовно наказуемых деяний, придающей им повышенную общественную опасность, профилактика таких посягательств, направленная на недопущение даже преготовительной преступной деятельности, должна иметь приоритетное значение для каждого отдельного государства и всего мирового сообщества [7, с. 120].

Резюмируя, отметим, что уголовное законодательство об ответственности за рассматриваемые преступления нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе в направлении устранения противоречий между нормами Общей и Особенной частей УК РФ, с соблюдением принципов системности, правовой определенности и справедливости формируемых уголовно-правовых запретов в области противодействия терроризму и экстремизму, в том числе его проявлениям, осуществляемым с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Список источников

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 г.) // Официальный Интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 16.06.2022.
2. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февраля.

3. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. 2010. 18 июня.

4. Иванцов С. В., Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей : уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография / С. В. Иванцов, С. К. Бадамшин. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 215 с.

5. Иванцов С. В., Узембаева Г. И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей : уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография / под ред. С. В. Иванцова. М. : Юрлитинформ, 2018. 144 с.

6. Иванцов С. В. Преступления террористической направленности : особенности международно-правовой регламентации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 131–135.

7. Иванцов С. В. Отдельные вопросы предупреждения преступлений террористической направленности в контексте международной стратегии предупреждения терроризма // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 118–122.

8. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений : закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и дополн. М. : ЗАО «ЮрИнфоР», 2013.

References

1. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on July 29, 2017) «On Information, Information

Technologies and Information Protection» (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2022) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> – 16.06.2022.

2. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 № 2124-1 «On Mass media» // Rossiyskaya Gazeta. 1992. February 8.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 16 dated June 15, 2010 «On the practice of application by courts of the Law of the Russian Federation «On Mass Media» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. June 18.

4. Ivantsov S. V., Badamshin S. K. Terrorist crimes committed using electronic or information and telecommunication networks: criminal law and criminological aspects: monograph / S. V. Ivantsov, S. K. Badamshin. M. : UNITY-DANA, 2019. 215 p.

5. Ivantsov S. V., Uzembayeva G. I. Countering extremist crimes committed using mass media or information and telecommunication networks : criminal law and criminological aspects : monograph / edited by S. V. Ivantsov. M. : Yurлитinform, 2018. 144 p.

6. Ivantsov S. V. Crimes of terrorist orientation: features of international legal regulation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. P. 131–135.

7. Ivantsov S. V. Selected issues of prevention of terrorist crimes in the context of the international strategy for the prevention of terrorism // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 7. P. 118–122.

8. Gaukhan L. D. Qualification of crimes: law, theory, practice. 3rd ed., reprint. and supplement. M. : CJSC «Yurinform», 2013.

Информация об авторах

С. К. Бадамшин – доцент кафедры уголовного права и процесса Университета управления ТИСБИ, кандидат юридических наук;

Г. И. Идельбаева – доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. K. Badamshin – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of the TISBI University of Management, Candidate of Legal Sciences;

G. I. Idelbaeva – Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Process of the Sibai Institute (branch) of Bashkir State University, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-38-43>

ИПОН: 2015-0066-6/22-527

MOSURED: 77/27-011-2022-06-726

К вопросу о предупреждении органами внутренних дел преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров

Александр Александрович Баранов¹, Елена Александровна Соломатина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ baranoff75@mail.ru

² kadarka777@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены и представлены показатели современной преступности, касающиеся темы статьи, приведены примеры из практической деятельности ОВД преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, даны рекомендации по предупреждению указанных преступлений.

Ключевые слова: предупреждение преступлений органами внутренних дел, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, показатели преступности

Для цитирования: Баранов А. А., Соломатина Е. А. К вопросу о предупреждении органами внутренних дел преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 38–43. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-38-43>.

Original article

On the issue of prevention by the internal affairs bodies of crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors

Alexander A. Baranov¹, Elena A. Solomatina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ baranoff75@mail.ru

² kadarka777@mail.ru

Abstract. The indicators of modern crime related to the topic of the article are examined and presented, the examples from the practical activities of the department of internal affairs of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors are provided, as well as the recommendations for the prevention of these crimes are provided.

Keywords: prevention of crimes by law enforcement agencies, crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, crime indicators

For citation: Baranov A. A., Solomatina E. A. On the issue of prevention by the internal affairs bodies of crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. Bulletin of economic security. 2022;(6):38–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-38-43>.

Вопрос совершенствования мер предупреждения преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров не раз поднимался учеными и практиками, он, как и прежде, требует усиленного внимания со стороны государственных органов, подразделений и служб различного уровня [например, 1; 2].

В первую очередь, это касается деятельности подразделений органов внутренних дел, исходя из задач, которые ставятся перед органами внутренних дел в борьбе с наркоманией и с наркотизмом:

- предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с наркотическими и психотропными средствами;
- выявление и учет лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств;

© Баранов А. А., Соломатина Е. А., 2022

– организация индивидуально-профилактической работы с лицами, допускающими немедицинское потребление наркотических средств;

– содействие в организации лечения больных наркоманией;

– выявление и устранение причин и условий, способствующих наркомании, предупреждение незаконно потребления наркотиков [4].

Во-вторых, исходя из оценки и анализа статистики по наркоситуации, которая характеризуется в настоящее время следующими показателями.

Так, согласно статистическим данным доклада Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации еще в 2019 году, доля потребителей наркотиков в числе лиц, совершивших преступления на территории страны, снизилась с 8,9 % в 2018 г. до 8,7 % (с 82 483 чел. до 76 630 чел.). Также, по сравнению с 2018 г. было отмечено снижение на 18,3 % несовершеннолетних потребителей наркотиков (с 1 357 чел. до 1 109 чел.), совершивших преступления, в том числе на 40,2 % совершивших их в состоянии наркотического опьянения (со 164 чел. до 98 чел.). В целом же количество несовершеннолетних, совершивших наркопреступления, сократилось на 12,6 % (с 1 924 чел.

до 1 682 чел.), а их доля в общем числе установленных лиц составила 2 % и за год не изменилась.

За 2021 год было выявлено 179,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 5,4 % меньше, чем за аналогичный период 2020 года.

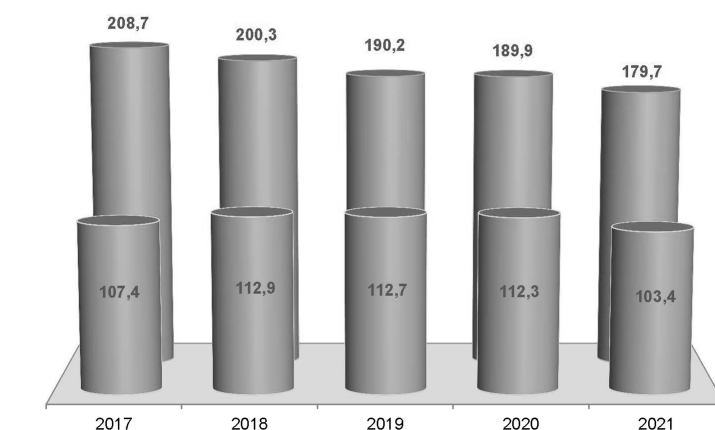
При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 173,8 тыс. преступлений (-5,0 %). По сравнению с 2020 г. на 7,9 % сократилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также сократился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 59,1 % в январе–декабре 2020 года до 57,6 % [3] (рис. 1).

Статистика географии преступности, связанных с незаконным оборотом наркотиков остается без изменений, по темпам прироста числа зарегистрированных преступлений лидирует Красноярский край, Республика Крым, Краснодарский край (рис. 2).

Несмотря на незначительное снижение основных показателей в рассматриваемой сфере ситуация с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров следует обозначить как достаточно напряженную, так как распространение нар-

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ, НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

январь - декабрь

Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ (в тыс.)
 в том числе: с целью сбыта либо сбыт (в тыс.)

Рис. 1.

ТЕМПЫ ПРИРОСТА ЧИСЛА ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ, НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

РЕГИОНЫ С НАИБОЛЬШИМИ ТЕМПАМИ ПРИРОСТА, в %

РЕГИОНЫ С НАИМЕНЬШИМИ ТЕМПАМИ ПРИРОСТА, в %

Рис. 2.

котических средств, их объемы и последствия создают существенную угрозу здоровью населения страны, подрывают экономический потенциал, негативно влияют на демографическую ситуацию и правопорядок в государстве. Серьезное негативное влияние потребления наркотических средств отмечается в молодежной среде, поскольку не для кого не секрет, что основными потребителями наркотиков являются лица в возрасте до 30 лет.

Потребление наркотических средств и их незаконный оборот обуславливают расширение зоны повышенного социального и криминального риска: распространение болезней, связанных с иммунодефицитом и ВИЧ-инфекциями, венерическими болезнями, суицидальными попытками. Иницируется также мотивация корыстной, корыстно-насильственной и иной связанной с этими явлениями преступности.

Наблюдается существенное снижение качества физического, психического и нравственного здоровья населения России, его репродуктивных возможностей.

Происходит самоизоляция потребителей наркотических средств от жизни общества, дезадаптация и деградация их личности и тем самым подрыв экономики, гражданской жизни, обороноспособности страны [5].

Также в последнее время отмечается неуклонный рост преступного «профессионализма» и организованности лиц, сбывающих наркотические средства и психотропные вещества. Международные наркогруппировки интегрировались с российским криминалитетом и сумели наладить дилерские сети сбыта синтетических наркотиков в большинстве регионов страны. На постоянной основе внедряются новые схемы сбыта, наркотических средств и психотропных веществ, которые существенно затрудняют работу органов внутренних дел, и в частности, подразделений уголовного розыска. Лица, сбывающие наркотические средства и психотропные вещества, стремясь обезличить себя, используют при их сбыте современные технические средства и программное обеспечение.

Так, например, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, сотрудники патрульно-постовой службы полиции УВД по г. Сочи на одной улиц в Центральном районе остановили прохожего, который по внешним признакам находился в состоянии опьянения. От прохождения медицинского освидетельствования молодой человек отказался.

В результате личного досмотра 28-летнего приезжего в его рюкзаке обнаружили и изъяли три свертка с кристаллообразным веществом. Согласно заключению экспертизы, содержимым свертков являются наркотические средства – героин и метадон. Общий вес изъятых веществ составил более 350 граммов. Установлено, что подозреваемый планировал сбыть наркотики бесконтактным способом на территории города [6].

Также, сотрудниками группы по контролю за оборотом наркотиков ОМВД России по Рузскому городскому округу в результате оперативно-розыскных мероприятий по подозрению в незаконном производстве наркотических средств задержали двоих мужчин в возрасте 25 и 37 лет, жителей г. Тамбова и г. Новороссийска.

В ходе отработки полученной оперативной информации полицейскими установлено, что один из злоумышленников арендовал дом с земельным участком в деревне Контемирово, где в хозяйственных постройках вместе со своим знакомым оборудовал лабораторию по производству мефедрона. При осмотре помещений полицейские изъяли два пластиковых пакета с пастообразным веществом белого цвета, канистры и бочки с химическими реагентами, оборудование для смешивания жидкостей, вакуумный упаковщик с набором пластиковых пакетов, электронные весы, средства индивидуальной защиты, мобильные телефоны, ноутбук, средства для выхода в интернет и банковские карты. Согласно заключению эксперта ЭКЦ ГУ МВД по Московской области, изъятое вещество является мефедроном массой более 25 килограммов [7].

Оперативные сотрудники органов внутренних дел постоянно сталкиваются с организацией торговли синтетическими наркотическими средствами бесконтактным способом, с их передачей через системы тайников и различного рода «закладок».

И если установить и задержать организаторов таких сетей в масштабах одного субъекта правоохранительным органам удается, то выйти на руководителей межрегиональных поставок наркотиков и изобличить их в преступной деятельности крайне затруднительно [8].

Несмотря на трудности, возникающие при выявлении, пресечении и предупреждении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, следует отметить, что органы внутренних дел справляются на высоком уровне с поставленными перед ними задачами. В подтверждение сказанному, приведем несколько

конкретных примеров, характеризующих успешную деятельность органов внутренних дел по выявлению и противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Так, например, в результате проведенного комплекса оперативно-розыскных мероприятий сотрудники Управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Ульяновской области при силовой поддержке бойцов отряда специального назначения «Гром» на территории Ульяновской области задержали 38-летнего жителя региона, перевозившего синтетическое наркотическое средство.

Полицейские остановили автомобиль, в котором, по имеющейся оперативной информации, осуществлялась перевозка запрещенных веществ. При осмотре салона оперативники обнаружили шесть пакетов с наркотическим средством мефедрон общей массой более трех килограммов.

Партию запрещенных веществ злоумышленник вез из Московской области для дальнейшей расфасовки с целью последующего сбыта бесконтактным способом [9].

Таким образом, приведенные примеры наглядно демонстрируют тот факт, что противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров относится к одному из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел. Так же как и антинаркотическая, деятельность в области противодействия их незаконному обороту, которая направлена на установление строгого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, на постепенное уменьшение числа больных наркоманией, сокращение количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

В настоящее время, среди основных направлений деятельности органов внутренних дел наибольшее распространение получили такие, как разъяснительная работа с населением, пропаганда здорового образа жизни и отказ от принятия наркотических средств.

С помощью буклетов антинаркотической направленности сотрудники полиции проводят предупредительную работу с отдельными категориями граждан, находящихся в «зоне риска», несовершеннолетними и молодежью. Разъяснительная работа сотрудниками органов внутренних дел, как правило, проводится в форме:

- регулярных встреч и бесед с различными группами населения (аудитория может формироваться по возрастному, половому, территориальному, профессиональному, социальному и другим признакам);
- распространение наглядных пособий, буклетов, листовок, плакатов и т. д. о вреде наркотиков;
- выступлений в средствах массовой информации;

– информирования представителей территориальной, политической, законодательной, судебной властей, руководителей общественных, политических и религиозных организаций о наркоситуации и мерах, предпринимаемых полицией в борьбе преступлениями и правонарушениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

– участия в проведении круглых столов, дискуссий, анкетировании по выявлению отношения отдельных социальных групп к проблеме эффективности антинаркотических мероприятий;

– участия в проведении круглых столов, дискуссий, анкетирования по выявлению отношения несовершеннолетних к проблеме эффективности антинаркотических мероприятий [4].

Таким образом, на наш взгляд, совершенствование мер предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков позволяет снизить не только уровень их проявлений, но и уровень смертности, болезней населения, оптимизировать социальную ситуацию в обществе. Основной целью указанных направлений общей профилактики является формирование общественного мнения, направленного на неприятие наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганда здорового образа жизни, отказа от их потребления лицами, успешными приобщиться к ним.

Отметим, что в целом, в ходе реализации антинаркотической политики в 2010–2020 годах наркоситуация в стране стабилизировалась, однако, распространенность употребления химических и фармакологических средств, негативно влияющих на физическое и психическое состояние человека и вызывающих болезненное пристрастие, приводящее к зависимости среди несовершеннолетних и молодежи продолжает оставаться одной из ведущих социально значимых проблем нашего общества, определяющих необходимость организации активного противодействия.

Назрела модернизации государственного управления и повышения эффективности системной работы соответствующих субъектов в сфере профилактического воздействия, направленного на противодействие незаконному потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Успешное решение уполномоченными субъектами поставленных задач по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ напрямую зависит от должной организации их деятельности. Результативность функционирования субъектов исполнительной власти обеспечивается необходимыми ресурсами, полнотой и своевременностью принимаемых соответствующими государственными структурами управленческих решений, а также степенью координации общих усилий профилактического характера.

Так, в целях научно-методического сопровождения реализации Стратегии государственной антинаркоти-

ческой политики Российской Федерации на период до 2030 года в части включения в число показателей системы мониторинга наркоситуации оценки состояния профилактической деятельности и ее эффективности сегодня группой ученых разрабатываются научно-обоснованные межведомственные стандарты деятельности по профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ в виде так называемой «матрицы стандарта профилактической антинаркотической деятельности федеральных органов исполнительной власти».

В первую очередь, будут сформулированы основные, единые в своем содержании подходы всех заинтересованных федеральных органов исполнительной власти к профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Во-вторых, будут установлены и законодательно закреплены основные требования, предъявляемые к такой деятельности.

В-третьих, будет определена роль и место конкретных федеральных органов исполнительной власти в общей системе профилактики.

Список источников

1. Баранов А. А., Соломатина Е. А. К вопросу о состоянии и противодействии преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в Российской Федерации и некоторых зарубежных государствах // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 24–30.

2. Баранов А. А., Соломатина Е. А. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциальных опасных психоактивных веществ в современный период // Криминологический журнал. 2021. № 2. С. 33–38.

3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. М., изд-во ФГУ ГИАЦ МВД РФ, 2021.

4. https://studbooks.net/1011127/pravo/organizatsiya_deyatelnosti_preduprezhdeniyu_narkomanii_nesovershennoletnih (дата обращения: 25.06.2022).

5. https://vuzlit.com/1400455/obschestvennaya_opasnost_nezakonnogo_oborota_narkotikov_osnovnye_ponyatiya (дата обращения: 25.06.2022).

6. <https://мвд.рф/news/item/31166887/> (дата обращения: 25.06.2022).

7. <https://мвд.рф/news/item/31180663/> (дата обращения: 25.06.2022).

8. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87409-osobennosti-preduprezhdeniya-beskontaktnykh-sposobov-sbyta-narkoticheskikh-veshhestv> (дата обращения: 25.06.2022).

9. <https://мвд.рф/news/item/31153505/> (дата обращения: 25.06.2022).

References

1. Baranov A. A., Solomatina E. A. On the issue of the state and counteraction to crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in the Russian Federation and some foreign states // *Bulletin of Economic Security*. 2021. № 5. P. 24–30.
2. Baranov A. A., Solomatina E. A. Criminological characteristics of crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, potent substances, new potential dangerous psychoactive substances in the modern period // *Criminological Journal*. 2021. № 2. P. 33–38.
3. The state of crime in the Russian Federation for January–December 2021. M., Publishing house of the Federal State University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021.
4. https://studbooks.net/1011127/pravo/organizatsiya_deyatelnosti_preduprezhdeniyu_narkomanii_nesovershennoletnih (accessed: 25.06.2022).
5. https://vuzlit.com/1400455/obschestvennaya_opasnost_nezakonnogo_oborota_narkotikov_osnovnyeponyatiya (accessed: 25.06.2022).

6. <https://мвд.рф/news/item/31166887/> (accessed: 25.06.2022).
7. <https://мвд.рф/news/item/31180663/> (accessed: 25.06.2022).
8. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87409-osobennosti-preduprezhdeniya-beskontaktnykh-sposobov-sbyta-narkoticheskikh-veshhestv> (дата обращения: 25.06.2022).
9. <https://мвд.рф/news/item/31153505/> (accessed: 25.06.2022).

Библиографический список

1. Приказ МВД России от 17 января 2006 № 19 (ред. от 28.12.2021) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»).

Bibliographic list

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 17, 2006 № 19 (ed. dated 12/28/2021) «On the activities of internal affairs bodies for the prevention of crimes» (together with «Instructions on the activities of internal affairs bodies for the prevention of crimes»).

Информация об авторах

А. А. Баранов – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. Соломатина – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Baranov – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. A. Solomatina – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-44-47>

ИПОН: 2015-0066-6/22-528

MOSURED: 77/27-011-2022-06-727

Административная ответственность в сфере незаконной миграции в Республике Таджикистан и Российской Федерации

Файзулло Абдулозода Бехзоди

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

Ment_92@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос об ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства по законодательству об административных правонарушениях в Российской Федерации и Республики Таджикистан. Показано, какие меры ответственности применяются к незаконным мигрантам, а также роль данного явления в общественной и политической жизни.

Ключевые слова: ответственность, штраф, миграция, иностранный гражданин, административные правонарушения, выдворение, власть, регулирование

Для цитирования: Бехзоди Ф. А. Административная ответственность в сфере незаконной миграции в Республике Таджикистан и Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 44–47. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-44-47>.

Original article

Administrative responsibility in the field of illegal migration in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation

Fayzullo A. Behzodi

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Ment_92@mail.ru

Abstract. The issue of responsibility of foreign citizens and stateless persons under the legislation on administrative offenses in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan is being considered. It is shown what measures of responsibility are applied to illegal migrants, as well as the role of this phenomenon in public and political life.

Keywords: responsibility, fine, migration, foreign citizen, administrative offenses, expulsion, government, regulation

For citation: Behzodi F. A. Administrative responsibility in the field of illegal migration in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(6):44–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-44-47>.

Миграционные процессы являются неотъемлемой частью политики любого государства. Низкий уровень жизни в некоторых странах, недостаток рабочих мест, различные политические, экономические и социальные проблемы способствуют перемещению лиц из одного государства в другое в поисках лучшей жизни.

Миграция влияет не только на лиц, участвующих в этих процессах, но также и на демографическую, социальную, экономическую и другие составляющие внутригосударственной жизни. Миграция может оказывать как положительное влияние в виде решения проблемы

занятости населения, способствования социокультурному обмену, так и приносить потенциальную угрозу национальной безопасности, влияя на восприятие государства на международной арене.

Административная ответственность в сфере незаконной миграции в Республике Таджикистан и Российской Федерации, а также по всему миру является неотъемлемой частью административного принуждения и важным элементом в сфере регулирования общественных отношений. В связи с этим, Правительства Республики Таджикистан и Российской Федерации совместно с Министерством внутренних дел, принимают правовые

© Бехзоди Ф. А., 2022

меры по регулированию данной проблемы. В этом направлении административная ответственность играет значительную роль.

Административная ответственность и правовое регулирование в сфере миграции является одним из наиболее важных направлений в стране, которая предусматривает особую систему исполнительных органов, регулирующих миграционные процессы. Пограничные органы осуществляют правовое обеспечение, направленное на соблюдение интересов государства и прав мигрантов, путем установления специальных миграционных режимов для иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации и в Республике Таджикистан.

В правовой науке присутствуют два термина «нелегальная миграция» и «незаконная миграция».

Еврокомиссар по торговле и политике из Швеции Сесилия Мальмстрем, пребывая на должности еврокомиссара по внутренним делам ЕС, предлагала убрать понятие «нелегальный мигрант» из каждого документа Европейской Комиссии. Схожую позицию высказало международное агентство новостей и информации AssociatedPress, руководство которого предупредило каждого сотрудника о запрете использовать термин. Объяснение было таким – оно не отвечает общепринятой этике и гуманизму, который исповедует человечество.

Ситуация привела к тому, что в мировом пространстве изменилось отношение к сфере употребления дефиниции. Исследователи считают, что понятие «нелегальный мигрант» необходимо полностью убрать из документов. Свою позицию они объясняют такими причинами:

1. Человек не может выступать в качестве нелегального субъекта, который находится за пределами права и закона;

2. Под такое определение логичнее относить явления и предметы;

3. Нелегальный мигрант — это неправильная форма обозначения нелегальной миграции с общечеловеческой и политической точки зрения.

В категорию людей, которые незаконно пересекают границу другой страны, входят:

– иностранные граждане и лица без гражданства, которые незаконно пересекли границу в неподобающем месте, что ведет к нарушению миграционных норм того государства, куда они попали;

– жители стран, въезжающих на основании поддельных или недействительных документов, а также в случаях, когда бумаг вообще нет;

– иностранные граждане, въехавшие на легальных основаниях, но с целью, которая не отвечает той, которая указана в визе или разрешении на въезд;

– мигранты, ведущие трудовую деятельность за границей, хотя не имеют на это права. Сюда можно отнести и тех, кто имеет право жить в стране, но им нельзя вести работу там;

– люди, не вставшие на миграционный учет после приезда;

– мигранты, которые после получения отказа в статусе беженца, продолжают жить за границей;

– лица, которые по решению суда, подлежат депортации.

Отдельно стоит остановиться на том, почему каждый год объемы нелегальной миграции увеличиваются в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Для понимания этого феномена, надо рассмотреть причины его появления. Главными факторами, которые провоцируют постоянный рост нелегальной миграции, являются: несовершенство законодательства, что мешает разработать эффективный механизм регулирования миграционных потоков; отсутствие или слабое развитие правосознания у мигрантов, которые не знакомы с правилами пребывания там, куда они попали; желание без особых проблем, а главное быстро, обосноваться за границей.

Одной из основных проблем в сфере административной ответственности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства является несоблюдение нормативных правовых актов в сфере миграции, регламентирующих требования к данной категории граждан. Законодательство в сфере миграции является одним из основных источников, регулирующих сроки пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, и Республики Таджикистан в соответствии с которым применяется порядок пребывания и ответственность за их нарушение.

Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел в Республике Таджикистан, основными видами нарушений правил мигрантами являются [1]:

– несоблюдение правил регистрационного учета – 80 %;

– проживание без разрешительных документов – 9 %;

– несоблюдение правил дорожного движения иностранными гражданами (при трудовой деятельности, например, работа водителем такси) – 6 %.

Правовой основой регулирования отношений в сфере трудовой миграции в Республике Таджикистан является ряд нормативных правовых актов, таких как: законы РТ «О миграции» от 11 декабря 1999 года № 882, «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 29 апреля 2004 года № 535, «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан» от 2 января 2018 года № 1471, Трудовой кодекс Республики Таджикистан от 23 июля 2016 года № 1329, Указ Президента Республики Таджикистан об установлении квоты на иммиграцию и привлечение иностранной рабочей силы в Республику Таджикистан, Постановление Правительства Республики Таджикистан от 31 октября 2008 года № 529 «Об утверждении Правил выдачи разрешения на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые осуществляют трудо-

вую деятельность в Республике Таджикистан и образец его бланка».

Иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Республику Таджикистан для временно-го проживания, могут заниматься определенной трудовой деятельностью при условии, что она соответствует их целям приезда в Республику. Иностранные граждане имеют равные права наравне с гражданами Республики Таджикистан и обязанности в трудовых отношениях [2].

Трудовая деятельность иностранных граждан в Республике Таджикистан осуществляется на основании разрешений (сроком на один год), выданных уполномоченными государственными органами в соответствии с Правилами выдачи разрешения на работу иностранным гражданам.

Необходимо отметить, что за правонарушения в сфере миграции одним из наиболее распространенных наказаний, налагаемых на иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан, является административный штраф.

Иные виды административной ответственности за нарушение миграционного законодательства или незаконного проживания на территории этих государств в отношении иностранных граждан и лиц, без гражданства – выдворение (административная высылка) с территории страны.

Таким образом, проведенный анализ дает основание утверждать, что незаконный мигрант использует различные способы для упрощения пересечения Государственной границы Российской Федерации и Республики Таджикистан, большинство из которых носят незаконный характер и должны сопровождаться привлечением к ответственности.

Уполномоченные органы в миграционной сфере усилили меры ответственности в отношении нелегальных мигрантов; расширены составы правонарушений для привлечения к ответственности мигрантов; увеличено количество наказаний – от самых лояльных до жестких. Легкими, из которых считается штраф и депортация за пределы страны. Целый комплекс вопросов, отвечающих за регулирование трудовой деятельности и которым должны следовать мигранты, определены в главе 18 Кодекса об административных правонарушениях [3]. Кроме того, необходимо дополнить данный документ положением об ответственности для лиц, содействующие иностранным гражданам и лицам без гражданства, и не прошедшие регистрацию в установленном порядке пересекать и находиться на территории страны.

Список источников

1. ИЦ МВД Республики Таджикистан 214/167//15-03-2022 г.
2. Закон Республики Таджикистан «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без граждан-

ства в Республике Таджикистан» от 2 января 2018 года № 1471.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022).

References

1. IC of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan 214/167//15-03-2022.
2. The Law of the Republic of Tajikistan «On the Legal Status of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Republic of Tajikistan» dated January 2, 2018 № 1471.
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on 16.04.2022) (with amendments and additions, intro. effective from 27.04.2022).

Библиографический список

1. Закон Республики Таджикистан «О миграции» от 11 декабря 1999 года № 882.
2. Закон Республики Таджикистан «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 29 апреля 2004 года № 535.
3. Трудовой кодекс Республики Таджикистан от 23 июля 2016 года № 1329.
4. Указ Президента Республики Таджикистан об установлении квоты на иммиграцию и привлечение иностранной рабочей силы в Республику Таджикистан.
5. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 31 октября 2008 года № 529 «Об утверждении Правил выдачи разрешения на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые осуществляют трудовую деятельность в Республике Таджикистан и образец его бланка».
6. Административное право : учебник // Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М. : Юристъ, 1999. 337 с.
7. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения : учебное пособие для вузов / Л. Л. Рыбаковский. М. : Издательство Юрайт, 2020. 480 с.
8. Бышевский Ю. Ю. К вопросу о юридической природе уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Российский следователь. 2015. № 6. С. 15.
9. Ольховик Т. Н. Нелегальная миграция в России : исторический аспект. Автореф. дис. ... к.и.н. [Электронный ресурс].

Bibliographic list

1. The Law of the Republic of Tajikistan «On Migration» dated December 11, 1999 № 882.
2. Law of the Republic of Tajikistan «On Licensing of certain types of activities» dated April 29, 2004 № 535.

3. Labor Code of the Republic of Tajikistan dated July 23, 2016 № 1329.

4. Decree of the President of the Republic of Tajikistan on establishing quotas for immigration and attracting foreign labor to the Republic of Tajikistan.

5. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan dated October 31, 2008 № 529 «On approval of the Rules for issuing work permits to foreign citizens and stateless persons who carry out work activities in the Republic of Tajikistan and a sample of its form».

6. Administrative law : textbook // Yu. M. Kozlova, L. L. Popova. M. : Jurist, 1999. 337 p.

7. Rybakovsky L. L. Migration of the population : a textbook for universities / L. L. Rybakovsky. M. : Yurayt Publishing House, 2020. 480 p.

8. Byshevsky Yu. Yu. On the question of the legal nature of criminal liability for organizing illegal migration // Russian investigator. 2015. № 6. P. 15.

9. Olkhovik T. N. Illegal migration in Russia : historical aspect. Autoref. dis. ... Cand. of I.N. [Electronic resource].

Информация об авторе

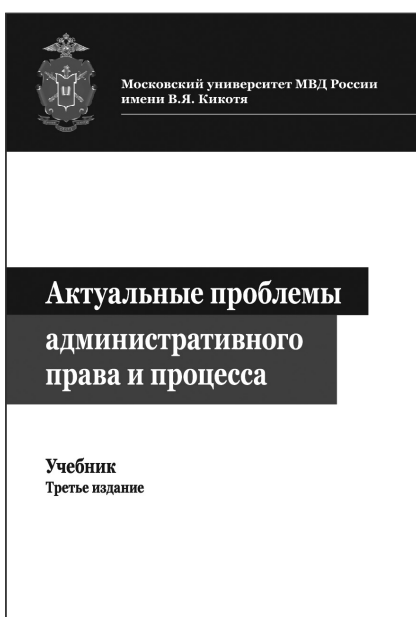
Ф. А. Бехзоди – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

F. A. Behzodi – Adjunct of the Faculty of Training Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel at the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Актуальные проблемы административного права и процесса. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 480 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрен комплекс вопросов административного права и административной деятельности органов власти и управления: общетеоретические аспекты административного права, проблемы управленческого права, административной ответственности и административного процесса, проблемы административно-правового регулирования предпринимательской деятельности, налогов, финансов, банковской деятельности. Раскрыты вопросы обеспечения законности в сфере административной деятельности органов государственной власти и управления, некоторые средства обеспечения законности.

Для подготовки магистров юриспруденции, аспирантов, специалистов по программам Правовое обеспечение национальной безопасности и Правоохранительная деятельность. Может быть полезен научно-педагогическим работникам, занимающимся проблемами административного права и административного процесса.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-48-52>

ИПОН: 2015-0066-6/22-529

MOSURED: 77/27-011-2022-06-728

Современный миропорядок как основа юридической действительности системы международных правоотношений

Валерий Викторович Богатырев¹, Рубен Амаякович Каламкьян²

^{1,2} Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Аннотация. В работе раскрывается юридическая сущность современного миропорядка как основы юридической действительности системы международных правоотношений.

Ключевые слова: Российская Федерация, современный миропорядок, целостность системы международного права

Для цитирования: Богатырев В. В., Каламкьян Р. А. Современный миропорядок как основа юридической действительности системы международных правоотношений // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 48–52. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-48-52>.

Original article

The modern world order as the basis of the legal effectiveness of the system of international legal relations

Valery V. Bogatyrev¹, Ruben A. Kalamkaryan²

^{1,2} Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Vladimir, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Abstract. The paper reveals the legal essence of the modern world order as the basis of the legal effectiveness of the system of international legal relations.

Keywords: Russian Federation, modern world order, integrity of the system of international law

For citation: Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. The modern world order as the basis of the legal effectiveness of the system of international legal relations. Bulletin of economic security. 2022;(6):48–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-48-52>.

Поступательное развитие современного международного правопорядка установлено в параметрах заявленной международно-правовой позиции мирового сообщества по универсальности юридического действия предписания добросовестного выполнения государствами принятых ими международных обязательств.

В режиме реального юридического действия международно-правовая позиция мирового сообщества по всесторонности пространственного применения предписания выполнения на основе принципа добросовестности bona fides корпуса международных обязательств в силу международных договоров и юридически значимо-

го правомерного поведения государств обозначено постановочно предметно практически и юридически.

Современный миропорядок по обстоятельствам целостности системы современного международного права обозначен установочной позицией мирового сообщества по укреплению Международного суда (как главного судебного органа Организации Объединенных Наций – ст. 92 Устава ООН) с предметно заявленным юридическим действием обеспечения правосудия и верховенства права в международных делах (Декларация тысячелетия 2000 г., п. 30; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 134). Принимая к производству все дела, кото-

© Богатырев В. В., Каламкьян Р. А., 2022

рые переданы ему сторонами и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Организации Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями (п. 1 ст. 36 Статута Международного суда), Международный суд как орган международного правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права (ст. 11 Образцовых правил арбитражного процесса, принятых Комиссией международного права ООН в 1958 г.). Представленный здесь общий принцип права запрета *non-liquet* (по смыслу п. 3 ст. 38 Статута Международного суда) показательно подтверждает целостный характер системы современного международного права с одновременной объективной констатацией отсутствия в ней каких-либо пробелов.

Упорядоченный в режиме верховенства права заявительный посыл мирового сообщества позиционирован приверженностью глобальному партнерству в целях развития и, как прямое следствие заявленному юридическому предписанию прямого действия, приверженностью проведению рациональной политики, утверждению принципа благого правления на всех уровнях и верховенства права (Декларация тысячелетия 2000 г., п. 11–20; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 20–22).

Концептуально, непосредственным юридическим позитивом глобального партнерства в целях развития обозначает себя принятие глобальных экономических решений. В параметрах объективной констатации востребованности реформирования международной финансовой архитектуры установлена приверженность мирового сообщества принципам управления, справедливости и транспарентности как основе функционирования финансовой, валютной и торговых систем. Предметную юридическую значимость здесь определяет себя укрепление координации действий системы Организации Объединенных Наций во взаимодействии со всем корпусом финансовых учреждений с обозначенной юридической позицией содействия поступательному экономическому развитию мирового сообщества (Декларация тысячелетия 2000 г., п. 11–20; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 33–39).

По обстоятельствам объективной констатации спектра взаимосвязанных и транснациональных угроз современному миропорядку логическим и юридически обоснованным ответом на это обозначено эффективная действующая на основе Устава ООН и норм международного права система коллективной безопасности. Противодействие всему спектру угроз современному миропорядку обозначена по факту подтверждения ситуации, при которой Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание мира и безопасности и юридически правомочен санкционировать принудительные действия для поддержания и восстановления международного мира и безопасности. Укрепление Организации Объединенных Наций в режиме конструктивного сотрудничества между органами системы права ООН

на концептуальном и предметно практическом уровне обозначено общей заинтересованностью мирового сообщества. Российская Федерация в параметрах заявленной приверженности верховенству проводит последовательный внешнеполитический курс на поддержание международной законности и правопорядка. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем обращении на заседании юбилейной, 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН постановочно заявил: «В водовороте международных событий необходимо действовать сообща и опираться при этом на зафиксированные в Уставе ООН принципы международного права»¹.

Правовое пространство современного миропорядка, реализуя себя в режиме универсальной системы международной безопасности на основе Устава ООН, предписывает упорядоченный в параметрах верховенства права процесс постконфликтного миростроительства и восстановления. Созидательный процесс международно-правового строительства современного миропорядка приемлет исключительно востребованность обеспечения целостности системы нормотворчества и правоприменения. Соблюдение права; пресечение нарушения права; недопустимость злоупотребления правом; санкционирование за случаи нарушения права, злоупотребления правом – таковы общепризнанные постулаты должного юридически значимого правомерного поведения государств как суверенов процесса международного взаимодействия. Заявительный посыл мирового сообщества в формате верховенства права постановочно сделан и подлежит быть осуществленным по обстоятельствам подтвержденной позиции государств-членов системы права ООН. Международно-правовая включенность государств в режим современного миропорядка предметно обозначена готовностью всего субъектного корпуса системы права ООН содействовать укреплению современного миропорядка как реально существующего юридического феномена международных правоотношений.

Поступательное развитие системы современных международных правоотношений в параметрах миропорядка на основе верховенства права обозначено в институциональном плане как глобальное партнерство в целях развития (Декларация тысячелетия 2000 г., п. 5; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 20–22), что позиционно установлено заявленной приверженностью мирового сообщества проведению рациональной политики, утверждению принципов благого правления на всех уровнях и верховенства права. Позитив права со стороны субъектного состава мирового сообщества заявлен и последовательно реализуется на пространстве системы современных международных правоотношений.

Постановочный юридический статус в режиме миропорядка на основе верховенства права объективно обоснованно обозначен поддержанием эффективной

¹ Российская газета, 30 сентября 2020 г.

и действенной системы коллективной безопасности, согласующейся с целями и принципами Устава ООН, универсальной обязанностью всех государств по факту предписаний Устава ООН уважать права человека и основные свободы для всех без каких-либо различий по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных воззрений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного статуса (Декларация тысячелетия 2000 г., п. 8–10, 24–25; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 69–72, 121–131). При обстоятельствах, когда все права человека универсальны, неделимы, взаимосвязаны, взаимозависимы, подкрепляют друг друга, современное международное право устанавливает юридическую востребованность подходить к ним одинаково справедливо, равным образом, в режиме целостного правового восприятия. Позитив правоприменительной практики мирового сообщества в части прав человека определяет себя предписанием укреплять механизмы Организации Объединенных Наций в области прав человека с предметно установленной юридической позицией обеспечивать поддержание на всем правовом пространстве мирового сообщества целостного по своему юридическому содержанию корпуса гражданских, политических, экономических, социальных, культурных прав, равно как права на развитие.

Позиционирование института прав человека в системе права Организации Объединенных Наций обозначено юридическим взаимодействием прав человека, режима верховенства права и собственно самого международного правопорядка, воплощающего в себе процесс международно-правового строительства универсального пространства юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всего субъектного состава современных международных правоотношений государств, физических и юридических лиц. Международно-правовая защита и поощрение всех прав человека в режиме верховенства права, поддержание целостности современного правопорядка обозначают собой юридические категории эффективности и действенности системы коллективной безопасности, действующей в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

Будучи такой, какой она юридически есть (целостной по форме и заключенной по содержанию) система права ООН обоснованно позиционирует себя в режиме востребованности укрепления Организации Объединенных Наций (Декларация тысячелетия 2000 г., Глава VIII «Укрепление Организации Объединенных Наций», п. 29–32; Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., Глава V «Укрепление Организации Объединенных Наций», п. 146–148). Показательно широкое юридически документальное пространство основополагающих международно-правовых актов современного миропорядка, какими без сомнения представляются Декларация тысячелетия 2000 г. и Итоговый документ

Всемирного саммита 2005 г., однозначно свидетельствует о заявленной готовности мирового сообщества осуществлять в режиме прямого юридического действия обязательство укреплять Организацию Объединенных Наций с предметной задачей повышения авторитета и эффективности ООН, наращивания потенциала ООН эффективно и в соответствии с целями и принципами Устава ООН реагировать на потенциальные угрозы универсальной международной безопасности на всем правовом пространстве мирового сообщества, равно как на любые нарушения целостности системы современного международного права. Юридическим подтверждением заявленной готовности мирового сообщества выполнять обязательство по укреплению Организации Объединенных Наций обозначена принципиальная позиция всего субъектного состава ООН содействовать повышению уровня международно-правовой включенности межправительственных органов Организации Объединенных Наций в процесс упорядочения межгосударственных отношений в режиме верховенства права в соответствии с объективными требованиями современного миропорядка в XXI веке.

Постановочно, концептуальный позитив процесса укрепления Организации Объединенных Наций, как он призван себя проявлять на пространстве XXI века в рамках глобального партнерства в целях развития, установлен в параметрах эффективного выполнения всем корпусом структурных подразделений и собственно самими шестью главными органами Организации Объединенных Наций (Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по Опеке, Международный суд, Секретариат – ст. 7 Устава ООН) своих организационно-правовых функций в рамках предписаний соответствующих мандатов по Уставу ООН.

Позитив права в формате объективной востребованности эффективного выполнения органами Организации Объединенных Наций своих соответствующих мандатов согласно Уставу ООН в своем логически и юридически установленном порядке обозначен всесторонним развитием конструктивного сотрудничества, укреплением координации, целевым взаимодействием во имя поддержания действенности функционирования системы права ООН с конечной и юридической задачей формирования более эффективной Организации Объединенных Наций по уровню выполняемости предписаний Уставных целей и принципов (ст. 1–2 Устава ООН).

По обстоятельствам международно-правового строительства современного миропорядка реформированная Организация Объединенных Наций призвана обеспечивать в должном формате юридическую безопасность (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех государств-членов ООН логически объективно обеспечивать беспрепятственное прохождение процесса выработки и принятия соответствующих юридических актов.

Генеральная Ассамблея в параметрах признанных ею полномочий как главного совещательного, формирующего политику и международно-правовую позицию ООН представительного органа Организации Объединенных Наций (ст. 9–22 Устава ООН), равно как уполномоченного органа ООН в процессе прогрессивного развития и кодификации современного международного права и его институтов призвана согласно заявительному позитиву мирового сообщества по укреплению Организации Объединенных Наций повысить уровень включенности в режим взаимодействия с другими главными органами ООН в порядке осуществления координации деятельности всей структуры организационно-правового строительства ООН по выполнению мандатов доверия со стороны государств-членов. Показательные с точки зрения права полномочия Генеральной Ассамблеи согласно ст. 10 Устава ООН обсуждать любые вопросы или дела, относящиеся к полномочиям или функциям любого из органов ООН (с учетом предписаний п. 1 ст. 12 Устава ООН, когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него функции по осуществлению главной ответственности по поддержанию международного мира и безопасности – п. 1 ст. 24 Устава ООН), делать рекомендации государствам-членам Организации Объединенных Наций или Совету Безопасности или и государствам-членам Организации Объединенных Наций и Совету Безопасности по любым заявленным таким образом вопросам или делам.

Последовательный процесс международно-правового строительства более эффективной Организации Объединенных Наций (в порядке осуществления глобальной задачи по укреплению Организации Объединенных Наций) применительно к Экономическому и Социальному Совету как главному органу, отвечающему в рамках своих полномочий (ст. 61–72 Устава ООН) за координацию, обзор политики, диалог по вопросам политики и вынесения рекомендаций по вопросам экономического и социального развития, достижение целей в области развития в рамках крупных конференций и встреч Организации Объединенных Наций на высшем уровне, установлен в параметрах содействия глобальному партнерству в целях развития в экономической и социальной, экологической, гуманитарной областях. Упорядочение международного сотрудничества в целях развития на основе права в режиме своего логического восприятия обозначено через посредство укрепления связей между нормотворческими и оперативными сторонами поступательной деятельности Организации Объединенных Наций по построению миропорядка на основе верховенства права (Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 155–156). Содействие повышению согласованности мероприятий в целях развития реализуемых различными субъектами права-партнерами в целях развития, установлено по обстоятельствам востребованности добросовестного выполнения всеми субъектами международных правоотношений Уставных целей и принципов Организации Объединенных Наций.

Предписание последовательного обеспечения осуществления решений крупных конференций и встреч Организации Объединенных Наций на высшем уровне обозначено нормоустанавливающим критерием включенности Экономического и Социального Совета в процесс укрепления Организации Объединенных Наций.

Последовательный нормотворческий процесс по совершенствованию институционно-правового построения системы права ООН в части укрепления правозащитного механизма в деятельности Организации Объединенных Наций постановочно обозначен показательно юридически значимым решением по созданию Совета по правам человека. Новаторский юридический фактор в системе права ООН установлен позиционированием Совета по правам человека в части осуществления международной ответственности за обеспечение всеобщего уважения обязанности защищать все права человека и основные свободы всех людей без каких-либо различий по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных воззрений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или другого статуса. Будучи призван рассматривать весь спектр ситуаций в области выполняемости прав человека как юридическое предписание должного поведения, в том числе грубые и систематические нарушения прав человека, Совет по правам человека согласно своим полномочиям выносит свои решения в форме рекомендательных юридических положений по совершенствованию правозащитного механизма Организации Объединенных Наций и тем самым содействует эффективной координации и международно-правовой актуализации проблематики прав человека в параметрах общей системы права Организации Объединенных Наций (Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., п. 157–160).

Международно-правовое строительство современного миропорядка, позиционно обозначенное в режиме укрепления Организации Объединенных Наций, юридически предметно обозначено в режиме востребованности совершенствования системы управления как она проявляет себя на пространстве права ООН. Позиционно юридически обоснованно установлено предписание поступательного функционирования эффективного (с точки зрения выполняемости юридических актов), действенного (в плане обеспечения целостности системы права ООН) и подотчетного (в системе добросовестного выполнения персоналом своих обязанностей) Секретариата Организации Объединенных Наций (ст. 97–101 Устава ООН). При обстоятельствах, когда культура организационной подотчетности, транспарентности и добросовестности установлена в качестве общего принципа юридически значимого правомерного поведения всего субъектного состава Секретариата Организации Объединенных Наций, юридическое положение Генерального Секретаря ООН и персонала Секретариата определено их статусом международных должностных лиц, ответственных только перед Орга-

низацией Объединенных Наций (ст. 100 Устава ООН). Позитив права в части институционно-правового реформирования системы управления на уровне Секретариата Организации Объединенных Наций обозначен созданием эффективных и действенных механизмов обеспечения ответственности и подотчетности Секретариата Организации Объединенных Наций. Юридически значимое улучшение процессов надзора и управления в Организации Объединенных Наций предметно обоснованно обеспечивается статусом независимого органа со стороны Управления служб внутреннего надзора. Показательно востребованным с точки зрения права фактором дальнейшего совершенствования процессов надзора и управления в Организации Объединенных Наций является перевод деятельности Управления служб внутреннего надзора на правовое пространство деятельности всей системы учреждений Организации Объединенных Наций. Расширение деятельности Управления служб внутреннего надзора таким образом, чтобы обеспечивать режим внутреннего надзора обозначено учреждениям всей системы Организации Объединенных Наций. Концептуально и предметно практически, расширение деятельности Управления Служб внутреннего надзора определяет себя в качестве нормоустанавливающей основы поддержания внутренней безопасности всех учреждений системы Организации Объединенных Наций.

Правотворческий позитив процесса укрепления Организации Объединенных Наций в общих параметрах миропорядка на основе верховенства права постановочно обозначен в режиме установленной востребованности обеспечения большей слаженности действий в

масштабе всей системы права ООН. Логически обоснованным предписанием должного поведения всего субъектного состава системы права ООН здесь установлено укрепление связей между нормотворческой деятельностью системы Организации Объединенных Наций и оперативной деятельностью системы Организации Объединенных Наций.

Совокупное юридическое воздействие нормотворческой и оперативной деятельности системы ООН показательно содействует поддержанию целостности системы современного международного права как она предметно представлена современного миропорядка.

Список источников / References

1. Lauterpacht H. The development of international law by the International Court. L., 1958. P. 345.
2. Guggenheim P. Traité de droit international public. Geneve, 1954-1959. Vol. 1. P. 75–76; Vol. 2. P. 120.
3. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the ICJ // DYDIL. 1957. L., 1958. Vol. XXXIII. P. 230–231.
4. Waldock H. Decline of the Optional Clause // BYBIL. 1956. L., 1957. Vol. XXXII. P. 250–254.
5. Rosenne Sh. The International Court of Justice. Leiden, 1957. P. 315–318.
6. Maus B. Les Reserves dans les declarations d'acceptation de la juridiction obligatoire de la CIJ. Geneve, P. 59–62.
7. Rousseau Ch. Droit international public approfondi. P., 1958. P. 46.
8. Hudson M. Twenty-fourth year of the World Court // AJIL. 1946. Vol. 40. P. 34.

Информация об авторах

В. В. Богатырев – заведующий кафедрой «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор;

Р. А. Каламкарян – профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

V. V. Bogatyrev – Head of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Doctor of Legal Sciences, Professor;

R. A. Kalamkaryan – Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of the M.M. Speransky Law Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 29.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-53-57>

НИОН: 2015-0066-6/22-530

MOSURED: 77/27-011-2022-06-729

Использование специальных знаний при расследовании хулиганства

Айдар Шамилевич Габдрахманов¹, Сергей Яковлевич Казанцев²

^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

¹ aidar191@mail.ru

Аннотация. Перечисляются виды судебных экспертиз, назначаемые при расследовании хулиганства. Материал содержит примеры судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 213 УК РФ. Представленная в статье информация может быть использована в практической деятельности дознавателя ОВД.

Ключевые слова: экспертизы, хулиганство, судебная практика

Для цитирования: Габдрахманов А. Ш., Казанцев С. Я. Использование специальных знаний при расследовании хулиганства // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 53–57. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-53-57>.

Original article

Use of special knowledge in the investigation of hooliganism

Aidar Sh. Gabdrakhmanov¹, Sergey Ya. Kazantsev²

^{1,2} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

¹ aidar191@mail.ru

Abstract. The types of forensic examinations assigned in the investigation of hooliganism are being listed. The material contains examples of judicial practice in criminal cases of crimes under Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. The information presented in the article can be used in the practical activities of an internal affairs investigator.

Keywords: expertise, hooliganism, judicial practice

For citation: Gabdrakhmanov A. Sh., Kazantsev S. Ya. Use of special knowledge in the investigation of hooliganism. Bulletin of economic security. 2022;(6):53–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-53-57>.

Современные достижения различных областей знаний играют важную роль в расследовании преступлений. В отдельных случаях их использование является одним из условий возбуждения уголовного дела. В связи с тем, что преступность становится все более «профессиональной», становится более интенсивным и использование специальных знаний. В уголовно-процессуальном законе закреплена система случаев и правил применения специальных познаний сведущих лиц в предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел.

Все формы применения специальных знаний можно систематизировать следующим образом:

1) проведение исследований с составлением процессуального акта, имеющего доказательственное значение (судебная экспертиза);

2) оказание содействия в поиске, обнаружении и фиксации доказательств (участие специалиста в производстве следственных и иных процессуальных действий);

3) консультативная и справочно-удостоверительная деятельность (устные консультации, предоставление справок и иных документов, дача показаний специалистом);

4) обеспечительная деятельность (участие в уголовном судопроизводстве переводчика, педагога, психолога) [1, с. 170].

Среди перечисленных форм основной является судебная экспертиза, сущность которой состоит в исследовании экспертом (сведущим лицом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы для установления фактических данных, имеющих зна-

чение для разрешения дела. Судебная экспертиза может проводиться по заданию суда, дознавателя, следователя. Экспертное заключение по результатам проведенного исследования является доказательством по уголовному делу.

В процессе расследования преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ «Хулиганство», чаще всего, назначаются: судебно-медицинская (почти 80 % случаев); судебно-биологическая (около 13 % случаев); судебно-баллистическая (около 10 % случаев); криминалистическая экспертиза холодного оружия (около 13 % случаев); дактилоскопическая (около 8 % случаев); судебно-психиатрическая (9 % случаев) экспертизы.

Практически в 85 % случаев следователи (дознаватели) по результатам судебной экспертизы получают доказательства преступления еще на первоначальном этапе и только в 8 % случаев на последующем этапе расследования [1, с. 171].

Судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) – это анатомическое и медицинское исследование организма человека (лица, совершившего хулиганские действия, потерпевшего) для того, чтобы определить степень тяжести телесных повреждений, их характера, причин, локализации, времени появления. Проведение экспертизы позволяет установить: степень и характер вреда, причиненного здоровью; психическое и физическое состояние обвиняемого (подозреваемого, потерпевшего), его возраст, если отсутствуют подтверждающие документы или вызывают сомнения. Объектом исследования могут выступать предметы со следами, которые имеют отношение к совершенному преступлению (например, кровь).

СМЭ призвана ответить на следующие вопросы: Каким орудием преступления был нанесен вред здоровью потерпевшего? В каких условиях или при каких обстоятельствах были причинены выявленные повреждения? Могли ли они быть причинены при обстоятельствах, указанных допрошенными лицами? Каков срок давности нанесения телесных повреждений? Находится ли подозреваемый в состоянии наркотического или алкогольного опьянения? и др.

Так, показания потерпевшего БАА и подсудимого Миронова В. С. об обстоятельствах умышленного причинения потерпевшему легкого вреда здоровью согласуются с заключением судебно-медицинской экспертизы, которым у потерпевшего на голове установлено телесное повреждение, которое могло образоваться при однократном воздействии тупого твердого предмета, при этом локализация, механизм и давность образования указанного повреждения полностью соответствует показаниям потерпевшего и подсудимого. Заключение судебно-медицинской экспертизы суд находит законным и обоснованным, поскольку указанная экспертиза проведена с соблюдением уголовно-процессуального закона, выводы эксперта не противоречат обстоятельствам совершения преступления, установленным в судебном заседании [6].

Судебно-биологическая экспертиза – это исследование материала животного или растительного происхождения, который попадает в область внимания следствия. Объектом исследования данного вида экспертизы могут быть обнаруженные на месте происшествия: следы вещества бурого цвета, (присутствовали почти в 30 % случаев); окурки сигарет (около 3 % случаев); одежда потерпевшего (около 3% случаев); маски, которые скрывали лица хулиганов (менее чем в 1 % случаев) и т. п.

Судебно-биологическая экспертиза на основании исследования образца крови или слюны может дать ответы на следующие вопросы: каково происхождение пятен на исследуемом объекте; если они принадлежат человеку, то какая их групповая принадлежность; не принадлежит ли к этой группе потерпевший или подозреваемый; в какое время были образованы эти следы; и др.

Так, согласно заключению биологической судебной экспертизы № 28 от 24 января 2017 г., проведенной по уголовному делу № 1-101(38385)2017, установлено: на марлевом тампоне обнаружена кровь человека, при установлении групповой принадлежности которой выявлен группоспецифический антиген В, свойственной группе крови Вa, следовательно, происхождение крови не исключается от лиц с указанной группы крови, в том числе от потерпевшего ФИО10 [7].

Из криминалистических экспертиз по делам о хулиганстве обычно проводятся: дактилоскопическая, трасологическая, почерковедческая, лингвистическая, фоноскопическая, химическая, судебно-баллистическая.

Дактилоскопическая экспертиза направлена на идентификацию лица и установление обстоятельств хулиганства путем исследования следов, которые образованы рельефной поверхностью кожи рук и ступней человека. Эти следы могут быть оставлены на орудии преступления, брошенном на месте происшествия, или на других предметах, которых касался хулиган при совершении правонарушения. Их в первоочередном порядке необходимо направлять на дактилоскопическую экспертизу, чтобы установить пригодность для идентификации.

Дактилоскопическая экспертиза дает ответы на следующие вопросы: есть ли на исследуемом предмете следы пальцев рук; принадлежат ли они конкретному лицу (ФИО); кому они принадлежат; имеются ли какие-нибудь особенности строения кисти или пальцев рук (шрамы, заболевания кожи, отсутствие фаланг пальцев); каким образом эти следы образованы; скольким лицам принадлежат следы, оставленные на исследуемом предмете; и др.

Кроме идентификации подозреваемого эксперт-дактилоскопист может помочь следователю (дознавателю) в розыске скрывшегося хулигана, определить его пол, примерные возраст и рост; давность оставления следов; наличие на руках посторонних предметов (н-р, колец).

Изучение практики расследования хулиганства показало, что не всегда возможности дактилоскопической экспертизы используются в полном объеме. Так, например, по факту избияния молотком прохожего ночью было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 213 УК РФ. Молоток был обнаружен на месте происшествия, однако дактилоскопическая экспертиза по нему не проводилась. Точно установить, кто из трех соучастников ударил потерпевшего молотком не удалось [2, с. 59]. Очевидно, что в данном примере субъект расследования не использовал в полной мере возможности судебных экспертиз, недооценив действительной степени общественной опасности деяния, совершенного обвиняемым.

Трасологическая экспертиза при расследовании хулиганских действий определяет наличие следов на месте преступления, устанавливает временной промежуток и механизм образования следов, идентифицирует данные следы со следами предполагаемых правонарушителей, устанавливает предмет, орудие совершения преступления, устанавливает предмет по найденным на месте преступления фрагментам.

Объектом трасологической экспертизы могут быть: следы обуви и одежды, инструментов, орудий, следы ног, зубов, губ, следы повреждений различных предметов и механизмов (замок, пломба и пр.) и др.

Почерковедческая экспертиза представляет собой исследование почерка текстов и надписей, как правило, нецензурного или оскорбительного характера, а также анонимных писем (записок) с угрозами и направлена на установление фактов принадлежности почерка конкретному лицу, подражания (фальсификации) рукописного документа и т. п. Объектами данного вида экспертизы являются записки, письма, документы, предметы, пригодные для написания.

Почерковедческая экспертиза разрешает следующие вопросы: кем (ФИО или другое лицо) выполнена надпись (запись); одним или несколькими лицами сделана надпись (запись); кем, мужчиной или женщиной, выполнена надпись (запись); сколько примерно лет «автору» надписи; в каком состоянии находился человек, сделавший надпись (написавший записку) и др.

Лингвистическая экспертиза – это процессуально-регламентированное исследование продуктов речевой деятельности. В последнее время данная экспертиза назначается по делам о хулиганстве, совершенном по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Объекты лингвистической экспертизы: речевые произведения в форме письменного текста или устного высказывания, зафиксированные на любом материальном носителе; печатная продукция (книги, брошюры, листовки и т. п.), обнаруженная у хулигана в квартире, личных вещах, автомобиле; тексты, представленные на любом материальном носителе, в том числе в цифровом формате (скриншоты интернет-страниц; скриншоты

электронной коммуникации в мессенджерах; фотографии граффити и т. п.); видеоролики и др.

Анализ судебной практики показывает, что экспертиза данного вида проводится достаточно редко даже в ходе расследования «экстремистских» хулиганских действиях, так как высказывания преступников, зачастую, прямо свидетельствуют об их желании оскорбить и совершить действия именно в отношении лица другой национальности, расы и др. (например, совершение хулиганских действий в ходе драки «скинхедов» с лицами неславянской внешности, выкрики подозреваемого «бей черных» и т.п.), а наличие экстремистских мотивов устанавливается, в основном, в ходе допросов и очных ставок.

Фоноскопическая экспертиза применяется для исследования голоса и речи, представленных на носителе, изъятом у хулигана (телефон, магнитофон, диктофон и др.). С помощью данного вида экспертизы можно идентифицировать личность хулигана по голосу и речевым особенностям, установить содержание записи, определить количество участников записанного разговора, установить наличие монтажа или изменений звука голоса в записанном фрагменте, определить в каких условиях осуществлялась запись (на улице, в метро, в помещении и т. п.).

Химическая экспертиза в ходе расследования дел о хулиганстве чаще всего проводится для того, чтобы установить состав вещества, жидкости, порошка, краски, табачных изделий, лекарственных препаратов, которые были использованы при совершении правонарушения, и были оставлены в качестве следов на одежде подозреваемого (потерпевшего) или предметах.

Объективная сторона хулиганства может содержать применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ), что предполагает, в зависимости от конкретного вида примененного орудия преступления, назначение и производство таких экспертиз, как: судебно-баллистическая; криминалистическая экспертиза холодного оружия; взрывотехническая (ВТЭ) и др. [3, с. 197].

Назначение и производство указанных видов экспертиз является обязательным, если в ходе расследования хулиганства обнаружены оружие, пули, гильзы, следы выстрела, взрыва или применения холодного (режущего или ударно-раздробляющего) оружия и выдвигается и проверяется версия о том, что орудием преступления являлось огнестрельное, холодное или иное (например, химическое) оружие, либо взрывные устройства.

Судебно-баллистическая экспертиза назначается в отношении оружия, которое изымается с места происшествия или у подозреваемых, устанавливает его техническое состояние, модель, марку, калибр, пригодность для стрельбы, давность производства выстрелов из оружия. Предметом экспертизы могут выступать и следы применения оружия, в этом случае устанавливаются обстоятельства производства выстрелов.

По делам о хулиганстве данный вид экспертизы часто назначается в целях: 1) идентификации оружия по стреляным пулям и гильзам, которые обнаружены на месте преступления (около 3 % всех случаев); 2) определения возможности выстрела без нажатия на спусковой крючок; 3) определения дистанции выстрела; 4) установления факта и давности выстрела.

Криминалистическая экспертиза холодного оружия по делам о хулиганстве, чаще всего, производится в целях установления: принадлежности предмета к холодному оружию; типа, вида оружия; способа его изготовления. Также необходимо учитывать, что примененное оружие или предметы, использованные в качестве оружия, могут нести на себе важные следы преступления, среди которых, чаще всего, встречаются: следы рук; следы вещества бурого цвета (крови потерпевшего); волокна одежды подозреваемого и потерпевшего и некоторые другие микрообъекты.

Взрывотехническая экспертиза назначается согласно ст. 195 УПК РФ и производится для того, чтобы установить факт взрыва и его причины, а также определить конструкцию взрывательного устройства, использованного для взрыва. С помощью данной экспертизы может быть определен вид, количество заряда, способ и средство подрыва, могут быть получены сведения, которые будут способствовать поиску изготовителей устройства и людей, причастных к происшедшему противоправному действию [4, с.167].

При расследовании хулиганства, особенно совершенного по мотивам национальной или расовой ненависти или вражды, большое значение имеют результаты судебно-психиатрической экспертизы, задача которой заключается в том, чтобы определить причины поведения человека в определенной ситуации, отсутствие должной реакции или реагирование неадекватно ситуации.

Данный вид экспертизы одинаково часто производится как на первоначальном, так и на последующем этапах расследования хулиганства – около 5 % случаев. Заключение судебно-психиатрической экспертизы устанавливает возможность привлечения обвиняемого к ответственности, а также определения ему допустимых мер воздействия (наказания и (или) лечения).

В отдельных ситуациях она назначается в обязательном порядке, к примеру, когда психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, вызывает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве (п. 3 ч. 1 ст. 196 УПК РФ) [5].

Результаты изучения практики расследования хулиганства показали, что почти в 3 % случаев хулиганские действия были совершены лицами, находящимися в состоянии невменяемости (ст. 21 УК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основными формами использования специальных знаний в расследовании преступлений, в том числе хулиган-

ства, общепризнанными являются судебные экспертизы и исследования. Их использование помогает решить большинство задач уголовного судопроизводства при расследовании хулиганства, в том числе и в условиях противодействия расследованию. Выбор форм зависит от характера конкретной следственной и криминальной ситуации, а также от задач расследования по конкретному делу.

Список источников

1. Бакурадзе Н. С. К вопросу о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2020. № 44 (334).

2. Ильин А. И. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 59.

3. Максимов В. П. Формы, методы и направления использования специальных знаний в целях выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. №. 3 (41). С. 197.

4. Матюшенков А. Н. Судебная взрывотехническая экспертиза: проблемы и решения // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Право. 2006. № 5. С. 167.

5. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова № 1-432/2018 от 16 июля 2018 г. по делу № 1-432/2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/DlQ60sqckld4/> (дата обращения: 25.03.2022); Приговор Ленинского районного суда г. Кирова № 1-792/2016 от 10 ноября 2016 г. по делу № 1-792/2016 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/SeUi7N6ITLH9/> (дата обращения: 25.03.2022) и др.

6. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова № 1-615/2019 от 2 сентября 2019 г. по делу № 1-615/2019 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/svOMjObAEZlt/> (дата обращения: 25.03.2022).

7. Приговор Кирово-Чепецкого районного суда (Кировская область) № 1-101/2017 от 11 апреля 2017 г. по делу № 1-101/2017 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/4XZF9fzS3jNb/> (дата обращения: 25.03.2022).

References

1. Bakuradze N. S. To the question of the application of special knowledge in criminal proceedings // Young scientist. 2020. No 44 (334).

2. Ilyin A. I. Tactics of preliminary verification of a crime report: dis. ... cand. legal Sciences. M., 2017. P. 59.

3. Maksimov V. P. Forms, methods and directions of using special knowledge in order to identify and

overcome opposition to the investigation of crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. № 3 (41). P. 197.

4. Matyushenkov A. N. Forensic explosive expertise: problems and solutions // Bulletin of the South Ural state university Series: Law. 2006. No 5. P. 167.

5. Sentence of the Leninsky District Court of Kirov No. 1-432/2018 dated July 16, 2018 in case No. 1-432/2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/DIQ60sqckld4/> (date of access: 03/25/2022); Sentence of the Leninsky District Court of Kirov No. 1-792/2016 dated November 10, 2016 in case No. 1-792/2016 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic

resource]. Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/SeUi7N6ITLH9/> (accessed: 25.03.2022), etc.

6. Sentence of the Leninsky District Court of Kirov No. 1-615/2019 dated September 2, 2019 in case No. 1-615/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/svOMjObAEZlt/> (accessed: 25.03.2022).

7. Sentence of the Kirovo-Chepetsky District Court (Kirov Region) No. 1-101/2017 dated April 11, 2017 in case No. 1-101/2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/4XZF9fzS3jNb/> (accessed: 25.03.2022).

Информация об авторах

А. Ш. Габдрахманов – начальник кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

С. Я. Казанцев – профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. Sh. Gabdrakhmanov – Head of the Criminology Department of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. Ya. Kazantsev – Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-58-60>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-6/22-531

МОДУЛЬ: 77/27-011-2022-06-730

Состязательность гражданского судопроизводства: вопросы развития и реализации в судебной практике

Наида Шамильевна Гаджиалиева

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, naidka79@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с закреплением и реализацией принципа состязательности в гражданском судопроизводстве. Дано понятие принципа состязательности, влияние объема его реализации на определение формы гражданского процесса. Указанный принцип рассматривается на различных стадиях и видах гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: принципы судопроизводства, состязательность, основные начала гражданского судопроизводства, гражданский процесс

Для цитирования: Гаджиалиева Н. Ш. Состязательность гражданского судопроизводства: вопросы развития и реализации в судебной практике // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 58–60. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-58-60>.

Original article

Competitiveness of civil litigation: issues of development and implementation in judicial practice

Naida Sh. Gadzhialieva

Dagestan State University, Makhachkala, Russia, naidka79@mail.ru

Abstract. The issues related to the consolidation and implementation of the adversarial principle in civil proceedings are being considered. The concept of the principle of competitiveness, the influence of the volume of its implementation on the definition of the form of the civil process are being given. This principle is considered at various stages and types of civil proceedings.

Keywords: principles of legal proceedings, adversarial nature, basic principles of civil legal proceedings, civil process

For citation: Gadzhialieva N. Sh. Competitiveness of civil litigation: issues of development and implementation in judicial practice. Bulletin of economic security. 2022;(6):58–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-58-60>.

Состязательность является одним из основных начал гражданского процесса, свойственных большинству процессов в мировой зарубежной практике. Состязательные начала процесса противопоставляются следственным, когда в конечном итоге только от суда зависит полный сбор необходимых доказательств по делу, полнота исследования всех материалов дела, достижение истины в судопроизводстве.

Пределы состязательных начал в гражданском процессе различаются в разных странах. Также существенно различны пределы состязательности в современном российском законодательстве по сравнению с советскими процессуальными законами, хотя по ГПК РСФСР 1964 года состязательность процесса также провозглашалась принципом гражданского судопроизводства.

Дело в том, что содержание принципа **состязательности** было резко ограничено активной помощью суда

в собирании доказательств и формировании предмета доказывания по делу. В конечном счете, именно суд нес ответственность за полноту собранных доказательств, поскольку их неполнота вела к отмене решения суда. На суд законом возлагалась ответственность за установление истины по делу, так как на основании статьи 14 ГПК РСФСР 1964 года суд был обязан принимать все меры по выяснению всех обстоятельств дела.

Из этого можно сделать вывод, что состязательные начала процесса сочетались со следственными, хотя формально процесс считался состязательным, дополняемым активностью суда в доказательственном процессе. Конституция РФ 1993 года впервые в истории российского конституционного законодательства провозгласила, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Данная конституционная норма стала мощным стимулом для

развития состязательных начал гражданского судопроизводства.

Реальные шаги в этом направлении были сделаны уже в Федеральном законе РФ от 27 октября 1995 г., по которому были разграничены обязанности суда и сторон по собиранию и представлению доказательств. При этом полностью была изменена редакция одной из ключевых статей ГПК РСФСР – ст. 50, в которой теперь по-новому определялись обязанности сторон и суда по сбору и представлению доказательств.

Эти изменения были закреплены и получили дальнейшее развитие в ГПК РФ 2002 года, причем действие принципа **состязательности** отныне подробно регулируется в различных стадиях гражданского процесса, начиная с разбирательства дела в суде первой инстанции, а затем и в вышестоящих судебных инстанциях. Поскольку разбирательство дела в суде первой инстанции является центральной стадией гражданского судопроизводства, весьма важно уяснить, как распределяются обязанности по доказыванию при подготовке дела к судебному разбирательству, а также само судебное разбирательство.

В ст. 56 ГПК РФ сформулирована общая процессуальная норма, определяющая обязанности сторон и суда по доказыванию.

Обязанности сторон. Каждая сторона должна доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено законом. Иное распределение обязанностей доказывания содержится в специальных процессуальных нормах ГПК либо в других федеральных законах.

Так, по искам о возмещении вреда, причиненного личности или имуществу гражданина либо о возмещении вреда, причиненного имуществу юридического лица, лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (ст. 1064 ГК РФ). Таким образом, виновность ответчика презюмируется, вследствие чего истец освобождается от обязанности доказывать вину ответчика в причинении ущерба.

Аналогично решается вопрос о перераспределении обязанности доказывания по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации в ст. 152 ГК РФ. В ней предусмотрено, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Обязанности суда. Хотя обязанности суда коренным образом изменились, нет никаких оснований утверждать, что судья полностью отстранен от активной деятельности в доказательственном процессе. Между тем, некоторые судьи ошибочно считают именно так.

К обязанностям суда ныне относятся:

– во-первых, определить, какие обстоятельства имеют значение для правильного разрешения конкретного дела, для чего должна быть подобрана соответствующая норма материального права и проанализирована ее диспозиция;

– во-вторых, уточнить, какая из сторон должна доказывать эти обстоятельства, и довести это до сведения сторон;

– в-третьих, поставить эти обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на них не ссылались.

Эти правила сформулированы императивно, и судья не может уклониться от выполнения этих обязанностей. Кроме того, суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства. Если же представление дополнительных доказательств для сторон и других лиц, участвующих в деле, затруднительно, суд по их ходатайству оказывает им содействие в собирании доказательств.

Весьма специфична *состязательность процесса по делам особого производства*, где заявителю чаще всего никто не противостоит, а вынесенное судом решение имеет весьма серьезные последствия, в частности, и для тех лиц и организаций, которые при разбирательстве дела непосредственно не участвовали.

В литературе высказывается мнение, что заявитель обязан доказать суду свою правоту, приводя определенные доказательства, на которых он обосновывает свое требование к суду, и обязанности по доказыванию на суд не перекладываются [1].

Такая позиция суда приводит к вынесению подчас необоснованных и незаконных решений, и в тех случаях, когда требование заявителя либо необоснованно удовлетворяется, а решение никем не обжалуется, либо когда выносится решение об отказе в удовлетворении требования, если заявитель не смог доказать его обоснованности, несмотря на его истинность.

Представляется, что оба варианта решения суда будут неправомерны, если сам суд не принял никаких мер по установлению истины по делу.

Среди категорий дел особого производства в настоящее время лидируют дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и об исправлении записей в книгах актов гражданского состояния.

Заявленные требования, как правило, удовлетворяются, хотя они далеко не всегда достаточно обоснованы.

Очевидно, что по этим делам, как и по некоторым другим категориям дел особого производства, активность суда при сборе необходимых доказательств должна быть повышена. Это будет дополнительной гарантией законности судебного решения.

Реализация конституционного принципа состязательности в гражданском процессе вызвала определенные трудности в судебной практике, а также дискуссии среди ученых-процессуалистов.

Дискуссия ведется по вопросу о том, должна ли быть в суде установлена **объективная истина** в связи с изменением содержания состязательности процесса. Некоторыми учеными высказывалось мнение о том, что в настоящее время законодатель отказался от принципа объективной истины в гражданском процессе.

Данная позиция справедливо подвергается критике большинством ученых-процессуалистов. Так, по мнению А. Т. Боннера, реальные изменения гражданского судопроизводства заключаются вовсе не в отказе от принципа объективной истины. Изменились методы достижения истины в процессе, но цель гражданского судопроизводства остается неизменной. Это – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов процесса, которая достижима лишь при установлении истины по делу [2].

На такой же позиции стоит М. К. Треушников, полагающий, что в новом гражданском процессуальном праве не только сохранены все конкретные гарантии достижения истины, существовавшие ранее, но и предусмотрены новые [3].

В «Курсе гражданского процесса» Т. В. Сахнова также отстаивает позицию оптимального сочетания состязательных и следственных начал с преобладанием состязательности, что характерно для современных цивилистических процессов стран различных правовых систем. Суд не должен быть пассивным и безразличным к происходящему в ходе доказывания. Это ведет к его слабости, о чем писали еще дореволюционные процессуалисты [4].

Реализация новых правил о состязательности процесса в судебной практике вызвала определенные трудности вследствие низкого уровня оказания юридической помощи гражданам, невысокой правовой культуры населения, а также доверия граждан к сложившейся традиции оказания активной помощи суда сторонам и другим лицам, участвующим в деле.

Состязательный процесс в большей степени, чем следственный, требует юридической грамотности участников процесса. Тормозом для развития юридической помощи по гражданским делам является низкая материальная обеспеченность населения и противостоящая ей дороговизна юридических услуг адвокатской помощи. Юридическая помощь малоимущим слоям населения не развита, и государство почти не финансирует этих услуг, оказываемых в основном на общественных началах.

В связи с теми трудностями, которые возникают в судебной практике, а также анализом тенденций развития современного гражданского процесса перед правоприменителями стоит ответственная задача выработать необходимый баланс сочетания активности суда с ак-

тивностью сторон. Без разумной активной роли суда, являющейся основополагающей в судопроизводстве, вряд ли возможно существование самого гражданского судопроизводства.

Таким образом, развитие **состязательности** гражданского судопроизводства является сложным и противоречивым процессом, происходящим на фоне увеличения числа гражданских дел, поступающих в суды общей юрисдикции, динамичного развития законодательства по всем отраслям права, появления многих новых категорий споров в судах общей юрисдикции и тенденции их усложнения. Разбирательство этих споров в условиях развития состязательности требует значительного повышения уровня юридической грамотности всех участников гражданского судопроизводства, включая судей.

Список источников

1. Францифоров А. Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 19–20.
2. Боннер А. Т. Гражданский процессуальный кодекс РФ: проблемы применения. М. : «ЛексЭст», 2005. С. 25–27.
3. Треушников М. К. Развитие гражданского процессуального права России // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве. М. : Городец, 2004. С. 18–19.
4. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 104–106.

References

1. Franciforov A. Yu. The essence of special production (theoretical and practical aspects): Abstract of the thesis. dis. ... cand. legal Sciences. Saratov, 2009. P. 19–20.
2. Bonner A. T. Civil Procedure Code of the Russian Federation: problems of application. M. : «LexEst», 2005. P. 25–27.
3. Treushnikov M. K. Development of civil procedural law in Russia // Notes on modern civil and arbitration procedural law. M. : Gorodets, 2004. P. 18–19.
4. Sakhnova T. V. Course of Civil Procedure: Theoretical Beginnings and Basic Institutions. M. : Wolters Kluver, 2008. P. 104–106.

Информация об авторе

Н. Ш. Гаджалиева – доцент кафедры гражданского процесса Юридического Института Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

N. Sh. Gadzhialieva – Associate Professor of the Civil Procedure Department of the Legal Institute of Dagestan State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-61-65>

НИОН: 2015-0066-6/22-532

MOSURED: 77/27-011-2022-06-731

Опыт применения укладок для оказания первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования

Оксана Сергеевна Горынина¹, Анна Августовна Кулакова²

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия,

osgorynina@gmail.com

² Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, mschkulakova@yandex.ru

Аннотация. Повышение эффективности первой помощи, оказываемой пострадавшим на месте происшествия, зависит как от умений и навыков участников оказания первой помощи, так и от грамотного использования средств первой помощи. В оснащение автомобилей и мотоциклов сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) Министерства внутренних дел Российской Федерации входит укладка для оказания первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) [1]. В статье обобщен опыт использования укладки для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП сотрудниками ГИБДД Орловской и Воронежской областей, рассмотрены проблемные вопросы, внесены предложения по совершенствованию данного направления деятельности.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, сотрудники ГИБДД, первая помощь, укладка первой помощи

Для цитирования: Горынина О. С., Кулакова А. А. Опыт применения укладок для оказания первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 61–65. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-61-65>.

Original article

Experience in the use of first aid kit for victims of road traffic accidents by employees of the State Inspectorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems and ways to improve

Oksana S. Gorynina¹, Anna A. Kulakova²

¹ Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia,

osgorynina@gmail.com

² Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, mschkulakova@yandex.ru

Abstract. Increasing the effectiveness of first aid provided to victims at the scene of an accident depends both on the skills and abilities of first aid participants and on the competent use of first aid. The equipment of cars and motorcycles of employees of the State Inspectorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (GIBDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia) includes a first aid kit for victims of road traffic accidents (RTA). This article summarizes the experience of using the kit to provide first aid to victims of an accident by traffic police officers of the Oryol and Voronezh regions, problematic issues are considered, and proposals are made to improve this area of activity.

Keywords: traffic accident, traffic police officers, first aid, first aid kit

For citation: Gorynina O. S., Kulakova A. A. Experience in the use of first aid kit for victims of road traffic accidents by employees of the State Inspectorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: problems and ways to improve. Bulletin of economic security. 2022;(6):61–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-61-65>.

© Горынина О. С., Кулакова А. А., 2022

Несмотря на проводимые в Российской Федерации мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения, снижение основных показателей дорожно-транспортной аварийности и уменьшение количества погибших (раненых) в результате дорожно-транспортных происшествий людей, уровень дорожно-транспортной аварийности в стране сохраняется на высоком уровне [2]. В 2021 году было зарегистрировано 133 331 ДТП (на 3,1 % меньше, чем в 2020 году). Вследствие ДТП были ранены 167 856 человек (175 170 человек в 2020 году), погибло 14 874 человека (15 788 человек в 2020 году) [3]. Среди всех экстренных служб, участвующих в ликвидации последствий ДТП, наибольшую долю участия имеют подразделения Госавтоинспекции МВД России, принявшие участие в ликвидации последствий 89% от общего числа ДТП с пострадавшими. Подразделения Минздрава России – бригады скорой медицинской помощи – осуществляли выезд на место ДТП в 67 % случаев. На долю подразделений МЧС пришлось всего 14 % от общего количества выездов на место ДТП с наличием пострадавших (по данным 2021 года) [3].

При оказании помощи пострадавшим от ДТП чрезвычайно важную роль играет временной фактор: проведение мероприятий первой помощи и передача пострадавших медицинским работникам в течение первого часа после ДТП, увеличивает шансы последних на выживание до 90 %. Именно поэтому организации обучения сотрудников Госавтоинспекции основам оказания первой помощи пострадавшим в ДТП, в том числе с использованием укладок для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП, поставляемых в рамках исполнения федерального проекта «Безопасность дорожного движения», в настоящее время уделяется особое внимание со стороны Министерства внутренних дел.

Цель исследования. Методом анкетирования выяснить частоту использования укладки для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП сотрудниками ГИБДД МВД России, проблемные вопросы, внести предложения по повышению эффективности данного направления деятельности.

Материалы и методы. При подготовке материала использовались методы анкетирования, математического сравнительного анализа, статистической обработки данных.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (далее также ОрЮИ МВД России

им. В.В. Лукьянова) является профильным ведомственным образовательным учреждением высшего профессионального образования по подготовке сотрудников подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России.

Обучение сотрудников проводилось на основе и с использованием учебно-методического комплекса по учебной дисциплине «Первая помощь», разработанного Министерством здравоохранения Российской Федерации и рекомендованного для применения в образовательных учреждениях МВД России [4].

При подготовке и проведении занятий с сотрудниками Госавтоинспекции по дисциплине «Первая помощь» учитывались особенности их служебной деятельности [5].

1. Оказание первой помощи сотрудниками ДПС ГИБДД нередко происходит на фоне сохраняющегося интенсивного дорожного движения и сопряжено с риском для жизни и здоровья самих сотрудников и участников происшествия и очевидцев.

2. Существует необходимость одновременного выполнения мероприятий по оказанию первой помощи пострадавшим и реализации алгоритма служебных обязанностей, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения на местах ДТП (разграждение проезжей части, организация дорожного движения и объезда места ДТП и др.).

3. При ликвидации последствий ДТП осуществляется взаимодействие сотрудников ДПС ГИБДД с другими экстренными дежурными и диспетчерскими службами, аварийно-спасательными формированиями, участвующими в ликвидации последствий на месте происшествия с наличием пострадавших (оказание содействия сотрудникам подразделений МЧС России по деблокированию пострадавших, ликвидации локальных возгораний и др.) [6].

За 2021 год и 6 месяцев 2022 года в ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова по основным и дополнительным программам профессионального обучения (подготовки), включающим освоение дисциплины «Первая помощь», прошли обучение 527 сотрудников ДПС ГИБДД. Распределение слушателей по образовательным программам представлено в таблице 1.

Было проведено анкетирование 165 сотрудников ДПС ГИБДД (стаж работы в подразделениях ГИБДД более 2-х лет, все опрошенные – лица мужского пола) с целью изучения частоты и проблемных вопросов, свя-

Таблица 1

Программы профессионального обучения (подготовки)	2021 г.	6 месяцев 2022 г.	Всего
Подготовка инспекторского состава строевых подразделений ДПС ГИБДД основам оказания первой помощи	80	26	106
Контраварийная подготовка водителей	157	96	253
Профессиональное обучение (повышение квалификации) водителей транспортных средств категории «В» для управления трансп. средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов по профессии рабочего «Водитель автомобиля»	92	76	168
Итого	329	198	527

занных с применением укладок для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП. Помимо выбора предложенных вариантов ответов респонденты имели возможность высказать свое мнение по наличию проблемных вопросов и внести предложения по улучшению данного направления работы.

Для сравнения аналогичное анкетирование было проведено среди 102 сотрудников ГИБДД, прошедших обучение по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации сотрудников подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России по теме «Обучение основам оказания первой помощи при ДТП» в Воронежском институте МВД России (далее также ВИ МВД России).

Результаты и обсуждение. Результаты анкетирования показали, что в подавляющем большинстве случаев (98 % слушателей ОРЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова и 92 % обучающихся в ВИ МВД России) считают, что знания по оказанию первой помощи нужны сотруднику полиции и могут пригодиться в служебной деятельности. Во внерабочее время первую помощь приходилось оказывать 39 % и 53 % опрошенных слушателей соответственно, а в процессе служебной деятельности мероприятия первой помощи проводили только 31 % и 35 % сотрудников, обучающихся в ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова и ВИ МВД России.

Распределение ответов на вопросы, касающиеся оказания первой помощи и использования укладок для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП, проиллюстрировано диаграммой (рис. 1).

Большинство сотрудников ГИБДД (83 % обучающихся в ОрЮИ МВД России и 88,3 % обучающихся в ВИ МВД России) не оказывали первую помощь пострадавшим в ДТП. Наиболее частой причиной являлось прибытие первыми на место ДТП медиков и спасателей, отсутствие пострадавших в результате ДТП и реализация сотрудниками на месте происшествия своих служебных функций по организации безопасности дорожного движения. 17 % респондентов, из числа опрошенных слушателей ОрЮИ МВД России и 11,7 % из числа слушателей ВИ МВД России оказывали помощь на месте ДТП, из них только 4 % и 4,9 % соответственно применяли укладку для оказания первой помощи пострадавшим при ДТП, остальные для оказания первой помощи использовали аптечку первой помощи (автомобильную) и подручные средства.

Высокая вероятность возникновения ситуаций, требующих проведения мероприятий первой помощи, диктует необходимость приобретения в ходе изучения дисциплины «Первая помощь» сотрудниками Госавтоинспекции не только хорошей теоретической и практической подготовки, но и повышения мотивации и готовности сотрудников к ее оказанию [7].

По завершении обучения по основным и дополнительным программам профессионального обучения в ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова и ВИ МВД России 89 % и 94 % сотрудников подразделений ГИБДД из числа завершивших обучение считают себя подготовленными к оказанию первой помощи. Оставшиеся, имея теоретические знания и навыки, приобретенные

Результаты анкетирования сотрудников ДПС ГИБДД по вопросам оказания первой помощи при ДТП

Рис. 1. Результаты анкетирования сотрудников ДПС ГИБДД

в ходе занятий с тренажерами-манекенами, сомневаются в эффективности своих практических действий при проведении сердечно-легочной реанимации в реальных условиях.

Выводы. Приведенная статистика показывает важность и необходимость продолжения обучения сотрудников подразделений ГИБДД основам оказания первой помощи при ДТП с использованием современных учебных пособий [8]. Полученные знания и приобретенные умения формируют положительную мотивацию к оказанию первой помощи, способствуют более активному участию сотрудников подразделений ГИБДД в жизне- спасающих мероприятиях, увеличивая шансы на благоприятный исход для пострадавших [9].

Проанализированные анкеты выявили наиболее частые проблемные вопросы применения упаковок для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП.

1. Отсутствие упаковок в оснащении некоторых автомобилей и мотоциклов сотрудников ГИБДД МВД России. В данном вопросе отмечается положительная динамика: если в 2021 году так ответили 5,8 % опрошенных, в 2022 году их количество сократилось до 2,2 %.

2. Незнание состава упаковки и неумение сотрудников пользоваться средствами первой помощи, входящими в состав упаковок первой помощи пострадавшим в ДТП.

3. Проблемные вопросы, связанные с порядком пополнения и списания входящих в состав упаковок медицинских изделий, в настоящее время решаются на уровне Министерства внутренних дел путем внесения изменений в нормативные правовые акты, определяющие порядок использования упаковок. Предусмотрено приоритетное выполнение заявок подразделений Госавтоинспекции на региональном и районном уровнях по пополнению упаковок необходимыми компонентами, что повысит частоту применения медицинских изделий и сделает оказание первой помощи более эффективным.

Предложения, направленные на совершенствование указанного направления деятельности с учетом мнения ведущих экспертов в сфере оказания первой помощи [9]:

1. Провести занятия с личным составом подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России в рамках профессиональной служебной и физической подготовки с практическим изучением состава упаковки для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП и инструкции по оказанию первой помощи с применением упаковки.

2. Ввиду большого количества средств первой помощи, входящих в состав упаковки, рассмотреть возможность модульного комплектования упаковки, применения специализированных комплектов, рассчитанных на одного пострадавшего и имеющих определенную цветовую маркировку в зависимости от характера повреждений (красная маркировка – средства остановки кровотечений, белая – средства для проведения мероприятий сердечно-легочной реанимации, желтая – средства индивидуальной защиты, зеленая – перевязочные средства и т. д.).

Применение такого способа комплектации упаковки ускорит, особенно в темное время суток и при неблагоприятных метеорологических условиях, поиск необходимого набора медицинских изделий с учетом специфики травмы; позволит уменьшить загрязнение биологическими жидкостями пострадавшего упаковку при поиске дополнительных изделий медицинского назначения; упростит механизм пополнения упаковки заменой использованного модуля на новый.

3. Включить в состав упаковки для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП индивидуальный перевязочный пакет в прорезиненной тканевой оболочке. Практика показывает, что использование марлевых бинтов при обширных повреждениях различных областей тела, в том числе при травматических ампутациях конечностей, затруднительно и не всегда эффективно. Применение двух широких ватно-марлевых подушечек, закрепленных на марлевом бинте, позволяет быстро наложить давящую повязку и остановить кровопотерю.

4. Учитывая низкое качество кровоостанавливающих жгутов, входящих в состав аптечек автомобильных, и невозможность их применения по прямому назначению при жизнеугрожающих кровотечениях, особенно из нижних конечностей, считаем важным рассмотреть вопрос об унификации требований к табельным жгутам. Предлагаем заменить имеющиеся в упаковке узкие одноразовые тканевые кровоостанавливающие жгуты с часто ломающимися креплениями на прочные ленточные резиновые или турникетные жгуты многократного использования.

5. Незаслуженно забытая косынка армейская или медицинская также претендует на включение в состав упаковки для оказания первой помощи пострадавшим в ДТП, так как является универсальным средством оказания первой помощи и может использоваться и как прочный перевязочный материал для наложения давящей повязки при кровотечениях (особенно на культю при травматической ампутации конечности), и как средство иммобилизации конечностей, и как импровизированный жгут-закрутка.

Список источников

1. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 1328н «Об утверждении требований к комплектации медицинскими изделиями упаковки для оказания первой помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

2. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год: информационно-аналити-

ческий обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 126 с.

4. Дежурный Л. И. Первая помощь : учебное пособие для преподавателей, обучающихся лиц, обязанных и (или) имеющих право оказывать первую помощь / Л. И. Дежурный [и др.]. М. : ФГБУ «ЦНИИОИЗ» МЗ России, 2018. 136 с.

5. Кулакова А. А. Особенности обучения сотрудников ГИБДД навыкам оказания первой помощи / А. А. Кулакова // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021. № 1 (4). С. 267–271.

6. Методические рекомендации территориальным органам МЧС России по повышению уровня взаимодействия экстренных служб, участвующих в ликвидации последствий дорожно-транспортных происшествий. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

7. Погодина Т. Г. Действия сотрудников полиции по оказанию первой помощи лицам, находящимся в состоянии, угрожающем их жизни и здоровью : учебное пособие / Т. Г. Погодина [и др.]. М. : ДГСК МВД России, 2018. 143 с.

8. Дежурный Л. И. Атлас первой помощи : учебное пособие для сотрудников Госавтоинспекции / Л. И. Дежурный [и др.]. М. : Издательство «Национальный медико-хирургический Центр им. Н.И. Пирогова», 2022. 72 с.

9. Миннуллин И. П. Основы оказания первой помощи : учебное пособие / И. П. Миннуллин, Н. Н. Плахов, Л. И. Дежурный. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2022. 128 с.

References

1. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 1328n dated December 15, 2020 «On approval of the requirements for the complete set of medical devices for first aid to employees of the State Road Safety

Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation insured in Road Accidents». [Electronic resource]. SPb «ConsultantPlus».

2. Road Safety Strategy in the Russian Federation for 2018–2024: Decree of the Government of the Russian Federation. Published January 8, 2018 No. 1-R. [Electronic resource]. SPb «ConsultantPlus».

3. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2021: information and analytical review. М. : ФКУ «НЦ БДД of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2022. 126 p.

4. Degurniy L. I. First aid : a textbook for teachers, students who are obliged and (or) have the right to provide first aid / L. I. Degurniy [et al.]. М. : FSBI TSNIIIZ of the Ministry of Health of Russia, 2018. 136 p.

5. Kulakova A. A. Features of training traffic police officers in first aid skills / A. A. Kulakova // management for ensuring road safety: state, problems, ways of improvement. Oryol : V.V. Lukyanov Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. No. 1 (4). P. 267–271.

6. Methodological recommendations to the territorial bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia on improving the level of interaction of emergency services involved in the elimination of the consequences of road accidents [Electronic resource]. SPb «ConsultantPlus».

7. Pogodina T. G. Actions of police officers to provide first aid to persons in a state that threatens their life and health : a textbook / T. G. Pogodina [et al.]. М. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 143 p.

8. Degurniy L. I. Atlas of first aid : a textbook for traffic police officers / L. I. Degurniy [et al.]. М. : Publishing House «National Medical and Surgical Center named after N.I. Pirogov», 2022. 72 p.

9. Minnullin I. P. Fundamentals of first aid : a textbook / I. P. Minnullin, N. N. Plakhov, L. I. Degurniy. М. : GEOTAR-Media, 2022. 128 p.

Информация об авторах

О. С. Горынина – преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова;

А. А. Кулакова – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Воронежского института МВД России, кандидат медицинских наук.

Information about the authors

O. S. Gorynina – Lecturer of the Department of Special Training of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov;

A. A. Kulakova – Senior Lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Medical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 343.6

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-66-68>

ИПОН: 2015-0066-6/22-533

MOSURED: 77/27-011-2022-06-732

Поддержание международного мира и безопасности как основная цель ООН и проблемы ее реализации

Мевлуд Демуралович Давитадзе^{1,2}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал), Одинцово, Россия, md2063@mail.ru

² Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются цели ООН по поддержанию мира и безопасности человечества и проблемы, препятствующие их реализации в условиях вооруженных конфликтов и агрессивных войн. Предлагаются пути преодоления указанных проблем посредством изменения принципа деятельности ООН и СБ для своевременного принятия мер мировым сообществом в лице ООН по пресечению вооруженных конфликтов и агрессивных войн.

Ключевые слова: международный мир и безопасность человечества, жертвы войны, вооруженные конфликты, устав ООН, Совет Безопасности, Организация Объединенных Наций, Лига Наций, поддержание международного мира, предупреждение вооруженных конфликтов

Для цитирования: Давитадзе М. Д. Поддержание международного мира и безопасности как основная цель ООН и проблемы ее реализации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 66–68. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-66-68>.

Original article

Maintaining international peace and security as the main goal of the UN and the problems of its implementation

Mevlud D. Davitadze^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Odintsovo, Russia, md2063@mail.ru

² S.Y. Witte Moscow University, Moscow, Russia

Abstract. The goals of the UN to maintain peace and security of mankind and the problems that prevent their implementation in armed conflicts and aggressive wars are considered. The ways are suggested to overcome these problems by changing the principle of the UN and the Security Council for the timely adoption of measures by the world community in the person of the UN to stop armed conflicts and aggressive wars.

Keywords: international peace and human security, victims of war, armed conflicts, UN Charter, Security Council, United Nations, League of Nations, maintenance of international peace, prevention of armed conflicts

For citation: Davitadze M. D. Maintaining international peace and security as the main goal of the UN and the problems of its implementation. Bulletin of economic security. 2022;(6):66–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-66-68>.

Человечеству в истории своего развития пришлось пройти через многочисленные испытания, связанные с природными катаклизмами и техногенными катастрофами, но одни из ужасающих испытаний были связаны с вооруженными конфликтами и многолетними захватническими войнами.

С самым тяжким испытанием человечеству пришлось столкнуться в XX столетии в период Первой (1914–1918 гг.) и Второй мировых войн. Общее число жертв среди военных и гражданского населения в Первой мировой войне, в которой участвовало от 38 из 59 существовавших на тот момент государств [1], соста-

© Давитадзе М. Д., 2022

вило около 40 миллионов [2]. А в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) при участии 57 стран по общим оценкам погибло 72 миллиона человек, по самым низким оценкам – 40 миллионов, а по самым высоким – 90 миллионов [3].

Учитывая ужасающие последствия самой разрушительной Второй мировой войны, перед мировым сообществом вновь актуальным стал вопрос о создании новой организации по выработке соответствующего механизма по обеспечению мира и безопасности во всем мире.

С образованием ООН 18 апреля 1946 г. прекратила свое существование международная межправительственная организация Лига Наций, созданная в 1919 г., главной целью которой являлось развитие сотрудничества между народами и гарантии их мира и безопасности.

В Уставе ООН указаны основные цели данной организации, являющиеся фундаментальной основой ее существования.

В частности, в ст. 1 Устава перечислены следующие цели ООН:

- поддержание международного мира и безопасности;
- развитие дружественных отношений между нациями;
- осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера.

Реализация указанных целей предполагает в основном использование в рамках международного права мирных средств, основанных на принципах:

- справедливости для улаживания или разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению международного мира;
- равноправия и самоопределения народов, поощрения и развития уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Для поддержания мира и обеспечения безопасности человечества в уставе ООН предусматривается принятие эффективных мер по достижению указанной цели посредством предупреждения и предотвращения угрозы миру, вооруженных конфликтов и агрессивных войн.

Несмотря на все ужасы, через которые пришлось пройти человечеству в XX веке, к сожалению, в эпоху атомного XXI века ему не удалось извлечь уроки из прошлого, мир вновь стал вовлечен в вооруженные конфликты и агрессивные войны. Как известно, в эпоху атомного века в условиях вооруженных конфликтов и агрессивных войн существует высокая вероятность применения ядерного оружия, что, в свою очередь, чревато катастрофическими последствиями для всего мирового сообщества. В связи с этим перед мировым сообществом в лице ООН стоят задачи по изменению принципов деятельности Совете Безопасности (СБ), разработке

и принятию соответствующего механизма предупреждения вооруженных конфликтов, агрессивных войн и иных очагов кровопролития.

Для достижения указанной цели, особенно по поддержанию мира и обеспечения безопасности человечества, считаем целесообразным изменить процедуру принятия решения в Совете Безопасности ООН, которая является существенным препятствием для своевременного и должного реагирования на вооруженные конфликты. Сущность данной проблемы заключается в том, что некоторые постоянные члены СБ, наделенные правом вето, исходя из личных интересов, злоупотребляют предоставленным правом и блокируют принятие решения по пресечению вооруженных конфликтов, а некоторые из них, к сожалению, сами являются инициаторами подобных конфликтов. Иной проблемой является и то, что ООН не всегда удается своевременно решить вопрос отправки миротворцев в район вооруженных конфликтов ввиду сложной процедуры согласования этого вопроса в СБ. Отдельные члены СБ ООН по вышеуказанной причине сознательно блокируют или затягивают решение вопроса об использовании миротворцев в зонах вооруженных конфликтов для разъединения конфликтующих сторон.

Исходя из главной цели, поддержания международного мира и безопасности человечества, международному сообществу в лице ООН следует кардинальным образом поменять правила своей деятельности. В противном случае, ее авторитет и значение в современном мире будут сведены к нулю, из одной из авторитетных организаций мирового масштаба она превратится в «клуб-говорильню».

Первым делом с целью предупреждения и пресечения вооруженных конфликтов, особенно агрессивных войн, ООН следует перестроить принцип деятельности Совета Безопасности:

- во-первых, необходимо расширить Совет Безопасности за счет демократических государств, соблюдающих общепризнанные принципы международного права и международные договоры, таким образом, чтобы все континенты были в нем представлены;
- во-вторых, необходимо исключить право вето любого члена СБ в случаях необходимости применения мер для пресечения межгосударственных, внутригосударственных вооруженных конфликтов и агрессивных войн;
- в-третьих, по процедурным вопросам, связанным с предупреждением и пресечением вооруженных конфликтов, решение должно приниматься большинством голосов;
- в-четвертых, следует разработать процедуру исключения из СБ и приостановления членства в ООН государств, допускающих грубое нарушение положений Устава ООН и общепризнанных принципов международного права и международных договоров, касающихся вопросов сохранения мира и обеспечения безопасности человечества.

Кроме того, для своевременного реагирования на все факты вооруженных конфликтов необходимо в рамках ООН создать независимый от какого-либо государства постоянно действующий вооруженный контингент под названием «Миротворческих силы» и подчинить его непосредственно Генеральному секретарю ООН с правомочием и обязанностью его введения в зону вооруженного противостояния или агрессивных войн для разъединения противоборствующих сторон и создания условий политического урегулирования возникших проблем между конфликтующими сторонами с последующим уведомлением СБ, в рамках которого будут приниматься последующие решения по урегулированию возникших конфликтов.

Решение Генерального секретаря ООН по вводу вооруженного контингента в зону вооруженного конфликта с целью его прекращения должно быть обязательным для участников конфликта и реализовано беспрекословно в самые кратчайшие сроки. В случае воспрепятствования вводу вооруженного контингента в зону конфликта для его прекращения вся ответственность должна быть возложена на виновную сторону, включая принятие в отношении него не только различных мер политико-эконо-

мического характера, но и мер, предусматривающих как приостановление членства в ООН, так и принуждение к миру всеми силами мирового сообщества.

На наш взгляд, наличие такого принципа деятельности ООН и СБ может стать существенным механизмом по поддержанию мира, обеспечению безопасности человечества, а также мирному развитию и сосуществованию всех народов и государств в современном мире.

Список источников / References

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/Государства_—_участники_Первой_мировой_войны. (1. https://ru.wikipedia.org/wiki/State—_participants_ofthefirst_world_War.)
2. https://en.wikipedia.org/wiki/World_War_I_casualties#:~:text=Общее%20число%20жертв%20среди%20военных,смертоносных%20конфликтов%20в%20истории%20человечества.
3. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0a5518cd-62adc5b5-925dec13-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Participants_in_world_war_ii#cite_note-2.

Информация об авторе

М. Д. Давитадзе – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. D. Davitadze – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the S.Y. Witte Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-69-71>

НИОН: 2015-0066-6/22-534

MOSURED: 77/27-011-2022-06-733

Франция как пример президентской республики

Анварбек Ибрагимович Джанболатов

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия,
dzhanbolatov.anvar@mail.ru

Аннотация. Предметом острых дискуссий является форма правления Пятой республики во Франции. Одни считают ее классической смешанной республикой, другие – классической президентской, третьи, анализируя основы организации государственной власти в данной стране, конструируют французскую модель президентской республики. В данной статье будут рассмотрены особенности Пятой Французской республики как пример президентского правления.

Ключевые слова: политические права, конституция, президентская республика, конституционное правосудие, парламент, полномочия, конституционный совет

Для цитирования: Джанболатов А. И. Франция как пример президентской республики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 69–71. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-69-71>.

Original article

France as an example of a presidential republic

Anvarbek I. Dzhanbolatov

Dagestan State University, Makhachkala, Russia,
dzhanbolatov.anvar@mail.ru

Abstract. The subject of sharp discussions is the form of government of the Fifth Republic in France. Some consider it a classic mixed republic, others – a classic presidential republic, others, analyzing the foundations of the organization of state power in a given country, construct a French model of a presidential republic. This article will consider the features of the Fifth French Republic as an example of presidential rule.

Keywords: political rights, constitution, presidential republic, constitutional justice, parliament, powers, constitutional council

For citation: Dzhanbolatov A. I. France as an example of a presidential republic. Bulletin of economic security. 2022;(6):69–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-69-71>.

Франция была парламентской республикой, но бесконечные правительственные кризисы, слабость главы государства и отсутствие партийной дисциплины подвинули ее к решительному переходу к президентской республике. С тех пор такая форма правления обеспечивает Французской Республике стабильность и порядок, сильную внешнюю политику, отсутствие глобальных конституционных кризисов, в связи с чем представляет огромный интерес к исследованию и является актуальной в вопросе развития демократических и политических прав в России.

В современной политической науке часто упоминается французская модель института президентства, которая зарекомендовала себя как достаточно устойчивый и гибкий тип правления. Но именно благодаря непрекращающимся дискуссиям по поводу формы правления

Пятой республики рассмотрение Франции как примера модели президентской республики является одним из основополагающих на основании конституционного законодательства Пятой республики во Франции.

Конституция Пятой Республики в своей формулировке проводит различие между главой государства и главой правительства: именно премьер-министр, а не Президент, в соответствии со статьей 21 конституции «руководит действиями правительства», в соответствии со статьей 20 «определяет и проводит политику нации», а также «обеспечивает исполнение законов» и «предлагает президенту конституционные поправки» [1]. Он продвигает и защищает законодательство в Национальном собрании и перед общественным мнением, консультирует президента по вопросам политики, и председательствует в важных межведомственных комитетах.

© Джанболатов А. И., 2022

Происхождение Конституции 1958 года как раз и объясняется тем, что она была создана в качестве организации разделения властей с четкой целью тщательного регулирования отношений между властями и ограничения деятельности парламента. Единственный упоминания основных прав и свобод, находится в первом пункте Преамбулы, где говорится приверженности французского народа правам человека и принципам национального суверенитета, как они определены Декларацией 1789 года, подтвержденной и дополненной Преамбулой Конституции 1946 года. Однако значение, придаваемое Преамбуле 1958 года, носило лишь программный, а не нормативный характер [4].

Правительство премьер-министра может издавать законы посредством декретов, постановлений и постановлений и, в соответствии со статьей 38 конституции, может просить Национальное собрание делегировать полномочия по изданию указов в областях, обычно находящихся под юрисдикцией законодательного органа. Именно премьер-министр и Кабинет министров ведут повседневную деятельность государства и контролируют бюрократию [2]. Однако члены Совета министров назначаются Президентом, который также председательствует на его заседаниях и определяет его повестку дня, за исключением случаев «совместного проживания» [3]. Премьер-министр де-факто контролирует кабинет министров и, следовательно, разработку политики во время совместного проживания.

Президент может также решать, какие министры участвуют в еженедельных заседаниях кабинета министров, называемых «Советом министров». Они также могут решать, какие законопроекты должны обсуждаться в Ассамблее и сколько времени должно быть выделено на обсуждение отдельных частей законопроекта, что позволяет им ускорить парламентские обсуждения. Президент возглавляет кабинет министров, определяет его членов и определяет его повестку дня, и, таким образом, кабинет министров является для него важным инструментом для создания и направления политики. Однако назначения на посты министров стали в значительной степени аполитичными по своему характеру. Способность президента укомплектовать кабинет политическими союзниками, тем самым непропорционально увеличивая свою власть, еще более ограничена тем фактом, что он может быть свергнут вотумом недоверия в Ассамблее. Таким образом, назначенные президентом члены кабинета должны быть приемлемы для партии большинства в Ассамблее.

Согласно статье 5 Конституции, именно Президент следит за соблюдением конституции и гарантирует независимость государства. Как предусмотрено в статье 15 Президент также является главнокомандующим вооруженными силами. Президент, несомненно, руководит внешней политикой государства: он ведет национальную дипломатию, ведет переговоры и подписывает договоры, а также может назначать послов и принимать глав иностранных государств. Кроме того, президент об-

ладает широкими полномочиями по назначению, имея возможность назначать премьер-министра, членов Совета министров, членов нескольких судебных органов, военных офицеров и политических советников. Такая способность назначать позволяет ему косвенно влиять на политический процесс, поскольку он может поставить политических союзников на важные и влиятельные посты. Примечательно, что он имеет право подписывать законопроекты и издавать законы и указы, председательствовать на заседаниях кабинета министров и может направлять послания законодательным органам. Поэтому он имеет значительное непосредственное влияние на законодательный процесс. Однако его влияние на политический процесс и на законодательный орган на этом не заканчивается. Хотя он не может наложить вето на законопроекты, президент может попросить парламент пересмотреть все или часть любого законопроекта, который ему не нравится. Он также может представить в Конституционный совет любой акт парламента или договор, конституционность которых вызывает сомнения.

Согласно статье 11 Конституции Франции, он может полностью обойти законодательный процесс, представив непосредственно общественности референдум по любому органическому законопроекту или любому договору, требующему ратификации. Тем не менее, для этого он должен сначала получить совет и согласие своего кабинета [1]. Президент также наделен двумя другими важными и могущественными полномочиями: он может распустить законодательный орган, назначив новые выборы, и может, в соответствии со статьей 16 конституции, ввести чрезвычайные полномочия, которые позволяют ему управлять страной без совещательного парламентского процесса [1]. Тем не менее, существуют ограничения на эти полномочия, которые в противном случае могли бы дать Президенту непропорциональную власть над законодательной властью [5].

Однако, как свидетельствует конституционное развитие Франции, Парламент усиливает свои полномочия, тогда как влияние Президента несколько ослабляется. Определенную роль в этом сыграли решения органа конституционного контроля - Конституционного совета, а также сильные демократические традиции французского общества. Во французском политическом режиме Конституционный совет считается органом первой важности. В его обязанности входит обеспечение регулярности выборов президента Республики. Обеспечить регулярность проведения референдума и обнародование его результатов. Конституционный совет должен вынести решение по вопросу о конституционности органических законов и постановлений парламентских собраний. Председатель Конституционного совета назначается президентом государства и имеет право голоса в случае равенства голосов. Полномочия президента и премьер-министра, тесно связаны между собой по двум основным причинам: первая, это – координация во всех областях. Так согласно ст. 16 Конституции «Статья 16. Если институты Республики, независимость

Нации, целостность ее территории или выполнение ее международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой и нормальное функционирование конституционных государственных властей – прервано, Президент Республики после официальной консультации с Премьер-министром, с председателями палат, а также с Конституционным Советом принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами» [1]. И наоборот, основные правительственные решения, которые принимаются в совете министров, президент Республики, который председательствует на нем и, следовательно, утверждает повестку дня (что дает ему право вето), подписывает указы и постановления.

С другой стороны, модель носит политический характер, когда президент республики назначает премьер-министра, и эта кандидатура имеет очевидное политическое содержание, когда президент и национальное собрание избираются одним и тем же большинством избирателей. Таким образом, институциональное совместное решение является одновременно политическим совместным решением, которое может быть взаимным, когда президент и премьер-министр принадлежат к одной партии [4].

Выводы. Пятая Республика наделяет Президента Республики большей властью, чем Четвертая, и также наделяет его исполнительной властью. Сам исторический процесс становления модели президентской республики во Франции выражал собой в целом конституционное развитие, в котором структурное изменение основных прав формируется исходя из концепции Верховенства права, поскольку эти понятия соответствуют установленному правилу права. Несмотря на сложности и проблемы, возникавшие в период построения президентской республики, французский народ оказал большое доверие власти и вышел на путь стабильности и развития. В целом исполнительная власть Франции характеризуется правительственной диархией и отношениями внутри нее, которые фактически находятся в зависимости от структуры и политической поддержки, предоставляемой соответственно президенту и премьер-министру. Это позволяет перераспределить властные полномочия между высшими государственными органами, учитывая волеизъявления избирателей в ходе

парламентских или президентских выборов, а также позволяет учитывать интересы противоборствующих сторон и существовать в сложной ситуации на равных позициях.

Список источников

1. Конституция Французской республики от 4 октября 1958 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>.
2. Козырин А. Н. Министерское звено управления во Франции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kozyrin.ru/userfiles/documents/articleak.pdf>.
3. Козырин А. Н. Правовое регулирование деятельности правительства Франции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 6. С. 198–213.
4. Крозье М. Организационные изменения в системе государственного управления // Государственная служба. Общие проблемы. Зарубежный опыт. М. : РАГС, 2004. Вып.1. С. 41–57.
5. Пилипенко А. Н. Франция : усиление роли Парламента // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 45–50.

References

1. Constitution of the French Republic of October 4, 1958 (with amendments and additions) [Electronic resource]. Access mode: <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm>.
2. Kozyrin A. N. The ministerial link of management in France [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kozyrin.ru/userfiles/documents/articleak.pdf>.
3. Kozyrin A. N. Legal regulation of the activities of the government of France // Izvestiya of higher educational institutions. Jurisprudence. 2006. №. 6. P. 198–213.
4. Crozier M. Organizational changes in the system of public administration // Public service. Common problems. Foreign experience. M. : RAGS, 2004. Issue 1. P. 41–57.
5. Pilipenko A. N. France : strengthening the role of Parliament // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2018. № 5. P. 45–50.

Информация об авторе

А. И. Джанболатов – Юридический институт Дагестанского государственного университета.

Information about the author

A. I. Dzhanbolatov – Law Institute of the Dagestan State University.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 22.12.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-72-75>

ИПОН: 2015-0066-6/22-535

MOSURED: 77/27-011-2022-06-734

Концептуальные положения развития предмета криминологии

Денис Евгеньевич Дроздов

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия,

хааб@mail.ru

Аннотация. Проанализированы особенности криминологии как науки, оценено историческое развитие представлений и современное многообразие подходов к пониманию содержания ее предмета. Исследована связь между преступностью и административными правонарушениями, которая шире традиционной, рассматривающая последнюю исключительно как причинный комплекс или элемент механизма преступного поведения. С учетом административной преюдиции некоторые административные правонарушения допустимо понимать как часть преступности. Обоснован авторский подход к многоуровневому содержанию и структуре предмета криминологии, включающий и не противоречащий традиционному.

Ключевые слова: криминология, предмет, преступность, личность преступника, причины преступности, предупреждение преступности, административные правонарушения, административная преюдиция

Для цитирования: Дроздов Д. Е. Концептуальные положения развития предмета криминологии // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 72–75. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-72-75>.

Original article

Conceptual provisions of the development of the subject of criminology

Denis E. Drozdov

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia, хааб@mail.ru

Abstract. The features of criminology as a science are being analyzed, the historical development of ideas and the modern variety of approaches to understanding the content of its subject are being evaluated. The connection between crime and administrative offenses is investigated, which is broader than the traditional one, considering the latter exclusively as a causal complex or an element of the mechanism of criminal behavior. Taking into account the administrative prejudice, it is permissible to understand some administrative offenses as part of crime. The author's approach to the multilevel content and structure of the subject of criminology, including and not contradicting the traditional one, is substantiated.

Keywords: criminology, subject, crime, criminal identity, causes of crime, crime prevention, administrative offenses, administrative prejudice

For citation: Drozdov D. E. Conceptual provisions of the development of the subject of criminology. Bulletin of economic security. 2022;(6):72–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-72-75>.

Вектор развития науки, особенно юридического характера, определяется потребностями общества на конкретном историческом этапе развития, подвержен влиянию ценностей, которые оно признает и воспроизводит. Накопленный запас научных знаний, взаимодействие и взаимопроникновение методов различных отраслей науки, многообразие научных взглядов, а также интеграция научного знания создают условия для ускорения темпов развития науки в целом. Криминология, как и любая другая наука, находится в процессе накопления и систематизации знаний, что подразумевает уточнение

предмета исследования и составных элементов, объясняет его генезис, и означает продолжение процесса отграничения от предмета уголовного права, включение в себя применительно к преступности явлений, которые составляют содержание иных наук [16, с. 369–384].

Как отмечал В. В. Лунеев, хотя криминология вышла из социологии и статистики, однако на первоначальном этапе накопление знания происходило в рамках психологии, антропологии и т. д., которые заложили основу для уголовного законодательства и уголовного права [12, с. 27], что добавляет специфики ее предме-

© Дроздов Д. Е., 2022

ту в призме многообразия мировоззренческих позиций. Криминология рассматривалась ранее и рассматривается сейчас как: часть науки уголовного процесса; часть социологии; самостоятельная комплексная социолого-правовая или социолого-уголовно-правовая наука; самостоятельная общетеоретическая юридическая наука для дисциплин антикриминального цикла; как комплексная отрасль права [5, с. 5–6], что отразилось и продолжает оказывать влияние на понимание ее как науки.

Традиционно сущность отечественной криминологии проявляется в познании преступности, ее причин, личности преступника и мер противодействия преступности. Однако так было не всегда. Особенно ярко эта позиция нашла подтверждение в процессе исследования личности преступника. Последняя долгое время, ошибочно, не признавалась составным элементом предмета криминологии. При этом проблема личности преступника рассматривалась в призме субъекта преступления, совершающего запрещенное законом общественно – опасное деяние в рамках уголовного права. Сахаров А. Б., поддерживая изложенную позицию, не ограничился вопросами исследования личности преступника исключительно с позиции уголовного права, подвергнув тщательному анализу проблемы причин преступности, делая акцент на экономической составляющей, условиях нравственного формирования личности, субъективных и объективных обстоятельствах, влияющих на проявление антиобщественных взглядов в преступных посягательствах [13, с. 1–278]. Герцензон А. А. указывал, что советская криминология — это наука о состоянии, динамике, причинах преступности, методах ее изучения, путях и средствах ее предупреждения в обществе [7, с. 7]. Не включая ее в предмет криминологии, он обосновывал необходимость изучения личности преступника, лицами, осуществляющими борьбу с преступностью, совокупностью наук, где на первое место ставилась криминология [3, с. 18].

На следующем этапе развития криминологии сформировалась точка зрения, согласно которой ее следует понимать как социально правовую науку, изучающую сущность, закономерности и формы проявления преступности, ее причины и иные детерминанты, личность преступника и других категорий правонарушителей, которые могут встать на преступный путь, а также систему предупреждения преступности, на основе которой разрабатывается общая теория предупредительного воздействия и криминологическая профилактика [8, с. 6]. Фактически утверждалось, что не только личность преступника, но и лиц, совершающих правонарушения включены в ее предмет. В дальнейшем идея высказывалась неоднократно, однако, исключительно с позиции перерастания противоправного поведения в преступную деятельность, что по мнению Лобзякова В. П. не способствует глубокому исследованию сущности административных правонарушений, их связи с криминогенной средой» [11, с. 18]. Исследование социальных основ правонарушений высту-

пает способом объяснения механизма преступного поведения.

Кудрявцев В. Н. определял криминологию как гуманистическую науку, поскольку ее целью выступает познание преступности, лиц, совершающих преступления, объяснение причин преступности и выработка необходимых и достаточных предупредительных мер. Конкретизируя и уточняя свою позицию, указывал на ее общетеоретический характер [10, с. 10]. В определение криминологии им были заложены основы расширенного толкования предмета как преступности в единстве и многообразии ее сущности, и факторов, которые непосредственно с ней связаны [10, с. 19].

Стаценко В. Г., полагая, что криминология по характеру общетеоретическая наука о преступности, дополняет традиционные элементы механизмом индивидуального преступного поведения [14, с. 8]. Несмотря на то, что позиция является аргументированной, широкой поддержки она не нашла. В частности, механизм преступного поведения предлагается изучать в разделах о детерминантах преступности и ее предупреждении [15, с. 13] либо личности преступника [10, с. 92].

Антонян Ю. М. обосновывает комплексность криминологии, которая использует достижения иных наук, включая в ее предмет пять элементов: преступность, причины преступности собственно криминологического характера; личность преступника; преступное поведение; предупреждение преступности [1, с. 34, 35]. При этом сложно согласиться с выделением причин преступности исключительно криминологического характера, основанной на невозможности охватить криминологией всех сфер социального бытия, поскольку влияние экономических, социальных, политических и иных детерминант в совокупности объясняют не только существование, но и изменение преступности.

Прокументов Л. М. и Шеслер А. В. обосновывают позицию для выделения криминализации и декриминализации деяний как самостоятельного элемента предмета криминологии, определяя обусловленность содержания уголовного закона состоянием преступности и иными криминологическим явлениям [15, с. 14, 15]. Эта позиция соотносится с практической направленностью деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности, осуществляющих учет статистических и иных эмпирических данных. На их основе законодатель корректирует правоприменительную практику, действующее законодательство, игнорируя серьезные криминологические исследования, которые должны лежать в основе процесса криминализации и декриминализации преступности.

Убедительным является утверждение об инновационном характере криминологии, основанном на развитии преступности как высокоорганизованной системы, представляющей угрозу национальной безопасности и как следствие корректировке представлений о науке, ее методологии, научном сопровождении процесса предупреждения преступности, а также саморазвитие нау-

ки о преступности. Криминология рассматривается как юридическая, теоретико-прикладная наука. При этом ключевой элемент ее предмета, предупреждение преступности, предлагается рассматривать как преступную и противоборствующие системы [4, с. 499–507].

Высказываются мнения о включении в предмет криминологии проблематики, связанной с жертвой преступления, которая рассматривается как ответвление, изучающее жертву преступления и профилактику ее поведения [9, с. 26]. При этом жертва преступления интересует криминологию как элемент механизма преступления, проявляющийся в детерминантах и предупреждении преступности.

Кроме того, криминология рассматривается как наука о закономерностях преступности, ее причин и условий, личности преступника и механизма преступной деятельности, криминальной жертвы, профилактики преступлений и иных правонарушений, анализа негативных социальных явлений и процессов, организации противодействия преступности, осуществления антикриминогенной политики. К ее предмету относят историю науки и перспективы развития, преступление и механизм преступной деятельности, личность преступника, преступность и ее причины, основы виктимологии, криминологическое прогнозирование и планирование, отдельные группы и виды преступности, их предупреждение [6, с. 8, 11].

Предлагалось относить к ее предмету преступность, фоновые явления, на нее влияющие; различные ее виды и конкретные (единичные) преступления, с качественными и количественными характеристиками; а также причины преступности как закономерности, ее детерминирующие, и условия, способствующие их проявлению [2, с. 39]. Действительно, анализ преступности невозможен без обращения и исследования в совокупности административных, служебных гражданско-правовых деликтов и девиаций, многие из которых являясь противоправными или аморальными включены в систему причин и условий преступности [12, с. 51]. Эта позиция является традиционной. Однако это не решает вопроса отнесения административных правонарушений к предмету криминологии поскольку их связь с преступностью не ограничивается исключительно причинным комплексом, порождающим преступность или элементом механизма преступного поведения.

Выступая на ряду с преступностью угрозой национальной безопасности, административная деликтность в силу только масштабности представляет опасность для охраняемых законом интересов личности общества и государства. Тесная связь преступлений и административных правонарушений, проявляется в схожести субъективных составов. Например, статья 7.27 КоАП РФ и 158 УК РФ разграничиваются стоимостью имущества в размере 2 500 рублей, при отсутствии квалифицирующих признаков преступления. Квалификация действий в рамках двух составов предполагают три варианта. Во-первых, при тайном хищении имущества стоимостью

более 2 500 рублей, действия квалифицируются по соответствующей статье УК РФ. Во-вторых, в ходе тайного хищения имущества стоимостью менее 2 500 рублей, при наличии квалифицирующих обстоятельств, наступает уголовная ответственность. В-третьих, при тайном хищении имущества стоимостью менее 2 500 рублей без квалифицирующих обстоятельств, действия составляют состав административного правонарушения. Фактически граница между некоторыми административными правонарушениями и преступлениями в отдельных случаях незначительна, а, следовательно, близкими (если не идентичными) становятся причины их совершения, условия формирования личности преступника и правонарушителя, а также выработка мер предупреждения противоправной деятельности. Такие примеры не единичны.

Еще более тесная связь проявляется в административной преюдиции, как приеме юридической техники, предусматривающей включение в диспозиции уголовного закона сведений о повторном совершении схожих административных правонарушений, выступающим основанием для их криминализации. Примеры административной преюдиции в уголовном праве так же не единичны, а границы с преступлением еще более размыты. Статьей 264.1. УК РФ, предусматривается уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Если между привлечением к административной ответственности, за два и более деяния предусмотренные, частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ прошло менее 1 года наступает уголовная ответственность, более 1 года административная. В таких случаях связь между преступлением и административным правонарушением допустимо признать идентичной. Два состава административных правонарушений, при некоторых условиях образуют одно преступление.

В связи с изложенным предмет криминологии допустимо рассматривать выделяя несколько уровней, первым из которых является преступность как основополагающая основа.

Второй уровень, связанные с ней элементы (причины преступности, личность преступника и предупреждение преступности), которые остаются неизменными и достаточными для познания этого сложного негативно-социального явления.

Третий уровень представляет собой конкретизацию содержания предыдущих, обусловленное накоплением и систематизацией знаний. Он является самым подвижным и отражающим развитие общественных отношений на конкретном историческом этапе.

Следовательно, административные правонарушения могут рассматриваться и как причины преступности, и как элемент механизма преступного поведения и, в ряде случаев, составная часть преступности.

Такой подход к пониманию предмета криминологии не противоречит традиционному, учитывает ее разграничение с девиантологией, виктимологией и административной деликтологией.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Что такое криминология // Научный портал МВД России. № 2. 2015.
2. Генрих Н. В. К вопросу о предмете криминологии // Российское правосудие. 2013. № 7 (87).
3. Герцензон А. А. Уголовный закон и личность преступника : учебное пособие. «Знание». М., 1968.
4. Горшенков Г. Н. Доктринальные инновации в криминологии: сущность, ценность, проблемы... // Юридическая техника. 2021. № 15.
5. Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Современная криминология как наука и учебная дисциплина / П. А. Кабанов, Р. Р. Магизов. Казань : Изд-во Казан. унта, 2017.
6. Клейменов М. П. Криминология : учебник. М. : Норма, 2018.
7. Криминология (изд. 2-е, испр. и доп.), М., «Юридическая литература», 1968.
8. Криминология и профилактика преступлений : учебник / под ред. докт. юрид. наук И. И. Алексеева. М. : МВШМ МВД СССР, 1989.
9. Криминология : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под общ. ред. О. С. Капинус; под науч. ред. В. В. Меркурьева. 2-е изд., пер. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019.
10. Криминология : учебник / под ред. Акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. М. : Юрист, 1997.
11. Лозбяков В. П. Криминология и административная юрисдикция милиции. М., 1998.
12. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / В. В. Лунеев. М. : Юрайт, 2011.
13. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат. М., 1961.
14. Стаценко В. Г. Криминология : учебник / В. Г. Стаценко. Минск : Вышэйшая школа, 2018.
15. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть) : учебное пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.

16. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Предмет отечественной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2019. т. 13, № 3.

References

1. Antonyan Yu. M. What is criminology // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 2. 2015.
2. Heinrich N. V. On the subject of criminology // Russian justice. 2013. No. 7 (87).
3. Herzenzon A. A. Criminal law and the identity of the criminal : a textbook. «Knowledge». M., 1968.
4. Gorshenkov G. N. Doctrinal innovations in criminology: essence, value, problems ... // Legal technique. 2021. № 15.
5. Kabanov P. A., Magizov R. R. Modern criminology as a science and an academic discipline / P. A. Kabanov, R. R. Magizov. Kazan : Kazan Publishing House. unta, 2017.
6. Kleimenov M. P. Criminology : textbook. M. : Norm, 2018.
7. Criminology (2nd edition, ispr. and add.), M., «Legal literature», 1968.
8. Criminology and crime prevention : textbook / ed. doct. jurid. Sciences I. I. Alekseeva. M. : MVSM of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989.
9. Criminology: textbook for bachelor's degree, specialty and master's degree / under the general ed. O. S. Kapinus; under the scientific ed. V. V. Merkurjev. 2nd ed., trans. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2019.
10. Criminology : textbook / ed. Academician V. N. Kudryavtseva, prof. V. E. Eminova. M. : Lawyer, 1997.
11. Lozbyakov V. P. Criminology and administrative jurisdiction of the police. M., 1998.
12. Luneev V. V. Course of world and Russian criminology : textbook. In 2 t. t. 1. General part / V. V. Luneev. M. : Yurayt, 2011.
13. Sakharov A. B. About the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR. Gosyurizdat. M., 1961.
14. Statsenko V. G. Criminology : textbook / V. G. Statsenko. Minsk : Higher School, 2018.
15. Prozumentov L. M., Shesler A.V. Criminology (General part) : textbook. Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2017.
16. Prozumentov L. M., Shesler A.V. The subject of domestic criminology // All-Russian Journal of Criminology. 2019. vol. 13, No. 3.

Информация об авторе

Д. Е. Дроздов – доцент кафедры юриспруденции Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. E. Drozdov – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 12.12.2022.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-76-79>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-6/22-536

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-011-2022-06-735

Деятельность следователя по обеспечению права подозреваемого на телефонный разговор при задержании

Алла Сергеевна Есина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Esina-alla@List.ru

Аннотация. Рассматривается ряд проблемных вопросов, возникающих в деятельности следователя при обеспечении права подозреваемого на телефонный разговор при задержании, комментируются некоторые проблемные ситуации, возникающие в практике применения ст. 96 УПК РФ, и обосновываются предложения по их разрешению.

Ключевые слова: подозреваемый, право на телефонный разговор, процессуальное задержание, обязанность следователя, орган дознания

Для цитирования: Есина А. С. Деятельность следователя по обеспечению права подозреваемого на телефонный разговор при задержании // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 76–79. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-76-79>.

Original article

Activities of the investigator to ensure the suspect's right to a telephone conversation during detention

Alla S. Esina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Esina-alla@List.ru

Abstract. A number of problematic issues arising in the investigator's activities while ensuring the suspect's right to a telephone conversation during detention are considered, some problematic situations arising in the practice of applying Article 96 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are commented on and proposals for their resolution are substantiated

Keywords: suspect, right to telephone conversation, procedural detention, duty of investigator, body of inquiry

For citation: Esina A. S. Activities of the investigator to ensure the suspect's right to a telephone conversation during detention. Bulletin of economic security. 2022;(6):76–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-76-79>.

Телефон как средство связи – прогрессивное достижение человечества. Когда принимался Устав уголовного судопроизводства (1864 год) телефон был доступен ограниченному кругу лиц. В конце 19 века никому и в голову не могло прийти предложение о необходимости сообщать по телефону о факте задержания лица его родственникам. Точно также как не было предложений по использованию данного технического средства и в последующих УПК. В этой связи уместно вспомнить меткое замечание профессора Л. В. Головки: «Пользоваться благами прогресса нужно, но не нужно чрезмерно на них уповать. И нельзя не замечать связанные с ними риски» [1].

С 2015 года лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91–92 УПК РФ, получило дополнительное право – право на один теле-

фонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения (ч. 3 ст. 46 УПК РФ). Соответствующие дополнения были внесены в ряд норм уголовно-процессуального закона с тем, чтобы всем участникам уголовного дела (и со стороны защиты, и со стороны обвинения) были понятны цель и процедура данного действия. Дополнена была не только статья 46 УПК РФ, но соответствующие изменения были внесены и в иные нормы закона (ст. ст. 92, 96, 131 УПК РФ) [2].

За последние несколько лет у органов предварительного расследования уже накопился определенный опыт применения данной новеллы уголовно-процессуального закона, также как и обозначились проблемные вопросы правоприменения. Анализ практики применения ст. 96

© Есина А. С., 2022

УПК РФ в органах предварительного следствия системы ОВД позволил выявить ряд проблемных ситуаций, которые напрямую связаны с несовершенством правового регулирования данного фрагмента процессуальной деятельности следователя. Рассмотрим некоторые изъятия отдельных формулировок закона с тем, чтобы определить те риски, которые они влекут для правоприменительной практики.

В тексте части 1 ст. 96 УПК РФ сказано, что именно подозреваемый «...в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя...».

Следует обратить внимание, что право на разговор у подозреваемого имеется только определенное время – 3 часа с момента доставления. Если в течении этого времени подозреваемый отказывается реализовывать свое право на разговор, то он его лишается. Причем происходит это не по решению следователя, а в соответствии с требованием закона. В этой связи важно обратить внимание на следующее: 1. Речь идет о праве на телефонный разговор **подозреваемого** (выд. автором), который стал таковым только после того, как составлен протокол задержания в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ. Соответственно, право на телефонный разговор у гражданина, который задержан и/или доставлен в орган дознания в связи с каким либо происшествием – отсутствует (имеется в виду на основании УПК РФ).

Необходимо определиться с начальным моментом исчисления срока в 3 часа. Законодатель определяет, что подозреваемый должен быть доставлен в орган дознания или к следователю. По смыслу русского языка союз «или» выражает альтернативу и «... употребляется по значению исключających или заменяющих друг друга значений, для указания на необходимость выбора между ними» [6]. Таким образом, для исчисления срока на реализацию права на телефонный разговор имеет значение факт того, куда был доставлен задержанный: в орган дознания или к следователю? Следует иметь в виду, что если задержанное лицо доставлено в орган дознания, в то время как протокол задержания еще не оформлен, то доставленный не имеет процессуального статуса подозреваемого, а следовательно и права на телефонный разговор. Некоторые авторы придерживаются иного мнения и полагают, что доставление задержанного в здание органа дознания уже означает начало исчисления срока в 3 часа для реализации права на телефонный разговор. Например, А. П. Рыжаков предлагает понимать «следователя» в том значении, которое употребляет эту дефиницию законодатель в ч. 1 ст. 96 УПК РФ – как место в здании, как кабинет, предлагая при этом учитывать и месторасположение этого кабинета (в здании ОВД или в другом помещении). А. П. Рыжаков пишет: «...слово-сочетание «к следователю» обозначает определенного рода место – кабинет названного должностного лица.... Если кабинет следователя находится в здании, к приме-

ру, органа внутренних дел, доставление завершено, как только лицо вошло в это здание. И только когда кабинет следователя размещен в отдельно стоящем здании или же речь идет о следователе Следственного комитета РФ, доставление завершается в кабинете следователя». Указанный автор полагает, что «...у следователя появляется легкоосуществимая и, главное, основанная на законе возможность лишить доставленное к нему лицо права на телефонный разговор. Для этого достаточно закончить оформление протокола задержания ровно через 3 часа после доставления к нему фактически задержанного» [3].

Позиция автора представляется спорной, особенно в части его утверждения о том, что у субъекта расследования имеется стремление лишить подозреваемого права на телефонный разговор. Не комментируя позицию Рыжакова А. П. обоснуем свое мнение по рассматриваемому вопросу. Поскольку рассматриваемое право законодатель связывает только с наличием процессуального статуса подозреваемого (ч. 3 ст. 46 УПК РФ), то очевидно, что срок в 3 часа на реализацию у подозреваемого права на телефонный разговор может начать исчисляться только с момента появления этого статуса у лица, его юридического оформления, а именно с момента составления следователем протокола о задержании в порядке ст. 91–92 УПК РФ (ст. 46 УПК РФ) или с момента доставления подозреваемого в орган дознания в случае исполнения постановления следователя о задержании (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). В этом вопросе следует поддерживать предложения тех авторов, которые высказывались о необходимости составления отдельного документа, в котором было бы зафиксировано время доставления задержанного (или уже подозреваемого) в орган дознания. Данный документ хотя и не предусмотрен УПК РФ, но имеет по свойству относимости отношение к материалам уголовного дела, поскольку в нем отражен начальный момент исчисления срока – 3 часа [4; 5].

Законодатель установил цель телефонного звонка: «В целях уведомления родственников ...». Подобная формулировка подразумевает, что телефонный звонок может быть сделан не только родственникам, но и посторонним лицам, которые по мнению подозреваемого, могут сообщить его родственникам о задержании. Гуманность законодателя по отношению к близким родственникам задержанного очевидна. Но при этом также очевидно отсутствие каких либо гарантий для соблюдения интересов и «тайны» расследования. Каким образом следователь должен быть уверен, что телефонный разговор подозреваемого не нанесет вред интересам расследования? Где гарантия того, что тот гражданин, с которым будет разговаривать подозреваемый, не является его соучастником, организатором, членом ОПГ и т. д. Не следует исключать ситуацию, когда в целях противодействия расследованию участники ОПГ могут заранее договориться о том, что в случае задержания одного из них они будут использовать право, предусмотренное в ч. 1 ст. 96 УПК РФ с применением каких то условных

фраз или звуков. С этой точки зрения формулировка законодателя достаточно уязвима. В попытках урегулировать данное действие без ущерба для интересов расследования, следователь оказывается «заложником» ситуации поскольку обязан обеспечить право подозреваемого на разговор по телефону, порой не зная определенно: кто окажется по ту сторону связи. Правоприменительная практика знает ситуации, когда при задержании у лица изымается мобильный телефон, устанавливаются контакты близких родственников или родственников, на которые указывает подозреваемый и которые содержатся в телефонной книге устройства. Данная информация используется для сообщения родным о факте задержания. Но и данный вариант не может гарантировать контакта именно с родственниками задержанного. Было бы целесообразно, право на телефонный разговор исключить из текста закона при задержании лица по подозрению в тяжких, особо тяжких преступлениях, с применением ст. 210 УК РФ, о чем внести соответствующее дополнение в ст. 96 УПК РФ.

Учитывая, что в отдельных случаях телефонный разговор задержанного с родственниками может нанести вред интересам расследования, законодатель наделил следователя правом сохранить в тайне факт задержания. Однако сделать это можно только по мотивированному постановлению следователя и только с согласия прокурора. Зачем в данном случае необходимо согласие прокурора остается не понятно. Это при том, что применение задержания законодатель допускает без согласия прокурора, ограничившись только его уведомлением. Заметим, что процедура получения согласия прокурора о неуведомлении родственников о задержании, требует дополнительного времени, которого как правило нет у следователя, учитывая скоротечность самого срока задержания и того объема процессуальных действий, которые следует произвести с задержанным. С этой точки зрения целесообразно было предусмотреть простую письменную форму уведомления прокурора о нецелесообразности сообщать родственникам о факте задержания лица по аналогии с тем, как происходит уведомление прокурора о задержании. «Прокурорская опека» в данной ситуации представляется излишней.

Если подозреваемый отказывается от права на телефонный разговор, то следователь обязан сам уведомить его родственников о задержании (ч. 1 ст. 96 УПК РФ). Возникают вопросы: надо ли понимать данное положение закона таким образом, что следователь обязан принимать необходимые меры к установлению родственников задержанного в каждом случае задержания, не принимая во внимание отказ самого задержанного? Усматривается ли в действиях следователя нарушение закона в случае, если родственники подозреваемого установлены не будут? Представляется, что отказ подозреваемого от права на телефонный разговор должен приниматься следователем также как и, например, отказ подозреваемого от защитника (за исключением случаев его обязательного участия) – с теми же правовыми по-

следствиями, то есть у следователя не должно возникать каких бы то ни было дополнительных обязанностей в подобной процессуальной ситуации, кроме обязанности зафиксировать данное волеизъявление подозреваемого в протоколе.

Для разрешения проблемы, связанной с необходимостью уведомления родственников о факте задержания подозреваемого, целесообразно предусмотреть обязанность следователя уведомлять не родственников, а территориальные органы внутренних дел по месту жительства или месту регистрации или месту нахождения задержанного (в том числе временного нахождения). Добропорядочные граждане, «потеряв» своего родственника как правило обращаются именно в территориальные правоохранительные органы. В этой связи целесообразно, чтобы данная информация была предоставлена именно в правоохранительный орган, который вправе уведомить родственников о задержании (например, через участкового уполномоченного). Подобная процедура предусмотрена для определенных категорий граждан, обладающих особым статусом. В частях 2 и 3 ст. 96 УПК РФ сказано, что если подозреваемый является гражданином или подданным другого государства, то в течении 3 часов уведомляется посольство или консульство этого государства, в случае задержания адвоката – уведомляется адвокатская палата Субъекта РФ и т.д. Не видим препятствий к тому, чтобы в пределах Российской Федерации уведомлять территориальный ОМВД о задержании лица. Вопрос об оплате подобного телефонного сообщения (если речь идет о звонке в другой регион РФ) достаточно урегулирован в п. 10 ч. 2 ст. 131 УПК РФ где к процессуальным издержкам законодатель относит суммы, связанные с уведомлением близких родственников, родственников или близких лиц подозреваемого о его задержании и месте нахождения. В органах внутренних дел следует ввести необходимую картотеку.

Помимо выше рассмотренных проблемных ситуаций, предоставление права подозреваемому на телефонный разговор породило и иные. Например, прежде чем обеспечить право подозреваемого на телефонный разговор на русском языке следователь должен удостовериться в том, что задержанный владеет русским языком, имеет родственников, и хочет их известить о своем задержании. Если задержанный не владеет русским языком, то следователь обязан предоставить ему переводчика, что неизбежно приведет к невозможности обеспечить право на телефонный разговор в течение 3 часов с момента доставления подозреваемого к следователю. Этот момент всегда остается «приманкой» для ходатайств защитника о нарушениях закона со стороны следователя. У правоприменителя возникает вопрос: зачем надо было предоставлять задержанному – подозреваемому право на телефонный разговор, если его обеспечение влечет столько рисков для сохранения «тайны расследования», порождает столько проблем с точки зрения несовершенства правовой регламентации его обеспечения, отнимает

у субъекта расследования столько времени, отвлекая его от главной цели задержания-проверить лицо на причастность к совершению преступления?

Полагаем, что любое нововведение в текст закона следует оценивать, прежде всего, с учетом тех рисков, которые могут возникнуть у правоприменителя при реализации положений закона. В противном случае вопросов и проблем в правоприменении возникает больше, чем та польза, которую преследовал законодатель, вводя новые процедуры или правила.

Список источников

1. Головкин Л. В. Пандемию нельзя предвидеть ни в одной главе УПК // Уголовный процесс (электронная версия) № 2. 2021. <https://e.ugpr.ru>.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 437 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191477/#dst100014.
3. Рыжаков А. П. Как реализовать право задержанного на вызов // Уголовный процесс (электронная версия). № 9. 2016 <https://e.ugpr.ru>.
4. Булатов Б. Б. Глава 12. Задержание подозреваемого // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. изд. В. И. Радченко ; научное изд. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М. : Юрайт-Издат, 2004. 1124 с.

5. Гуляев А. П. Глава 12. Задержание подозреваемого // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. изд. В. В. Мозякова. М. : Экзамен XXI, 2002. 565 с.
6. <https://kartaslov.ru>.

References

1. Golovko L. V. The pandemic cannot be foreseen in any chapter of the Criminal Procedure Code // Criminal procedure (electronic version) No. 2. 2021. <https://e.ugpr.ru>.
2. Federal Law of the Russian Federation No. 437 of December 30, 2015 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191477/#dst100014.
3. Ryzhakov A. P. How to realize the right of a detainee to a call // Criminal process (electronic version). No. 9. 2016 <https://e.ugpr.ru>.
4. Bulatov B. B. Chapter 12. Detention of a suspect // Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / Ed. ed. V. I. Radchenko ; scientific ed. V. T. Tomin, M. P. Polyakov. M. : Yurayt-Izdat, 2004. 1124 p.
5. Gulyaev A. P. Chapter 12. Detention of a suspect // Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / edited by V. V. Mozyakov. M. : Exam XXI, 2002. 565 p.
6. <https://kartaslov.ru>.

Информация об авторе

А. С. Есина – доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России.

Information about the author

A. S. Esina – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 34:303.022

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-80-85>

ИПОН: 2015-0066-6/22-537

MOSURED: 77/27-011-2022-06-736

Юридическая наука и заимствования – любовь или брак по расчету?

Николай Семенович Железняк¹, Юлия Вадимовна Леонтьева²

^{1,2} Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия

¹ zhns21@mail.ru, ORCID 0000-0002-7323-6386

² uliavl@yandex.ru

Аннотация. Практика свидетельствует, что многие научные разработки в различных областях знаний не доходят до потенциального потребителя и поэтому не применяются для улучшения общественных отношений и совершенствования государственного устройства по казало бы несущественной причине – недостаточности принятого в том или ином журнале порогового значения оригинальности текста, определяемого программой «Антиплагиат».

В работе на основе анализа статьи одного из авторов предпринимается попытка оценки действенности системы «Антиплагиат», используемой в учебном процессе и научной деятельности всех без исключения образовательных и научных учреждений Российской Федерации, а также выработки разумных подходов к использованию программы «Антиплагиат» в редакционно-издательской деятельности. Используются такие методы исследования, как диалектика, анализ документов и экспертная оценка. Формулируются некоторые выводы и рекомендации, направленные на совершенствование как существующего программного продукта, так и технологии работы с ним уполномоченных должностных лиц.

Ключевые слова: юридическая наука, терминология, закон, публикации, цитирование, заимствования, плагиат

Для цитирования: Железняк Н. С., Леонтьева Ю. В. Юридическая наука и заимствования – любовь или брак по расчету? // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 80–85. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-80-85>.

Original article

Legal science and borrowing – love or a mercenary marriage?

Nikolay S. Zheleznyak¹, Yulia V. Leontyeva²

^{1,2} Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

¹ zhns21@mail.ru, ORCID 0000-0002-7323-6386

² uliavl@yandex.ru

Abstract. Practice shows that many scientific developments in various fields of knowledge do not reach the potential consumer and, therefore, are not used to improve public relations and the state system for a seemingly insignificant reason – the insufficiency of the threshold value of the originality of the text accepted in a particular journal, determined by the Antiplagiat program.

Based on the analysis of an article by one of the authors an attempt to assess the effectiveness of the «Antiplagiat» system is made, used in the educational process and scientific activities of all educational and scientific institutions of the Russian Federation without exception, as well as to develop reasonable approaches to the use of the Antiplagiat program in editorial and publishing activities. Research methods being used are dialectics, document analysis and expert assessment. Some conclusions and recommendations are formulated aimed at improving both the existing software product and the technology for working with it by authorized officials.

Keywords: legal science, terminology, law, publications, citation, borrowed words, plagiarism

For citation: Zheleznyak N. S., Leontyeva Yu. V. Legal science and borrowing – love or a mercenary marriage? Bulletin of economic security. 2022;(6):80–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-80-85>.

© Железняк Н. С., Леонтьева Ю. В., 2022

Формирование юриспруденции как науки началось в глубокой древности. Именно тогда, пытаясь разрешить некоторые коллизии, римские юристы осознали, что разработка эффективной правовой системы создает основу для развития общественных отношений и общества в целом. А это, в свою очередь, требует не только качественной подготовки кадров, но и научного анализа возникающих проблем.

Так зародилась наука юриспруденция. Минули века, но правоприменительная практика и сегодня преподносит сюрпризы, устранение которых зачастую возможно лишь посредством изменения действующих правовых норм. Но почему это необходимо сделать и как, чтобы достичь максимального эффекта? Исследованием этой сферы деятельности в большей степени и занимается юридическая наука.

Юридическая наука изучает право как особую систему социальных норм, свойства правотворческой и правоприменительной деятельности. Проводимые исследования позволяют выдвигать идеи о возможности внесения прогрессивных изменений в работу государственного механизма и способы регулирования развития общества.

Не избежали этого и представители оперативно-розыскной науки, которые, основываясь на анализе практической деятельности оперативных подразделений и взаимодействующих с ними структур, с середины прошлого века неоднократно осуществляли попытки инициировать работу по совершенствованию государственного профессионального сыска, в том числе путем формирования нормативных правовых актов, регулирующих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), и последующей модернизации содержащихся в них предписаний [1; 2; 3; 8; 9; 10; 11; 12; 15].

Несмотря на значительное количество исследований проблем регламентации ОРД, первое двадцатилетие нового века мало что изменило в достаточно косной системе разработки и повышения качества нормативных правовых актов как законодательного, так и подзаконного уровней¹.

Научные изыскания относительно возможностей создания нормативных правовых актов и повышения уровня их влияния на правоприменительную практику осуществлялись целым рядом специалистов в области ОРД преимущественно путем изложения различных идей, разработки предложений и рекомендаций, направленных на оптимизацию отдельных аспектов оперативной работы. Но были и более серьезные труды [напр.: 4; 5].

Однако независимо от их объема и содержания все они строятся примерно одинаково и в основном по стан-

¹ Так, несмотря на принятые за указанное время тридцать две редакции Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», повлекшие за собой шестьдесят семь изменений его предписаний, по мнению специалистов, существенного улучшения нормативного правового регулирования государственной профессиональной сыска деятельности не произошло.

дартной схеме, включающей в себя упоминание о наличии проблемы (проблем), итоги проведенных в этой части изысканий, рассуждения авторов и описание вариантов возможного улучшения существующей ситуации.

Вместе с тем для того, чтобы получить объективную картину исследуемого нами предмета, необходимо не только обладать знаниями в области нормативного правового регулирования анализируемой деятельности или соответствующими эмпирическими данными, но и оценками рассматриваемой проблемы со стороны специалистов, т. е., как правило, лиц, имеющими соответствующее профессиональное образование, хорошие практические знания и/или практический опыт в какой-либо сфере.

А это означает, что научные работы юридического профиля невозможно написать без цитирования предписаний нормативных правовых актов различного уровня и ссылок на мнения ученых².

Такие труды только тогда могут стать утилитарными, когда с их содержанием и предложенными идеями смогут ознакомиться значительное число заинтересованных лиц. Для этого существует, если не затрагивать фундаментальные работы, два основных способа: выступление на научной (научно-практической) конференции и публикация в журнале. В первом случае содержание исследования излагается в выступлении и тезисах, во втором – в статье.

Авторитетные журналы в ходе подготовки к опубликованию работы ученого или практика в обязательном порядке проверяют ее в системе обнаружения текстовых заимствований³. Так, статья одного из авторов данной работы⁴ при проверке с помощью этого программного продукта показала 51,67 % оригинальности, что является не самым приемлемым показателем самостоятельности труда исследователя.

Оставшиеся проценты распределились следующим образом: заимствования – 7,25, самоцитирования – 0,84, цитирования – 40,24.

² Следует отметить, что зачастую на глаза попадают красиво изданные труды по тем или иным вопросам ОРД, фамилии авторов которых неизвестны специалистам. При ближайшем рассмотрении выясняется, что это философы, военные, политологи и иные исследователи, возможно, признанные авторитеты в определенной области знаний, но зачем-то пытающиеся сказать свое слово в, как правило, не известной им науке, а тем более – практике. Вот этих ученых к категории специалистов (при всем уважении к их заслугам на ином поприще) мы отнести не можем.

³ Сейчас для выявления плагиата используются компьютерные программы, анализирующие тексты и пр. на предмет повторяемости информации, внесенной в базу программы, или по сканированию интернет-ресурсов. Таким образом, программа определяет степень повторяемости информации в анализируемой работе.

⁴ Железняк Н. С. Уничтожение материалов по результатам проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий: необходимость или «так повелось»? (предполагается к опубликованию в научно-практическом журнале «Общество и право» Краснодарского университета МВД России).

При этом сразу отметим, что программ, направленных на обнаружение заимствований, сегодня уже не единицы. Мы далее будем говорить конкретно о российской системе «Антиплагиат», причем о ее платном контенте – со множеством модулей поиска. Оговоримся: как совершенно справедливо указывают авторы, отдававшие свое внимание системам обнаружения неправомерных заимствований (плагиата), в современном российском законодательстве нет норм, регламентирующих использование подобных систем, но еще 15 лет назад Советом по качеству при Рособнадзоре высшим учебным заведениям было рекомендовано использование системы «Антиплагиат» [14, с. 164], а потому как должностные лица «видят» использование этой системы, «так творчески и реализуют» свое видение [6, с. 60].

Попытаемся разобраться с полученными цифрами с точки зрения наименования использованной системы, где одной из частей названия является термин «плагиат». Для этого заглянем в так любимую школярами Википедию и посмотрим в разделе «Словари и энциклопедии на Академике», что же это за зверь: «Плагиат выражается в публикации под своим именем чужого произведения или чужих идей, а также заимствовании фрагментов чужих произведений без указания источника заимствования. Обязательным признаком плагиата является присвоение авторства. Проще говоря, под плагиатом понимается умышленно совершаемое физическим лицом незаконное использование или распоряжение охраняемыми результатами чужого творческого труда, выражающееся в публикации под своим именем чужого произведения или чужих идей, а также во взаимствовании фрагментов чужих произведений без указания источника заимствования».

Ключевым словом в данном пояснении выступает термин «заимствование». Заимствование – это копирование (полное или частичное) слов или выражений из одного языка в другой. Применительно к программе «Антиплагиат» и связанной с ней деятельности под заимствованием понимается полное или частичное копирование текста из другой работы. При этом текст, оформленный в кавычки и с поставленным авторством, именуется цитированием, текст, взятый из собственной же работы автора, – самоцитированием (правда, не всегда, но это уже огрехи большого объема информации в Интернете). Соответственно, логично под просто «заимствованием» понимать копирование чужого текста без указания авторства, то есть плагиат. Цветовое обозначение таких кусочков текста в программе – красное.

И, соответственно, даже 7,25 % заимствования для одного из авторов настоящей работы представляется неприемлемой цифрой, поскольку на протяжении десятилетий он доказывал и, представляется, доказал самостоятельность своих трудов, идей, размышлений, выводов и рекомендаций.

Итак, в отчете программа отмечает десять заимствований – текстовых пересечений, т. е. фрагментов

текста проверяемого документа, совпадающих или почти совпадающих с фрагментом текста источника.

Если же проанализировать, что именно программой отмечено заимствованием, то видно, что, например, как заимствование помечен текст «в возбуждении уголовного дела отказано или уголовное дело прекращено» или «срок уничтожения фонограмм и других материалов по результатам завершения прослушивания телефонных и иных переговоров»¹. Причем попытка посмотреть, откуда был «заимствован» текст, не увенчалась успехом: программа выдает надпись: «Страница перемещена по другому адресу». Мелочь, а неприятно. Вроде и ложки нашлись, а осадочек остался.

Стоит также отметить весьма интересные моменты, когда система начинает «подсвечивать» красным фамилию автора (и в этот раз автора статьи не миновала эта участь) – очень часто такая ситуация возникает в отношении людей, имеющих большое количество научных трудов, известных в своих областях знаний, название вуза – это случается практически всегда; еще интереснее, когда вызывающими сомнения являются ученые степени и звания. Безусловно, цифры, которые такие моменты добавляют в общую «копилку», снижают процент оригинальности текста совсем незначительно, но сам факт такого выделения слов и понятий уже ставит под вопрос корректность работы системы.

И еще о корректности. Для подтверждения достоверности наших выводов мы провели эксперимент: с сайта в Интернете взяли автореферат защищенной лет 30 назад диссертации и, не меняя в нем ни одного знака, загрузили в систему «Антиплагиат». Сказать, что мы были удивлены результатом – не сказать ничего. Вердикт программы был следующим: 96 % заимствованного текста, 4 % оригинального. То, что система распознала заимствованный текст, не удивительно, для этого она, в принципе, и была предназначена. Вопрос в другом: откуда взялись 4 % оригинального текста? И снова возникают сомнения в корректности работы программы.

Еще один момент. Программа находит использованные ранее «кусочки» текста. И это замечательно. Вот зачастую на один и тот же текст системой выдаются 3-5-8 адресов, ведь, допустим, тот же автореферат может быть размещен на нескольких сайтах, а тем более журнальная статья.

Обратная сторона этой медали: система определяет текст в хронологическом порядке, и зачастую более поздние статьи, авторы которых использовали наработки других исследователей (и, возможно, не совсем корректно), системой определяются как «исходники». И автор, который ранее написал этот текст, возможно, лет несколько назад, вынужден оправдываться (или доказывать!), что это его текст, просто тот самый Иван Иванов, с указанием на которого система определила текст как заимствованный, в своей статье использовал материал автора, да, как это нередко случается, забыв

¹ Перифраз из предписаний ч. 4 и 7 ст. 6 ФЗ об ОРД.

при этом оформить цитирование. Следовательно, нужно найти статью Ивана Иванова, свою самую первую работу (причем оригинал), сопоставить даты и доказать свое авторство. А если автор желает опубликоваться – то все материалы предоставить в редакцию того издания, куда направлена статья.

А еще очень интересная ситуация, когда программа находит заимствование в статье и указывает в качестве источника заимствования выпускную квалификационную работу – и такая отсылочка имеется в нашем отчете программы. Безусловно, ни у кого не возникает и тени сомнения, что доктор наук, профессор нашел в Интернете дипломную работу студента Иванова и немедленно позаимствовал оттуда даже не идеи – куски текста.

Впрочем, можно изложить свою мысль другими словами – и этот способ «обойти» Антиплагиат приводит зачастую к появлению таких перлов, что только диву даешься. Люди меняют порядок слов – и в итоге статья производит впечатление написанной инопланетянином: вроде, о чем пишет человек, понятно, но совершенно не понятно, как он умудрился так расставить слова в предложении. Люди обращаются к синонимам – однако использование художественных средств приветствуется именно в художественной литературе, употребление их в юридических текстах зачастую приводит к негативным результатам. А применять синонимы вместо устоявшихся юридических формулировок вообще недопустимо. Ну, какими синонимами можно заменить фразу «преступления против семьи и несовершеннолетних»? А ведь она в большинстве случаев в отчете Антиплагиата будет «в красной зоне».

Зачастую красным подсвечиваются словосочетания «несмотря на то, что ...», «вместе с тем», «в свою очередь» и т. д. Конечно, те мизерные доли, которые эти выражения отнимают у процента оригинальности, кардинально картину не меняют, но «по копейке можно рубль собирать».

Требования определенного процента оригинальности присутствуют во многих журналах. Например, требования «Вестника Уфимского юридического института МВД России» – не менее 60 % оригинальности, «Вестника Восточно-Сибирского института МВД России» – не менее 65 %, «Алтайского юридического вестника» – не ниже 70 %. Таким образом, статью нашего автора не возьмут (и даже не станут рассматривать!) ни в одном из указанных и многих иных журналов¹. Между тем трудно не согласиться с А. С. Морозовым в том, что «делать выводы о качестве научного исследования только по результатам компьютерной проверки невозможно и неправомерно» [7, с. 67].

Что касается цитирования различных нормативных и литературных источников, выше мы уже отмечали, что

¹ Не так давно по такому формальному основанию одному из авторов настоящей работы отказали в опубликовании весьма интересной статьи в журнале авторитетного образовательного учреждения (кстати, журнал другого столь же авторитетного учреждения опубликовал ее без всяких условий).

без него ни одна (не побоимся это утверждения) научная работа в сфере юриспруденции таковой считаться не может. Объем же использованного материала, в первую очередь, зависит от серьезности исследуемой проблемы и ее признанности как нормодателем, так и научным сообществом. Научная ценность работы может определяться одним-единственным выводом, сделанным на основании исследования (и цитирования!) десятка (а то и более) нормативных правовых актов. В нашем случае (в анализируемой статье), как нам представляется, степень цитирования такого рода законодательных предписаний, судебных решений и мыслей ученых может оцениваться как оптимальная, поскольку достаточно четко подтверждает идеи, высказанные в работе ее автором.

Однако необходимое в юридических текстах цитирование законов и иных правовых актов, даже если определяется должным образом как «цитирование», все равно снижает заветную цифру оригинальности работы. И как быть здесь: разбавить большое количество цитирования еще большим количеством «словоблудия» во имя получения нужных цифр?

С учетом того, что каждая из цитируемых фраз привязана к конкретному источнику, относить их к категории плагиата представляется бессмысленным.

Теперь несколько слов о должностных лицах, находящихся «у руля» рассматриваемой системы.

Внимательный читатель, знакомясь с отчетом, сформированным программой «Антиплагиат», должен обратить внимание, что на его первой странице указываются два, на наш взгляд, определяющих момента: «Заимствование – доля всех найденных текстовых пересечений...», «Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего».

Последняя фраза – мудрое указание создателя программного продукта, но вряд ли его читали формалисты. Поэтому, осуществляя подготовку к направлению потенциальной публикации в то или иное издание, наряду с требованиями по написанию работы внимательно читываешь в цифры системы «Антиплагиат» и пытаешься втиснуться в «прокрустово ложе», именуемое 60 %, 65 %, 70 %. И делаешь это не потому, что программа плохая, а потому, что все зависит от человека, находящегося зачастую «с той стороны баррикад». А там иногда есть ответственные лица, но извините за каламбур – по большей части безответственные, непрофессиональные или просто равнодушные. Поэтому после такой проверки у авторов возникает вопрос: «А судьи кто?»². Правда, он остается без ответа.

С учетом вышеизложенных размышлений следует попытаться оценить суть одного из терминов, использованных в наименовании работы.

В Викисловаре термин «брак» определяется как: 1) семейная связь между двумя или более людьми; су-

² Из монолога А. А. Чацкого в бессмертном произведении А. С. Грибоедова «Горе от ума».

пруджеская жизнь; 2) некачественный товар, дефектное изделие; изъян, повреждение, дефект (на промышленном изделии, товаре).

Так существует ли связь юридической науки и плагиата? Она, конечно, имеет место и проявляется преимущественно в сочинениях недобросовестных авторов. Что касается второго значения категории «брак», то он, конечно же, во всем многообразии тоже присутствует в некоторых научных трудах, но выходит за рамки настоящего исследования, а поэтому не подвергается препарированию.

Таким образом, проведенное авторами пилотное изыскание в рамках описанной выше проблемы позволяет сделать три достаточно выверенных умозаключения:

Российский интернет-проект «Антиплагиат» – вещь, безусловно, очень полезная, помогающая автору в написании работы, но использоваться она должна именно как программа помогающая, а не контролирующая и, тем более, оценивающая.

Российский интернет-проект «Антиплагиат» вполне пригоден для проверки текстовых документов на наличие заимствований из открытых источников, но нуждается в дальнейшем совершенствовании формата отчета.

Человек, носящий гордое звание «эксперт» программы Антиплагиат, должен уметь не только открывать заключение, сформированное программой, и читать цифры, выданные программой. Желательно еще иметь навыки работы с полным отчетом программы, умения отличить общеупотребительные фразы и выражения, а также (применительно к юридическим специальностям) устоявшуюся юридическую лексику от заимствований и не бояться принимать на себя ответственность в редактировании отчета программы, коль скоро в требованиях к предоставляемым для публикации статьям мы еще видим конкретные цифровые показатели. И в идеале, по справедливому замечанию Т. В. Хованской и М. Н. Сидоровой, такая работа должна идти в диалоге с автором [13, с. 53].

Именно при таком подходе брак, как «связь между двумя или более людьми», приобретет совершенно новое качество – любовь. Любовь к изысканиям, идеям, открытиям – проще говоря, любовь к науке.

Список источников

1. 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омский юридический институт, 2010.
2. Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. М.: Новый юрист, 1997.
3. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.

4. Железняк Н. С. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: проект. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013.

5. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014.

6. Миняйленко Н. Н., Акутин С. Д. Правовые основания использования системы «Антиплагиат»: открытые вопросы // Платон. 2014. № 1. С. 60–61.

7. Морозов А. С. Технология овладения системой «Антиплагиат». Проблемы и пути решения // Теория и практика научных исследований: психология. Педагогика, экономика и управление. 2020. № 4(12). С. 59–68.

8. Проблемы совершенствования оперативно-розыскного законодательства (материалы круглого стола, посвященные десятилетию принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») / под ред. д.ю.н. В. И. Елинского. М.: ВНИИ МВД России, 2004.

9. Смирнов М. П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учебное пособие. М.: Изд. «Экзамен», 2003.

10. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. В. В. Николюка. М.: Спарк, 2003.

11. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. А. Е. Четчина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2007.

12. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / А. С. Бахта и др. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2012.

13. Хованская Т. В., Сандирова М. Н. Использование системы «Антиплагиат» в высшей школе // Проблемы современного образования. 2019. № 3. С. 51–58.

14. Чернов Ю. И., Салова К. О. Гражданско-правовые и административно-правовые аспекты создания и развития в России системы «Антиплагиат» // Власть Закона. 2017. № 4 (32). С. 162–169.

15. Шумилов А. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / А. Ю. Шумилов. М.: Изд. Шумилова И. И., 1999.

References

1. 15 years of the Federal Law «On operational-search activity»: collection of writings of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk: Omsk Law Institute, 2010.
2. Goryainov K. K., Kvasha Yu. F., Surkov K. V. Federal law «On operational-search activity»: commentary / K. K. Goryainov. M.: New lawyer, 1997.
3. Zheleznyak N. S. Issues of actualization of the Federal Law «On operational-search activity»: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.
4. Zheleznyak N. S. Federal Law «On operational-search activity»: draft. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia, 2013.

5. Lugovik V. F. Operational-search code of the Russian Federation : author's project. Omsk : Omsk Law Academy, 2014.

6. Minyailenko N. N., Akutin S. D. The legal basis for the use of the anti-plagiarism system : open questions // Platon. 2014. No. 1. P. 60–61.

7. Morozov. A. S. Technology of mastering the system «Anti-plagiarism». Problems and solutions // Theory and practice of scientific research : psychology. Pedagogy, economics and management. 2020. № 4 (12). P. 59–68.

8. Problems of improving operational-search legislation (materials of the round table dedicated to the tenth anniversary of the adoption of the Federal Law «On operational-search activity») / ed. Doctor of Law V. I. Elinskiy. M. : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004.

9. Smirnov M. P. Comments on the operational-search legislation of the Russian Federation and foreign countries: textbook. M. : Ed. «Ekzamen», 2003.

10. Federal law «On operational-search activity»: scientific and practical commentary / ed. prof. V. V. Nikolyuk. M. : Spark, 2003.

11. Federal law «On operational-search activity»: scientific and practical commentary / ed. prof. A. E. Chechetina. Barnaul : BYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007.

12. Federal law «On operational-search activity»: scientific and practical commentary / A. S. Bakhta and the others. Khabarovsk : DVYUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.

13. Khovanskaya T. V., Sandirova M. N. The use of the «Anti-plagiarism» system in higher education // Problems of modern education. 2019. № 3. P. 51–58.

14. Chernov Yu. I., Salova K. O. Civil-legal and administrative-legal aspects of the creation and development of the Anti-Plagiarism system in Russia // The Power of Law. 2017. № 4 (32). P. 162–169.

15. Shumilov A. Yu. Commentary on the Federal Law «On operational-search activity». M. : Ed. Shumilov I. I., 1999.

Информация об авторах

Н. С. Железняк – профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Ю. В. Леонтьева – заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России.

Information about the authors

N. S. Zheleznyak – Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Yu. V. Leontyeva – Deputy Head of the Scientific-Research and Editorial and Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-86-88>

ИПОН: 2015-0066-6/22-538

MOSURED: 77/27-011-2022-06-737

О малозначительности мелкого взяточничества

Кирилл Вадимович Жестков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
snaike757@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает особенности признания мелкого взяточничества малозначительным деянием.

Ключевые слова: мелкое взяточничество, малозначительность деяния, общественная опасность мелкого взяточничества

Для цитирования: Жестков К. В. О малозначительности мелкого взяточничества // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 86–88. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-86-88>.

Original article

On the insignificance of petty bribery

Kirill V. Zhestkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
snaike757@mail.ru

Abstract. The author considers the features of recognizing petty bribery as an insignificant act.

Keywords: petty bribery, insignificance of the act, public danger of petty bribery

For citation: Zhestkov K. V. On the insignificance of petty bribery. Bulletin of economic security. 2022;(6):86–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-86-88>.

В настоящее время большой научный интерес вызывает вопрос о возможности признания мелкого взяточничества малозначительным деянием в рамках ч. 2 ст. 14 УК РФ.

В науке уголовного права различные ученые неоднозначно относятся к возможности признания мелкого взяточничества малозначительным деянием. Например, Н. Д. Дурманов отмечал, что в отношении определенных групп преступлений, таких как преступления против личности, государственной власти, норма о малозначительности деяния не применима [1]. Аналогичной позиции придерживались Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили, Г. А. Левицкий, Г. Моисеенко [2; 3; 4]. Противоположную точку зрения имеет В. В. Мальцев, который полагал, что каких-либо ограничений относительно применения нормы о малозначительности деяния в уголовном законе не указано, в связи с чем действие данной нормы распространяется на все преступления [5; 6].

Анализ содержания существующих доктринальных воззрений о возможности признания мелкого взяточничества малозначительным деянием, указывает на их определенные недостатки, поскольку они не учитывают совокупность всех признаков, акцентируя внимание лишь на отдельно взятых признаках данного деяния:

ценность объекта посягательства, размер взятки, условия совершения взяточничества и др. Тому в немалой степени способствует отсутствие в уголовном законе определения понятия малозначительности деяния, в котором отсутствуют признаки незначительной общественной опасности, что не устраняет наличие иных, не менее важных для преступления признаков, таких, как виновность, противоправность, наказуемость. И потому, при определении малозначительности деяния дается юридическая оценка объективных и субъективных элементов и их признаков, присущих составу преступления.

При совершении мелкого взяточничества, важное значение имеет правильная оценка содержания объекта преступления. Его социальная значимость заключается в необходимости должной охраны общественных отношений в сфере реализации полномочий органами государственной власти, государственной и муниципальной службы, причинение вреда которым оказывает значительное влияние на решение вопроса о наличии признака малозначительности деяния либо его отсутствие как такового. Мелкое взяточничество является посягательством на весьма социально значимый объект, поскольку решение различных социальных вопросов гражданами

не должно зависеть от усмотрения конкретного должностного лица, в том числе от материальных ему подношений, размер которых не может рассматриваться через оценку стоимости предмета преступления.

Законодатель не уточняет минимальный размер взятки, наличие которого позволяет признать совершенное деяние малозначительным. Как и в науке, так и в правоприменительной практике данный вопрос решается неоднозначно, что подтверждается анализом статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так в 2018 г. было вынесено 644 обвинительных приговоров при размере взятки до 500 рублей, что составляет 22,7 % от всего количества вынесенных обвинительных приговоров по мелкому взяточничеству, в 2019 г. – 552 обвинительных приговоров, что составляет 29,7 %, в 2020 г. – 399 обвинительных приговоров, что составляет 35,5 % [7]. Приведенные статистические данные наглядно демонстрируют неизменную тенденцию роста обвинительных приговоров по мелкому взяточничеству даже и при размере взятки, не превышающей 500 рублей, что и позволяет утверждать о нецелесообразности оценки стоимости предмета мелкой взятки для установления в ней признака малозначительности. Очевидно, что признак малозначительности не может быть ограничен оценкой исключительно минимального размера предмета взятки, поскольку ее общественная опасность характеризуется не только ценностью самого подношения, но и степенью и характером общественной опасности социальным отношениям в обществе.

Яркой иллюстрацией в подтверждение сказанного является пример из судебной практики. Приговором суда Соловьев А. А. осужден по ст. 291² УК РФ, который, занимая должность преподавателя учебного заведения, получил от студента взятку в виде бутылки водки стоимостью 290 руб. за положительную сдачу итоговой аттестации. Аналогичным образом привлекаются к уголовной ответственности по ст. 291² УК РФ и лица, дающие взятки в размере до 500 руб. [8], что является прямым доказательством того, что размер предмета взятки не может быть признаком ее малозначительности.

При оценке признака малозначительности мелкой взятки не следует игнорировать необходимость анализа объективной стороны, к особенностям которой относятся степень развития объективной стороны, объем деятельности, характер действий (бездействия), которые дополняются и подлежат раскрытию в процессе квалификации факультативными признаками (время, место, способ, средства и обстановка). Данный подход необходим для того, чтобы определить степень общественной опасности не только предмета взятки, но и оценить совершенное должностным лицом незаконное деяние по службе.

Получение мелкой взятки за совершение незаконных действий, сопряженные с вымогательством либо неоднократно, значительно повышают наличие признака общественной опасности и потому не могут быть

малозначительными, поскольку характер и содержание действий (бездействия) должностного лица оказывает существенное влияние на определение их степени общественной опасности.

Немаловажное значение для установления признака малозначительности либо его отсутствия в мелкой взятке имеет характеристика субъекта данного преступления, который в отличие от субъекта дачи взятки, является носителем должностных полномочий. Должностные преступления, сопряженные с использованием виновными своих полномочий, не могут признаваться малозначительными в силу установленных государством для должностных лиц, наделенных властными полномочиями, независимо от сферы их применения, повышенных стандартов поведения по сравнению с остальными гражданами, не имеющими соответствующих полномочий [9].

На установление степени общественной опасности существенное влияние оказывает совершение мелкого взяточничества группой лиц по предварительному сговору. Подобное преступное участие совершается не одним лицом, а при соединении совместных усилий двух и более лиц, что позволяет не только достигать поставленных ими целей, но и наносить существенный вред охраняемым общественным отношениям. Дополнительно к изложенным выше аргументам о недопустимости признания в составе мелкой взятки признака малозначительности, является совершение мелкого взяточничества лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1, 291² УК РФ, поскольку наличие такого указывает на значительную степень и характер общественной опасности личности субъекта преступления.

Исследование проблемы малозначительности мелкой взятки невозможно без учета и оценки признаков субъективной стороны: вина, мотив, цель, иные побуждения. Их анализ необходим для определения качественных (содержание умысла, мотива, цели) и количественных составляющих (степень вины). Решающее влияние оказывает форма вины, ее вид, особенности содержания интеллектуального и волевого процессов, происходивших в психике виновного (объем и определенность сознания, характер предвидения, преднамеренность, настойчивость в достижении цели и т. д.); степень антиобщественной направленности мотивов и целей; содержание умысла (осознание особенностей объекта и объективной стороны посягательства, особых свойств предмета и т. д.).

Учитывая кратко вышеизложенные аргументы о необходимости проведения комплексного анализа всех элементов состава мелкого взяточничества и их учета при решении вопроса о его малозначительности, данное деяние во всех без исключения случаях является не только общественно опасным деянием, но и ни при каких обстоятельствах не может быть признано малозначительным. В качестве основных аргументов в пользу данного утверждения следует давать оценку социаль-

ной значимости объекта посягательства, а не содержанию предмета мелкого взяточничества, как его факультативного признака. Неправоммерно отрывать предмет от других элементов состава преступления, поскольку общественная опасность характеризует не только размер и стоимость взятки, который не имеет решающего значения. Общественная опасность присуща умышленно совершаемому деянию, для которого характерно наличие заранее установленных и определенных мотивов и целей.

Список источников

1. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М., 1967. С. 266.
2. Церетели Т. В., Макашвили В. Г. Состав преступления как основание уголовной ответственности. М., 1954. С. 76.
3. Левицкий Г. А. Об отграничении преступлений от действий, предусмотренных ч. 2 ст. 7 УК РСФСР // Труды высшей школы МООП РСФСР. М., 1965. Вып. 12. С. 22–23.
4. Моисеенко Г. Общественная опасность деяния и личность преступника // Советская юстиция. 1975. № 14. С. 9–10.
5. Мальцев В. В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве. Волгоград, 1995. С. 230.
6. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 193.
7. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150>.
8. Уголовное дело № 22-524/2017 / Архив Советского района суда г. Астрахани.
9. Стельмах В. В. Малозначительность деяния как частный случай отсутствия состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 153–157.

References

1. Durmanov N. D. The concept of crime. M., 1967. P. 266.
2. T. V. Tsereteli and V. G. Makashvili. Composition of the crime as the basis of criminal liability. M., 1954. P. 76.

Информация об авторе

К. В. Жестков – соискатель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

K. V. Zhestkov – Competitor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

3. Levitsky G. A. On the delimitation of crimes from the actions provided for in Part 2 of Art. 7 of the Criminal Code of the RSFSR // Proceedings of the Higher School of the MOOP of the RSFSR. M., 1965. Issue. 12. P. 22–23.

4. Moiseenko G. Social danger of the act and the personality of the offender // Soviet justice. 1975. No. 14. P. 9–10.

5. Maltsev V. V. Category «socially dangerous behavior» in criminal law. Volgograd, 1995, P. 230.

6. Kuznetsova N. F. The value of criminal consequences for criminal liability. M., 1958. P. 193.

7. Data of judicial statistics on cases of corruption [Electronic resource] // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150>.

8. Criminal case No. 22-524/2017 / Archive of the Sovetsky District Court of Astrakhan.

9. Stelmakh V. V. The insignificance of the act as a special case of the absence of corpus delicti // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1. P. 153–157.

Библиографический список

1. Фоменко Е. В. Коррупционные преступления: история и современность. Основные понятия и виды, направления профилактики : монография. М., (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). 2020. 94 с.
2. Багиров Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... к.ю.н.: 12.00.08 / Багиров Чингиз Мамедшах оглы. Тюмень, 2005. 168 с.

Bibliographic list

1. Fomenko E. V. Corruption crimes: history and modernity. Basic concepts and types, directions of prevention : monograph. M., (All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 2020. 94 p.
2. Bagirov Ch. M. The insignificance of the act and its criminal legal significance: dis. ... Candidate of Law: 12.00.08 / Bagirov Chingiz Mammadshah ogly. Tyumen, 2005. 168 p.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-89-95>

НИОН: 2015-0066-6/22-539

MOSURED: 77/27-011-2022-06-738

Основные направления взаимодействия государств в противодействии международной преступности: правовой аспект

Владимир Иванович Забавка

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются основные направления взаимодействия и сотрудничества государств в противодействии международной преступности, представляющих собой целенаправленную деятельность мирового сообщества, субъектов международных отношений и уголовной политики, которые объединяют усилия и ресурсы в целях эффективной защиты и предупреждения международной и национальной преступности.

Ключевые слова: государство, конвенция, договор, соглашение, международная (транснациональная) преступность, международные правоохранительные меры и органы

Для цитирования: Забавка В. И. Основные направления взаимодействия государств в противодействии международной преступности: правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 89–95. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-89-95>.

Original article

The main directions of interaction of states in combating international crime: legal aspect

Vladimir I. Zabavka

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The main directions of interaction and cooperation of states in countering international crime are analyzed, which are the purposeful activities of the world community, subjects of international relations and criminal policy that combine efforts and resources for the effective protection and prevention of international and national crime.

Keywords: state, Convention, Treaty, agreement, international (transnational) crime, international law enforcement measures and bodies

For citation: Zabavka V. I. The main directions of interaction of states in combating international crime: legal aspect. Bulletin of economic security. 2022;(6):89–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-89-95>.

Сотрудничество государств в борьбе с международной (транснациональной) преступностью осуществляется по различным направлениям, в следующих формах и видах:

- заключение между государствами договоров и соглашений;
- выработка международных стандартов в области предупреждения преступности, уголовного преследования и отбывания наказания за совершение международных преступлений и преступлений международного характера;
- разработка рекомендаций для борьбы национальных правоохранительных органов с общеуголовными преступлениями, информационная и консультативная помощь государствам.

В зависимости от круга вопросов международного сотрудничества в борьбе с преступностью целесообразно выделить следующие его виды:

- договорно-правовую, затрагивающую интересы всего мирового сообщества или нескольких государств;
- организационную и правоприменительную деятельность компетентных международных организаций и соответствующих внутригосударственных органов в борьбе с такими преступлениями;
- информационное обеспечение этой деятельности;
- материально-техническую помощь нуждающимся государствам для обеспечения эффективной борьбы с преступностью.

С учетом характера преступности такие направления можно классифицировать следующим образом:

© Забавка В. И., 2022

1) сотрудничество в борьбе с международными (транснациональными) преступлениями и 2) с общеуголовной преступностью.

В зависимости от опасности того или иного преступления (группы преступлений) необходимо выделить направления международного сотрудничества в борьбе со следующими преступными деяниями, представляющими наибольшую опасность:

- международный и внутригосударственный терроризм;
- пиратство;
- захват заложников;
- незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ;
- незаконный оборот химических и ядерных материалов;
- незаконная торговля оружием и боеприпасами;
- незаконные операции в сфере информационных технологий или киберпреступность;
- международная и национальная коррупция;
- незаконные операции в банковской сфере и фальшивомонетничество;
- незаконное перемещение людей через границу и др.

Приоритет того или иного направления международного сотрудничества определяется международным сообществом или отдельными государствами, отражается в международно-правовом и внутригосударственном законодательстве и соответствующих организационных структурах конкретных государств с учетом общественной опасности, характера и распространенности рассматриваемых преступлений, а также иных обстоятельств.

Современная преступность не знает границ и в более или менее острой форме проявляется во всех странах мира. Постоянно расширяется перечень преступных деяний, представляющих международную опасность (например, указанные выше: терроризм, киберпреступность, незаконный оборот наркотиков, культурных ценностей, оружия, торговле людьми и т. д.).

Международное сотрудничество между государствами в сфере борьбы с преступностью развивается на следующих трех уровнях:

- 1) двустороннее сотрудничество между государствами;
- 2) региональный;
- 3) универсальный (общемировой).

Формы международного сотрудничества в данной сфере деятельности чрезвычайно разнообразны, но все они сводятся к таким видам, как:

- заключение международных соглашений;
- создание соответствующих международных организаций (ООН, Международная организация уголовной полиции (Интерпол), Совет Европы, СНГ, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС и др.);
- оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам;

– выдача лиц, совершивших преступления, для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора;

– передача осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания в государства их гражданства или постоянного места жительства;

– обмен оперативной, криминалистической, правовой и иной информацией;

– выполнение поручений по международному розыску;

– обеспечение прав и свобод граждан данного государства при осуществлении уголовного правосудия в другой стране;

– подготовка кадров, обмен опытом работы правоохранительных органов различных государств в борьбе с международной преступностью;

– предоставление экспертных и консультативных услуг, специальных научно-технических средств и оказание иной материально-технической помощи;

– экстрадиция лиц для привлечения их к уголовной ответственности или для исполнения приговоров;

– совместное изучение проблем преступности и борьбы с ней, прогнозирование и программирование этой деятельности;

– участие в официальных мероприятиях (конгрессах, совещаниях) и научно-практических конференциях (семинарах, симпозиумах), где обсуждаются проблемы международного сотрудничества в предупреждении преступности, борьбе с ней, обращении с правонарушителями и др.

Международно-правовой компонент участия России в межгосударственном сотрудничестве в борьбе с преступностью и обеспечением общественной безопасности включает в себя более 700 международных конвенций, двусторонних и многосторонних договоров различного уровня.

Органы внутренних дел Российской Федерации участвуют в выполнении обязательств России по всем основным направлениям международного сотрудничества в борьбе с преступностью и обеспечением общественной безопасности. Их деятельность на этом направлении осуществляется в тесном взаимодействии с другими правоохранительными органами (Прокуратурой, ФСБ, СК, Минюстом, ФТС и др.), заинтересованными министерствами и ведомствами, прежде всего с МИД России.

В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г., отметил, что органы внутренних дел успешно решают поставленные задачи. При этом он констатировал, что необходимо более наступательно бороться с криминальной угрозой и в первую очередь с преступлениями в сфере IT-технологий (кибер- и другими видами преступлений), борьбой с экстремизмом, противодействием коррупции, с незаконным выводом капитала за рубеж, незаконной миграцией. Усилить борьбу с пропагандой наркотиков и

их распространением через интернет и другими преступлениями [1].

В пределах своей компетенции МВД России заключило ряд межведомственных соглашений. В числе наиболее приоритетных направлений определено развитие отношений с партнерами из государств – участников СНГ. В рамках СНГ создано Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории СНГ (БКБОП), а также Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ (СМВД). Кроме того, создана объединенная коллегия МВД государств – участников Союза Белоруссии и России.

Взаимодействия государств по борьбе и противодействию международной (транснациональной) преступности осуществляется в рамках принятых международными организациями нормативных правовых актов (конвенций, соглашений, договоров), а именно:

– Конвенция относительно рабства (1926 г.), Протокол 1953 г. о внесении изменений в Конвенцию 1926 г. и Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и, институтов и обычаев, сходных с рабством (1956 г.) [2];

– Конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков (1929 г.) [3];

– Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами (1949 г.) [4];

– Конвенция об открытом море (1958 г.) [5];

– Конвенция о наркотических средствах (1961 г.) [6];

– Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963 г.) [7];

– Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.) [8];

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.), и Протокол, касающийся незаконных актов в международных аэропортах (1988 г.) [9; 10];

– Конвенция о психотропных веществах (1971 г.) [11];

– Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.) [12];

– Международная конвенция по борьбе с захватом заложников (1979 г.) [13];

– Европейская конвенция о пресечении терроризма (1977 г.) [14];

– Конвенция по морскому праву (1982 г.) [15];

– Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.) [16];

– Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.), и Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных

платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.) [17; 18];

– Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (1989 г.) [19];

– Конвенция против транснациональной организованной преступности (2000 г.) [20] и многие др.

Одной из основных международных организаций в борьбе с международной преступностью является Международная организация уголовной полиции (Интерпол), задачей которой является предупреждение уголовных преступлений международного характера и борьба с преступностью путем широкого сотрудничества уголовной полиции разных стран. Она была создана в 1923 г. Действующий Устав Интерпола вступил в силу в 1956 г. (СССР вступила в 1990 г.) [21].

Основными направлениями деятельности Интерпола являются: уголовная регистрация; международный розыск преступников и лиц, пропавших без вести; поиск похищенных ценностей; оказание технической помощи странам-участникам; статистика и научно-исследовательская деятельность.

Непременным условием успешности международного сотрудничества в предупреждении преступности выступает взаимная заинтересованность государств-участников. Российская Федерация также проявляет такую заинтересованность, о чем свидетельствует ее готовность и открытость к международному сотрудничеству по предупреждению преступности и имеющиеся определенные международные обязательства. Россия является участницей следующих международных конвенций, договоров и соглашений, нацеленных на противодействие преступности и ее отдельным видам:

– Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков (заключена в г. Женеве 20 апреля 1929 г.);

– Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13 декабря 1957 г.);

– Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 г.);

– Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г.);

– Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в г. Страсбурге 8 ноября 1990 г.);

– Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г.);

– Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.);

– Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.);

– Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 17 июня 1999 г.);

– Договор между Российской Федерацией и Мексиканскими Соединенными Штатами о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 21 июня 2005 г.);

– Договор между Российской Федерацией и Японией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Токио 12 мая 2009 г.);

– Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Абу-Даби 25 ноября 2014 г.);

– Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией (заключено в г. Риме 6 ноября 2003 г.);

– Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью на транспорте (заключено в г. Астане 15 сентября 2004 г.);

– Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью (заключено в г. Ташкенте 11 июня 2010 г.) и др.

Механизмы международного сотрудничества Российской Федерации в предупреждении преступности основываются на положениях уголовно-процессуального законодательства, содержащихся в ч. 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», которые предусматривают:

1) досудебное сотрудничество, включающее производство определенных оперативно-розыскных и следственных действий;

2) судебное взаимодействие с иностранными государствами:

- исполнение запросов о правовой помощи;
- производство отдельных процессуальных действий на территории иностранного государства;
- исполнение решений (приговоров) судов;
- информирование компетентных органов о вступивших в законную силу приговорах в отношении иностранных граждан;

3) взаимодействие по вопросам экстрадиции и передачи иностранных граждан и др. [22].

Уголовно-процессуальное законодательство раскрывает сущность предупреждения преступности на стадиях пресечения, раскрытия и расследования преступлений, а также привлечения к ответственности виновных лиц.

Субъекты международных отношений и уголовной политики объединяют ресурсы в борьбе с международной и национальной преступностью.

Целью международного сотрудничества выступает объединение усилий по предупреждению преступности отдельных государств, региональных групп государств и международного сообщества в целом. Эта цель реализуется выполнением следующих задач:

1) организация предупреждения, взаимной помощи в пресечении, раскрытии и расследовании международных и транснациональных преступлений, розыске виновных и осуществлении правосудия;

2) осуществление совместных профилактических мер и операций, направленных на противодействие преступности;

3) розыск, задержание и выдача лиц, совершивших преступления на территории других государств;

4) выполнение своих обязательств по обеспечению надлежащего обращения с преступниками и правонарушителями.

Названные задачи реализуются определенным кругом субъектов. Так, на сегодняшний день в России сложилась система органов и организаций, осуществляющих такое сотрудничество. К ним относятся:

– Верховный Суд Российской Федерации (по вопросам его судебной деятельности);

– Министерство юстиции Российской Федерации (по вопросам, связанным с работой других судов);

– Следственный комитет Российской Федерации;

– МВД России (по вопросам уголовного судопроизводства в рамках своей компетенции);

– Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ;

– ФСБ России (по вопросам производства расследования по делам, входящим в ее компетенцию);

– Федеральная служба охраны;

– Федеральная таможенная служба;

– Генеральная прокуратура Российской Федерации (в остальных случаях производства расследования уголовных дел) и др.

Среди международных организаций необходимо отметить: Интерпол; полицейские агентства (Европол); Всемирная таможенная организация; Евроюст; группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), созданная в рамках Совета Европы; ООН, включающая Управление ООН по борьбе с наркотиками и преступлениями, Комитет по предупреждению и контролю над преступностью, Комиссию по предупреждению преступности и содействию уголовному правосудию и научно-исследовательские институты ООН, в первую очередь Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ); Европейское агентство по борьбе с мошенничеством; Международный уголовный суд в качестве постоянно действующего института, призванного рассматривать наиболее тяжкие преступления и др.

Проблемой международного сотрудничества в предупреждении преступности является то, что орга-

низация совместной профилактической деятельности нередко «опаздывает». Это повышает актуальность его дальнейшего совершенствования. Оценка показателей современной преступности, в том числе транснациональной, и международной обстановки в целом позволяет выделить основные направления совершенствования международного сотрудничества в сфере предупреждения преступности:

1. Развитие международного права, совершенствование правовой основы деятельности по противодействию преступности с целью преодоления негативных последствий существования необходимых пограничных, таможенных и иных барьеров.

2. Активизация работы по противодействию транснациональной организованной преступности в условиях глобализации и обострения процессов передела мировых ресурсов, политизации криминальных проявлений.

3. Борьба с наиболее опасными преступлениями, которыми традиционно признаны пиратство, работорговля, фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг, разрыв или повреждение подводного кабеля, неоказание помощи на море при столкновении морских судов, незаконный захват воздушных судов. Особое внимание должно быть уделено сотрудничеству в сфере борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, нелегальной миграцией, транснациональным наркотическим бизнесом.

4. Активная борьба с IT-преступлениями (киберпреступностью, включая кибертерроризм), особенно в ее транснациональном аспекте.

5. Эффективное ведение работы по совершенствованию процессов международного сотрудничества на стадии предварительного расследования и оказание государствами взаимной правовой помощи по уголовным делам.

6. Более открытое осуществление обменом информацией по вопросам борьбы с преступностью.

На современном этапе интеграционных процессов в области борьбы с преступностью страны самостоятельно должны определить круг наиболее значимых составов преступлений с учетом уровня их фактической и статистической распространенности, степени общественной опасности, межгосударственного характера и т. п. Данный перечень преступлений должен корректироваться в соответствии с динамикой развития уголовного законодательства, актуальной криминальной ситуацией, учитывать геополитические, экономические, иные интересы и стратегические задачи, стоящие перед странами.

Таким образом, современные международные отношения и международная безопасность носят всеобъемлющий характер. Безопасность одного государства связана с безопасностью мирового сообщества в целом, в том числе во взаимодействии государств в противодействии международной (транснациональной) преступности.

Список источников

1. Материалы заседания расширенной коллегии МВД России 3 марта 2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.mvd.gov.ru>.

2. Конвенция ООН относительно рабства (подписана в Женеве 25 сентября 1926 г. Лигой Наций) (с изм. от 07.12.1953) // Собрание законодательства СССР. 1960. Вып. XVIII.

3. Конвенция о борьбе с подделкой денежных знаков. Заключена в г. Женеве 20 апреля 1929 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4. Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (принята Генеральной Ассамблеей ООН 2 декабря 1949 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

5. Конвенция Организации Объединенных Наций об открытом море (заключена в Нью-Йорке 30 октября 1958 г.) // Собрание законодательства СССР. 1967. Вып. XXII. Ст. 1037.

6. Единая конвенция о наркотических средствах (принята ООН 30 марта 1961 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

7. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (подписана в Токио 14 сентября 1963 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

8. Конвенция по борьбе с захватом заложников (принята 17 декабря 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

9. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

10. Протокол, касающийся незаконных актов в международных аэропортах (1988 г.) (заключен в Монреале 23 сентября 1971 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

11. Конвенция о психотропных веществах (подписана в Вене 21 февраля 1971 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

12. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (принята ООН 14 декабря 1973 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

13. Международная конвенция по борьбе с захватом заложников (принята Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

тал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

14. Европейская конвенция о пресечении терроризма (принята Советом Европы 27 января 1977 г., Страсбург) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

15. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) (с изм. от 23.07.1994) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

16. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (принята ООН 19 декабря 1988 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

17. Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (принята в Риме 10 марта 1988 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

18. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

19. Международная Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (принята 4 декабря 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

20. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

21. Устав Интерпола (принят Генеральной Ассамблеей Международной организации уголовной полиции 13 июня 1956 г. (с изм. по состоянию на 1 января 1986 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901939>.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

References

1. Materials of the meeting of the expanded Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on March 3, 2021 // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.mvd.gov.ru>.

2. The UN Convention on Slavery (signed in Geneva on September 25, 1926 by the League of Nations) (with ed. from 07.12.1953) // Collection of legislation of the USSR. 1960. Issue XVIII.

3. Convention for the Suppression of Counterfeiting of Banknotes. Concluded in Geneva on April 20, 1929 // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4. The UN Convention for the Suppression of Human Trafficking and the Exploitation of Prostitution by Third Parties (adopted by the UN General Assembly on December 2, 1949) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

5. The United Nations Convention on the High Seas (concluded in New York on October 30, 1958) // Collection of Legislation of the USSR. 1967. Issue XXII. Article 1037.

6. The Single Convention on Narcotic Drugs (adopted by the UN on March 30, 1961) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

7. Convention on Crimes and Certain Other Acts Committed on Board Aircraft (signed in Tokyo on September 14, 1963) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

8. The Convention on Combating Hostage-taking (adopted on December 17, 1979 by the UN General Assembly) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

9. Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (1971) // Official Internet portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

10. Protocol concerning Illegal Acts at International Airports (1988) (concluded in Montreal on September 23, 1971) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

11. Convention on Psychotropic Substances (signed in Vienna on February 21, 1971) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

12. Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents (adopted by the UN on December 14, 1973) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

13. International Convention against Hostage-taking (adopted by the UN General Assembly on December 17, 1979) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

14. The European Convention on the Suppression of Terrorism (adopted by the Council of Europe on January 27, 1977, Strasbourg) // Official Internet portal of legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

15. United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) (concluded in Montego Bay on December 10, 1982) (with amendments dated 23.07.1994) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

16. The UN Convention on Combating Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (adopted by the UN on December 19, 1988) // Official Internet portal of legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

17. Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation (adopted in Rome on March 10, 1988) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

18. Protocol for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf (1988) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

19. International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries (adopted on December 4, 1989 by the UN General Assembly) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

20. Convention against Transnational Organized Crime (adopted by the UN General Assembly on November 15, 2000) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

21. The Statute of Interpol (adopted by the General Assembly of the International Criminal Police Organization on June 13, 1956 (as amended as of January 1, 1986) // Electronic Fund of legal and regulatory and technical documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901939>.

22. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 01.07.2021) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Информация об авторе

В. И. Забавка – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. I. Zabavka – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

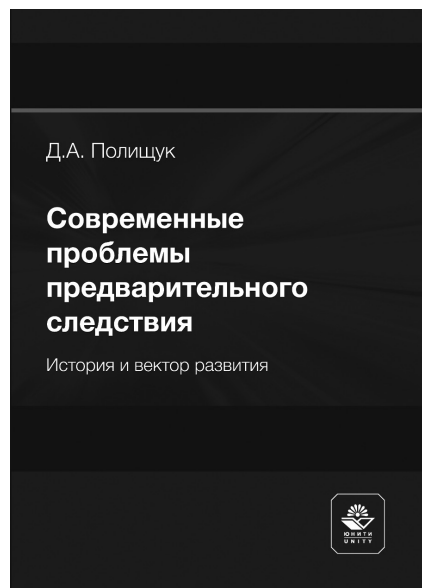
Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Полищук Д. А. 327 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются «за кадром» исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала

рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-96-103>

ИДОН: 2015-0066-6/22-540

MOSURED: 77/27-011-2022-06-739

Взаимодействие следователя и прокурора в целях предупреждения нарушений, влекущих возвращение уголовного дела на дополнительное следствие

Дмитрий Александрович Иванов¹, Лилия Рамилевна Муллагалеева²,
Ирина Викторовна Филатова³

^{1,3} Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

² Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области,
Оренбург, Россия

¹ ida_2008_79@mail.ru

² lilya_07ur@mail.ru

³ irina.filatova-i@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные аспекты взаимодействия следователя и прокурора, осуществляемого в досудебном производстве, в целях предупреждения нарушений, которые влекут за собой возвращение уголовного дела для производства дополнительного следствия. Авторами доказано, что одной из успешно апробированных форм взаимодействия между прокурором и следователем является межведомственное совещание. Обоснован тезис о том, что межведомственные совещания должны проводиться по инициативе следственных органов. Такая форма взаимодействия позволит следователю и прокурору прийти к определенному компромиссу и минимизировать количество уголовных дел, направленных на дополнительное следствие.

Ключевые слова: досудебное производство, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, процессуальные сроки, дополнительное следствие, процессуальные действия, обвинительное заключение

Для цитирования: Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р., Филатова И. В. Взаимодействие следователя и прокурора в целях предупреждения нарушений, влекущих возвращение уголовного дела на дополнительное следствие // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 96–103. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-96-103>.

Original article

Interaction between the investigator and the prosecutor in order to prevent violations leading to the return of the criminal case for further investigation

Dmitry A. Ivanov¹, Lilia R. Mullagaleeva²,
Irina V. Filatova³

^{1,3} Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Orenburg Region,
Orenburg, Russia

¹ ida_2008_79@mail.ru

² lilya_07ur@mail.ru

³ irina.filatova-i@yandex.ru

Abstract. The actual aspects of the interaction between the investigator and the prosecutor carried out in pre-trial proceedings in order to prevent violations that entail the return of a criminal case for additional investigation, are considered. The authors proved that one of the successfully tested forms of interaction between the prosecutor

© Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р., Филатова И. В., 2022

and the investigator is an interdepartmental meeting. The thesis that interdepartmental meetings should be held on the initiative of the investigating authorities is substantiated. This form of interaction will allow the investigator and the prosecutor to come to a certain compromise and minimize the number of criminal cases sent for additional investigation.

Keywords: pre-trial proceedings, prosecutor, head of the investigative body, investigator, procedural terms, additional investigation, procedural actions, indictment

For citation: Ivanov D. A., Mullagaleeva L. R., Filatova I. V. Interaction between the investigator and the prosecutor in order to prevent violations leading to the return of the criminal case for further investigation. Bulletin of economic security. 2022;(6):96–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-96-103>.

Деятельность следственных органов, к сожалению, часто подвергается разносторонней критике со стороны надзорных органов, в большей степени из-за допускаемых следователями ошибок. Мы считаем, что в таких суждениях нельзя быть чересчур категоричными, ибо от подобного рода ошибок не застрахован ни один правоприменитель, включая прокуроров и судей.

Именно поэтому современный уголовный процесс содержит действенный механизм выявления и исправления таких ошибок на различных стадиях уголовного судопроизводства, используя институты ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля, либо пересмотр судебных постановлений вышестоящими судебными инстанциями.

Даже при изобилии информационных технологий, новинок криминалистической техники и достижений науки, расследование практически невозможно механизировать, сведя к минимуму известный всем «человеческий фактор».

Учеными-процессуалистами (Бахтеев Д. В., Драпкин Л. Я.) предпринимаются попытки изложить определение ошибок и назвать их отличительные черты применительно к юриспруденции [4, с. 13].

Следователь, при предварительном следствии имеет цель максимально не допускать ошибки. При этом пути преодоления следственных ошибок могут быть различными.

Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин указал, что «сокращение количества следственных ошибок и в целом улучшение качества досудебного производства могут быть достигнуты повышением эффективности взаимодействия следователей и руководителей следственных органов с надзирающими прокурорами» [3, с. 9].

Учитывая, что задачи Следственного комитета России и Прокуратуры России во многом тождественны, то, по мнению Г. А. Иванцовой и И. И. Кадргулова «взаимодействие двух самостоятельных ведомств, требует детальной правовой регламентации» [9, с. 12].

Взаимодействие следователя и прокурора имеет ключевое значение в целях предупреждения и устранения нарушений, которые могут повлечь возвращение уголовного дела для дополнительного следствия.

В тех следственных подразделениях, где налажено взаимодействие с органами прокуратуры уголов-

ные дела возвращаются следователям значительно реже, чем в тех подразделениях, где это взаимодействие отсутствует. Примером этому может служить Оренбургская область, где в 2013 году следователям Следственного комитета России прокуроры вернули 183 уголовных дела для дополнительного следствия, в 2014 году – 151 уголовное дело. В этот же период в 2013 году в Бугурусланском межрайонном следственном отделе СУ СК России по Оренбургской области прокурором возвращено для дополнительного следствия 20 уголовных дел, в 2015 году – 2, в 2019 году – 2, в 2020 году – 0 [22].

При этом в 2013 году часть уголовных дел дважды были возвращены для дополнительного следствия. Взаимодействие с прокурором сведено к нулю, не проведено ни одного межведомственного совещания с участием следственного органа и прокуратуры ни по вопросам предварительного следствия, ни по иным другим вопросам, о чем и свидетельствует тот факт, что часть уголовных дел возвращались для дополнительного следствия по два раза. Нами изучены номенклатурные дела по проведению межведомственных совещаний и участию руководителя следственного отдела в этих совещаниях. Отсутствие понимания между прокуратурой и следственным отделом привело к дестабилизации психологического климата в коллективе следственного отдела. Последовала череда увольнений следователей и переводов в другие следственные отделы (изучено номенклатурное дело № 13-218-01 «Приказы, указания, распоряжения руководителя следственного управления Следственного комитета России по Оренбургской области по вопросам приема, увольнения. Перемещения, наказания, поощрения»). Следователю и физически, и морально тяжело повторно расследовать уголовные дела, возвращенные для дополнительного следствия, так как приходится возвращаться к тому делу, по которому следователем уже однажды была высказана его позиция, и, кроме того, приходится сталкиваться с неприязнью участников уголовного судопроизводства, недовольство которых вызвано повторностью производства следственных действий, а в целом волокитой предварительного следствия. Кроме того, возрастает персональная нагрузка на следователя по уголовным делам, находящимся в его производстве, так как к общей массе уголовных дел прибавляются также уголовные дела, по которым необходимо проведение дополнительного следствия.

Статистические данные, проанализированные автором настоящего диссертационного исследования, позволяют говорить о том, что за период 2013–2014 гг. из работавших в Бугурусланском межрайонном следственном отделе следователей уволено 2, переведено 4 следователя, согласно штатному расписанию в следственном отделе всего 4 следователя.

В дальнейшем в 2015 году в СУ СК России по Оренбургской области наблюдается резкий спад количества уголовных дел, возвращенных прокурорами для дополнительного следствия. Возвращено уже 64 уголовных дела, по сравнению со 151 уголовным делом годом ранее. В 2016 году возвращено только 24 уголовных дела, а в 2019 году – 30 уголовных дел, в 2020 году – 20 уголовных дел [22]. В то же время А. М. Багмет и Н. В. Османова указывают, что «в 2013 году следователям Следственного комитета России прокуроры вернули 3 968 уголовных дел, в 2014 году – 3 476, в 2015 году – 3 352, в 2016 году – 3 576, в 2017 году – 3 264 уголовных дела» [1, с. 72]. То есть практически на одном уровне, без резких спадов и подъемов остается показатель по возвращенным прокурорами уголовным делам.

Так, в Бугурусланском следственном отделе в 2019 году возвращено 2 уголовных дела, в 2020 году ни одного, так как ситуация с кадрами стабилизировалась, следователи работают в одном следственном отделе продолжительное время, перемещение следователей связано с их командированием и переводом в следственные отделы с большим объемом работы. Налажено взаимодействие с органами прокуратуры, проведено 8 межведомственных совещаний, рабочих встреч. Проблемы, возникающие при предварительном следствии, результативно обсуждаются. Важная закономерность при всем этом в том, что как в 2013, 2014 годах, так и в 2018, 2019, 2020 годах по уголовным делам Бугурусланского межрайонного следственного отдела, рассмотренным в суде, количество оправданных лиц сведено к нулю.

Также в ходе проведенного исследования установлено, что в целом по России от количества возвращенных прокурорами уголовных дел не зависит количество уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [13].

По динамике лишь одного, приведенного в качестве примера, следственного отдела в целом прослеживается и динамика взаимодействия органов следствия, как Следственного комитета России, так и МВД России с прокурорами.

Так, при создании Следственного комитета России следовали негативные отзывы об отсутствии взаимодействия между СКР и Генпрокуратурой России.

Но уже в 2020 году сотрудники прокуратуры указывают о налаживании взаимодействия между этими двумя ведомствами. Также необходимо отметить, что неоднократное возвращение прокурором одного и того же уголовного дела свидетельствует об отсутствии како-

го-либо продуктивного взаимодействия между органами прокуратуры и следствия.

Согласно результатам проведенного нами анкетирования среди следственных работников, 46 % указали, что имели ли место случаи неоднократного возвращения одного и того же уголовного дела прокурором для производства дополнительного следствия.

Дабы не допускать негативных последствий в виде возвращения следователю уголовного дела и последующего нарушения разумных сроков уголовного преследования, нарушения необходимо выявлять и устранять в ходе производства предварительного следствия до его окончания.

Справедливо утверждает С. М. Даровских, по мнению которой «прокурорский надзор является фактически последующим и позволяет выявлять, устранять нарушения законности после их совершения». В связи с указанным С. М. Даровских соглашается с учеными и практиками, предлагающими расширить полномочия надзирающих за следствием прокуроров [6, с. 107].

В соответствии с положениями п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ предусмотрено полномочие прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия.

Так, Р. М. Муртазин считает, что расширение права прокурора требовать от следователя устранения нарушений будет носить превентивный характер, так как реализация прокурором права внесения требований на практике имеет больший эффект, чем реагирование на уже допущенные нарушения прав граждан [17, с. 124].

По мнению Н. В. Булановой «требования не носят обязательного характера для органов предварительного следствия. Но подавляющее большинство требований прокурора следственными органами удовлетворяются, так как признаются обоснованными (более 99 %)» [5, с. 24].

В законе не указано, в каком виде прокурор излагает свое требование, то есть письменно или устно. Необходимо исходить из наличия двух возможных вариантов, при которых осуществляется выражение данного требования».

В то же время мы солидарны с мнением М. В. Серебрянниковой о том, что «полномочия прокурора не должны приобретать характер контрольных полномочий, а являться прокурорским надзором» [20, с. 11–12].

Законодательством предусмотрено право руководителя следственного органа не выполнять требования прокурора, установлен порядок обжалования. С указанным тезисом не согласны ряд ученых. Так, Т. К. Рябинина отмечает, что «вместо немедленного устранения выявленных прокурором нарушений предлагается слишком сложный порядок выяснения отноше-

ний между следователем, прокурором, руководителем следственного органа вышестоящими должностными лицами. Вместо нормальной организации работы – разборки, волокита, обиды» [18, с. 45].

Мы считаем, что данное суждение ошибочно, в связи с тем, что мнение прокурора может быть оспорено.

Требования прокурора обладают рядом признаков:

- регламентируется УПК РФ, но как самостоятельный акт прокурорского реагирования не указывается;

- направлено на устранение нарушений федерального законодательства, допущенных при осуществлении дознания и предварительного следствия;

- регламентирована процедура рассмотрения требования органами следствия, определен механизм обжалования прокурором отказа в удовлетворении требования [23, с. 218].

О том, что такой порядок является не новым для отечественного законодательства, когда прокурор не может затягивать сроки следствия, выявлением несущественных нарушений мы рассуждали в своих предыдущих работах [16, с. 145]. Кроме того, в ходе нами уже было сказано выше, имеется и зарубежный опыт об исправлении несущественных сведений в судебном заседании.

О необходимости взаимодействия прокурора с органами следствия указывал еще заместитель Генерального прокурора СССР, профессор Н. В. Жогин, который указывал, что возвращенное уголовное дело на доследование ведет к нарушениям сроков расследования. Н. В. Жогин считал, что для того, чтобы избежать возвращения дела на доследование, прокурор обязан осуществлять активный повседневный надзор за расследованием дела с тем, чтобы в ходе его устранять допускаемые следователем ошибки или нарушения. Своевременное реагирование прокурора на ошибки и нарушения следователя исключит в дальнейшем необходимость возвращения дела на доследование [7, с. 191].

О том, что возможно избежать возвращения уголовного дела указывал и А. В. Седухин, по мнению которого несущественные нарушения закона могут быть устранены процессуальным путем, без направления дела на доследование [19, с. 45].

В то же время есть и противники такой формы взаимодействия. Так, В. А. Азаров и А. А. Терехин считают, что требования прокурора не могут считаться обоснованными, в том случае, если требуют проведение следственных и иных процессуальных действий, необходимость в которых установлена прокурором до окончания общего срока предварительного следствия. В этом случае, по мнению указанных ученых, со стороны следователей отсутствуют нарушения уголовно-процессуального закона. Прокурор может вносить подобные требования только по истечению двухмесячного срока следствия [1, с. 76].

В подтверждение обоснованности и эффективности данной формы взаимодействия приведем пример деятельности прокуратуры Матвеевского района Оренбургской области с территориальным органом Следственного комитета России. Так, за период 2017–2020 гг. прокурором вынесено 18 требований, которые удовлетворены руководителем следственного отдела.

Так, в рамках осуществления надзора изучено уголовное дело по обвинению Х., где был допущен ряд нарушений уголовно-процессуального законодательства. Следователем в нарушении ч. 5 ст. 164 УПК РФ участники следственного действия (допрос несовершеннолетнего потерпевшего), не предупреждены о применении видеозаписи, их волеизъявление относительно способа фиксации результатов следственного действия не выяснено.

Также следователем, в нарушении требований ч. 2 ст. 189 УПК РФ задавались наводящие вопросы. Указанные нарушения, по мнению прокурора, свидетельствуют о невозможности, в силу п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, использования результатов указанного следственного действия в качестве доказательства по уголовному делу. Данное требование прокурора было удовлетворено руководителем следственного отдела. Допущенные нарушения устранены, что способствовало своевременному выявлению нарушения, которое могло повлечь признание недопустимым основного доказательства по уголовному делу [14].

Также прокурором Матвеевского района Оренбургской области в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ внесено требование. Изучение материалов уголовного дела показало, что прокурором установлены нарушения УПК РФ. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого не содержит сведений о времени совершения инкриминируемых обвиняемому К. преступлений. Кроме этого, следователем проведен осмотр, в ходе которого у потерпевшей изъято устройство мобильной связи. Согласно протоколу осмотра понятия при производстве следственного действия участия не принимали. Указанное нарушение влечет за собой признание доказательств недопустимым [14].

Все выявленные прокурором нарушения препятствовали окончанию расследования и направлению уголовного дела в суд для рассмотрения его существу. В ходе следствия устранены все выявленные нарушения, уголовные дела направлены в суд, где вынесены обвинительные приговоры.

Таким образом, считаем необходимым, чтобы прокурор изучал уголовное дело не только для выявления нарушения требований ст. 6.1 УПК РФ, то есть по истечении двухмесячного срока следствия, а с определенной периодичностью не реже одного раза в месяц, а также перед выполнением требований ст. 215–217 УПК РФ. С одной стороны, многие могут посчитать, что в следственном отделе имеется руководитель,

осуществляющий ведомственный контроль. Но осуществление надзора прокурором будет являться дополнительной гарантией того, что в ходе проведенного предварительного следствия отсутствуют нарушения закона. Целесообразнее устранить нарушения закона до направления прокурору уголовного дела в порядке ст. 220 УПК РФ.

В практической деятельности имеют место случаи, когда прокуроры, возвращая следователю уголовное дело для дополнительного следствия, одновременно или следом за возвращением уголовного дела, вносят требования об устранении нарушений федерального законодательства. Соответственно цель и последствия данных решений прокурора – идентична: устранение нарушений. И одно и второе решение прокурора может быть обжаловано в установленном порядке. Складывается ситуация, что смысл задвигания действий прокурора как таковой отсутствует.

Так, заместителем Абдулинского межрайонного прокурора возвращено уголовное дело по обвинению А. в связи с неполнотой проведенного следствия. В этот же день внесено требование руководителю следственного отдела по этому же уголовному делу с указанием тех же нарушений, которые указаны и в постановлении о возвращении уголовного дела [15].

Еще одной формой взаимодействия между прокурором и следователем, которая могла бы предотвратить последующее принятие решения о возвращении уголовного дела следователю является межведомственное совещание [12].

Значимость межведомственных совещаний осознается и действующими сотрудниками Прокуратуры Российской Федерации. Так, М. В. Зяблина указывает, что наиболее острые проблемы обсуждаются на межведомственных совещаниях, в ходе которых вырабатываются конкретные алгоритмы совместных действий. В результате принимаемых мер удается достигнуть определенных положительных результатов [8, с. 48].

О желании прокуроров взаимодействовать со следственными органами свидетельствует следующий пример. *Уголовное дело возвращено Замоскворецким межрайонным прокурором г. Москвы в СО ОМВД России по району Замоскворечье ввиду несоответствия предъявленного А. обвинения фактическим обстоятельствам совершенного преступления. По мнению прокурора действия А. необходимо квалифицировать по признаку совершения преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ из хулиганских побуждений, с применением предмета, используемого в качестве оружия, то есть по п. п. «д», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ [10].*

Справедливого мнения придерживается Ф. М. Кобзарев, который, обладая обширным опытом практической деятельности, считает, что для того, чтобы уменьшить количество уголовных дел, возвращенных прокурорами и судами, необходимо проводить

совещания как минимум раз в месяц, где будут обсуждаться проблемы расследования уголовного дела [11, с. 78].

Считаем, что межведомственные совещания должны проводиться по инициативе следственных органов. Так как одной из основных причин возвращения уголовных дел является неверная квалификация действий обвиняемого или иные недостатки при предъявлении обвинения, то считаем возможным проведение совещаний при прокуроре с составлением протокола. Такая форма взаимодействия позволит следователю и прокурору прийти к определенному общему мнению и возможно учесть пожелания каждой стороны. Дабы не нагружать прокуроров обсуждением квалификации действий обвиняемых по уголовным делам, не представляющих сложности, следователю с согласия руководителя следственного органа обращаться к прокурору с такой инициативой, вызывающих определенные трудности.

Изучив вопросы взаимодействия следователя и прокурора в целях исключения возвращения уголовных дел прокурором для дополнительного следствия, авторы приходят к следующим выводам.

Авторами доказано, что в требованиях прокурор должен указать выявленные им недостатки, которые будут устранены в ходе дополнительного следствия. Изучение материалов следственно-прокурорской практики подтверждает факт того, что подавляющее большинство требований прокурора все же подлежат удовлетворению следственными органами, так как признаются обоснованными.

Обоснован вывод о том, что исключительно существенное нарушение закона является основанием для возвращения прокурором уголовного дела следователю. В связи с чем, теоретически обосновано и практически апробировано положение о том, что прокурор не должен руководствоваться установлением факта несущественных нарушений при реализации полномочия о возвращении уголовного дела для дополнительного следствия, так как данный факт идет вразрез с назначением уголовного судопроизводства и приводит к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Установлено, что одной из успешно апробированных форм взаимодействия между прокурором и следователем является межведомственное совещание. Таким образом, межведомственные совещания должны проводиться по инициативе следственных органов, так как одной из основных причин возвращения уголовных дел для дополнительного следствия является неверная квалификация действий обвиняемого или иные недостатки при предъявлении обвинения, то считаем возможным проведение совещаний при прокуроре с составлением протокола. Данная форма взаимодействия позволит следователю и прокурору прийти к определенному общему мнению и учесть требования каждой стороны.

Список источников

1. Азаров В. А., Терехин А. А. Акты прокурорско-го реагирования в российском уголовном судопроизводстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
2. Багмет А. М., Османова Н. В. Как устранить споры о недостатках следствия между следователем и прокурором // Уголовный процесс. 2018. № 11.
3. Бастрыкин А. И. Организация работы по профилактике следственных ошибок // Организация предварительного расследования. Проблемы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 20 ноября 2015 года) / под общ. редакцией А. И. Бастрыкина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
4. Бахтеев Д. В., Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ошибок // Российский следователь. 2016. № 24.
5. Буланова Н. В. Исполнение требований прокуроров об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4 (66).
6. Даровских С. М. Процессуальные средства и способы выявления и устранения ошибок, допущенных в ходе уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28, вып. 1.
7. Жогин Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М. : «Юридическая литература», 1968.
8. Зяблина М. В. Уголовное судопроизводство : разделение полномочий прокурора и органов предварительного расследования // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77).
9. Иванцова Г. А., Кадргулов И. И. Проблемы взаимодействия органов прокуратуры и Следственного комитета // [Электронный ресурс] Научно-практический электронный журнал Аллея науки. 2019. № 6 (дата обращения: 23.01.2021).
10. Информационно-аналитические материалы ГУ МВД России по г. Москве «Анализ причин возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования в следственные подразделения ГУ МВД России по г. Москве в 2019 году».
11. Кобзарев Ф. М. Координационная деятельность прокуратуры в сфере борьбы с преступностью : становление, состояние и направления развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 1 (57).
12. Колесов М. В. Соотношение координации деятельности правоохранительных органов и межведомственного взаимодействия при осуществлении уголовного преследования должностных лиц правоохранительных органов, виновных в сокрытии преступлений от учета // [Электронный ресурс] Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2014. Официальный сайт научной электронной библиотеки открыто-

го доступа URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 07.01.2021).

13. Материалы к расширенному заседанию Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Российской Федерации за 2019 год и задачах на 2020 год».

14. Материалы номенклатурного дела № 13-216-04 «Требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия. Переписка по ним», заведенного в СК России по Оренбургской области в 2018 году.

15. Материалы уголовного дела № 13/181-2014, расследованного в СК России по Оренбургской области в 2015 году.

16. Муллагалеева Л. Р. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

17. Муртазин Р. М. Процессуальное взаимодействие следователя и прокурора // Проблемы модернизации современного российского государства : сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, 2018.

18. Рябинина Т. К. И вновь к вопросу о правовом статусе прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1.

19. Седухин А. В. Институт возвращения уголовных дел для дополнительного расследования прокурором как средство обеспечения законности на досудебных стадиях процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2001.

20. Серебрянникова М. В. Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

21. Статистический отчет по форме № 1-Е (СК) «Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за январь–декабрь 2013, 2014, 2015, 2019, 2020 гг.».

22. Статистический отчет по форме № 1-Е (СК) «Сведения о следственной работе следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за январь–декабрь 2016, 2019 гг.».

23. Стуконог И. В. Требование прокурора как акт реагирования на нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Издательство ООО «Просвещение-Юг», 2016.

References

1. Azarov V. A., Terekhin A. A. Acts of prosecutorial response in Russian criminal proceedings : monograph. M. : Yurлитinform, 2014.

2. Bagmet A. M., Osmanova N. V. How to eliminate disputes about the shortcomings of the investigation between the investigator and the prosecutor // *Criminal process*. 2018. № 11.

3. Bastrykin A. I. Organization of work on the prevention of investigative errors // *Organization of preliminary investigation. Problems and Prospects : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 20, 2015) / ed. edited by A. I. Bastrykin. M. : UNITI-DANA, 2015.*

4. Bakhteev D. V., Drapkin L. Ya. Fundamentals of the theory of investigative errors // *Russian investigator*. 2016. № 24.

5. Bulanova N. V. Fulfillment of the demands of prosecutors on the elimination of violations of federal legislation committed during the preliminary investigation // *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2018. № 4 (66).

6. Darovskikh S. M. Procedural means and methods for identifying and eliminating mistakes made in the course of criminal proceedings // *Bulletin of the Udmurt University*. 2018. V. 28, issue 1.

7. Zhogin N. V. Prosecutor's supervision over the preliminary investigation of criminal cases. M. : «Legal Literature», 1968.

8. Zyablina M. V. Criminal Proceedings : Separation of Powers of the Prosecutor and the Preliminary Investigation // *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2020. № 3 (77).

9. Ivantsova G. A., Kadrgulov I. I. Problems of interaction between the prosecutor's office and the Investigative Committee // [Electronic resource] *Scientific and practical electronic journal Alley of Science*. 2019. № 6 (accessed: 23.01.2021.)

10. Information and analytical materials of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow «Analysis of the reasons for the return of criminal cases for additional investigation to the investigative units of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow in 2019».

11. Kobzarev F. M. Coordinating activities of the prosecutor's office in the field of combating crime : formation, state and development directions // *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2017. № 1 (57).

12. Kolesov M. V. The ratio of coordination of law enforcement agencies and interdepartmental interaction in the implementation of criminal prosecution of law enforcement officials guilty of concealing crimes from registration // [Electronic resource] *Gaps in Russian legislation. Legal Journal*. 2014. The official website of

the open access scientific electronic library. URL: <http://cyberleninka.ru> (accessed: 01.07.2021).

13. Materials for the extended meeting of the Investigative Committee of the Russian Federation «On the results of the work of the investigative bodies of the Russian Federation for 2019 and tasks for 2020».

14. Materials of nomenclatura case № 13-216-04 «Requirements of the prosecutor to eliminate violations of federal legislation committed during the preliminary investigation. Correspondence on them», instituted in the Investigative Committee of Russia for the Orenburg region in 2018.

15. Materials of the criminal case № 13/181-2014, investigated in the Russian Investigative Committee for the Orenburg region in 2015.

16. Mullagaleeva L. R. Institute for the return by the prosecutor of a criminal case to the investigator : dis. ... cand. legal Sciences. M., 2021.

17. Murtazin R. M. Procedural interaction between the investigator and the prosecutor // *Problems of modernization of the modern Russian state: Collection of materials of the VII All-Russian scientific and practical conference*, 2018.

18. Ryabinina T. K. And again to the question of the legal status of the prosecutor in criminal proceedings // *Criminal proceedings*. 2008. № 1.

19. Sedukhin A. V. Institute for the return of criminal cases for additional investigation by the prosecutor as a means of ensuring the rule of law at the pre-trial stages of the process : dis. ... cand. legal sciences. Tula, 2001.

20. Serebryannikova M. V. Prosecutor's supervision over the criminal procedure activities of the bodies conducting the preliminary investigation : Ph.D. dis. ... cand. legal sciences. M., 2013.

21. Statistical report in the form № 1-E (SK) «Information on the investigative work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation for January–December 2013, 2014, 2015, 2019, 2020».

22. Statistical report in the form № 1-E (SK) «Information on the investigative work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation for January–December 2016, 2019».

23. Stukonog I. V. The demand of the prosecutor as an act of response to violations committed during the preliminary investigation // *Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and national security : materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Publisher LLC «Prosveshchenie-South», 2016.

Информация об авторах

Д. А. Иванов – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

Л. Р. Муллагалеева – следователь первого отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Оренбургской области, кандидат юридических наук;

И. В. Филатова – доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

D. A. Ivanov – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

L. R. Mullagaleeva – Investigator of the First Department for the investigation of particularly important cases of the investigative department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Orenburg region, Candidate of Legal Sciences;

I. V. Filatova – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 22.12.2022.

Оперативно-розыскная деятельность. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 343.8

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-104-110>

ИПОН: 2015-0066-6/22-541

MOSURED: 77/27-011-2022-06-740

О соотношении понятий криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений

Петр Иванович Иванов

Академия управления МВД России, Москва, Россия,

ivanovpi1952@yandex.ru

Аннотация. На основе изучения и анализа монографических работ, нормативно-правовых актов и судебной следственной практики рассматриваются некоторые специфические особенности взаимовлияния криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения в процессе расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем. Следует отметить, что добиться оптимальности уголовно-процессуальной деятельности по расследованию вряд ли удастся без должной организации криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения, осуществляемого в виде оперативно-розыскного сопровождения уголовных дел.

Ключевые слова: расследование уголовных дел, криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования уголовных дел, сопровождение дел, легализация доходов

Для цитирования: Иванов П. И. О соотношении понятий криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 104–110. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-104-110>.

Original article

On the relationship of the concepts of criminalist and operational search support of the investigation of crimes

Petr I. Ivanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

ivanovpi1952@yandex.ru

Abstract. Based on the study and analysis of monographic works, legal acts and judicial and investigative practice, some specific features of the mutual influence of forensic and operational-search support in the process of investigating criminal cases on crimes related to the legalization (laundering) of income acquired in a criminal way are considered. It should be noted that it is unlikely that it will be possible to achieve the optimality of criminal procedural activities for investigation without the proper organization of forensic and operational-search support, carried out in the form of operational-search support for criminal cases.

Keywords: investigation of criminal cases, forensic and investigative support of investigation of criminal cases, support of cases, legalization of income

For citation: Ivanov P. I. On the relationship of the concepts of criminalist and operational search support of the investigation of crimes. Bulletin of economic security. 2022;(6):104–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-104-110>.

В настоящей статье нами предпринята попытка поделиться с научной общественностью авторской позицией в части дифференциации понятий криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений. Эти две разновидности обеспечения наряду с общими признаками имеют и отличительные,

чем в конечном итоге взаимодополняют друг друга, обогащая в содержательном плане.

Как нам представляется, несмотря на актуальность проблемы, связанной с криминалистическим и оперативно-розыскным обеспечением раскрытия и расследования преступлений, связанных с легализацией (отмы-

© Иванов П. И., 2022

ванием) доходов, приобретенных преступным путем¹, на сегодня ее незаслуженно обошли вниманием ученые-криминалисты и специалисты теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Это обстоятельство во многом подтолкнуло нас обратиться к ней.

Необходимость консолидации (объединения) усилий специалистов теорий криминалистики и ОРД во многом обусловлена глобализацией, трансграничным, транснациональным и международным характером совершаемых преступлений, цифровой трансформацией, распространенностью преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, многообразием схем преступного посягательства, постепенным становлением криптовалюты в качестве предмета и средств преступного посягательства.

Эти и другие факторы накладывают свой отпечаток и на уголовно-процессуальную деятельность и подталкивают к необходимости поиска эффективных ответных мер.

Справедливости ради отметим, что профессора Р. С. Белкин и В. Г. Коломацкий впервые в теорию криминалистики ввели термин «криминалистическое обеспечение расследования уголовных дел», вкладывая в это понятие степень достаточного снабжения для этого приемами и средствами, чтобы достичь оптимизации указанной деятельности. По большому счету ими была предложена концепция криминалистического обеспечения, которая представляла собой систему взглядов, послужившей основой для разработки частной криминалистической методики расследования, в том числе преступлений, связанных с легализацией активов криминального происхождения.

Как показало изучение научной литературы, подавляющее большинство исследователей криминалистическое обеспечение связывают лишь с расследованием уголовных дел, оставляя при этом без должного внимания проблемные вопросы, относящиеся к раскрытию преступлений. Их мало интересует оперативно-розыскное обеспечение [5], осуществляемое в этих целях, хотя, как нам представляется, указанные функции – это две тесно взаимосвязанные виды деятельности, которые обладают большими потенциальными возможностями в интересах оптимизации процесса расследования преступлений [3].

На примере частной методики расследования легализации «грязных» денег [4; 7], можно проследить криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение ее расследования, поскольку сама методика расследования – эта материя (категория) криминалистическая, оперативно-розыскное обеспечение расследования

¹ В дальнейшем наряду с использованием полного словосочетания «криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем» также термин «обеспечение раскрытия и расследования легализации «грязных» денег».

указанного вида преступления находит свое проявление в оперативном сопровождении дел указанной категории [8]. Указанные виды деятельности сходятся при расследовании преступлений (своеобразная точка соприкосновения). Это не механическое соединение, оно связано, прежде всего, по причине повышения эффективности и результативности расследования, которое финансовое и трудоемкое общественно полезное дело.

Возвращаясь ближе к затронутой нами теме, мы полагаем, что указанные виды обеспечения находят свое проявление, в частности, в следующем:

разработке совместными усилиями специалистов частной методики расследования (в форме методических рекомендаций). По существу речь идет о разработке пошагового алгоритма действий следователя и оперативного работника. Такая методика охватывается предметной областью криминалистики, а потому и называется криминалистическая методика;

при разработке подразделениями ЭБиПК по делам оперативного учета (далее – ДОУ) оперативно-тактических ситуаций и выдвижении оперативных версий по ним. Снабжая исходной информацией об источниках и ее носителях, сотрудник указанного подразделения может скорректировать и уточнить первоначально определенную им ситуацию и версии по ней. Тем самым создается необходимая предпосылка для тактически грамотного составления плана ее проверки. Мы считаем, что логически грамотно составленный план проверки – залог успеха дальнейшего документирования преступных деяний, связанных с легализацией криминальных доходов;

в научном обеспечении оперативно-розыскного сопровождении расследования рассматриваемой категории уголовных дел. Такое содействие крайне важно при составлении совместного плана расследования, производстве отдельных следственных действий, разработке комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий при строгом соблюдении полномочий субъектов взаимодействия, розыске лиц, скрывающихся от следствия и суда. Знание предметной области разрабатываемой криминалистической методики (особенностей сферы экономической деятельности, отрасли экономики, использования при совершении преступления современных технологий (информационных, банковских и иных)) способствует избежать проб и ошибок. Иными словами служит своеобразным барьером, чтобы их миновать в процессе расследования;

при обнаружении, фиксации и изъятии следов, оставленных преступником, в том числе электронных (виртуальных) в ЭВМ. Методика тактически грамотного их осуществления принадлежит специалистам-криминалистам, которые могут описать специфические особенности поэтапно, включая доследственную проверку. Думается, что механизм слеодообразования лучше знают криминалисты, поэтому оперативным работникам остается лишь его перенимать, чтобы не допустить

из-за неграмотных действий исчезновение нужного следа;

при использовании им специальных знаний в рамках тех же ДООУ и вне их. Например, процессуально грамотное оформление в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона результатов оперативно-розыскной деятельности – полученные при этом сведения могут стать одним из источников доказательств. Ошибки и недочеты, допускаемые при этом, нередко становятся первопричиной признания судом недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ);

при определении понятия «оперативно-розыскная характеристика преступлений», когда ориентируемся на понятие «криминалистическая характеристика преступлений», определяемое как типовой научно обоснованный информационный продукт, в составе которого в первую очередь выделяются следующие элементы: данные об объекте и предмете преступного посягательства; сведения о личности преступника, средствах, орудиях и способах подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния, а также об особенностях механизма образования следов (материальных, идеальных и цифровых). Помимо них тщательное изучение и анализ обстоятельств преступлений, связанных с легализацией криминальных доходов, позволяет получить дополнительные сведения также входящие в структуру информационного продукта. Например, о размере причиненного ущерба, факторах, способствовавших преступному посягательству. Благодаря указанному виду характеристики, теоретически обобщающей существенные признаки (свойства), с помощью которых представляется возможным описывать специфические особенности и механизм отмывания денежных средств, добытых преступным путем. Как нам представляется, две группы признаков выступают содержанием анализируемого вида характеристики, а именно, относящиеся к событию преступления и личности преступника. Такое условное их деление позволяет лучше разглядеть объекты, их характеризующие, и на этой основе иметь целостную «фотографию» преступного деяния. При этом свою лепту может вносить и оперативно-розыскное обеспечение, задействуя для получения скрытых сведений конфиденциальные источники информации в рамках оперативно-розыскной характеристики, целевое назначение которой – научно обоснованное описание признаков преступлений, связанных с легализацией доходов криминального происхождения. Здесь мы обнаруживаем в двух вариациях обеспечительный характер действий: оперативно-розыскная характеристика способствует обогащению криминалистически значимыми сведениями самой характеристики и наоборот. Внешней формой, в которой механизм обеспечения находит свое проявление, выступает частная криминалистическая методика расследования преступлений, связанных с легализацией криминальных доходов. Она, на наш взгляд, служит своеобразной точкой пересечения криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения, представляемые

нами научно-обоснованным комплексом предложений и рекомендаций по оптимизации расследования указанных категорий преступлений;

разработанная система описания криминалистически значимых признаков, присущих анализируемым нами преступлениям, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки их совершения, личностных данных субъекта и иных обстоятельствах преступной деятельности, имеющая своим назначением обеспечить успешное решение задач раскрытия и расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем.

В структуру криминалистической характеристики преступлений специалисты предлагают включить следующие элементы: типичные способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений и их следы-отражения; типовую характеристику личности преступника, общую характеристику обстановки совершения преступлений, наконец, типовую характеристику личности потерпевшего и предмета преступного посягательства. Мы разделяем их мнение и считаем, что эти компоненты должны быть включены (присутствовать) в содержание и оперативно-розыскной характеристики указанных видов преступлений [6];

в определении алгоритма поиска и установления следовой информации по расследуемому уголовному делу о преступлениях, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем. Важно учесть, что любая модель, в том числе и деятельность, связанная с отмыванием, имеет свою следовую картину, которая основывается на несоответствиях (отклонениях) в виде индикаторов (признаков). Это можно проследить, в частности, при совершении операции по обналечиванию денежных средств, поскольку следовая информация находит отражение во многих сопутствующих документах, в том числе бухгалтерского и налогового учета, на расчетных счетах и на их остатках. Источники и носители следовой информации, как правило, обнаруживаются оперативным путем, о чем информируется в установленном порядке следователь, в производстве которого находится уголовное дело;

при установлении типовых моделей механизмов анализируемых нами преступлений, когда приходится руководствоваться научно обоснованными положениями криминалистики. В частности, касающихся использования электронных денег, яндекс-кошельков, платежных систем, биткоинов, программ мгновенной передачи сообщений, мессенджеров. Чтобы правильно определить способ их совершения с использованием информационных технологий необходимо оперативным работникам выработать навыки и умения отыскания цифровых следов, их фиксации, копирования и использования в процессе документирования. А это, в свою очередь, предполагает повышение ими профессионального мастерства. Не обойтись и без криминалистических знаний, например, обращения со следами;

при определении способов противодействия расследованию преступлений (провокация, целенаправленная дискредитация через средства массовой информации и т. п.) и алгоритма действий оперативных работников по их нейтрализации, чтобы знали, как поступить им в условиях нештатных ситуаций. Для этого следует обладать на протяжении всего процесса расследования оперативной информацией о том, как намерен вести себя противодействующая сторона. Успешное решение этой задачи во многом зависит от согласованных действий следователя и оперативного работника. «Поставщиком» нужных для следствия сведений в этом случае выступает ни кто-нибудь, а сыщик;

при установлении имущества, подлежащего конфискации. Принятие по уголовным делам о легализации средств, приобретенных преступным путем, обеспечительных мер по возмещению причиненного преступником материального ущерба не является исключением. Такая задача для оперативного работника подразделений ЭБиПК, сопровождающего расследование уголовных дел рассматриваемой категории, выступает в числе приоритетных и ее успешное решение во многом зависит от осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий, намеченных в согласованном плане, составленном совместно со следователем. Многолетняя практика убедительно показывает, что одними лишь процессуальными действиями, без проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием специальных сил, средств и методов не представляется возможным обнаружить скрытое от «посторонних глаз» преступно нажитое имущество. Между тем мы не хотим тем самым принизить роль и значение гласных действий в решении рассматриваемой задачи. Тактически грамотное сочетание гласных и негласных действий – это наиболее оптимальный вариант, который может обеспечить их эффективность и результативность;

при учете установленных криминалистикой и оперативно-розыскной наукой закономерностей¹, затрагивающих вопросы организации и тактики производства отдельных следственных действий как на первоначальном, так и последующем этапах расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем.

В связи со сказанным отметим, что структура частной методики расследования наряду с другими элементами включает совокупность закономерностей, выступающих в числе основных ее компонентов.

В целях оптимизации деятельности органов предварительного следствия по расследованию преступлений, связанных с легализацией, на наш взгляд, подлежит познанию следующая группа закономерностей:

¹ Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между операциями и действиями лиц.

раскрывающие механизм взаимозависимости способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, связанных с легализацией криминальных доходов. В представленном виде они образуют целостную систему. Иными словами такая система применительно указанной категории преступлений выглядит так: «предикатное (основное) преступление – извлечение доходов криминального происхождения – сомнительные финансовые операции (сделки) – вывод денежных средств за рубеж». При этом особо следует отметить большую опасность, исходящую от применения преступниками различных схем при извлечении доходов с использованием цифровых технологий;

отражающие взаимосвязи организации как деятельности по упорядочению, согласованию взаимодействия органов предварительного следствия при расследовании отмывания доходов, приобретенных преступным путем, с оперативными подразделениями полиции, а также контролирующими и надзорными органами, банковским сообществом, интернет-провайдерами, операторами сотовой связи при их расследовании. Говоря о взаимодействии с названными субъектами, мы имеем виду, прежде всего, о совместном их участии в процессе раскручивания механизма отмывания на основе разделения полномочий по единому замыслу во имя достижения объективной истины по делу. Заметим, что познание этой группы закономерностей и их учет при криминалистическом и оперативно-розыском обеспечении расследования преступлений, связанных с легализацией, способствует избежать проб и ошибок посредством правильного определения целей, средств и времени их достижения;

взаимосвязи и взаимообусловленности между типичными версиями и программами по их проверке, типичными следственными ситуациями и программами по их разрешению. Изучение и анализ многолетней практики показывает, что такого рода связей можно проследить, например, при вовлечении кредитных организаций посредством проведения ими сомнительных операций в отмывание незаконно полученных доходов. Указанное направление деятельности по причине недостаточной теоретической проработанности нуждается в научном его обеспечении путем разработки современной модели механизма вовлечения. Кроме того, в интересах противодействия легализации следует активнее использовать риск-ориентированный подход к контролю за рисками отмывания преступно нажитых активов и вывода их за рубеж [12; 2];

связанные с использованием в процессе доказывания сведений лиц, обладающих определенными знаниями, умениями и навыками в различных областях науки и техники. Использование специальных знаний, как показывает выборочное изучение, позволяет расширить возможности установления по делам об отмывании денег специфических обстоятельств. В частности, определить механизм противоправного обналичивания денежных средств, выделенных для реализации национальных

проектов (государственных программ), вывода денежных средств за рубеж и их размер, а также конечных бенефициаров;

вытекающие из причинно-следственных связей механизма отмыывания доходов, приобретенных преступным путем, и форм и способов противодействия его расследованию¹. Знание их способствует формированию концепции, в которой должны быть определены современные приемы преодоления воспрепятствования установлению истины по делу. К сожалению, в настоящее время среди ученых по вопросу сущности и содержания противодействия расследованию преступлений нет единства во мнении. Одни авторы [9; 10] это понятие рассматривают как сокрытие преступления, включая в его содержание такие действия, как уничтожение, маскировка, фальсификация, утаивание криминалистически значимой информации. Другие же [11, с. 47] утверждают, что противодействие расследованию представляет собой систему умышленных, противоправных действий (бездействия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге – на воспрепятствование правосудию. Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что противоправные действия преступников, прежде всего, направлены на сокрытие преступления путем недопущения вовлечения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их последующего использования в качестве судебных доказательств. Одновременно хотим подчеркнуть важность оперативно-розыскного сопровождения дел в интересах своевременной нейтрализации противоправных действий со стороны преступников и их окружения;

взаимобусловленности типичных носителей и источников следовой информации, требующие познания на основе изучения и анализа судебно-следственной практики по делам о легализации криминальных доходов, базирующейся на следственных ситуациях.

При расследовании преступных посягательств, предусмотренных ст. 174, 174-1 УК РФ, возможно несколько типичных ситуаций:

– известно о факте совершения предикатного преступления, но не установлены обстоятельства, подтверждающие факт легализации;

– имеется информация о процессе отмыывания преступных доходов, но не установлен источник их получения;

– в наличии имеются сведения как о предикатном преступлении, так и данные о легализации денежных средств или иного имущества, совершаемые самим пре-

ступником или лицом, которому они переданы в той или иной форме последним.

Знание алгоритма поиска и установления типичных носителей и источников следовой информации по делам о легализации облегчает определить характерную для них следовую картину – несоответствия (отклонения).

Приведенный примерный перечень закономерностей, которые должны стать объектом познания в целях оптимизации процесса расследования легализации доходов, добытых преступным путем, не является исчерпывающим, поскольку сама проблема, затронутая в настоящей статье, многоаспектна и отчасти мало разработана.

Среди сфер перекрестного проявления криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения расследования анализируемых видов преступлений не менее важным выступает реализация концептуальных идей совершенствования информационного обеспечения, подразумевающая, как утверждают исследователи [1], поэтапное создание единой (обобщенной) синхронизированной информационной системы трех видов баз данных: доказательственной, стратегической и индикативной информации. Интегрированный банк данных, по мнению специалистов, должен аккумулировать в себе: 1) автоматизированную систему оперативно-розыскной портретной идентификации; 2) автоматизированную систему оперативно-розыскной дактилоскопической информации; 3) автоматизированную систему оперативно-розыскной идентификации по почерку; 4) автоматизированную систему оперативно-розыскной фоноскопической идентификации; 5) автоматизированную систему учета биометрических данных идентификации граждан; 6) наконец, автоматизированную систему данных, полученных из средств массовой информации, системы Интернет.

Мы разделяем мнение исследователей, предлагающих включать в виде отдельного блока оперативно-розыскные данные ограниченного пользования в интегрированный банк данных, а именно следующие виды автоматизированного учета: а) оперативно-розыскной информации; б) материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий; в) оперативно-розыскной информации, полученной путем снятия информации с технических каналов связи и в результате прослушивания телефонных переговоров; г) материалов дел оперативного учета, а также информации, связанной с процессом расследования по уголовным делам. В связи со сказанным необходимо подчеркнуть, что создание банка данных доказательственной информации преследует цель информационного обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений, включая рассматриваемой нами категории. Со своей стороны считаем, что доказательственная информация должна быть достоверной, отвечающей требованиям норм уголовно-процессуального закона, и она может быть использована в уголовном процессе для обоснования

¹ Трудности в расследовании, прежде всего, вызваны использованием преступниками разнообразных способов высокой сложности, коррупционных связей – аффилированных должностных лиц (покровителей бизнес-сообществ).

обвинения в совершенном преступлении. Такая информация должна быть безопасной для источника ее получения.

В заключение рассмотренного вопроса представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, нами рассматривается как разновидность деятельности, осуществляемая в досудебной стадии уголовного судопроизводства в интересах успешного решения задач, стоящих перед следователем, в производстве которого находится уголовное дело указанной категории. Оптимизация расследования наряду с этим предполагает оперативно-розыскное обеспечение в виде его сопровождения, осуществляемого с использованием преимущественно негласных сил, средств, методов и мероприятий. Для названных разновидностей обеспечения общим является их нацеленность на снабжение следователя данными, исходя из предмета доказывания. При этом частная криминалистическая методика расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, служит для них научно обоснованным комплексом криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений рассматриваемой категории. В данном контексте криминалистическое обеспечение, на наш взгляд, все же является определяющим исход расследования, нежели оперативно-розыскное.

Во-вторых, одним из основных условий достижения целей раскрытия и расследования рассматриваемых видов преступлений посредством криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения, выступает надлежащая организация, предполагающая, прежде всего, упорядочивание их деятельности, включающая наряду с другими элементами модель механизма преступлений, типичные следственные и оперативно-тактические ситуации и версии.

Список источников

1. Жуков Л. А. Информационные проблемы предупреждения и пресечения криминальных угроз : лекция. М., 2005. 27 с.
2. Иванов Д. А., Филатова И. В. Возмещение вреда, причиненного преступной легализацией денежных средств и иного имущества, как стратегический принцип правового обеспечения экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 129–133.
3. Иванов П. И. Оптимизация расследования преступлений (частная криминалистическая методика и ее возможности) // Юристы-Правоведь. 2021. № 4 (99). С. 172–176.
4. Иванов П. И. О частной криминалистической методике расследования преступлений // Юристы-Правоведь. 2021. № 1 (96). С. 147–153.

5. Иванов П. И. Об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 130–136.

6. Иванов П. И. Оперативно-розыскное сопровождение как элемент методики расследования преступлений // Закон и право. 2022. № 3. С. 56–58.

7. Иванов П. И., Пирожников С. А. К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 109–119.

8. Иванов П. И., Шитов А. С. Особенности раскрытия и расследования налоговых преступлений (криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение) // Сборник материалов по итогам межведомственной научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики ОРД» (к 102-й годовщине образования службы уголовного розыска). М. : МосУ МВД России, 2021. С. 76–84.

9. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия расследованию : монография. Свердловск, 1992.

10. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1992.

11. Криминалистика : учебник для студентов вузов / Под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008.

12. Филатова И. В. Применение риск-ориентированного подхода в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Вестник Московского университета МВД России. 2019, № 1. С. 233–236.

References

1. Zhukov L. A. Information problems of prevention and suppression of criminal threats : lecture. M., 2005. 27 p.
2. Ivanov D. A., Filatova I. V. Compensation for harm caused by criminal legalization of funds and other property as a strategic principle of legal support of economic security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 5. P. 129–133.
3. Ivanov P. I. Optimization of the investigation of crimes (private forensic technique and its possibilities) // Yurist-Pravoved. 2021. № 4 (99). P. 172–176.
4. Ivanov P. I. On the private forensic methodology for investigating crimes // Yurist-Pravoved. 2021. № 1 (96). P. 147–153.
5. Ivanov P. I. On the operational-search characteristics of the legalization of proceeds from crime // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4 (28). P. 130–136.
6. Ivanov P. I. Operational-investigative support as an element of the methodology for investigating crimes // Law and Law. 2022. № 3. P. 56–58.

7. Ivanov P. I., Pirozhenkov S. A. To the question of the private forensic methodology for investigating crimes (structure and content) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. №. 4 (60). P. 109–119.

8. Ivanov P. I., Shitov A. S. Features of the disclosure and investigation of tax crimes (forensic and operational-search support) // Collection of materials on the results of the interdepartmental scientific and practical conference «Actual issues of the theory and practice of the ORD» (on the occasion of the 102nd anniversary of the formation of the criminal investigation service). M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 76–84.

9. Karagodin V. N. Overcoming Opposition to Investigation : monograph. Sverdlovsk, 1992.

10. Karagodin V. N. Fundamentals of the forensic doctrine of overcoming opposition to the investigation : dis. ... doc. legal Sciences. Sverdlovsk, 1992.

11. Criminalistics : textbook for university students / Ed. A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. 2nd ed., revised. and additional M. : UNITI-DANA: Law and Law, 2008.

12. Filatova I. V. Application of a risk-based approach in order to counteract the legalization (laundering) of proceeds from crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. №. 1. P. 233–236.

Информация об авторе

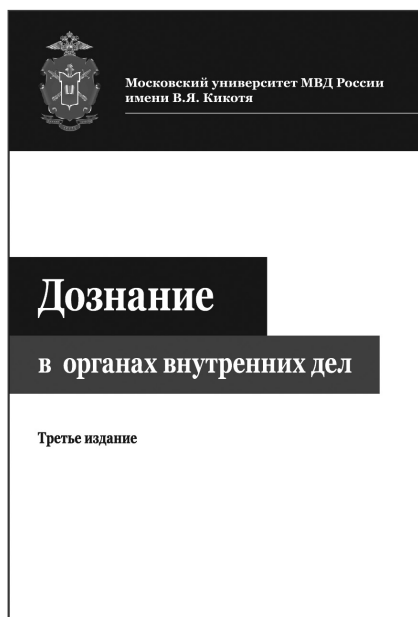
П. И. Иванов – главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

P. I. Ivanov – Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-111-116>

НИОН: 2015-0066-6/22-542

MOSURED: 77/27-011-2022-06-741

Деятельность садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ: направления и границы совершенствования правового регулирования

Светлана Анатольевна Иванова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

Ivanovasal@eandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности правового регулирования деятельности садоводческих и огороднических объединений граждан, проанализированы нормы законодательства, устанавливающие порядок приобретения и переоформления прав как на земельные участки садоводов и огородников, так и на участки общего пользования в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества. Анализируются отдельные новеллы Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества, земельный участок, участок общего пользования (назначения), переоформление прав, собственники земельных участков, общая долевая собственность, членские взносы

Для цитирования: Иванова С. А. Деятельность садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ: направления и границы совершенствования правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 111–116. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-111-116>.

Original article

Activities of horticultural and horticultural non-profit partnerships: directions and boundaries of improving legal regulation

Svetlana A. Ivanova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

Ivanovasal@eandex.ru

Abstract. The peculiarities of legal regulation of the activities of horticultural and horticultural associations of citizens, analyzes the norms of legislation establishing the procedure for acquiring and re-registering rights to both land plots of gardeners and gardeners, and to public use plots within the boundaries of the territory of gardening or gardening by citizens are considered. The individual novelties of the Federal Law № 217-FZ dated 29.07.2017 «On the conduct of gardening and gardening by citizens for their own needs and on amendments to certain Legislative acts of the Russian Federation» are analyzed.

Keywords: horticultural and horticultural non-profit partnerships, land plot, common use (purpose) plot, renewal of rights, owners of land plots, shared ownership, membership fees

For citation: Ivanova S. A. Activities of horticultural and horticultural non-profit partnerships: directions and boundaries of improving legal regulation. Bulletin of economic security. 2022;(6):111–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-111-116>.

Собственниками и пользователями садовых и огородных земельных участков в России являются более 60 миллионов граждан [1], что предопределяет социальную и общественную значимость выявления коллизий и пробелов в российском законодательстве о садоводческих и огороднических некоммерческих товариществах,

решения выявленных проблем и анализа предложений по совершенствованию норм, вызывающих вопросы или неоднозначное толкование.

Сфера правоотношений, возникающих в деятельности садоводческих и огороднических некоммерческих объединений граждан, охватывает широкий спектр со-

© Иванова С. А., 2022

циальных, экономических и правовых отношений граждан, являющихся правообладателя земельных участков для ведения садоводства и огородничества.

Специальным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность садоводческих и огороднических объединений граждан, является Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ с изменениями, вступившими в силу от 14 июля 2022 г. (далее – ФЗ-217) [2].

Законодатель в абз. 4 п. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК) определяет садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества (далее – СНТ) одним из двух поименованных видов товарищества собственников недвижимости.

Имеющиеся на данный момент различия между садоводческими и огородническим некоммерческими товариществами сводятся к различию в видах разрешенного использования земельных участков [3]. Выращивание сельскохозяйственных культур без возможности постройки капитальных объектов и без возможности использования данного земельного участка в предпринимательских целях приводит к значительной диспропорции по сравнению с садоводческими товариществами, следствием чего являются низкая рыночная стоимость и заинтересованность в изменении вида разрешенного использования с «ведения огородничества» на «ведение садоводства».

Законодатель в свою очередь, с целью исключить создание дисбаланса в рамках одного товарищества, предусмотрел в ч. 24 ст. 54 ФЗ-217 запрет на изменение вида разрешенного использования отдельных участков на территории ведения огородничества при условии, что имеется действующее объединение, зарегистрированное в установленном порядке как юридическое лицо. Таким образом, вышеуказанная норма ввела дополнительное ограничение, не предусмотренное ни градостроительным ни земельным законодательством и создала при ее применении непреодолимые условия, так как изменение вида разрешенного использования земельных участков на территории ведения огородничества является крайне затруднительным, а с точки зрения нормативного регулирования – непроработанным вопросом.

Вопрос целесообразности такого запрета видится открытым, так как до введения данного ограничения в огороднических товариществах существовала практика инициативного изменения вида разрешенного использования своего земельного участка правообладателями. Введение же запрета, которое при этом действует только при наличии некоммерческого товарищества, создает определенную дискриминацию, следствием которой являются улучшенные условия для собственников земельных участков, которые ликвидировали свое некоммерческое объединение либо земельный участок исключен из территории ведения садоводства (ч. 4 ст. 23 ФЗ-217), и не связаны с вышеуказанной нормой, ограничивающей

их в правах по выбору вида разрешенного использования для своего земельного участка.

Следует отметить, что ликвидация объединения создает ситуацию, при которой обслуживание территории и имущества общего пользования фактически прекращается, а все правовые механизмы, предусмотренные ФЗ-217 перестают распространяться на данную территорию, что создает неблагоприятные последствия как для самих правообладателей и их имущества общего пользования, так и для организаций, поставляющих коммунальные услуги собственникам земельных участков.

Данная позиция приводит к мысли о постановке вопроса конституционности данной нормы.

В рамках Постановления от 16 октября 2020 г. № 42-П [4] Конституционный суд РФ пришел к выводу о наличии правовой неопределенности в вопросе обязанности собственника уведомлять органы публичной власти об использовании своего земельного участка по иному основному или вспомогательному виду использования земельного участка, помимо указанного в едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН), в связи с чем до конкретизации законодательства по данному вопросу нельзя утверждать, что собственник не может использовать свой земельный участок по иному виду разрешенного использования, нежели тем, что указано в сведениях ЕГРН.

В связи с внесенными изменениями в ФЗ-217 Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 312-ФЗ, продолжает вызывать научный и практический интерес решение вопросов регистрации права собственности на земельные участки и постройки в СНТ.

Согласно ч. 3.ст. 22 ФЗ-217 члены СНТ имеют специальное правовое основание бесплатного приобретения в собственность земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, связывая данное право со статусом члена СНТ.

Наличие столь специфического правового основания в виде членства в некоммерческой организации, создает много вопросов относительно статуса членства в товариществе, последствий исключения или выхода в связи со смертью гражданина, возможностей «уступки» своего права на участок через добровольный выход для вступления нового члена сообщества.

Иными словами, связь между имущественными правами на объект недвижимости и членством лица в некоммерческом Товариществе создает ряд специфических проблем. Одной из основных является возможность исключения из членов СНТ, в том числе принудительно, с прекращением имущественных прав на земельный участок и возведенные на данном участке постройки.

В качестве правового основания приобретения права собственности на земельный участок в СНТ на основании членства является п. 2.7 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [5], согласно которому до 1 марта 2031 года члены не-

коммерческих организаций имеют право независимо от даты вступления в членство приобрести находящийся в государственной или муниципальной собственности садовый или огородный земельный участок без проведения торгов в собственность бесплатно, если такой земельный участок соответствует в совокупности следующим условиям:

земельный участок не предоставлен члену указанной некоммерческой организации;

земельный участок образован из земельного участка, предоставленного некоммерческой организации до дня вступления в силу настоящего Федерального закона;

по решению общего собрания членов указанной некоммерческой организации о распределении земельных участков между членами указанной некоммерческой организации либо на основании другого документа, устанавливающего распределение земельных участков в указанной некоммерческой организации, земельный участок распределен данному члену указанной некоммерческой организации;

земельный участок не является изъятым из оборота, ограниченным в обороте и в отношении земельного участка не принято решение о резервировании для государственных или муниципальных нужд.

В рамках данного критерия представляет интерес, как минимум, три аспекта, которые законодателем не были учтены:

1. Садоводческие и огороднические некоммерческие объединения граждан могут быть ликвидированы как по решению общего собрания, так и по иным принудительным основаниям, таким, как банкротство или решение налогового органа.

Следствием ликвидации некоммерческого объединения граждан является прекращение членства у всех бывших участников данного объединения и исключение возможности реализации права на получение безвозмездно в собственность земельного участка, находящего у данного лица в пользовании.

При такой ситуации создается значительная диспропорция, вызванная тем, что ряд членов ликвидированного объединения, оформившие в собственность земельные участки, ставятся в лучшее положение, чем лица, находящиеся в таком же положении, но не успевшие оформить свои права.

Такую ситуацию, иначе как пробелом в регулировании нельзя обосновать, когда возникновение вещных прав граждан находится в привязке к статусу члена некоммерческого юридического лица.

Возникший пробел во многом компенсируется позицией судов, которые трактуют такие пробелы в пользу заявителей, находя иные правовые обоснования для признания права собственности по искам членов ликвидированных садоводческих или огороднических некоммерческих объединений граждан. Такой подход судов во многом нивелирует возможные негативные последствия и общественное недовольство непродуманностью в правовом регулировании.

2. Определение статуса члена в некоммерческом объединении граждан с учетом правовых последствий в виде права на бесплатное оформление в собственность земельного участка.

Суды при установлении статуса члена СНТ не считают безусловным доказательством наличие у заявителя членской книжки или справок от председателя СНТ, факты внесения членских и целевых платежей. Безусловным доказательством является лишь заверенная копия протокола общего собрания о принятии лица в члены СНТ.

Указанные обстоятельства в ряде случаев становятся поводом для злоупотреблений и процедурной недобросовестности со стороны товариществ, заинтересованных в создании препятствий для установления статуса члена СНТ.

3. Прекращение статуса члена СНТ в принудительном и безусловном порядке.

Существенной проблемой являются нарушения, допускаемые при принудительном прекращении статуса члена СНТ путем принятия соответствующего решения общего собрания и несоразмерность последнего для лица, исключаемого из членов СНТ в случае отсутствия оформленного права собственности на земельный участок в границах территории ведения садоводства.

Процедура исключения из членов СНТ регламентирована нормами ст. 13 ФЗ-217, которая предусматривает основание для исключения из членов СНТ: неуплата взносов более чем два месяца или в случаях, предусмотренных уставом, более продолжительный срок. При этом ФЗ-217 не содержит ограничений по установлению в уставе СНТ иных оснований для исключения из членов СНТ. На практике в качестве таких оснований указываются несоблюдение требований устава СНТ, невыполнение решений органов управления СНТ по материальным вопросам и иные довольно расплывчатые формулировки.

Вышеуказанные основания для исключения из членов СНТ представляются несправедливыми и создающими возможность произвольного нарушения имущественных прав гражданина на землю по упрощенной процедуре, неконтролируемой государственными органами.

Судебная практика по вопросам извещения довольно лояльна к нарушениям процедуры, предусмотренной положениями ст. 17 ФЗ-217, однако, в случаях исключения из членов СНТ, вопрос заблаговременного направления предупреждения становится ключевым предметом исследования, как и основание исключения.

В правоприменительной практике продолжает вызывать значительное количество вопросов норма ч. 7 ст. 14 ФЗ-217, так как предлагаемая формулировка является общей и содержит ряд условий, которые, как правило, не исполняются. Исходя из содержания данной нормы, в иных случаях размер взносов устанавливается равным для всех членов товарищества вне зависимости от размеров и количества принадлежащих

члену объектов, что также подтверждается судебной практикой [6].

Суды при оспаривании решений общих собраний о назначении дифференцированных взносов не рассматривают как имеющий значения для дела вопрос в связке с площадью принадлежащих члену товарищества объектов недвижимости, а формально проверяют наличие в уставе товарищества указания на возможность установления таких взносов.

Только в случае, если в уставе товарищества отсутствует какое-либо указание на возможность установления дифференцированных взносов, суд приходит к выводу о незаконности таких решений [7]. Фактически норма ч. 7 ст. 14 ФЗ-217 в настоящее время работает частично, требуя от товарищества лишь формального исполнения требования о наличии в уставе указания на возможность установления дифференцированного размера взносов.

Если в уставе есть указание на такую возможность, но при этом ни устав, ни решение собрания не основывает дифференциацию взносов с различным объемом использования имущества общего пользования, то суды прямо указывают, что это не влияет на действительность принятых общим собранием решений [8; 9; 10].

При этом полностью игнорируется правило о необходимости установления дифференцированного платежа лишь при наличии различного объема использования имущества общего пользования, так как, согласно складывающейся судебной практике, данный критерий не влияет на действительность решения общего собрания, несмотря на прямую норму в законе.

Складывается ситуация, когда справедливость взносов в отношении отдельных членов товарищества остается на усмотрение большинства, т. е. большинство может определять по какому принципу будет установлен размер взносов вне зависимости от норм ФЗ-217.

Указанная ситуация создает условия для перекладывания бремени содержания отдельных коммуникаций, доступа к которым у части членов товарищества нет, на всех собственников земельных участков или наоборот, освобождения большинства членов товарищества от бремени содержания имущества общего пользования, которым пользуется меньшая часть членов товарищества. К несправедливым отнесем и установление безусловного взноса, исходя из площади земельного участка, при котором один член товарищества может платить за те же самые услуги и работы больше, чем другие члены.

Новеллой правового регулирования является ч. ч. 7.1 и 7.2 ст. 14 ФЗ-217, которые предусматривают, что указываемые в уставе товарищества правила определения размера взносов должны предусматривать порядок расчета размера взносов в виде текстового описания и (или) формулы расчета (ч. 7.1); плата, предусмотренная статьей 5 ФЗ-217, рассчитывается в порядке, установленном уставом товарищества для определения размера взносов (ч. 7.1).

Указанные изменения не внесли ясность и не разрешили имеющиеся проблемы. Вместе с тем правовое регулирование имущественных отношений, связанных с ведением гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд, должно обеспечивать поддержание справедливого баланса интересов, прав и обязанностей собственников различного имущества, находящегося на территории товарищества и конкретизировать правовой режим имущества, используемого садоводами для общих нужд.

Нормы по вопросу установления размеров взносов и их соотношение с размером платы за управление и содержание имущества общего пользования, а также критерии, на основе которых определяется их состав и размер, должны быть конкретизированы для недопущения нарушения принципа справедливости.

Согласно ст. 123.12 ГК РФ имущество общего пользования в СНТ принадлежит на праве общей долевой собственности лицам, являющимся собственниками земельных участков, расположенных в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд, если иное не предусмотрено законом. Аналогичное по содержанию правовое регулирование содержится в ст. ст. 24 и 25 ФЗ-217.

Следствием создания садоводческих и огороднических товариществ является полное освобождение от имущественных обязательств органов публичной власти применительно к территориям ведения садоводств. Это означает отсутствие выделения средств для ремонта дорог, отсутствие обязательств по обслуживанию объектов инфраструктуры (детские площадки, электрохозяйство и проч.), находящихся на балансе товариществ, а также любых других обязательств, имеющихся у органов публичной власти перед собственниками земельных участков и жилых домов в населенных пунктах.

В ст. 3 ФЗ-217 дано определение земельным участкам общего пользования – это земельные участки, являющиеся имуществом общего пользования, предусмотренные утвержденной документацией по планировке территории и предназначенные для общего использования правообладателями земельных участков, расположенных в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд, и (или) предназначенные для размещения другого имущества общего пользования.

Иное имущество общего пользования, для размещения которого, в том числе, используется земельный участок общего пользования, в большинстве случаев представляет из себя инженерные объекты для обеспечения собственников коммунальными услугами (водоснабжение, газоснабжение, электроснабжение и иное), объекты общей инфраструктуры, такие как помещение для охраны, помещение для проведения заседаний правления и хранения документации, досуговые объекты.

При ликвидации товарищества, земельный участок общего пользования переходит в долевое пользование собственникам земельных участков и публичные орга-

ны все также не обслуживают данную территорию, на которой уже отсутствует садоводческое или огородническое товарищество.

До изменений, внесенных Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 312-ФЗ, для СНТ оставался актуальным вопрос оформления права общей долевой собственности на земельные участки общего назначения.

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) – федеральный орган исполнительной власти в сфере государственной регистрации прав на недвижимость, в лице территориальных подразделений, рассматривающих заявления граждан, отказывала в регистрации долевой собственности. На это были основания: закрепление долевой собственности на земельный участок общего пользования в ЕГРН без указания конкретных собственников не представляется возможным, а регистрация права долевой собственности как на конкретного собственника земельного участка, расположенного на территории ведения садоводства или огородничества, так и на всех сразу требуется согласие всех собственников земельных участков, расположенных на территории товарищества. В товариществах, как правило, есть неосвоенные участки, есть собственники, чьи контакты отсутствуют и всегда есть несогласные, которых может быть 1 из 300, но этого будет достаточно для отсутствия возможности совершить какие-либо предусмотренные законом действия по оформлению имущественных прав.

Согласно ч. 3 ст. 25 ФЗ-217 в новой редакции исключено требование о необходимости согласия всех собственников садовых или огородных земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, при принятии общим собранием членов товарищества решения о безвозмездной передаче недвижимого имущества общего пользования, расположенного в границах такой территории, принадлежащего товариществу на праве собственности, в общую долевую собственность собственников садовых или огородных земельных участков, сохранив общие требования к принятию такого решения, т. е. при условии обеспечения кворума решение принимается квалифицированным большинством не менее двух третей голосов от общего числа присутствующих на общем собрании членов товарищества. Таким образом, удалось решить одну из наиболее значимых проблем в правоотношениях садоводов – проблему оформления перехода прав на земельные участки общего назначения. В какой мере нововведения дадут положительный эффект покажет время.

Список источников

1. <https://news.rambler.ru/other/37539631-zakon-osadovodstve-i-ogorodnichestve-chto-izmenitsya-v-zhiznidachnikov/>
2. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4766.

3. Приказ Росреестра от 10 ноября 2020 г. № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» (зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 № 61482) // <http://pravo.gov.ru>, 16.12.2020.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2020 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М. Г. Анциновой» // Собрание законодательства РФ, 26.10.2020, № 43, ст. 6884.

5. Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4148.

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2020 г. по делу № 88-15268/2020.

7. Решение Пушкинского городского суда Московской области от 26 мая 2020 г. по делу № 2-726/2020.

8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2020 г. № 88-13522/2020.

9. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 декабря 2020 г. по делу № 88-27934/2020.

10. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2020 г. по делу № 88-5515/2020.

References

1. <https://news.rambler.ru/other/37539631-zakon-osadovodstve-i-ogorodnichestve-chto-izmenitsya-v-zhiznidachnikov/>
2. Federal Law № 217-FZ of July 29, 2017 (as amended on 14.07.2022) «On the conduct of gardening and gardening by citizens for Their Own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.07.2017, « 31 (Part I), Article 4766.
3. Rosreestr Order № P/0412 dated November 10, 2020 «On Approval of the Classifier of types of Permitted Use of Land plots» (registered with the Ministry of Justice of Russia on 15.12.2020 № 61482) // <http://pravo.gov.ru>, 16.12.2020.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 16, 2020 № 42-P «On the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 8.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of a citizen M. G. Antsinova» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 26.10.2020, № 43, Article 6884.
5. Federal Law № 137-FZ of October 25, 2001 (as amended on 05.04.2021) «On the Entry into force of the

Land Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 29.10.2001, № 44, Article 4148.

6. Definition of the First Cassation Court of General Jurisdiction of May 28, 2020 in case № 88-15268/2020.

7. Decision of the Pushkin City Court of the Moscow Region of May 26, 2020 in case № 2-726/2020.

8. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction of May 14, 2020 № 88-13522/2020.

9. Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated December 17, 2020 in case № 88-27934/2020.

10. Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated May 12, 2020 in case № 88-5515/2020.

Информация об авторе

С. А. Иванова – профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, руководитель магистерской программы «Юрист для частного бизнеса и власти», эксперт РАН, эксперт Национального аккредитационного агентства в сфере образования (Росаккредагентство), доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России.

Information about the author

S. A. Ivanova – Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Federal State Budgetary Institution of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Master's program «Lawyer for Private Business and Government», Expert of the Russian Academy of Sciences, Expert of the National Accreditation Agency in the field of education (Rosaccredagency), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Предпринимательское право. Под ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанова ; под общ. ред. Т. В. Дерюгиной, А. В. Тумакова. Учебник. 9-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

В учебнике рассмотрены становление и развитие предпринимательства в России, организационно-правовые формы предпринимательской деятельности и ее правовое регулирование со стороны государства, в том числе в сфере лицензирования, конкуренции (антимонопольное законодательство), налогообложения, расчетно-финансовых отношений, выполнения договорных обязательств, рассмотрения гражданско-правовых споров с участием предпринимателей, корпоративных споров.

Особое внимание уделено вопросам защиты прав и интересов предпринимателей, правового регулирования инновационной и внешнеэкономической деятельности, регламентации имущественных отношений участников обществ с ограниченной ответственностью.

Для студентов юридических и экономических вузов и факультетов, а также специалистов в сфере предпринимательской деятельности, руководителей предприятий и организаций, предпринимателей.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-117-120>

НИОН: 2015-0066-6/22-543

MOSURED: 77/27-011-2022-06-742

Современные проблемы противодействия киберпреступности

Ольга Николаевна Ивасюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ivasuk-o@mail.ru

Аннотация. Киберпреступность на сегодняшний день является одним из самых быстро развивающихся видов преступных деяний, которые посягают на различные социальные группы общества. В настоящее время помимо преступных действий, направленных на экономическое получение прибыли, возрос уровень преступных посягательств, направленных на личные права, а также на вовлечение несовершеннолетних в совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Преступления, совершаемые в информационном пространстве, отличаются от традиционных видов преступных посягательств, характеризуются высокой степенью подготовленности преступников, скрытностью за информационными кодами, транснациональностью.

Ключевые слова: киберпреступность, информационно-телекоммуникационные сети; преступления против несовершеннолетних, вовлечение детей в преступную деятельность

Для цитирования: Ивасюк О. Н. Современные проблемы противодействия киберпреступности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 117–120. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-117-120>.

Original article

Modern problems of countering cybercrime

Olga N. Ivasyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ivasuk-o@mail.ru

Abstract. Cybercrime today is one of the fastest growing types of criminal acts that encroach on various social groups of society. Currently, in addition to criminal actions aimed at economic profit, the level of criminal encroachments aimed at personal rights, as well as the involvement of minors in the commission of serious and especially serious crimes, has increased. Crimes committed in the information space differ from traditional types of criminal encroachments, characterized by a high degree of preparedness of criminals, secrecy behind information codes, and transnationality.

Keywords: cybercrime, information and telecommunications networks; crimes against minors, involvement of children in criminal activities

For citation: Ivasyuk O. N. Modern problems of countering cybercrime. Bulletin of economic security. 2022;(6):117–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-117-120>.

Киберпреступность в настоящее время является актуальной проблемой во всем мире, в первую очередь, это связано с тем, что информационно-телекоммуникационные сети обладают достаточно быстрой динамикой своего развития. Современную действительность ярко характеризует процесс криминализации всех сфер общественных отношений. В первую очередь, это касается сферы информационно-телекоммуникационных сетей и Интернет-технологий. За несколько прошедших лет число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в сфере компьютерной информации), возросло до глобальных масштабов, позволяющих говорить о них как об угрозе национальной безопасности.

Еще пять-семь лет назад доля посягательств в сфере информационных технологий составляла всего около 2 % в общей структуре преступлений. В 2019 году их доля возросла до 25 %. В 2020 году негативная тенденция усилилась. Прирост данного вида преступных посягательств составил 73,4 %, а их общее количество за год достигло 510,3 тыс. При этом раскрыть удастся лишь четверть таких преступлений. В 2021 году было зарегистрировано 517,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 1,4 % больше, чем за 2020 год. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,0 % до 25,8 %. Больше половины таких

© Ивасюк О. Н., 2022

преступлений (55,7 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (288,3 тыс.; +7,7 %), более двух третей (67,9 %) совершается с использованием сети Интернет (351,5 тыс.; +17,0 %), почти половина (42,0 %) – средств мобильной связи (217,6 тыс.; -0,5 %). Более чем три четверти таких преступлений (78,4 %) совершается путем кражи или мошенничества: 406,0 тыс. (-1,1 %), почти каждое десятое (9,9 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 51,4 тыс. (+9,3 %)¹.

Стоит отметить, что понятие киберпреступности не закреплено в законодательстве Российской Федерации, более того точного определения данной деятельности нет и в международных документах. На современном этапе осуществляется активная проработка вопроса создания универсального международного документа по разработке мер сотрудничества государств в борьбе с различными видами киберпреступлений. Киберпреступность иногда отождествляют с компьютерными преступлениями, но данная точка зрения не рассматривает общего массива преступных действий, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях. Киберпреступность, представляется сложным социальным явлением, существующим в информационно-телекоммуникационных сетях, и включает в себя два вида преступных действий, так называемую «чистую киберпреступность» и преступность, перешедшую в киберпространство из традиционных видов преступлений [4, с. 74].

В качестве одной из существенных характерных особенностей киберпреступлений приходится констатировать высокую степень их латентности, способствующую развитию различных видов преступности, в том числе, это касается расширения сферы интересов злоумышленников, осуществляющих преступную деятельность. В частности на современном этапе развития преступности, существенное развитие получили такие виды преступных действий как кибермошенничество, кибертерроризм, действия, направленные на сексуальную эксплуатацию, продажа несовершеннолетних лиц через «темный интернет» т. д. Связано это, в первую очередь, с тем, что компьютерные сети, информационное пространство являются неотъемлемой частью жизни всех развитых и развивающихся стран мирового сообщества, и очень многие процессы деятельности человека, которые раньше имели место только при личном контакте граждан, перешли в мир виртуальной реальности, в связи, с чем и преступления переходят на новый информационный уровень. Стремительный рост информационных технологий способствует появлению новых видов преступлений, именуемых в общем смысле киберпреступлениями, или преступлениями с приставкой «кибер-».

Преступные действия по получению какой-либо экономической выгоды, или даже преступленные дей-

ствия террористической направленности, совершенные с помощью информационных технологий, как правило, детально спланированы, для их совершения изобретаются специальные программы, или заменяющие компьютерные устройства, технологии. Все эти действия характеризуются тщательной подготовкой к преступлению. Более того отметим, что для совершения таких действий у преступника должны быть определенные навыки и умения в информационных технологиях, более того стоит отметить, что преступники обладают хорошей психологической подготовкой, которая помогает найти контакт с потерпевшим, привлечь его к какой-либо деятельности и заставить действовать в своих интересах.

Отличительной особенностью данного вида преступлений является то, что киберпреступления имеют транснациональный характер, вследствие чего данным вопросом обеспокоены не только отдельные государства, но и все международное сообщество. Стоит отметить, что Российская Федерация является одним из немногих государств, которое постоянно выступает в Генеральной Ассамблее ООН с инициативами в сфере информационной безопасности, выдвигает предложения по борьбе с киберпреступлениями. Транснациональный характер преступного деяния обозначает следующее: преступное деяние выходит за рамки одного государства. Действия, совершенные преступником, могут быть направлены на одно государство, а находиться данный человек может в другом государстве. В связи с чем для обеспечения безопасности в государстве, органы власти взаимодействуют с иностранными коллегами, применяя нормы и принципы международного права. Но, стоит отметить, что для того, чтобы общие нормы не умаляли своего значения, и между государствами происходило взаимодействие по выдаче преступников или наказанию преступника, скрывающегося на той или иной территории, должны быть заключены специальные международные договоры о сотрудничестве в рамках раскрытия преступлений в киберпространстве, а также разработаны общие нормы по определению различных форм киберпреступности.

Еще одно отличие киберпреступлений связывают с высокой степенью скрытности преступника и анонимностью пользователя в компьютерных сетях, но данный принцип присущ не для всех подвидов киберпреступности. К примеру, деятельность по привлечению несовершеннолетних к действиям, направленным на покушение на жизнь и здоровье несовершеннолетних, совершаются публично, открыто, организатор, как правило, признает полностью совершенные действия. В частности такой деятельностью занимались такие преступные группы, как «Синий кит», «Красная сова», которые посредством игры доводили детей до совершения самоубийства. Но в большинстве своем преступник остается скрытым за многочисленными компьютерными кодами, что достаточно усложняет возможность его выявления и раскрытия преступления. Стоит отметить,

¹ По данным официального сайта МВД России.

что анонимность пользователя сети обеспечивается также установленными на компьютерное устройство программами, позволяющими свободно производить свою деятельность не через официальные страницы интернета, а через его темные, закрытые от обычного пользователя, стороны. Отличие темного интернета от обычных сайтов заключается в возможности идентификации пользователя, при использовании программы закрытого интернета позволяют сохранить анонимность пользователя, скрыть его местоположение, а также засекречивает передачу данных пользователей. Все эти характеристики уменьшают возможности раскрытия и расследования таких преступлений правоохранительными органами, в некоторых случаях делая это практически невозможным.

Отличительным признаком является сокращение временных промежутков между несколькими преступлениями, подготовленными одним субъектом, в первую очередь это связано с предыдущим отличительным признаком: преступник не контактирует напрямую с жертвой, а совершает все свои действия дистанционно. Сокращается время приготовления к совершению преступления, преступнику не нужно планировать место совершения преступления, подготавливать орудия, с помощью которых будет совершено преступление и т. д. При этом отметим, что действия преступников, направленные, например, на вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, предполагает массовое изменение их идеологических, моральных, этических и других установок. Данная деятельность осуществляется с целью получения определенной преступной среды, которая обладает характерными особенностями, в частности жестокими нравами, распушенной сексуальной жизнью, дискриминирующей различные социальные группы по расовому, этническому, религиозному, половому и другим характеристикам. Эти действия представляет серьезную угрозу национальной безопасности государства, так как способствуют омоложению преступников и разрастанию деструктивных криминальных сообществ [3].

Преступные действия, направленные на вовлечение несовершеннолетних через информационно-телекоммуникационные сети в преступления, обладают следующими характеристиками: преступные действия являются высоко латентными; сохраняется высокая анонимность лиц совершающих преступные посяательства; преступления являются транснациональными; субъектами преступления чаще всего являются хорошо организованные преступные группы [5]. Механизмы преступного воздействия ориентированы в основном на разжигание этнической и религиозной ненависти, социальной и межнациональной напряженности, пропаганды экстремистской идеологии, в том числе привлечение к террористической деятельности. Во-вторых, деятельность преступников направлена на формирование у несовершеннолетних определенных информационных зависимостей [6]. Отметим, что формирование инфор-

мационных зависимости условно можно подразделить на две категории: компьютерные игры, направленные на формирование агрессивного, преступного поведения; а также прохождение квестов, игр в непосредственно «реальном мире». Компьютерные игры, направленные на формирование преступного поведения, способствуют смешиванию реального и виртуального мира, вследствие чего несовершеннолетние теряют связь с «реальной действительностью» и под воздействием игрового сценария компьютерной игры, совершают преступные действия. Преступные действия по прохождению квестов, игр в «реальном мире», функционируют по аналогии с квестами, направленными на лишение жизни несовершеннолетних. Преступники, заинтересовывают детей, получают от них информацию, на основании которой путем угроз, обмана, обещаний, вовлекают несовершеннолетних в преступления [4].

Высокая степень латентности киберпреступлений отчасти исходит из недостаточной информированности граждан о данной проблеме. Деятельность по информированию людей о преступных действиях в информационно-телекоммуникационных сетях осуществляется как на национальном, так и на международном уровне. На национальном уровне осуществляются общие методы по разработке законодательной базы направленной на защиту личных прав и свобод граждан в информационном пространстве.

Осуществляется популяризация сотрудниками правоохранительных органов способов совершения преступных действия в информационно-телекоммуникационных сетях. Ограничивается доступ несовершеннолетних к базам данных, имеющих недопустимый для детей контент.

На международном уровне осуществляется сотрудничество в рамках международных организаций, имеющих как универсальный, так и региональный характер, имеющих межправительственный и неправительственный характер взаимодействия. Так, рассматривая данную проблему в рамках универсального органа международного сотрудничества, ООН регулярно проводятся конференции по профилактике и пресечению киберпреступности, вырабатываются механизмы противодействия этому виду преступлений, принимаются универсальные стандарты и нормы, гарантирующие надежное использование компьютерных систем и средств телекоммуникаций [1; 2]. Те же действия принимаются и на региональных уровнях международного сотрудничества, в рамках международных правительственных организаций СНГ, ШОС и т. д.

Подводя итог, необходимо отметить, что киберпреступность на сегодняшний день является одним из самых быстро развивающихся видов преступности, что, несомненно, требует со стороны государства и его правоохранительных органов принятия своевременных и эффективных профилактических мер, направленных на минимизацию преступлений в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Список источников

1. Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г. // Справочная правовая система «ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/4089723> (дата обращения: 25.05.2021).
2. Резолюция, по борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и сексуальными надругательствами над ними в Интернете принятой Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2019 года // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/> (дата обращения: 25.05.2021).
3. Иванцов С. В., Ивасюк О. Н. Общесоциальные аспекты предупреждения преступности с участием несовершеннолетних // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 1. С. 64–69.
4. Ивасюк О. Н. Криминологические особенности киберпреступности, направленной против несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 73–77.
5. Ивасюк О. Н., Калашников И. В. Криминологические особенности современной преступности несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 2. С. 124–130.
6. Ивасюк О. Н. Криминальная субкультура как фактор групповой преступности несовершеннолетних / В сборнике : Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х т. 2018. С. 270–275.

References

1. The Council of Europe Convention on Cybercrime 2001 // Reference legal system «GARANT». URL: <http://base.garant.ru/4089723> (accessed: 25.05.2021).
2. Resolution on combating sexual exploitation of children and sexual abuse of them on the Internet adopted by the General Assembly on December 18, 2019 // Official website of the UN General Assembly. URL: <https://www.un.org/ru/ga/> (accessed: 25.05.2021).
3. Ivantsov S. V., Ivasyuk O. N. General social aspects of crime prevention involving minors // International Journal of Constitutional and State Law. 2017. № 1. P. 64–69.

Информация об авторе

О. Н. Ивасюк – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. N. Ivasyuk – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

4. Ivasyuk O. N. Criminological features of cybercrime directed against minors // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (92). P. 73–77.

5. Ivasyuk O. N., Kalashnikov I. V. Criminological features of modern juvenile delinquency // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. Vol. 5. № 2. P. 124–130.

6. Ivasyuk O. N. Criminal subculture as a factor of group juvenile delinquency / In the collection : Criminal policy and culture of combating crime. Materials of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. 2018. P. 270–275.

Библиографический список

1. Резолюция, принятая генеральной Ассамблеей 16 декабря 2020 года: Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/> (дата обращения: 25.05.2021).

2. Долматов А. В. Анализ практики правового регулирования цифровой среды и предотвращения киберпреступлений / Долматов А. В., Долматова Л. А. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 45–52.

3. Ивасюк О. Н., Калашников И. В. Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемых в отношении женщин // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 104–110.

Bibliographic list

1. Resolution adopted by the General Assembly on December 16, 2020: The right to privacy in the digital age // Official website of the UN General Assembly. URL: <https://www.un.org/ru/ga/> (accessed: 25.05.2021).

2. Dolmatov A.V. Analysis of the practice of legal regulation of the digital environment and prevention of cybercrime / Dolmatov A. V., Dolmatova L. A. // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2020. № 4 (49). P. 45–52.

3. Ivasyuk O. N., Kalashnikov I. V. Victimological features of crimes against sexual freedom committed against women // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 5. P. 104–110.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-121-123>

НИОН: 2015-0066-6/22-544

MOSURED: 77/27-011-2022-06-743

Об особенностях статуса города Москвы как субъекта Российской Федерации

Александра Александровна Кальгина

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,

AleksandraNauka6@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства относительно статуса города Москвы как субъекта Российской Федерации высказано несколько суждений: всякий субъект Российской Федерации является элементом федеративного устройства единого государства; исчерпывающий перечень субъектов Российской Федерации регламентирован в статье 65 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., с последующими изменениями и дополнениями; город Москва включен в подгруппу субъектов Российской Федерации со статусом «город федерального значения»; особенностью статуса города Москвы как города федерального значения является дополнительный статус – «столица Российской Федерации».

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации» от 15 апреля 1993 г., Закон г. Москвы «Устав города Москвы» от 28 июня 1995 г., федеративное устройство, субъект Российской Федерации

Для цитирования: Кальгина А. А. Об особенностях статуса города Москвы как субъекта Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 121–123. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-121-123>.

Original article

About the peculiarities of the status of the city of Moscow as a subject of the Russian Federation

Aleksandra A. Kalgina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia, AleksandraNauka6@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation regarding the status of the city of Moscow as a subject of the Russian Federation, several judgments are made: every subject of the Russian Federation is an element of the federal structure of a single state; an exhaustive list of subjects of the Russian Federation is regulated in Article 65 of the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, with subsequent amendments and additions; the city of Moscow is included in the subgroup of subjects of the Russian Federation with the status of a «city of federal significance»; a feature of the status of the city of Moscow as a city of federal significance, It has an additional status – «the capital of the Russian Federation».

Keywords: state, Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation, Law of the Russian Federation «On the status of the Capital of the Russian Federation» of April 15, 1993, Law of Moscow «Charter of the City of Moscow» of June 28, 1995, federal structure, subject of the Russian Federation

For citation: Kalgina A. A. About the peculiarities of the status of the city of Moscow as a subject of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(6):121–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-121-123>.

Предметом данной статьи является статус города Москвы как субъекта Российской Федерации [о федеративном устройстве Российской Федерации подробнее: 1].
Первоначально о состоянии теории.

Так, И. Н. Сафиним уделено внимание процессу изменения границ между двумя субъектами Российской Федерации Москвой и Московской областью в 2011–2012 годах [2].

© Кальгина А. А., 2022

Ю. А. Умеренко проанализировано земельное законодательство Российской Федерации с целью обнаружения особенностей правового регулирования земельных отношений на территориях городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга: на федеральном уровне существует специфика правового регулирования земельных и иных тесно связанных с ними отношений в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге [3].

П. Н. Кобец отмечает, что наиболее значимыми криминологическими особенностями сверхкрупного города (город федерального значения – город Москва) являются: относительно низкая криминальная активность лиц, работающих в непромышленной сфере; преобладание в числе служащих, совершивших преступления, лиц со средним образованием и работающих в сфере обслуживания; тенденция к некоторому повышению образовательного уровня лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступления; преобладание среди рабочих, совершивших преступления, лиц, занятых малоквалифицированным трудом и работающих на производствах с тяжелыми условиями труда, в основном наемных рабочих из числа иногородних; тенденция к снижению доли рабочих в социальной структуре преступников за счет перехода их в другие категории и группу лиц, не имеющих постоянных источников дохода; высокая доля женщин в числе всех лиц, совершивших преступления; омоложение преступников, особенно за счет возрастной группы 18–24 лет; некоторое снижение числа преступников-рецидивистов при росте их профессионализма и организованности; увеличение числа преступников-гастролеров; рост количества преступников из числа приезжих и лиц без определенного места жительства; стабильно высокий уровень лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения [4].

Ю. М. Алпатов предлагает исключить из Бюджетного кодекса РФ абзац пятый ст. 135 «Формы межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджетов субъектов Российской Федерации» и статью 139¹ «Иные межбюджетные трансферты, предоставляемые из бюджета субъекта Российской Федерации местным бюджетам», что обеспечит гарантии финансовой самостоятельности местного самоуправления [6].

Не столь совершенные научные разработки определяют и несовершенство законодательства о федеративном устройстве Российской Федерации, в целом, и об отдельных субъектах Российской Федерации, в частности.

В нормативном правовом акте с наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации – в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. с последующими изменениями и дополнениями¹ имеется глава 3 «Федеративное устройство» (статьи 65–79¹).

Исчерпывающий перечень субъектов Российской Федерации предусмотрен в ст. 65 Конституции РФ: «1. В составе Российской Федерации находятся субъекты Российской Федерации: ... Москва, Санкт-Петербург, Севастополь - города федерального значения; ...».

Относительно города федерального значения – города Москвы действует Закон г. Москвы «Устав города Москвы» от 28 июня 1995 г.² («1. Город Москва является субъектом Российской Федерации – городом федерального значения, столицей Российской Федерации. 2. Статус города Москвы как субъекта Российской Федерации – города федерального значения Российской Федерации определяется Конституцией Российской Федерации и настоящим Уставом. 3. Статус города Москвы как столицы Российской Федерации установлен Конституцией Российской Федерации и Законом Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации». 4. Город Москва имеет территорию, население, органы государственной власти, свое законодательство. 5. На территории города Москвы в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральным законом и законами города Москвы осуществляется местное самоуправление» – ст. 1).

В приведенном нормативном правовом акте города Москвы имеется бланкетная норма с указанием на действующий закон РФ: Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации» от 15 апреля 1993 г.³ («В соответствии с Конституцией Российской Федерации столицей Российской Федерации является город Москва. Столица Российской Федерации – место нахождения федеральных органов государственной власти Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральными законами, представительств республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, а также дипломатических представительств иностранных государств в Российской Федерации. Территорией столицы Российской Федерации является территория города Москвы» – ст. 1).

Таким образом, исследования относительно статуса города Москвы, как субъекта Российской Федерации, необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, всякий субъект Российской Федерации является элементом федеративного устройства единого государства.

Во-вторых, исчерпывающий перечень субъектов Российской Федерации регламентирован в статье 65 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., с последующими изменениями и дополнениями.

кования подробнее [5].

² См.: Ведомости МД. 1995. № 4; ...; Ведомости МГД. 2017. № 8. Ст. 147.

³ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 683; СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2863; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5103.

¹ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубли-

В-третьих, город Москва включена в подгруппу субъектов Российской Федерации со статусом «город федерального значения».

В-четвертых, особенностью статуса города Москвы, как города федерального значения, является дополнительный статус – «столица Российской Федерации».

Список источников

1. Сухондяева Т. Ю., Галузо В. Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83–89.
2. Сафин И. Н. Особенности взаимодействия Москвы и Московской области на примере изменения границ в 2011–2012 гг. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 65–70.
3. Умеренко Ю. А. Особенности правового регулирования земельных отношений в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге на федеральном уровне // Современное право. 2012. № 4. С. 63–71.
4. Кобец П. Н. Особенности преступности столичного мегаполиса конца первого десятилетия XXI столетия (на материалах г. Москвы) // Миграционное право. 2013. № 1. С. 2–6.
5. Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единого исполнения законодательства при отсутствии

его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

6. Алпатов Ю. М. Особенности межбюджетных отношений в Москве и Санкт-Петербурге // Законодательство и экономика. 2007. № 11.

References

1. Sukhondyaeva T. Yu., Galuzo V. N. On the problems of the federal structure, administrative-territorial and military-administrative division of the Russian Federation // Online electronic popular scientific journal of private and public law. 2018. № 1. P. 83–89.
2. Safin I. N. Features of interaction between Moscow and the Moscow region on the example of border changes in 2011–2012. // Constitutional and Municipal law. 2020. № 10. P. 65–70.
3. Umerenko Yu. A. Features of legal regulation of land relations in federal cities of Moscow and St. Petersburg at the federal level // Modern Law. 2012. № 4. P. 63–71.
4. Kobets P. N. Features of crime in the metropolitan metropolis of the end of the first decade of the XXI century (on the materials of Moscow) // Migration law. 2013. № 1. P. 2–6.
5. Galuzo V. N. Is it possible to ensure uniform enforcement of legislation in the absence of its systematization? // State and Law. 2014. № 11. P. 98–102.
6. Alpatov Yu. M. Features of inter-budgetary relations in Moscow and St. Petersburg // Legislation and Economics. 2007. № 11.

Информация об авторе

А. А. Кальгина – заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Kalgina – Head of the Department of Civil and Business Law of the Faculty of International Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 15.12.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-124-128>

ИПОН: 2015-0066-6/22-545

MOSURED: 77/27-011-2022-06-744

Специфика обеспечения права на жилище сотрудников полиции в XVIII – начале XX вв.

Юлия Александровна Канаева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

aleksandrovnna-88@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук,

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор,

лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники,

лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования **Н. Д. Эриашвили**

Аннотация. Отмечается, что в дореволюционный период развития нашей страны отсутствовало специальное законодательство, регламентирующее право сотрудников полиции на обеспечения жильем, в связи с чем полицейские служащие заключали договор найма жилого помещения на общегражданском основании. Делается вывод о том, что в начале XIX века в России существовали значительные проблемы в обеспечении жильем полицейских: маленький размер выплат на съем жилья, зависимость обеспечения жильем сотрудника от его служебного положения, ветхость служебного жилья, находящегося в государственном пользовании. Отмечено, что обеспечение сотрудников полиции правом на жилище находилось в прямой взаимосвязи с сословной иерархией.

Ключевые слова: право на жилище, жилищное законодательство, обеспечение права на жилище, сотрудник органов внутренних дел, жилое помещение, жилищное обеспечение сотрудников органов внутренних дел

Для цитирования: Канаева Ю. А. Специфика обеспечения права на жилище сотрудников полиции в XVIII – начале XX вв. // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 124–128. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-124-128>.

Original article

Specifics of ensuring the right to housing of police officers in the XVIII – beginning of XX centuries

Yulia A. Kanaeva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

aleksandrovnna-88@mail.ru

Scientific supervisor: Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Process

of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor,

Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology,

Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of education **N. D. Eriashvili**

Abstract. It is noted that in the pre-revolutionary period of development of our country there was no special legislation regulating the right of police officers to provide housing, in connection with which police officers concluded a lease agreement for residential premises on a civil basis. It is concluded that at the beginning of the XIX century in Russia there were significant problems in providing housing for police officers: the small amount of payments for housing, the dependence of housing provision for an employee on his official position, the dilapidation of official housing in state use. It is noted that the provision of police officers with the right to housing was in direct relationship with the class hierarchy.

Keywords: the right to housing, housing legislation, ensuring the right to housing, an employee of the internal affairs bodies, residential premises, housing provision for employees of the internal affairs bodies

For citation: Kanaeva Yu. A. Specifics of ensuring the right to housing of police officers in the XVIII – beginning of XX centuries. Bulletin of economic security. 2022;(6):124–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-124-128>.

© Канаева Ю. А., 2022

С момента появления в нашей стране полиции как отдельного правоохранительного органа проблема обеспечения сотрудников жильем является значимой, привлекая к себе внимание со стороны органов власти. Однако, стоит отметить тот факт, что решение данной проблемы всегда напрямую зависело от цивилизационного этапа развития нашей страны, то есть было различным.

Обращаясь к истории российской государственности, следует заметить, что зарождение отдельного правоохранительного органа в России – полиции, происходит в начале XVIII века, а именно с момента издания царем Петром I указа об учреждении должности Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера [2]. Тем не менее, в первых нормативных правовых актах, содержащих основные нормы права, регламентирующих деятельность полиции, например таких, как: «Пункты, данные С. Петербургскому генерал-полицмейстеру» от 25 мая 1718 года, «Инструкции Московскому обер-полицмейстеру Грекову» от 9 июля 1722 года [3], Инструкции, данные Московской полицмейстерской канцелярии 10 декабря 1722 года [4], не содержались пункты, предусматривающие право полицейских на обеспечение жильем со стороны государства.

Однако уже к середине XVIII века данный вопрос поднимается на государственном уровне. Так, Р. Н. Данилян отмечает, что в 30–40-ые гг. XVIII в. в системе органов внутренних дел появляется специальная новая должность – квартиргер. Полномочия данного лица заключались в том, что он был обязан обеспечить жильем служащих полицмейстерской канцелярии. Кроме того, в связи с тем, что генерал-полицмейстер находился в прямом подчинении царствующего монарха, в его полномочия входило также: базирование военнослужащих в городе, предоставление камерального жилья для служащих гвардии и аристократии, а также выдворение их из такого жилья [11].

В 1782 году Екатериной II был принят один из фундаментальных нормативных правовых актов, регулирующий деятельность органов полиции – «Устав благочиния, или полицейский». Именно в данном документе впервые в истории нашей страны был установлен принцип о том, что полицейские должны проживать в том месте, где они несут свою службу [14]. Так, в Уставе было установлено районирование, то есть указано на то, что каждый город в Российской Империи должен быть поделен на определенные районы (части). На каждый такой городской район выделялся служащий полиции – частный пристав, обязанностью которого было обеспечение общественного порядка и общественной безопасности на своем участке работы (районе). В п. 97 Устава благочиния было установлено, что вышеуказанный служащий полиции обязательно должен на постоянной основе проживать в той части города, в которой он проходит службу. В следующем пункте Устава благочиния (п. 98) были нормативно закреплены обязанности пристава, которые заключались в том, что он круглосуточно не имеет право закрывать свой дом на ключ, так как постоянно должен

быть готов к получению информации о происшествиях на его районе [5, с. 470].

Новый толчок развития жилищного вопроса служащих полиции наступил лишь период великих реформ императора Александра II. Так, В. А. Якушев в своих научных трудах указывает на то, что с начала XIX века полицейским стали выдавать денежные средства для того, чтобы они могли снять себе жилое помещение. Однако данные выплаты были ранжированы в зависимости от должностей полицейских служащих. Так, например, полицмейстерам выдавали 142,85 рублей, частным приставам 85,72 рублей, надзирателям 57,15 рублей [21, с. 125].

Указом от 10 марта 1808 года были определены новые правила проживания служащих полиции. Так, городничий имел право проживания в своем жилье в любой части города, в то время как частные приставы, а также квартальные надзиратели в силу специфики своей службы, по-прежнему должны были снимать жилье в той части города или в том квартале, где они несли службу. Проблема в данном случае заключалась в том, что горожане, в чьих квартирах проживали полицейские, не были обязаны предоставлять последним «свет и тепло» в дома. Данные услуги, по их мнению, должны были оплачиваться отдельно. Денежных средств, которые выделялись полицейским на найм жилья, оказалось недостаточно для того, чтобы доплачивать за освещение и отопление снимаемых жилых помещений, что ставило полицейских в крайне тяжелые жилищные и бытовые условия. Решение данной проблемы было найдено Министерством внутренних дел, где было решено увеличить расходы бюджета, дополнив его пунктом о выделение денежных средств полицейским на покупку дров и свеч [19, с. 19]. Однако лишние расходы в бюджете на обеспечение полиции стали сложным бременем для него [1], что влекло за собой рост коррупционных преступлений со стороны полицейских [13, с. 61].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что выплата денежных средств для найма жилья полицейскими является своеобразной воплощением жилищного права служащих полиции.

Тем не менее, согласно Положению о городских доходах и расходах города Москвы от 13 апреля 1823 года (далее – Положение) [6], выплата денежных средств на съем жилья осуществлялась лишь в отношении тех служащих, которым не хватило места в специализированных жилых помещениях для служащих полиции. Отличительной чертой жилищного обеспечения полицейских в Российской империи первой половины XIX века являлось отсутствие равенства в правах на жилье между служащими различных чинов [16]. Так, в то время как низшие полицейские чины имели маленькое жалование, жили на постах для несения службы или, в случае отсутствия необходимых условий для существования на данных постах, получали денежные средства на съем жилья в размере 2 рублей, за которые было невозможно найти приличные условия для проживания [18, с. 80],

служащие полиции, занимающие более высокое служебное положение, имели достаточно хорошие условия для проживания в квартирах с большой жилплощадью. В 1864 году в ходе проведения проверки финансовой комиссией Московской городской Думы было выявлено, что некоторые средние и высшие чины полицейских служащих проживают в квартирах, которые по своим площадям совсем не соответствуют размерам, указанным в Положении. Так, например, было выявлено, то один частный пристав имеет огромные квартиры в Мясницком доме, а также в Рогожинской и Сретенской частях, что никаким образом объективно не соответствует его потребностям. На основании проведенной проверки встал вопрос о необходимости справедливого обеспечения полицейских жильем. Что касается причин возникшей ситуации, то они заключаются в том, что специализированные дома для полицейских не строились в соответствии с требованиями, установленными Положением, а выкупались уже готовыми у горожан, при этом «никаких вложений в них со стороны государства или министерства не производилось» [17], в связи с чем как внутреннее, так и внешнее состояние данных домов было угнетающим. Таким образом, в связи с несправедливым распределением жилой площади между служащими, а также в связи с обветшанием домов, комиссией было принято решение об их преобразовании [18, с. 78].

Исходя их вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в начале XIX века существовали следующие проблемы в обеспечении жильем полицейских: маленький размер выплат на съем жилья, зависимость обеспечения жильем сотрудника от его служебного положения, ветхость служебного жилья, находящегося в государственном пользовании.

В 1881 году были приняты такие фундаментальные документы, которые регламентировали деятельность полиции как: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О преобразовании Московской городской полиции» [8], а также Табель домов, предусматривающий конкретную площадь квартир, предназначенных для полицейских служащих города Москвы. Однако такие квартиры предполагались для проживания лишь тех служащих, которые занимали руководящие должности. Как правильно указал В. А. Якушев, принятый Табель точным образом характеризует отношение органов власти Москвы к полицейским высшим чинов. Что же касается всех остальных, рядовых сотрудников полиции, то для них органами власти был установлен лишь температурный минимум в съемных жилых помещениях, а именно – 17,5 по Цельсию [21, с. 126].

К концу XIX века выплаты для съема жилья осуществлялись лишь некоторым служащим полиции, занимающим, например, такие должности как: полицмейстер, пристав, исправник. Размер выплат сильно различался и варьировался от 60 до 400 рублей в год. Учитывая тот факт, что в Москве в конце XIX века в среднем сумма за съем квартиры составляла примерно 333 рублей в год, можно сделать вывод о том, что большинство сотруд-

ников полиции испытывали финансовые сложности со съемом квартир.

Изучив нормы права периода XVIII – начала XX века, регламентирующих правоотношения в сфере обеспечения сотрудников полиции жильем, можно утверждать, что позиция В. А. Ващенко является верной, который считал, что в Российской Империи XVIII – начала XX века общественные отношения в сфере жилищного обеспечения находились в сфере гражданско-правового регулирования, на основании чего право на обеспечения жильем носило предметный, обязательный характер [9, с. 12].

Право собственности на жилое помещение у служащего полиции могло появиться либо путем его покупки, либо путем строительства [15]. В том случае, если сотрудник снимал жильем у собственника он обладал лишь обязательственным правом на данное жилье. Следует отметить, что объектом общественных отношений в области жилищного обеспечения являлись не жилые помещения в целом, а конкретные комнаты, квартиры, каморка, барак и так далее.

Свод законов Российской империи, изданный в 1857 году, в десятом томе «Законы гражданские» в четвертой книге «О обязательствах по договорам» во второй главе «О найме имущества и отдаче оных в содержание» в первом отделении содержал нормы права, регламентирующие правила заключения договора найма жилого помещения, в которых были указаны обязательные элементы данного договора, а именно: предмет найма, его срок, а также цена [7, с. 341].

Закон от 23 июня 1912 года «О праве застройки» давал точное определение данного права, указывая, что под ним следует понимать предметное, возмездное, срочное, отчуждаемое, а также передаваемое по наследству, обладание земельным участком для дальнейшей его застройки. Сотрудники полиции в общем, гражданском порядке также могли осуществлять данное право. В период существования Российской Империи право застройки вводилось для того, чтобы обеспечить защиту прав подданных страны среднего класса, так как размер платы за найм жилья был достаточно высок, что существенным образом «било по карману» большого числа подданных [20, с. 110].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в дореволюционный период развития нашей страны, отсутствовало специальное законодательство, регламентирующее право сотрудников полиции на обеспечения жильем. Полицейские служащие заключали договор найма жилого помещения на общегражданском основании.

В ходе изучения отечественного законодательства XVIII – начала XX века, а также научных трудов, необходимо сделать определенные выводы. Так, сотрудники полиции в Российской Империи были ограничены в праве собственности на жилые помещения, в связи с чем они вынуждены были заключать договора найма квартир, комнат, бараков, будок, углов, коек и др., на

что им были выделены специальные денежные средства. Исходя из того, что в России дореволюционного периода существовал сословный строй, который также распространялся и на полицейскую службу, государство по-разному обеспечивало реализацию прав служащих на обеспечение их жильем. Так, полицейские низших чинов, которые являлись городскими и набирались из числа крестьян, не были обеспечены жильем [10, с. 52]. Служба в полиции носила для них временный характер, как правило, на зимний период, с наступлением теплого времени года городские покидали полицейскую службу и работали на более высокооплачиваемой сезонной работе, например, в полях [12, с. 346–347]. Полицейские средних чинов набирались из различных сословий, занимали должности надзирателей полицейских участков, жили на территории своих участков в съемном жилье, деньги на которое выплачивало государство. Что же касается высших чинов, то к ним, по словам В. И. Гурьева, как правило, относились: бывшие военные командиры и государственные служащие, которые имели роскошное жилье в собственности. На основании изложенного можно сделать вывод, что обеспечение сотрудников полиции правом на жилище находилось в прямой взаимосвязи с сословной иерархией. Так, высшие полицейские чины обладали правом собственности на жилье по причине отнесения к дворянскому сословию и, соответственно, наличию денежных средств, в то время как низшие полицейские чины не имели права собственности на жилье по причине отнесения к сословию крестьян.

Список источников

1. Центральный государственных архив г. Москвы. Ф. 16. Оп. 3. Д. 425.
2. Указ Петра «Об утверждении должности Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера» от 05 июня 1718 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. V. № 3203.
3. Инструкции Московскому обер-полицмейстеру Грекову от 09 июля 1722 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. № 4047.
4. Инструкции, данные Московской полицмейтерской канцелярии от 10 декабря 1722 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. № 4103.
5. Устав Благочиния, или Полицейский от 08 апреля 1782 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15379.
6. Положение о городских доходах и расходах г. Москвы от 13 апреля 1823 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29423.
7. Свод законов Российской Империи. Том 10, часть 1. СПб : Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1857.
8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О преобразовании Московской городской полиции» от 07 апреля 1782 г. // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. I. № 131.
9. Ващенко В. А. Реализация сотрудниками органов внутренних дел права на жилище в свете нового жилищного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ващенко Владимир Александрович. М., 2005.
10. Гурьев В. И. Организация и кадровый состав московской полиции в 1898 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2010. № 3.
11. Данелян Р. Н. Становление системы жилищного обеспечения сотрудников полиции (милиции) России (историко-правовой аспект) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 3 (33). С. 308–309.
12. Екатеринодар–Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993] : материалы к летописи. Краснодар : Кн. изд-во, 1993.
13. История московской милиции. Становление и развитие органов охраны общественного порядка в Москве с древности до наших дней / ГУВД г. Москвы. М. : Центр Престижной Рекламы «Деловая Лига», 2006.
14. Марьян Г. В., Курсаев А. В., Осокин Р. Б. Представление интересов Министерства внутренних дел Российской Федерации в Конституционном суде Российской Федерации : учебно-практическое пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 164 с.
15. Осокин Р. Б. Организационно-правовые проблемы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и роль органов прокуратуры в их разрешении // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2016. № 8. С. 133–144.
16. Осокин Р. Б. К вопросу об организации деятельности органов прокуратуры в Российской Федерации (основные функции, принципы) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 199–202.
17. Осокин Р. Б., Маилян С. С. Актуальные проблемы деятельности органов прокуратуры и судебных органов Российской Федерации : монография. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 173 с.
18. Отчет Московского городского головы князя Шербагова о деятельности Московской городской Думы за шестилетие с 1863 по 1869 год. М. : Университетская типография на Страстном бульваре, 1869.
19. Полиция и милиция России : страницы истории / под ред. Борисова А. В., Дугина А. Н., Малыгина А. Я. и др. М. : Наука, 1995.
20. Путря К. Е. Право застройщика на возведенную им постройку в рамках права застройки по законодательству Франции и проекту ГК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1.
21. Якушев В. А. Правовые основы материально-технического обеспечения и социальной защиты сотрудников полиции и милиции в Российском государстве, 1718–2009 гг. : историко-правовое исследование : дисс... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2010.

References

1. The Central State Archives of Moscow. F. 16. Op. 3. d. 425.
2. Peter's Decree «On the approval of the post of St. Petersburg Police Chief General» dated 05.06.1718 // PSZ RI. Sobr. I. T. V. № 3203.
3. Instructions to the Moscow Chief of Police Grekov from 09.07.1722 // PSZ RI. Sobr. I. T. VI. № 4047.
4. Instructions given by the Moscow Police Officer's Office dated 10.12.1722 // PSZ RI. Sobr. I. T. VI. № 4103.
5. The Charter of the Deanery, or the Policeman of 08.04.1782 // PSZ RI. Sobr. I. Vol. XXI. No. 15379.
6. Regulations on city incomes and expenditures of Moscow dated 13.04.1823 // PSZ RI. Sobr. I. Vol. XXXVIII. № 29423.
7. Code of Laws of the Russian Empire: Volume 10, part 1. St. Petersburg : Type. The second department of Its Own E. I. V. Chancellery, 1857.
8. The most highly approved opinion of the State Council «On the transformation of the Moscow City Police» from 07.04.1782 // PSZ RI. Sobr. 3. T. I. № 131.
9. Vashchenko V. A. Realization by employees of internal affairs bodies of the right to housing in the light of the new housing legislation : dis. ... cand. jurid. sciences : 12.00.03 / Vashchenko Vladimir Aleksandrovich. M., 2005.
10. Guryev V. I. Organization and personnel of the Moscow police in 1898 // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2010. № 3.
11. Danelyan R. N. Formation of the housing system for police officers (militia) Russia (historical and legal aspect) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (33). P. 308–309.
12. Ekaterinodar–Krasnodar: Two centuries of the city in dates, events, memories [1793–1993] : materials for the chronicle. Krasnodar : Publishing House, 1993.
13. History of the Moscow militia. Formation and development of public order protection bodies in Moscow from antiquity to the present day / Moscow Police Department. Moscow: Center for Prestigious Advertising «Business League», 2006.
14. Maryan G. V., Kurshev A. V., Osokin R. B. Representation of the interests of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation : an educational and practical manual. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021. 164 p.
15. Osokin R. B. Organizational and legal problems of the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs and the role of the prosecutor's office in their resolution // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'. 2016. № 8. P. 133–144.
16. Osokin R.B. On the organization of the activities of the Prosecutor's office in the Russian Federation (main functions, principles) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 9. P. 199–202.
17. Osokin R. B., Mailyan S. S. Actual problems of the activity of the prosecutor's office and judicial bodies of the Russian Federation : monograph / Osokin R. B., Mailyan S. S. M., 2018. 173 p.
18. Report of the Moscow mayor Prince Sherbatov on the activities of the Moscow City Duma for six years from 1863 to 1869. M. : University Printing House on Strastnoy Boulevard, 1869.
19. Police and militia of Russia : pages of history / ed. Borisov A. V., Dugin A. N., Malygin A. Ya., et al. M. : Nauka, 1995.
20. Putrya K. E. The right of a developer to a building erected by him within the framework of the right of development under the legislation of France and the draft Civil Code of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2016. № 1.
21. Yakushev V. A. Legal bases of material and technical support and social protection of police and militia officers in the Russian state, 1718–2009 : historical and legal research : dis. ... cand. jurid. sciences : 12.00.01. M., 2010.

Информация об авторе

Ю. А. Канаева – соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по кафедре гражданского и трудового права, гражданского процесса.

Information about the author

Yu. A. Kanaeva – Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in the Department of Civil and Labor Law, Civil Process.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья
УДК 343.973:338.583
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-129-135>
НИОН: 2015-0066-6/22-546
MOSURED: 77/27-011-2022-06-745

Скрытые неправомерные экономические потери, обуславливающие экономические преступления, методы их выявления и предупреждения

Алексей Геннадьевич Карев
karev914@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы повышения эффективности методов обработки финансовой и бухгалтерской информации для снижения латентности неоправданных потерь. Проанализированы причины высокой латентности преступлений, связанных с документальным, интеллектуальным подлогом в бухгалтерском учете, условия их возникновения и проблемы их выявления. Названы субъекты и уровни профилактики экономических преступлений, правонарушений на предприятии, связанных с обманом и фальсификацией бухгалтерской, финансовой отчетности. Дан экономико-правовой анализ экономических потерь.

Ключевые слова: поиск неправомерных экономических потерь, методологические проблемы, финансовый анализ, выявление интеллектуального подлога, экономико-правовой анализ, субъекты общей и специальной профилактики преступлений в экономике

Для цитирования: Карев А. Г. Скрытые неправомерные экономические потери, обуславливающие экономические преступления, методы их выявления и предупреждения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 129–135. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-129-135>.

Original article

Concealed wrongful economic losses, causing economic crimes, methods of their detection and prevention

Alexey G. Karev
karev914@gmail.com

Abstract. The issues of improving the efficiency of methods of processing financial and accounting information to reduce the unreasonable losses latency are being considered. The reasons for the high latency of crimes related to documentation forgery, immaterial forgery in accounting, the conditions of their triggering events and the problems of their detection are analyzed, subjects of general and special preventive actions. An economic and legal analysis of economic loss is given.

Keywords: search for the unreasonable hidden economic losses, methodology problems, financial analysis, identification of immaterial forgery, economic and legal analysis, actors in general and specific economic crime prevention

For citation: Karev A. G. Concealed wrongful economic losses, causing economic crimes, methods of their detection and prevention. Bulletin of economic security. 2022;(6):129–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-129-135>.

Уголовно-правовое противодействие преступности в сфере экономики обуславливается государством в Стратегии экономической безопасности, принятой Российской Федерацией на период до 2030 года [2] (далее – Стратегия экономической безопасности). Подрывая систему экономической безопасности страны, экономические преступления, зачастую имеющие скрытый характер, наносят значительный финансово-экономический ущерб, приводят к потере социально-экономической устойчивости [25]. Названные проблемы характерны для любых видов предпринимательской

деятельности, к тому же публичная уголовно-правовая статистика свидетельствует о тенденции к неуклонному ежегодному росту экономических преступлений и материального ущерба, причиняемого собственникам предмета посягательства в результате мошенничества, основанного на обмане¹. Огромные ресурсы, направляемые Правительством на поддержку бизнеса после объявленной странами Запада экономической войны, также тре-

¹ Их доля в структуре преступности на протяжении последних лет последовательно увеличивалась и за 2021 год составляла 16,9 % [32].

© Карев А. Г., 2022

буют повышенного внимания к изучению эффективности их применения и противодействию экономическим преступлениям при их использовании.

Основными методологическими подходами, касающимися обеспечения безопасности экономической деятельности государством, считаются профилактика, предупреждение и предотвращение факторов криминального риска и применение рискориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) [2; 1, с. 8]. Под криминологически значимыми экономическими потерями хозяйствующего субъекта (предприятия, компании) [3] мы предлагаем считать *показатели безвозмездно изъятой из хозяйственного оборота нерационально используемой части наличных ресурсов* [8; 9]. Неполнота исследований методологических проблем потерь являются немаловажной причиной фрагментарности в их решении как в частном, так и государственном секторах экономики. Актуализация криминологических исследований для нужд предприятий различных форм собственности нуждается в ревизии механизмов воздействия на экономические потери, методов их учета и контроля за ними, а также определения степени латентности обусловленных ими преступлений. Недаром потери отнесены к категории экономической безопасности предпринимательства [7].

Выявление и предупреждение потерь происходит на общем и специальном уровнях [4; 11]. Несмотря на современные попытки уточнения доктрины профилактики преступлений [32], мы считаем, что общий уровень противодействия преступлениям, обусловленным экономическими потерями, выходит за рамки провозглашенной в последнее время чисто уголовно-правовой превенции [33]. Так, можно выделить общие меры профилактики, базирующиеся на предупредительных функциях бухгалтерского учета, и уточнить специальные меры профилактики, включающие экономико-правовой анализ потерь, криминологические методы по их выявлению и пресечению на основе достижений по цифровизации экономики с учетом ее сильных и слабых сторон [34], допускаемых ошибок при машинной обработке данных первичного бухгалтерского учета, выявления уровня латентности экономических потерь, выработки мер противодействия с учетом особенностей электронного документооборота на предприятии.

Для внесения ясности в понятийный аппарат предмета исследования (не углубляясь в теоретические аспекты) [27] перечислим виды потерь хозяйствующего субъекта (предприятия, компании): объективно обусловленные (оправданные) и чистые (неоправданные); прямые и косвенные; явные (учитываемые) и скрытые, или латентные (неучитываемые); правомерные или неправомерные, криминальные и некриминальные; реальные или условные [8]. Наша задача рассмотреть поиск неправомерных потерь, скрывающихся в оправданных, и разработать методы их профилактики, противодействия им. При детальном рассмотрении этот вид потерь может

выявить криминальные аспекты в деятельности предприятия.

Эффект совершенной рыночной конкуренции, включающей механизмы общей превенции, работает не всегда, в том числе из-за особенностей нашей экономики, методологии финансового учета и отчетности, субъективного понимания риска от потерь руководителем предприятия, а также цены, которую он готов заплатить за работу по их профилактике. Зачастую противодействие сводится к экономии объективно обусловленных издержек. При этом все издержки априори считаются правомерными. Как показывает собственный многолетний опыт автора этой статьи по противодействию неправомерным потерям, очень часто вопрос состоит в том, насколько методы выявления при ориентации отчетности на внешних, а не на внутренних потребителей¹ являются эффективными на данном предприятии и мотивирован ли финансовый блок заниматься этим направлением. Эту проблему, также обсуждают хозяйствующие субъекты частного сектора экономики.

Искажает картину движения материальных средств на предприятии преобладание монетарных форм учета (оценка в денежном выражении)² за счет упрощения натурально-вещественных показателей. Часто экономический блок предприятия просто не заинтересован в новых методах проверки, поскольку результаты аудита могут вскрыть неучтенные чистые неправомерные потери, которые применяемые финансовым блоком предприятия методы и инструменты анализа не выявили. Опасность документального подлога лицами, допущенными к управленческой отчетности предприятия, в настоящее время активно обсуждается в специальной финансовой литературе и публикациях для предпринимателей. На пути аудиторов нередко встречаются «препятствия» в виде финансового директора и сотрудников соответствующего отдела, которые стараются «обвести аудиторов вокруг пальца»³. Противодействию искажениям и фальсификациям в бухгалтерской отчетности посвящены ряд специальных научных работ [29; 14; 15].

Необходимо отметить, что исследователи старых и новых методов решения уголовно-правовых проблем утверждают, что «в рамках учения о преступлении рискологический анализ позволяет модернизировать представления об общественной опасности преступления, сместив акценты с последствий на особые характери-

¹ К ним мы относим сведения, предоставляемые в государственные контрольные органы; опубликованные во внешней отчетности; отчетность, предоставляемую банкам на основе заключений рекомендуемого банками аудитора [26].

² Монетарный подход в бухгалтерском учете, основанный преимущественно на взвешенной стоимости объектов учета, позволяет при аудите учетной финансовой информации получить доказательства путем отбора элементов и оценки в денежном выражении.

³ URL: <https://www.gd.ru/articles/10188-moshennichestvo-s-finansovoy-otchetnostyu> (дата обращения: 31.08.2021)

стики действия (бездействия), создающего опасность причинения вреда» [28]. Считаем, что такой подход позволит усилить ответственность высшего исполнительного руководства за причинение экономического вреда предприятию. Очевидно, что противодействие скрытым и необоснованным экономическим потерям, наносящим предприятию вред, начинается на самом предприятии. Роли внутреннего контроля на предприятии, созданию рубежей противодействия этому явлению посвящены ряд научных работ [30], в целом система противодействия необоснованным потерям и приемы выявления фальсификации учетных записей на бухгалтерских счетах, в балансе рядом авторов описаны. Однако, на наш взгляд, кроме недостаточной мотивации высшего менеджмента, описанной выше, существуют также методологические проблемы с понятийным аппаратом аудита, который ввиду указанных выше особенностей внешнего и внутреннего использования: управленческий, операционный, специальный, создают возможности (риски) заказчикам, управленцам, исполнителям для манипуляций результатами этих аудитов, что влияет на результаты внутреннего контроля.

Кроме того, как показывают все те же специальные экономические исследования, в используемых зарубежной и отечественной методиках финансовой отчетности преобладают монетарные показатели. Приоритетными направлениями анализа у подавляющего большинства российских экономистов являются ликвидность, платежеспособность и финансовая устойчивость [6]. Исследованию качества и достоверности бухгалтерского учета, на наш взгляд, должного внимания не уделяется. В рассмотренных российских и зарубежных методиках оценки финансового состояния и приоритетных направлений анализа предусматривается использование стоимостных показателей имущества. Это же подтверждают современные работы по анализу бухгалтерского учета предприятия на примере действующих хозяйствующих субъектов [16; 18; 24]. Некоторым исключением является специализированный анализ, применяемый банками, в частности ПАО «Сбербанк» [26], используя который, можно сделать проверку источников получаемой информации, расчет числовых отношений разных форм отчетности, установление взаимосвязей характеристик, внутрихозяйственный анализ – сопоставить главные показатели организации и дочерних организаций и подразделений.

Таким образом, отечественная наука и методика финансового анализа ориентируют финансовый блок на все более изощренные, преимущественно западные методы финансового анализа. Исходя из этого, мы считаем, что высшие учебные заведения страны готовят финансовых менеджеров, не уделяя должного внимания достоверности получаемой финансовой информации путем совершенствования методов проверки и верификации с первичным учетом той отчетности, которая основана исключительно на автоматизированных способах обработки бухгалтерской информации.

Можно выделить документальный подлог, поскольку он искажает основной принцип учетной политики предприятия, заключающийся в адекватном документировании каждого факта хозяйственной деятельности. В связи с этим желательно выявить взаимосвязанность механизма сокрытия потерь и документального подлога на ранних стадиях этих событий. Например, в силу особенностей банковской деятельности, обуславливающих обязательность превентивного анализа финансового состояния потенциального заемщика, который предполагает выявление в документах признаков финансовых махинаций, позволяет распознать уже на стадии намерения мошенников заведомо не выполнять свои обязательства.

Выявление документального подлога, названного интеллектуальным¹, достаточно подробно применительно к проблематике банковской деятельности исследовалось С. С. Извековым, Т. М. Дмитриенко, которые считают, чтобы определить материальный ущерб от финансовых махинаций, необходимо анализировать в балансе предприятия комбинации затрат «безэквивалентного и эквивалентного характера», что выявит несоответствие первичных документов, данных учета и показателей отчетности фактическим хозяйственным операциям [17; 10]. Необходимо также учитывать, что формальный, упрощенный подход по оптимизации затрат на фонд заработной платы предприятия приводит к потере товароведческих компетенций на предприятии сокращению специалистов финансового блока соответствующей квалификации, отрицательно влияет на экономическую безопасность предприятия. Этот фактор – дополнительные трудозатраты и некомпетентность, а также методологическая ориентированность аудиторов на внешнюю отчетность обуславливает известную долю сопротивления исследованиям и методологическую неразбериху в оценке реальных экономических потерь.

Изложенные методологические проблемы учета финансов влияют не только на уровень латентности экономических потерь в экономике, но и на эффективность анализа криминогенных процессов, происходящих в ней, а также влияет на саму доктрину финансового и бухгалтерского анализа. Таким образом, верификация вносимых для машинной обработки данных бухгалтерского учета является ключевым параметром достоверности получаемых финансовых отчетов для криминологического анализа экономических потерь на предприятии.

Обеспокоенность Правительства Российской Федерации проблемой идентификации записей в балансах, учетах с первичными бухгалтерскими документами выражается в издании приказа Минфина России № 62 от 16 апреля 2021 г., изменившего Федеральные стан-

¹ Соглашаясь с определением, данным Д. А. Ефремовым: 1) вносимая ложная информация лицом, имеющим право издания документа в силу возложенных на него обязанностей либо внесения в него изменений; 2) издание документа либо внесение в него изменения лицом, не имеющим такого права, но использующим официальные (годные, правомерные) средства [12].

дарты бухгалтерского учета в 2022 году¹. На наш взгляд, указанные акценты приказа на первичном документообороте в бухгалтерском учете, ориентирующем на методологические основы его составления и принципы учетной политики, доказывают, что пренебрежение основополагающими принципами этого учета в финансовом анализе приобрели фактор угрозы достоверности финансового положения предприятия.

Криминологический и уголовно-правовой интерес в изучении потерь состоит в том, что их анализ может показать, как в бухгалтерском учете предприятия неоправданные замаскированные потери трансформируются в оправданные с помощью документального подлога². Это помогает выявить вуалирование и фальсификацию в отчетности. С другой стороны, качество документооборота и слеодообразующей функция бухгалтерского учета на субъекте экономической деятельности напрямую влияет на доказательность экономического преступления, правонарушения, проступка, деликта, на степень латентности, криминогенную зараженность хозяйственного объекта, а значит – оперативно-розыскную деятельность, которая включает в себя планы оперативного прикрытия таких объектов в зависимости от степени их зараженности. В итоге исправление учета с целью повышения его достоверности влияет на защиту прав субъекта экономической деятельности в хозяйственных спорах, в уголовном преследовании правонарушителей, на возмещение вреда, причиненного предприятию. В этом и состоит основной смысл предупредительной функции бухгалтерского учета, заложенный в доктрине этого учета.

По нашему мнению, в настоящее время технико-криминалистические методы изучения подлога бумажных документов должны обязательно учитываться в сопоставлении с механистическими (программными) способами обработки отчетности, которая в итоге и представляется конечному пользователю. Именно технико-криминалистические способы выемки информации и последующий анализ синтезированной программным способом отчетности показывают содержательные признаки массового подлога первичной отчетности и помогают закреплять доказательства, основанные на программном, цифровом способе обработки данных и представления отчетности [13].

Автору неоднократно приходилось сталкиваться при проведении служебных расследований на предпри-

ятии или в группе компаний, связанных с поиском скрытых потерь методом анализа движения материальных средств по признакам натурально-вещественных показателей, с прямым сопротивлением финансового блока, компании в связи с утерянными компетенциями по поиску потерь в финансовом учете, с вышеприведенными методологическими недостатками в идентификации предметов и элементов бухгалтерского учета в наиболее распространенной в России программной оболочке над базой данных предприятия продукте компании «1С». «1С: Предприятие» [5], в которой содержались критичные для поиска как бухгалтерские проводки хозяйственных операций, так и учетные данные натурально-вещественных показателей предметов бухгалтерского учета. А также сталкиваться с вопросами верификации и закрепления доказательств, полученных в электронной форме.

Необходимо особо отметить, взаимозависимость потерь и подлога, так как документальный подлог определяет уровень экономических потерь так же, как и анализ этих потерь приводит к выявлению скрытого документального подлога. Считаем, что необходимо для упрощения возможностей анализа объединить ряд факторов, действующих на эти два феномена – экономические потери и документальный или интеллектуальный подлог бухгалтерских документов, сознательно не вдаваясь в научные дискуссии по поводу способов осуществления документального и интеллектуального подлога (Д. А. Ефремов). Поддерживая методы, предложенные С. М. Резниченко, мы исходим из того, что даже единичный выявленный признак подлога на предприятии первичного бухгалтерского документа на основе методики, описанной в его работах, дает нам повод и возможность сопоставить этот искаженный факт хозяйственной деятельности с отраженными в бухгалтерском балансе, регистрах учета данными и позволяет нам найти при достоверном учете движения элементов продукта в натуральной вещественной форме итоговое, конечное отражение в параметрах безэквивалентного и безвозмездного изъятия имущества предприятия, отраженного в этом балансе в потерях (если они не завуалированы в статьях кредита и дебета).

Анализ признаков этих искажений или отступлений от стандартов и принципов бухгалтерского учета должен нас вывести на массив документального подлога первичных бухгалтерских документов, обуславливающих экономические преступления. Правильная группировка и анализ массива бухгалтерских данных должны подсказать путь продуктивного исследования признаков экономических преступлений.

Приемы экономико-правового анализа [31] позволяют, с одной стороны, более эффективно анализировать состояние потерь, их содержание и масштабы, латентность, а с другой повышает эффективность поиска для профилактики наиболее распространенного способа криминального обмана - документального подлога. С помощью набора команд созданного «скрипта»,

¹ ПБУ 1/2008, утв. приказом Министерства финансов Российской Федерации от 6 октября 2008 г. № 106н.

² Все виды подлогов в криминалистике традиционно делятся на интеллектуальные и материальные. Криминалистическая сущность интеллектуального подлога и их различие по способу искажения информации исследованы рядом авторов, однако в статье предлагается оперировать общим понятием, используемым для определения двух вышеназванных видов подлога, объединяющих их по одному предмету, который является механизмом экономических потерь в результате обмана, – документальный подлог.

осуществляющего поиск через действующую на предприятии программную оболочку баз данных, созданных для автоматизированного управления предприятия, дает возможность повысить эффективность выявления фактов и способов фальсификации учетных записей на бухгалтерских счетах. В итоге такой подход дает возможность отбора и анализа минимума экономических показателей для криминологического анализа экономического состояния по объекту оперативной заинтересованности подразделений органов внутренних дел, противодействующих экономическим преступлениям [19; 20; 21].

Список источников

1. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон Российской Федерации от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2022).
2. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20, ст. 2902.
3. Абдуллина Е. Р., Белова Э. И. Понятийный аппарат: «предприятие», «организация», «учреждение», «фирма», «компания» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 7 (июль). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16151.htm> (дата обращения: 10.04.2022).
4. Аванесов Г. А. Криминология : учебник. М. : Юнити-Дана, 2012. 575 с.
5. Березина А. В. Структурный анализ бухгалтерских программ // Вектор науки ГТУ. 2010. № 2. Структурно-функциональный анализ бухгалтерских программ // Вектор науки ГТУ. 2010. № 4 (14). С. 288–291.
6. Бубновская Т. В., Атнахова Л. Д. Сравнение отечественных и зарубежных методик оценки финансового состояния // Актуальные вопросы современной экономики @avse 2019. Вып. 3.
7. Герасимов Б. Н. Реформирование процесса управления безопасностью организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 2-1 (72). С. 47–53.
8. Головин С. Д., Гоцев М. В., Карев А. Г. Потери в народном хозяйстве и активизация борьбы с ними // Обеспечение охраны социалистической собственности в современных условиях. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1987. С. 104–111.
9. Головин С. Д., Карев А. Г. Проблемы совершенствования мер борьбы с потерями в народном хозяйстве // Государственное регулирование рыночной экономики: сб. ВНИИ МВД СССР. М. : ВНИИ МВД СССР, 1987. С. 8–15.
10. Дмитриенко Т. М. Интеллектуальный подлог в документах как механизм причинения ущерба : курс лекций // Финансовый анализ банковской деятельности: выявление убыточных направлений; интеллектуальный подлог в документах отчетности заемщиков, партнеров : материалы конф. М. : Научно-технический центр Ассоциации российских банков, 2007.
11. Долгова А. И. Криминология : учебник для высших учебных заведений. 3-е изд., М. : НОРМА, 2005.
12. Ефремов Д. А. К вопросу правовой и криминологической сущности интеллектуального подлога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 182–188.
13. Жидков Д. Н., Горбунова Е. Ю. Применение специальных знаний при криминологическом изъятии цифровой информации, сформированной с использованием программных продуктов ООО «1С» // Вестник МВД России. 2021. № 1. С. 60–71.
14. Звягин С. А. Вуалирование и фальсификация бухгалтерской отчетности // Бухгалтер и закон. № 3 (75). 2005.
15. Звягин С. А. Судебно-бухгалтерская экспертиза в системе противодействия экономической преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 131–134.
16. Здоров С. В. Бухгалтерский баланс в анализе финансового состояния предприятия (на примере ООО «Слафт»). Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2020.
17. Извеков С. С. Анализ сведений первичных распорядительных документов, регистров бухгалтерского учета и договоров гражданско-правового характера. Судебно-экономическая экспертиза // Финансовый анализ банковской деятельности: выявление убыточных направлений; интеллектуальный подлог в документах отчетности заемщиков, партнеров : материалы конф. М. : Научно-технический центр Ассоциации российских банков, 2007.
18. Каргозян А. А. Анализ и оценка финансового состояния предприятия (на примере ЗАО «Туапсе-связь»), 2017.
19. Карев А. Г. Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел корыстных преступлений в сфере торговли : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Академия МВД РФ, 1994.
20. Карев А. Г. Подразделения по экономическим преступлениям // Организация работы горрайоргана внутренних дел по предупреждению преступлений / под ред. проф. Э. И. Петрова. М. : Академия МВД России, 1994. Гл. 4. С. 44–60.
21. Карев А. Г., Бааль Е. Г. История, современное состояние и перспективы развития криминологии // Криминология и организация предупреждения преступлений / под ред. проф. Э.И. Петрова : учебное пособие. М. : Академия МВД России, 1995. Гл. 1. С. 339.
22. Криминология : учебник для вузов / под ред. А. Ф. Вольнского. М. : Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

23. Кудрявцев В. Н. Лекции по криминологии. М. : Юрист, 2005. 188 с.

24. Кучубина Т. С. Анализ и оценка экономической эффективности функционирования предприятия мясоперерабатывающей промышленности (на примере ООО «Торес»). Туапсе : филиал РГГУ, 2017.

25. Меньшикова Е. А. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности России и её регионов // Вестник ТОГУ. 2020. № 1. С. 71.

26. Некрылова Н. В. Анализ финансового состояния коммерческой организации: учеб.-метод. пособие / Н. В. Некрылова, А. В. Понукалин, Т. Е. Кузнецова, Л.А. Петрова. Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. С. 7.

27. Польская С. И. Теоретико-методологические аспекты экономических потерь // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. Экономика и управление / Т. 27 (66). 2014. № 1. С. 110–117.

28. Пудовочкин Ю. Е. Концепт «Риск» и проблемы уголовно-правовой науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 4 (79) С. 58–67.

29. Резниченко С. М. Способы фальсификации учетных записей на бухгалтерских счетах, в балансе и приемы их выявления в процессе бухгалтерской экспертизы // Научный журнал КубГАУ, № 104 (10), 2014.

30. Резниченко С.М., Сафонова М.Ф., Швырёва О.И. Современные системы внутреннего контроля: учеб. пособие. Краснодар : Куб ГАУ, 2016. С. 123.

31. Синилов Г. К., Корнева З. И. Применение экономико-правового анализа в деятельности аппаратов БХСС : учебное пособие. М., 1990.

32. Состояние преступности в России за 2021 год: статист. сб. // ФКУ «ГИАЦ МВД России».

33. Тимко С. А. Формы противодействия преступности. Омск : Омская академия МВД России, 2021.

34. Шуйский В. П. Цифровизация экономики России: достижения и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 6. 2020. С. 158–169.

References

1. On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control: Federal Law of the Russian Federation from December 26, 2008 No. 294-FZ // SPS «ConsultantPlus» (accessed 12.04.2022).

2. On the strategy of Economic security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20, article 2902.

3. Abdullina E. R., Belova E. I. Conceptual apparatus: «enterprise», «organization», «institution», «firm», «company» // Scientific and methodological electronic

journal «Concept». 2016. No. 7 (July). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16151.htm> (accessed: 04/10/2022).

4. Avanesov G. A. Criminology : textbook. M. : Unity-Dana, 2012. 575 p.

5. Berezina A.V. Structural analysis of accounting programs // Vector of Science GTU. 210. No. 2. Structural and functional analysis of accounting programs // Vector of Science GTU. 2010. No. 4 (14). P. 288–291.

6. Bubnovskaya T. V. Atmakhova L. D. Comparison of domestic and foreign methods of financial condition assessment // Topical issues of modern economy @avse 2019. Issue 3.

7. Gerasimov B. N. Reforming the security management process of the organization // Economics and Business: theory and practice. 2021. No. 2-1 (72). P. 47–53.

8. Golovin S. D., Gotsev M. V., Karev A. G. Losses in the national economy and the intensification of the fight against them // Ensuring the protection of socialist property in modern conditions. Gorky : Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987. P. 104–111.

9. Golovin S. D., Karev A. G. Problems of improving measures to combat losses in the national economy // State regulation of the market economy: Collection of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. M. : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987. P. 8–15.

10. Dmitrienko T. M. Intellectual meanness in documents as a mechanism of causing damage: a course of lectures // Financial analysis of banking activity: identification of unprofitable areas; intellectual forgery in the reporting documents of borrowers, partners: materials conf. M. : Scientific and Technical Center of the Association of Russian Banks, 2007.

11. Dolgova A. I. Criminology : textbook for higher educational institutions. 3rd ed., M. : NORMA, 2005.

12. Yefremov D. A. On the issue of the legal and criminalistic essence of intellectual forgery // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 1 (120). P. 182–188.

13. Zhidkov D. N., Gorbunova E. Yu. The use of special knowledge in the forensic seizure of digital information generated using software products of 1C LLC // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. P. 60–71.

14. Zvyagin S. A. Veiling and falsification of accounting statements // Accountant and the law. № 3 (75). 2005.

15. Zvyagin S. A. Forensic accounting expertise in the system of countering economic crime // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. P. 131–134.

16. Zdorov S. V. The balance sheet in the analysis of the financial condition of the enterprise (on the example of LLC «Slaft»). Togliatti : Togliatti State University, 2020.

17. Izvekov S. S. Analysis of information of primary administrative documents, accounting registers and contracts of a civil nature. Forensic economic expertise // Financial analysis of banking activity: identification of unprofitable

areas; intellectual forgery in the reporting documents of borrowers, partners : materials of the conf. M. : Scientific and Technical Center of the Association of Russian Banks, 2007.

18. Kargozyan A. A. Analysis and assessment of the financial condition of the enterprise (on the example of JSC «Tuapse-svyaz»), 2017.

19. Karev A. G. Criminological characteristics and prevention by internal affairs bodies of mercenary crimes in the sphere of trade : abstract. dis. ... cand. jurid. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1994.

20. Karev A. G. Divisions on economic crimes // Organization of work of the City Agency of Internal Affairs on crime prevention / edited by prof. E. I. Petrov. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs Russia, 1994. Chapter 4. P. 44–60.

21. Karev A. G., Baal E. G. History, current state and prospects of criminology development // Criminology and organization of crime prevention / edited by prof. E. I. Petrov : textbook. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. Chapter 1. P. 339.

22. Criminalistics : textbook for universities / edited by A. F. Volynsky. M. : Law and Law; UNITY-DANA, 2009.

23. Kudryavtsev V. N. Lectures on criminology. M. : Lawyer, 2005. 188 p.

24. Kuchubina T. S. Analysis and evaluation of the economic efficiency of the functioning of the meat processing industry enterprise (on the example of LLC «Tores»). Tuapse : branch of RSUH, 2017.

25. Menshikova E. A. Economic crime as a threat to the economic security of Russia and its regions // Bulletin of TOGU. 2020. No. 1. P. 71.

26. Nekrylova N. V. Analysis of the financial condition of a commercial organization : textbook.- method. manual / N. V. Nekrylova, A.V. Ponukalin, T. E. Kuznetsova, L. A. Petrova. Penza : Publishing House of PSU, 2017. P. 7.

27. Polskaya S. I. Theoretical and methodological aspects of economic losses // Scientific Notes of the Tauride National University named after V. I. Vernadsky. Ser. Economics and Management / Vol. 27 (66). 2014. № 1. P. 110–117.

28. Pudovochkin Yu. E. The concept of «Risk» and problems of criminal law science // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 26. No. 4 (79). P. 58–67.

29. Reznichenko S. M. Methods of falsification of accounts on accounting accounts, in the balance sheet and methods of their identification in the process of accounting expertise // Scientific journal of KubGAU, No. 104 (10), 2014.

30. Reznichenko S. M., Safonova M. F., Shvyreva O. I. Modern systems of internal control : textbook. stipend. Krasnodar : Kub GAU, 2016. p. 123.

31. Sinilov G. K., Korneva Z. I. Application of economic and legal analysis in the activities of BHSS apparatuses : textbook. M., 1990.

32. The state of crime in Russia for 2021: statistical collection // FKU «GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia».

33. Timko S. A. Forms of countering crime. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

34. Shuisky V. P. Digitalization of the Russian economy: achievements and prospects // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 6. 2020. P. 158–169.

Информация об авторе

А. Г. Карев – кандидат юридических наук.

Information about the author

A. G. Karev – Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-136-141>

ИПОН: 2015-0066-6/22-547

MOSURED: 77/27-011-2022-06-746

Исследование технологий распознавания лиц для идентификации участников несанкционированных публичных мероприятий

Валерий Валентинович Комаров¹, Сахаяна Николаевна Попова², Владимир Алексеевич Ворожейкин³,
Давид Семенович Давидов⁴

^{1, 2, 3, 4} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ 84991912028@mail.ru

³ v.vorozheykin32@bk.ru

⁴ David007-86@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены правовые и технические вопросы идентификации личности при проведении несанкционированных публичных мероприятий.

Ключевые слова: несанкционированные публичные мероприятия, охрана общественного порядка, биометрическая идентификация, нейросети

Для цитирования: Комаров В. В., Попова С. Н., Ворожейкин В. А., Давидов Д. С. Исследование технологий распознавания лиц для идентификации участников несанкционированных публичных мероприятий // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 136–141. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-136-141>.

Original article

Research of facial recognition technologies for identification of participants of unauthorized public events

Valery V. Komarov¹, Sakhayana N. Popova², Vladimir A. Vorozheikin³, David S. Davydov⁴

^{1, 2, 3, 4} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ 84991912028@mail.ru

³ v.vorozheykin32@bk.ru

⁴ David007-86@mail.ru

Abstract. The legal and technical issues of identity identification during unauthorized public events are considered.

Keywords: unauthorized public events, public order protection, biometric identification, neural networks

For citation: Komarov V. V., Popova S. N., Vorozheikin V. A., Davydov D. S. Research of facial recognition technologies for identification of participants of unauthorized public events. Bulletin of economic security. 2022;(6):136–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-136-141>.

С каждым годом общество все больше и больше погружается в автоматизацию множества процессов. Это подтверждает огромное количество примеров, таких, как подача электронных заявлений через государственный портал, использование электронных подписей, банковские онлайн-операции и т. д. С появлением данных процедур остро встал и вопрос удостоверения личности граждан, в частности, с помощью биометрических систем идентификации.

Биометрическая идентификация использует природные свойства пользователя – это отпечаток пальца, голос, структура сетчатки глаза, особенности строения лица и др. В отличие от других методов идентификации (основанных на факторах знания какой-либо инфор-

мации или владения каким-либо идентифицирующим предметом) не возникает проблемы сохранности идентификационной информации, так как каждый человек уникален. Также данный идентификатор почти невозможно передать посторонним лицам.

Биометрическая идентификация нашла огромное применение и в правоохранительной сфере. Для обеспечения общественной безопасности в местах массового скопления людей (аэропорты, метрополитен, стадионы и др.) устанавливаются специальные устройства, способные идентифицировать человека по геометрии лица, по походке. Биометрические системы идентификации – это такие системы, которые требуют предъявления уникальных физических или поведенческих характеристик

© Комаров В. В., Попова С. Н., Ворожейкин В. А., Давидов Д. С., 2022

человека в различных целях [20]. Они бывают разные, исходя из того, под какой природный идентификатор разработаны.

Усиленной версией биометрической идентификации является мультимодальная (комбинированная). При такой идентификации рассматривается не один параметр человека, а сразу несколько (обычно это два). Она считается более надежной в силу того, что будет сложнее подделать несколько человеческих характеристик, нежели один.

Среди всех видов систем биометрической идентификации лиц лишь несколько позволяют различить человека в толпе – это идентификация по чертам лица и по походке.

Министерство внутренних дел Российской Федерации с 2017 года начало сотрудничество с российской компанией NTechLab [12], разработчиком алгоритма сервиса распознавания лиц FindFace [13]. Особенностью работы сверточной сети является то, что она как бы самообучается. Такой метод обучения нейросети называется методом обратного распространения ошибки [16]. Если объяснять простыми словами, то сеть будет первое время делать ошибки, так как будет тыкать вслепую, но со временем она запомнит, где ошибки и больше не будет на них наталкиваться. Исходя из вышеперечисленного становится понятно, что прежде, чем вывести такую сеть «на работу», нужно ее обучить. То есть дать нейросети базу с фотографиями людей и их именами, чтобы она сравнивала фотографии и делала ошибки в лаборатории и постепенно выстраивала правильный алгоритм распознавания лиц (такой метод обучения называется Triplet Loss [17]). Алгоритм кажется простым: создать нейросеть, предоставить ей фотографии, нейросеть обучается, нейросеть готова к работе. Единственная загвоздка в том, где же достать базу данных с фотографиями и подписями к ним. К тому же база должна быть большая, чтобы нейросеть была более «умной». NTechLab в свое время тоже столкнулась с этим вопросом, но ответ пришел быстро – социальные сети. В наше время очень сложно найти человека, у которого бы не было личной страницы в Интернете. У большинства там имеется какая-то краткая информация о себе и, конечно, фотографии. NTechLab решили использовать как базу данных для обучения социальную сеть «ВКонтакте» [18]. NTechLab разработали очень хороший алгоритм, позволяющий с высокой вероятностью распознавать людей. Разработанная ими технология является одной из лучших в мире. Система показала свою высокую эффективность в 2018 году во время Чемпионата Мира по футболу [19]. В 2019 году МВД выложило результаты тестового внедрения систем распознавания лиц в общественных местах (в основном метрополитен и улицы). С помощью камер удалось задержать более 90 правонарушителей. К 2021 году данный показатель приблизился к 900 задержаниям [21].

В последнее время участились незаконные несанкционированные митинги, публичные выступления, ак-

ции, в основном, общественно-политического характера. Все это сильно усложнило работу органов внутренних дел, связанную с идентификацией и задержанием лиц, участвующих в данных мероприятиях.

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России в 2021 году в стране отмечается рост количества несогласованных публичных мероприятий на 28 % (с 2 127 до 2 736). Одновременно практически на треть увеличивается число участников этих акций (+ 27 %, с 112 720 до 143 562), наблюдается более чем 9-ти кратный рост количества граждан, задержанных за различные правонарушения (с 1996 до 21 268) [22].

Внедрение систем распознавания лиц в период проведения публичных мероприятий имеет ряд проблем как с законодательной стороны, так и связанной с работой самих систем.

Системы распознавания лиц работают исправно уже который год и помогают сотрудникам ОВД быстрее и эффективнее задерживать преступников. Но дело усложняется, когда незаконным действием является большое скопление людей, собравшихся для проведения несанкционированных публичных мероприятий. Перед системой стоит задача выборки лиц из толпы и сравнения их с лицами, имеющимися в базе данных. Но проблема в данном случае заключается по большей части не в работе алгоритмов системы, а в содержании базы данных. В биометрических базах данных МВД содержатся сведения только о тех людях, которые уже совершали противоправные деяния. А на митингах, как известно, присутствуют люди, объединенные одними взглядами, позициями, и это обязательно люди, которые раньше нарушали закон.

В нашей стране не существует биометрического банка данных каждого гражданина и это является существенной проблемой в предотвращении противоправных деяний. Но с другой стороны данный процесс по мнению некоторых противоречит конституционным правам и свободам человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, семейной и личной тайны. Данное мнение оправдано, так как известны случаи, как на улице фотографировали прохожих, а затем находили их страницу в социальных сетях и писали им сообщения. Не всем было приятно такое внимание и нарушение личных границ [23].

В конце января 2021 года по России «прокатилась» волна митингов общественно-политического характера [24]. За нарушение установленного порядка организации публичных мероприятий (ст. 20.2 КоАП РФ) было задержано большое количество граждан (см. Приложения 2, 3, 4).

В интервью средствам массовой информации полиция призналась, что в Москве использовалась технология распознавания лиц. По словам сотрудников, система срабатывала на людей, которые неоднократно участвовали в незаконных публичных мероприятиях – их лица были занесены в базу распознавания, по которой ищут

преступников [24]. Вопрос заключается в том, насколько это законно? Ведь, по сути, это сбор биометрических данных без согласия лица.

подавляющее большинство граждан, рассматриваемых событий января 2021 года, были привлечены к административной ответственности по статье 20.2 КоАП (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования).

Вместе с тем, КоАП РФ не регламентирует сбор биометрических данных лиц без согласий, которые перечислены в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [3].

В этой связи полагаем возможным обратиться к законодательству Российской Федерации, регулирующему проведение спортивных мероприятий, так как данные мероприятия также носят массовый характер.

Так, в подпункте 2.1 статьи 20 Федерального закона от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [5] изложено, что идентификация участников спортивного мероприятия является обязательной. Также в пункте 6 Постановления Правительства РФ от 16 декабря 2013 г. № 1156 «Об утверждении правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» [6] отмечено, что на спортивных мероприятиях разрешена идентификация, в том числе и с помощью систем видеонаблюдения, лиц, в отношении которых вступило в законную силу постановление суда об административном запрете на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований. То есть использование биометрических данных людей, которые когда-либо совершали административные правонарушения на официальных спортивных мероприятиях законодательством Российской Федерации разрешено.

Кроме того, регламентирована работа по ведению МВД России базы данных на лиц, имеющих административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения на срок от одного года до семи лет. На наш взгляд, данные меры административной ответственности представляются полными и сбалансированными.

Исходя из вышеизложенных суждений, можно прийти к выводу о возможности внесения изменений в Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [4] аналогичных изменений и дополнений. Так, полагаем целесообразным дополнить пункт 1 статьи 13 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ подпунктом 3 следующего содержания:

3) производить сбор и использование биометрических данных участников в зависимости от уровня проведения публичного мероприятия.

Кроме того внести дополнения в часть 2 статьи 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», в части «Обработка биометрических персональных данных может осуществ-

ляться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией..., а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности о публичных мероприятиях...».

Такие дополнения позволят на законном основании производить идентификацию граждан, в том числе с помощью систем видеонаблюдения, при посещении ими публичных мероприятий, собирать и обрабатывать без согласия субъекта персональных данных его биометрические персональные данные, если он является участником публичного мероприятия.

Дополнительно необходимо отметить проблемные вопросы возникающие при рассмотрении дел об административных правонарушениях в отношении участников несогласованных публичных мероприятий.

В настоящее время сложилась практика прекращения судом дел об административных правонарушениях в отношении участников несогласованных публичных мероприятий, если они не нарушали установленных законодательством запретов, поскольку ни Федеральный закон № 54-ФЗ, ни КоАП не содержат прямого запрета на участие в несогласованном публичном мероприятии.

В целях исключения фактов уклонения от ответственности участников несогласованных публичных мероприятий, не допускающих нарушения обязанностей, установленных Федеральным законом № 54-ФЗ, а также повышения эффективности профилактического воздействия на правонарушителей предлагаем внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях следующие изменения в части 5 статьи 20.2 (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования):

В абзаце первом после слов «или пикетирования» дополнить словами «а равно участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях»;

В абзаце втором после слов «сорока часов» дополнить словами «или административный арест на срок до десяти суток».

Считаем, что указанные дополнения и изменения действующего законодательства, регламентирующего проведение публичных мероприятий, позволят повысить эффективность профилактического воздействия на граждан, облегчить сотрудникам органов внутренних дел процесс привлечения к ответственности участников несогласованных публичных мероприятий.

Одной из распространенных проблем систем биометрической идентификации, а конкретно систем, распознающих лица, заключается в возможности ошибки систем. Данные ошибки делят на два класса [25]:

1) ошибки 1-го рода – это когда человека нет в нашей базе, но система опознает его как человека присутствующего в базе (FAR – false access rate);

2) ошибки 2-го рода – когда человек есть в базе, но система его не опознает (FRR – false reject rate).

Производители могут сами публиковать ошибки, но к таким данным может отсутствовать доверие в силу того, что широкая публика не знает каким образом система тестировалась на ошибки и тестировалась ли вообще.

Ошибки системы можно установить по известным базам, но опять же неизвестно будет тестировала ли уже компания по этой доступной базе данных. Результаты проверки могут быть очень высокие, но в реальном мире система может выдать кучу ошибок.

Вследствие таких случаев известным американским институтом стандартов и технологий (NIST) [26] была разработана независимая система тестирования алгоритмов компаний по биометрическим технологиям. И на данный момент они являются самым надежным источником.

Ошибки 2-го рода, в основном, связаны с качеством алгоритмов распознавания и/или качеством входных данных. А ошибки 1-го рода, как правило, возникают вследствие атаки подделки, когда фальсифицируется биометрический параметр, используемая в алгоритмах. Например, трехмерная маска лица другого человека.

Еще одной проблемой, связанной с распознаванием лиц в толпе могут быть различные технологии по замене исходного изображения или видеоряда. Государству и компаниям необходимо принять во внимание возникновение таких технологий как deepfakes [27]. Злоумышленники могут подделать видео с участием несуществующих людей или же людей, чье присутствие на массовых мероприятиях было бы выгодно.

Сбор и обработка биометрических данных с помощью технологий – это очень современный процесс, который облегчил выполнение многих задач во многих сферах жизнедеятельности людей:

- обеспечил высокую безопасность в системах защиты;
- облегчил работу правоохранительных органов по розыску преступников;
- облегчил задачу по поддержанию безопасности в общественных местах и т. д.

Для решения проблемных вопросов в нормативном правовом регулировании публичного права Российской Федерации предлагаем:

1) Дополнить пункт 1 статьи 13 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ (Права и обязанности уполномоченного представителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления) подпунктом 3 следующего содержания: «производить сбор и использование биометрических данных участников в зависимости от уровня проведения публичного мероприятия».

2) Внести дополнения в часть 2 статьи 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и изложить его в следующей редакции:

«2. *Обработка биометрических персональных данных может осуществляться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией международных*

договоров Российской Федерации о реадмиссии, в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации ФЗ «Об обороне», «О безопасности», «О противодействии терроризму», «О транспортной безопасности», «О противодействии коррупции», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О государственной службе», «О противодействии экстремистской деятельности», уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о публичных мероприятиях, о нотариате».

3) Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях следующие изменения в части 5 статьи 20.2 (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования):

В абзаце первом после слов «или пикетирования» дополнить словами «а равно участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетированиях»;

В абзаце втором после слов «сорока часов» дополнить словами «или административный арест на срок до десяти суток».

По нашему мнению, указанные выше изменения в законодательстве Российской Федерации позволят решить проблемные вопросы, возникающие в ходе проведения несогласованных публичных мероприятий.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. 04.07.2020) // Российская газета от 25.12.1993 г. № 237.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 01.03.2021) // Российская газета от 29.07.2006 г. № 165.
4. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Российская газета от 23.06.2004 г. № 0 (3508).
5. Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета от 08.12.2007 г. № 0 (4539).
6. Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2013 г. № 1156 «Об утверждении правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» // Российская газета от 19.12.2013 г. № 286 (6262).

7. Болл Р. М., Коннел Дж. Х., Панканти Ш., Ратха Н. К., Сеньор Э. У. Руководство по биометрии. М. : Техносфера, 2007. С. 23. 368 с. ISBN 978-5-94836-109-3.
8. Пчеловодова Н. Российский биометрический рынок в 2019–2022 годах // Системы безопасности. № 2 (146), 2019. С. 88.
9. Шумилин В. П., Паньков С. Л. Применение биометрического метода распознавания лица в правоохранительных органах // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. № 4 (81), 2019. С. 183–184.
10. Бертильон, Альфонс // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
11. Юрген Торвальд. Сто лет криминалистики. М., Издательство «Прогресс», 1974. С. 440.
12. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/success-stories/dit/](https://ntechlab.com/ru/success-stories/dit/).
13. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/about/](https://ntechlab.com/ru/about/).
14. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/blog/otsenka-kachestva-algoritmov-raspoznavaniya-lits/](https://ntechlab.com/ru/blog/otsenka-kachestva-algoritmov-raspoznavaniya-lits/).
15. URL: [URL: https://postnauka.ru/video/66872](https://postnauka.ru/video/66872).
16. URL: [URL: https://habr.com/ru/company/otus/blog/483466/](https://habr.com/ru/company/otus/blog/483466/).
17. Uzhinskiy A. V., Ososkov G. A., Goncharov P. V., Nechaevskiy A. V., Smetanin A. A. One-shot learning with triplet loss for vegetation classification tasks // КО. 2021. № 4. URL: [URL: https://cyberleninka.ru/article/n/one-shot-learning-with-triplet-loss-for-vegetation-classification-tasks](https://cyberleninka.ru/article/n/one-shot-learning-with-triplet-loss-for-vegetation-classification-tasks).
18. URL: [URL: https://www.the-village.ru/city/stories/331647-superpower-findface](https://www.the-village.ru/city/stories/331647-superpower-findface).
19. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/success-stories/fifa/](https://ntechlab.com/ru/success-stories/fifa/).
20. URL: [URL: http://www.techportal.ru/glossary/biometri-cheskaya_identifikaciya.html](http://www.techportal.ru/glossary/biometri-cheskaya_identifikaciya.html).
21. URL: [URL: https://habr.com/ru/post/553448/](https://habr.com/ru/post/553448/).
22. URL: [URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/](https://мвд.рф/reports/item/28021552/).
23. URL: [URL: https://www.kaspersky.ru/blog/findface-experiment/11671/](https://www.kaspersky.ru/blog/findface-experiment/11671/).
24. URL: [URL: https://www.rbc.ru/society/03/02/2021/601a703f9a794781e449fe8a](https://www.rbc.ru/society/03/02/2021/601a703f9a794781e449fe8a).
25. URL: [URL: https://guardinfo.online/2018/09/18/pravda-i-lozh-sistem-raspoznavaniya-lic/](https://guardinfo.online/2018/09/18/pravda-i-lozh-sistem-raspoznavaniya-lic/).
26. URL: [URL: https://pages.nist.gov/frvt/reports/facemask/frvt_facemask_report_6b.pdf](https://pages.nist.gov/frvt/reports/facemask/frvt_facemask_report_6b.pdf).
27. URL: [URL: https://www.securitylab.ru/news/518542.php](https://www.securitylab.ru/news/518542.php).
4. Federal Law No. 54-FZ of June 19, 2004 «On Meetings, Rallies, demonstrations, Processions and Picketing» // Rossiyskaya Gazeta No. 0 (3508) of 23.06.2004.
5. Federal Law of December 04, 2007 No. 329-FZ «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta No. 0 (4539) dated 08.12.2007.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 16, 2013 No. 1156 «On approval of the rules of behavior of spectators during official sports competitions» // Rossiyskaya Gazeta of December 19, 2013 No. 286 (6262).
7. Ball R. M., Connell J. H., Pankanti S., Ratha N. K., Senior E. U. Guide to Biometrics. M. : Technosphere, 2007. P. 23. 368 p. 978-5-94836-109-3.
8. Pchelovodova N. The Russian biometric market in 2019-2022 // Security systems. No. 2 (146), 2019. P. 88.
9. Shumilin V. P., Pankov S. L. Application of the biometric method of face recognition in law enforcement agencies // Scientific Bulletin of the Orel Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. No. 4 (81), 2019. pp. 183-184.
10. Bertillon, Alphonse // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 t. (82 t. and 4 add.). SPb., 1890–1907.
11. Jurgen Thorvald. One hundred years of criminalistics. M., Progress Publishing House, 1974. P. 440.
12. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/success-stories/dit/](https://ntechlab.com/ru/success-stories/dit/).
13. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/about/](https://ntechlab.com/ru/about/).
14. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/blog/otsenka-kachestva-algoritmov-raspoznavaniya-lits/](https://ntechlab.com/ru/blog/otsenka-kachestva-algoritmov-raspoznavaniya-lits/).
15. URL: [URL: https://postnauka.ru/video/66872](https://postnauka.ru/video/66872).
16. URL: [URL: https://habr.com/ru/company/otus/blog/483466/](https://habr.com/ru/company/otus/blog/483466/).
17. Uzhinskiy A. V., Ososkov G. A., Goncharov P. V., Nechaevskiy A. V., Smetanin A. A. One-shot learning with triplet loss for vegetation classification tasks // КО. 2021. № 4. URL: [URL: https://cyberleninka.ru/article/n/one-shot-learning-with-triplet-loss-for-vegetation-classification-tasks](https://cyberleninka.ru/article/n/one-shot-learning-with-triplet-loss-for-vegetation-classification-tasks).
18. URL: [URL: https://www.the-village.ru/city/stories/331647-superpower-findface](https://www.the-village.ru/city/stories/331647-superpower-findface).
19. URL: [URL: https://ntechlab.com/ru/success-stories/fifa/](https://ntechlab.com/ru/success-stories/fifa/).
20. URL: [URL: http://www.techportal.ru/glossary/biometri-cheskaya_identifikaciya.html](http://www.techportal.ru/glossary/biometri-cheskaya_identifikaciya.html).
21. URL: [URL: https://habr.com/ru/post/553448/](https://habr.com/ru/post/553448/).
22. URL: [URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/](https://мвд.рф/reports/item/28021552/).
23. URL: [URL: https://www.kaspersky.ru/blog/findface-experiment/11671/](https://www.kaspersky.ru/blog/findface-experiment/11671/).
24. URL: [URL: https://www.rbc.ru/society/03/02/2021/601a703f9a794781e449fe8a](https://www.rbc.ru/society/03/02/2021/601a703f9a794781e449fe8a).
25. URL: [URL: https://guardinfo.online/2018/09/18/pravda-i-lozh-sistem-raspoznavaniya-lic/](https://guardinfo.online/2018/09/18/pravda-i-lozh-sistem-raspoznavaniya-lic/).
26. URL: [URL: https://pages.nist.gov/frvt/reports/facemask/frvt_facemask_report_6b.pdf](https://pages.nist.gov/frvt/reports/facemask/frvt_facemask_report_6b.pdf).
27. URL: [URL: https://www.securitylab.ru/news/518542.php](https://www.securitylab.ru/news/518542.php).

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (ed. 04.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta of December 25.1993 No. 237.
2. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (ed. of December 30.2021) // The Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
3. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 «On Personal Data» (ed. of 01.03.2021) // Rossiyskaya Gazeta No. 165 of July 29, 2006.

Информация об авторах

В. В. Комаров – доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

С. Н. Попова – курсант 4 курса Факультета подготовки специалистов в области информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

В. А. Ворожейкин – заместитель начальника курса Факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Д. С. Давидов – доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. V. Komarov – Associate Professor of the Department of Activities of Internal Affairs Bodies in special conditions of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

S. N. Popova – Cadet of the 4th year of the Faculty of Training specialists in the field of information security of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

V. A. Vorozheikin – Deputy Head of the course Faculty of Staff Training for Operational Police Units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

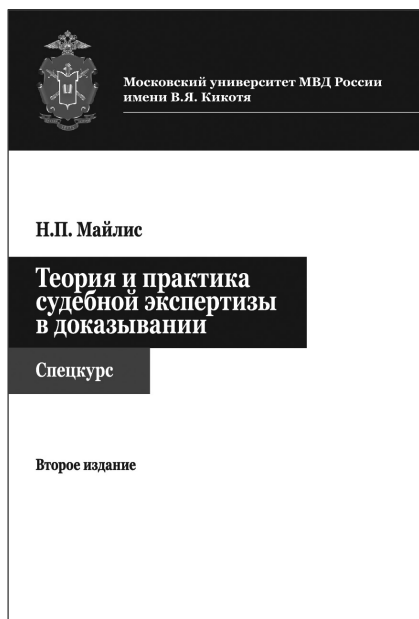
D. S. Davydov – Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 22.12.2022.

Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Майлис Н. П. 255 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-142-145>

ИДОН: 2015-0066-6/22-548

MOSURED: 77/27-011-2022-06-747

Проект нового федерального закона о местном самоуправлении: трансформация демократии в бюрократию

Анатолий Михайлович Кононов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, a.kononov@bk.ru

Аннотация. Высказываются авторские соображения на сущность, роль и проблемы функционирования местного самоуправления в системе публичной власти современного российского государства. Анализу подвергается проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Ключевые слова: публичная власть, муниципальная власть, местное самоуправление, вопросы местного значения, законопроект, юридическая техника

Для цитирования: Кононов А. М. Проект нового федерального закона о местном самоуправлении: трансформация демократии в бюрократию // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 142–145. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-142-145>.

Original article

Draft of a new federal law on local self-government: transformation of democracy into bureaucracy

Anatoly M. Kononov

Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

a.kononov@bk.ru

Abstract. The author's considerations on the essence, role and problems of functioning of local self-government in the system of public power of the modern Russian state are expressed in the article. The draft Federal Law № 40361-8 «On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority» is being analyzed.

Keywords: public power, municipal power, local self-government, issues of local importance, draft law, legal technique

For citation: Kononov A. M. Draft of a new federal law on local self-government: transformation of democracy into bureaucracy. Bulletin of economic security. 2022;(6):142–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-142-145>.

Через год в России будет отмечаться достаточно значимая дата – Основному Закону нашей страны исполнится 30 лет! Много это или мало? В исторической ретроспективе – мгновение, но в новейшей истории российского государства достаточный срок для осмысления реальности ряда закрепленных в Конституции РФ положений и оценки, вызванных ими фрустраций, которые невольно имеют место в нашей действительности.

Конституция РФ закрепила основы конституционного строя, которые, как известно, характеризуются формой правления (республика), формой государственного устройства (федерация) и провозглашенным демократическим политическим режимом.

Таким режимом, при котором народ признается источником власти, граждане обладают равными политическими правами и свободами, позволяющими им реально участвовать в управлении государством и обществом непосредственно или через своих представителей, а политические решения принимаются в соответствии с волей большинства.

Можно долго оценивать плюсы и минусы демократии как формы государства. И как тут не вспомнить меткое выражение У. Черчиля, о том, что «демократия – худшая форма правления, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени» [1]. Поэтому, не вдаваясь в многообразие аспектов, характеризующих элементы данного режима, акцентирую внимание на не-

отъемлемой составляющей любого современного демократического государства – в той или иной форме организованной **системы местного самоуправления**.

Известный политолог, экономист профессор Винсент Остром рассуждая о возможностях участия граждан в процессе принятия решения в демократическом обществе, основанном на принципах демократии задавался вопросами: Способны ли граждане сами управлять собой? Каковы возможности, содержание и пределы самоуправления в современном государстве? [2, с. 65–66].

Опыт большинства демократических государств, указывал на то, что на многие из этих вопросов уже найдены обоснованные ответы. Это позволило нам в 1993 году сформулировать и закрепить в Конституции РФ важнейшие положения, определяющие основные контуры местного самоуправления в Российской Федерации.

Местное самоуправление в России это одна форм реализации принадлежащей народу власти. Согласно статье 12 Конституции РФ в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Этим положениям в целом соответствовали федеральные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 и 2003 годов. Хотя, справедливости ради надо отметить, что все последующие годы работа по оптимизации муниципального законодательства продолжалась: за время действия закона № 131-ФЗ в него 195 раз вносились различные изменения. К сожалению, они не были направлены на укрепление финансовой самостоятельности местного самоуправления, усиления правовых и экономических гарантий самостоятельности муниципальной власти.

Не решаемость этих ключевых вопросов местного самоуправления фактически дезавуировала закрепленные в Конституции РФ положения. Взятый в начале 2000-х годов внутривластный курс на «укрепление вертикали власти», пошел по пути ослабления власти муниципальной. Бюджетное и налоговое законодательство Российской Федерации не позволили сформировать экономическую основу местного самоуправления, без которой бессмысленно было ожидать от муниципальной власти какой-либо эффективности в решении вопросов местного значения, коими так щедро федеральные законодатели наделили население. Сегодня 80 % муниципальных образований имеют дефицитный местный бюджет и обречены быть просителями различных дотаций и субвенций из бюджетов других уровней.

В условиях экономической зависимости местное самоуправление фактически лишилось и своей продекларированной в законе организационной самостоятельности. Выборы глав муниципальных образований и депутатов представительных органов местного само-

управления в большинстве случаев превратились в формальность, о чем говорит крайне низкий процент явки избирателей. И, самое печальное, население (то, которое в 90-х годах прошлого столетия готово было активно участвовать в решении вопросов местного значения), утратило веру в идеи и возможности местного самоуправления в России.

Но, если сегодня еще и сохраняется некая иллюзия муниципальной власти в Российской Федерации, то в уже в ближайшем будущем мы сможем стать свидетелями окончательного заката местного самоуправления (в его истинном, а не бутафорском понимании) в современной истории российского государства.

Изменения, которые внесены в Конституцию РФ в 2020 г., затронули и местное самоуправление. Теперь конституционно декларируется единство государственной и муниципальной власти: органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (ст. 132, ч. 3). Ограничена самостоятельность населения в вопросах определения структуры органов местного самоуправления. Установлено, что органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом (ст. 131, ч. 1.1). Из перечня упомянутых в Конституции РФ полномочий местного самоуправления изъято осуществление охраны общественного порядка, при этом закреплено, что органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают доступность медицинской помощи (ст. 132, ч. 1).

Безусловно, названные конституционные изменения должны повлечь за собой изменения в муниципальном законодательстве. Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный на рассмотрение в Государственной Думе Федерального Собрания РФ сенатором Российской Федерации А. А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым, в этом смысле был ожидаемым. Но, то, что содержит данный законопроект, вызывает удивление и, мягко говоря, непонимание.

Складывается впечатление, что уважаемые мною авторы данного законопроекта решили не просто отказать от всякой преемственности, а полностью демонтировать сложившуюся модель местного самоуправления.

Прежде всего, это касается отказа от закрепленных в законодательстве устоявшихся в юридическом обороте и муниципальной практике терминов и понятий, большинство из которых в проекте получили новое смысловое наполнение.

Так, само понятие «местное самоуправление» из формы осуществления народом своей власти низведено до формы самоорганизации граждан. При этом проигнорировано, что термин «самоорганизация граждан» в действующем законодательстве используется для раскрытия сущности территориального общественного самоуправления.

Кроме того, такое понимание сущности местного самоуправления, противоречит идеи авторов законопроекта отказаться от «поселенческого принципа» в территориальной организации местного самоуправления, перейти от двухуровневой системы местного самоуправления к одноуровневой, сосредоточив всю муниципальную власть во втором – верхнем уровне в городском и муниципальном округах, внутригородских муниципальных образованиях (внутригородских территориях города федерального значения).

На самом же деле именно на уровне сельских, городских поселений по-настоящему возможна организация самоуправления, сутью которого является самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

С учетом иных предусмотренных проектом закона новелл, суть которых в кардинальном уменьшении степени самостоятельности органов местного самоуправления, сужения круга полномочий в решении вопросов местного значения и признании ведущей роли органов государственной власти субъекта РФ в этом процессе, фактически предлагается закрепить под названием местное самоуправление государственное управление на местах. На лицо превращение местного самоуправления как института демократии в институт бюрократии, под которой, как известно, понимается система управления, осуществляемая с помощью аппарата, стоящего над обществом.

Еще один принципиальный вопрос – это круг вопросов, отнесенных к непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения (вопросов местного значения). Как такового перечня таких вопросов проект не содержит. Однако в соответствии со статьей 23 проекта закона устанавливаются полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые предлагается разделить на обязательно возлагаемые на органы местного самоуправления (27 полномочий), и не обязательные, так называемые, перераспределенные полномочия и соответствующие им вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (еще 28). Последние в случае не отнесения полномочий по их исполнению к органам местного самоуправления подлежат исполнению органами государственной власти субъекта РФ.

В этой связи не ясна логика авторов законопроекта по отнесению тех или иных вопросов непосред-

ственного обеспечения жизнедеятельности населения к обязательным или необязательным для исполнения полномочиям органов местного самоуправления. Порой такое распределение противоречит действующему законодательству. Например, полномочие по оказанию поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин отнесено к группе полномочий, которые могут быть перераспределены. Однако, Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» однозначно устанавливает, что эти полномочия относятся к полномочиям органов местного самоуправления.

Аналогичная ситуация и с полномочиями органов местного самоуправления в области гражданской обороны. Законопроект относит организацию и осуществление мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории муниципального образования от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера к перераспределяемым полномочиям. В то время как, Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» содержит исчерпывающий перечень полномочий в этой области, самостоятельно реализуемых органами местного самоуправления, и не предусматривает их передачу органам государственной власти субъектов РФ, которые указанным законом наделены собственными полномочиями.

В завершении нельзя не отметить в целом не высокое качество самого текста рассматриваемого законопроекта. В связи с чем, категорически не согласен с заключением Комитета Государственной Думы Российской Федерации по региональной политике и местному самоуправлению, в котором отмечено, что «в целом текст законопроекта отличается хорошей юридической техникой, определенным учетом предшествующей практики формирования правовых институтов, составляющих в своей системной взаимосвязи модель местного самоуправления Российской Федерации».

На самом деле в представленном для обсуждения варианте имеют место нарушения практически всех требований нормотворческой техники. Предлагаемый закон плохо структурирован, расположение ряда норм нелогично, не всегда выдерживается краткость и точность изложения нормативных правовых предписаний. Не обеспечено единство терминологии в законодательстве, единообразии и однозначности терминов, используемых в законопроекте. Отсутствие раздела, в котором содержались бы определения используемых терминов, затрудняет работу с законопроектом. Стиль изложения некоторых норм выходит за рамки общепринятого законодательного языка и больше подходит к административно-канцелярскому стилю ведомственной инструкции. Думаю, что критическая оценка уровня учета предшествующей практики формирования правовых институтов и их взаимосвязи с муниципальным законодательстве изложена мною выше.

Список источников

1. Winston S. Churchill. Parliament Bill. HC Deb 11 November 1947 vol. 444 P. 203–321 (англ.). Commons and Lords Hansard (11 November 1947).
2. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество : пер. с англ. / Предисл. А. Оболонского. М. : «Арена», 1993.

References

1. Winston S. Churchill. Parliament Bill. HC Deb 11 November 1947 vol. 444. P. 203–321 (англ.). Commons and Lords Hansard (11 November 1947).
2. Ostrom V. The meaning of American Federalism. What is a self-governing society: translated from English / Preface by A. Obolonsky. M. : «Arena», 1993.

Информация об авторе

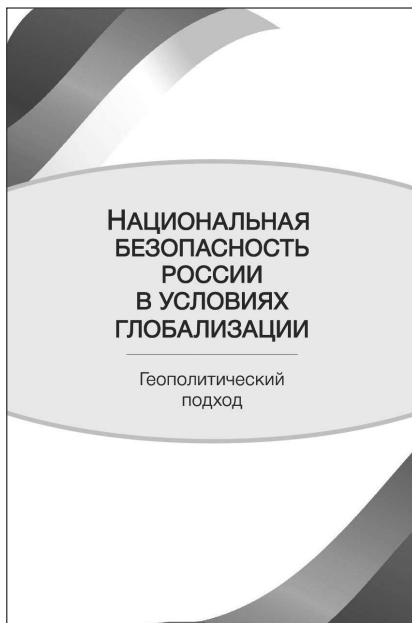
А. М. Кононов – главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A. M. Kononov – Chief Researcher of the Scientific Research Centre of the Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-146-150>

ИПОН: 2015-0066-6/22-549

MOSURED: 77/27-011-2022-06-748

Особенности структуры личности преступника, совершающего насильственные деяния в следственном изоляторе

Сергей Владимирович Кривошеев¹, Станислав Иванович Кириллов²

¹ Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия, 9262625339@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Настоящее исследование посвящено вопросам изучения некоторых элементов структуры личности преступника, совершающего насильственное преступление в условиях следственного изолятора. Исследование проводилось в период с 2003 года по 2021 год в различных субъектах РФ (г. Москва, Московская область, Рязанская область, Мурманская область, Смоленская область, Р. Калмыкия).

Ключевые слова: личность преступника, следственный изолятор, насильственное преступление

Для цитирования: Кривошеев С. В., Кириллов С. И. Особенности структуры личности преступника, совершающего насильственные деяния в следственном изоляторе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 146–150. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-146-150>.

Original article

Features of the personality structure of a criminal who commits violent acts in a pre-trial detention center

Sergey V. Krivosheev¹, Stanislav I. Kirillov²

¹ Moscow University of S. Yu. Witte, Moscow, Russia, 9262625339@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The present study is devoted to the study of some elements of the personality structure of a criminal who commits a violent crime in a pre-trial detention facility. The study was conducted in the period from 2003 to 2021 in various subjects of the Russian Federation (Moscow, Moscow region, Ryazan region, Murmansk region, Smolensk region, Kalmykia River).

Keywords: identity of the criminal, detention center, violent crime

For citation: Krivosheev S. V., Kirillov S. I. Features of the personality structure of a criminal who commits violent acts in a pre-trial detention center. Bulletin of economic security. 2022;(6):146–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-146-150>.

Исследование феномена криминального насилия, проявляемого в специфических условиях следственного изолятора при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу или наказания в виде лишения свободы, является, несомненно, актуальным, ибо, несмотря на все предпринимаемые в последние годы меры со стороны различных государственных органов, общественных организаций, побороть данное негативное явление весьма сложно. Лица, содержащиеся под стражей, используют насилие в различных ситуациях, различных местах в условиях следственного изолятора с различными целями, мотивами, приискивая при этом различные средства. При этом, несомненно, центральным элементом исследования является лич-

ность преступника, совершающего противоправное деяние.

«Важным этапом познания личности преступника является изучение ее структуры. В ней отражается не только разнообразие образующих ее признаков, но и их различная роль в этиологии преступного поведения. Структура личности преступника включает следующие составляющие ее подструктуры (признаки): биофизиологические, социально-демографические и социально-ролевые, нравственно-психологические, уголовно-правовые и криминологические» [1, с. 84].

Данную позицию разделяют и другие авторы: «Традиционно в структуре личности выделяют социально-демографический, нравственно-психологический, пра-

човой, криминологический и биологический элементы» [2, с. 247].

Проведенное нами исследование свидетельствует, что в СИЗО насильственные преступления лицами в возрасте от 14 до 17 лет совершаются довольно редко (0,1 %). Данный факт объясняется тем, что основная масса лиц, содержащихся в СИЗО, – это лица, достигшие 18-летнего возраста (99,9 %), а органы следствия в последнее время стараются избирать несовершеннолетним более мягкие меры пресечения с целью, чтобы ребенок находился под присмотром родителей, а не под стражей, где его личность будет формироваться в большинстве своем на криминальных традициях и обычаях. Так, за последние годы достаточно значительно уменьшилось количество несовершеннолетних, содержащихся под стражей: в 2008 году их было 4 444, а в 2021 – 822 человека.

Лица, содержащиеся под стражей в возрасте 18–24 лет, обладают достаточно большой криминогенностью при совершении насильственных преступлений. В результате проведенного исследования было установлено, что лица в данной возрастной категории совершают преступление в 26 % случаев. Представители данной категории обладают небольшим самостоятельным опытом жизни, тем более криминальны, пытаются быстро завоевать авторитет, в том числе путем применения насилия.

Криминогенной активностью обладают и лица в возрасте 25–29 лет. В данном возрасте, как правило, в основном завершается формирование и становление личности. Они совершают 28 % насильственных преступлений. На наш взгляд, это обусловлено тем, что человек, совершая насильственное преступление, стремится «заработать» себе в СИЗО высокий криминальный социальный статус среди других лиц с расчетом на то, что это облегчит жизнь в исправительной колонии. В следственных изоляторах криминогенная активность остается довольно высокой в возрасте 30–39 лет – 30 % и снижается только в возрасте 40–49 лет и далее. Так, на возраст 40–49 лет приходится 12 % преступлений, а в возрасте 50 лет и старше совершается 4 % из числа совершаемых в условиях следственного изолятора преступлений с применением насилия.

Лицо в возрасте (30–49 лет), совершающее насильственное преступление в условиях следственного изолятора СИЗО, как правило, уже неоднократно судимо, основную часть жизни оно провело в местах лишения свободы, и очередное осуждение за преступление его хотя и страшит, но приходится идти на его совершение, ибо необходимо придерживаться традиций данного социума.

К совершению физического и психического насилия в период содержания под стражей склонны не только мужчины, но и женщины. Так, на долю женщин приходится около 5 % от всех насильственных преступлений, совершенных в следственных изоляторах. Небольшой удельный вес объясняется в первую очередь

малочисленностью данной категории подозреваемых и обвиняемых – 8,8 %, но и меньшей криминогенностью женщин и склонностью решать конфликты насильственным способом. Несмотря на небольшой удельный вес такого показателя, насильственные деяния, совершаемые женщинами имеют высокую степень общественной опасности, они отличаются особой жестокостью и ухищрениями в выборе средств и способов совершения преступления. Чаще всего их мотивами являются месть или ревность, а так же зависть.

Необходимо отметить, что изучение женской преступности в местах содержания под стражей требует особого подхода. У женщины в жизни важное место занимает институт семьи и брака. Если женщина до водворения в СИЗО состояла в браке и имела детей, то она очень болезненно переживает этот разрыв и на этой почве может совершить насильственное преступление. Это может привести и к разрыву брачных отношений, что тоже негативно сказывается на женской психике. Если же женщина не состояла в законном браке, то она расценивает время содержания под стражей как время упущенное, и это может способствовать «тюремной» переписке с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными мужского пола или «совместному проживанию» с женщиной. При этом женщина, выполняющая роль мужчины, нередко «сожительствует» с несколькими женщинами, что может послужить возникновению криминогенных конфликтов из мести или ревности.

Вообще, наличие вновь созданной или отсутствие семьи имеет определенное криминологическое значение, в первом случае – это сдерживающий фактор, во втором – криминогенный или нейтральный.

В процессе проведения исследования было установлено, что большинство – 57 % подозреваемых, обвиняемых, содержащихся в местах содержания под стражей, не имели семейных связей (жены, мужа). При этом в браке из числа лиц, содержащихся под стражей, состояло только 27 %. Развелись в процессе содержания под стражей 13 % из числа совершивших насильственное преступление. Вступили в брачные отношения в условиях следственного изолятора 3 %.

В следственных изоляторах существует определенная тенденция к формированию семьи, особенно у мужчин. Это объясняется, порой, определенной корыстной целью – возможность в будущем, если судом будет назначено наказание в виде лишения свободы, реализовать свое право на проведение длительных свиданий с женой, возможностью получать от нее дополнительные посылки и передачи, а так же обустройства после освобождения, для этого стараются выбирать себе супругу материально обеспеченную. При этом, что стоит отметить, несмотря на корыстный мотив бракосочетания, это все равно является некоторым положительным фактором не только в профилактике насильственных преступлений в условиях следственного изолятора, но и формировании личности в целом.

Существует некоторая особенность между мужчинами, содержащимися под стражей и женщинами, которые напротив чаще разводятся когда попадают в места заключения, и очень редко вступают в брак в период содержания под стражей. Так, по данным нашего исследования только 0,3 % женщин в период содержания под стражей заключали брак. Утрата семейных ценностей может послужить причиной как суицидального поведения, так и агрессии в отношении других лиц, содержащихся под стражей, так и персонала учреждения.

Свои особенности имеются и в социальном положении лиц, совершающих насильственные преступления в период содержания под стражей.

Анализ изученных данных указывает на то, что среди них преобладают рабочие занятые преимущественно неквалифицированным трудом (42 %), а также безработные (41 %). Это объясняется тем, что среди лиц, содержащихся под стражей, большинство составляют ранее судимые, которые до осуждения и помещения под стражу нигде не работали и не учились, вели бездомный образ жизни, злоупотребляли спиртными напитками, а некоторые из них приобрели первый трудовой опыт только в местах лишения свободы.

В условиях СИЗО у данных лиц часто обостряются некоторые заболевания психики, например, «белая горячка» вследствие длительного употребления спиртных напитков. В результате своего неадекватного поведения в камере это может спровоцировать совершение насильственного преступления.

Свои особенности имеют и лица молодежного возраста, которые до заключения под стражу вели антиобщественный образ жизни, и многие из них придерживались криминальных идей и взглядов, стремились попасть в места лишения свободы, желая «сделать карьеру» в преступном мире. В связи с этим (что отражается и в статистических данных) вероятность совершения данными лицами насильственного преступления во время нахождения в СИЗО очень велика. Одной из причин желания лиц молодежного возраста придерживаться криминальных идей, традиций является, на наш взгляд, широкое освещение и даже, в некоторых случаях, пропаганда в средствах массовой информации криминальной субкультуры, безнаказанной и «счастливой» преступной жизни.

Отличительной чертой проявления насилия между ИК и СИЗО (ПФРСИ) является и то, что преступление в исправительной колонии совершается или в жилой (51,1 %), или в производственной зоне (48,9 %), в то время как в местах содержания под стражей насильственные преступления преимущественно совершаются в камерных помещениях, а также в помещении прогулочных дворов, банно-прачечного комбината, где большую часть времени проводят подозреваемые, обвиняемые, осужденные. Во время работы совершение преступления возможно только в отряде по хозяйственному обслуживанию. Таким образом в СИЗО насильственные преступления совершаются преимущественно лицами, не

занятыми трудом в данный период и поэтому организованное привлечение их к труду должно способствовать профилактике таких деяний.

Определенное влияние на совершение насильственных преступлений в период содержания под стражей оказывает длительность периода исполнения данной меры пресечения. В результате исследования было установлено, что существует прямая зависимость между сроком содержания под стражей и нарушениями режима содержания, совершаемыми лицом в СИЗО.

Так, меньше всего взысканий налагалось на лиц, находящихся в следственных изоляторах до 1 месяца включительно (2,9 %), что непосредственно связано с непродолжительным сроком их пребывания в данном учреждении [3, с. 87].

Несмотря на то, что представленные данные относятся к двадцатилетней давности, они в полной мере отражают специфику влияния на личность длительности периода содержания под стражей. И хотя средний срок содержания под стражей за эти годы уменьшился, однако все равно это оказывает огромное негативное влияние на поведение человека.

В результате исследования нами было установлено, что больше всего насильственных преступлений совершается лицами, содержащимися в СИЗО, в период от 3 мес. до одного года – 62 %. В этот же период наблюдается и наибольший рост нарушений режима содержания со стороны подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

Существенное влияние на формирование личности преступника, совершающего насильственные преступления в условиях следственного изолятора, оказывает криминальная субкультура.

В следственных изоляторах элементы тюремной субкультуры проявляются наиболее ярко. Лицо, попадающее в данные условия впервые, пытается закрепиться в данной среде, получить определенный социальный статус, изучить соответствующие криминальные традиции и обряды. Их приходится или принимать, или отвергать, тем самым оказывая существенное влияние на свое будущее. Им, за исключением администрации СИЗО, не к кому обратиться за помощью, что однако, не приветствуется другими подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными, поэтому возникающие проблемы зачастую разрешаются с помощью элементов субкультуры.

Исследование показало, что лица применяющие насилие, как способ разрешения конфликтных ситуаций, возникающих в период содержания под стражей, активно поддерживали криминальные обряды и традиции в 58,7 % выявленных случаев, не соблюдали их и относились к ним отрицательно в 10,8 % случаев, в 30,5 % случаев относились к их соблюдению безразлично, но в тоже время старались демонстративно их нарушать.

Надо отметить, что наибольшее количество лиц, склонных к применению насилия в условиях следственного изолятора, а так же нарушающие требования режи-

ма в данных учреждениях, составляют те, кто противоборствует администрации учреждения.

Интересно обратить внимание на оценку своего агрессивного состояния лицами, содержащимися под стражей. Так, 9,5 % лиц, совершающих насилие в условиях следственного изолятора, объясняют свое поведение противоборством администрации, ответной реакцией на незаконные, по их мнению, действия, причем не только сотрудников следственного изолятора, а всех представителей государственных органов, так или иначе причастных к их нахождению под стражей; в 24,7 % случаев лица, содержащиеся под стражей, указывают на негативное влияние самодельных алкогольных напитков, наркотических средств, сильнодействующих лекарственных препаратов; 15,4 % лиц указали на противоправные действия потерпевшего, при этом отмечая нарушение им норм социального общежития, установленного в данном обществе. Так же в 27,3 % случаев причиной насильственного преступления послужило спонтанное поведение лица на сложившуюся ситуацию; многие (13,9 %) указывают, что только с помощью насилия можно установить правоту в условиях содержания под стражей, при этом сохранив свой статус в данных специфических условиях. Иное объяснение присуще 9,2 % лиц, применивших насилие.

Употребление спиртных напитков в среде подозреваемых, обвиняемых, осужденных, находящихся в условиях следственного изолятора, несмотря на режимные требования, не является редкостью. В последние годы в СИЗО возрастает количество лиц, употребляющих наркотические вещества во время содержания под стражей. С 2005 по 2008 гг. включительно изъятие наркотических и психотропных веществ увеличилось вдвое, с 2008 по 2014 годы еще практически в два раза, и только в 2020 году наблюдается небольшое снижение. Следует признать, что наличие их внутри учреждений, активная их доставка, остается достаточно стабильным и опасным криминогенным фактором, оказывающим существенное влияние на агрессивное, насильственное поведение личности.

Наркотические средства, психотропные вещества, сильнодействующие медикаменты, все, что с ними связано (употребление, доставка, хранение, приискание), составляют одну из основ отрицательного поведения лиц, содержащихся под стражей в СИЗО. Употребление данных веществ приводит человека в неадекватное состояние, он не может объективно оценивать реальность и процессы, происходящие вокруг. Таким лицам, присуща повышенная агрессивность и, как следствие, возникают конфликты с сокамерниками, что может привести к совершению насильственного преступления. Если подозреваемый, обвиняемый, осужденный постоянно употреблял или употребляет наркотические вещества и находится от них в зависимости, он не остановится ни перед чем в достижении своей цели – получения очередной «дозы». Данные лица часто совершают тяжкие насильственные преступления

и нередко являются исполнителями чужих преступных намерений.

Отмеченное в полной мере относится и к употреблению алкогольной продукции в исследуемых условиях. Так, в момент совершения преступления 49 % лиц находились в состоянии алкогольного опьянения, 9,5 % в состоянии наркотического опьянения, 28 % в трезвом состоянии, еще у 13,5 % состояние было не определено.

Хотя в СИЗО легальное приобретение спиртных напитков невозможно, тем не менее лица, содержащиеся под стражей стараются самостоятельно изготовить в камерном помещении алкогольные напитки из подручных продуктов, зачастую очень низкого качества, по-разному влияющему на психику каждого конкретного человека. Это в полной мере относится и к нелегальному приобретению и иногда изготовлению наркотических веществ. Для достижения необходимого эффекта широко используются в качестве их заменителей лекарственные препараты, обычно назначаемые врачами для лечения лиц, страдающих различными заболеваниями, особенно психическими. Также распространен обмен и «продажа» лекарственных препаратов лицами, проходящими курс лечения при заболевании туберкулезом, это особенно характерно для следственных изоляторов, в которых есть отделения для содержания указанных лиц.

Исследованием было установлено, что только около 5–8 % подозреваемых, обвиняемых, склонных к употреблению наркотических веществ и алкогольных напитков, стоят на профилактическом учете в следственных изоляторах, вследствие чего за ними устанавливается усиленный надзор.

Насильственные преступления в следственных изоляторах, в отличие от исправительных колоний, совершаются как подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, которым была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей, так и лицами, уже осужденными за совершение преступления и которым избрано наказание в виде лишения свободы, по тем или иным причинам находящимся в условиях содержания под стражей. Подозреваемые составляют небольшую долю лиц, совершающих насильственные преступления в СИЗО – 1 %, обвиняемые – 81 %, и осужденные – 18 %.

Также отличительной чертой насильственных преступлений в СИЗО является то, что преступления могут совершать и совершают лица как не судимые ранее и не привлекавшиеся к уголовной ответственности, так и лица, уже осужденные за совершение преступления или ранее судимые. Так, 20 % лиц, совершивших насильственные преступления в СИЗО, ранее не привлекались к уголовной ответственности, в свою очередь, 80 % подозреваемых, обвиняемых, осужденных были ранее судимы, из них 29 % привлекались к уголовной ответственности один раз, 19 % – два раза, 32 % – три и более раз.

Большинство лиц, применяющих насилие как способ решения жизненных задач, подозреваются, обвиня-

ются или осуждены за кражи, грабежи и разбои – 33 %, за преступления против жизни – 19 %, против здоровья – 21 %, за половые преступления – 10 %, против общественного порядка – 4 %, за другие преступления – 13 %.

Характеризуя лиц, содержащихся под стражей, нельзя не обратить внимание на существующие криминальные «неформальные» правила поведения, на «тюремную субкультуру».

В процессе исполнения меры пресечения в виде содержания под стражей в следственном изоляторе влияние обычаев преступного мира является весьма значительным, но не основополагающим. При этом необходимо отметить, что в местах содержания под стражей распространение и влияние криминальных традиций более сильно, чем в исправительных колониях, так как в них основная масса осужденных работает, а в СИЗО постоянно содержится в помещениях камерного типа без какого-либо занятия.

Особенно большое влияние, в последнее время, оказывает распространение «АУЕ» движения, основной целью деятельности которой является (прикрываясь маской всеобщей помощи и поддержке, борьбе с «режимом») извлечение прибыли, вымогательство с других лиц содержащихся под стражей, в том числе и с применением насильственных методов, что не могло не сказаться на отношениях к «тюремной» субкультуре. Так,

42 % лиц, содержащихся под стражей, указывают на ее негативное влияние на исполнение меры пресечения и на их бытовую жизнь.

Список источников

1. Криминология / под ред. В. Д. Малкова. М. : ЮСТИЦИНФОРМ, 2006.
2. Криминология : учебник для вузов. 2-е изд., пер. и доп. / под ред. О. С. Капинус, 2021. <https://urait.ru/viewer/kriminologiya-475296#page/1133> (дата обращения: 01.03.2022).
3. Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: по материалам специальной переписи 1999 г. / под ред. д.ю.н. проф. А. С. Михлина. М. : Юриспруденция, 2000.

References

1. Criminology / edited by V. D. Malkov. M. : JUSTICINFORM, 2006.
2. Criminology : textbook for universities. 2nd ed., trans. and add. / edited by O. S. Kapinus, 2021. <https://urait.ru/viewer/kriminologiya-475296#page/1133> (accessed: 01.03.2022).
3. Characteristics of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities: based on the materials of the special census of 1999 / edited by d.yu.n. prof. A. S. Mikhlin. M. : Jurisprudence, 2000.

Информация об авторах

С. В. Кривошеев – доцент кафедры уголовного права и процесса Московского университета им. С.Ю. Витте;
С. И. Кириллов – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

S. V. Krivosheev – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Moscow University of S.Yu. Witte;
S. I. Kirillov – Professor of Criminology Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 343.115

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-151-155>

НИОН: 2015-0066-6/22-550

MOSURED: 77/27-011-2022-06-749

Роль прокурора в формулировании вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, в различные периоды истории уголовного судопроизводства

Светлана Дмитриевна Кудряшова¹, Анатолий Васильевич Зубач²,

Елена Евгеньевна Томилина³

^{1,2,3} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ cbina@yandex.ru

² cort91@inbox.ru

³ eetomilina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена ретроспективному анализу роли прокурора на этапе формулирования вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Анализируются полномочия прокурора на данном этапе, выделяются проблемы судебной практики, предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: суд присяжных, вопросный лист, прокурор в суде присяжных, исторический аспект роли прокурора в суде присяжных заседателей

Для цитирования: Кудряшова С. Д., Зубач А. В., Томилина Е. Е. Роль прокурора в формулировании вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, в различные периоды истории уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 151–155. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-151-155>.

Original article

The role of the prosecutor in the formulation of issues to be resolved by jurors in various periods of the history of criminal proceedings

Svetlana D. Kudryashova¹, Anatoly V. Zubach²,

Elena E. Tomilina³

^{1,2,3} State University of Management, Moscow, Russia

¹ cbina@yandex.ru

² cort91@inbox.ru

³ eetomilina@mail.ru

Abstract. The article covered retrospective analysis of role the prosecutor at the stage of formulating questions which must be by jurors. The powers of the prosecutor at this stage are being analyzed, the problems of judicial practice are being highlighted, ways to improve legislation are being suggested.

Keywords: trial by jury, question list, prosecutor in trial by jury, historical aspect of prosecutor's role in trial by jury

For citation: Kudryashova S. D., Zubach A. V., Tomilina E. E. The role of the prosecutor in the formulation of issues to be resolved by jurors in various periods of the history of criminal proceedings. Bulletin of economic security. 2022;(6):151–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-151-155>.

Предметом анализа в данной статье является историческое исследование этапа формулирования вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями.

Данная тема учеными почти не исследовалась, несмотря на ее актуальность в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время существует огромное количество рекомендаций по руководству государственным обвинителем по поддержанию обвинения в суде с участием присяжных заседателей. Однако в практических рекомендациях и руководствах к действию акцент делается в целом на личности государственного обвинителя,

© Кудряшова С. Д., Зубач А. В., Томилина Е. Е., 2022

уровень профессионализма прокурора, на ораторское искусство, предлагаются психологические приемы воздействия на коллегия присяжных заседателей. Однако не обращается внимания на своевременную подачу замечаний и предложений на вопросный лист государственным обвинителем, что, в свою очередь, в правоприменительной практике играет важнейшую роль на данном этапе.

Институт суда присяжных заседателей в России претерпел 2 исторических периода: 1864 г. по 1917 г., 1993 г. по настоящее время.

Согласно ст. 630 Устава Уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав) прокурор наделен правом подачи замечания по каждому действию, происходящему в суде, правом представлять доказательства, подавать свои возражения и замечания на вопросы, поставленные перед присяжным [1].

Согласно положению 751 Устава по окончании прений суд составлял вопросный лист, который включал в себя не только положения обвинительного заключения, но и выводы судебного следствия. Именно на данной стадии судебного заседания государственно обвинителю следовало скрупулезно изучить и проанализировать эти вопросы, обратиться с соответствующими замечаниями и предложениями при наличии на то оснований.

Уголовный кассационный департамент указывал, что «по силе действующих законов, в вопросах судопроизводства вменяется в обязанность: лицу прокурорского надзора своевременно заявлять суду, в качестве блюстителя законного порядка, свои заключения, а суду – постановлять свои определения, по выслушиванию предварительно сих заключений» [4].

Следует отметить, что изучение и анализ судебной практики тех лет показал, что прокуроры довольно часто пользовались предоставленным им правом подачи замечаний по исправлению вопросного листа.

Кроме того, стороны должны были представить суду обоснованные объяснения причин необходимости изменения вопросов или постановки новых. Внесение в протокол судебного заседания замечаний, пояснений стороны о постановке или изменении вопросного листа является заботой стороны, от которой исходила инициатива, поскольку устные замечания не вносятся в протокол без просьбы на то стороны.

Исследование судебной практики и участие прокурора на этапе формулирования вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, показывает, что прокуроры обращались к суду на данном этапе и с замечаниями об объединении вопросов, и о разделении.

Имеются случаи подачи замечаний прокурором о разделении вопросов, когда в них содержится неверное обобщение двух различных деяний, предписываемых подсудимому. При рассмотрении уголовного дела по преданию суду по обвинению М. суд предположил постановить следующий вопрос «Виновен ли подсуди-

мый в том, что получив 136 руб. выкупных сумм, вместо отсылки по принадлежности, растратил их, возвратив только 50 руб.?» [3, с. 63]. Государственным обвинителем предложено в проектированном вопросе заменить слово «растратил» на «израсходованием на свои потребности» для более ясного понимания присяжными заседателями. Далее прокурором предложено разбить вопрос на два. Несмотря на то, что суд отказал в изменении вопроса, однако в заключительной речи присяжным разъяснил, что употребление денег на жалование себе и в других мирских расходах считать растратой. В порядке обжалования Сенат при рассмотрении протеста товарища прокурора указал, что суд «вместо постановки согласно требованию товарища прокурора двух вопросов, из коих первый вытекал из обвинительного акта и имел бы целью признание подсудимого виновным в израсходовании в свою пользу вверенных ему денег, а второй – в израсходовании этих денег на потребности» [3, с. 64].

По обвинению крестьянина Степана Колесова прокурор ходатайствовал о постановке нового вопроса. Судом сформулированы следующие вопросы: 1) «Виновен ли С. Колесов в том, что на масленице 1873 года в селе Большой Грибановке с целью причинения снохе своей Марье Федоровой сильных физических мучений, загнал ее босую без верхнего платья в нетопленную пристройку с выставленным окном, запер ее и продержал около часа? 2) Виновен ли в том, что с той же целью в промежуток времени с 1866 по 1873 годами неоднократно во время сильных морозов выгонял во двор раздетую и разутую? 3) в том, что с той же целью в промежуток времени с 1867 и 1869 годами однажды бросил чашку в Марью Федорову с горячими щами?» [5, с. 405]. На первый и третий вопрос присяжные дали отрицательные ответы. По существу второго вопроса прокурор обратился к суду о постановке вопроса по содержанию обвинения, дополнив данный эпизод согласно обвинительному акту, однако суд отказал прокурору. В порядке обжалования Правительствующий Сенат изъяснил относительно описания действий в вопросе № 2, что «должны быть предлагаемы вопросы суждение о том, что составляют ли те действия воспрещенное законом деяние, может иметь место только тогда, когда совершение их будет признано преступлением, посему отказав товарищу прокурору в постановке вопроса № 2, окружной суд допустил явное нарушение ст. 751 УУС» [5, с. 406]. Приговор, основанный на вердикте присяжных, отменен, уголовное дело направлено на новое рассмотрение.

Судам надлежит прислушиваться к позиции прокурора, что позволило бы избежать отмен приговоров и повторного рассмотрения уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей.

Допускались случаи, когда прокурором пропускалась неверная квалификация неоконченных составов преступления. При слушании уголовного дела по обвинению крестьянина А. Тюркова за кражу со взломом

ларька и хищении денежных средств, перед коллегии присяжных поставлен следующий вопрос: «Виновен ли А. Тюрков, что в ночь со 2 на 3 апреля 1866, имея намерение совершить из лавки купца Королева похищение, выдернул пробой болта, коим запиралось окно лавки, разбил стекло окна, и выбросил некоторые вещи из лавки на улицу, но при этом был остановлен Королевым?» Присяжные заседатели в своих ответах указали «Нет, не виновен, так как не успел воспользоваться этим имуществом по причине задержания хозяином лавки». Прокурором на данный приговор принесен протест, в обоснование которого указал, что деяние А. Тюркова следует считать неоконченным преступлением, при котором подсудимым сделано все, чтобы привести в исполнение своего умысла. Правительствующий Сенат при рассмотрении кассационной жалобы указал, что «А. Тюрков признан виновным в совершении покушения на преступление, признал, что подсудимым сделано все, что он считал нужным для приведения намерения своего в исполнение, а преднамеренное зло не свершилось только по особым непредвиденным обстоятельствам. Задержание А. Тюркова не может быть признано одним из таких особых случаев, и подсудимый мог и должен был предвидеть эти обстоятельства. Поэтому правильно бы признать А. Тюркова виновным по ст. 114 Уложения покушением, оставленным не по собственной воле» [6, с. 216]. Но так как на данное нарушение применения норм закона не указано в протесте прокурора, то Сенат оставил данный приговор в силе, оставив наказание, назначенное по ст. 115 Уложения.

Полномочия прокурора по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года во многом схожи с действующим статусом прокурора в настоящее время, поскольку он базируется на основных началах и положениях законодательства тех лет.

Согласно ст. 338 УПК РФ судья с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам. Стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов.

Таким образом, полномочия прокурора на данной стадии судебного разбирательства сводятся к высказыванию своих замечаний и внесении предложений о постановке новых вопросов.

Проведенный анализ судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей свидетельствует о том, что стороны редко пользуются правом на подачу замечаний на вопросный лист. Участники судебного разбирательства подают свои замечания в устной форме.

В силу ст. 339 УПК РФ вопросы ставятся в понятных формулировках, формулировки вопросов не должны допускать при каком-либо ответе на них признание подсудимого виновным в совершении деяния, по кото-

рому государственный обвинитель не предъявлял ему обвинение, не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого (о его судимости), а также другие вопросы, требующие собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта.

Если мы изучим вопросные листы складывающейся на сегодня практики рассмотрения дел с участием присяжных в районных судах, то ни одной из вышеуказанных характеристик в вопросном листе не найдем, поскольку каждый второй вопросный лист составлен с нарушением требований УПК РФ.

Справедливо подчеркнул С. Б. Погодин, далеко не все государственные обвинители пользуются предоставленным им правом внесения поправок в вопросный лист и постановки новых вопросов, даже в том случае, когда имеет место грубое нарушение закона. В частности, когда в вопросный лист включаются «двусмысленные, взаимоисключающие, противоречивые вопросы, вопросы, не учитывающие фактические обстоятельства дела, не отражающие существа обвинения и судебного следствия, вопросы, требующие юридической оценки» [2, с. 33].

Активное участие государственного обвинителя на этапе постановки вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, предполагает своевременную подачу замечаний и возражений по формулировке указанных вопросов на предмет их корректности и законности. Как показывает практика, случаи пропуска прокурорами момента подачи замечаний на вопросный лист не редки.

Таким образом, обозначим две остро стоящие на сегодня проблемы. Во-первых, пассивная роль прокурора на этапе формулирования вопросного листа, во-вторых, игнорирование замечаний прокурора по формулировке вопросного листа.

Отметим случаи, когда замечания прокурора по существу содержания вопросного листа внесены в протокол, однако председательствующим проигнорированы.

Так, при рассмотрении дела по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ судом сформулирован вопрос: «Доказано ли, что Б., действуя из побуждения отомстить Л. за умышленное невозвращение денежных средств в размере..., которые приобрел мошенническим способом, а именно обманом в виде обещания выполнения услуг по ремонту автомобиля, нанес удар твердым тупым предметом в область шейного позвонка, отчего Л. упал на пол, затем Б. нанес не менее трех ударов ...». Вопрос № 6 заключался в следующем: «Указанные действия Б. допущены после недобросовестного поведения Л., которое заключалось в виде обмана?» [7]. Обвинением вовремя замечены неграмотные формулировки вопросов, содержащих как правовые термины в виде мошенничества, описания умысла.

Несмотря на направление прокурором соответствующих по данному поводу замечаний судом они отклонены, так как составление вопросов и описание соответствовало формулировке обвинения из обвинительно заключения, утвержденного районным прокурором.

В настоящее время имеют место факты невнесения устных замечаний прокурора в протокол судебного заседания.

При обвинении О. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ суд изложил в следующей редакции один из трех вопросов: «Установлено ли, что О. совершил следующие действия при участии М. в отношении Р., а именно нанес ему несколько ударов по голове, что впоследствии привело к смерти?» [8]. Государственным обвинителем подготовлены устные замечания, которые состояли в том, что суд некорректно указал, кому именно О. нанес удары. Присяжными вынесен оправдательный вердикт, поскольку последние сочли не доказанными события преступления и совершения О. указанных действий. Ввиду отсутствия в протоколе судебного заседания сведений о замечаниях прокурора по содержанию вопросного листа, суд апелляционной инстанции посчитал, что председательствующим обеспечены условия для реализации процессуальных прав сторон.

В ходе обжалования оправдательного приговора в суде апелляционной инстанции в мотивировочной части судом указано, что от стороны обвинения соответствующих замечаний, на которые ссылается прокурор в апелляционном представлении, не последовало.

Проведя сравнительную характеристику судебной практики, касающейся участия прокурора на этапе формулирования вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, отметим, что статус прокурора на данном этапе значительно не изменился. Хотя прокурор по Уставу 1864 года был вправе направить замечания по любому нарушению закона, а суд обязан незамедлительно рассмотреть эти замечания.

Ранее учеными предлагалось рассмотреть вопрос о передаче инициативы по формулированию вопросов перед присяжными заседателями прокурору, после чего подавались бы замечания и возражения защитником, суду же в развитии данной концепции отводилась роль окончательного оформления вопросного листа.

Надлежит рассмотреть вопрос о возможности представления права сторонам представлять проекты вопросных листов в письменной форме. Изложить ч. 1 ст. 338 УПК РФ следующим образом: «Судья, с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, на основе представленных сторонами проектов вопросных листов».

Рассматривая роль прокурора сквозь призму гаранта законности, не следует забывать об основной

функции прокурора в судебном заседании. На этапе формулирования вопросов возникает своего рода подфункция, которая заключает в себе не только грамотное изложение обвинения, но когнитивные способности по осмыслению, проверке соответствия сформулированных судом вопросов правилам формальной логики.

Добиться максимального соблюдения требований уголовного процессуального законодательства можно не только посредством совершенствования норм закона, но и исключив пассивное поведение прокурора на этапе формулирования вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, поскольку от профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела.

Список источников

1. Устав Уголовного судопроизводства 1864 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Погодин С. Б. Государственное обвинение в суде присяжных в российском уголовном процессе. Пенз. гос. университет, Пенза : Изд. Пензенского государственного университета, 2000.
3. Селитренников М. А. О постановке вопросов на суде уголовном по решениям Кассационного сената. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1875.
4. Решения уголовного кассационного департамента 1869г. № 974 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решения Уголовного кассационного департамента правительствующего Сената. СПб., 1875.
6. Решения Уголовного кассационного департамента правительствующего Сената. СПб., 1867.
7. Архив Заволжского районного суда г. Твери, 2019.
8. Архив Ростовского районного суда Ярославской области, 2021.

References

1. Ustav Ugolovnogo Sudoproizvodstva 1864 // SPS «ConsultantPlus».
2. Pogodin S. B. Prosecutor in a jury trial in the Russian criminal process // Penza State University, 2000.
3. Selitrennikov M. A. About questions at the criminal court on the decisions of the Cassation Senate. // SPb., Kotomin A. M., 1875.
4. Decisions of the Criminal Cassation Department of 1869, № 974 // SPS «ConsultantPlus».
5. Decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate. // SPb., 1875.
6. Decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate. // SPb., 1867.
7. Archive Zavolzchskogo raionnogo suda Tveri, 2019.
8. Archive Rostovskogo raionnogo suda Yaroslavskoy oblasti, 2021.

Информация об авторах

С. Д. Кудряшова – ассистент кафедры частного права Государственного университета управления, помощник Химкинского городского прокурора Московской области;

А. В. Зубач – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук;

Е. Е. Томилина – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. D. Kudryashova – Assistant of the Department of Private Law State University of Management, Assistant of the Khimki City Prosecutor of the Moscow Region;

A. V. Zubach – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences;

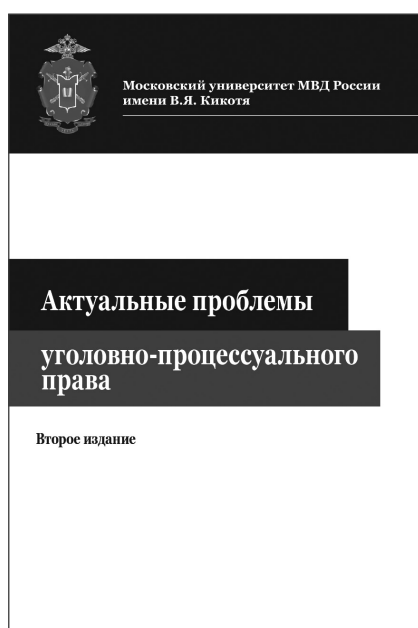
E. E. Tomilina – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 05.10.2022.

The article was submitted 27.06.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 05.10.2022.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия – вычленив наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 342.95

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-156-161>

ИПОН: 2015-0066-6/22-551

MOSURED: 77/27-011-2022-06-750

Институциональные предпосылки создания условий для адаптации иностранных граждан в Российской Федерации

Светлана Сергеевна Лампадова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, s.lampadova@mail.ru

Аннотация. Исследуется современное состояние и предпосылки развития институтов адаптации и интеграции иностранных граждан на территории Российской Федерации. Указывается на необходимость разработки понятийно-категориального аппарата как необходимого условия формирования системного подхода к адаптации и интеграции мигрантов. Автором указывается на отсутствие государственной воли в определении категорий иностранных граждан, на адаптацию и интеграцию которых должны быть направлены усилия государственных и муниципальных органов власти, общественности. Предлагается на основе критического осмысления действующих норм права, которые по смыслу можно отнести к вопросам адаптации и интеграции иностранных граждан на территории Российской Федерации, подготовить тематический нормативный правовой раскрывающий механизм реализации государственной миграционной политики в части адаптации и интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Ключевые слова: адаптация иностранных граждан, интеграция иностранных граждан, миграционные процессы, миграционная политика, преадаптационная подготовка

Для цитирования: Лампадова С. С. Институциональные предпосылки создания условий для адаптации иностранных граждан в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 156–161. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-156-161>.

Original article

Institutional prerequisites for creating conditions for the adaptation of foreign citizens in the Russian Federation

Svetlana S. Lampadova

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia, s.lampadova@mail.ru

Abstract. The current state and prerequisites for the development of institutions for the adaptation and integration of foreign citizens on the territory of the Russian Federation are being examined. It points out the need to develop a conceptual and categorical apparatus as a necessary condition for the formation of a systematic approach to the adaptation and integration of migrants. The author points out the lack of state will in determining the categories of foreign citizens, the adaptation and integration of which should be directed by the efforts of state and municipal authorities, the public. It is proposed, on the basis of a critical understanding of the existing legal norms, which in their meaning can be attributed to the issues of adaptation and integration of foreign citizens on the territory of the Russian Federation, to prepare a thematic regulatory legal disclosure mechanism for the implementation of state migration policy in terms of adaptation and integration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation.

Keywords: adaptation of foreign citizens, integration of foreign citizens, migration processes, migration policy, pre-adaptation training

For citation: Lampadova S. S. Institutional prerequisites for creating conditions for the adaptation of foreign citizens in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(6):156–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-156-161>.

Миграционные процессы давно перестали восприниматься в мире как нейтральное явление социальной жизни. В зависимости от качественных и количествен-

ных характеристик они могут сыграть роль как источника мощного экономического роста, так и катализатора социальных потрясений в государстве.

© Лампадова С. С., 2022

Характер миграции неоднороден и зависит от протекающих в конкретный исторический период социальных, экономических, демографических, политических и других процессов на определенной местности, поскольку «она представляет собой один из лучших индикаторов социально-экономического благосостояния общества – это своего рода способ голосования населения ногами» [1].

Эти процессы выступают катализаторами формирования миграционных потоков, под которыми принято понимать совокупное количество мигрантов, имеющих общие территории прибытия и выбытия в течение конкретного отрезка времени [2, с. 50]. Миграционные потоки не однообразны. Вместе с тем для всех них свойственно прохождение трех последовательных этапов (стадий).

На первой стадии формируется миграционная мобильность определенного индивида либо группы индивидов. Миграционная мобильность означает готовность, способность изменить место постоянного проживания. Как упоминалось ранее, степень выраженности социально-экономических, демографических, гуманитарных, этнических и других процессов в жизни общества, определяет интенсивность миграционной мобильности населения. Проведя сравнительный анализ миграционной мобильности различных социальных групп можно констатировать некоторые закономерности. Так, трудоспособное население отличается большей подвижностью по сравнению с детьми и пенсионерами. В свою очередь, люди не связанные социальными узами чаще меняют место жительства, чем люди, состоящие в браке. Мужчины мигрируют активнее, нежели женщины.

На второй стадии совершаются сами переселения (перемещения) с одной территории на другую.

Третья стадия представляет собой процесс адаптации мигранта к новым условиям жизни и его интеграции в новый социум. Анализ сложившейся международной практики позволяет выделить две основные формы позитивной интеграции мигрантов – ассимиляция и взаимное сосуществование культур [1]. Каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны.

Очевидно, что эффективный адаптационный механизм – это не стихийно возникшее явление социальной жизни, а продукт целенаправленной управленческой деятельности. В связи с постоянно возрастающей миграционной активностью во всем мире, создание и обеспечение функционирования институтов адаптации мигрантов становится приоритетным направлением внутригосударственной политики значительного количества стран.

Российская Федерация, будучи страной с активными миграционными процессами, также «прямо заинтересована в том, чтобы долгосрочные мигранты были приспособлены к жизни в ней, взаимодействию с социумом и чувствовали себя достаточно комфортно и уверено для того, чтобы стать полноценными и полноправными жителями и не допускать девиантного по-

ведения» [3]. Однако, при формировании институтов адаптации и интеграции иностранных граждан закономерно возникают сложности. В частности, международная практика не дает однозначного ответа на вопрос о том чья это зона ответственности: федеральных или региональных властей. Также нет единообразного понимания о пропорции распределения усилий по адаптации и интеграции мигрантов в рамках государственно-частного партнерства, а также о возможности и степени привлечения к этой деятельности национальных диаспор [4, с. 44].

Обозначенные проблемы свидетельствуют о необходимости обобщения имеющегося опыта в целях институционального оформления условий для адаптации и интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Формирование любого правового института начинается с создания понятийно-категориального аппарата и закрепления его на законодательном уровне.

В науке отсутствуют расхождения по вопросу о необходимости нормативного закрепления правовых, организационных и экономических основ функционирования институтов адаптации и интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Однако авторские подходы к данной деятельности разные. Часть ученых придерживается мнения о целесообразности подготовки самостоятельного нормативного правового акта по вопросам адаптации и интеграции иностранных граждан на территории Российской Федерации [5, с. 68]. Другие, ссылаясь на перегруженность отечественного миграционного законодательства, полагают необходимым нормативно закрепить адаптационные и интеграционные механизмы в новом кодифицированном правовом акте [6].

С учетом остроты проблемы формирования механизмов адаптации и интеграции мигрантов на российской территории, нецелесообразно откладывать решение вопроса по Миграционному кодексу Российской Федерации, принятие которого запланировано на 2025 год. Следует сосредоточить усилия на разработке соответствующего федерального закона, основные положения которого могут быть учтены позднее при принятии Миграционного кодекса Российской Федерации.

Федеральный закон послужит основой государственной миграционной политики в части регулирования процессов адаптации и интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Его задача – стать регулятором общественных отношений, которые возникают между иммигрантом и российским государством в ходе адаптации иностранных граждан и их интеграции в российское общество.

В качестве отправной точки в законе должны получить нормативное закрепление определения понятий «адаптация мигрантов» и «интеграция мигрантов», формулирование которых до настоящего времени осуществлялось исключительно в науках об обществе. Это не только позволит разграничить названные категории, но

и ввести их в оборот в качестве юридической терминологии.

Тем более, что значительная работа в направлении подготовки указанного федерального закона уже проделана Федеральным агентством по делам национальностей (далее по тексту – ФАДН России).

Авторы проекта федерального закона предприняли первые попытки на законодательном уровне сформулировать основные понятия, сделав упор на «социальной и культурной адаптации иностранных граждан», а также «социальной и культурной интеграции иностранных граждан».

Если рассматривать эти понятия через призму восприятия иностранного гражданина как субъекта адаптации и интеграции, то такое деление выглядит весьма спорным. В проекте нормативного правового акта в качестве критерия разграничения указанных понятий разработчиками выбран режим законного нахождения иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации. Вместе с тем, способность освоения иностранными гражданами русского языка, социальных, культурных, правовых, экономических норм российского общества определяется психологической готовностью мигранта к этой деятельности, уровнем его образования и качеством предвездной подготовки, а не его правовым статусом на территории Российской Федерации.

Теоретико-логический анализ понятийного аппарата социальных механизмов, где иностранный гражданин выступает в качестве объекта целенаправленной деятельности федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, направленной на обеспечение адаптации и интеграции иммигранта, придает этим правовым категориям совершенно иную смысловую нагрузку, и они представляются объективно обоснованными. Очевидно, что объем адаптационных и интеграционных мер, применяемых в отношении иностранного гражданина, временно пребывающего в Российской Федерации, не должен быть идентичен мероприятиям по вовлечению в российский социум иммигранта, имеющего долгосрочные планы на проживание в Российской Федерации. Подобного мнения придерживается О.Д. Воробьева, полагающая, что меры поддержки иммигрантов должны распределяться в соответствии с целью их пребывания в принимающей стране [7, с. 6].

Одновременно полагаем целесообразным употребление в законе терминов адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, без акцентирования внимания на их социальной или культурной составляющей. В обосновании своей позиции следует отметить, что культурная адаптация (интеграция) является по сути составляющей социальной адаптации (интеграции) наряду с правовой, психологической и др. [8].

В качестве основополагающих начал (принципов), на которых базируется деятельность уполномоченных

органов (организаций), следует указать уважение к государственному языку Российской Федерации, культуре народов России, соблюдение норм законодательства Российской Федерации, правил поведения, принятых в российском обществе, при одновременном гарантировании каждому иностранному гражданину права на сохранение своей этнокультурной самобытности и вероисповедания, использование родного языка.

Принципиально важно закрепить в будущем законе принцип корреляции реализуемых в регионе адаптационных и интеграционных мероприятий с этнокультурными, социальными, демографическими интересами коренного населения и миграционной ситуацией в целом.

Для этого, реализация предусмотренных законом мер должна осуществляться в тесном взаимодействии федеральных и региональных властей, органов местного самоуправления. В этой сфере как ни в какой другой значительный положительный потенциал заложен в государственно-частном партнерстве.

Нормативного закрепления требуют вопросы распределения ответственности за реализацию государственной политики Российской Федерации по адаптации и интеграции мигрантов. Правовой статус субъектов этой деятельности должен быть конкретно сформулирован в законе. Несмотря на то, что органом, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, а также по выработке государственной политики в сфере миграции является МВД России, полагаем необоснованным закрепление его в качестве главного субъекта деятельности по адаптации и интеграции иммигрантов. На первый взгляд такое решение нормативно предопределено и функционально обосновано ведущей ролью ведомства в реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. Вместе с тем, деятельность по адаптации и интеграции мигрантов, хотя в конечном итоге и способствует профилактике их противоправного поведения, не может рассматриваться как правоохранительная, а значит должна рассматриваться как несвойственная для МВД России. Это может привести к необоснованному отвлечению личного состава от выполнения основных задач. Справедливости ради следует отметить, что и сейчас МВД России решает нехарактерные для «силового ведомства» социальные задачи и реализует социально преобразующие функции. В миграционной сфере к таковым можно отнести реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом и регулирование внешней трудовой миграции, тесно соотносящиеся с вопросами адаптации [5, с. 70].

Президент Российской Федерации полномочиями по адаптации и интеграции иммигрантов наделил ФАДН России. Однако, руководством самого федерального органа исполнительной власти неоднократно подчеркивалась невозможность реализовывать государственную

политику на федеральном уровне в виду объективных ограничений в деятельности ведомства [9, с. 46]. Таких как отсутствие законодательно закрепленных механизмов, регулирования адаптации и интеграции мигрантов, а также отсутствие у ФАДН России территориальных органов на региональном уровне. При условии разрешения перечисленных проблем ФАДН России могло бы выступить в качестве такого органа, координирующего деятельность иных ведомств, так или иначе реализующих государственную миграционную политику Российской Федерации по адаптации и интеграции мигрантов. В таком случае в качестве взаимодействующих органов можно было бы рассматривать Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Особого внимания заслуживает опыт зарубежных стран по заключению адаптационных контрактов с иностранными гражданами, приезжающими на территорию государства для осуществления трудовой деятельности или интеграционных контрактов для проживания иммигранта на территории иностранного государства. Безусловно нельзя контрактом обязать иностранного гражданина самостоятельно, без участия принимающего сообщества приобрести необходимые адаптационные и интеграционные качества. Однако, включение в такой контракт взаимных обязательств сторон, к исполнению которых принимающим государством могут активно привлекаться институты гражданского общества, позволит создать для мигранта необходимые для качественного погружения в принимающую среду условия. Одним из условий такого соглашения может стать обязательное освоение программы адаптации (интеграции) иностранным гражданином в объеме, установленном контрактом. Положительный результат прохождения программы может быть включен в законодательство Российской Федерации как необходимое условие для получения разрешения на временное проживание (вида на жительство).

Возможности законодательно закрепленной адаптационной подготовки неисчерпаемы. «Она может включать в себя занятия, направленные на формирование у иммигрантов необходимых знаний для подготовки к сдаче комплексного экзамена по русскому языку, основам законодательства Российской Федерации и истории России в объеме, необходимом для временного пребывания на российской территории с целью осуществления трудовой деятельности, для временного или постоянного проживания на территории Российской Федерации; услуги по информационно-правовой поддержке лиц, намеревающихся переехать в Россию для осуществления трудовой деятельности, временного или постоянного проживания; другие мероприятия, способствующие погружению иностранных граждан и лиц без гражданства в российский социум» [9, с. 47]. Важно еще отметить,

что участие государства повысит шансы иммигрантов на прохождение законодательно установленных испытаний и получение желаемого статуса на российской территории, что является фактором снижения коррупциогенности существующего порядка сдачи экзамена.

Интересен с точки зрения формирования института адаптации и интеграции мигрантов отечественный опыт реализации Программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее по тексту – Программа). По сути, данная Программа сама по себе имеет ярко выраженную адаптационную и интеграционную направленность, что позволяет рассматривать ее как эталон для предмета настоящего исследования. Ключевые правила реализации данной Программы могут быть использованы как первооснова для создания подобной Программы адаптации и интеграции иностранных граждан, временно или постоянно проживающих на территории Российской Федерации. Сама форма региональной программы для делегирования подобного рода государственных функций является предпочтительной. Ориентированность на необходимость разработки региональной программы только в том случае, если в силу протекающих в регионе миграционных процессов в ней есть объективная необходимость, освобождает органы власти объективно незаинтересованных субъектов Российской Федерации от необходимости отчитываться об исполнении не актуальных для них полномочий. Одновременно повышается ответственность тех субъектов Российской Федерации, в социально-экономическом развитии которых активно участвуют иммигранты. Также импонирует подход, при котором непосредственный приезд иммигранта на территорию Российской Федерации предваряется подготовительными мероприятиями, в рамках которых для иностранного гражданина подбирается наиболее подходящее предложение для въезда на территорию государства, т. е. на предвъездном этапе иммигрант уже адаптируется к региону вселения. И что важно, большая часть работы, финансовые расходы и соответственно ответственность за проводимые мероприятия несут региональные власти с привлечением возможностей государственно-частного партнерства.

Перечисленные выше меры позволят скоординировать деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан. В конечном итоге это приведет к снижению опасности возникновения социальной напряженности в обществе, обеспечению межнационального согласия, популяризации русского языка и российской культуры за рубежом и формированию позитивного имиджа Российской Федерации. Внедрение новых мер, направленных на повышение эффективности управления миграционными процессами в государстве, всегда содействует развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формированию у мигрантов и принимаю-

шего сообщества навыков межкультурного общения, противодействию ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости; усилению роли институтов гражданского общества в решении вопросов адаптации и интеграции мигрантов.

Следует отметить значительную вовлеченность в деятельность по адаптации и интеграции иностранных граждан различных общественных организаций и объединений. Однако, неорганизованность их действий с точки зрения нормирования указанной деятельности не позволяет получать им дополнительные меры поддержки от государства и региональных властей, а неправильное понимание содержательной деятельности по адаптации и интеграции мигрантов зачастую дает обратный результат. Изобилие мероприятий, направленных на сохранение иммигрантами собственной этнокультурной самобытности, подчас формирует у них неприятие культуры принимающего сообщества ввиду отсутствия возможности полноценного ее познания и погружения.

Сказанное свидетельствует о необходимости законодательного закрепления перечня основных понятий, необходимых для обеспечения деятельности в области адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, определения и уточнения функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области адаптации и интеграции мигрантов, определения федерального органа исполнительной власти – координатора деятельности в данной сфере, т. е. выработки системного подхода к решению проблемы [10, с. 27].

При этом нормотворческая деятельность в сфере создания институциональных предпосылок для адаптации и интеграции мигрантов должна осуществляться в двух направлениях:

– формирование общегосударственного механизма адаптации и интеграции иностранных граждан на территории Российской Федерации через формулирование понятийно-категориального аппарата, целей, задач и др. необходимых организационно-правовых характеристик;

– расширение правовых механизмов, стимулирующих иммиграцию иностранных граждан, характеризующихся высокой степенью адаптивности к российскому социуму как наиболее привлекательных для переселения в Российскую Федерацию.

Перечисленные меры через совершенствование отечественного миграционного законодательства будут способствовать укреплению авторитета Российской Федерации как гуманистического государства.

Список источников

1. Рыбаковский Л. Л. Практическая демография. М.: ЦСП, 2005. Официальный сайт Рыбаковского Л. Л. [Электронный ресурс] // URL: //http://rybakovsky.ru/uchebnik3.html.

2. Богатская К. А., Цхададзе Н. В. Экономический анализ определения эффективности миграционных процессов // Инновации и инвестиции. № 10. 2018. С. 50–54.

3. Аврутин Р. Ю., Паук Н. Н. Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ. Об итогах проведенной 15 октября 2021 года Международной научно-практической конференции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (93). 2022. С. 57–67.

4. Бельский В. Ю., Гусев Н. Н. Теоретические аспекты адаптации и интеграции мигрантов в социальной среде российского общества как методологическая основа их правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. № 2. 2021. С. 40–45.

5. Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 63–82.

6. Сулейманов Д. Н., Мехова Т. Н., Ноха М. Д. Системный подход к проблемам адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // http://www.migimo.ru/razdel/144/.

7. Воробьева О. Д. Методологические и организационные подходы к интеграционным процессам иммигрантов в России // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов : сборник документов. Ставрополь, 2018. С. 5–10.

8. Иванчак А. И. К обсуждению проекта Федерального закона о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ. Право и управление. XXI век. [Электронный ресурс] // https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-3-48-29-34.

9. Проблемы правового регулирования адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: научно-практическое пособие. СПб. : Издательство СПб университета МВД России, 2021. 61 с.

10. Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения : монография. М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2019. 392 с.

References

1. Rybakovskij L. L. Prakticheskaya demografiya. M. : CSP, 2005. Official site of Rybakovskij L. L. [E-resources] // URL: //http://rybakovsky.ru/uchebnik3.html.

2. Bogatskaya K. A., Ckhadadze N. V. Economic analysis of determining the effectiveness of migration processes // Innovations and investments. № 10. 2018. P. 50–54.

3. Avrutin R. Yu., Pauk N. N. Actual problems of legislative regulation of migration processes on the territory of the CIS member states. On the results of the International Scientific and Practical Conference held on October 15,

2021 // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (93). 2022. P. 57–67.

4. Bel'skij V. Yu., Gusev N. N. Theoretical aspects of adaptation and integration of migrants in the social environment of Russian society as a methodological basis for their legal regulation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 2. 2021. P. 40–45.

5. Voronina N. A. Legislation on the adaptation and integration of migrants in the Russian Federation: development trends // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (83). P. 63–82.

6. Sulejmanov D. N., Mekhova T. N., Noha M. D. A systematic approach to the problems of adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation. [E-resources] // <http://www.migimo.ru/razdel/144/>.

7. Vorob'eva O. D. Methodological and organizational approaches to the integration processes of immigrants in Russia // Migration processes: problems of adaptation and integration of migrants: a collection of documents. Stavropol', 2018. P. 5–10.

8. Ivanchak A. I. To the discussion of the draft Federal Law on Social and Cultural Adaptation and Integration of Foreign Citizens in the Russian Federation. Law and management. XXI Century. [E-resources] // <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-3-48-29-34>.

9. Problems of legal regulation of adaptation and integration of migrants in the Russian Federation: a scientific and practical guide. SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 61 p.

10. Andrichenko L. V., Plyugina I. V. Migration legislation of the Russian Federation: development trends and application practice: monograph. M. : IZiSP : Norma : Infra-M, 2019. 392 p.

Информация об авторе

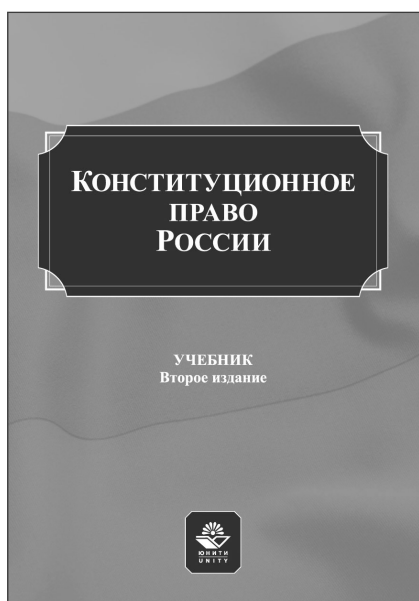
С. С. Лампадова – начальник управления учебно-методической работы Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. S. Lampadova – Head of the Department of Educational and Methodical work of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Конституционное право России. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-162-166>

ИПОН: 2015-0066-6/22-552

MOSURED: 77/27-011-2022-06-751

Причины девальвации международного публичного права

Галина Михайловна Лановая

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, lanovaya-galina@mail.ru

Аннотация. Анализируются факторы, определяющие закономерности изменений, происходящих в том пространстве, которое традиционно является сферой действия международного публичного права. Обосновывается, что девальвация международного права, которая в современных условиях рассматривается как процесс уже не прогнозируемый, а реальный, обусловлена особенностями механизма действия этого права. Политика отдельных субъектов, которая, на первый взгляд, определяет кризисные явления, возникающие в международной правовой жизни, в действительности является не их первопричиной, а лишь катализатором событий.

Ключевые слова: международное право, международное публичное право, кризис международного права, девальвация международного публичного права, ценности международного права, общепризнанные принципы международного права

Для цитирования: Лановая Г. М. Причины девальвации международного публичного права // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 162–166. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-162-166>.

Original article

Reasons for the devaluation of public international law

Galina M. Lanovaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, lanovaya-galina@mail.ru

Abstract. The factors that determine the patterns of changes taking place in the space that is traditionally the scope of public international law are being analyzed. It is proved that the devaluation of international law, which in modern conditions is considered as a process no longer predictable, but real, is due to the peculiarities of the mechanism of operation of this law. The policy of some subjects, which, at first glance, determines the crisis phenomena arising in international legal life, in fact is not their root cause, but only a catalyst for events.

Keywords: international law, public international law, crisis of international law, devaluation of public international law, values of international law, generally recognized principles of international law

For citation: Lanovaya G. M. Reasons for the devaluation of public international law. Bulletin of economic security. 2022;(6):162–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-162-166>.

Если еще совсем недавно господствующие тенденции в трансформации мирового порядка позволяли говорить о снижении роли международного публичного права в регулировании отношений между государствами и обеспечении межгосударственного сотрудничества, то сегодня ученые и политики практически единодушны в своем мнении о том, что мир вступает в эпоху глубокого кризиса международного права. В этой ситуации принципиально важно разобраться, существует ли шанс «вернуться к международному праву и международным обязательствам» [8], а для этого требуется, прежде всего, решить вопрос о том, чем обуславливается девальвация международного права как процесс уже не прогнозируемый, а реальный.

Констатируя множественность угроз, способных привести к кризису международного права, отечественные юристы и политологи в то же время на протяжении многих лет довольно часто подчеркивали, что на его действительности негативно сказывается внешнеполитический курс США, знаменующий собой односторонний отказ от соблюдения базовых принципов этого права, в том числе принципа неприменения силы и угрозы силой [4, с. 4–5; 5, с. 20; 6, с. 212; 10, с. 396]. Аналогичные суждения неоднократно высказывали и зарубежные авторы [7, с. 15–19, 246–247; 9, с. 7–8]. Сегодня девальвацию международного права нередко связывают с политикой не только США, но и «коллективного Запада» [2]. Вместе с тем принципиально важно разобраться, дей-

© Лановая Г. М., 2022

ствительно ли причиной девальвации международного публичного права является превращение США силы из средства обеспечения эффективности международного права в инструмент, применяемый для удовлетворения собственных внешнеполитических амбиций, а в дальнейшем – благоприятствующие реализации этих амбиций действия «коллективного Запада».

Для решения поставленной задачи принципиально важно понимать, что международное право принципиально отличается по механизму своего действия от того права, которое принято называть «национальным». Однако, для того чтобы понять, чем различаются международное и национальное право, сначала нужно сказать, что их объединяет.

И одно, и другое функционирует, формально уравнивая субъектов и устанавливая для них правила, подлежащие обязательному исполнению под угрозой негативных последствий, но действующие, тем не менее, прежде всего в силу их легитимности, принятия самими субъектами. Это позволяет утверждать, что неотъемлемыми условиями действительности права выступают признание и сила (принуждение).

Если говорить об обеспечении действительности права в долгосрочной перспективе, то и для международного, и для национального права более значимым является признание (действенность нелегитимного права не может на протяжении длительного времени стабильно и эффективно поддерживаться принуждением). Однако, если рассматривать бездействие международного или национального права как единичный факт, связанный с неисполнением и/или несоблюдением его принципов и норм отдельно взятым субъектом, то в устранении такого факта принуждение играет гораздо большую роль, чем признание. Таким образом, и признание, и сила одинаково значимы для обеспечения действительности права, хотя и играют в нем разную роль.

Теперь поговорим о различиях.

Признание национального права во многом обеспечивается его неразрывной связью с ценностями национальной культуры, которые являются универсальными в том смысле, что разделяются всеми субъектами права, принадлежащими данному обществу.

Преломляясь в принципах права как его базовых, исходных идейных установках, ценности национальной культуры оказываются тем фундаментом, на котором базируется позитивное право и правовая практика. Связь с ценностями обеспечивает восприятие предъявляемых правом требований, а также согласующегося с ними поведения субъектов в качестве разумных (обоснованных, рациональных, целесообразных) и справедливых. Включенность субъектов в единый ценностный контекст способствует идентификации ими друг друга в качестве «своих», принадлежащих одной и той же общности, принимающих одни и те же правила и следующие им. Такая идентификация оказывается важным условием эффективной правовой коммуникации, так как именно она способствует пониманию каждым другого, а

одновременно – возникновению у каждого убежденности в том, что другой также понимает того, с кем взаимодействует. Убежденность в сходстве базовых установок, одинаковом восприятии правил и вера во взаимное понимание создают условия, способствующие взаимному доверию, а также во многом обеспечивают легитимацию принуждения в случае его применения.

Как и в национальном праве, в международном праве ценности и выражающие их принципы являются фундаментом, на котором надстраивается всё то, что устанавливается волей государств и придает международному праву значение социально-политического феномена. Из признания ценностей международного права логически вытекает признание самого этого права.

Однако, если в национальном праве ценности естественны в силу того, что «вырастают» как ценности правовой культуры, из архетипов и установок менталитета общества, то в международном праве «общие» ценности конвенциональны. Сам факт их существования – скорее результат признания субъектами международного права приверженности декларированным намерениям и принципам, нежели отражение реальной универсальности тех или иных установок и предпочтений.

Что касается принуждения, то в национальном праве оно эффективно тогда, когда, во-первых, осуществляется легитимно (при этом легитимность осуществления государственного принуждения, как правило, неразрывно связана с легитимностью государственной власти), во-вторых, когда государство располагает ресурсами, необходимыми и достаточными для того, чтобы преодолеть усилия, прилагаемые принуждаемыми для реализации собственной воли (причем применение таких ресурсов должно быть организованным: принуждение должно осуществляться на основе закона специальными органами, должностными лицами или иными уполномоченными субъектами).

В международном политико-правовом пространстве нет «организационных структур ... которые гарантировали бы правомерное поведение субъектов правоотношений» [3, с. 155]. Поэтому в международном публичном праве принуждение выступает силой, которая применяется его субъектами сообща, по общей договоренности.

Легитимность принуждения, как и существование «общих» ценностей – результат конвенции, при этом легитимация принуждения может осуществляться не только посредством его легализации или совершения субъектами конклюдентных действий, способствующих достижению целей силового воздействия, но и молчаливым согласием одних субъектов международного публичного права с фактическим применением силы другими субъектами.

Применение в международном политико-правовом пространстве силы отдельно взятыми субъектами, способными благодаря своей политической мощи «принудить» других поступать или не поступать определенным образом, противоречит духу международного права, причем даже тогда, когда не противоречит фор-

мализованным в международных правовых документах принципам. В этой связи чрезвычайно значимым для обеспечения действенности международного права оказывается безусловное соблюдение принципа неприменения силы и угрозы силой – особенно государствами, в реальности способными оказать давление на более слабых в политическом, экономическом и/или военном смысле акторов.

В тот момент, когда любое государство, обладающее силой для неправомерного вмешательства в дела другого субъекта международного публичного права, перестает соблюдать рассматриваемый принцип или следует ему лишь в ситуациях, когда это ему выгодно, международное право лишается опоры на добровольное признание и начинается медленный, но практически не обратимый процесс его девальвации. С одной стороны, снижается авторитет международного права в силу того, что его субъекты осознают двойственность устанавливаемых государственно-властным порядком стандартов и готовность «сильных» государств следовать принципу неприменения силы и невмешательства в дела другого государства лишь до тех пор, пока это им выгодно в политическом плане. С другой стороны, в ситуациях неправомерного применения силы или угрозы силой государства, интересам которых причиняется реальный или потенциальный вред, вследствие неэффективности механизмов международного права в ограничении агрессивных действий других субъектов сами оказываются вынуждены прибегать к силе как к единственно возможному реальному способу своей защиты.

Принимая во внимание специфику международного права и особенности его функционирования, можно утверждать, что его действенность принципиально возможно обеспечить лишь при соблюдении трех условий. Первое заключается в том, что в отношениях между государствами презюмируется отсутствие диспозиции «свой-чужой», несмотря на реально существующие культурные различия, расхождения в восприятии базовых для международного права ценностей, а также разницу в моделях поведения, обеспечивающих их реализацию в межгосударственном сотрудничестве. Вторым условием является принятие и соблюдение тех принципов, которые провозглашаются в международном праве универсальными, субъектами, способными в силу политического и/или экономического превосходства взять на себя функции «организационных структур ... которые гарантировали бы правомерное поведение субъектов правоотношений» [3, с. 155]. При этом принятие принципов подтверждается декларированием намерения им следовать и созданием конкретных юридических инструментов и механизмов, обеспечивающих их осуществление в межгосударственном сотрудничестве, соблюдение, в свою очередь, подтверждается точной и неуклонной реализацией межгосударственных договоров и других международных правовых актов, основанных на указанных принципах, а также применением созданных инструментов и механизмов. Третье условие состоит в том, что

значение базового компонента в механизме обеспечения эффективности международного права в долгосрочной перспективе сохраняет признание, а не сила.

В современных условиях, к сожалению, ни одно из перечисленных условий не соблюдается, вследствие чего действенность международного права снижается, а оно само утрачивает авторитет.

То, что диспозиция «свой-чужой» в международном политико-правовом пространстве продолжает действовать, связано с неустранимостью культурных различий.

Международное право исторически является феноменом западноевропейской правовой культуры, и в этой связи «вхождение» в его пространство субъектов, принадлежащих другим культурам, изначально ассоциируется с их «приобщением» к системе ценностей и принципов этой культуры. Носители западноевропейской культуры ожидают, что «вхождение» в пространство международного права других государств станет тем, чем для индивида является процесс социализации, а именно процессом «перенимания-от другого» того мира, в котором другие уже живут» [1, с. 212]. Однако, при этом не принимается во внимание, что даже индивидом «мир, который в свое время был «перенят-от-другого», может быть впоследствии творчески видоизменен или (что менее вероятно) даже заново создан» [1, с. 212]. Субъекты международного права, не являющиеся носителями западноевропейской культуры, также стремятся к тому, чтобы «творчески видоизменить» международное политико-правовое пространство, и их стремления столь же необратимы, сколь и закономерны.

Чем более многочисленными и активными оказываются субъекты, не являющиеся частью «западного мира», тем в большей мере международное право перестает быть феноменом западноевропейской культуры. Происходит его «девестернизация», которая далеко не всеми воспринимается как позитивный процесс. Как следствие, возникают объективные предпосылки для солидаризации сторонников и противников названного процесса и постепенного формирования для одних и других образа «чужого», воплощением которого становятся приверженцы противоположной позиции.

Что касается принципов международного публичного права, провозглашаемых универсальными, то их принятие оказывается неразрывно связанным с интерпретацией каждым из участников коммуникации в контексте собственных, присущих его культуре архетипов и ценностей. В результате одним и тем же принципам и нормам могут приписываться принципиально разные значения, и из объективной реальности международное право для каждого из субъектов превращается в смысловую систему, конструируемую им самим.

Как следствие, на практике оказывается, что субъекты международного права функционируют и взаимодействуют не в общем для них интересующем пространстве, а принимают (и, главное, пытаются выдать) за такое пространство нечто принципиально иное, а именно – ими самими и солидаризирующимися с ними

субъектами конструируемую реальность, в которую они стремятся «втянуть» других. Эту особенность очень точно подчеркнул официальный представитель китайского МИДа Чжао Лицзянь, опубликовавший в своем Twitter с подписью «Международное сообщество, о котором вы постоянно слышите» карикатурную карту мира, на которой изображены лишь США, Канада, государства Западной Европы, Япония, Австралия и Новая Зеландия.

Идея безусловного соблюдения всеми субъектами международного публичного права тех принципов, которые провозглашаются в нем универсальными, а также опирающихся на эти принципы норм подменяется отдельными акторами представлением об обязательности соблюдения принципов и норм международного права в коммуникации со «своими» и в той конструируемой реальности, которая для «своих» становится их собственным «международным правом».

В определенной мере такому развитию событий способствует то, что базовые принципы международного права в действительности не составляют целостной внутренне непротиворечивой системы. Например, принцип территориальной целостности государств при определенных политических условиях может вступать в противоречие с принципом равноправия и самоопределения народов. При этом складывающаяся международно-правовая практика не дает ответа на вопрос, каковы правила разрешения коллизии, возникающей в ситуации, когда народ, проживающий на территории государства, требует признать его независимость или желание стать частью другого государства. Например, Франция, США, Великобритания, Италия и многие другие государства-члены ООН признали независимость Косово, однако, не признали независимость Абхазии и Южной Осетии, продемонстрировав политику «двойных стандартов» и то, что решение коллизии между принципом территориальной целостности государств и принципом равноправия и самоопределения народов может определяться и определяется политической конъюнктурой.

Возникновение конкуренции принципов создает предпосылки для их «избирательного применения» и в тех ситуациях, когда в действительности такой конкуренции нет. Действия, являющиеся противоправными с точки зрения общепризнанных принципов международного права, трансформируются в такие, правомерность или противоправность которых определяется тем, как они маркируются государствами, наиболее сильными в политическом, экономическом и военном плане, а также тем, в отношении кого – «своих» или «чужих» – они совершаются.

Особенно критичным для международного права в современных условиях оказывается отказ от безусловного соблюдения принципа неприменения силы и угрозы силой.

Уставом Организации Объединенных Наций созданы правовые механизмы ограничения возможности использования принуждения в политических целях. Однако, данные механизмы можно считать эффективными лишь условно, поскольку на практике они не гарантиру-

ют неприменение в одностороннем порядке мер политического, экономического и/или военного воздействия всеми без исключения участниками межгосударственного взаимодействия.

Освобождение США от «гуманистических пут» международного права и «присваивание» ими норм международного права в качестве средств решения собственных политических задач (по меткому замечанию Дж. Сороса, дифференциация суверенитета США как имеющего приоритет перед международными договорами и обязательствами, и суверенитета всех прочих государств, напоминает ситуацию, описанную в «Скотном дворе» Дж. Оруэлла: все животные равны, но некоторых из них равнее других [9, с. 25–26]), фактически делает невозможным следование принципам и нормам международного права для других участников межгосударственного взаимодействия. Подобно этому в частном праве несоблюдение условий договора одной из сторон подразумевает невозможность его добросовестного исполнения другой стороной, с той лишь разницей, что если в частном праве речь идет об условиях, установленных соглашением сторон, то в международном публичном праве – прежде всего о получивших общее признание в качестве универсальных принципах, принятие и соблюдение которых декларируются.

Изложенное свидетельствует о том, что внешняя политика США, сама по себе не являясь причиной девальвации международного права, запускает процессы, приводящие к необратимым для него последствиям. Поскольку для других участников межгосударственных отношений становится очевидным то, что при принятии решений определяющее влияние на международное право начинают оказывать «экономические и политические интересы США, а не общепризнанные правовые нормы» [6, с. 214], постольку складываются предпосылки для отказа других акторов от безусловного признания международного права. Одновременно, поскольку международное право демонстрирует свою неэффективность в ограничении силового давления, оказываемого США на других участников межгосударственного взаимодействия, значение единственного доступного инструмента преодоления этого давления приобретает сила.

С учетом того, что в истории человечества близкая смерть международного права провозглашается с завидной регулярностью – всякий раз, когда оно демонстрирует свою неэффективность в условиях очередного кризиса, – вряд ли можно ожидать, что сегодня девальвация международного публичного права приведет к его полному исчезновению. В условиях, когда умение договариваться наряду с прагматизмом и рациональностью внешнеполитических решений напрямую влияет на возможность эффективной реализации государствами «внутренних» функций, рано или поздно не только насущной потребностью, но и реальностью станет реконструкция международного права.

Конечно, утратив доверие, то международное право, к которому мы привыкли, к сожалению, обречено стать

фактом истории. При этом актуальность приобретает вопрос о том, что будет собой представлять международное право после его реконструкции. Уже сейчас очевидно и снижение роли международных организаций в обеспечении его воспроизводства и функционирования, и то, что международное сотрудничество в пространстве его действия все чаще заменяется сотрудничеством межгосударственным. На смену универсальным ценностям и общим принципам как базовым для международного права регуляторам приходят временные соглашения и договоренности, которые соблюдаются лишь до тех пор, пока это выгодно коммуницирующим субъектам, и разрываются так же легко, как и заключаются. Насколько в условиях существования глобальных угроз современной цивилизации, постоянного усложнения геополитической обстановки и изменения структуры современной системы международных отношений подобные соглашения и договоренности, лишенные того гуманистического потенциала, с которым всегда ассоциировалось международное право, смогут быть эффективными регуляторами, окажутся ли они способными обеспечивать и поддерживать международный мир и безопасность, покажет время.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Запад разрушает все международно-правовые основы, заявили в МИД // URL://<https://ria.ru/20220301/osnovy-1775892060.html?ysclid=l4z1ggeqtx413370224>.
3. Клименко А. И. Международное право как особая форма права // Закон и право. 2019. № 9. С. 153–158.
4. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. 22 с.
5. Лихачев В. Н. Россия и международно-правовое сообщество (часть 1) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2008. № 2-3 (81-82). С. 18–22.
6. Мусаелян Л. А. Кризис международного права: цивилизационный и геополитические факторы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 211–225.
7. Престон К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. СПб. : Амфора, 2005. 606 с.
8. Россия готова к диалогу со всеми странами, заявил Лавров // URL://<https://ria.ru/20220224/dialog-1774816328.html?ysclid=l4zva5m7qu320645200>.
9. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. М. : Альпина Бизнес Букс, 2004. 192 с.
10. Фархутдинов И. З. Американская доктрина о превентивном ударе от Монро до Трампа: международно-правовые аспекты. М. : Инфра-М, 2021. 419 с.

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M. : Medium, 1995. 323 p.
2. The West is destroying all international legal foundations, the Foreign Ministry said // URL://<https://ria.ru/20220301/osnovy-1775892060.html?ysclid=l4z1ggeqtx413370224>.
3. Klimenko A.I. International law as a special form of law // Law and law. 2019. No. 9. P. 153–158.
4. Kritsky K. V. Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law. Abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences'. Kazan, 2021. 22 p.
5. Likhachev V.N. Russia and the international legal community (part 1) // Representative power – XXI century: legislation, comments, problems. 2008. No. 2-3 (81-82). P. 18–22.
6. Musaelyan L. A. The crisis of international law: civilizational and geopolitical factors // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2014. No. 4 (26). P. 211–225.
7. Preston K. The Rogue Country. The unilateral completeness of America and the collapse of good intentions. SPb. : Amphora, 2005. 606 p.
8. Russia is ready for dialogue with all countries, Lavrov said // URL://<https://ria.ru/20220224/dialog-1774816328.html?ysclid=l4zva5m7qu320645200>.
9. Soros J. The soap bubble of American supremacy. What should American power be directed at. M. : Alpina Business Books, 2004. 192 p.
10. Farkhutdinov I. Z. The American doctrine of a preventive strike from Monroe to Trump: international legal aspects. M. : Infra-M, 2021. 419 p.

Информация об авторе

Г. М. Лановая – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

G. M. Lanovaya – Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 343.131

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-167-174>

НИОН: 2015-0066-6/22-553

MOSURED: 77/27-011-2022-06-752

Искусственное соблюдение сроков в ходе предварительного следствия: понятие и способы его пресечения

Олег Владимирович Логунов¹, Эльдар Кяримович Кутуев²

¹ Администрация Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, Санкт-Петербург, Россия, logunov864@rambler.ru

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, kutuev@inbox.ru

Аннотация. Предметом исследования является деятельность участников в ходе предварительного расследования, направленная на соблюдение сроков производства по уголовному делу. Цель статьи – определить способы, используемые участниками, для создания видимости соблюдения сроков предварительного следствия, и предложить пути их устранения. Такой вид деятельности участников предлагается именовать искусственным соблюдением сроков, под которым мы понимаем имитацию участниками уголовного судопроизводства доказательственных фактов, отсутствующих в действительности, или искажение имеющейся по уголовному делу информации, позволяющей дознавателю, следователю или суду принять решение о продлении, приостановлении, восстановлении или возобновлении сроков производства по уголовному делу либо считать выполненные действия законными. В ходе анализа уголовных дел выявлены некоторые способы такой имитации соблюдения сроков участниками стороны обвинения и защиты. На основе обобщения решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека предложены способы пресечения такой искусственной деятельности, в частности предлагаются трактовки изменения статьи 172 Уголовно-процессуального кодекса РФ, необходимость оценки деятельности защитника как самовольное отстранение от защиты в случае несвоевременной подачи жалоб и ходатайств, разделение предварительного расследования на этапы, каждый из которых был бы определен четкими сроками, которые бы зависели не только от формы предварительного расследования, но и от категории наиболее тяжкого преступления.

Ключевые слова: сроки предварительного следствия, разумный срок, искусственное соблюдение сроков, предварительное расследование, имитация соблюдения сроков, нарушение сроков следствия

Для цитирования: Логунов О. В., Кутуев Э. К. Искусственное соблюдение сроков в ходе предварительного следствия: понятие и способы его пресечения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 167–174. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-167-174>.

Original article

Artificial compliance with deadlines during the preliminary investigation: the concept and methods of its suppression

Oleg V. Logunov¹, Eldar K. Kutuev²

¹ Administration of the President of the Russian Federation in the North-Western Federal District, Saint Petersburg, Russia, logunov864@rambler.ru

² Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, kutuev@inbox.ru

Abstract. The subject of the study is the activity of the participants in the course of the preliminary investigation aimed at meeting the deadlines of the criminal proceedings. The purpose of the article is to identify the methods used by the participants to create the appearance of compliance with the terms of the preliminary investigation, and to suggest ways to eliminate them. It is proposed to call this type of activity of participants artificial compliance with deadlines, by which we mean imitation by participants of criminal proceedings of evidentiary facts that are not in reality, or distortion of information

© Логунов О. В., Кутуев Э. К., 2022

available in a criminal case, allowing the investigator, investigator or court to decide on the extension, suspension, restoration or resumption of the terms of proceedings in a criminal case or to consider the actions performed legitimate. During the analysis of criminal cases, some ways of such imitation of compliance with deadlines by the participants of the prosecution and defense have been identified. Based on the generalization of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, the ways of suppressing such artificial activity are proposed, in particular, the interpretation of the amendment of Article 172 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the need to assess the activities of the defender as unauthorized removal from protection in case of late filing of complaints and petitions, the division of the preliminary investigation into stages, each of which would be defined by clear deadlines that would depend not only on the form of the preliminary investigation, but also from the category of the most serious crime.

Keywords: terms of preliminary investigation, reasonable time, artificial compliance with deadlines, preliminary investigation, imitation of compliance with deadlines, violation of investigation deadlines

For citation: Logunov O. V., Kutuev E. K. Artificial compliance with deadlines during the preliminary investigation: the concept and methods of its suppression. Bulletin of economic security. 2022;(6):167–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-167-174>.

В ходе предварительного следствия следователь руководствуется ст. 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В основном требование высказывается к органам уголовного преследования, но соблюдение предусмотренных сроков во многом зависит от следственных ситуаций, складывающихся при производстве по уголовному делу, в том числе своевременности исполнения участниками своих процессуальных обязанностей.

Нарушение сроков, предусмотренных УПК РФ, влечет за собой самые неблагоприятные последствия – от освобождения из-под стражи до признания доказательств недопустимыми [1, с. 209]. Поэтому при нарушении закона подобного рода руководитель следственного органа, прокурор, суд обязаны незамедлительно принимать меры по их устранению.

Следователь должен закончить расследование в срок, не превышающий 2 месяца со дня возбуждения уголовного дела. Этот срок может быть продлен до 3 месяцев, по уголовным делам, представляющим особую сложность – до 12 месяцев, в исключительных случаях – свыше 12 месяцев (ч.ч. 1, 4, 5 ст. 162 УПК РФ). Если следователем своевременно не был продлен срок следствия, но при этом производство следственных действий продолжается, то последствием такого нарушения является недопустимость всех собранных доказательств в этот период, а также может привести к признанию незаконным привлечение в качестве обвиняемого, избрание или продление меры пресечения, или объявление лица в розыск и т. п.

Так, Калининградским районным судом было возбуждено в порядке ст. 237 УПК РФ уголовное дело в отношении М., обвиняемого в квалифицированном разбое. Основанием возвращения уголовного дела послужило то, что, по мнению суда, утрачено одно из постановлений о продлении срока следствия, производство было восстановлено неверным способом. При этом судом высказана точка зрения, что при отсутствии данного постановления заочное обвинение и объявление в розыск обвиняемого М. могут быть признаны незаконными, что повлечет за собой необходимость прекращения уголов-

ного преследования, или в случае признания М. судом виновным в совершении инкриминируемого преступления – освобождение его от наказания в связи с истечением сроков давности.

В случае необходимости производства следственных или розыскных действий не по месту совершения преступления следователь вправе поручить производство этих действий следователю или органу дознания, которое должно быть исполнено в срок не более 10 суток (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

Для необходимости соблюдения процессуальных сроков предусмотрены следующие гарантии:

– Возможность производства предварительного расследования по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 4 ст. 152 УПК РФ).

– Производство предварительного следствия следственной группой. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 39, ч. 2 ст. 163 УПК РФ руководитель следственного органа может создавать следственную группу, изменять ее состав. При этом состав следственной группы объявляется подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, которые имеют право отвода. Вместе с тем, каких-либо конкретных сроков для ознакомления законом не предусмотрено.

Примером вышеуказанного упущения законодателя является кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 11 сентября 2012 года по жалобе обвиняемого в порядке ст. 125 УПК РФ, который просил признать незаконным бездействие следователя. Суд установил, что обвиняемый был ознакомлен с составом следственной группы после производства следствия, всех следственных действий непосредственно в ходе ознакомления с материалами уголовного дела. Суд отказал в удовлетворении жалобы, обосновав свое решение тем, что данное нарушение уже устранено, так как обвиняемый при ознакомлении с материалами дела был ознакомлен с составом следственной группы. Кроме того, суд указал, что в настоящее время при наличии оснований обвиняемый не лишен возможности обжаловать постановление о производстве предварительного следствия следственной группой, а также заявлять отвод ее составу.

– Определение исчисления сроков производства при соединении уголовных дел (ч. 4 ст. 153 УПК РФ). Следует отметить, что истолковывают вопросы исчисления сроков правоприменители нередко по-разному. Так, в ходе расследования уголовного дела в одно производство были соединены несколько дел с разными сроками следствия, в том числе уголовные дела, срок предварительного следствия в установленном законом порядке продлен не был и на момент соединения истек. По части уголовных дел следственные действия были выполнены за сроками производства предварительного следствия, то есть по его истечению. По результатам рассмотрения уголовного дела судом и вынесения обвинительного приговора стороной защиты были поданы жалобы об отмене приговора. Одним из доводов отмены был приведен факт проведения следственных и процессуальных действий после истечения срока предварительного расследования и до соединения с основным уголовным делом.

По результатам рассмотрения Третьим апелляционным судом общей юрисдикции в удовлетворении жалоб стороны защиты было отказано, в части доводов о проведении следственных и процессуальных действий после истечения срока предварительного следствия указано, что, учитывая факт соединения уголовных дел, сроки следствия исчисляются по основному уголовному делу и нивелируются. Соответственно, проведенный комплекс действий относится к основному уголовному делу, поэтому нарушений по данному факту судом не установлено.

Также есть практические сложности и неопределенности при установлении общего срока содержания под стражей обвиняемого, чье уголовное преследование осуществляется в рамках двух и более уголовных дел [2].

– Порядок исчисления сроков предварительного следствия по уголовному делу, выделенному в отдельное производство (ч. 6 ст. 154 УПК РФ).

– Гарантии уведомления участников о принимаемых процессуальных решениях и сроках производства следственных действий в разумные сроки.

– Сроки проведения отдельных следственных действий и принятия некоторых процессуальных решений.

Зная, что нарушение сроков приводит к негативным последствиям, органы уголовного преследования и участники сторон начинают искать способы мнимого соблюдения сроков. Мы предлагаем таковые именовать термином «искусственное соблюдение сроков», под которым понимаем имитацию участниками уголовного судопроизводства доказательственных фактов, которые отсутствуют в действительности, или искажение имеющейся по уголовному делу информации, позволяющей дознавателю, следователю или суду принять решение о продлении, приостановлении, восстановлении или возобновлении сроков производства по уголовному делу, либо считать выполненные действия законными. Иногда такое решение выносится лицом, в производстве ко-

торого находится уголовное дело, заведомо незаконно, рассчитывая на незамедлительную его отмену в рамках осуществления контроля или надзора и установления дополнительного срока расследования. В данном определении отсутствует фальсификация, так как если доказательства будут фальсифицированы дознавателем, следователем, защитником или прокурором, то должен быть решен вопрос о привлечении виновных к ответственности по ч. 2 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

При анализе уголовных дел, находящихся в производстве следователей органов внутренних дел выявлено, что имеющиеся указанные выше гарантии могут быть использованы как стороной обвинения, так и стороной защиты для искусственного соблюдения сроков¹.

Выявленные нами способы искусственного соблюдения сроков участниками стороны обвинения:

– Не предусмотрен срок принятия следователем уголовного дела к своему производству, если поручается производство по уже возбужденному уголовному делу (ч. 2 ст. 156 УПК РФ). В этом случае, если была необходимость незамедлительного вынесения отдельных процессуальных решений, производства отдельных следственных действий или определения судьбы вещественных доказательств по уголовному делу, то промедление следователя в принятии к производству уголовного дела и не выполнение требований по срокам принятия решений, не может признаваться незаконным.

– Срок задержания подозреваемого в силу объективных причин рассматривается лишь как необходимость соблюдения сроков доставки в орган дознания, следователю, соблюдения срока составления протокола задержания и важность принятия решения о мере пресечения в виде заключения под стражу в течение 48 часов [4, с. 23]. Но изучение материалов уголовных дел показало, что срок прибытия следователя к месту нахождения доставленного может исчисляться десятками часов (это зависит от удаленности подразделения, количества находящихся в производстве материалов у следователя, по которым ему также необходимо незамедлительно принять решение и т. д.), а также от удаленности места фактического задержания². На важность правильного указания времени фактического задержания указывает и Верховный Суд РФ. Так, фигуранта дела задержали

¹ Исследование проводилось при подготовке статьи: Кутуев Э. К., Лаков А. В. Тожественные ли понятия «следственные ошибки» и «следственные нарушения»? // Российский судья. 2022. № 4. С. 50–54.

² Изучалось 120 уголовных дел, в рамках которых подозреваемый задерживался в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ, находящихся в производстве следователей органов внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Исследование проводилось Гершевым Ю. Р., Кутуевым Э. К. и Поликарповой О. С. при подготовке Главы 11. «Уголовно-процессуальное принуждение» учебника для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы МВД России «Актуальные проблемы уголовного процесса» (СПб, 2022) [5, с. 354–390].

в Красноярске, откуда он был доставлен в Абакан, где осуществлялось предварительное расследование. Протокол был составлен в момент доставления в следственный орган, поэтому дата не соответствовала реальным срокам, что послужило нарушению при зачете в срок отбывания наказания [6].

По прибытию следователь начинает производство следственных действий с подозреваемым, тем самым сроки помещения в изолятор временного содержания (далее – ИВС) переносятся на неопределенный срок. Такая работа органа дознания и следователя вне ИВС приводит к нарушению режима содержания подозреваемого, отсутствия бесплатного питания, материально-бытового и медико-санитарного обеспечения, нарушению права на восьмичасовой сон в ночное время (за исключением случаев, предусмотренных ст. 165 УПК РФ), а также иных прав, предусмотренных Федеральным законом от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ [7]. Хотя юридически 48-часовой срок задержания выдерживается. На необходимость пересмотра института задержания не раз указывалось в литературе, но именно с точки зрения обеспечения начала появления подозреваемого как участника [8; 9], а не соблюдения его прав как задержанного лица, важности своевременного доставления и помещения его в ИВС.

– Требование соблюдения максимального срока содержания под стражей содержится не в принципах уголовного судопроизводства, а в общих условия предварительного расследования (ч. 4 ст. 158 УПК РФ). Анализ норм УПК РФ дает основание считать течение срока данной меры пресечения лишь с момента фактического лишения лица свободы перемещения до начала выполнения требований ознакомления с материалами уголовного дела. Так как в последующем срок может превышать максимальный и устанавливаться судьей для ознакомления с материалами уголовного дела на неограниченное количество месяцев, но каждый раз не более чем на 3 месяца (п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ). При этом подобного положения о продлении срока стадии предварительного расследования в ст. 162 УПК РФ не содержится. До окончания предварительного расследования исчисляется и срок длящихся следственных действий, проводимых на основании судебного решения (ч. 6 ст. 185, ч. 5 ст. 186, ч. 7 ст. 186.1 УПК РФ). Чрезмерное время расследования, вплоть до истечения сроков давности, ставило подозреваемого или обвиняемого в состоянии «неопределенности относительно его правового положения, не гарантируя в системе действующего правового регулирования разрешения его дела в разумные сроки». Усмотрев в этом нарушение основных принципов уголовного судопроизводства, Конституционный Суд РФ признал ч. 2 ст. 27 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ [10].

Порядок исчисления сроков мер пресечения, связанных с изоляцией от общества, особенности производства длящихся несколько месяцев следственных действий приводят к дискуссии о необходимости вы-

деления либо этапов предварительного расследования (И. В. Маслов [11], Г. Б. Петрова [12], О. А. Чабукиани [13]), либо самостоятельной стадии уголовного процесса в виде окончания предварительного расследования и деятельности прокурора по поступившему уголовному делу (А. А. Резяпов [14], А. В. Мордвинов [15]). Полагаем, что целесообразно предусмотреть этапы расследования. Считаем, что имеющееся определение единых сроков следствия без учета степени и тяжести совершенного преступления, не отвечает требованиям разумного срока. На наш взгляд, следует определять общие сроки, исходя из категории преступления. Например, преступления небольшой тяжести – общий срок 30 суток; преступления средней тяжести – 2 месяца, тяжкие преступления – 3 месяца, особо тяжкие преступления – 4 месяца.

– Осуществление уведомления в письменном виде с предусмотренными сроками не фактического информирования, а с письменного направления. Так, следователю достаточно направить через канцелярию следственного подразделения уведомления обвиняемому и его защитнику, а также потерпевшему и его представителю о продлении срока предварительного следствия (ч. 8 ст. 162 УПК РФ). Письменного подтверждения участника о получении таких уведомлений не требуется. В результате участник своевременно не может подать жалобу на возможные нарушения его права на рассмотрение дела в разумные сроки и без неоправданной задержки.

– Предъявление обвинения лицу не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого с информированием потерпевшего об объеме обвинения. Абсолютное большинство следователей информируют потерпевшего об объеме обвинения непосредственно при ознакомлении с материалами уголовного дела, аргументируя свои действия тем, что на сегодняшний день УПК РФ не предусматривает порядка и сроков такого уведомления потерпевшего, что подтверждается и решением Конституционного Суда РФ [16, п. 3]. Заблаговременно информировать обвиняемого, имея лишь 3 суток для предъявления, не представляется возможным, особенно когда у защитника по законодательству есть 5 суток явки со дня заявления ходатайства о приглашении защитника. Таким образом, следователь информирует лишь потенциального обвиняемого, а не лицо, которому официально этот статус уже дан. В ином случае, в абсолютном большинстве случаев неявка будет уважительной (несвоевременный вызов).

– Сроки ознакомления с постановлением о назначении судебных экспертиз и заключением эксперта. В соответствии с ч. 3 ст. 195 УПК РФ следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, о чем составляется протокол. Представляется верным делать

это незамедлительно после вынесения постановления, либо придания соответствующего статуса лицу, чтобы участник мог реализовать свои права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ (например, поставить свои вопросы) до начала или хотя бы до окончания производства экспертизы. Следует помнить, что Конституционный Суд РФ расширительно толкует появление в уголовном деле такого участника как подозреваемый. Вместе с тем, каких-либо конкретных указаний в УПК РФ на ознакомление не имеется, и приходится исходить из общих принципов уголовного судопроизводства (права на защиту, состязательность, право на разумный срок производства по уголовному делу). Поэтому в случае ознакомления участника с постановлением о назначении судебной экспертизы после ее проведения, а не редко и одновременно с ее заключением, при оценке допустимости этой экспертизы необходимо исходить из того, заявило ли лицо ходатайство о постановке дополнительных вопросов, а также о том, что его права в этой части были нарушены. Если лицо не считает свои права нарушенными и не заявило никаких ходатайств, то никаких нарушений закона здесь не усматривается, так как ознакомление проводится в рамках предварительного следствия и лицо не лишено права заявить такое ходатайство. В ином случае следует провести повторную экспертизу.

– Общая продолжительность допроса «в течение дня не должна превышать 8 часов» (ч. 3 ст. 188 УПК РФ). Буквальная трактовка законодателя порождает несколько действий органов уголовного преследования, нарушающих права участника в моральном и нравственном, но не правовом аспекте: 1) продолжительность допроса не распространяется на ночное время; 2) продолжительность производства нескольких следственных действий в течение суток с одним участником не предусмотрена, а значит, при констатации случаев, не терпящих отлагательства, в том числе при искусственном соблюдении сроков, может превышать даже сутки. Например: лицо задержано в 22.00 и доставлено в орган дознания в 00.30. После возбуждения уголовного дела следователь в 2.30 составил протокол задержания и, обеспечив право на защиту, в 06.00 начал допрос подозреваемого. Через 4 часа прервался на перерыв и продолжил с 11.00. Закончив в 13.40 следственные действия, следователь пришел к выводу о необходимости провести обыск с участием подозреваемого. Все участники прибыли на место производства обыска в 16.25. Следственное действие проводилось до 22.40. После этого подозреваемый был доставлен в ИВС. Итак, после фактического задержания до помещения в ИВС прошло больше 24 часов. Фактически время на отдых у участника не было (кроме перерыва в ходе допроса).

– Вынесение заведомо незаконного постановления о приостановлении сроков предварительного расследования или прекращения уголовного дела с тем, чтобы в рамках ведомственного контроля или надзора решение было отменено с установлением дополнительного

срока расследования. Выявлены случаи, когда такие решения выносятся незамедлительно после поступления материалов уголовного дела на проверку. Например, причиной обращения в Конституционный Суд РФ (дело № 14176/15-01/2019) стало вынесением следователем 16 постановлений о приостановлении предварительного расследования и 16 решений об их отмене руководителем следственного органа, в результате чего общий срок производства предварительного расследования был растянут до трех с половиной лет.

Способы искусственного соблюдения сроков участниками стороны защиты:

– Участник должен заранее уведомить следователя о причинах неявки на следственное действие (ч. 3 ст. 188 УПК РФ). Часто защитники, зная о том, что предусмотрен срок явки 5 суток с момента официального вызова, не являются, аргументируя свое отсутствие тем, что не последовало ходатайства о приглашении защитника. Верховный и Конституционный Суды РФ именуют подобного рода способы затягивания сроков «злоупотреблением правом на защиту» [17].

– Защитник, участвующий в следственном действии, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать краткие консультации (ч. 2 ст. 53 УПК РФ) в присутствии следователя. Например, в ходе допроса после каждого вопроса следователя защитник дает краткую консультацию. Это существенно увеличивает время следственного действия, но запретить такие консультации следователь не вправе и заносить в протокол существо даваемой консультации тоже не может.

– Ходатайство участников о назначении судебных экспертиз, изначально зная о длительности их производства. Так, неоднократное ходатайство о проведении психиатрической экспертизы потерпевшему позволило рассматривать уголовное дело с октября 2019 года по декабрь 2021 года. Это привело к освобождению от наказания виновного в связи с истечением двухлетнего срока давности уголовного преследования [18].

– Заявление жалоб и ходатайств непосредственно при ознакомлении с материалами уголовного дела. Это приводит к необходимости разрешения каждого из них и решения вопроса о продлении сроков расследования и некоторых мер пресечения.

Способы своевременного выявления искусственного соблюдения сроков:

– В истории отечественного законодательства уже пресекались некоторые способы искусственного соблюдения сроков. Так, по УПК РСФСР при выделении уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, совершившего преступление в соучастии, когда по основному уголовному делу сроки уже продлевались, а в отношении соучастника были основания для приостановления производства по уголовному делу, то срок исчислялся со дня вынесения соответствующего постановления (при условии, что в отношении первого соучастника была избрана мера пресечения, не связанная

с изоляцией от общества). На сегодняшний день в подобном случае выделения уголовного дела в отдельное производство срок исчисляется с момента возбуждения уголовного дела, из которого оно было выделено в отдельное производство (ч. 6 ст. 154 УПК РФ).

– Ужесточение контроля и надзора за основаниями избрания и продления мер пресечения, тем более что на это неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ [19; 20] и Европейский Суд по правам человека¹.

– Предусмотреть присутствие сторон при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста, в том числе с использованием видео-конференц связи. Для всестороннего исследования судом оснований продления, необходимо предусмотреть обязанность следователя не позднее чем за 7 суток до истечения срока меры пресечения направить соответствующее ходатайство с представляемыми материалами не только в суд, но и стороне защиты. Это даст возможность сформулировать доводы защиты и своевременно предоставить имеющиеся опровержения, которые также заблаговременно до начала рассмотрения ходатайства должны быть представлены судье и следователю.

– Дополнить ст. 172 УПК РФ пунктом 10 следующего содержания: «10. Следователь уведомляет потерпевшего о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого, разъясняет ему предусмотренное п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ право ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию».

– Предусмотреть этапы стадии предварительного расследования, каждая из которых предусматривала конкретные сроки принятия решений, а также предусмотреть общий срок расследования не только исходя из формы предварительного расследования, но и из тяжести совершенного преступления.

– Расценивать несвоевременность подачи жалоб или ходатайств защитником как самовольное отстранение от должной юридической помощи доверителю непосредственно при проведении того следственного или процессуального решения, которое обжалуется. Например, если при предъявлении для опознания от участвующего защитника никаких жалоб, замечаний не поступило, а при ознакомлении с материалами уголовного дела или при передаче уголовного дела в суд он подает жалобу на порядок проведения данного следственного действия или ходатайствует об исключении протокола из перечня допустимых доказательств, то фактически при предъявлении для опознания он самоустранился от участия. Что не допустимо и является грубым нарушением исполнения обязанностей.

¹ Европейский Суд по правам человека 16 ноября 2021 года вынес постановление по делу «Ковров против России», вступившее в законную силу 16 февраля 2022 года, в котором установил нарушение п.п. 3, 5 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, неоднократное продление сроков меры пресечения.

Список источников

1. Петрова Г. Б., Лавнов М. А. Правовое регулирование времени производства предварительного следствия // Вестник Саратовской юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 202–210.

2. 2. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 года № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кутуев Э. К., Лаков А. В. Тожественные ли понятия «следственные ошибки» и «следственные нарушения»? // Российский судья. 2022. № 4. С. 50–54.

4. Стародубова Г. В. Задержание подозреваемого : проблемы исчисления срока // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 1. Т. 5. С. 20–24.

5. Гершевский Ю. Р., Кутуев Э. К., Поликарпова О. С. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : учебник для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы МВД России. СПб. : Центр научно-исследовательских технологий «Астерион», 2022.

6. Апелляционное определение № 206-АПУ18-2 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ от 17 июля 1995 года № 29, ст. 2759 ; официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 11 июня 2022 года № 0001202206110028.

8. Азаренок Н. В., Давлетов А. А. С какого момента исчисляется срок задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8–11.

9. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2017. № 3. С. 16–20.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 года № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова».

11. Маслов И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). М., 2003. 175 с.

12. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 222 с.

13. Чабукиани О. А. Рассуждения об этапах и временных рамках стадии предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 256–260.

14. Резяпов А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд : автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). Челябинск, 2014.

15. Мордвинов А. В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). Ижевск, 2021. 252 с.

16. Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 года № 300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части 2 статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 года № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова» // СПС «Консультант-Плюс».

18. Устюжанина О. Инструмент объективного расследования или способ затянуть срок, установленный УПК? Назначение психиатрической экспертизы должно быть обосновано // Адвокатская газета. 2022. 15 июля.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями от 24.05.2016 № 23 и от 11.06.2020 № 7).

20. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 8 июня 2022 года. Дело № 16-П22 «О возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств».

References

1. Petrova G. B., Lavnov M. A. Legal regulation of the time of the preliminary investigation // Bulletin of the Saratov Law Academy. 2017. № 5 (118). P. 202–210.

2. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 14, 2020 № 6-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yefimov Alexander Evgenievich for violation of his constitutional rights by Article 109 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

3. Kutuev E. K., Lakov A. V. Are the concepts of «investigative errors» and «investigative violations» identical? // Russian judge. 2022. № 4. P. 50–54.

4. Starodubova G. V. Detention of a suspect : problems of calculating the term // Legal Bulletin of Samara University. 2019. № 1. Volume 5. P. 20–24.

5. Gershevsky Yu. R., Kutuev E. K., Polikarpova O. S. Actual problems of criminal proceedings : textbook for adjuncts and undergraduates of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. SPb. : Asterion Research Technology Center, 2022.

6. Appellate Ruling № 206-APU18-2 // Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 14.11.2018) (ed. from 26.12.2018) // SPS «ConsultantPlus».

7. Federal Law № 103-FZ of July 15, 1995 (as amended on 06/11/2022) «On the detention of suspects and accused of committing crimes» // Collection of Legislation of the Russian Federation № 29 of July 17, 1995, Article 2759 ; official Internet portal of legal information (parvo.gov.ru) June 11, 2022 № 0001202206110028.

8. Azarenok N. V., Davletov A. A. From what moment is the period of detention of a suspect calculated? // Russian investigator. 2018. № 5. P. 8–11.

9. Rossinsky S. B. Detention of a suspect as a measure of criminal procedural coercion // A Russian investigator. 2017. № 3. P. 16–20.

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 33-P dated July 18, 2022 «On the case of checking the Constitutionality of Part Two of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and paragraph «b» of Part One of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. A. Rudnikov».

11. Maslov I. V. Actual problems of legal regulation of procedural terms in pre-trial proceedings in criminal cases : dis. ... cand. jurid. sciences (12.00.09). M., 2003. 175 p.

12. Petrova G. B. Deadlines as an element of legal regulation in criminal proceedings : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 2004. 222 p.

13. Chabukiani O. A. Reasoning about the stages and time frames of the preliminary investigation stage // Gaps in Russian legislation. 2022. Vol. 15. № 3. P. 256–260.

14. Rezyapov A. A. The end of the preliminary investigation with an indictment (act, resolution) and the referral of the criminal case to the court : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences (12.00.09). Chelyabinsk, 2014.

15. Mordvinov A. V. Procedural terms: features of establishment and calculation during the preliminary investigation : dis. ... cand. jurid. sciences (12.00.09). Izhevsk, 2021. 252 p.

16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 11, 2006 № 300-О «On the complaint of citizen Andreev Andrey Ivanovich for violation of his constitutional rights by paragraphs 1, 5, 11, 12 and 20 of Part 2 of Article 42, Part two of Article 163, Part eight of Article 172 and Part two of Article 198 of the Criminal Procedure Code Of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2019 № 28-П «In the case of checking the constitutionality of Articles 50 and 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Yu. Yu. Kavalero» // SPS «ConsultantPlus».

18. Ustyuzhanina O. An objective investigation tool or a way to delay the deadline set by the CPC? The appointment of a psychiatric examination should be justified // Advocate newspaper. 2022. July 15.

19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 № 41 «On the practice of applying by courts legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions» (as amended from 24.05.2016 № 23 and from 11.06.2020 № 7).

20. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation from June 8, 2022. Case № 16-П22 «On the resumption of proceedings in the case due to new circumstances».

Информация об авторах

О. В. Логунов – заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации;

Э. К. Кутуев – профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

O. V. Logunov – Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the NorthWestern Federal district, Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation;

E. K. Kutuev – Professor of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-175-177>

НИОН: 2015-0066-6/22-554

MOSURED: 77/27-011-2022-06-753

О предназначении прокуратуры в системе правоохранительных органов Российской Федерации

Самвел Суменович Маилян¹, Артур Леонович Миронов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ gambuch@yandex.ru

² arturmironov@yandex.ru

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о предназначении прокуратуры в системе правоохранительных органов Российской Федерации высказано несколько суждений: прокуратура, являясь правоохранительным органом, имеет собственное предназначение; предназначение прокуратуры в системе правоохранительных органов может быть определено через исчерпывающий перечень функций; формирование независимой судебной власти в Российской Федерации повлекло изменения характера взаимоотношений между прокуратурой и государственными судебными органами: прокуратура с 1992 г. более не осуществляет надзор за деятельностью государственных судебных органов; взаимоотношения между прокуратурой и государственными судебными органами определяются через функцию прокуратуры – участие прокурора в рассмотрении дел судами; взаимоотношения между прокуратурой и правоохранительными органами, входящими в исполнительную ветвь власти, определяются через функцию прокуратуры – надзор.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Конституция РФ, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 18 октября 1995 г., правоохранительный орган, система правоохранительных органов, прокуратура, функция, надзор, участие прокурора в рассмотрении дел в судах

Для цитирования: Маилян С. С., Миронов А. Л. О предназначении прокуратуры в системе правоохранительных органов Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 175–177. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-175-177>.

Original article

About the purpose of the Prosecutor's Office in the system of law enforcement agencies of the Russian Federation

Samvel S. Mailyan¹, Artur L. Mironov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ gambuch@yandex.ru

² arturmironov@yandex.ru

Abstract. In the article, when analyzing the legal literature and regulatory legal acts on the purpose of the prosecutor's office in the system of law enforcement agencies of the Russian Federation, several judgments are made: the prosecutor's office, being a law enforcement agency, has its own purpose; the purpose of the prosecutor's office in the system of law enforcement agencies can be determined through an exhaustive list of functions; the formation of an independent judiciary in the Russian Federation has led to changes in the nature of the relationship between the prosecutor's office and state judicial bodies: the prosecutor's office since 1992 no longer supervises the activities of state judicial bodies; the relationship between the prosecutor's office and the state judicial bodies are determined through the function of the prosecutor's office – the participation of the prosecutor in the consideration of cases by the courts; the relationship between the prosecutor's office and law enforcement agencies that are part of the executive branch of government is determined through the function of the prosecutor's office – supervision.

Keywords: Russian Federation, legislation, Constitution of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» of October 18, 1995, law enforcement agency, system of law enforcement agencies, prosecutor's office, function, supervision, participation of the prosecutor in the consideration of cases in courts

For citation: Mailyan S. S., Mironov A. L. About the purpose of the Prosecutor's Office in the system of law enforcement agencies of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(6):175–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-175-177>.

© Маилян С. С., Миронов А. Л., 2022

Предметом данной статьи является предназначение прокуратуры в системе правоохранительных органов Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, А. Ю. Гулягиным обнаружена «тенденция повышения роли деятельности органов по охране и защите законности и правопорядка в сфере административной юрисдикции», что, по его же мнению происходит «в различных аспектах»: «Во-первых, отчетливо прослеживается тенденция снижения количества ежегодно регистрируемых преступлений при относительно стабильном и даже возрастающем уровне в отдельных сферах правоотношений совершаемых однотипных административных правонарушений (безопасность на транспорте, распространение наркотиков, незаконная миграция, хищение имущества, нарушения общественного порядка и др.). Во-вторых, происходит процесс декриминализации различных общественно опасных деяний, их перевод в категории административных правонарушений. В-третьих, в процессе дальнейшего совершенствования организационной структуры органов исполнительной власти, особенно на федеральном уровне, происходит дифференциация контролирующих органов административной юрисдикции, развитие их компетенции, особенно в части реализации полномочий, связанных с привлечением юридических и физических лиц к административной ответственности в связи как с совершением ставших уже типичными, так и с появлением принципиально новых по своему характеру правонарушений. ... В-четвертых, логическим следствием и проявлением последовательности и элементом комплексности подходов к возникающим угрозам, предупреждения и нейтрализации правонарушений административного и иного характера является тенденция законодателя усиливать статус и особенно полномочия прокуратуры по профилактике правонарушений в сфере деятельности органов административной юрисдикции, устранению коррупционности в принимаемых ими правовых актах, проведении контрольных проверок, особенно в сфере предпринимательской деятельности, предупреждению и устранению нарушений законов при их назначении и проведении» [1].

«Отстаивая же интересы «прокурорского ведомства», С. В. Бажанов обращает внимание на «следующие принципиальные моменты»: «исторически одной из основных функций органов прокуратуры является общий надзор; из функции общего (административного) надзора объективно вычленилась функция прокурорского надзора за деятельностью органов ОРД, дознания, предварительного следствия и суда; в рамках судебно-правовой реформы конца XX – начала XXI века наиболее значимая в органах прокуратуры функция надзора была нивелирована и в значительной степени отнесена к ведению суда, приобретшего к основной функции – отправления правосудия – дополнительную и, строго говоря, сомнительную функцию судебного контроля; в силу малочисленности штатов районных и городских проку-

ратур прокуратуры и лица, их замещающие, объективно не в состоянии обеспечивать стопроцентное участие в судебных процессах по всем уголовным делам; в силу той же причины прокуратуры районных и городских прокуратур объективно не в состоянии обеспечивать руководство уголовным преследованием по всем уголовным делам, расследующимся в пределах их юрисдикции органами дознания и предварительного следствия; статистические данные свидетельствуют о том, что лично так называемое уголовное преследование в полном объеме прокуратуры, как правило, не осуществляют; поддержание государственного обвинения в суде есть отстаивание (посредством «судоговорения») прокурором ранее обоснованного следователем (дознавателем) в стадии предварительного расследования обвинительного тезиса по поводу, прежде всего, так называемого главного факта, что буквально не означает наличия у прокурора права на производство в ходе судебного следствия «процессуальных действий познавательного характера»; судья, в том числе и особенно мировой, при рассмотрении уголовного дела в стадии судебного разбирательства не вправе лично осуществлять (хотя и осуществляет) следственные действия, поскольку подобная практика – прерогатива стороны обвинения; не следует отождествлять такие понятия, как «уголовное преследование» и «обвинение»; термин «уголовное преследование» не имеет собственного юридического содержания; функция надзора за органами дознания и предварительного следствия у прокурора несовместима с его правовым положением стороны обвинения в уголовном процессе» [2].

С. Д. Белов «делится опытом цифровизации прокурорского надзора и решения вопросов взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными и контрольно-надзорными органами» («Прокуратура области, так же как и вся система органов прокуратуры России, находится в начале пути цифровизации, поэтому очень важно определить приоритеты и скоординировать эту работу с другими заинтересованными органами и ведомствами. Если этого не делать, то отставание будет неизбежно усиливаться, и это главная угроза, которая неминуемо приведет к поражению в решении задачи прорывного развития государства» [3].

Не столь совершенные результаты научных изысканий относительно предназначения прокуратуры в системе правоохранительных органов предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации [4].

Организация и деятельность прокуратуры в Российской Федерации урегулированы в Федеральном законе РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 18 октября 1995 г. (с последующими изменениями и дополнениями)¹.

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; ...; 2023. № 1 (часть I). Ст. 39.

Анализ положений данного неcodифицированного федерального закона РФ позволил некоторым авторам определить не только исчерпывающий перечень функций прокуратуры, но даже и характер взаимоотношений между прокуратурой и иными правоохранительными органами [5; 6].

Таким образом, исследования относительно предназначения прокуратуры в системе правоохранительных органов Российской Федерации необходимо продолжать.

Во-первых, прокуратура, являясь правоохранительным органом, имеет собственное предназначение.

Во-вторых, предназначение прокуратуры в системе правоохранительных органов может быть определено через исчерпывающий перечень функций.

В-третьих, формирование независимой судебной власти в Российской Федерации повлекло изменения характера взаимоотношений между прокуратурой и государственными судебными органами: прокуратура с 1992 г. более не осуществляет надзор за деятельностью государственных судебных органов.

В-четвертых, взаимоотношения между прокуратурой и государственными судебными органами определяются через функцию прокуратуры – участие прокурора в рассмотрении дел судами.

В-пятых, взаимоотношения между прокуратурой и правоохранительными органами, входящими в исполнительную ветвь власти, определяются через функцию прокуратуры – надзор.

Список источников

1. Гулягин А. Ю. Прокуратура в системе правоохранительных органов административной юрисдикции. М. : Юрист, 2012.
2. Бажанов С. В. Место и роль прокуратуры в системе правоохранительных органов // Законность. 2009. № 6.

Информация об авторах

С. С. Маилян – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

А. Л. Миронов – начальник управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. S. Mailyan – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

A. L. Mironov – Head of the Department for the Organization of Scientific, Editorial and Publishing Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 17.12.2022.

The article was submitted 25.11.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 17.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-178-182>

ИДОН: 2015-0066-6/22-555

MOSURED: 77/27-011-2022-06-754

**Организация сыска в России
в XVI – первой половине XVII вв.:
дуализм общественных и государственных начал
(к дискуссии об участии населения
в охране общественного порядка)**

Татьяна Львовна Матиенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

pet4332@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых, регулировавших уголовное судопроизводство, и литературных источников указанного хронологического периода раскрывается процесс формирования общегосударственной системы организации сыска как особого вида деятельности государства в решении задач противодействия преступности и формы судопроизводства по преступлениям, признанным особо опасными, – «лихим делам». Автором ставятся дискуссионные вопросы об историко-правовой оценке учрежденных в первой половине XVI в. особых субъектов сыска – губных изб как полицейской повинности населения, и выявляются причины и условия дуализма общественных и государственных начал в организации сыска в XVI – первой половине XVII вв.

Ключевые слова: Россия, сословно-представительная монархия, сыск, инквизиционный процесс, губные избы, Разбойный приказ, охрана общественного порядка, правопорядок, полицейская повинность

Для цитирования: Матиенко Т. Л. Организация сыска в России в XVI – первой половине XVII вв.: дуализм общественных и государственных начал (к дискуссии об участии населения в охране общественного порядка) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 178–182. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-178-182>.

Original article

**Organization of investigation in Russia
in the XVI – first half of the XVII centuries:
dualism of public and state principles
(to the discussion about the participation
of the population in the protection of public order)**

Tatiana L. Matiyenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

pet4332@yandex.ru

Abstract. The article, based on the analysis of the normative legal regulating criminal proceedings and literary sources of the specified chronological period, reveals the process of formation of the national system of organization of investigation as a special type of state activity in solving the tasks of combating crime and the form of legal proceedings for crimes recognized as particularly dangerous – «dashing cases». The author raises debatable questions about the historical and legal assessment of the institutions established in the first half of the XVI century. special subjects of investigation are the provincial huts as a police duty of the population, and the causes and conditions of dualism of public and state principles in the organization of investigation in the XVI – first half of the XVII centuries are revealed.

Keywords: Russia, class-representative monarchy, investigation, inquisition process, prison huts, Robbery order, protection of public order, law and order, police duty

For citation: Matiyenko T. L. Organization of investigation in Russia in the XVI – first half of the XVII centuries: dualism of public and state principles (to the discussion about the participation of the population in the protection of public order). Bulletin of economic security. 2022;(6):178–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-178-182>.

© Матиенко Т. Л., 2022

Взаимодействие государства и общества в охране общественного порядка и противодействия преступности является частью фундаментальной проблемы теоретического и практического правоведения об отношениях общества и государства. Предназначение государства, состоящее том, чтобы гарантировать обществу целостность, нормальное и безопасное функционирование, обуславливает охранительную функцию государства. Пресечение нарушений установленного общественного порядка и правопорядка, восстановление нарушенного состояния и воздействие на нарушителей предполагает наличие государственного принуждения посредством правовых (запреты и санкции) и организационных (аппарат принуждения) средств. Отсюда охрана общественного порядка и противодействие преступности рассматриваются как прерогатива государства, а в правовой теории ее проявление в системе отношений государственной власти и общества номинировано «правоохранительная функция государства», к реализации которой предъявляются строгие требования соответствия потребностям общества и задачам государства.

В этой связи принятие в апреле 2014 г. Закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» ожидаемо стало чувствительным событием для российской правовой системы и вызвало научную дискуссию, в том числе и в историко-правовом, хотя и слабо выраженном, ключе, о сущности, правовом регулировании и формах негосударственной правоохраны и ее места в обеспечении общественной безопасности. Представители историко-правового направления при этом ограничились попытками придать идее о негосударственной форме охраны общественного порядка, возрожденной, по сути, из советского прошлого, историко-правовое обоснование, где участие граждан в охране общественного порядка раскрывается как древнейший общественный институт, объективированный тем, что «общественный порядок – неотъемлемая часть государственно организованного общества независимо от его социальной сущности» [8, с. 88].

Рассмотрение проблемы участия населения в охране общественного порядка в историко-правовом контексте действительно раскрывает многообразие форм участия населения в охране общественного порядка и противодействии преступности на различных исторических этапах российского государства. При этом в юридической литературе утвердилось основанное еще на господствовавшей в советской науке марксистско-ленинской классовой теории государства и права мнение, что первой такой формой была полицейская повинность населения [8, с. 88; 10, с. 42; 15, с. 86], сохранявшая значимость на протяжении всего дореволюционного периода.

Однако в период сословно-представительной монархии XVI – первой половины XVII вв. охрана общественного порядка и противодействие преступности исполнялись местными органами самоуправления – выборными губными избами, земскими избами, земскими

судьями (излюбленными головами), сотскими, пятидесятскими и десятскими, учреждаемыми в этот период посредством великокняжеских и царских жалованных и уставных грамот, а также уставных и судебных грамот удельных князей и игуменов монастырей. В правовой теории местное самоуправление определяется как самостоятельное решение населением какой-либо территориальной общности вопросов местного значения и за счет местных ресурсов (финансирование, и другое материальное обеспечение), что подразумевает широкую общественную инициативу, а применительно к рассматриваемому вопросу – общественную инициативу в решении задачи охраны общественного порядка и противодействия преступности в XVI – первой половине XVII вв. Полицейская повинность, напротив, – это возложение государством на население соответствующих задач как обязанности, неисполнение которой влечет юридическую ответственность. В свете этой методологической коллизии самым сложным из всего спектра возникающих из нее исследовательских задач становится вопрос об организации сыска, как государственной деятельности направленной на противодействие преступности («искоренение разбоев и татьбы»).

В XVI – первой половине XVII вв. формируется и сам термин «сыск», как центральный и одновременно полисемичный, номинирующий и специальное судопроизводства по особо опасным для государства и общества преступлениям, и предметно-практическую деятельность государственных органов и их должностных лиц по розыску и поимке преступников, а также производству предварительного расследования и суда. В «сыске» органы суда разыскивали и ловили преступников, изыскивали доказательства, допрашивали обвиняемых, пытали их и свидетелей, устраивали очные ставки. Их деятельность включала в себя действия следственные и розыскные (даже в их современном понимании) – «всеми сыски сыскивать», отсюда всем известное понятие «сыск» как инквизиционный (следственно-розыскной, пыточный) судебный процесс.

Важнейшим элементом формирования сыска производства является эволюция его субъектов, отражающая сложные процессы складывания сословной социальной структуры и крепостного права, укрепления самодержавия, формирования сословно-представительной монархии, централизации власти, развития общерусского права и усиления уголовной репрессии.

Анализ массива различного рода великокняжеских грамот, доступных для исследователей благодаря собраниям археографической экспедиции Императорской Академии наук в XIX в. [1; 2], раскрывает попытки государственной власти организовать преследование «лихих людей» собственными силами: «и мы к вам посылали... обыщиков своих» [11, с. 52–53]. Кроме того, задачи уголовного преследования преступников поручались представителям центральной власти на местах – наместникам, волостелям и неделщикам [14, с. 56, 69]. В посвященной этому сюжету историко-правовой литературе

установилась точка зрения, выдвинутая еще в XIX веке [13, с. 36] и перекочевавшая в советскую, а за ней и в современную историографию, согласно которой причина провала этой государственной политики заключалась в системе кормлений. Эта версия не безосновательна и имеет под собой соответствующие исторические факты, зафиксированные не только в памятниках права, но летописях и литературных произведениях этого периода. Например, Псковская летопись под 1540 г. сообщает: «Быша наместники на Пскове свирепи, яко лвове, и люди его аки звери дики до крестьян, и начаша подклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городам» [9; с. 174].

Однако ссылка на систему кормлений не объясняет не только причин учреждения губных изб, но и того факта, что выборные сословно-представительные органы местного самоуправления, в формировании состава которых участвовали все местные землевладельцы (дворяне, дети боярские, свободные крестьяне), а в городах – их жители (посадские люди), получают правовой статус полноправных и основных субъектов сыска сначала по разбойным и татиным делам, а затем и по всем «лихим делам». Судебник 1550 г. ясно и недвусмысленно определяет (статья 60): «а на кого доведут татьбу, или душегубство, или иное какое лихое дело, oprичь розбоя, в котором городе или волости, а будет ведомый лихой человек: и наместнику или волостелю велети того казнити смертною казнию. А приведет кого в розбое, или на кого в суде доведут, что он ведомой розбойник: и наместников тех отдавати губным старостам. А старостам губным, oprичь ведомых разбойников у наместников не вступаться ни во что». Так же и после земской реформы 1551 г., когда административно-судебные функции перешли к земским избам, сыск по «лихим делам» производился земскими судьями только совместно с губными старостами (там, где они были), без участия которых они не могли окончательно решать дела о грабеже, разбое, краже с поличным, поджоге и мошенничестве. Например, Судной грамотой Удельного Князя Владимира Андреевича Замосковной Вохонской волости 1561 г. предписано: «А доведут на кого розбой, и душегубство, и пожегу, и ябедничество, и подписку, или иное какое дело лихое, а будет ведомой лихой человек, и выборным судьям с губными старостами тех людей судити и управа им чинити по губным старостам грамотам» [2, Т. 1, с. 281].

Советской историографией был сформулирован и тезис о губной реформе 30-х–50-х годов XVI в., по которой «уголовные дела о «ведомых лихих людях» изымались из ведомства наместников и передавались выборным представителям местного дворянства», но при этом оговаривалось, что «она была осуществлена не путем издания какого-то общегосударственного Уложения, а путем посылки специальных грамот в отдельные районы» [6, с. 210]. Однако, как известно, эти отдельные грамоты были жалованными, т.е. такими, которыми тем или иным лицам, категориям населения, какой-либо

территориальной общности великокняжеской и царской властью даруются, т.е. «жалуются», права и привилегии. Все известные на текущий момент губные (сохранилось 12 грамот), и даже по большей части уставные, грамоты XVI века адресные, что видно из их названий, и все они содержат делегирование государственной властью населению соответствующей территории прерогативу уголовного преследования наиболее опасных преступлений как привилегию: «и вы бь меж себя обыскали про тот розбой сами всем посадом..., и доискався лихих людей, и обыскавъ, и довечи на нихъ, и пытавъ ихъ, казнили смертию жъ» [11, с. 137]. Причем эта прерогатива, взятая на себя в недавнем прошлом великокняжеской властью в целях укрепления государственного единства, во-первых, оказалась государству не по силам, а во-вторых, натолкнулась на господствовавшее в обществе правосознание, основанное на господстве обычая и частного права.

Из текстов всех губных и уставных грамот XVI в. следует, что они были выданы по просьбе местного населения, осознававшего опасность разбоев, убийств, поджогов и краж. Как писал А. Чебышев-Дмитриев, «общество в области уголовного права менее, чем в какой-нибудь другой сфере, нуждается во внешнем побуждении к преследованию преступников, по самому существу преступных действий, по причине их общепасности» [12, с. 125]. Это господство в общественном правосознании частнопроводного воззрения на разбой, грабежи и даже убийства отразилось как в слабой дифференциации гражданских правонарушений преступлений, так в законодательных запретах заключения мировых сделок с преступниками во время судебного процесса, пронизывающих весь правовой массив XVI–XVII веков.

Сомнение в наличии у правящих кругов программы некоей реформы в преследовании преступлений вызывает и тот факт, что в них самих в этот период шла жесткая борьба за власть между боярскими группировками Глинских, Бельских и Шуйских, а самому царю Ивану IV на момент выдачи первых известных нам губных грамот – Белозерской и Каргопольской в 1539 г. было всего девять лет. Кроме того, шаткость в оценке процесса создания губных изб – специальных органов местного самоуправления для «искоренения разбоев» – как государственной реформы придает еще два обстоятельства. Во-первых, что жалованные губные грамоты выдавались населению северных и северо-западных русских земель – Поморья, а не повсеместно. Во-вторых, московские великие князья, хорошо понимая пагубность межсоциальной розни, с самого момента создания единого русского государства пытались согласовывать мнение власти с позициями сословий и, укрепляя единоличную власть в противоборстве с боярством, как, например, Василий III, в вопросах обеспечения социального порядка и сыска по «лихим делам» опирались на исконные обычаи и традиции. Например, в грамоте крестьянам Белозерской волости 1513 г. по просьбе («челобитью») старцев пустыни Нила Сорского устанавливалось: «И вы б

сберегали старцев Ниловой пустыни от лихих людей, от татей и разбойников накрепко, чтоб им не было обиды ни от какого человека...» [2, с. 127]. В другой грамоте 1518 г. подтверждаются права местного самоуправления в совместной деятельности с представителями центральной власти в сыске: ««А по волости наместничим недельщикам самим не ездити, а без старосты и без лучших людей недельщику убитые головы не осматривати и на поруки крестьян не давати» [3, с. 71]. И в этом свете мыслимая «губная реформа» видится как продолжение политики предыдущего царствования, ищущего опоры у населения в обеспечении безопасности и правопорядка.

Однако здесь следует учитывать, что обращение к традициям «седой старины» происходило в условиях новой концепции государственной власти с ее центральной идеей государевой службы, последовательно вырабатывавшейся государственной политикой на протяжении XV–XVII вв. Во взаимосвязи с этим процессом складывается публично-правовая уголовная доктрина: в материальное понятие преступления Русской Правды, наследуемое от обычного права, постепенно, не без влияния церковного права, привносились формально-юридические признаки противоправности («богомерзкое дело», «преступление Закона Божьего», «законпреступление», «злое дело») [5, с. 64–67]. В Великокняжеском судебнике 1497 г. в обозначении преступления стал употребляться термин «лихое дело» и рельефно выступать его субъект – «лихой человек», т. е. преступник, промышленный разбоем, грабежом и убийством. Власть начинает делать крупные шаги к установлению уголовно-правового порядка, который, как определяет В. П. Малахов, «становится противовесом (антиподом) криминальному правопорядку» [7, с. 163]. Поэтому исконные, казалось бы, права населения по поимке преступников и суда над ними, основанные на древнерусском воззрении, что «княжеское дело само по себе, а земское дело также само по себе» [4, с. 28], теперь не просто подтверждались государственной властью, а приобрели формат делегирования ею собственных прерогатив.

Таким образом, в учреждении губных изб конкретизировалось разрешение противоречия частноправовой доктрины с публично-правовой доктриной, приходившегося в России на период XV–XVI вв., когда первая отмирала, а вторая в условиях сословного расслоения общества начинала свое развитие.

В этой связи следует принимать во внимание социально-классовые основы формирования губных изб. Губных старост повелевалось избирать только из боярских детей, которые в 1566 г. были переименованы в дворян и вместе с ними составили служилый слой средних и мелких землевладельцев – опору монархии. Заинтересованные в стабилизации экономики и прикреплении к земле крестьян, они оказывали царской власти активную поддержку в проведении внешней и внутренней, в том числе и уголовной, политики. Все усилия самого

государства в этот период были направлены на решение внешнеполитических задач: окончание борьбы за независимость (стояние на Угре 1480 г., поход в 1482 г. татарского хана на Москву, которую он сжег) и непрерывное ведение войн за укрепление и расширение государственных границ (1492–1494 гг. – с Литвой; 1495–1497 гг. – со Швецией; 1500–1503 гг. – с Литвой, и в то же время с Ливонским орденом; 1521 и 1545 годы – походы крымско-татарского хана на Москву). Охранительную функцию государственная власть не просто возложила, а доверила органам местного самоуправления, апеллируя к народному правосознанию и классовым интересам служилых сословий, прежде всего дворянства, в то время как прочно закрепляла за собой управленческо-обеспечительную функцию, издавая законы и формируя центральный аппарат управления.

Преследуя цель централизации управления, государство с самого начала последовательно интегрировало губные избы в государственный аппарат и поставило их формирование и деятельность под контроль органа отраслевого управления – Разбойного приказа (1556–1702 гг.), организующего и контролирующего их деятельность, утверждавшего избранных губных старост в должности, разработку для них специальных инструкций по производству сыска (наказов), по Соборному Уложению 1649 г. Разбойный приказ окончательно определялся как центральный орган уголовного преследования в Русском государстве.

Таким образом, в XVI веке в Московском государстве сложилась государственная система организации сыска, основанная на дуализме общественных, представленных губными избами, и государственных начал, олицетворением которых стал Разбойный приказ. Следует заметить, что эта система проявила эффективность, была восстановлена после Смутного времени 1584–1612 гг. и функционировала до петровских реформ. При этом, государственный контроль за деятельностью губных изб, установленный и закрепленный законодательством, является выражением общей тенденции усиления роли государства в регулировании общественных отношений.

Список источников

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1-12. СПб., 1841–1857.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1-4. СПб., 1836–1838.
3. Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб., 2004. 287 с.
4. Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. 366 с.
5. Георгиевский Э. В. Церковно-уголовное право Древней Руси (общая характеристика подсистемы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Во-

просы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 64–67.

6. Губные грамоты XVI в. из музейного собрания // Записки отдела рукописей. Вып. 18. Гос. Библиотека им. В.И. Ленина. М., 1956. С. 210–229.

7. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018. 239 с.

8. Мулукаев Р. С. К вопросу об историческом опыте участия населения в охране общественного порядка // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 87–91.

9. Пересветов И. Сочинения. М., Л., 1956. 388 с.

10. Скрипкина Ю. Г. Становление и развитие государственных и местных начал в охране общественного порядка в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1(57). С. 41–47.

11. Уставные грамоты наместничьего управления: губные и земские, изданные историко-филологическим факультетом Московского университета. М., 1909. 208 с.

12. Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому до-петровскому праву. Казань, 1862. 242 с.

13. Шалфеев Н. Шалфеев Н. Об уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868. 76 с.

14. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. 247 с.

15. Юрина Е. Е. Организация охраны общественного порядка в Российском государстве в дореволюционный период // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 86–88.

References

1. Historical acts collected and published by the Archeographic Commission. Vol. 1–12. SPb., 1841–1857.

2. Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1–4. SPb., 1836–1838.

3. Belyaev I. D. Zemsky system in Russia. SPb., 2004. 287 p.

4. Berendts E. N. On the past and present of the Russian administration. M., 2002. 366 p.

5. Georgievsky E. V. Church-criminal law of Ancient Russia (general characteristics of the subsystem) // Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice. 2011. № 8 (14): in 4 p. II. P. 64–67.

6. Labial letters of the XVI century. from the museum collection // Notes of the department of manuscripts. Issue 18. V. I. Lenin State Library. M., 1956. P. 210–229.

7. Malakhov V. P. Methodological thinking in the knowledge and understanding of law. M., 2018. 239 p.

8. Mulukaev R. S. On the historical experience of public participation in the protection of public order // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4 (32). P. 87–91.

9. Peresvetov I. Essays. M., L., 1956. 388 p.

10. Skripkina Yu. G. Formation and development of state and local principles in the protection of public order in Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 1 (57). P. 41–47.

11. Charters of the viceroy's administration: gubernia and zemstvo, published by the Faculty of History and Philology of Moscow University. M., 1909. 208 p.

12. Chebyshev-Dmitriev A. About a criminal act under the Russian pre-Petrine law. Kazan, 1862. 242 p.

13. Salveyev N. Salveyev N. About the statute book of the Robbery order. SPb., 1868. 76 p.

14. Shumakov S. Gubernye and zemstvo charters of the Moscow state. M., 1895. 247 p.

15. Yurina E. E. Organization of public order protection in the Russian state in the pre-revolutionary period // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 1 (25). P. 86–88.

Информация об авторе

Т. Л. Матиенко – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. L. Matiyenko – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-183-186>

НИОН: 2015-0066-6/22-556

MOSURED: 77/27-011-2022-06-755

Развитие Системы быстрых платежей в рамках хозяйственной деятельности Банка России

Роман Сергеевич Мейер

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
advocate.meyer.rs@gmail.com

Аннотация. Анализируется развитие Системы быстрых платежей с точки зрения хозяйственной деятельности Банка России.

Ключевые слова: Система быстрых платежей, хозяйственная деятельность, контроль, Банк России

Для цитирования: Мейер Р. С. Развитие Системы быстрых платежей в рамках хозяйственной деятельности Банка России // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 183–186. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-183-186>.

Original article

Development of the Fast payment system in the framework of economic activities of the Bank of Russia

Roman S. Meyer

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
advocate.meyer.rs@gmail.com

Abstract. The development of the Fast Payment System from the point of view of the economic activity of the Bank of Russia is being analyzed.

Keywords: Fast payment system, economic activity, control, Bank of Russia

For citation: Meyer R. S. Development of the Fast payment system in the framework of economic activities of the Bank of Russia. Bulletin of economic security. 2022;(6):183–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-183-186>.

Система быстрых платежей, без сомнения, является одним из самых инновационных продуктов на российском рынке расчетов. Совмещая в себе и элементы расчетных механизмов, принесенных в Россию международными платежными системами, Система быстрых платежей (далее также СБП) в целом основана на использовании банковских счетов (расчетных и текущих счетов), позволяя не оперировать таким инструментом, как платежная карта и не использовать экономическую и договорную модель, предлагаемую международными платежными системами.

Это стало особенно актуально во время изменения экономической ситуации в России под режимом экономических ограничений, когда возникла объективная необходимость построения механизма расчетов, не связанного исключительно на платежных картах (пусть даже локализация российских карточных расчетов в НСПК и защитила их в определенном роде от санкционного воздействия иностранных государств). Некоторые сервисы для рынка платежных карт стали недоступны

(как например, некоторые сервисы токенизации), под вопросом действовали процессы информационной защиты и эмиссии платежных карт. И по этой причине внедрение СБП можно считать элементом политики государственного протекционизма в его «защитной» функции на рынке расчетов Российской Федерации.

Однако являясь новым банковским продуктом на российском рынке, СБП в то же время имеет еще одну немаловажную особенность – этот продукт является не исключительно рыночным явлением, а стал результатом совместной деятельности регуляторов расчетного рынка – Банка России и АО «Национальная система платежных карт».

Анализируя опыт иностранных государств, можно отметить, что таких способов внедрения инновационных банковских продуктов не так уж и мало. В Обзоре мирового опыта использования систем быстрых платежей и предложениях по внедрению в России от 2017 года [1] Банк России отмечал, что, исходя из опыта внедрения систем быстрых платежей за рубежом, в большинстве

© Мейер Р. С., 2022

случаев (порядка 73 %) драйвером внедрения таких систем являлись финансовые регуляторы (в том числе в Великобритании, Сингапуре, Австралии, Мексике). Однако также было отмечено, что в ряде случаев инициатива в реализации таких систем принадлежала участникам рынка как ответ на растущую конкуренцию в сфере платежей со стороны технологических и финтех-компаний. Аналогичным образом, полагаем, произошло и в России: осязаемый запрос участников рынка, испытывавших острое давление со стороны международных платежных систем по причине санкций, и отсутствие адекватных предложений на рынке фактически подвигли регулятора сформировать и внедрить на рынок новый расчетный продукт.

Внедрение СБП как результата деятельности именно Банка России, а также ряд некоторых связанных с этим процессов, заслуживают отдельного внимания.

Прежде всего, нужно остановиться на том, что представляет собой СБП в рамках продуктов, работ и услуг, предлагаемых Банком России.

Система быстрых платежей была внедрена Банком России и АО «НСПК» в рамках платежной системы Банка России, и последний анонсирует СБП как «...сервис, с помощью которого можно совершать межбанковские переводы по номеру мобильного телефона круглосуточно, без праздников и выходных. Комиссии за такие переводы низки или вовсе отсутствуют. К системе уже подключены более 200 банков, включая крупнейшие. СБП также позволяет оплачивать покупки в том числе по QR-коду и получать выплаты от организаций...» [2]. АО «НСПК» позиционирует СБП аналогичным образом: «...Система быстрых платежей – это сервис Банка России, позволяющий физическим лицам совершать мгновенные переводы по номеру мобильного телефона в любой банк – участник СБП, а также производить оплату товаров и услуг в розничных магазинах и сети интернет по QR-коду...» [3].

В Правилах оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга в СБП место СБП конкретизируется: «СБП – сервис быстрых платежей ПС Банка России» [4]. Таким образом, основные регулирующие источники СБП, определяют СБП, как сервис, имеющий свое место в платежной системе Банка России. Данная позиция представляется логичной, но в среде исследователей также встречается мнение, что СБП имеет признаки платежной системы [5]. Полагаем, что на данный момент СБП не отвечает всем признакам платежной системы (как они определены нормами Федерального закона «О национальной платежной системе») и должно рассматриваться как сервис, предоставляемый Банком России в рамках собственной платежной системы.

Важное значение имеет и функциональность Банка России в СБП: Банк России – оператор и расчетный центр СБП, а НСПК – операционный платежный и клиринговый центр [2]. Эта конструкция позволяет говорить о прямой функциональной (а не только регулиру-

ющей) деятельности Банка России в СБП на условиях, определенных:

А) нормативными актами, регулирующими деятельность Банка России

Б) правилами, договорами и стандартами, регулирующими деятельность НСПК как ОПКЦ.

Можно ли при этом говорить о том, что СБП является результатом деятельности Банка России, осуществляемой им в силу своих основных задач?

Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» определяет, что целями деятельности Банка России являются:

- защита и обеспечение устойчивости рубля;
- развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации;
- обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы;
- развитие финансового рынка Российской Федерации;
- обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации.

Для реализации указанных целей Банк России осуществляет множественные функции, среди которых в сфере оказания финансовых услуг (к коим относится и СБП) можно отметить следующие:

- во взаимодействии с Правительством Российской Федерации разрабатывает и проводит единую государственную денежно-кредитную политику;
- во взаимодействии с Правительством Российской Федерации разрабатывает и проводит политику развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации;
- устанавливает правила осуществления расчетов в Российской Федерации;
- устанавливает правила проведения банковских операций;
- осуществляет самостоятельно или по поручению Правительства Российской Федерации все виды банковских операций и иных сделок, необходимых для выполнения функций Банка России;
- определяет порядок осуществления расчетов с международными организациями, иностранными государствами, а также с юридическими и физическими лицами;
- организует оказание услуг по передаче электронных сообщений по финансовым операциям (далее – финансовые сообщения);
- во взаимодействии с Правительством Российской Федерации разрабатывает и проводит политику по обеспечению доступности финансовых услуг для населения и субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации;
- осуществляет иные функции в соответствии с федеральными законами.

При этом поскольку указанный закон не разграничивает функциональную деятельность Банка России на

текущую и какую-либо еще, например, хозяйственную, и учитывая позиционирование СБП как сервиса, позволяющего осуществлять переводы, на вопрос о том, является ли СБП результатом целевой деятельности Банка России, можно ответить утвердительно.

Однако нужно отметить одно обстоятельство: деятельность Банка России, сопряженная с развитием СБП и получением доходов от него, находится в «серой» зоне относительно статуса Банка России.

Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в статье 3 отдельно оговаривает, что получение прибыли не является целью деятельности Банка России. Однако статья 46 указанного акта содержит достаточно обширный перечень банковских операций и сделок, которые Банк России имеет право осуществлять для достижения собственных целей, в том числе на комиссионной основе. К таким операциям и сделкам относятся действия Банка России по предоставлению услуг в рамках платежной системы Банка России (куда сейчас отнесено СБП), урегулированные Положением Банка России от 24 сентября 2020 г. № 732-П «О платежной системе Банка России» и очевидно противоречие, имеющееся между положениями статьи 3 и статьи 46 этого нормативного акта (подобное мнение встречается в среде юристов [6]).

Важное значение для понимания процессов развития СБП как результата деятельности Банка России имеет и корпоративный аспект взаимоотношений Банка России и НСПК.

Статья 30.2. Федерального закона «О национальной платежной системе» определяет следующие условия взаимодействия Банка России и АО «НСПК», являющегося на данный момент оператором ПС МИР:

- оператор НСПК создается в форме акционерного общества;
- при образовании оператора НСПК 100 процентов его акций принадлежит Банку России;
- доля участия Банка России в уставном капитале оператора НСПК не может быть ниже уровня 50 процентов плюс одна голосующая акция;
- одно лицо или группа лиц не вправе приобретать более чем 5 процентов акций оператора НСПК;
- специальное право Банка России на участие в управлении оператором НСПК предусматривает участие представителя Банка России в общем собрании акционеров оператора НСПК с правом вето при принятии общим собранием акционеров оператора НСПК решений, отнесенных к компетенции общего собрания акционеров федеральными законами.

С учетом положений статьи 67.3. Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющей, что хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное товарищество или общество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность

определять решения, принимаемые таким обществом, есть основания говорить о признаке «дочерности» (или о признаке наличия корпоративного контроля, как его понимают некоторые исследователи [7]) в отношениях между АО «НСПК» и Банком России.

Являясь единственным участником АО «НСПК», Банк России получает систематическую прибыль от деятельности своего «дочернего» общества. Выплаченные АО «НСПК» Банку России в 2021 году дивиденды по итогам 2020 года составили 4,1 млрд рублей (в 2020 году по итогам 2019 года – 2,8 млрд рублей) [8]. А с увеличением объема операций в СБП очевидно увеличивается и прямой (за оказание расчетных услуг) и косвенный (как владельца АО «НСПК») доход Банка России.

По данным годового отчета за 2020 год в 2020 году через СБП совершено 111,3 млн операций на сумму 795,1 млрд рублей. Банк России регулирует тарификацию в СБП в зависимости от субъектного состава и согласно указанному годовому отчету статья «Плата за услуги, оказываемые Банком России клиентам» в графе «Прочие доходы» составила 7 408 миллионов рублей, из которых плата за расчетные услуги, оказываемые Банком России, составила 7 339 миллионов рублей.

Другим важным фактором, влияющим на развитие СБП на рынке, является административный статус Банка России, как мегарегулятора финансового рынка: он имеет прямую возможность не только нормативно регулировать этот рынок (путем издания нормативных актов и законодательной активности), но и имеет на этом рынке прямые тарифные полномочия в отношении ряда продуктов и услуг, не предоставляемых непосредственно Банком России в процессе реализации им собственных функций.

Важность регуляторных полномочий Банка России была продемонстрирована в процессе внедрения СБП: для значимых участников финансового рынка обязанность использования СБП была введена нормативно и процесс проходил в несколько этапов, с применением со стороны Банка России санкций в отношении нарушителей.

В части тарифного регулирования применительно к СБП важным является наличие у Банка России полномочий на тарифное регулирование операций по эквайрингу и активное использование им таких полномочий, которое в том числе косвенно способствует развитию СБП.

Это полномочие основывается на п. 17.11 ч. 1 ст. 18 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Сравнивая СБП и эквайринг как в определенной степени конкурирующие финансовые продукты (что неоднократно комментировал и сам Банк России) отметим, что Банк России пользуется предоставленными ему правами в полном объеме. В качестве примера можно привести Решение Совета директоров Банка России от 18 марта 2022 г. «Об установлении максимального значения размера платы, взимаемой кредитными организациями со

своих клиентов по заключаемым договорам о приеме электронных средств платежа, и максимального значения размера вознаграждений, устанавливаемых операторами платежных систем и уплачиваемых кредитными организациями в рамках платежных систем за осуществление переводов денежных средств с использованием платежных карт» [9].

С учетом этого, вопрос о том, выходят ли действия Банка России по развитию СБП за пределы его специальной правоспособности, и ограничивают ли эти процессы развитие иных банковских продуктов, не может игнорироваться и требует дальнейшего обсуждения или регулирования. Полагаем, что приемлемыми для всех заинтересованных лиц вариантами могут быть разные векторы развития СБП, от его оформления как отдельной платежной системы, до изменения систем тарификации и корпоративной связи участников, реализующих этот продукт на рынке.

Список источников

1. https://cbr.ru/Content/Document/File/36010/rev_pay.pdf.
2. <https://www.cbr.ru/PSystem/sfp/>.
3. <https://sbp.nspk.ru/faq/>.
4. <https://sbp.nspk.ru/banks/>.
5. Хоменко Е. Г. Роль Банка России в цифровизации банковской системы // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 5–11.

Информация об авторе

Р. С. Мейер – соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

R. S. Meyer – Applicant of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

6. Тарасенко О. А. Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 73–83.

7. Корпоративное право : учеб. курс. Т. 2 / под ред. И. С. Шиткиной. М. : Статут, 2018. С. 315 (гл. 14; автор главы – И. С. Шиткина).

8. https://www.cbr.ru/about_br/publ/god/.

9. http://www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-03-18_03-21/.

References

1. https://cbr.ru/Content/Document/File/36010/rev_pay.pdf.
2. <https://www.cbr.ru/PSystem/sfp/>.
3. <https://sbp.nspk.ru/faq/>.
4. <https://sbp.nspk.ru/banks/>.
5. Khomenko E. G. The role of the Bank of Russia in the digitalization of the banking system // Law and digital economy. 2021. № 2. P. 5–11.
6. Tarasenko O. A. Entrepreneurial activity of the Bank of Russia // Actual problems of Russian law. 2020. № 6. P. 73–83.
7. Corporate law: textbook. well. Vol. 2 / ed. I. S. Shitkina. M. : Statut, 2018. P. 315 (ch. 14; the author of the chapter is I. S. Shitkina).
8. https://www.cbr.ru/about_br/publ/god/.
9. http://www.cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-03-18_03-21/.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-187-192>

НИОН: 2015-0066-6/22-557

MOSURED: 77/27-011-2022-06-756

Гибридные войны как вызов современности

Алексей Васильевич Митин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, panther.00@bk.ru

Аннотация. Анализируются сущность, структурные элементы и особенности ведения гибридных войн. Дается подробный анализ и характеристика истории проблемы.

Ключевые слова: интерсоциальные проблемы, гибридные войны, терроризм, экстремизм, информационная война, санкции, мораль, нравственность, национальная безопасность

Для цитирования: Митин А. В. Гибридные войны как вызов современности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 187–192. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-187-192>.

Original article

Hybrid wars as a challenge to modernity

Alexey V. Mitin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, panther.00@bk.ru

Abstract. The essence, structural elements and features of hybrid warfare are analyzed. A detailed analysis and description of the history of the problem is given.

Keywords: intersocial problems, hybrid wars, terrorism, extremism, information war, sanctions, morality, morality, national security

For citation: Mitin A. V. Hybrid wars as a challenge to modernity. Bulletin of economic security. 2022;(6):187–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-187-192>.

XXI век ознаменовался дальнейшим совершенствованием и развитием мирового сообщества [1]. На пороге третьего десятилетия произошли глобальные изменения в техническом прогрессе, особенно это было заметно в развитии и освоении киберпространства, наметились значительные сдвиги в науке, которые направлены на гармоничное сосуществование техносферы с естественной природой, на дальнейшие поиски выживания всего человечества.

Однако наряду с успехами и достижениями современности в наши дни вошли и обострились неразрешенные негативные проблемы прошлого, которые представляют глобальную угрозу существованию всему человечеству. Это проблемы исчерпаемости природных ресурсов, в том числе энергетических, запасов пресной воды, это антропогенное воздействие человека на природу, экологические, а также интерсоциальные проблемы [2, с. 245–279]. Последние и подлежат более детальному рассмотрению, и связаны они прежде всего с установлением справедливого международного экономического порядка, с предотвращением войн и обеспечением мира в планетарном масштабе.

Именно в наши дни актуальность вопроса сохранения мира является первостепенной. Войны велись на протяжении многих тысячелетий и до последнего времени представляли собой классическое столкновение нескольких государств с целью захвата территорий с природными ресурсами и порабощения населения или столкновение противоположных общественно-политических систем. Одна из последних таких – Вторая мировая война, в которой одну из решающих ролей в разгроме агрессора, пытавшегося завоевать весь мир, сыграл Советский Союз. Это крупнейший в истории человечества вооруженный конфликт, в котором участвовало 62 государства из 73 существовавших на тот период истории, где боевые действия велись на территории Европы, Азии и Африки и впервые было использовано ядерное оружие [3, с. 256–257; 4, с. 465]. Людские потери в данной войне по разным подсчетам составили 60–65 млн человек. Чудовищные преступления, совершенные нацистами, стали широко известны мировой общественности и были рассмотрены и осуждены на Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг., где им была дана надлежащая оценка [5]. Невозможно не отметить, что в этом году мы

© Митин А. В., 2022

отметили очередное знаменательное событие – 77-летие Победы в Великой Отечественной войне.

Современное развитие науки и техники в целом направлено на совершенствование и развитие общества, вместе с тем оно способствовало и появлению различного вида оружия массового поражения, новых более масштабных способов воздействия на окружающую среду в целях нанесения ущерба экономике и экологии отдельных государств, и даже на уничтожение его населения, что многократно повысило опасность исчезновения человеческой цивилизации вообще. Увеличение стран, владеющих ядерным оружием, создание простых видов вооружения по мощи превосходящих ядерное в сотни раз, попытки вывести ядерное оружие в космос лишь усугубили положение дел. Дальнейшее усиление противоречий между государствами повышают угрозу использования военной силы для их разрешения. Сегодня изменились и тактика, и масштабы ведения войн, где на смену классически понимаемым войнам, пришло множество локальных конфликтов, количество которых постоянно растет: Вьетнам, Гренада, Югославия, Иран, Египет, Ирак, Палестина, Ливия, в наши дни Сирия и Нагорный Карабах, Афганистан, Корейский полуостров.

Важной особенностью нового тысячелетия является и изменение способов ведения войн, что в целом затрудняет определение границ начала войны, а по масштабу нанесения урона они превосходят практически все предыдущие. Речь идет о такой актуальной интерсоциальной проблеме наших дней, как гибридные войны.

Последние десятилетия нам наиболее ярко показывают, что так называемая «евроатлантическая» цивилизация во главе с США не склонна принимать в расчет интересы других государств. Более того, даже внутри Западных стран проявляется доминирование и навязывание США своих интересов союзникам, в том числе в политической, экономической и военной областях, а также и в аксиологической составляющей.

Американская пропагандистская машина культивирует и распространяет слухи среди мировой общественности о «военной угрозе» со стороны России, всячески дезинформирует население планеты путем подтасовок и фабрикаций различных негативных «фактов», в том числе и о миротворческих действиях в Сирии, о борьбе с международным терроризмом, всячески нагнетает истерию русофобии, делая международную обстановку более напряженной, пытается этими действиями прикрыть свои нарушения в международном праве и замаскировать свои амбиции на мировое господство [2, с. 245–279].

Страны сателлиты, среди которых прежде всего страны Прибалтики – Латвия, Литва и Эстония, а также Польша, ФРГ, Франция и др., всячески потворствуя планам США и порой в угоду этой мощной державы, стараются пересмотреть мировую историю и переписать историю своего государства доводя порой все до

абсурда, преследуя при этом единственную цель – ослабить позиции России на международной арене. Например, Республика Польша заявила, что это Советский Союз напал на нее и оккупировал в годы Второй мировой войны, а не Германия. Военные историки на основе рассекреченных архивных материалов подсчитали, что только в боях за освобождение Польши погибло около 200 тысяч советских солдат. Умалчивает Польша и о том, что на ее территории были созданы фашистские концлагеря Освенцим (Auschwitz-Birkenau), Майданек (Majdanek), Треблинка (Treblinka), которые предназначались для физического уничтожения целых народов, и в первую очередь славянских, тотального истребления евреев и цыган [6]. Только в Освенциме погибло более 4 млн. человек (27 января 1945 г. советские войска освободили Освенцим), в лагере Майданек фашисты уничтожили 1,5 млн. человек (освобожден советскими войсками 23 июля 1944 г.), а в лагере Треблинка – около 800 тыс. человек (лагерь был ликвидирован в июле 1944 г. при приближении советских войск). Искажение фактов, переписывание исторических событий в новом аспекте – это один из классических примеров метода ведения «гибридной войны».

Само понятие «гибридная война» появилось в военном ведомстве США относительно недавно, и оно быстро вошло в наш обиход. И то, что под этим понимается, какие направления в себя включает, все это сегодня специалисты НАТО активно используют практически в отношении многих стран, среди которых и Украина, Иран, Ирак, Сирия и т. д., где США имеют свои интересы. Не обошло это явление и Россию, в отношении которой делаются попытки применения ее отдельных элементов. В наше время «гибридные войны» стали реальностью, которую трудно отрицать и которая актуализирует потребность более глубокого изучения ее сути и возможностей противодействия ей в отстаивании интересов Российской Федерации [7].

Основная цель «гибридной войны» заключается во вмешательстве во внутренние дела любого государства путем использования определенных ресурсов и технологий, в замене неугодной власти, в расширении конфронтации внутри страны и на международном уровне, и в целом в нарушении развития государства как самостоятельного субъекта. Проблема таких войн важна тем, что наряду с обычным комплексом современных вызовов и угроз национальной безопасности России и других стран, эффективность невоенных способов достижения политических и стратегических целей во много раз превосходят военные средства и не имеют тех значительных разрушительных последствий.

Под «гибридной войной» понимают новейшие методы ведения войны, где основной упор для захвата и подчинения территории того или иного государства делается на информационные, кибернетические и электронные технологии в сочетании с различными экономическими санкциями и деятельностью спецслужб, на оказании поддержки местным оппозиционным силам,

опора на экстремизм и терроризм, коррупционную систему [8], в целом на разжигания этнических конфликтов. Особенностью «гибридной войны» является стирание границ, которые определяют, это война или одна из форм политического, экономического или идеологического противостояния. Такие попытки вмешательства во внутренние дела государств хорошо видны на сегодняшнем примере Белоруссии, Киргизии и Казахстана.

Существенной чертой «гибридных войн» является пренебрежение всеми нормами морали и нравственности, использование самых грязных социальных технологий, включающих распространение слухов, лжи, клеветы, искажение фактов, фальсификацию истории. Эта война втягивает в антагонизм все население государства и охватывает все сферы общественной жизни [9].

Процесс глобализации [1] носит противоречивый характер и в своем развитии затрагивает все мировое сообщество [10], где наряду с прогрессивными началами в развитии сотрудничества и взаимодействия государств, получило распространение такое явление как терроризм и экстремизм, принявшее международный характер [11]. Это еще одна составляющая гибридных войн. США и их союзники по НАТО ведут активную и целенаправленную подготовку боевиков по обучению способам и методам проведения специальных террористических актов на территориях стран, которые входят в область их интересов.

Под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий [12, ст. 3]. Терроризм преследует свои определенные цели, среди которых пропаганда и распространение своих идей, призыв к осуществлению террористической деятельности, вербовка, вооружение, обучение и организация незаконных вооруженных формирований, а также организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация непосредственно террористических актов.

Еще одна из составляющих методов ведения «гибридной войны» – экстремизм, предполагает насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства; публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, путем пропаганды исключительности и превосходства или наоборот, неполноценности человека по различным признакам; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной принадлежности [13]; массовое распространение заведомо экстремистских материалов [14, ст. 1]. В наши дни отмечается дальнейшая консолидация, взаимодействие и координация действий террористических и экстремистских организаций с применением новейших компьютерных технологий, в целом медиаструктуры.

Действенным элементом «гибридной войны», эффективно проявившим себя, является информационная война или информационно-психологическая. Данная составляющая стала использоваться в «гибридных войнах» относительно недавно, что связано с резким развитием информационных технологий и их огромным охватом населения. Хотя отдельные элементы информационной войны применялись на протяжении всей человеческой истории, начиная с античности [15, с. 83]. Не удивительно, что термин «информационно-психологическая война» также впервые был использован в военном министерстве США [16, с. 201].

Информационно-психологическая война представляет собой целенаправленное воздействие информацией (устной, печатной, видео) на сознание и эмоционально-волевую сферу людей, т. е. это борьба сторон за достижение превосходства над противником в своевременности, достоверности, полноте получения информации, скорости и качестве ее переработки и доведения до исполнителей [17].

Информационная война подразумевает согласованную деятельность по использованию информации как оружия для ведения боевых действий не только на реальном поле брани, но и в экономической, политической и социальной сферах. Область действия информационных войн включает в себя:

1) инфраструктуру систем жизнеобеспечения государства – телекоммуникации, транспортные сети, электростанции, банковские системы и т. д.;

2) промышленный шпионаж – хищение патентованной информации, искажение или уничтожение особо важных данных, услуг; сбор информации разведывательного характера о конкурентах и т. п.;

3) взлом и использование личных паролей VIP-персон, идентификационных номеров, банковских счетов, данных конфиденциального плана, производство дезинформации;

4) электронное вмешательство в процессы командования и управления военными объектами и системами, «штабная война», вывод из строя сетей военных коммуникаций;

5) всемирную компьютерную сеть Интернет и другие [18].

Информационно-психологическая война, ставшая в наши дни составной частью «гибридной войны», не знает границ, она широко применялась и в годы Второй мировой войны в ряде сражений в целях дезинформации агрессора. Сегодня информационно-психологическую войну используют даже на территории своего государства в целях достижения победы над своим политическим противником, что показала последняя предвыборная кампания в США.

Экономические санкции, как еще один важнейший элемент «гибридной войны», включают в себя ограничительные меры экономического характера, применяемые одной страной или группой стран к другой стране или группе стран с задачей заставить правительства

стран – объектов санкций, изменить свою политику. Они выражаются в частичном или полном запрете импорта товаров из этих стран, экспорта новейших технологий и товаров в эти страны, в ограничении финансовых операций с данными странами, включая трансграничные расчеты и инвестиции и т. д.

Обобщая выше сказанное, можно отметить, что «гибридные войны» ведутся с использованием следующих способов:

- проведение специальных террористических или диверсионных актов [19];
- создание и координация действий экстремистских организаций;
- ведение информационно-психологического воздействия, в том числе с целью ослабление влияния патриотической составляющей [20], росту проявлений правового нигилизма [21, с. 29];
- введение экономических санкций;
- разжигание этнических конфликтов;
- экономическое, политическое и дипломатическое давление;
- дезориентация политического и военного руководства с целью затруднения принятия решений и другие.

Учитывая современную геополитическую обстановку, все опасности и угрозы, их характерные черты и особенности, в Указе Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [22] отмечается, что обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации таких стратегических национальных приоритетов как:

- 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала;
- 2) оборона страны;
- 3) государственная и общественная безопасность;
- 4) информационная безопасность;
- 5) экономическая безопасность;
- 6) научно-технологическое развитие;
- 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование;
- 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Среди вышеизложенных стратегических национальных приоритетов особое внимание уделено информационной безопасности, которая должна обеспечить противодействие угрозам информационно-психологической войны. В целях обеспечения информационной безопасности России, необходимо решить следующие задачи:

- формирование безопасной среды оборота достоверной информации;

- развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз;

- предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы;

- повышение защищенности и устойчивости функционирования единой сети электросвязи, российского сегмента сети Интернет;

- предотвращение и минимизация ущерба национальной безопасности, связанного с осуществлением иностранными государствами технической разведки;

- развитие сил и средств информационного противоборства;

- противодействие использованию информационной инфраструктуры экстремистскими и террористическими организациями, специальными службами и пропагандистскими структурами иностранных государств для осуществления деструктивного информационного воздействия на граждан и общество и др.

Сегодня «гибридные войны» представляют собой одну из наиболее актуальных угроз международной безопасности и национальной безопасности России. Данное явление требует дальнейшего осмысления, более качественного изучения его в целом, внимательного исследования составных элементов, а также выработки способов предотвращения. Обеспечение национальной безопасности России остается важнейшей и первоочередной задачей.

Все попытки ведения «гибридных войн» США и их союзниками по НАТО в отношении России пресекаются и имеют зеркальный характер, своей цели на сегодняшний день не достигли. Для более успешного противостояния этому явлению требуется информационный суверенитет, что обеспечит не только сдерживание «гибридных войн», но и их профилактику и соответствующий ответ государству-агрессору. Эти вопросы Россия поставила на повестку дня и ускоренно их решает, создавая национальную систему информационной безопасности, начиная от Министерства обороны и заканчивая личной информационной безопасностью своих граждан. Россия продолжает активно участвовать в дальнейшем преобразовании монополярного мира в новую мировую конструкцию, основанную на международном праве.

Список источников

1. Общество в постнеклассической картине мира / С. Р. Аблеев и др. Ижевск, 2019.
2. Общественные трансформации и цивилизационная идентичность России // Философские исследования и современность : вып. 7. М., 2018.
3. Советский энциклопедический словарь / под редакцией А. М. Прохорова, издание 4-е. М. : «Советская энциклопедия», 1990.
4. История второй мировой войны. 1939–1945. Воениздат, 1982.

5. Митин А. В. Нюрнбергский процесс и его значение // Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2016 г.) под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 122–125.

6. Военная энциклопедия в 8 томах. Председатель Главной редакционной комиссии С. Б. Иванов. М. : Воениздат, 2004. ISBN 5-20301875-8.

7. Овчинников А. И. «Управляемый хаос» как основная угроза национальной безопасности России // Философия права. 2014. № 3. С. 98–101.

8. Митин А. В. Коррупция в системе государственной службы : проблемы и пути решения // Инновационное развитие общества : условия, противоречия, приоритеты. X международная научная конференция 27 марта 2014 г. М. : МУ им. С.Ю. Витте, 5 с.

9. Позубенков П. С., Позубенков С. П. Гибридные войны в современном информационном пространстве // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1121–1125. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86243.htm>.

10. Золкин А. Л. Глобализация и цивилизационные основания российской культуры // Философские исследования и современность. Вып. 5. М., 2016. С. 156–159.

11. Митин А. В. Терроризм и экстремизм : проблемы и пути противодействия // Философские исследования и современность. Вып. 7. М., 2018. С. 245–279.

12. Федеральный закон от 06 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/.

13. Кушнаренко И. А., Базарнов М. А. Религиозное поведение для сотрудников органов внутренних дел. М., 2017.

14. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/2daf50f586c69eac11512c1faa4309699b52ec9b/.

15. Власенко И. С., Кирьянов М. В. Информационная война : искажение реальности. М. : ИД «Канцлер», 2011.

16. Гриняев С. Н. Поле битвы – киберпространство : теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн. : Харвест, 2014.

17. Информационно-психологическая и психотронная война. Хрестоматия / Под. общ. ред. А. Е. Тараса. Мн. : Харвест, 2003. 432 с. (Библиотека практической психологии).

18. Павлютенкова М. Ю. Информационная война : реальная угроза или современный миф? // «Власть», 19.12.2001, М., n12, С. 19–23.

19. Фролова Т. Н. Терроризм : сущность, причины, тенденции // Философские исследования и современность. Вып. 5. М., 2016. С. 306–312.

20. Митин А. В. Патриотическое воспитание молодежи : проблемы и основные направления совершенствования // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. № 2 (5). Юридические науки. 2014. С. 72–73.

21. Марченя П. П. Правовой нигилизм в России : мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2.

22. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

References

1. Society in the post-non-classical picture of the world / S. R. Ableev et al. Izhevsk, 2019.

2. Social transformations and civilizational identity of Russia // Philosophical studies and modernity : issue 7. M., 2018.

3. Soviet Encyclopedic Dictionary / edited by A. M. Prokhorov, 4th edition. M. : «Soviet Encyclopedia», 1990.

4. History of the Second World War. 1939–1945. Voenizdat, 1982.

5. Mitin A.V. The Nuremberg Process and its significance // The results of the Nuremberg process and the challenges of modernity : materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 24, 2016) under the general editorship of A. I. Bastrykin. M. : Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2016. P. 122–125.

6. Military Encyclopedia in 8 volumes. Chairman of the Main Editorial Committee S. B. Ivanov. Moscow : Voenizdat, 2004. ISBN 5-20301875-8.

7. Ovchinnikov A. I. «Controlled chaos» as the main threat to the national security of Russia // Philosophy of Law. 2014. № 3. P. 98–101.

8. Mitin A. V. Corruption in the public service system : problems and solutions // Innovative development of society : conditions, contradictions, priorities. X-th International Scientific conference on March 27, 2014. M. : S.Yu. Witte MU, 5 p.

9. Pozubenkov P. S., Pozubenkov S. P. Hybrid wars in the modern information space // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2016. Vol. 11. P. 1121–1125. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86243.htm>.

10. Zolkin A. L. Globalization and civilizational foundations of Russian culture // Philosophical research and modernity. Issue 5. M., 2016. P. 156–159.

11. Mitin A. V. Terrorism and extremism: problems and ways of countering // Philosophical research and modernity. Issue 7. M., 2018. P. 245–279.

12. Federal Law of March 06, 2006 «On Countering Terrorism» № 35-FZ (ed. of 18.04.2018) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/.

13. Kushnarenko I. A., Bazarnov M. A. Religious studies for law enforcement officers. M., 2017.

14. Federal Law «On Countering Extremist activity» dated July 25, 2002 № 114-FZ (ed. dated 23.11.2015) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/2daf50f586c69eac11512c1faa4309699b52ec9b/.

15. Vlasenko I. S., Kiryanov M. V. Information war : distortion of reality. M. : Publishing House «Chancellor», 2011.

16. Grinyaev S. N. Battlefield – cyberspace : theory, techniques, means, methods and systems of information warfare. Mn. : Harvest, 2014.

17. Information-psychological and psychotronic warfare. Anthology / Under. general ed. by A. E. Taras. Mn. : Harvest, 2003. 432 p. (Library of Practical Psychology).

18. Pavlyutenkova M. Yu. Information war: a real threat or a modern myth? // «Power», 19.12.2001, M., n12, P. 19–23.

19. Frolova T. N. Terrorism: essence, causes, trends // Philosophical research and modernity. Issue 5. M., 2016. P. 306–312.

20. Mitin A. V. Patriotic education of youth: problems and main directions of improvement // Bulletin of the Witte Moscow University. № 2 (5). Legal sciences. 2014. P. 72–73.

21. Marchenya P. P. Legal nihilism in Russia: myths and realities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2.

22. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».

Информация об авторе

А. В. Митин – доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук.

Information about the author

A. V. Mitin – Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Philosophical Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Основы экономической безопасности. Учебное пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах. Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике. Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-193-197>

НИОН: 2015-0066-6/22-558

MOSURED: 77/27-011-2022-06-757

Эмпирическое измерение преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Татьяна Витальевна Молчанова¹, Екатерина Игоревна Таранина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ molcha@yandex.ru

² 97ekaterina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современного состояния преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий с учетом нового вектора развития преступности. В исследовании обобщены статистические сведения об отдельных преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, описаны количественные и качественные характеристики лиц, совершающих преступления в рассматриваемой сфере. Авторами были использованы данные отдельных форм статистического наблюдения ГИАЦ МВД России. Обращено внимание, что с 2022 года статистически учитываются новые способы совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – Ddos-атаки, сети Даркнет, фишинговые поддельные сайты или ссылки.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, статистические данные, ГИАЦ МВД России, сеть Интернет, цифровизация, киберпространство

Для цитирования: Молчанова Т. В., Таранина Е. И. Эмпирическое измерение преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 193–197. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-193-197>.

Original article

Empirical measurement of crimes committed using information and telecommunication technologies

Tatyana V. Molchanova¹, Ekaterina I. Taranina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ molcha@yandex.ru

² 97ekaterina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the current state of crimes in the field of information and telecommunication technologies, taking into account the new vector of crime development. The study summarizes statistical data on individual crimes committed using information and telecommunication technologies, describes the quantitative and qualitative characteristics of persons committing crimes in the field under consideration. The authors used data from individual forms of statistical observation of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Attention is drawn to the fact that since 2022, new ways of committing crimes using information and telecommunication technologies are statistically taken into account – Ddos attacks, Darknet networks, phishing fake sites or links.

Keywords: information and telecommunication technologies, statistical data, GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Internet, digitalization, cyberspace

For citation: Molchanova T. V., Taranina E. I. Empirical measurement of crimes committed using information and telecommunication technologies. Bulletin of economic security. 2022;(6):193–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-193-197>.

Стремительно изменяющиеся социально-экономические процессы обоснованно стимулируют трансформацию традиционных общественных отношений. Так, например, информационно-телекоммуникацион-

ные технологии в России настолько внедрились во все сферы жизнедеятельности¹, что, наряду с оптимизаци-

¹ Планируется использование информационных систем и технологий в образовании, здравоохранении, энергетике. См. :

© Молчанова Т. В., Таранина Е. И., 2022

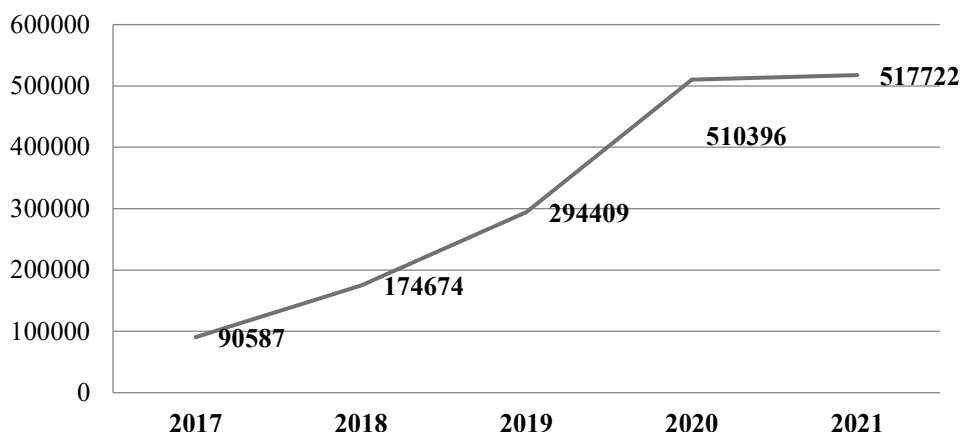

Рис. 1. Количественная характеристика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий за период 2017–2021 гг. [2]

ей некоторых управленческих решений и повышением цифровой грамотности населения, стали представлять реальную угрозу и для безопасности личности, общества и государства. Усилению криминализации сферы информационных технологий безусловно способствовала пандемия COVID-19. В марте 2020 года наблюдалось значительное увеличение использования онлайн-коммуникаций государственными органами, предприятиями и частными лицами. Такое активное информационное взаимодействие между пользователями в «виртуальной» среде продолжалось в период 2020–2021 гг. и сохраняется по настоящее время.

Данные, указанные в формах статистического наблюдения (рис. 1) Главного информационно-аналитического Центра МВД России демонстрируют рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) в период 2017–2021 гг.¹. Значительный темп прироста в 2020 году по сравнению с 2019 (73,33 %) подтверждает сделанные ранее нами выводы о влиянии пандемии COVID-19 на состояние, уровень и динамику преступлений рассматриваемого вида и свидетельствует

о новом векторе в развитии преступности в Российской Федерации.

1. «Мошенничество» (ст. 159 УК РФ) составляет 45,9 %;
2. «Кража» (158 УК РФ) – 30,08 %;
3. «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» (228.1 УК РФ) – 9,7 %;
4. «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» – 1,9 %;
5. «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (272 УК РФ) – 1,1 %;
6. «Вымогательство» (163 УК РФ) – 0,7 %;
7. «Неправомерный оборот средств платежей» (187 УК РФ) – 0,3 %.

Интересным обстоятельством стало изменение стабильной и уже ставшей ежегодной тенденции увеличения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий определенных составов преступлений, указанных в таблице 1.

Среди всех преступлений, относящихся к группе преступных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий снижение зафиксировано по вышеуказанным составам преступлений. Несмотря на произошедшее изменение в 2021 г. количественных параметров преступлений (табл. 1), доля «краж» (ст. 158 УК РФ) в структуре преступности в сфере информационно-телекоммуникаци-

Таблица 1

Динамика количества отдельных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий за период 2018–2021 гг. [2; 3]

Статья УК РФ	2019	2019	2020	2021	Снижение к 2020 г.
158 УК РФ	32 668	98798	173416	155760	-10,18
159.3 УК РФ	4 235	16 063	25820	10237	-60,35
159.6 УК РФ	946	680	761	427	-43,89

онных технологий сохраняет значительную статистическую оценку.

Полагаем, что наблюдаемое в 2021 году снижение рассматриваемых преступлений (от – 10,18 % до – 60,35 %) связано с изменившейся правоприменительной практикой. Количественные показатели зависят от активности всех заинтересованных органов (органов государственной власти, в частности, органов внутренних дел, банковский учреждений и организаций и иных) преследующих цель выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Также считаем, что снижение показателей регистрации преступлений указанного вида позволяет позитивно оценить деятельность оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел в 2021 году, однако прогнозировать относительную стабильность по данному направлению пока не представляется возможным ввиду меняющейся социально-экономической и политической обстановкой в стране.

Рассматривая способы совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отметим, что они характеризуются своей статистической условностью в фиксации их в формах учета и отчетности. По итогам 2021 года преступления рассматриваемого вида были совершены с применением следующих способов [3]:

1. Расчетных (пластиковых карт) – 164 666 преступлений;
2. Компьютерной техники – 26 160 преступлений;
3. Программных средств – 6 686 преступлений;
4. Фиктивных электронных платежей – 905 преступлений;
5. Средств мобильной связи – 216 252 преступлений;
6. Сети «Интернет» – 328 264 преступления;
7. Социальных сетей – 29 604 преступления;
8. Средств мгновенного обмена сообщениями – 41 176 преступлений;
9. Электронных платежных систем – 23 208 преступлений;
10. Методов социальной инженерии – 78 754 преступления;
11. SIP-телефонии – 23 963 преступления.

Заметим, что с июня 2022 года статистические формы отчетности ГИАЦ МВД России были дополнены новыми способами совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: DDos-атаки, сети Даркнет, фишинговые поддельные сайты или ссылки. В связи с этим, отметим, что статистическое закрепление перечисленных способов не отражает их реальную новизну, общественная опасность преступлений, совершенных при помощи трех указанных способов была осознана обществом еще в начале – середине 2000-х годов с момента их первого описания и использования в криминальной деятельности. Мы полагаем, что существует достаточно большое количество иных способов, в настоящее время не пред-

усмотренных в формулярах отчетности ГИАЦ МВД России, а также иных перспективных способов.

Благоприятным обстоятельством для осуществления противоправной деятельности с использованием информационных технологий является возрастающая численность пользователей сети Интернет. Так, например, Правительством Российской Федерации установлено [5], доля домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет к 2030 году должна составить 97 % (2020 г. – 76,4 %, 2021 – 77,0%). Указанная мера приведет к естественному росту числа лиц, совершающих преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также увеличит число вовлекаемых лиц.

Так, в 2021 г. подразделениями органов внутренних дел выявлено 846 454 лиц (+ 33,52 % по сравнению с 2020 г.), совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Доминирующая часть выявленных лиц рассматриваемого вида в 2021 году приходится на подразделения уголовного розыска – 13 512 человек (+308,46 %). Значительные статистические показатели демонстрируют также иные оперативные подразделения: Управления (отделы) наркоконтроля – 3 152 лица (+248,57%), подразделения специальных технических мероприятий – 1 149 лиц (+162,92 %).

Внутренними являются темпы прироста выявленных лиц (от 162,92 % до 308,46 %), что демонстрирует улучшение оперативных позиций по рассматриваемому виду преступности. Столь значительный статистический размах в количестве выявленных лиц может объяснен тем, что к компетенции сотрудников подразделений уголовного розыска относится многочисленный состав преступных деяний в соответствии с УК РФ.

Исследуя возрастные особенности выявленных лиц, отметим, что основной возраст совершения преступлений находится в следующих возрастных пределах 30–49 лет (в 2021 году выявлено 42 866 лиц). Во многом это объясняется выбранным «обширным» статистическим временным интервалом в формах наблюдения ГИАЦ МВД России. Становится очевидным, что обозначенная возрастная категория будет занимать лидирующие позиции среди иных возрастных позиций (14–15 лет, 16–17 лет, 18–24 года, 25–29 лет, 30–49 лет, 50 лет и старше).

Интересным является статический факт, что в 2021 году преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершаются примерно в равных долях лицами 18–24 года (выявлено 17 991 лиц) и 25–29 лет (выявлено 14 849 лиц). Такая тенденция объясняется тем, что лица указанного возраста относятся к категории «Молодежь» [7]. Рассматриваемые лица, как правило, используют информационные системы, электронные средства платежа, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет с момента получения начального общего образования (6–7 лет).

В. А. Плешаков справедливо, по-нашему мнению, отмечает, что «для человека XXI века, практически вне зависимости от возраста вставшего на путь киберсоциализации, уже моветон (от фр. *mauvais ton* – дурной тон, плохие манеры) не быть зарегистрированным пользователем хотя бы одной социальной сети, не иметь свой персональный сайт и не вести свой блог. Наличие электронной почты и сотового (мобильного) телефона является просто обязательным условием успешности современного человека» [4, с. 21].

Исследуя социально-криминологические характеристики лиц, совершивших преступления, отметим, что примечательным является возрастающая доля учащих, осуществляющих преступную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, традиционно, возраст учащихся определяется в возрастных рамках от 6 до 18 лет. В 2021 году органами внутренних дел было выявлено 3 787 лиц указанной категории (+34,62 %), в 2020 году – 2 813 лиц. Статистически констатируется, что в 2021 году учащиеся совершили следующие виды преступлений: ст. 158 УК РФ – выявлено 2 267 лиц (в том числе п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – 2 262 лица), ст. 159 УК – 211 лиц, 228 УК РФ – 335 лиц, 228.1 УК РФ – 686 лиц.

Также наблюдается увеличение совершения преступных фактов среди учащихся по ст. 137 УК РФ выявлено 30 лиц, ст. 163 УК РФ – 33 лица, ст. 186 УК РФ – 26 лиц, ст. 207 УК РФ – 35 лиц, ст. 242.1 УК РФ – 22 лица. Отметим, что правоприменительная практика пока не имеет единой устоявшейся позиции, указанные количественные характеристики выявления не демонстрируют необходимое свойство массовости. В связи с этим мы можем только констатировать наметившиеся возрастные тенденции.

Среди всех выявленных только 9 020 (10,6 %) лиц имеют высшее профессиональное образование. Данный статистический факт указывает на отсутствие у выявленных лиц специального образования в этой сфере. Таким образом, совершать данные преступные деяния способны лица, имеющие разнообразный образовательный уровень и практические навыки.

В числе лиц, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий увеличился удельный вес женщин (2020 г. –

14 620 лиц, 2021 г. – 18 230 лиц), несмотря на общероссийскую тенденцию сокращения доли женщин, совершивших преступления. По итогам 2021 г. доля лиц женского пола по России составляет – 15,3 %, в то время как доля женщин в ИТТ – 21,5 %.

Принимая во внимание, что основная роль совершения преступных деяний с использованием информационных технологий отводится мужчинам, женщины характеризуются использованием нетипичных способов, изощренных противоправных схем в реализации преступного умысла.

Указанное обстоятельство подтверждается высказыванием итальянского психиатра Чезаре Ламброзо, сделанным еще во второй половине 19 века: «Ум преступниц виден, между прочим, также и в том, что преступления их часто замечательно сложны. Во всяком случае, для приведения в исполнение планов их часто требуются далеко не дюжинные умственные способности. Иногда они употребляют очень сложные приемы для разрешения относительно простых задач» [1]. Полагаем, что информационно-телекоммуникационные технологии не являются исключением для выбора лицами женского пола в качестве современной сферы преступной деятельности.

Рассмотренные нами количественные и качественные характеристики преступлений сферы информационно-телекоммуникационных технологий демонстрирует ежегодные динамические различия, на вектор изменения которых оказывают интенсивное влияние разнообразные процессы и явления, связанные с информатизацией и цифровизацией общественных отношений.

В Доктрине информационной безопасности [6] отмечается, что «информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства», однако заметим, что расширение сферы их влияния на современную действительность привело к использованию ИТ-технологий в криминальных целях. Полагаем, что ввиду такого, прежде всего негативного влияния, будут совершаться иные преступления, описание которых находится за рамками нашего исследования. Авторы считают, что перспективным направлением преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий являются цифровые

Таблица 2

Динамика количества женщин, выявленных за совершение отдельных преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2020–2021 гг.

Ст. УК РФ	2020	2021
Ст. 158	6307	10328
Ст. 159	1496	2185
Ст. 159.3	1981	119
Ст. 163	27	30
Ст. 272	36	56
Ст. 228.1	1471	1951

финансовые активы и их разновидность – криптовалюта, статистическая регистрация которых на сегодня отсутствует.

Список источников

1. Чезаре Ламброзо. «Женщина преступница». [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/DPEOPLE/LOMBROZO/women.txt> (дата обращения: 21.07.2022).
2. Ф. 494 КН. 31 Раздел 31 «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных субъектами регистрации». Сборник по России январь–декабрь 2017–2021 гг. // ГИАЦ МВД России.
3. Ф. 280 КН. 1 «Сводный отчет о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также результатах деятельности структурных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида». Сборник по России за 2020–2021 гг. // ГИАЦ МВД России.
4. Плешаков В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a : монография / В. А. Плешаков. М. : МПГУ, 2012.
5. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и плановый период до 2030 года. [Электронный ресурс] – URL: <http://media.rspp.ru/document/1/7/2/72845cc9e30687897e061a9727189986.pdf> (дата обращения: 22.07.2022).
6. Указ Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

Информация об авторах

Т. В. Молчанова – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. И. Таранина – преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

T. V. Molchanova – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

E. I. Taranina – Lecturer of the Department of Natural Sciences of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

7. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

References

1. Cesare Lambroso. «The woman is a criminal» [electronic resource]. – URL: <http://lib.ru/DPEOPLE/LOMBROZO/women.txt> (accessed: 21.07.2022).
2. F. 494 BOOK 31 Section 31 «Information on crimes committed using information and telecommunication technologies or in the field of computer information identified and previously investigated by registration subjects». Collection on Russia January–December 2018–2019 // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. F. 280 BOOKS.1 «Summary report on the results of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation on countering crimes committed using information and telecommunication technologies, as well as the results of the activities of structural divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation specializing in countering crimes of this type». Collection on Russia for 2020–2021 // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Pleshakov V. A. Human cybersocialization: from Homo Sapiens to Homo Cyberus : monograph / V. A. Pleshakov. M. : MPSU, 2012.
5. A unified plan to achieve the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and the planning period up to 2030. [Electronic resource] – URL: <http://media.rspp.ru/document/1/7/2/72845cc9e30687897e061a9727189986.pdf> (accessed: 22.07.2022).
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated 05.12.2016 «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation».
7. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation».

Научная статья

УДК 343.3/7:004

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-198-204>

ИПОН: 2015-0066-6/22-559

MOSURED: 77/27-011-2022-06-758

Оценка вероятных криминальных рисков и угроз, связанных с майнингом криптовалюты

Светлана Владимировна Мурадян¹, Николай Александрович Кузьмин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ lanamuradyan@gmail.com

² kuzminn80@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день майнинг криптовалют остается за рамками правового регулирования в Российской Федерации, что значительно усложняет работу правоохранительных органов. Авторы изучили существующие подходы к определению понятия и сущность майнинга и пришли к выводу, что майнинг – это вид высокомаржинальной предпринимательской деятельности, вызванный потребностями цифровой экономики и требующий соответствующего регулирования. В статье майнинг сегментирован на четыре группы, исходя из организации процесса его реализации. С учетом данных сегментов авторы провели анализ соответствующей правоприменительной практики, показав вероятные криминальные риски и угрозы, связанные с майнингом криптовалюты. Авторами рассмотрено две модели возможного правового регулирования майнинга в Российской Федерации и сделан вывод о том, что отсутствие регулирования данной отрасли, равно как и установление полного запрета на оборот криптовалюты и ее эмиссию, неизбежно приведет к увеличению доли теневой экономики, росту преступности и дестабилизации отрасли.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, майнинг, доказательство выполнения работы, майнер, майнинговые-пулы, облачный майнинг, отмывание доходов, криптоджекинг, вредоносные компьютерные программы

Для цитирования: Мурадян С. В., Кузьмин Н. А. Оценка вероятных криминальных рисков и угроз, связанных с майнингом криптовалюты // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 198–204. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-198-204>.

Original article

Assessment of likely criminal risks and threats associated with cryptocurrency mining

Svetlana V. Muradyan¹, Nikolay A. Kyzmin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ lanamuradyan@gmail.com

² kuzminn80@mail.ru

Abstract. To date, cryptocurrency mining remains outside of legal regulation in the Russian Federation, which significantly complicates the work of law enforcement agencies. The authors studied the existing approaches to the definition of the concept and the essence of mining and came to the conclusion that mining is a type of high-margin entrepreneurial activity, caused by the needs of the digital economy and requiring appropriate regulation. In the article mining is segmented into four groups, based on the organization of the process of its implementation. With these segments in mind, the authors analyzed the relevant law enforcement practices, showing the likely criminal risks and threats associated with mining cryptocurrency. The authors considered two models of possible legal regulation of mining in the Russian Federation and concluded that the lack of regulation of this industry, as well as the establishment of a complete ban on the circulation of cryptocurrency and its emission, will inevitably lead to an increase in the share of shadow economy, growth of crime and destabilization of the sector.

Keywords: cryptocurrency, blockchain, mining, proof-of-work, miner, mining pools, cloud mining, money laundering, cryptojacking, malware

For citation: Muradyan S. V., Kyzmin N. A. Assessment of likely criminal risks and threats associated with cryptocurrency mining. Bulletin of economic security. 2022;(6):198–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-198-204>.

© Мурадян С. В., Кузьмин Н. А., 2022

Несмотря на колоссальную популярность майнинга по всему миру, вызванную вполне объективными причинами, сохраняется диссонанс в подходах государств к его правовому регулированию. Связано это, в первую очередь, с тем, что правовое регулирование блокчейн-технологий в разных странах идет совершенно по разному пути. Майнинг, по сути, представляет собой процесс генерации криптовалют, в результате которого в блокчейн добавляется новых подходящий блок транзакций, и происходит эмиссия монет. То есть для того, чтобы урегулировать такой процесс, как майнинг, законодательно необходимо создать целостную правовую основу, регулирующую оборот цифровых активов в государстве.

Итак, майнинг – это распределенный процесс проверки и подтверждения действительности операций, который генерирует цепочку блоков путем решения сложных алгоритмов и создает новые биткоины, выплачиваемые в качестве вознаграждения в сумме, заранее определенной протоколом первому «майнеру», решившему алгоритм, подтверждающий транзакцию [1]. То есть майнинг – это не выпуск нового вида криптовалюты, а выполнение работ по криптографическим вычислениям по добыче уже обращающейся криптовалюты.

Понятие майнинга не дается в рекомендациях ФАТФ, но содержится определение «майнера», то есть физического или юридического лица, участвующего в децентрализованной сети виртуальной валюты путем запуска специального программного обеспечения для решения сложных алгоритмов в распределенной системе на основе консенсуса proof-of-work (доказательство работы) или другого консенсуса, используемого для подтверждения транзакций в системе виртуальной валюты [2].

В Казахстане, являющемся по данным Кэмбриджского университета второй страной в мире по объему майнинговых мощностей [3], с 19 мая 2022 г. вновь разрешили майнинг [4]. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» в п. 55-3 ст. 1 определяет цифровой майнинг, как процесс проведения вычислительных операций с использованием компьютерных, энергетических мощностей согласно заданным алгоритмам шифрования и обработки данных, обеспечивающий подтверждение целостности блоков данных в объектах информатизации посредством блокчейна [5]. В Приложении № 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 майнинг определен, как отличная от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. Лицо, осуществляющее майнинг, становится владельцем цифровых знаков (токенов), возникших (добытых) в результате его деятельности по майнингу, и может получать цифровые знаки (токены) в качестве вознаграждения за верификацию совершения операций в реестре блоков транзакций (блокчейне) [6].

То есть майнинг – это не просто способ создания новых монет, работающий на основе консенсуса proof-of-work. Он необходим для того, чтобы обеспечить достижение данного консенсуса и обеспечить признание определенных транзакций валидными, чтобы не позволить кому-либо из участников блокчейн-сети потратить уже использованные в другой транзакции монеты. Лицо, осуществляющее майнинг становится владельцем сгенерированных монет и может получать дополнительное вознаграждение за верификацию совершения операций в блокчейне. То есть в таком случае майнинг – это деятельность, направленная на систематическое получение прибыли.

В Российской Федерации на сегодняшний день майнинг законодательно не урегулирован. И это несмотря на то, что в пояснительной записке к проекту федерального закона «О майнинге в Российской Федерации» от 20 мая т. г. говорится, что по экспертным оценкам, гражданами Российской Федерации открыто более 12 миллионов криптовалютных кошельков, а объем средств на кошельках составляет порядка 10 трлн рублей [7]. Кроме того, по оценкам ежемесячного абсолютного показателя хэшрейта Кэмбриджский университет 01.01.22 поставил Российскую Федерацию на 5 место в мире по объему «майнинговых» мощностей [3].

Де-факто, ситуация такова, что криптовалюты выпускаются в России неограниченным кругом анонимных субъектов, а учитывая высокие риски их противоправного использования, можно сказать, что подобное игнорирование законодателем происходящих процессов приводит к обострению оперативной обстановки в сфере обращения цифровых валют.

В связи с отсутствием регулирования «майнинга», его можно расценивать согласно ст. 2 ГК РФ [8] как самостоятельную деятельность, направленную на получение прибыли, то есть подобный бизнес, по сути, приравнивается к предпринимательству. Согласно действующему законодательству в России, можно заниматься любой прямо незапрещенной законом предпринимательской деятельностью при соблюдении необходимых требований. Соответственно, лицо, осуществляющее майнинг криптовалют должно быть зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица по наиболее подходящему майнингу коду ОКВЭД: 63.11 «Деятельность по обработке данных, предоставление услуг по размещению информации и связанная с этим деятельность» или 63.11.1 «Деятельность по созданию и использованию баз данных и информационных ресурсов»; либо выбрать статус самозанятого, если исходить из того, что криптовалюта – это имущество. В ряде случаев законодатель, пойдя по пути юридической фикции, для целей конкретных федеральных законов приравнивает криптовалюту к имуществу (ст. 3 Федерального закона от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных путем, и финансированию терроризма» [9], ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ

«О несостоятельности (банкротстве)» [10], ст. 68 Федерального закона от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [11] и в ст. 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [12]). Однако, по мнению Минфина России, в связи с отсутствием понятия майнинга в Российской Федерации и неопределенностью правового статуса «майнеров» вопрос о государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей физических лиц, занимающихся майнингом, и применении ими системы налогообложения может быть рассмотрен только после принятия соответствующих законодательных актов по указанному вопросу [13]. Тем не менее, все изложенное позволяет утверждать, что майнинг криптовалют представляет собой популярный высокомаржинальный вид предпринимательской деятельности.

Например, в Республике Беларусь деятельность по майнингу, приобретению, отчуждению токенов, осуществляемая физическими лицами самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, не является предпринимательской деятельностью. Индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам также не запрещено осуществлять деятельность по майнингу криптовалют, однако для этого они должны быть резидентами Парка высоких технологий [14].

Существует две возможные модели правового регулирования майнинга в России. Первая, поддерживаемая Центральным банком Российской Федерации, который в своем докладе предположил, что оптимальным решением для России станет полный запрет деятельности, направленной на майнинг криптовалют, как это было сделано в Китае и Иране. Свою позицию Банк России обосновывает высоким потреблением электроэнергии, что непременно ставит под угрозу инфраструктурное энергетическое обеспечение, а также реализацию экологической повестки [15].

Вторая модель изложена в разработанном Министерством финансов Российской Федерации проекте Федерального закона № 127303-8 от 20 мая 2022 г. «О майнинге в Российской Федерации», направленном на урегулирование отношений, связанных с особенностями выпуска, генерацией цифровой валюты в Российской Федерации, в том числе с использованием майнинг-пулов [16]. Если деятельность по майнингу ведется в России или с использованием российской информационной инфраструктуры, то к ней применяется российское право. В рамках указанного законопроекта такая деятельность разрешается на территории Российской Федерации, облагается налогами и официально приравнивается к предпринимательской деятельности. Подобное решение позволит не только вывести майнинг из зоны «серой» экономики, но и повлияет на существенное пополнение бюджета за счет налогообложения нового вида предпринимательской деятельности и поможет избежать излишней неурегулированной нагрузки на энергосистемы.

В связи с отсутствием должных мер ответственности в Российском законодательстве в соотношении с высокой доходностью деятельности по майнингу криптовалют, появляется все большее число «подпольных» «майнеров», незаконно использующих электроэнергию в больших объемах, что приводит к увеличению нагрузки на электросети, которое может стать причиной аварий и пожаров.

Так, Р. закупил оборудование для создания майнингового отеля. И вместо трансформаторной подстанции незаконно установил более мощную подстанцию, за счет которой в обход прибора учета потребляемой электрической энергии обеспечил работу 350 энергопринимающих устройств для майнинга криптовалют. В результате чего осуществил незаконное безучетное потребление электрической энергии общим объемом 1, 327 628 кВтч на сумму 5 706 875, 34 руб. Приговором Сыктывкарского городского суда Республики Коми [17] действия Р. были квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ [18].

Деятельность по майнингу криптовалют можно разделить на четыре различных сегмента:

- собственный майнинг, когда «майнеры» используют и обслуживают собственное оборудование для получения прибыли;
- удаленный хостинг, когда «майнеры» арендуют специально оборудованные в прохладных помещениях дата-центры со стабильным энергоснабжением при максимальной мощности подключения со стороны ресурсоснабжающей организации, достаточным уровнем безопасности и устойчивым высокоскоростным Интернетом;
- облачный майнинг, когда клиенты сдают в аренду вычислительные мощности для использования третьей стороной;
- майнинг-пулы, когда «майнеры» коллективно используют свои вычислительные ресурсы для добычи новых монет и делят вознаграждение между участниками в соответствии с их вкладом.

Учитывая, что для организации майнинга требуются определенные познания, появляются риски мошеннических действий в указанной сфере. Связано это может быть с распространением информации об оказании услуг по настройке майнингового оборудования лицами, не обладающими специальными знаниями в указанной области, с целью хищения оборудования, с поставками поддельного оборудования для майнинга либо с отсутствием намерений злоумышленников исполнять обязательства по приобретению такого оборудования с целью хищения полученных денежных средств. Так, Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2022 г. № 7У-6569/2022 [77-2540/2022] М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. По фактическим обстоятельствам дела, установленным в судебном заседании, М. получил у четырех потерпевших денежные средства под предлогом

приобретения оборудования для «майнинга», однако, завладев деньгами, никаких действий для этого не предпринял, а полученные средства использовал для погашения личных долгов. На требования потерпевших вернуть деньги не прореагировал, а начал избегать контактов [19].

Не редки случаи участия в так называемых «фальшивых» пулах, когда владельцы серверов, распределяющих задачу расчета подписи блока между всеми подключенными участниками, оказываются мошенниками, которые не выплачивают сгенерированную криптовалюту под предлогом хакерских атак или по иным заведомо ложным причинам.

Самый популярный способ мошенничества, связанный с майнингом криптовалюты – это фиктивный облачный майнинг. Злоумышленники получают крупные суммы денег на приобретение оборудования для майнинга, но оборудование не приобретают и сам процесс майнинга не осуществляют. Наиболее продуктивно такие схемы работают при создании подставных сайтов, копирующих настоящих поставщиков услуг.

Кроме того, само оборудование имеет высокую стоимость, а потому часто становится предметом хищений. Так, Л. совершил тайное хищение компьютерного оборудования на майнинговой ферме при следующих обстоятельствах. В течение года Л. занимался обеспечением работы оборудования на майнинговой ферме своего знакомого Ф. на территории турбазы «Сказка», имел ключ от домика, где она располагалась и свободный доступ к его компьютеру с оборудованием в данном домике, откуда и похитил 50 видеокарт и 1 комплектующую к видеокартам, причинив Ф. ущерб на сумму 1 млн 911 тыс. рублей. Приговором Семилукского районного суда Воронежской области от 21 июня 2022 г. по делу № 1-85/2022 Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ [20].

Наиболее часто используемым типом преступных посягательств, которые совершаются в целях генерации (майнинга) криптовалюты является криптоджекинг, представляющий собой несанкционированное использование вредоносного программного обеспечения для получения доступа к вычислительным мощностям зараженного средства вычислительной техники для майнинга криптовалют. Так, С., действуя из корыстной заинтересованности, скопировал с сайтов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на свой персональный компьютер вредоносную программу, предназначенную для генерации криптовалюты. После чего посредством запуска указанной компьютерной программы осуществил компьютерное воздействие на сервер с IP-адресом N, принадлежащий ПАО, в результате чего С. получил логин и пароль, необходимые для доступа к серверу, с использованием которых осуществил удаленный вход на сервер и скопировал со своего персонального компьютера на него вредоносную программу, с целью использования компьютерных мощностей

ПАО для майнинга криптовалюты, но не смог довести данные действия до конца в связи с пресечением противоправной деятельности сотрудниками ФСБ России. Солнечногорским городским судом Московской области действия С. были квалифицированы по ч. 2 ст. 273 УК РФ [21]. Учитывая высокие возможности по обнаружению такого несанкционированного использования устройств самими пользователями и высокие риски быть привлеченными к уголовной ответственности за подобные действия, злоумышленники перешли к более скрытым формам криптоджекинга путем использования безфайловых вредоносных программ, что затрудняет их обнаружение по сравнению с классическими программами на основе приложений. Согласимся с позицией С. Л. Нуделя и Д. А. Печегина, согласно которой включенные в главу 28 УК РФ составы преступлений предполагают, что соответствующий скрипт, использующий ресурс компьютера пользователя без его разрешения, должен быть установлен в систему компьютера, чего не происходит при скрытом майнинге, что является пробелом действующего законодательства [22].

Анализ современной правоприменительной практики показывает, что преступные посягательства, которые совершаются в целях генерации (майнинга) криптовалюты, предусматривают посягательства, ответственность за которые предусмотрена всеми составами преступлений в рамках главы 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» [23].

Рост популярности майнинга криптовалют неизбежно привел к сближению данного вида деятельности с преступностью. Во-первых, с помощью майнинга преступники могут осуществлять отмывание своих преступных доходов самостоятельно. Поскольку при организации работы майнинг-пулов (на данный момент для успешного майнинга требуется все большее количество электроэнергии и объединение в майнинг-пулы предоставляет для их участников гораздо больше шансов успешного майнинга) не осуществляется KYC/AML проверка участников, то вероятность ввода в такой процесс активов криминального происхождения весьма высока, а отслеживание их со стороны правоохранительных органов затруднено. Обычно, даже для регистрации в крупных майнинг-пулах, типа BTC.com или Poolin требуется только адрес электронной почты и номер телефона.

Кроме того, по аналогии с концепцией отказа от личного транспорта в пользу поставщиков услуг перевозок (МааS), майнинг может использоваться, как услуга для конвертации доходов, полученных преступным путем (фиатных или криптовалют с прослеживаемой историей незаконного происхождения) в «чистые» монеты. В такой схеме удаленный хостинг или облачные майнинговые сервисы получают оплату за майнинговую деятельность без осуществления проверки происхождения поступающих средств, взамен «майнеры» отправляют «клиентам» вновь сгенерированные монеты без истории транзакций. Риск использования «чистых»

только что сгенерированных криптовалют в преступных целях очень велик. С одной стороны появляется возможность реализовать все плюсы криптовалют, как цифровых активов, созданных на децентрализованной платформе блокчейн, с другой стороны новые «чистые» активы не имеют за собой преступного следа и связать их затем с активами, добытыми преступным путем, практически невозможно. Так, Европейский парламент подтверждает, что майнинг может стать одним из способов осуществления отмывания доходов, поскольку недавно добытые «монеты» являются чистыми, а значит, если кто-то конвертирует их в фиатную валюту или другие криптоактивы, они тоже будут чистыми [24].

Активный рост числа пользователей криптовалют в мире, а также преимущества их использования в преступной деятельности (отмывание доходов, полученных преступным путем, наркоторговля, финансирование терроризма, незаконная продажа оружия, нелегальный вывод средств за рубеж, хищения, вымогательство, коррупция [15]) позволяют утверждать, что подобная деятельность продолжает активно развиваться. В этой связи целесообразно разработать на законодательном уровне модель правового регулирования оборота криптовалют в России, включая деятельность по майнингу криптовалют. Поскольку отсутствие регулирования данной отрасли, равно как и установление запрета, неизбежно приводит к увеличению доли теневой экономики, росту преступности и дестабилизации отрасли. Реализации четко выбранной стратегии позволит создать благоприятные предпосылки для успешной профилактики преступлений в сфере оборота криптовалют. На сегодняшний день правоохранительные органы в отсутствие законодательно установленной системы прослеживаемости крипто-финансовых потоков и информации об идентифицированных держателях цифровых валют не могут эффективно реагировать на правонарушения и преступления, совершаемые с их использованием [25].

Список источников

1. Руководство ФАТФ по применению риск-ориентированного подхода. Виртуальные валюты. Июнь 2015 // Сайт Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма [Электронный ресурс]. – URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/FATF_Guidances/ROP_Virtualnye_valyuty.pdf (дата обращения: 28.08.2022).
2. FATF report. Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. June 2014 // The Financial Action Task Force [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (дата обращения: 28.08.2022).
3. Bitcoin Mining Map. January, 2022 // Cambridge Center for Alternative Finance of University of Cambridge

[Электронный ресурс]. – URL: https://ccaf.io/cbeci/mining_map (дата обращения: 28.08.2022).

4. Майнерам снова разрешили работать в Казахстане. 20.05.2022 // Kazakhstan Today [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kt.kz/rus/economy/mayneram_snova_razreshili_rabotat_v_kazahstane_1377933862.html (дата обращения: 28.08.2022).

5. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.07.2022 г.) // Информационная система «Юрист» Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902&pos=113;5#pos=113;5&sdoc_params=text%3D%25D0%25BC%25D0%25B0%25D0%25B9%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25BD%25D0%25B3%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D33885902%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 28.08.2022).

6. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.17 № 8 «О развитии цифровой экономики» // Сайт Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 28.08.2022).

7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 127303-8 от 20.05.22 «О майнинге в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=178xn5s1dj726323874> (дата обращения: 28.08.2022).

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2022).

9. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022, с изм. от 21.07.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

11. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

12. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

13. Письмо Минфина России от 12.01.2022 № 03-04-05/813 «О госрегистрации в качестве ИП физлиц, занимающихся майнингом, и применении ими системы налогообложения, а также об уменьшении доходов на расходы, связанные с приобретением имущества, в целях НДС/П» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

14. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.17 № 8 «О развитии цифровой экономики» // Сайт Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 08.08.2022).

15. Доклад Банка России для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры». Москва, 2022 // сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 28.08.2022).

16. Проект Федерального закона № 127303-8 от 20.05.2022 «О майнинге в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=l6clzlkabt24037035> (дата обращения: 28.08.2022).

17. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 17.01.2022 по делу № 1-37/2022 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в сил с 25.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2022).

19. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2022 № 7У-6569/2022[77-2540/2022] / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

20. Приговор Семилукского районного суда Воронежской области от 21.06.2022 по делу № 1-85/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2022).

21. Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 07.10.2020 № 1-227/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2022).

22. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации / Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.08.2022).

23. Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3 / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.08.2022).

24. Европарламент может создать орган для регулирования крипторынка // Сайт BitcoinTalk. Cryptocurrency news [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.bitcointalk.com/evroparlament-mozhe-sozdat-organ-dlja-regulirovaniya-kriptorynka/> (дата обращения: 28.08.2022).

25. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, утвержденная Правительством Российской Федерации. 08.02.2022 // Правительство России [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf> (дата обращения: 18.08.2022).

References

1. FATF Guidance on the Risk-Based Approach. Virtual Currencies. June 2015 // Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism website [Electronic resource]. – URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/FATF_Guidances/ROP_Virtualnye_valyuty.pdf (accessed: 28.08.2022).

2. FATF report. Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. June 2014 // The Financial Action Task Force [Electronic resource]. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (accessed: 28.08.2022).

3. Bitcoin Mining Map. January, 2022 // Cambridge Center for Alternative Finance of the University of Cambridge. – URL: https://ccaf.io/cbeci/mining_map (accessed: 28.08.2022).

4. Miners again allowed to work in Kazakhstan. 20.05.2022 // Kazakhstan Today [Electronic resource]. – URL: https://www.kt.kz/rus/economy/mayneram_snova_razreshili_rabotat_v_kazahstane_1377933862.html (accessed: 28.08.2022).

5. Law of the Republic of Kazakhstan dated November 24, 2015 № 418-V «On Informatization» (with amendments and additions as of 14.07.2022) // Lawyer Information System of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902&pos=113;5#pos=113;5&sdoc_params=text%3D%25D0%25BC%25D0%25B0%25D0%25B9%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25BD%25D0%25B3%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D33885902%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&doc_pos=0 (accessed: 28.08.2022).

6. Decree of the President of the Republic of Belarus of 21.12.17 № 8 «On the development of digital economy» // Website of the President of the Republic of Belarus [Electronic resource]. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (accessed: 28.08.2022).

7. Explanatory note to the Draft Federal Law №127303-8 of 20.05.22 «On Mining in the Russian Federation» // Legislative Support System [Electronic resource]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=178xn5s1dj726323874> (accessed: 28.08.2022).

8. Civil Code of the Russian Federation (a part one) from 30.11.1994 № 51-FZ (rev. from 25.02.2022) // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 18.08.2022).

9. Federal law from 07.08.2001 № 115-FZ (rev. from 14.07.2022) «About counteraction to legalization (laundering) of incomes received by way, and terrorism financing» // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 08.08.2022).

10. Federal law from 26.10.2002 № 127-FZ (rev. from 28.06.2022, as amended from 21.07.2022) «About insolvency (bankruptcy)» // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 08.08.2022).

11. Federal law from 02.10.2007 № 229-ФЗ (rev. from 14.07.2022) «About Enforcement Proceedings» // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 08.08.2022).

12. Federal law from 25.12.2008 № 273-FZ (rev. from 01.04.2022) «About counteraction to corruption» // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 08.08.2022).

13. The letter of the Ministry of Finance of Russia from 12.01.2022 N 03-04-05/813 «About state registration as individual entrepreneurs engaged in mining, and the use of their taxation system, and the reduction of income at the cost of the acquisition of property for personal income tax purposes» // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 08.08.2022).

14. Decree of the President of the Republic of Belarus of 21.12.17 № 8 «On the development of digital economy» // Website of the President of the Republic of Belarus [Electronic resource]. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (accessed: 08.08.2022).

15. Report of the Bank of Russia for public consultations «Cryptocurrencies: trends, risks, measures». Moscow, 2022 // website of the Central Bank of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (accessed: 28.08.2022).

16. Draft Federal Law № 127303-8 of 20.05.2022 «On Mining in the Russian Federation» // System of Legislative Support [Electronic resource]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=16clzlkabt24037035> (accessed: 28.08.2022).

17. Verdict of Syktyvkar city court of the Komi Republic from 17.01.2022 on case No. 1-37/2022 // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 08.08.2022).

18. Criminal Code of Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (rev. from 14.07.2022, with

amendments from 18.07.2022) (with amendments and additions, in force from 25.07.2022) // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 18.08.2022).

19. The cassation definition of the Second cassation court of general jurisdiction from 19.07.2022 № 7U-6569/2022 [77-2540/2022] // SPS «ConsultantPlus» (date of reference: 08.08.2022).

20. The verdict of the Semiluksky district court of the Voronezh region from 21.06.2022 on case № 1-85/2022 // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 18.08.2022).

21. Sentence of Solnechnogorsk city court of Moscow region from 07.10.2020 № 1-227/2020 // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 08.08.2022).

22. Nudel S. L., Pechegin D. A. Tendencies of criminal policy in the field of protection of economic activity in the conditions of digitalization / Vestnik of Perm University. Juridicheskie nauk. 2022. No. 2 // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 28.08.2022).

23. Russkevich E. A., Malygin I. I. Crimes related to circulation of cryptocurrencies: peculiarities of qualification // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 3 // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 28.08.2022).

24. European Parliament may create body to regulate crypto market // BitcoinTalk site. Cryptocurrency news [Electronic resource]. – URL: <https://news.bitcointalk.com/evroparlament-mozhe-sozdat-organ-dlja-regulirovanija-kriptorynka/> (accessed: 28.08.2022).

25. Concept of legislative regulation of the mechanisms of organization of digital currencies turnover, approved by the Government of the Russian Federation. 08.02.2022 // Government of Russia [Electronic resource]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649q12Kg6HuTANrQZ.pdf> (accessed: 18.08.2022).

Информация об авторах

С. В. Мурадян – заместитель начальника кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Н. А. Кузьмин – начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Muradyan – Deputy Head of the Department for Combating Crime in the Field of Information and Telecommunications Technology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

N. A. Kuzmin – Head of the Department of Operative-Search Activity and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-205-208>

НИОН: 2015-0066-6/22-560

MOSURED: 77/27-011-2022-06-759

Факторы транснационализации преступности

Аслан Хазрет-Алиевич Пихов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

apikhov@mail.ru

Аннотация. В современном мире процессы глобализации и информатизации активно развиваются, что закономерно приводит к ряду изменений в самых разнообразных сферах жизнедеятельности человека. Трансформации в криминальной сфере связаны, прежде всего, с транснационализацией преступности, которая имеет ряд особенностей. Настоящая статья посвящена непосредственному исследованию факторов транснационализации преступности на современном этапе.

Ключевые слова: организованная преступность, транснациональная преступность, транснационализация, факторы транснационализации, детерминанты, глобализация

Для цитирования: Пихов А. Х.-А. Факторы транснационализации преступности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 205–208. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-205-208>.

Original article

Factors of transnationalization of crime

Aslan Kh.-A. Pikhov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

apikhov@mail.ru

Abstract. In the modern world, the processes of globalization and informatization are actively developing, which naturally leads to a number of changes in the most diverse spheres of human activity. Transformations in the criminal sphere are primarily associated with the transnationalization of crime, which has a number of features. This article is devoted to the direct study of the factors of transnationalization of crime at the present stage.

Keywords: organized crime, transnational crime, transnationalization, factors of transnationalization, determinants, globalization

For citation: Pikhov A. Kh.-A. Factors of transnationalization of crime. Bulletin of economic security. 2022;(6):205–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-205-208>.

В конце прошлого века произошли кардинальные изменения в геополитической ситуации в мире, которые положили начало глобализационным процессам по всему земному шару. В первую очередь серьезные трансформации в политической, экономической и многих иных сферах состоялись в момент распада СССР, что, в сущности, означало разрушение биполярного мира и расширение влияния США. Со временем интеграция стала приобретать всеобъемлющий характер.

Активно протекающие в обществе процессы транснационализации преступности тесно взаимосвязаны с усложнением структуры преступности, повышением уровня организации преступных групп. В современном мире можно говорить о выделении двух основных тенденций трансформации криминальных угроз – это транснационализация организованной преступности и

повышение организованности транснациональной преступности. В ходе проведения Тринадцатого конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Доха, 12–15 апреля 2015 г.) на обсуждение выносились вопросы взаимосвязи изменений в криминальном мире и глобализационных процессов. Безусловно, появление скоростных видов связи (как мобильной, так и посредством Интернет-сети), возможности оперативного перемещения различных предметов и товаров, становление системы свободных международных поездок/перевозок в совокупности провоцируют развитие криминальной деятельности, ее совершенствование в интеллектуальном и правовом смысле [5].

Распад Советского Союза следует воспринимать как масштабную геополитическую катастрофу, которая непосредственно повлекла за собой «кровавое круше-

© Пихов А. Х.-А., 2022

ние» Югославии, распространение революционных настроений в Грузии и на Украине, вторжения в Афганистан и Ирак, военную угрозу Ирану, Йемену, Сирии и иным странам. Распад СССР послужил катализатором для революционной глобализации. Как следствие упомянутого выше процесса на сегодняшний день наблюдается раздробленность в международных отношениях среди ведущих государств, консолидация усилий которых представляется необходимой для разрешения вопросов противодействия транснациональной преступности, в частности, международному терроризму, торговле людьми и иным преступным деяниям такого рода [3].

Последующие процессы глобализации выступили фактором активизации, развития и становления взаимосвязей между национальной, транснациональной и международной преступностью; также данные процессы послужили фактором понижения степени общественного контроля над криминальной составляющей социума [6, с. 121].

В современном мире глобализация только набирает обороты и открывает инновационные аспекты проблематике транснациональной преступности, которая, безусловно, влечет за собой усиление угроз социального, экономического, культурного и иного характера не только в рамках конкретных государств, но и в целом для мирового сообщества.

Исследуя такое явление как глобализация и транснационализация преступности, необходимо обратиться к истокам, первопричинам процессов, протекающих в социальной, экономической, политической и многих других сферах жизнедеятельности человека. Для достижения понимания внутренней структуры процессов глобализации в мире и повсеместной транснационализации преступности следует детально изучить факторы глобализации, которые обуславливают транснационализацию преступности и непосредственно влияют на нее [5].

К примеру, в политической сфере в связи с тотальной взаимной интеграцией произошло ослабление политического контроля за общественными отношениями, некое размывание существовавших ранее границ дозволенного (с моральной точки зрения) и, как следствие, ослабление контроля над транснациональной преступностью в том числе. В частности, на территории Европейского Союза сложилась практика некоего отстранения, снятия с себя ответственности национальными органами власти и передача всей полноты ответственности на наднациональные (коммунитарные) органы управления, которые реализуют свою деятельность, основываясь на принципах верховенства идеи евроинтеграции. Учитывая особенности правового режима Европейского Союза, стоит отметить, что сам факт отсутствия таможенных и иных ограничений внутри союза, особенно в зоне действия Шенгенского соглашения, во многом объясняет рост уровня транснациональных преступлений на данной территории, поскольку в существу-

ющей правовой реальности совершение преступных деяний исследуемого формата становится значительно проще.

К сожалению, говоря о политическом аспекте факторов транснациональной преступности, можно смело утверждать: в последние годы получила развитие тенденция к понижению авторитета Организации Объединенных Наций и других международных организаций, функционирующих в сфере обеспечения безопасности. Данное явление отчасти можно назвать результатом тех направлений внешней политики, которые были избраны США и рядом государств-партнеров. К упомянутым направлениям относятся, во-первых, расширение НАТО как с геополитической, так и с экономической точки зрения, во-вторых, распространение в отдельных государствах оппозиционных настроений в обществе (в том числе и сепаратистских), в-третьих, стремление крупных государств-флагманов к вмешательству во внутренние дела других стран [4, с. 218].

В конечном итоге, возникающая дестабилизация политической, криминогенной ситуации в разных странах провоцирует рост преступной активности в отдельных регионах и в мире в целом, что в контексте пропаганды данные процессы трактуются как причины, обуславливающие продолжение экспансии НАТО как исключительного объединения государств, которое способно отреагировать на агрессию отдельно взятых стран и пресечь ее. Однако на сегодняшний день пропагандистские лозунги и многочисленные уловки перестали удивлять не только видных дипломатов, политиков, юристов, но и простых людей. Абсолютно очевидным в действительности является тот факт, что ситуация на Украине, конфликты в Афганистане, Ираке, Сирии и других странах представляют собой ни что иное как конечный продукт политической конъюнктуры стран НАТО, однако решение проблем данного (довольно обширного) региона, в том числе и противодействие обосновавшимся там преступным организациям как внутрисоциальным, так и транснациональным, не относится к приоритетам государств-членов НАТО.

Разнообразные процессы, протекающие в экономике, служат толчком как для позитивных изменений в сфере финансов и экономической деятельности, так и для деструктивных преобразований, в частности, приводят к развитию транснациональной преступности соответствующей направленности. Безусловно, экономика оказывает серьезное влияние на вопросы занятости населения в каждом конкретном государстве. К примеру, в развитых странах Европы с притоком большого количества мигрантов обострился вопрос безработицы среди местного населения. Также существенные проблемы наблюдаются в сфере сельского хозяйства, отдельных отраслей промышленности, поскольку интеграционные процессы привели к тотальному объединению рынков и потере рентабельности некоторых производств на территории своей страны, при наличии возможности использования аналогичных структур в сопредельных государ-

ствах. Перечисленные нами выше основания становятся рычагом, толкающим простых граждан на участие в криминальной деятельности, в том числе и на работу в составе транснациональных преступных организаций. Также не стоит забывать, что профессиональные «преступники» – члены международных преступных групп террористической направленности мигрируют под видом беженцев в прогрессивные западные государства, где впоследствии создаются локальные преступные объединения и осуществляется вербовка местного населения различных государств, их вовлечение в преступную деятельность.

Значительную роль в вопросах развития транснациональной преступности играют идеологические и психологические факторы. Исходя из прискорбного опыта наших коллег из Украины, можно говорить о том, что длительный период времени посредством внешнего воздействия и процессов влияния на мировоззрение людей внутри страны создавались предпосылки для становления нового отношения к русским – как нации и к России – как государству.

В современном мире крайне актуальной представляется проблематика разделения мирового сообщества на альянсы. Такого рода дифференциация стран по интеграционным объединениям влечет за собой столкновение национальных интересов государств и единой позиции альянса, а также подавление интересов конкретной страны ради исполнения геополитического, экономического, социального курса объединения. В частности, ярким примером данной тенденции представляется политика санкций в отношении нашей страны, развившаяся на фоне кризиса на Украине. Особенно сильное влияние на вопросы международного взаимодействия оказало исключение Российской Федерации из перечня участников мероприятий, направленных на противодействие терроризму и иным проявлениям транснациональной преступности, что крайне пагубно воздействует на организацию сотрудничества между государствами.

Транснациональная преступность активно развивается посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Процессы распространения информации о возможности «трудоустройства» в криминальной сфере, вербовки новых членов транснациональных преступных организаций реализуются в киберпространстве при использовании Интернет-сети, в том числе и сети «darknet».

Обращаясь к содержанию Доктрины информационной безопасности [1, ст. 7074], следует отметить: информационные технологии в 21 веке получили настолько широкое распространение, что априори имеют транснациональный характер и представляют собой неотъемлемую часть всех сфер деятельности индивида, социума в целом и государства [7, с. 18–21]. Соответственно с каждым годом правоохранительными органами фиксируется все больший рост числа преступлений, совершаемых при помощи информационно-телекоммуникационных сетей.

Касательно транснациональной преступности, в Концепции внешней политики Российской Федерации присутствует замечание о том, что данная категория, прежде всего, представляет собой не набор инновационных угроз общественному порядку и безопасности, а явление, которое в условиях современности имеет макроэкономическое измерение [2, с. 8]. Как следствие из вышесказанного, со временем происходит образование криминальных «центров силы», разнообразными способами расширяющих сферы своего влияния и устанавливающих связи с преступными организациями транснациональной направленности.

Последние годы становится более заметным существенное повышение интенсивности контактов на международном уровне во всех сферах общественной жизни, а также происходит активизация международной преступности и повсеместная транснационализация преступности.

Список источников

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // Собр. законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 12 февр. 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 20.05.2021).
3. Лунеев В. В. Права человека и преступность в глобализирующемся мире // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 107–118.
4. Пихов А. Х.-А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Пихов Аслан Хазрет-Алиевич. Краснодар, 2017. 488 с.
5. Пихов А. Х.-А., Чуткова Ю. Д. Транснационализация современной преступности и мировые глобализационные процессы // *Вестник экономической безопасности*. 2021. № 4. С. 147–151.
6. Рахманова Е. Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. М., РГУП, 2008.
7. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Борисов С. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. Т. 11. № 1. С. 13–21.

References

1. The Doctrine of Information Security of the Russian Federation: approved. By the Decree of the President of the Russian Federation of 5 Dec. 2016 No. 646 // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 50. Art. 7074.

2. The concept of the foreign policy of the Russian Federation: approved. By the President of the Russian Federation on February 12, 2013 // Official website of the President of the Russian Federation. URL: www.kremlin.ru (accessed: 20.05.2021).

3. Luneev V. V. Human rights and crime in a globalizing world // Social Sciences and Modernity. 2005. No. 3. P. 107–118.

4. Pikhov A. Kh.-A. Theoretical foundations of countering transnational crime: dis. ... doct. jurid. sciences': 12.00.08 / Pikhov Aslan Hazret-Alievich. Krasnodar, 2017. 488 p.

5. Pikhov A. Kh.-A., Chutkova Yu. D. Transnationalization of modern crime and global globalization processes // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 4. P. 147–151.

6. Rakhmanova E. N. Protection of human rights from criminal threats in the context of globalization: criminological and criminal law analysis. M., RSUP, 2008.

7. Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Borisov S. V., Spasennikov B. A. Actual problems of prevention of crimes in the sphere of economy committed using information and telecommunication networks // All-Russian Criminological Journal. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 13–21.

Информация об авторе

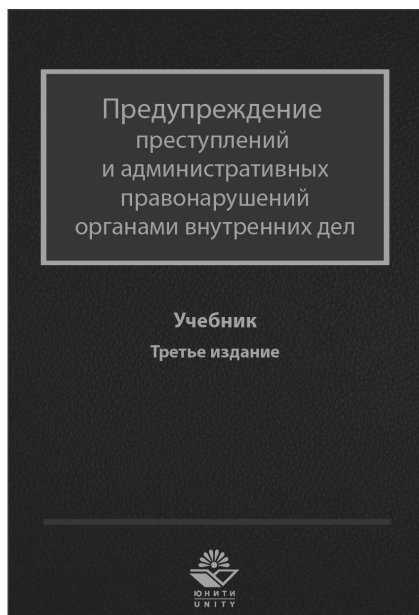
А. Х.-А. Пихов – начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. Kh.-A. Pikhov – Head of the Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений.

Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с ми-

грационными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-209-212>

НИОН: 2015-0066-6/22-561

MOSURED: 77/27-011-2022-06-760

Правовая и практическая роль НКВД СССР в становлении и развертывании партизанского движения

Анатолий Семенович Прудников¹, Юрий Александрович Иванченко², Даниил Антонович Шориков³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² hedgivan@mail.ru

Аннотация. Исследуются аспекты организации и деятельности НКВД СССР в работе с партизанскими движениями и их контроль, а также их взаимосвязь, позволившая оперативно и результативно выполнять поставленные задачи. Рассматриваются вопросы правового обеспечения деятельности НКВД СССР в контексте сопоставления методов управления партизанскими движениями.

Ключевые слова: партизанское движение, правовое регулирование, организация деятельности, практика управления

Для цитирования: Прудников А. С., Иванченко Ю. А., Шориков Д. А. Правовая и практическая роль НКВД СССР в становлении и развертывании партизанского движения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 209–212. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-209-212>.

Original article

Legal and practical role of the NKVD of the USSR in formation and deployment the partisan movement

Anatoly S. Prudnikov¹, Yury A. Ivanchenko², Daniil A. Shorikov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² hedgivan@mail.ru

Abstract. The aspects of the organization and activities of the NKVD of the USSR in working with partisan movements and their control, as well as their relationship, which made it possible to quickly and efficiently carry out the tasks, are examined. The issues of legal support for the activities of the NKVD of the USSR are considered in the context of comparing methods of managing partisan movements.

Keywords: partizan movement, legal regulation, organization of activities, management practice

For citation: Prudnikov A. S., Ivanchenko Yu. A., Shorikov D. A. Legal and practical role of the NKVD of the USSR in formation and deployment the partisan movement. Bulletin of economic security. 2022;(6):209–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-209-212>.

На момент начала Великой Отечественной войны уже существовали первые попытки формирования партизанских отрядов, которые набирались из бывших участников гражданской войны. Над формированием данных движений задумывались еще в 20-е года, когда страна была ослаблена гражданской войной и требовалась защищенность и укрепление советской власти. В связи с агрессией со стороны капиталистических стран, подготовка граждан к ведению партизанского режима начала принимать массовые обороты.

Большой вклад в развитие партизанского движения на территории СССР внесли Ф. Дзержинский и М. Фрунзе, под руководством которых было издано не мало статей по обучению граждан партизанской войне.

М. Фрунзе в своей статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» [1], говорил о том, что государству необходимо уделять больше внимания данной сфере, так как она представляет большую силу для обороны страны. Подготовка партизан состояла не только из краткосрочных курсов. Тех, кто обладал определенными знаниями, являвшимися приоритетными для борьбы с захватчиками, после таких курсов могли отправить в секретную школу, где их обучали специальным задачам, которые были направлены на нанесение максимального урона врагу на захваченной территории.

Основной боевой план по созданию и размещению партизанского движения против немецко-фашистских оккупационных войск был разработан в общей дирек-

© Прудников А. С., Иванченко Ю. А., Шориков Д. А., 2022

тиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. [2, с. 446–448]. Директива является катализатором в появлении партизанского движения, в ней указывается, что враг уже находится на государственной территории, захватил города и продвигается вглубь страны. Совнарком и ЦК ВКП(б) обязывает партийные, комсомольские, советские организации начать бороться с немецкими оккупантами, поэтому они требуют от вышеупомянутых организаций выполнять определенные действия:

1) Отстаивать в беспощадной борьбе каждый метр земли, драться за каждый город и село, проявлять героическую смелость и инициативу в условиях боевых действий. Мы считаем, что данный пункт является прообразом приказа НКО от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» [3, с. 780–783]. По мнению законодателя, хватило и директивы, а в условиях 1942 года для контроля армии потребовался приказ НКО, который является своеобразным большим шагом к Победе.

2) Организация всесторонней помощи армии, помощь в мобилизации, помощь раненым. Данный пункт является одним из основных в построении партизанских организаций в силу того, что помощь Красной Армии является основной задачей партизанского движения, на которую направлены все силы партизан.

3) Укрепление тыла Красной Армии, обеспечение усиленной работы предприятий, охрана заводов, борьба с дезорганизаторами. Данный пункт указывает на то, что в стране происходили паникерства и работа шпионов, законодатель призывает не верить слухам, так как это может привести к отступлениям и дезорганизации населения, в случае этого можно ожидать большие потери, крах организованного отступления и вывозов заводов на территории, отстраненных от фронтов.

4) Уничтожение паровозов, провианта, а также горючего. Сделано данное для того, чтобы у наступающих немецко-фашистских захватчиков не было естественного пополнения боеприпасов. Данной деятельностью активно занимались партизаны, среди их работ можно выделить: подрывы мостов, подрыв железнодорожных составов и путей, совершение различных диверсий в тылу у противника.

5) Создание в занятых районах врагом партизанских отрядов. Это основной пункт, на который опирается юридически партизанская деятельность. Кроме вышеуказанной деятельности, также туда относится: поджог складов, атака на противника, порча телефонной и телеграфной связи, всем этим должны заниматься граждане, примкнувшие к партизанским отрядам.

6) Немедленная передача паникеров и трусов, не смотря на их статус, в суд военного трибунала. Данная задача обусловлена тяжестью времени и обстоятельств. Государству нельзя было ошибаться, разводить паникерство. От каждого неверного шага могло погибнуть

большое количество людей, как военнослужащих, так и гражданских.

Все пункты в совокупности обосновывают ясную картину зарождения партизанского движения на территории СССР. Она обусловлена отступлением Красной Армии со своих позиций и молниеносным планом захвата СССР со стороны Германии, гражданам было необходимо бороться в это время, как с внешним, так и внутренним врагом.

В директиве ничего не говорится об органе, который бы руководил данным движением, естественно, что НКГБ являлся самым правильным для негласного руководства, так как его сотрудники умело владели искусством диверсий и подрывной деятельности врага.

Одним из важных событий в жизни партизанского движения и связью с НКВД был выпуск Приказа НКВД СССР № 00882 от 5 июля 1941 г. о создании Особой группы при наркомате внутренних дел СССР [4]. Согласно данному приказу требовалось создать Особую группу НКВД для выполнения заданий особой важности. Данная группа находилась в подчинении непосредственно у комиссара внутренних дел. Основными задачами Особой группы являлось: проведение и непосредственная разработка разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии, а равно и ее союзников; ведение партизанской, подпольной войны; руководство специальными радиограммами с немецкой разведкой, целью которой является дезинформация противника; создание нелегальных подпольных структурных сетей на оккупированной территории врага.

Но также стоит сказать и о том, что сразу же после создания Особой группы началось формирование отдельной мотострелковой бригады, особого назначения НКВД СССР. Деятельность данной группы была связана с тем, что на нее возлагались особые обязанности по организации и борьбе с фашистскими захватчиками, которые вторглись на территорию Советского Союза. На данную группу возлагалось проведение диверсионной и разведывательной деятельности в тылу врага, вычисление и ликвидация вражеской агентуры, а также диверсии на важных коммуникациях противника. Подразделение должно было действовать отдельными группами, в небольшом количестве.

Стоит упомянуть также Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г. [5]. В данном обращении говорится о важности борьбы в тылу врага, главной задачей являлось создание невыносимых условий для вражеских интервентов, требовалось не только дезорганизовать их армию, но также транспорт, систему связи и стараться срывать все планы, которые запланировали фашистские захватчики. Также партия обращает внимание на борьбу с дезертирством, особенно среди высшего руководства регионов, которые подверглись вражеской оккупации, в связи с чем требует провести следующие необходимые меры:

1) Для организации и ведения подпольной войны необходимо привлечь партийных и комсомольских работников. Данной необходимостью считаем то, что на первых порах войны было развито дезертирство и паникерство и только в верных режиму людях находили спасение, так как они не стали бы разводить паникерство и дезертирство.

2) Организация подпольных ячеек на территориях, которые могут попасть под контроль врага. Данная норма должна действовать наперед, чтобы при потере определенного субъекта на ней действовали уже сформированные подпольные ячейки, которые наносили бы врагу значимый урон.

3) Создание подпольными ячейками боевых и диверсионных дружин из числа тех, кто участвовал в гражданской войне, истребительных батальонах, а также сотрудников НКВД и НКГБ. Обеспечение данных групп необходимым арсеналом. Необходимость данных субъектов была вызвана тем, что они обладали определенными знаниями и навыками ведения диверсионных и подпольных работ и могли наиболее эффективно нарушать порядок врага и наносить им максимальный вред.

4) ЦК компартий требовалось уведомлять ЦК ВКП(б), а именно фамилии товарищей, которые были выделены для руководства партизанскими отрядами. Данная норма является контролирующей, она вызвана тем, что требовалось знать, кто управляет данным партизанским отрядом, как с ним связаться и другое.

5) Руководители партийных организаций субъектов должны были руководить борьбой с немецкими войсками в тылу и вдохновлять граждан своим личным примером.

Также стоит уделить внимание Постановлению ЦК ВЛКСМ от 3 сентября 1941 г. «О мобилизации комсомольцев на службу в войска особой группы НКВД СССР» [6]. Данное Постановление призывало на службу в особую группу. Это вызвано тем, что в особую группу требовались верные люди, которые смогли бы бить врага.

Одним из наиболее важных Приказов в исследуемой сфере является Приказ НКВД СССР № 001151 от 25 августа 1941 г. «Об организации 4-х отделов при НКВД-УНКВД республик, краев и областей» [4]. Данный Приказ регулировал преобразование оперативных групп местных органов безопасности, которые были призваны противостоять парашютным диверсантам и десантам в 4-е отделы НКВД-УНКВД прифронтовых республик СССР, которые были подчинены особой группе при НКВД СССР. На 4-е отделы возлагалась организация и руководство боевой деятельностью истребительных групп и батальонов. Также на них были возложены такие задачи: организация связи с партизанскими отрядами, которые находились в тылу противника, организация агентурного движения на территории, захваченной врагом, разведка тыла противника и мест переправы партизанских отрядов, изучение обстановки и настроения местного населения.

На наш взгляд данный Приказ является ключевым, так как с этого Приказа началось официально зарождаться руководство партизанскими отрядами со стороны НКВД, данные функции, возложенные на них, являлись непосредственно диверсионными и применялись для осложнения боевой обстановки врага и контроля населения, находящего в оккупации противника.

Подводя итог можно сделать следующие выводы.

1. Непосредственная подготовка к партизанскому движению велась еще до войны, в силу того что такую систему невозможно разработать в первые дни войны, а равно и подготовить это все в столь сложное время. Со стороны законодателя нормативно-правовые акты, которые бы регулировали партизанское движение стали появляться в первые дни после войны. Так с помощью данных актов были организованы партизанские ячейки, которые занимались диверсиями во вражеском тылу, усложняя и запугивая врага, давая ему понять, что советский народ не сдастся.

2. С началом войны началось появление актов, которые призывали в партизанские отряды комсомольцев и партийных работников, людей, которые были верны советскому режиму, не имели склонности к паникерству и дезертирству, так как для данной деятельности требовались ответственные и храбрые люди. Началась организация отдельных подразделений, которые занимались диверсионными работами: подрыв мостов, поддержка отношений с населением, которое находилось во вражеской оккупации, борьба с врагом в тылу, разведка, захват пленных и получение любой информации, которая была важна для фронта.

3. В исследуемый период закрепилось руководство со стороны НКВД партизанским движением. Началось зарождение четвертых отделов НКВД-УНКВД прифронтовых республик СССР, которые были подчинены особой группе при НКВД СССР, которые были сформированы также с целью совершения диверсий и связи с находящимся на территории, захваченной противником. Данное событие является одним из основных в формировании партизанского движения, в этой сфере были выделены люди, которые непосредственно руководили действиями партизанских отрядов, направляли их и формировали задачи для нанесения вреда врагу. Для государства данная деятельность была очень важна, так в Директивах отмечается важность верного кадрового набора, а также их оснащение всем необходимым арсеналом, провиантом и обучением диверсионными знаниями.

Список источников

1. Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия. М. : Воен. изд-во, 1941.
2. Директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 26 сентября 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» // 1941 год : в 2 кн. / ред. В. П. Наумов ; сост. Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, Л. А. Виноградов [и др.]. М. : Демократия, 1998.

3. История военного искусства : курс лекций : в 6 т. М. : Военная академия имени М. В. Фрунзе, 1958. Т. 5 Военное искусство первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.).

4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М. : Русь, 2001.

5. Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». 18 июля 1941 г. // Партизаны в битве за Москву. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М. : Издательство Главархива Москвы, 2008.

6. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

References

1. Frunze M. V. Unified military Doctrine and the Red Army. М. : Military Publishing House, 1941.

2. Directive of the SNK of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) of September 26, 1941 «To Party and Soviet organizations of the frontline regions» // 1941 : in 2 books. / ed. V. P. Naumov ; comp. L. E. Reshin, L. A. Bezymensky, L. A. Vinogradov [et al.]. М. : Democracy, 1998.

3. History of military art: a course of lectures : in 6 volumes. М.: Military Academy named after M. V. Frunze, 1958. Vol. 5 Military art of the first period of the Great The Great Patriotic War (June 1941 – November 1942).

4. State security bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Vol. 2. Book 1. М. : Rus, 2001.

5. Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) «On the organization of the struggle in the rear of the German troops». July 18, 1941 // Partisans in the Battle for Moscow. 1941–1942. Archival documents and materials. М. : Publishing House of the Moscow Glavarchiv, 2008.

6. RGASPI. F. 69. Op. 1. D. 3. L. 24.

Информация об авторах

А. С. Прудников – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Ю. А. Иванченко – заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Д. А. Шориков – курсант 3 курса международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. S. Prudnikov – Professor of Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Yu. A. Ivanchenko – Deputy Chief of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

D. A. Shorikov – 3rd year cadet of the Faculty of International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 29.09.2022.

Научная статья
УДК 342.72/.73
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-213-216>
НИОН: 2015-0066-6/22-562
MOSURED: 77/27-011-2022-06-761

Права и свободы личности в аспекте институциональных связей с общечеловеческими ценностями

Рустам Романович Раасов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
pulbar@mail.ru

Аннотация. В статье затронута проблематика дефиниции «общечеловеческие ценности» в аспекте их институциональных связей с правами и свободами индивида. В работе с помощью сравнительно-правового и исторического метода продемонстрирована динамика развития таких категорий как личность, свобода, равенство в образе имплицитных источников концептуальной составляющей прав и свобод человека и гражданина. В статье также затронут вопрос имплементации идеи общего блага в отечественной конституционной доктрине.

Ключевые слова: Конституция, общечеловеческие ценности, прав и свободы личности, свобода, равноправие, политическая власть

Для цитирования: Раасов Р. Р. Права и свободы личности в аспекте институциональных связей с общечеловеческими ценностями // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 213–216. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-213-216>.

Original article

Individual rights and freedoms in the aspect of institutional ties with universal values

Rustam R. Raasov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
pulbar@mail.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the definition of «universal values» in the aspect of their institutional relations with the rights and freedoms of the individual. In the work, using the comparative legal and historical method, the dynamics of the development of such categories as personality, freedom, equality in the image of implicit sources of the conceptual component of human and civil rights and freedoms is demonstrated. The article also touches upon the issue of the implementation of the idea of the common good in the domestic constitutional doctrine.

Keywords: Constitution, universal values, individual rights and freedoms, freedom, equality, political power

For citation: Raasov R. R. Individual rights and freedoms in the aspect of institutional ties with universal values. Bulletin of economic security. 2022;(6):213–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-213-216>.

Если обратиться к философской доктрине, то в качестве понятия «ценность» можно увидеть некую форму отношения людей к культурной составляющей социума, без осознания которой невозможно прогнозирование и построение счастливого будущего, а также текущая ценностная ориентация вместе с реализацией исторической памяти народа [6, с. 1001].

Понятие «ценность» можно рассматривать в двух ракурсах, как предметную составляющую материальной культуры и как субъектную ценность. В первом случае ценность рассматривается как объект материального мира, а во втором, как культурный гипотетический феномен, осуществляющий свое бытие в рамках обще-

ственного сознания. Именно в плоскости анализа субъектных ценностей в этой статье и пойдет речь.

Исследуя дефиницию «общечеловеческие ценности», необходимо отметить, что в нашей стране она получила должное концептуальное развитие с началом десоветизации российского общества. Сам указанный термин выступил в качестве антипода существовавшей классовой концепции и идеям марксизма, выражая демократические, прогрессивные идеалы [3, с. 9]. В настоящее же время, гуманистическая направленность исследуемой категории выступает тем индикатором, который демонстрирует цивилизационный уровень развития общества и государства в рамках демократической

концепции выстраивания социальных связей и взаимоотношений в схеме личность-общество-государство.

В этой связи, соотносить общечеловеческие ценности с иными ценностями можно сквозь призму общечеловеческого блага, идея которого должна быть свободна от каких бы то ни было пристрастий, будь то религия, политика, национальные интересы. Общечеловеческие ценности выступая таковыми несут в себе динамические характеристики прогресса человеческой цивилизации в плоскости их основополагающих ниторационных характеристик универсальной гуманистической категории. Тем не менее, ведя речь о ценности, как философской категории, мы не можем избежать анализа некоторых субъективных качеств, которые имеют место при ее правовом бытии, так как ценности как таковые всегда характеризуются определенной степенью антропоцентричности. Так, общечеловеческими ценностями являются жизнь, свобода, счастье, при том что указанные позиции выступают признанными мировым сообществом категориями, замыкающимися на определении роли человека в мире, культуре, цивилизации.

Важную роль в развитии категории «общечеловеческие ценности» сыграла естественно-правовая концепция. Именно эту прочную связь двух ключевых юридических категорий мы хотим проанализировать, усматривая в этом основную цель настоящей работы.

Анализируя категорию «общечеловеческие ценности», нельзя не отметить, что ее понимание окрашено в плюралистическую тональность, а концептуальный спектр ее осмысления доходит до нескольких десятков позиций, среди которых фигурируют не только человеческое достоинство, но и профессиональная честь, а также бережное отношение к историко-культурному наследию. В плоскости рассмотрения отечественного понимания сущности ценностей можно увидеть достаточно интересную классификацию, которая градирует эту категорию через концептуальное трио – личных, профессиональных и государственных ценностей.

Такое достаточно широкое осмысление ценностей, по нашему мнению, не позволяет в полной мере уяснить их природу, так как общечеловеческие ценности не могут быть окрашены в корпоративные, субъективные или национальные тона, по причине их универсальной значимости для всей человеческой цивилизации. Вместе с тем, широкий подход к пониманию сущности общечеловеческих ценностей идейно размывает эту, безусловно, точную и важную для юридической науки категорию, которая обладает значимостью не только общекультурной, но и специально-юридической. Более выверенную в концептуальном аспекте позицию дает О. В. Мартышин видя в общечеловеческих ценностях ряд понятий, которые обладают универсальным для всех значением. Автор, в категорию общечеловеческих ценностей включает справедливость, равенство, свободу и ряд иных значимых для нормальной жизнедеятельности социума понятий, таких как демократия, солидарность, безопас-

ность и пр. [8, с. 9]. Стоит отметить, что важнейшая триада, имеющая значение для всей правовой науки – свобода, равенство и справедливость выступили теми столпами, которые поддерживали и поддерживают весь буржуазно-демократический политический концепт от начала эпохи буржуазных революций, до настоящего времени [7, с. 6].

Рассматривая понятие «общечеловеческие ценности» с философских позиций не трудно увидеть, что эта категория принимает оттенок ценностей абсолютных, которые выступают синтезирующим элементом, объединяя человечество [2, с. 676]. Вместе с тем, современная реальность в высшей степени актуализирует категорию общечеловеческих ценностей не столько через ее философское осмысление, сколько через призму политики и права, а также конституционной доктрины. В этой связи небезынтересен тезис Э. Фрома о том, что коллективный интерес постепенно подчиняет себе интерес частный, а процесс бюрократизации общества нивелируют личность человека обезличивая и ценности, лишая их гуманистических характеристик [11, с. 150]. В этой связи, общечеловеческие ценности как правовой и политический феномен могут обеспечить реализацию принципа социальной солидарности через имплементацию гуманистических идеалов в рамках общего смыслового знаменателя указанной правовой категории. Так, первым шагом в этом направлении может стать такое иерархическое построение этой категории, которое позволит считать точкой правового и политического отсчета человеческую личность и ее интересы, как главную общечеловеческую ценность. Именно подобную тенденцию демонстрирует Основной Закон страны (ст. 2), где именно человек, его права и свободы выступают высшей ценностью, а их гарантирование является первоочередной обязанностью публичной власти. Здесь можно пойти дальше, выдвинув гипотезу, что не просто человеческая личность является тем стержнем общечеловеческих ценностей, но прежде всего жизнь индивида, а он сам ни в коем случае не может рассматриваться как средство достижения каких-либо целей.

Решить проблематику гуманистической детерминации общечеловеческих ценностей пытались многие философы. Так, Джон Мильтон отстаивал идею народного суверенитета, реализовать который возможно через общественный договор, в котором будет отражена общая цель [9, с. 79]. В свою очередь Альтузий в концепции общественного договора видел возможность гарантировать социальную автономию в рамках общечеловеческих ценностей [5, с. 70]. Так или иначе, проблематика общечеловеческих ценностей замыкается на нескольких направлениях: свободе личности, равноправии, правах человека.

Анализируя свободу, как основной структурный элемент системы общечеловеческих ценностей, необходимо сказать, что она выступает в качестве возможности личности действовать по своему усмотрению в сво-

их интересах без какого-либо принуждения со стороны. Свободу можно связывать с субъективным правом человека и наличествующей возможностью диспозитивности его поведения. Подобный подход превалирует и в Конституции США и Французской Декларации 1793 года, где зафиксирован тезис о том, что человек рождается свободным и равным в правах. При этом, нормируется и обязанность человека не вредить своими действиями другим. В то же время, Конституция РФ гарантирует человеку свободу передвижения и целый спектр иных диспозитивных возможностей. Можно согласиться с Б. Н. Чичериным в том, что свобода выступает в образе реализации индивидуального начала потому что именно в ней выражается самостоятельность личности [10, с. 75]. По сути, между свободой личности и субъективными правами человека можно провести прямую параллель.

Ведя речь о равноправии, мы говорим прежде всего об идеалах справедливости. Не случайно лозунгом буржуазных революций, борющихся с абсолютизмом и сословными привилегиями, выступила политическая триада – свобода, равенство, братство. Постепенно, равенство концептуально оформлялось в равноправие, то есть формальное равенство, так как равенство фактическое в природе невозможно. Именно равноправие можно считать одним из важнейших конституционных принципов. Так, ст. 19 Конституции РФ нормирует равенство прав и свобод человека, а также равенство перед законом и судом независимо от характеристик личности, таких как образование, пол, возраст, национальность и пр. В этой связи, равноправие выступает важнейшим структурным элементом обширной категории «общечеловеческие ценности».

Еще одной важнейшей дефиницией, структурирующей категорию общечеловеческих ценностей являются права человека. Трудно возразить И. Канту, который видит в правах человека категорию священную и абсолютную [4, с. 461]. Кроме того, что права человека выступают ключевой идеей и движущей силой естественно-правовой концепции, они являются еще и основанием различения позитивного и естественного права. Как лапидарно выразился Жан Боден «правом люди пользуются не независимо от чьего то желания» [1, с. 160]. Сама концепция неотъемлемых прав человека является ключевой во всех без исключения правовых порядках, идейно оформляя нормативную регуляцию, окрашивая ее в демократические тона. При этом нельзя забывать, что излишняя абсолютизация субъективных прав, а также намеренное игнорирование кластера личностных долженствований может повредить структуру социальных связей, нарушив социальную стабильность и создав угрозу общественной безопасности. Подобную ситуацию можно наблюдать в странах западных демократий, когда граждане не просто злоупотребляют своими субъективными правами, но и прямо нарушают правовые нормы под прикрытием правозащитных лозунгов.

В заключение статьи необходимо сделать ряд выводов и обобщений. Права и свободы личности в аспек-

те институциональных связей с общечеловеческими ценностями концептуально подводят нас к идеи о том, что в рамках отечественного национального правового порядка необходима национальная идея, которая будет доминировать в качестве ведущего принципа правового регулирования. Такая ключевая идея должна быть сконцентрирована в рамках общечеловеческих ценностей, которые были бы напрямую связаны с правами и свободами человека и гражданина, но не доходили бы до их абсолютизации и излишней акцентуации на субъективном праве, без учета интересов общества и государства и реализации юридических обязанностей, как важнейшего структурного элемента правового статуса личности.

Список источников

1. Баязитова Г. И., Митюрева Д. С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 240 с.
2. Виндельбанд В. Избранное. Дух истории / пер. с нем. М. : Юрист, 1995. 687 с.
3. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: [Сборник]: Пер. с англ. и фр. / Составители Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева; Ввод. ст. Ю. А. Шрейдера. М. : Прогресс, 1990. 495 с.
4. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М. : Издательская Фирма АО «Ками», 1993. 586 с.
5. Каракулян Э. А. Идея субсидиарности в истории правовых учений: личность, общество, государства (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 219 с.
6. Кемеров В. Е. Современный философский словарь. Лондон–Париж–Москва : «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с.
7. Кравченко И. И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 3–16.
8. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.
9. Мильтон Дж. Потерянный рай. М. : Антология мировой литературы, 2002. 256 с.
10. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб. : РХГА, 2005. 824 с.
11. Фромм Э. Душа человека. Сб.: Пер. с англ. / Э. Фромм. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. 572 с.

References

1. Bayazitova G. I., Mityureva D. S. On the eve of the birth of the state: Language, law and philosophy in the political theory of Jean Bodin. Tyumen : Tyumen State University Publishing House, 2012. 240 p.
2. Windelband V. Favorites. The spirit of history / translated from German. M. : Lawyer, 1995. 687 p.

3. Global problems and universal values: [Collection]: Translated from English and French / Compiled by L. I. Vasilenko, V. E. Ermolaeva; Introduction by Yu. A. Schrader. M. : Progress, 1990. 495 p.
4. Kant I. Works in German and Russian. Vol. 1. M. : Publishing Company JSC «Kamii», 1993. 586 p.
5. Karakulyan E. A. The idea of subsidiarity in the history of legal doctrines: personality, society, states (theoretical and legal analysis): Dis. ... Cand. of Legal Sciences. N. Novgorod, 2004. 219 p.
6. Kemerov V. E. Modern philosophical dictionary. London–Paris–Moscow : «PANPRINT», 1998. 1064 p.
7. Kravchenko I. I. Political and other social values // Questions of philosophy. 2005. No. 2. P. 3–16.
8. Martyshin O. V. The problem of values in the theory of state and law // State and Law. 2004. No. 10. P. 5–14.
9. Milton J. Paradise Lost. M. : Anthology of World Literature, 2002. 256 p.
10. Chicherin B. N. Property and the state. SPb. : RHGA, 2005. 824 p.
11. Fromm E. The soul of man. Sat.: Translated from English / E. Fromm. M. : LLC «Publishing House ACT», 2004. 572 p.

Информация об авторе

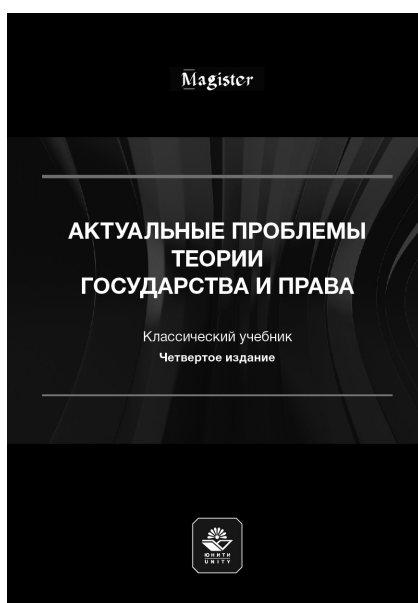
Р. Р. Раасов – сотрудник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

R. R. Raasov – Employee of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 29.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Актуальные проблемы теории государства и права. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-217-222>

НИОН: 2015-0066-6/22-563

MOSURED: 77/27-011-2022-06-762

К вопросу о совершенствовании организационно-правовых основ применения полицией физической силы

Николай Викторович Румянцев¹, Владимир Вячеславович Журавлев²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
rumyantsev.n.v@yandex.ru

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации,
Москва, Россия

² Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
vz15111982@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению организационных и правовых основ применения сотрудниками органов внутренних дел отдельных мер государственного принуждения. Проанализированы существующие в служебном законодательстве пробелы и неурегулированности, создающие проблемы в правоприменительной практике. На основе их системного анализа предложены авторские редакции части 3 статьи 24 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части 5 статьи 19 Федерального закона «О полиции» от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, которые могут быть использованы для совершенствования законодательства, регламентирующего деятельность органов внутренних дел.

Ключевые слова: применение физической силы, законность, служебная дисциплина, меры государственного принуждения, органы внутренних дел

Для цитирования: Румянцев Н. В., Журавлев В. В. К вопросу о совершенствовании организационно-правовых основ применения полицией физической силы // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 217–222. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-217-222>.

Original article

On the issue of improving the organizational and legal basis for the use of physical force by the police

Nikolai V. Rumyantsev¹, Vladimir V. Zhuravlev²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
rumyantsev.n.v@yandex.ru

¹ Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

² Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
vz15111982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the organizational and legal foundations of the use by employees of the internal affairs bodies of certain measures of state coercion. The gaps and irregularities existing in the service legislation that create problems in law enforcement practice are analyzed. On the basis of their systematic analysis, the author's versions of Part 3 of Article 24 of the Federal Law № 342-FZ dated 30.11.2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» and Part 5 of Article 19 of the Federal Law «On Police» dated 07.02.2011 № 3-FZ are proposed, which can be used to improve the legislation regulating the activities of internal affairs bodies.

Keywords: use of physical force, legality, official discipline, measures of state coercion, internal affairs bodies

For citation: Rumyantsev N. V., Zhuravlev V. V. On the issue of improving the organizational and legal basis for the use of physical force by the police. Bulletin of economic security. 2022;(6):217–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-217-222>.

© Румянцев Н. В., Журавлев В. В., 2022

Роль административно-правового регулирования на современном этапе развития общества и государства трудно переоценить, поскольку отношения, возникающие и развивающиеся в социуме, требуют их упорядочивания, выработки и нормативного закрепления понятных всем участникам правил поведения. Вместе с тем видится вполне очевидным, что установление границ дозволенного и недозволенного для субъектов отношений, нормативное закрепление алгоритмов разрешения возникающих споров и противоречий, требует создания действенных механизмов охраны и защиты правомерных действий, применения необходимых мер юридической ответственности к лицам их нарушающим.

Многообразие общественных отношений привело к созданию значительного числа институтов правоохранительной направленности, ведущее место среди которых занимают органы внутренних дел. Реализация функций, возложенных на полицию, решение первостепенных задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, защите конституционных прав и свобод физических и юридических лиц требует решительных действий, эффективность которых обеспечивают меры административно-правового принуждения.

Подчеркнем, что развитие системы служебного законодательства, регулирующего деятельность органов внутренних дел в новейшей истории нашей страны, все чаще происходит стремительно, но бессистемно, порождая у правоприменителей закономерные вопросы реализации большого числа как материальных, так и процессуальных норм, регламентирующих меры административного принуждения и юридической ответственности. По справедливому замечанию А. И. Каплунова, продолжающаяся административная реформа сопровождается многочисленными противоречиями, связанными с тем, что нормы одного нормативного правового акта зачастую противоречат предписаниям другого, а законодательные положения часто неясны и неконкретны, затрудняя тем самым процесс правоприменения и правоохраны [1, с. 4].

Нельзя не согласиться, что наличие отмеченной проблемы требует использования нового концептуального подхода в деятельности органов внутренних дел при реализации властных полномочий на правоустановительном и правоприменительном уровнях. В его основе должен лежать понятный и прозрачный механизм использования мер государственного принуждения, предусматривающий минимизацию вмешательства полиции в регулирование отношений в сфере общественной безопасности, с одной стороны, и гарантирующий надежную защиту прав и законных интересов их участников, обеспечивающий верховенство закона в правоприменительной деятельности органов внутренних дел, с другой стороны.

В связи с этим согласимся с мнением А. А. Резниковой, которая обоснованно подчеркивает возрастающую

значимость правильного и обоснованного применения мер административно-правового принуждения, поскольку они сопряжены с ограничением прав и свобод человека и гражданина [2, с. 3], служат одним из наиболее важных источников формирования общественного мнения, определяющих уровень поддержки и одобрения деятельности органов внутренних дел.

Система мер государственного принуждения, находящихся в распоряжении сотрудников правоохранительных органов, достаточно широка и разнообразна, предоставляя большой перечень средств управленческого воздействия, выбор которых определяется действиями правонарушителя, степенью их общественной опасности и характером причиняемого вреда. Базовым и наиболее часто применяемым элементом пресечения противоправных действий в деятельности полиции является физическая сила, пробелы правовой регламентации которой и предлагается рассмотреть.

Общий порядок реализации рассматриваемой меры государственного принуждения закреплен в статьях 18–20 ФЗ «О полиции», которые определяют правовые основания и условия ее применения.

Первым вопросом, подлежащим дополнительной регламентации, следует признать правовой статус стажера, проходящего испытания в период, предшествующий назначению на должность и присвоению специального звания сотрудника органов внутренних дел. В соответствии с частью 3 статьи 24 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [3] во время испытания стажер выполняет обязанности и пользуется правами по замещаемой должности. На период испытания стажер ограничен в полномочиях, связанных с ношением и хранением огнестрельного оружия. Вместе с тем, законодательство не содержит прямого запрета на возможность использования указанными лицами специальных средств и физической силы, ограничиваясь лишь отдельными косвенными упоминаниями этого, что является очевидным источником нормативных противоречий, которые выражаются в следующем:

– во-первых, это находит свое отражение в недопустимости привлечения стажера к участию в «оперативных» мероприятиях, которые могут привести к возникновению угрозы его жизни или здоровья, а равно нарушению, ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан в силу профессиональной неподготовленности будущего сотрудника к самостоятельному несению службы. Дальнейшее развитие указанная норма находит в пункте 10 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации [4], в соответствии с которым лица, впервые принятые на службу в органы внутренних дел, в целях приобретения ими необходимых профессиональных знаний, умений, навыков и компетенции, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных

с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, до самостоятельного выполнения служебных обязанностей проходят профессиональное обучение по образовательным программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский».

– во-вторых, в существующей судебной практике. Так, отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы УМВД России по Омской области о неправомерности восстановления на службе гражданина И., трудовой контракт с которым был расторгнут в связи с непрохождением испытания, суд указал, что поводом к увольнению ответчика послужили результаты служебной проверки по факту превышения им своих служебных полномочий, выразившихся в задержании и доставлении гр-на Ю. в отдел полиции, в результате которых к последнему была применена физическая сила и причинены телесные повреждения. Изучив материалы дела, суд пришел к выводу о том, что, осуществляя указанные действия, И. руководствовался приказом, отданным в установленном порядке его непосредственным руководителем. В условиях отсутствия в федеральном законодательстве прямого запрета на применение стажером физической силы действия И. были признаны правомерными, поскольку не выходили за рамки представленных ему полномочий [5].

Таким образом, на правоустановительном и правоприменительном уровне существует противоречие, подлежащее устранению путем внесения изменений в часть 3 статьи 24 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и изложения его в следующей редакции «... Стажеру в период испытания не разрешается ношение и хранение огнестрельного оружия, использование специальных средств и физической силы для выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел, до прохождения профессионального обучения по образовательным программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский».

Второй проблемой, находящейся в области юридической техники, следует признать понятийный аппарат, используемый в ФЗ «О полиции» в части правовой оценки последствий применения физической силы. В качестве таких категорий законодатель использует следующую терминологию:

Термин ранение встречается в пункте 4 части 1 статьи 13 как юридический факт, предоставляющий право сотрудникам полиции запрашивать и получать сведения из медицинских организаций о лицах, которые обращались за соответствующим видом помощи; в части 2 статьи 18 в контексте недопустимости принятия на вооружение специальных средств, огнестрельного оружия и боеприпасов к ним, применение которых приводит к причинению тяжелых травм; в частях 6 и 7 статьи 19, как юридический факт, определяющий порядок действий сотрудников полиции в случае наступления рассматриваемых последствий в результате применения физической силы.

Термин телесные повреждения используется в аналогичном ранению контексте в пункте 4 части 1 статьи 13 и пунктах 4 и 5 части 1 статьи 19.

Термин вред здоровью встречается в ФЗ «О полиции» существенно чаще. В пункте 14 части 1 статьи 13 он применяется для раскрытия полномочий сотрудников полиции в части доставления в специализированные учреждения лиц, которые своими действиями могут причинить вред собственному здоровью; в пунктах 25 и 33 части 1 той же статьи как право использования технических средств, информационных систем, фото, видео-аудиоаппаратуры и других специальных средств, применение которых не причиняет вреда жизни и здоровью граждан; в части 6 статьи 19 как обстоятельство, определяющее порядок действий сотрудников полиции в случае наступления рассматриваемых последствий в результате применения физической силы; в части 2 статьи 23 понятие вред здоровью используется для раскрытия дефиниции «вооруженное сопротивление и вооруженное нападение», как результат конечного воздействия, используемого в противоправных целях оружия, а также иных предметов, механизмов и веществ.

Для определения целесообразности использования в федеральном законодательстве столь широкого понятийного аппарата предлагается рассмотреть смысловое значение приведенных терминов, используемых в ФЗ «О полиции».

В соответствии с толковым словарем под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под ранением понимается получение раны, то есть открытого повреждения тканей человека, вызванного внешним воздействием или поражением [6, с. 656]. Схожее значение дает и Большой толковый словарь русского языка, включая в его смысловое содержание преимущественно травмы, полученные в результате использования различных видов оружия: огнестрельного, холодного, а также взрывчатых веществ и взрывных устройств [7, с. 1085].

Те же источники под телесными повреждениями понимают наказания, физический вред, который был причинен телу человека [6, с. 792; 7, с. 1312].

В свою очередь, под вредом составители толковых словарей понимают ущерб, порчу, которые были причинены здоровью человека, нарушение нормального состояния организма или его отдельных органов, физического и психического благополучия [6, с. 102, 227; 7, с. 156, 361].

Таким образом, толкование терминов, используемых законодателем в ФЗ «О полиции», как следствие применения сотрудниками полиции физической силы, позволяет констатировать их синонимичность и, в целом, единой смысловой контекст, который возможно представить, как нанесение травмы неопределенной степени тяжести лицу, в отношении которого она применялась.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: для чего использовать в конструкции схожих право-

вых норм различный понятийный аппарат? Каким образом сотрудник полиции может и должен разграничивать ранение от телесного повреждения и вреда здоровью?

Ответ на первый вопрос видится нам в отсутствие единого и системного подхода в законодательном регулировании аппарата государственного принуждения и подтверждается суждениями С. А. Старостина, который справедливо отмечает, что данная деятельность зачастую сопровождается «абстрактными гипотезами по защите их авторами своих воззрений, что лишь создает впечатление уяснения проблемы и никак не влияет ни на выработку единства по данному вопросу, ни на совершенствование законодательства об этом» [8].

Ответ на второй вопрос тесно связан и вытекает из первого. Как нами отмечалось в ранее проведенном исследовании особенностей конструкции норм, регламентирующих применение огнестрельного оружия, правовая категория «вред здоровью» включает в себя причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью пострадавшего [10]. Вместе с тем определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, а равно отсутствие такового является исключительной прерогативой судебно-медицинского эксперта, который обладает соответствующим образованием и компетенциями в рассматриваемой области, на основании которых выносит соответствующее заключение [9]. В связи с этим, использование термина «причинение вреда здоровью» для возложения на сотрудника полиции обязанностей, предусмотренных частью 8 статьи 19 ФЗ «О полиции», видится не в полной мере допустимым и юридически обоснованным. Для устранения отмеченного противоречия целесообразно использовать в законодательстве, регламентирующем вопросы практической реализации отдельных мер государственного принуждения (физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия) единообразную терминологию, которая позволит исключить возможность их двоякого толкования, унифицирует и упростит правоприменительную практику, сделает ее более прозрачной и понятной для сотрудников правоохранительной сферы. В таком качестве предлагается использовать понятие «телесное повреждение» как универсальную дефиницию, которая подразумевает причинение правонарушителю физических страданий и травм (вне зависимости от тяжести вреда, причиненного здоровью либо отсутствия такового) в ходе реализации сотрудником органов внутренних дел своих властных полномочий. Более того, предлагаемая мера имеет свою практическую реализацию в законодательстве, регламентирующем служебную деятельность сотрудников ФСИН России. Так, Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 [11] в качестве единственного термина, определяющего наступление негативных последствий, вызванных применением физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, ис-

пользует именно понятие «телесное повреждение», что, по нашему мнению, определяет оптимальный вектор развития юридической техники в служебном законодательстве.

Третьей проблемой правовой регламентации является процедурный порядок действий, которые сотрудник полиции должен выполнить в случае применения физической силы. В соответствии с частью 5 статьи 19 о каждом факте причинения гражданину телесных повреждений в результате применения сотрудником полиции физической силы, требуется уведомлять его близкого родственника или иное лицо, предусмотренное законодательством. Подобная правовая конструкция вызывает закономерный вопрос: для чего уведомлять в течение суток родственника лица, в отношении которого была применена физическая сила, если ограничение его конституционных прав носило непродолжительный период, не превышающий нескольких часов (например, в случае доставления правонарушителя в отдел полиции для составления протокола по делу об административном правонарушении)? Вполне логичным видится выполнение данной административной процедуры, когда срок ограничения свободы передвижения правонарушителя ограничивается на более длительный временной интервал (например, более 3 часов), либо характер причиненных телесных повреждений требует оказания ему квалифицированной медицинской помощи, сопряженной с необходимостью стационарного лечения.

Кроме того, вызывает обоснованные вопросы тот факт, что часть 5 статьи 19 не содержит прямого указания на необходимость оповещения полицией близких родственников или близких лиц пострадавшего, если в результате применения физической силы или иных мер государственного принуждения ему были причинены травмы, повлекшие смерть.

В связи с этим, для устранения отмеченных правовых неопределенностей, предлагаем изложить часть 5 статьи 19 в следующей редакции:

«В случае причинения гражданину телесных повреждений в результате применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, а также последующего задержания такого лица в порядке, установленном законодательством, или его доставления в учреждение здравоохранения для оказания квалифицированной медицинской помощи, сопряженной с необходимостью стационарного лечения, либо наступления его смерти полиция в возможно короткий срок, но не более 24 часов уведомляет близкого родственника (родственника) или близкого лица гражданина».

Возвращаясь к вопросу сопоставления служебного законодательства, отметим, что нормативная основа применения физической силы сотрудниками ФСИН не предусматривает весьма спорной, в силу некорректного построения правовой нормы, обязанности уведомления близких или иных родственников осуж-

денных, заключенных под стражу лиц, в отношении которых были применены рассматриваемые меры государственного принуждения. Оценка правомерности действий сотрудников, использовавших в отношении указанных лиц физическую силу, осуществляется путем их фиксации (при наличии такой возможности) переносным видеорегиистратором или иными техническими средствами аудиовизуальными контроля с обязательным направлением прокурору всех материалов происшествия.

Таким образом, анализ организационно-правовых основ применения сотрудниками полиции физической силы позволяет констатировать их несовершенство. Существующие законодательные пробелы требуют устранения, а отдельные положения конкретизации. В свою очередь, понятийный аппарат нуждается в унификации, использовании единой терминологии, общей для всей сферы правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : М., 2005. 59 с.

2. Резникова А. А. Административное приостановление деятельности как мера административного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : Челябинск, 2009. 24 с.

3. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ МВД России от 05 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Омского областного суда от 10 июля 2013 г. по делу № 33-4426/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : Азбуковник, 2004. 944 с.

7. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : «Норинт», 2003. 1536 с.

8. Старостин С. А. Административное принуждение : проблемы теории, законодательства, практики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 93–108.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и раз-

бое» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.10.2022).

10. Румянцев Н. В., Журавлев В. В. Проблемы правовой регламентации и пути их решения при применении огнестрельного оружия как меры государственного принуждения // Современная наука. 2021. № 6. С. 35–38.

11. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СПС «Консультант Плюс».

Reference

1. Kaplunov A. I. Administrative coercion applied by internal affairs bodies (system-legal analysis) : abstract dis. ... of Dr. jurid. sciences : M., 2005. 59 p.

2. Reznikova A. A. Administrative suspension of activity as a measure of administrative coercion : abstract dis. ... cand. jurid. sciences : Chelyabinsk, 2009. 24 p.

3. Federal Law № 342-FZ of 30.11.2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 275 dated 05.05.2018 «On approval of the Procedure for organizing personnel training for positions in the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

5. The appeal ruling of the Omsk Regional Court of 10.07.2013 in case № 33-4426/2013 // SPS «ConsultantPlus».

6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions // Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., supplemented. M. : Azbukovnik, 2004. 944 p.

7. The Great explanatory dictionary of the Russian language / Editor-in-chief S. A. Kuznetsov. SPb. : «Norint», 2003. 1536 p.

8. Starostin S. A. Administrative coercion : problems of theory, legislation, practice // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. № 39. P. 93–108.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 № 29 (ed. of 29.06.2021) «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // SPS «Consultant Plus» (accessed: 10.10.2022).

10. Rumyantsev N. V., Zhuravlev V. V. Problems of legal regulation and ways of their solution in the use of firearms as a measure of state coercion // Modern science. 2021. № 6. P. 35–38.

11. The Law of the Russian Federation of 21.07.1993 № 5473-1 «On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment» // SPS «Consultant Plus».

Информация об авторах

Н. В. Румянцев – профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный научный сотрудник Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

В. В. Журавлев – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. V. Rumyantsev – Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Chief Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

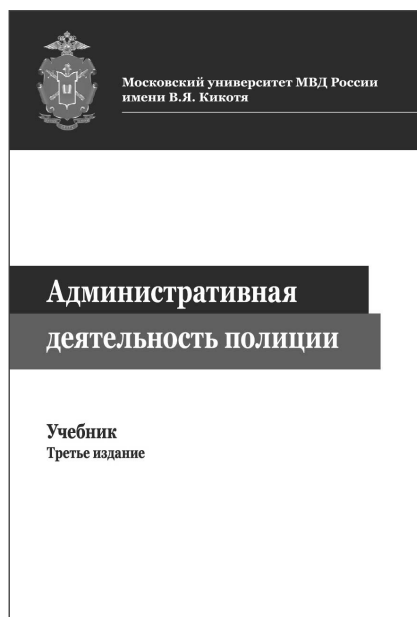
V. V. Zhuravlev – Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Административная деятельность полиции. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардашевского. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-223-226>

НИОН: 2015-0066-6/22-564

MOSURED: 77/27-011-2022-06-763

Реализация полномочий территориальных подразделений МВД Российской Федерации в сфере миграции и пути их совершенствования

Антонина Юрьевна Соколова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

lokont@mail.ru

Аннотация. Анализируется состояние миграции в Российской Федерации сквозь призму функционирования территориальных подразделений МВД РФ, выявляются ключевые причины данного феномена, изучаются разнообразные точки зрения, высказываемые в направлении предупреждения нелегальной миграции и минимизации ее негативного влияния на российское сообщество. Особым образом подчеркивается важность и практическая значимость диалога правоохранительных органов с населением в данном вопросе, формулируются перспективные пути решения миграционной проблемы.

Ключевые слова: нелегальная миграция, региональный диалог, национальная безопасность, гражданство, двойное гражданство, иностранцы

Для цитирования: Соколова А. Ю. Реализация полномочий территориальных подразделений МВД Российской Федерации в сфере миграции и пути их совершенствования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 223–226. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-223-226>.

Original article

Implementation of the powers of territorial divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of migration and ways to improve them

Antonina Yu. Sokolova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

lokont@mail.ru

Abstract. The state of migration in the Russian Federation through the prism of the functioning of the territorial divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is analyzed, the key causes of this phenomenon, examines various points of view expressed in the direction of preventing illegal migration and minimizing its negative impact on the Russian community are identified. The importance and practical significance of the dialogue of law enforcement agencies with the population in this matter is emphasized in a special way, promising ways of solving the migration problem are formulated.

Keywords: illegal migration, regional dialogue, national security, citizenship, dual citizenship, foreigners

For citation: Sokolova A. Yu. Implementation of the powers of territorial divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of migration and ways to improve them. Bulletin of economic security. 2022;(6):223–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-223-226>.

Согласно последним официальным данным Международной организации по миграции по итогам 2021 г. число международных мигрантов достигло отметки в 272 млн человек. По отношению к населению земного шара показатель мигрантов не превышает 3,5 %. Множество людей не мигрируют, пересекая границы – гораздо большее их количество мигрирует внутри стран (согласно оценкам в 2021 г. насчитывалось 740 млн внутренних мигрантов). К 2022 г. большинство междуна-

родных мигрантов (около 74 %) находились в трудоспособном возрасте (20–64 года). Представленные данные свидетельствуют о прямой зависимости состояния нелегальной миграции в мире от масштабных политических, социально-экономических, культурных трансформаций национального масштаба.

Отрицательно на миграционные процессы влияет и углубившаяся глобализация, затрагивающая буквально все сферы повседневной жизни. В то же время

© Соколова А. Ю., 2022

с наступлением XXI в. усилилась глобальная неопределенность, которая обусловлена слабостью и неоднородностью региональных взаимосвязей. В условиях упрочнения выявленных негативных тенденций весьма полезным и действенным может оказаться простой диалог между странами-участницами отдельных международных организаций, с помощью которого можно заняться поисками ответов на нерешенные вопросы малоэффективного предупреждения нелегальной миграции. Также следует напомнить, что нелегальное перемещение людей в международном формате может быть вызвано и другими значимыми событиями. В качестве примера – громкие конфликты, которые случились в Сирии, Йемене, Конго, Южном Судане; политическая нестабильность в Венесуэле.

Крайне отрицательным образом на миграционную ситуацию в мире влияют различные широкомасштабные изменения в окружающей среде, сопровождающиеся угрозами наступления экстремальных погодных явлений и причинения негативных последствий человечеству. Данные явления наблюдаются и применительно к Российской Федерации, где пока разрабатываются и находятся в стадии реализации решения, позволяющие стабилизировать ситуацию в сфере миграции.

Учитывая обозначенные тенденции, хотелось бы обратить внимание на проблемные аспекты функционирования территориальных подразделений МВД России в области миграции. Для начала отметим, что Российским гражданством является устойчивая правовая связь России с физическим лицом, которая выражается в совокупности взаимных прав и обязанностей. Права гражданина – это особый вид прав, который включает базовые неотчуждаемые и естественные права, обеспечивающие достойное существование индивида, позволяющие ему ощущать себя свободным. Институт гражданства базируется на соответствующих принципах. Так, нормы, регулирующие гражданство, не позволяют ограничивать права и свободы граждан по национальным, социальным, религиозным или иным признакам. Кроме того, органы государственной власти не вправе безосновательно лишать лиц гражданства, ограничивать их в правах.

В юридической доктрине гражданство принято рассматривать как определенное право, которое представляет фундамент формирования определенных отношений между государством и каждой конкретной личностью. Е. Е. Никитина поясняет, что институт гражданства не только пребывает в тесной взаимосвязи с конституционным статусом отдельных субъектов, но и вполне способен исполнять другие функции [2, с. 31]. На наш взгляд, с помощью института гражданства можно добиться укрепления государственного суверенитета, сплотить гражданское общество и обеспечить его стабильность, установить баланс интересов между интересами личности и государства, а также повысить гарантии защиты прав и свобод каждого человека, независимо от его гражданства и фактической принадлежности к той или иной стране. Дополнительно Л. В. Андриченко уточ-

няет, что институт гражданства занимает важное место в миграционном процессе. В частности, государство вправе регулировать отношения из гражданства путем упрощения возможностей для иностранцев, которые хотят стать частью населения страны, либо наоборот – путем установления более жестких ограничений [1, с. 5].

Юридические основы гражданства и правового положения иностранцев заложены Конституцией России – нормативным правовым актом высшей юридической силы. Вопросы, касающиеся непосредственно трудоустройства, социального обеспечения, выплаты пенсий и получения пособий, регулируются федеральными законами. Кроме того, на законодательном уровне принимаются различные подзаконные правовые акты, которые направлены на исполнение и реализацию положений, содержащихся в правовых актах федерального уровня. В отношении мигрантов, трудящихся в границах России, действует также ряд дополнительных конституционных гарантий. Так, ч. 2 ст. 27 Конституции РФ закрепляет за иностранцами право на свободный выезд и въезд за пределы России, а также гарантирует гражданам защиту за пределами России (ст. 61).

Однако достаточно часто происходит нарушение прав, как и граждан, так иммигрантов, ввиду того, что они недостаточно осведомлены о своих правах и свободах в России. Иностранцы наделены по общему правилу теми же правами, что и российские граждане, что позволяет им беспрепятственно работать на территории России и претендовать на достойное социальное обеспечение. Однако существуют и специальные ограничения для иностранцев, которые не позволяют им быть занятыми на государственной службе, в правоохранительных органах, запрещают быть патентными поверенными, заниматься частной и охранной деятельностью. В настоящее время добиться полноценной защиты прав и интересов российских граждан и мигрантов в России можно путем:

- а) организации служб социальной помощи мигрантам и предоставления им необходимой информации;
- б) принятия необходимых мер против необоснованной пропаганды и распространения недостоверной информации;
- в) утверждения мероприятий, которые облегчат процесс миграции;
- г) организации медицинских служб, умеющих оказывать своевременную помощь мигрантам;
- д) упрощения процесса пребывания мигрантов в России, например, требуется организовать и улучшить порядок перевода денежных средств мигрантами из России в другие страны.

На сегодняшний день мигранты постоянно сталкиваются с проблемами при пребывании в России, начиная от элементарной адаптации и заканчивая возможностью получения надлежащей медицинской помощи. В совокупности, существующие проблемы приводят не только к нарушению социально-трудовых прав граждан, но и подрывают их конституционно-правовой статус.

В большинстве, российский законодатель привык решать проблемы правового обеспечения мигрантов точно, а не комплексно, что не позволяет улучшить процесс пребывания в России. Интересным является и тот факт, что отечественные работодатели, желая избежать любой ответственности, видят удобным и выгодным принятие на работу мигрантов. При этом уже стало правилом не оформлять официально документы об их трудоустройстве. Подобный подход способен стать причиной пренебрежения правами мигрантов. Судебной практике известно немного примеров, когда работники-мигранты обращались в суды с целью восстановления своих нарушенных прав, даже, несмотря на отсутствие трудового договора.

Отсутствие официальных документов о трудоустройстве мигрантов, тем не менее, позволяет работодателю пренебрегать своими обязанностями. Например, по общему правилу, работодатель обязан обеспечить безопасные условия труда для всех без исключения работников, включая мигрантов. Однако отсутствие документов о подтверждении трудовых отношений между лицами позволяет работодателю сознательно не исполнять свои обязанности перед работником. В итоге, полученный вред, травмы в рамках выполнения трудовой функции лишают мигранта на полноценное социальное обеспечение и защиту.

Проблему неофициального трудоустройства мигрантов следует решать в государственном масштабе. Например, можно попытаться сделать выгодным официальный прием на работу иностранных граждан, путем предоставления отечественным работодателям различных льгот, пособий. Как правило, проводятся мероприятия по улучшению условий труда, для этого выделяются в установленном порядке средства и необходимые материалы, которые имеют целевое назначение. В определенных отраслях создаются соответствующие фонды охраны труда, которые призваны оказывать содействие реализации права на безопасные условия труда.

На сегодняшний день безопасность труда нуждается в соответствующей поддержке и финансировании, которое в основном ложится на плечи работодателей. Полагаем, что для государства целесообразно внедрить систему оплаты труда относительно выполненных задач и поставленных целей и, соответственно, в рамках реализации права на безопасные условия труда. Для этого необходимо провести ряд следующих изменений и мероприятий:

- предоставить большие границы самостоятельности и финансовой независимости некоторым работодателям, в частности, тем, которые активно принимают на работу несовершеннолетних лиц и всячески содействуют их трудоустройству;
- разработка и укрепление конкурсных мероприятий и тендеров;
- проведение системы статистического опроса независимого уровня с учетом международного передового опыта;

– создать методику наблюдения за уровнем потерь и наметить пути их реформирования.

Кроме того, в настоящее время весьма усложнена проблема медицинского обеспечения мигрантов. Например, получение разрешения на временное проживание еще не гарантирует обязательное медицинское страхование мигранта. Получение полиса допускается на определенное время, которое напрямую зависит от официальной постановки на учет, однако, при этом не берется во внимание, что в процессе оформления документов, который подчас занимает достаточно много времени (от двух до шести месяцев), мигрант вынужден абсолютно все предоставленные ему медицинские услуги оплачивать самостоятельно. Если же пребывание мигранты в стране недокументированно, то велика вероятность, что доступ к бесплатной медицинской помощи будет ограничен.

Конституционно-правовые гарантии прав и интересов российских граждан имеют особое значение для современного общества и государства. Они тесным образом связаны с происходящими в Российской Федерации событиями и преобразованиями. Многие из гарантий прав закреплены в действующем законодательстве, однако, на сегодняшний день они стали формальностью, так как часть из них устарела, а другая часть не находит должного механизма для реализации на практике. В частности, отдельные положения законодательства носят лишь теоретический характер и не нашли применения на практике, например, ч. 2 ст. 15 Конституции России, в которой сказано что, все должны соблюдать Конституцию и законы.

На сегодняшний день в действующее законодательство требуется внести некоторые изменения и дополнения, которые позволят улучшить правовое положение российских граждан и мигрантов:

– требуется разработка и принятие Концепции и Стратегии совершенствования правового статуса мигрантов в России. В данных нормативных документах должны быть отражены нормы о миграционном контроле и предварительной проверке иностранных граждан. Это позволит уменьшить поток нелегальных мигрантов, которые стремятся попасть в России, и правовое положение которых государство не в состоянии установить;

– в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» должны быть внесены нормы о правах и обязанностях иностранных граждан. В частности, это должны быть имущественные и неимущественные права, интересы, свободы, обязанности иностранцев;

– необходимо включить в ст. 35 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» нормы, которые позволят мигрантам использовать в целях защиты своих нарушенных прав и интересов все незапрещенные законом способы, в том числе – обращение в российские суды.

Список источников

1. Андриченко Л. В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 5.
2. Никитина Е. Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации // Журнал Российского права. 2019. № 7. С. 31.

References

1. Andrichenko L. V. Migration legislation in the system of Russian legislation // Journal of Russian Law. 2018. No. 3. P. 5.
2. Nikitina E. E. Legislation on citizenship and improvement of migration policy of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2019. No. 7. P. 31.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, прин. всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 8.04.2015 г. по делу № 33-7699/2015 // СПС «Консультант Плюс».

4. Организация Объединенных наций // Экономический и Социальный Совет / Доклад о миграции в мире 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-11-MigrationStats-R.pdf>.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation, approx. by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // Official Internet portal of legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Federal Law No. 115-FZ of 25.07.2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from 29.12.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. St. 3032.
3. Appeal ruling of the Moscow City Court of 8.04.2015 in case No. 33-7699/2015 // SPS «Consultant Plus».
4. United Nations // Economic and Social Council / Report on migration in the world 2021 [Electronic resource]. Access mode: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-11-MigrationStats-R.pdf>.

Информация об авторе

А. Ю. Соколова – преподаватель-методист отделения планирования учебного процесса отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. Yu. Sokolova – Teacher–methodologist of the Department of Educational Process Planning of the Department of Educational Process Organization of the Department of Educational and Methodical Work of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-227-231>

НИОН: 2015-0066-6/22-565

MOSURED: 77/27-011-2022-06-764

Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере профилактики и производства по делам об административных правонарушениях за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних

Юлия Николаевна Сосновская¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ lisenok1214@yandex.ru

Аннотация. В процессе анализа правоприменительной практики в сфере профилактики и производства по делам об административных правонарушениях за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних, определяются проблемы, препятствующие осуществлению данной деятельности, к которым относятся: проблема обследования жилищных условий неблагополучных семей, где содержится и воспитывается несовершеннолетний, а также составления соответствующего акта; отсутствие конкретизированного перечня действий, относящихся к ненадлежащему исполнению обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних; неэффективность административного наказания, предусмотренного в санкции ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, и предлагаются пути их решения. Также устанавливаются основные субъекты системы профилактики безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, которые взаимодействуют при осуществлении своей деятельности.

Ключевые слова: субъекты профилактики, безнадзорность, беспризорность, антиобщественные действия, взаимодействие, правоприменительная практика, производство по делам об административных правонарушениях, неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних, административное наказание, жилищно-бытовые условия, образ жизни и содержание ребенка в семье, ненадлежащее исполнение родительских обязанностей

Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере профилактики и производства по делам об административных правонарушениях за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 227–231. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-227-231>.

Original article

Topical issues of law enforcement practice in the field of prevention and proceedings in cases of administrative offenses for failure to fulfill obligations for the upbringing and maintenance of minors

Julia N. Sosnovskaya¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ lisenok1214@yandex.ru

Abstract. In the process of analyzing law enforcement practice in the field of prevention and proceedings in cases of administrative offenses for failure to fulfill obligations for the upbringing and maintenance of minors, the problems are identified that impede the implementation of this activity, which include: the problem of surveying the housing conditions of dysfunctional families where minors are kept and brought up, as well as drawing up the relevant act; the absence of a specific list of actions related to the improper performance of duties for the maintenance and upbringing of minors; the ineffectiveness of the administrative punishment provided for in the sanctions h. 1 Article. 5.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and the ways to solve them are offered. The main subjects of the system of prevention of neglect, homelessness, offenses and antisocial actions of minors who interact in the implementation of their activities are also established.

© Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В., 2022

Keywords: subjects of prevention, neglect, homelessness, antisocial actions, interaction, law enforcement practice, proceedings on administrative offenses, failure to fulfill duties for the upbringing and maintenance of minors, administrative punishment, housing and living conditions, lifestyle and maintenance of a child in a family, improper performance of parental duties

For citation: Sosnovskaya Ju. N., Markina E. V. Topical issues of law enforcement practice in the field of prevention and proceedings in cases of administrative offenses for failure to fulfill obligations for the upbringing and maintenance of minors. Bulletin of economic security. 2022;(6):227–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-227-231>.

Ключевыми субъектами системы профилактики безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних являются Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП) и подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН), взаимодействующие друг с другом. В юрисдикцию данных органов входит также и производство по делам об административных правонарушениях, связанных с ненадлежащим исполнением обязанностей родителей и иных законных представителей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, при осуществлении которого сотрудники ПДН проводят предварительную проверку по сообщениям и заявлениям, собирают доказательственную базу и возбуждают производство по делу путем составления процессуальных документов (протокола об административном правонарушении) [4], а участники КДНиЗП рассматривают данные дела и выносят коллегиальное решение [2]. Изучая правоприменительную практику, следует отметить, что при осуществлении профилактической работы с неблагополучными семьями или несовершеннолетними, обладающими признаками девиантного поведения, а также при производстве по делам об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, существуют определенные пробелы, которые требуют разрешения.

При сборе доказательственной базы одним из необходимых документов является акт обследования жилищно-бытовых условий, который свидетельствует об условиях проживания, образе жизни и содержании ребенка в семье, родители (иные представители) которой подозреваются в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Однако, при посещении «недобросовестных» родителей (иных законных представителей) по месту жительства и обследовании условий проживания появляются трудности осуществления такой процедуры, так как родители, в большинстве случаев, препятствуют обследованию (могут не открыть дверь либо запретить входение в данную квартиру). Сотрудники ПДН относятся к полиции и должны при осуществлении своей деятельности руководствоваться Федеральным законом от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ № 3). Ст. 15 вышеуказанного закона предусматривает, что сотрудники полиции имеют право беспрепятственно осуществить входение в данную квартиру в случаях спасения граждан или их имущества, для задержания граждан, совер-

шивших преступление, для пресечения преступления, а также для установления обстоятельств несчастного случая. Также ч. 2 ст. 15 ФЗ № 3 ограничивает право сотрудников на проникновение в жилое помещение без согласия проживающих там лиц или собственников такого помещения [3]. Получается, обследование жилищных условий для сбора материала по административному правонарушению по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ не будет являться основанием беспрепятственного входения, если родители не дают своего согласия, т. е. составить один из важных документов доказательственной базы по рассматриваемому составу не представится возможным и определить, в каких условиях проживает ребенок, невозможно. Данная ситуация не регламентирована ни одним нормативным правовым актом, регулирующим деятельность сотрудников ПДН. По нашему мнению, для урегулирования данной ситуации, в нормативные правовые акты целесообразно внести положение, регламентирующее право сотрудников ПДН и порядок обследования места проживания семьи, родители которой подозреваются в совершении административного правонарушения за ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, при этом выработав процедуру получения соответствующего документа, разрешающего производить данные действия, не нарушая при этом конституционные права и свободы граждан (ст. 23, 25 Конституции РФ) [1], либо закрепить обязанность родителей не препятствовать осуществлению предварительной проверки сотрудников ПДН по заявлениям и сообщениям об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ.

При проведении предварительной проверки о выявлении возможных признаков состава административного правонарушения по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, в большинстве случаев, при определении объективной стороны данного правонарушения сотрудники ПДН и участники КДНиЗП исходят из субъективного мнения о том, какие конкретные действия (бездействия) родителей и иных законных представителей относятся к ненадлежащему исполнению обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. Ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ делает ссылку на нормы семейного законодательства, в которых содержатся основные обязанности родителей и иных законных представителей. Однако, данные положения имеют общий, а не конкретизированный характер, препятствуя правильно определить, какие конкретные действия (бездействия) относятся к неисполнению родительских обязанностей. Изучая

и анализируя методические рекомендации по рассмотрению дел об административных правонарушениях и материалов по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, необходимо отметить, что положения данных рекомендаций также не включают в себя примерный перечень действий или бездействий, относящихся к ненадлежащему исполнению родительских обязанностей. В практической деятельности, выделяются расхождения мнений между органами системы профилактики и контрольно-надзорными органами. Например, при проведении предварительной проверки и сборе доказательственной базы, сотрудник ПДН считает, что выявленные им действия (бездействия) родителей (иных законных представителей) являются неисполнением обязанностей, а при проверке данных материалов, например, прокурором или комиссией, данные органы говорят об отсутствии признаков состава правонарушения, так как, по их мнению, данные действия не являются административным правонарушением. По нашему мнению, при сборе материалов дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ и его дальнейшем рассмотрении, необходимо закрепить конкретизированный перечень действий (бездействий) родителей (иных законных представителей), которые относятся к ненадлежащему исполнению обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, если не на законодательном уровне, то в методических рекомендациях. Такое закрепление усовершенствует деятельность сотрудников ПДН при сборе материалов, а также устранил разногласия между органами, участвующими в производстве и защите прав и законных интересов граждан от противоправных действий.

Необходимо обратить внимание на случаи, когда при рассмотрении дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, собранные материалы возвращаются на доработку в связи с отсутствием документов, свидетельствующих о факте неисполнения родителями (иными законными представителями) обязанностей по обучению несовершеннолетнего, копий документов, удостоверяющих личность либо документа, подтверждающего происхождение ребенка от конкретного родителя. Данный факт проявляется при сборе материалов дела у неопытных сотрудников ПДН, которые могут не учитывать данные документы необходимыми по делу. Однако, при проверке материалов перед стадией рассмотрения, компетентные органы возвращают их на доработку. В данном случае, необходимо опять обратиться к методическим рекомендациям о порядке рассмотрения дел об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, в которых указаны следующие необходимые документы для производства: объяснение от родителей и иных законных представителей; объяснение подростка; объяснения от соседей, классного руководителя; акт обследования жилищно-бытовых условий; характеристика с места учебы на несовершеннолетнего, ходатайство о привлечении родителей несовершеннолетнего к административной ответственности;

рапорт сотрудника ПДН [5]. По нашему мнению, в методические рекомендации необходимо внести поправку и включить документы, удостоверяющие личность либо доказывающих принадлежность ребенка к родителям для предотвращения случаев отправки материалов дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ на доработку.

При сборе материалов по делу об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ сотрудникам ПДН необходимо обращать внимание на процесс взятия объяснений с родителей по факту совершения ими вышеуказанного правонарушения для включения объяснения в доказательственную базу, а также для объективного рассмотрения дела. В содержании самого объяснения должна отражаться следующая информация: сведения о сложившихся взаимоотношениях в семье, членах семьи, которые принимают участие в воспитании ребенка; о том, владеют ли они информацией о лицах, с которыми их ребенок общается; об успеваемости ребенка; о том, как часто родители проводят время с ребенком и характере их общих занятий.

Также необходимо отметить, что в некоторых случаях, в материалах дела отсутствуют объяснения несовершеннолетних. Однако, такие объяснения могут служить дополнительной информацией о взаимоотношениях в семье, об условиях содержания ребенка, о времени препровождении родителей с ребенком; о вопросах, которые обсуждаются с родителями. Данная информация может помочь установить причинно-следственную связь между действиями (бездействиями) родителей и поведением ребенка.

Деятельность КДНиЗП регламентируется Федеральным законом от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ и Постановлением Правительства Российской Федерации от 06 ноября 2013 года № 995, несущими декларативный характер, не раскрывающими подробно работу данных органов. Нет ни одного законодательного акта, определяющего конкретный порядок осуществления деятельности комиссий. Кроме рассмотрения дел об административных правонарушениях в соответствии с положениями КоАП РФ, деятельность КДНиЗП направлена на решение задач по постановке несовершеннолетних и их родителей на учет, профилактике правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, исключению несовершеннолетних из образовательных учреждений и другое. Поэтому, для улучшения эффективности деятельности КДНиЗП и предотвращения различных нарушений со стороны комиссий необходимо закрепить на законодательном уровне нормативный правовой акт, закрепляющий не общие направления их деятельности, а инструкцию по осуществлению их деятельности в более конкретизированном порядке.

Необходимо отметить, что на заседаниях КДНиЗП не всегда присутствует прокурор. В соответствии с ч. 2 ст. 25.11 КоАП РФ при рассмотрении дела об административном правонарушении, совершенного несовер-

шеннолетним, компетентные органы обязаны оповещать прокурора о месте и времени проведения заседания. По нашему мнению, когда речь касается несовершеннолетних, их прав и законных интересов, в том числе при рассмотрении дел об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, присутствие прокурора является обязательным. Также необходимо подчеркнуть, что у большинства участников комиссии при осуществлении юрисдикционных полномочий отсутствует юридическое образование, поэтому их деятельность необходимо контролировать компетентными на то органами и должностными лицами, т. е. прокурором.

Требуют внимания и санкции ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. За ненадлежащее исполнение родителей или иных законных представителей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних санкция статьи предусматривает административное наказание в виде предупреждения или административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей. При выборе наказания учитываются отягчающие или смягчающие обстоятельства. В большинстве случаев, данные родители продолжают ненадлежащим образом исполнять свои обязанности, и такая мера наказаний для них является несерьезной. Поэтому для эффективности применения ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ целесообразным является пересмотреть иной вид наказания для данного административного правонарушения.

Сформулированные в работе проблемы, целесообразно подкрепить практическим примером. Так, прокурором Кузьминской межрайонной прокуратуры г. Москвы был вынесен протест от 22 июля 2019 года на постановление КДНиЗП Рязанского района ЮВАО г. Москвы № 55-2019 от 16 июля 2019 года о привлечении к административной ответственности и назначении административного наказания. Из протеста следует, что Кузьминской районной прокуратурой г. Москвы были изучены материалы дела и постановление о назначении административного наказания по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в отношении С., которая в период с 26.06.2019 года по 29.06.2019 года злоупотребляла спиртными напитками в присутствии дочери, воспитанием ребенка не занималась, не готовила, не убиралась, тем самым ненадлежащим образом выполняла свои родительские обязанности в отношении своей несовершеннолетней дочери М. В соответствии с постановлением КДНиЗП Рязанского района ЮВАО г. Москвы, С. привлечены к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере пятисот рублей. Однако, Прокурор Кузьминской межрайонной прокуратуры по г. Москве, посчитал, что процессуальные действия ПДН и КДНиЗП в отношении С. были неправомерными, так как в материалах дела отсутствовали, по его мнению, необходимые документы в качестве доказательства виновности С.: протокол освидетельствования С. на состояние алкогольного опьянения,

акт обследования жилищно-бытовых условий несовершеннолетней М., объяснение несовершеннолетней М., характеристика с места учебы несовершеннолетней М., что не позволило всестороннее, полно и объективно рассмотреть дело. В соответствии с решением Кузьминского районного суда г. Москвы от 31 августа 2019 года, протест прокурора не был удовлетворён. По мнению Кузьминского районного суда, постановление КДНиЗП о привлечении С. к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ было вынесено правомерно [6]. Исходя из данного примера, можно отметить следующее:

Во-первых, отсутствие акта жилищных условий свидетельствует, в первую очередь, о невозможности провести процедуру осмотра жилищных условий в связи с некоторыми недочетами законодательства.

Во-вторых, отсутствие необходимых материалов дела свидетельствует о недоработке методических рекомендаций для комиссий при рассмотрении дел об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, а также о нехватке знаний в области юриспруденции участников КДНиЗП и неопытности сотрудника ПДН, который исполняет данные материалы.

В-третьих, в данном случае прослеживается расхождение мнений у органов системы профилактики (ПДН и КДНиЗП), контрольно-надзорных органов (Прокурора), а также у судебных органов, что негативно сказывается на деятельности ПДН и КДНиЗП.

В-четвертых, в данном случае, прослеживается факт отсутствия прокурора на заседании комиссии при рассмотрении дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что ключевыми субъектами системы профилактики безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, осуществляющими производство по делам об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, являются ПДН и КДНиЗП. Необходимо отметить, что в практической деятельности существуют определенные проблемы, препятствующие осуществлению данной деятельности, к которым относятся: проблема обследования жилищных условий неблагополучных семей, где содержится и воспитывается несовершеннолетний, а также составления соответствующего акта; отсутствие конкретизированного перечня действий, относящихся к ненадлежащему исполнению обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних; неэффективность административного наказания, предусмотренного в санкции ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ и иные недочеты, решение которых были нами предложены по ходу работы.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.09.2021). Электронный ресурс. Режим

доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ МВД России от 29 августа 2014 года № 736 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Методические Рекомендации для комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по рассмотрению дел об административных правонарушениях и иных дел (материалов). [Электронный ресурс] URL: <https://minobchestvo.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/> (дата обращения: 12.08.2022).

6. Решение Кузьминского районного суда г. Москвы от 31 августа 2019 года по делу № 55-2019 [Электронный источник] URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kuzminskii-raionnyi-sud-gorod-moskva/> (дата обращения: 30.08.2022).

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on September 1, 2021). Electronic resource. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation : Federal Law of December 30, 2001 № 195-FZ // SPS «Consultant Plus».

3. Federal Law of February 7, 2011 № 3-FZ «On the Police» // SPS «Consultant Plus».

4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 29, 2014 № 736 «On approval of instructions on the procedure for receiving, registering and authorizing in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation applications and reports of crimes, administrative offenses, incidents» // SPS «ConsultantPlus».

5. Guidelines for commissions on juvenile affairs and the protection of their rights to consider cases of administrative offenses and other cases (materials). [Electronic resource] URL: <https://minobchestvo.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/> (accessed: 12.08.2022).

6. Decision of the Kuzminsky District Court of Moscow dated August 31, 2019 in case № 55-2019 [Electronic source] URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kuzminskii-raionnyi-sud-gorod-moskva/> (accessed: 30.08.2022).

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 06 ноября 2013 года № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СПС «Гарант».

Bibliographic list

1. Federal Law of June 24, 1999 № 120-FZ «On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency» // SPS «Consultant Plus».

2. Decree of the Government of the Russian Federation of November 6, 2013 № 995 «On Approval of the Model Regulations on Commissions for Minors and the Protection of Their Rights» // SPS «Garant».

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

Ju. N. Sosnovskaya – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-232-236>

ИПОН: 2015-0066-6/22-566

MOSURED: 77/27-011-2022-06-765

Административная ответственность за нарушение правил лицензирования в Социалистической Республике Вьетнам: общая характеристика и возможность рецепции в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

Людмила Владимировна Стандзонь

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, kynsh@mail.ru

Аннотация. Одним из актуальных вопросов в мировой экономике в настоящее время является привлечение лиц к административной ответственности за совершение противоправных деяний, в том числе за незаконное занятие предпринимательской деятельностью. Среди дружественных стран особое место занимает Вьетнам. В данной статье исследуются основополагающие положения института административной ответственности в Социалистической Республике Вьетнам, затрагиваются проблемы ее реализации, эффективности административных наказаний. Особое внимание уделяется вопросам рецепции опыта Вьетнама в российское законодательство.

Ключевые слова: Социалистическая Республика Вьетнам, лицензирование, административная ответственность, административное правонарушение, административное наказание, административная процедура привлечения к административной ответственности

Для цитирования: Стандзонь Л. В. Административная ответственность за нарушение правил лицензирования в Социалистической Республике Вьетнам: общая характеристика и возможность рецепции в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 232–236. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-232-236>.

Original article

Administrative responsibility for violation of licensing rules in the Socialist Republic of Vietnam: general characteristics and possibility of admission to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation

Lyudmila V. Standzon

O.E. Kutafin University (MSAL), Moscow, Russia, kynsh@mail.ru

Abstract. One of the pressing issues in the global economy at the present time is the bringing of persons to administrative responsibility for committing illegal acts, including for illegal business activity. Vietnam occupies a special place among friendly countries. This article examines the fundamental provisions of the institution of administrative responsibility in the Socialist Republic of Vietnam, touches upon the problems of its implementation, the effectiveness of administrative penalties. Particular attention is paid to the issues of the reception of Vietnam's experience in Russian legislation.

Keywords: Socialist Republic of Vietnam, licensing, administrative responsibility, administrative offense, administrative punishment, administrative procedure for bringing to administrative responsibility

For citation: Standzon L. V. Administrative responsibility for violation of licensing rules in the Socialist Republic of Vietnam: general characteristics and possibility of admission to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(6):232–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-232-236>.

Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, подписанный и ратифицированный в г. Москве 17 февраля 1995 г. № 23-ФЗ [10] предполагает и закрепляет, что стороны на долгосрочной основе всесторонне развивают дружеские отношения, основанные на принципах уважения государственного сувере-

нитета и независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, взаимной выгоды и других общепризнанных норм международного права, с созданием соответствующих механизмов диалога и пр.

Лицензирование отдельных видов деятельности является важнейшей частью государственного упорядо-

© Стандзонь Л. В., 2022

чения экономической деятельности в деятельности любого государства, в том числе Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам [7]. Интерес к изучению законодательства данной страны объясняется большим сходством с законодательством Российской Федерации [11; 8]. В целом, лицензирование во Вьетнаме схоже с лицензированием в других странах Азии. Так, во Вьетнаме выдаются лицензии на проведение испытаний на ветеринарные препараты, исходные материалы для изготовления ветеринарных препаратов, регистрирующиеся для импорта во Вьетнам впервые; лицензии на проведение испытаний; разрешение на импорт для продуктов, полученных биологическим либо микробиологическим путем, и химических веществ, используемых в ветеринарных препаратах, регистрирующиеся для импорта во Вьетнам впервые и пр. Они выдаются Министерством сельского хозяйства Вьетнама [11]. Также, лицензии выдаются на импорт товаров, подпадающих под действие режима автоматического лицензирования импорта Министерством промышленности и торговли Вьетнама [9]. Лицензии выдаются отделом экономики города для торговли в розницу спиртными напитками всех видов, кроме пива, а также фруктовых напитков и коктейлей с содержанием алкоголя менее 5 %. Для получения лицензии лицензиат должен соответствовать определенным требованиям и условиям.

При нарушении условий лицензии или неполучения ее вовсе устанавливается юридическая ответственность.

Административная ответственность в социалистической республике Вьетнам установлена законом от 20 июня 2012 г. № 15/2012 / QN13 «О рассмотрении административных правонарушений» (именуемый далее КоАП РВ) [4], который предусматривает административные санкции и меры административного воздействия за совершение административных правонарушений [2].

Согласно ст. 2 КоАП РВ под административным правонарушением признается неправомерное деяние, совершенное физическим лицом или организацией и нарушающее закон о государственном управлении, которое не является преступлением и подлежит наказанию в соответствии с КоАП РВ [4]. Представляется интересным определение организованного административного правонарушения как совершенное несколькими физическими или юридическими лицами, вступающими в сговор с другими лицами или организациями с целью совместного совершения административных правонарушений. По сравнению с Российской Федерацией и многими другими государствами согласно ст. 5 КоАП РВ установлен более ранний возраст административной ответственности граждан. К лицам в возрасте от 14 до 16 лет применяются административные санкции за умышленные административные правонарушения. Лица в возрасте от 16 лет и старше привлекаются к административной ответственности за все административные правонарушения. Считаю данное положение неприменимым к российской правовой действительности,

что нашло свое подтверждение в представленном на обсуждение проекте федерального закона КоАП РФ [2]. К лицам, принадлежащим к Народной армии и Народным силам общественной безопасности, должностным лицам, которые совершают административные правонарушения, применяются такие же правила, как и к другим гражданам. В случае, если необходимо применить штраф, лишить права использовать лицензии или приостановить деятельность на определенный срок, связанные с национальной обороной и безопасностью, лицо, наложившее санкции, должно запросить и получить разрешение у агентства или подразделения Народной армии. Организации и юридические лица привлекаются к административной ответственности за все совершенные ими административные правонарушения [2].

В КоАП РВ дается определение лицензии как документа, выдаваемого государственными органами, компетентными лицами отдельным лицам и организациям в соответствии с положениями закона для таких лиц или организаций для ведения бизнеса, деятельности [4].

Также в законодательстве об административной ответственности есть случаи, когда к ответственности лица не привлекаются за совершение административных правонарушений в случаях совершения акта административного правонарушения: в неотложной ситуации; в связи с правомерной защитой; из-за непредвиденного события; в связи с форс-мажорными обстоятельствами. Понятие форс-мажор как события, происходящего объективно, которое невозможно предвидеть и которое не может быть преодолено, несмотря на применение всех необходимых мер и допустимых возможностей дано в ст. 2 КоАП РВ и является новеллой для законодательства об административных правонарушениях [1; 12].

В отличие от большинства других стран, во Вьетнаме предусмотрен подзаконный характер компетенции по назначению санкций за административные правонарушения в сфере государственного управления и режим применения административных мер воздействия [3]. В соответствии с ним Правительство устанавливает административные правонарушения; формы санкций, уровни санкций, меры пресечения по каждому административному правонарушению; обязанность налагать штрафы, определенные размеры штрафов в соответствии с каждой должностью и обязанность вести учет административных правонарушений в каждой сфере государственного управления; режим применения административных мер воздействия, а также содержание протоколов и постановлений о применении административных правонарушений.

Административным законодательством Вьетнама также установлены общие запреты для должностных лиц, расследующих любые правонарушения, в том числе и в сфере лицензирования. Так, ст. 12 содержит запрещенные действия уполномоченных должностных лиц. Нельзя сохранять нарушения с криминальными признаками в целях рассмотрения административных правонарушений. Нельзя использовать свое положение

и полномочия для преследования, требования или получения денег и имущества от правонарушителя, терпеть, скрывать и ограничивать права правонарушителей при наказании за совершение административных правонарушений. Не допускается незаконно обнародовать документы об административных правонарушениях, виде санкций за каждое административное правонарушение в сфере государственного управления и административные меры. Установлен и запрет для применения более мягких административных наказаний или не в соответствии с компетенцией, процедурами. Запрещается незаконное вмешательство в дела об административных правонарушениях. В нарушение закона о государственном бюджете запрещается использовать денежные средства, взысканные в виде штрафов за административные правонарушения, денег, уплаченных в связи с несвоевременным исполнением штрафов, доходов от продажи или ликвидации изъятых вещественных доказательств и средств административного правонарушения и иных сумм. Не допустимы посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство лица, подвергнутого административным правонарушениям, лица, в отношении которого применяется мера административного воздействия. Должностные лица не должны противодействовать уклонению, отсрочке или воспрепятствованию исполнению решений о наказании за административные правонарушения, решений о применении мер по предотвращению и обеспечению рассмотрения административных нарушений, решений о принудительном исполнении решений [4].

Также в статье 14 КоАП РВ предусмотрена ответственность за пресечение и предотвращение административных правонарушений. Организации несут ответственность за информирование своих членов о защите и соблюдении законов и правил общественной жизни, незамедлительно принимают меры по устранению причин и условий нарушений [6]. При выявлении административного правонарушения лицо, уполномоченное рассматривать административное правонарушение, должно устранить нарушение в соответствии с положениями законодательства Вьетнама. Статьей 16 КоАП РВ предусмотрена ответственность лиц, уполномоченных рассматривать административные правонарушения. Если они не соблюдают требования законности, а также лица, которые компетентны рассматривать административные правонарушения, но при этом вымогают деньги или другое имущество от нарушителей, укрывают, не обрабатывают или не обрабатывают вовремя, скрывают серьезность нарушения или совершают иные противоправные действия, предусмотренные ст. 12 КоАП РВ и других положений закона, в зависимости от характера и серьезности нарушения, подлежат дисциплинарному взысканию или проверке на предмет наличия признаков уголовной ответственности.

Заслуживает особого внимания содержание ст. 20 КоАП РВ, которая допускает применение Закона об административных правонарушениях к администра-

тивным правонарушениям, совершенным за пределами территории Социалистической Республики Вьетнам. К вьетнамским гражданам и организациям, нарушающим административные законы Социалистической Республики Вьетнам за пределами территории Вьетнама, могут быть применены административные санкции в соответствии с положениями КоАП РВ. Считаю данное положение дискуссионным и неоднозначным. Так, вьетнамские граждане и юридические лица, пребывая за пределами территории Вьетнама считаются иностранными гражданами и организациями. И могут быть привлечены за совершение правонарушений по законодательству того государства, в котором находятся. Например, в КоАП РФ закреплено, что иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица, совершившие на территории Российской Федерации административные правонарушения, подлежат административной ответственности на общих основаниях в соответствии п. 1 ст. 2.6 КоАП РФ. Следовательно, за совершение деяния, считающегося противоправным, лица могут быть дважды привлечены за одно и то же правонарушение, но по различным актам – КоАП РФ и КоАП РВ. Согласно п. 5 ст. 4.1. КоАП РВ никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение. Следовательно данное положение противоречит законодательству, например, российскому.

Раздел 2 устанавливает административные наказания во Вьетнаме. Статья 21 КоАП РВ предусматривает помимо штрафа, такое специальное административное наказание в сфере лицензирования как лишение права использования лицензий на определенный срок, прекращение или приостановление деятельности на определенный срок. Согласно ст. 25 КоАП РВ лишение права на использование лицензий на определенный срок — это санкция, применяемая к лицам и организациям, значительно нарушающим деятельность, указанную в их лицензиях. В период лишения права использования лицензий частным лицам и организациям не разрешается осуществлять деятельность, указанную в лицензиях [4].

Прекращение деятельности на определенный срок - взыскание, применяемое к лицам и организациям, совершающим административные правонарушения в случаях, вызывающих серьезные последствия или потенциально вызывающих серьезные последствия для жизни, здоровья людей и окружающей среды производственного, коммерческого или обслуживающего предприятия, в соответствии с правилами, требующего разрешение по закону.

Приостановление части или всей производственной, коммерческой, служебной или другой деятельности, осуществляется в случаях деятельности, которые не требуют лицензии по закону, но такая деятельность вызывает серьезные или потенциально практические последствия, причинение серьезных последствий для жизни, здоровья, окружающей среды, общественного порядка и безопасности человека.

Срок лишения права пользования разрешениями, прекращения деятельности, составляет от 1 месяца до 24 месяцев со дня вступления в силу решения. Лица, к которым применили соответствующие наказания, сохраняют лицензии на время лишения права использования лицензий.

Глава 2 определяет компетенцию лиц по применению административных наказаний во Вьетнаме. Лишить права использовать лицензии на определенный срок или приостановить деятельность на определенный срок вправе: Председатели районных народных комитетов, Начальники районных отделений полиции; руководители профессиональных отделов Бюро дорожной и железнодорожной полиции; начальники отделов департаментов полиции провинциального уровня, в том числе начальники отделов полиции по административному управлению социальным порядком, начальники отделов полиции порядка, начальники отделов полиции быстрого реагирования, начальники отделений пожарной охраны и тушения, аварийно-спасательных отделений полиции, директор Департамента экономической безопасности, директор Департамента информационной безопасности, и другие [4]. Анализируя данный список, можно сделать вывод о том, что таких органов административной юрисдикции очень много.

Глава 3 КоАП РВ содержит административную процедуру привлечения к административной ответственности и порядок исполнения постановлений о назначении административного наказания.

Так, согласно ст. 61 КоАП РВ лица, которые привлекаются к ответственности за нарушения лицензионных правил дают пояснения. За административные правонарушения, которые предусмотрены законом, и влекут за собой наказание в виде лишения права использования лицензий на определенный срок или приостановление деятельности на определенный срок или с учетом штрафных рамок, установленных за такие нарушения при максимальном уровне 15 000 000 донгов или более для физических лиц или 30 000 000 донгов для организаций, нарушители могут давать устные или письменные объяснения лицам, имеющим право налагать санкции на их административные правонарушения. Лица, наделенные санкционной компетенцией, обязаны учитывать объяснения административных нарушителей до вынесения санкционирующих решений.

В случае дачи письменных объяснений административные правонарушители направляют письменные объяснения лицам, уполномоченным налагать санкции на их административные правонарушения, в течение 5 дней после составления письменного протокола этих нарушений. Данный срок может быть по запросу нарушителя продлен еще на 5 дней для дачи объяснений.

Заслуживает также на наш взгляд рецепции в российское законодательство норма, устанавливающая обязанность публичного уведомления о наказании административных нарушителей в средствах массовой информации Вьетнама. За административные правонарушения в области безопасности пищевых продуктов;

качества продукции и товаров; фармацевтических препаратов; медицинского обследования и лечения; строительства; защиты окружающей среды; ценных бумаг и пр., которые вызывают серьезные или негативные социальные последствия, органы, уполномоченные налагать санкции за административные правонарушения, должны публично уведомить о применении санкций. Публичные уведомления во Вьетнаме должны быть размещены на веб-сайтах или в газетах управленческих агентств на уровне министров или провинций или на уровне провинциальных народных комитетов мест, где совершаются административные нарушения.

Статья 80 КоАП РВ определяет порядок лишения права пользования лицензиями или практическими свидетельствами на определенный срок либо приостановления деятельности на определенный срок. В случае, если лишение права на использование лицензий на определенное время указано в решениях о наложении санкций, лица, обладающие санкционной компетенцией, должны восстановить и сохранить лицензии и незамедлительно уведомить об этом агентства, которые предоставили такие лицензии. По истечении срока лишения лицензии, указанного в решениях о наложении санкций, лица, обладающие полномочиями наложения санкций, должны вернуть лицензии лицам или организациям, которые были лишены права использовать такие лицензии. В случае приостановки деятельности на определенное время нарушители должны немедленно прекратить частично или полностью свои производственные, коммерческие или сервисные операции или другие операции, как указано в решениях о наложении санкций.

Во время лишения права использования лицензий или приостановления деятельности на определенный срок производственные, коммерческие или обслуживающие предприятия Вьетнама не могут проводить операции, указанные в решениях о наложении санкций.

При обнаружении того, что лицензии были предоставлены с превышением полномочий или содержат незаконные сведения, лица, обладающие правомочием наложения санкций, должны незамедлительно вернуть такие лицензии в соответствии со своей компетенцией и одновременно уведомить об этом в письменной форме агентства, которые предоставили такие лицензии.

Таким образом, законодательство об административной ответственности Вьетнама в сфере лицензирования сильно отличается по сравнению с другими государствами. Большим его достоинством является наличие кодифицированного закона – КоАП РВ. В качестве положительного опыта, к которому следовало бы присмотреться и использовать в Российской Федерации можно привести нормы о форс-мажоре, о наличии специального административного наказания в сфере лицензирования и огромной профилактической роли в воздействии на правонарушителей и некоторые другие. В качестве недостатка КоАП РВ хотелось бы отметить отсутствие полного перечня составов административных правонарушений, в том числе в сфере лицензирования.

Список источников

1. Горский В. В., Горский М. В., Май В. Т. Принцип презумпции невиновности в России и Вьетнаме: история развития и современное состояние // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 4. С. 63–70.
2. Епифанова Е. В., Ручка А. С. Административная ответственность в Социалистической Республике Вьетнам // Очерки новейшей камералистики. 2018. № 2. С. 5–7.
3. Жалсанов Б. Ц. Административно-деликтное законодательство Социалистической Республики Вьетнам // Актуальные проблемы административного, финансового, информационного права в России и за рубежом. Материалы межвузовской научной конференции на базе кафедры административного и финансового права Юридического института РУДН. 2018. М., РУДН. С. 105–109.
4. Закон Социалистической Республики Вьетнам от 20 июня 2012 г. № 15/2012 / QH13 «О рассмотрении административных правонарушений» // www.vietlaw.gov.vn.
5. Проект федерального закона Кодекс РФ об административных правонарушениях // <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 24.08.2022).
6. Распоряжение № 44/2002/PL-UBTVQH10 от 02.07.2002 г. «Об административных правонарушениях» // www.vietlaw.gov.vn.
7. Стандзонь Л. В. Лицензионно-разрешительная система: монография. М. : Проспект. 2021. 272 с.
8. Тханг Май Ван. Современная правовая система Вьетнама и проблемы ее модернизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2010.
9. Тханг Май Ван. Расширение законодательной базы о правах и свободах в правовой системе Вьетнама // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2008. № 1. С. 334–343.
10. Федеральный закон от 17.02.1995 № 23-ФЗ «О ратификации Договора об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам» // Собрание законодательства РФ. № 8. 20.02.1995. Ст. 608.
11. Хадисов Г. Х., Жалсанов Б. Ц. Законодательство об административных правонарушениях Вьетнама // Вестник МУ МВД России, 2018. № 2. С. 150–152.
12. Ястребов О. А. Принципы административной ответственности по законодательству Социалистической Республики Вьетнам // Теория и практика общественного развития. 2016. № 1. С. 43–45.

Информация об авторе

Л. В. Стандзонь – доцент кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. V. Standzon – Associate Professor of the Department of Administrative Law and Process of the O.E. Kutafin University (MSLA), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 347.78.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-237-240>

НИОН: 2015-0066-6/22-567

MOSURED: 77/27-011-2022-06-766

Проблемы защиты интеллектуальной собственности в России

Светлана Александровна Устимова¹, Екатерина Николаевна Рассказова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ 7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблематика защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации в условиях формирования цифрового общества и развития гражданского законодательства. Особое внимание уделено развитию подходов по защите интеллектуальных прав в условиях рыночной экономики и формирования Евразийского экономического союза. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития судебных инструментов защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, формировании единого национального органа на базе Минцифры России по охране и защите прав на объект интеллектуальной собственности в Интернете, объединении усилий по защите интеллектуальных прав в рамках функционирования Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: гражданское законодательство, авторское право, защита интеллектуальной собственности, Суд по интеллектуальным правам, Евразийский экономический союз

Для цитирования: Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Проблемы защиты интеллектуальной собственности в России // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 237–240. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-237-240>.

Original article

Problems of intellectual property protection in Russia

Svetlana A. Ustimova¹, Ekaterina N. Rasskazova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ 7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Abstract. The problems of protecting intellectual property in the Russian Federation in the context of the formation of a digital society and the development of civil law are considered. Particular attention is paid to the development of approaches to the protection of intellectual property rights in a market economy and the formation of the Eurasian Economic Union. It is concluded that it is necessary to further develop judicial instruments for protecting copyrights to the results of intellectual activity, to form a single national body on the basis of the Ministry of Digital Development of Russia for the protection and protection of rights to an object of intellectual property on the Internet, to combine efforts to protect intellectual property rights within the framework of the functioning of the Eurasian Economic Union.

Keywords: civil law, copyright, intellectual property protection, Intellectual Property Court, Eurasian Economic Union

For citation: Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Problems of intellectual property protection in Russia. Bulletin of economic security. 2022;(6):237–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-237-240>.

Интеллектуальная собственность представляет собой особый объект гражданских прав, имеющий специфический правовой режим регулирования, характерный исключительно ему. В российском законодательном поле вопросы интеллектуальной собственности изложены, прежде всего, в Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1].

Сформулировать определение интеллектуальной собственности можно как совокупность прав и привилегий юридических и физических лиц на продукты интеллектуальной творческой деятельности. Объекты интеллектуальных прав разделены на две группы: материальные и нематериальные. Согласно ст. 128 ГК РФ интеллектуальная собственность причислена к группе

© Устимова С. А. Рассказова Е. Н., 2022

нематериальных объектов. Объектами в данном случае являются результаты этого интеллектуального творчества. Согласно нормативам любые публикации, независимо от их вида и способа опубликования, должны защищаться законом [7, с. 16].

Из анализа содержания защиты авторских прав можно сделать вывод, что нельзя вторично использовать ту или иную информацию, вместе с тем, Интернет именно для этих целей и предназначен. Пользователи сети копируют музыку, фильмы, пересылают их своим друзьям, знакомым, сохраняют на компьютер. В результате нарушений в данной области с каждым днем становится все больше и больше [2, с. 420].

И при этом все больше проблем, связанных с защитой интеллектуальной собственности возникает в сети Интернет, несмотря на то, что сегодня значение уровня защиты и уникальности интеллектуальной собственности постоянно растет. Углубление данной тенденции связано с распространением информационных технологий и постоянной потребности в инновациях в самых различных сферах общества [5, с. 79].

Необходимо признать, что сегодня в России разработаны и интегрированы для широкого применения глобальные инструменты проверки информации, например, база данных по брендам ВОИС и система TMclass, функционал которой позволяет находить зарегистрированные торговые марки. Технологии блокчейн позволяют подтверждать авторство, а в реестре интеллектуальной собственности фиксировать все стадии жизненного цикла объекта с момента его создания до каждого случая использования в правоприменительной практике. На сегодняшний день утверждена и реализуется Стратегия научно-технологического развития России, цель которой – обеспечить планомерный трансфер, управление и защиту интеллектуальной собственности, разработана дорожная карта IPNet и сетевая платформа, позволяющая на базе использования технологии блокчейн, управлять объектами интеллектуальной собственности [3, с. 45].

Вместе с тем, информационные технологии постоянно совершенствуются и каждый раз государству и общественным объединениям авторов приходится создавать все новые инструменты контроля соблюдения прав на интеллектуальную собственность и ее защиты. Считаем, что сегодня необходима централизация и объединение функций в отношении охраны и защиты прав на объект интеллектуальной собственности в Интернет в рамках единого национального органа, который может быть создан на базе Минцифры России.

Основой для процесса охраны и защиты прав на объект интеллектуальной собственности являются конституционные нормы и положения гражданского законодательства. Анализ нормативных подходов позволяет выделить использование двух форм защиты прав на использование интеллектуальной собственности, а именно: юрисдикционная форма и неюрисдикционная. В первой ситуации процесс защиты осуществляется

имеющими полномочия в сфере применения прав государственными органами в общем или особом порядке проведения соответствующих процедур. Деятельность по защите прав на интеллектуальную собственность в общем порядке реализуется судебными инстанциями, в то время как при особом порядке выстраивается защита прав в административной форме. Очевидно, что общий порядок защиты подразумевает обращение в суд [6, с. 246].

В процессе административной защиты прав на использование интеллектуальной собственности усилия правообладателей направлены на получение патента, по этой причине обращения происходят в Роспатент. В случае разбирательства на тему засекреченных разработок и прочего к данному процессу присоединяются представители правоохранительных органов, связываясь с Роспатентом и другими государственными инстанциями. В ситуации правонарушения, которая связана с проявлениями нечестной конкуренции, защитой интеллектуальной собственности занимается Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России).

Если Роспатент, а также другие уполномоченные государственные инстанции бездействуют, то требуется обратиться за квалифицированной помощью в суд. Особенности такого судебного процесса можно считать: первоначальное обращение лица, права которого подверглись нарушению, в судебную инстанцию, а затем на основании п. 2 ст. 11 ГК РФ реализация защиты гражданских прав в административной форме. В ст. 1248 ГК РФ представлен перечень нормативных положений о процессе защиты в суде и в административной форме нарушенного или оспоренного права на интеллектуальную собственность. Разбирательства на тему защиты интеллектуальной собственности в суде могут происходить для любого рода отношений, касающихся интеллектуальной собственности.

Процесс обжалования решения Роспатента относительно споров, связанных с нарушением прав на интеллектуальную собственность, рассмотренных в административной форме, реализуется в специальной судебной инстанции, а именно в Суде по интеллектуальным правам. Данный орган является первой и кассационной инстанцией в рассмотрении разбирательств в сфере защиты интеллектуальной собственности в отношении ноу-хау и патентов, как наиболее сложных областей авторского права.

Вместе с тем, по данной причине существуют вопросы методологического и практического характера относительно отсутствия апелляционной инстанции, так как такая ситуация стимулирует процесс выхода за границы классических процессуальных процессов. Считаем, что необходимо изменение действующих норм и определение апелляционной инстанции в вопросах защиты интеллектуальной собственности. При этом необходимо исходить из того, что один судебный орган не может являться одновременно первой инстанцией

и кассационной, полностью объединяя весь судебный процесс на различных стадиях разбирательства. В качестве апелляционной или кассационной инстанций в делах, которые изначально рассматривались Судом по интеллектуальным правам может выступать Верховный Суд РФ. Целесообразно рассматривать Суд по интеллектуальным правам в статусе суда апелляционной или кассационной инстанции только по тем спорам, которые уже рассматривались арбитражными судами субъектов РФ по первой инстанции или же апелляционными судами.

Особенно многоступенчатый характер защиты необходим в условиях приспособления к вызовам глобальной цифровой экономики, когда постоянно увеличивается скорость аккумуляции, распространения, обмена информацией, активизируется поток создания новых приложений, электронных пособий, онлайн-игр. Информационные площадки в виде социальных мессенджеров, медиапространств, сайтов-агрегаторов и магазинов могут содержать значительное число уникальных идей и инноваций, что требует решения вопроса не только об их последующей коммерциализации, но и правовой защите в структуре перманентно меняющейся информационной среды [4, с. 43].

Еще одним важным аспектом в защите интеллектуальных прав выступает ее обеспечение в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Согласно нормативным требованиям таможенные органы предпринимают предусмотренные законодательством стран-участниц ЕАЭС меры, направленные на защиту интеллектуальных прав в отношении группы объектов, помещенных под таможенную процедуру. Для реализации мер защиты важно, чтобы объекты интеллектуальной собственности, в контексте которых применяется таможенная процедура, входили в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, систематизированный в рамках либо мирового сообщества, либо составленный компетентными органами публичной власти национального государства-члена [8, с. 61].

В отдельных случаях допускается применение мер защиты со стороны таможенных органов в отношении объектов интеллектуальной собственности, не включенных в реестр, если это предусмотрено государством-членом ЕАЭС. Правообладателю при этом не запрещено самостоятельно предпринимать ряд действий, направленных на защиту своих интеллектуальных прав с учетом соблюдения норм законодательства, предусмотренного государством-членом ЕАЭС.

Отметим, что меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности не распространяются на следующие товары:

- товары, которые будут использоваться дипломатическими представительствами или консульскими учреждениями;
- товары, которые необходимы для международных организаций;

– товары, которые являются принципиальными при представительстве государств в рамках международных организаций.

С учетом вышесказанного вопрос всестороннего регулирования и контроля защиты прав на объекты интеллектуальной собственности видится неоспоримым, что признается как мировым сообществом, так и непосредственно системой государственных органов власти Российской Федерации, предусмотревших ряд механизмов, направленных на защиту данных прав. В этом смысле эффективное функционирование института таможенного регулирования выступает одним из ключевых аспектов, поскольку позволяет обеспечить права и интересы правообладателя в рамках евразийской интеграции. Именно поэтому является важным детерминировать взаимоотношения не только внутри российского пространства, которые возникают на базе использования объектов интеллектуальной собственности, но и при их перемещении через границы Российской Федерации с тем, чтобы защита прав и свобод всех участников таможенных процедур были максимально соблюдены с учетом имеющегося законодательства.

Таким образом, правоотношения, возникающие на базе создания, распространения и использования объектов интеллектуальной собственности, носят сложный и многоступенчатый характер, поскольку в условиях распространения информационно-технологических процессов и средств цифровизации вопрос защиты и грамотного управления объектами интеллектуальной собственности приобретают особую роль. Несмотря на определенные успехи в отношении создания нормативной правовой базы, формирования судебных органов по защите прав интеллектуальной собственности, использования инновационных технологий, необходимо выделить следующие направления для совершенствования в рассматриваемой сфере: дальнейшее развитие судебных инструментов защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, формирование единого национального органа на базе Минцифры России по охране и защите прав на объект интеллектуальной собственности в Интернет, объединение усилий по защите интеллектуальных прав в рамках функционирования ЕАЭС.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, четвертая. М. : Омега-Л, 2020. 624 с.
2. Александров А. Ю., Апухтин А. В. Проблемные аспекты защиты авторских прав на произведения интеллектуальной собственности, распространенные в сети Интернет // Заметки ученого. 2021. № 8. С. 419–423.
3. Гетман А. Г. Основные направления повышения эффективности защиты интеллектуальной собственности в деятельности бизнеса и государства на современном этапе // в сб. : Защита интеллектуальной собствен-

ности в деятельности бизнеса и государства. Сборник докладов. СПб., 2021. С. 43–49.

4. Ефремова Т. Ю. Защита инноваций как объектов интеллектуальной собственности // Правовая позиция. 2021. № 12 (24). С. 42–46.

5. Камашева М. Г. Защита интеллектуальной собственности: правовые аспекты и значение для индустрии ИКТ // Человек. Социум. Общество. 2022. № 11. С. 78–82.

6. Рарова Е. С. Проблема защиты прав интеллектуальной собственности // Трибуна ученого. 2021. № 2. С. 245–250.

7. Харииков С. В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности в России // Юридический факт. 2021. № 138. С. 15–17.

8. Шугурова И. В., Шугуров М. В. Защита прав интеллектуальной собственности в контексте развития цифровых платформ: перспективы для ЕАЭС // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 60–63.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation. Parts one, two, three, four. M. : Omega-L, 2020. 624 p.

2. Alexandrov A. Yu., Apukhtin A. V. Problematic aspects of copyright protection for intellectual property

works distributed on the Internet // Notes of the scientist. 2021. No. 8. P. 419–423.

3. Hetman A. G. The main directions of increasing the effectiveness of intellectual property protection in the activities of business and the state at the present stage // in the collection: Protection of intellectual property in the activities of business and the state. Collection of reports. Saint Petersburg, 2021. P. 43–49.

4. Efremova T. Yu. Protection of innovations as objects of intellectual property // Legal position. 2021. No. 12 (24). P. 42–46.

5. Kamasheva M. G. Protection of intellectual property: legal aspects and significance for the ICT industry // Man. Society. Society. 2022. No. 11. P. 78–82.

6. Rarova E. S. The problem of intellectual property rights protection // Tribune of the scientist. 2021. No. 2. P. 245–250.

7. Kharikov S. V. Constitutional and legal protection of intellectual property in Russia // Legal fact. 2021. No. 138. P. 15–17.

8. Shugurova I. V., Shugurov M. V. Protection of intellectual property rights in the context of the development of digital platforms: prospects for the EAEU // Eurasian Legal magazine. 2021. No. 8 (159). P. 60–63.

Информация об авторах

С. А. Устимова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. Н. Рассказова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. A. Ustimova – Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. N. Rasskazova – Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 34.342.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-241-243>

НИОН: 2015-0066-6/22-568

MOSURED: 77/27-011-2022-06-767

О некоторых вопросах реализации государственной политики в сфере мониторинга и защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет

Инна Викторовна Федорова¹, Яна Вадимовна Сухинина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ karnavalinna73@mail.ru

² sukhinina_yana@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ реализации государственной политики в сфере мониторинга и защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также проблемы и пути решения. Защита несовершеннолетних от действий деструктивного и противоправного характера является одним из наиболее приоритетных направлений государственной политики, включая информацию, причиняющую вред их здоровью и развитию. Данный вопрос базируется, прежде всего, на практике применения определенных методик мониторинга и защиты несовершеннолетних в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: несовершеннолетние, информация, сеть Интернет, здоровье, развитие, защита, вред, мониторинг, методики

Для цитирования: Федорова И. В., Сухинина Я. В. О некоторых вопросах реализации государственной политики в сфере мониторинга и защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 241–243. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-241-243>.

Original article

About some issues of the implementation of the state policy in the sphere of monitoring and protection of minors from information harmful to their health and development in the information and telecommunication network Internet

Inna V. Fedorova¹, Yana V. Sukhinina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ karnavalinna73@mail.ru

² sukhinina_yana@mail.ru

Abstract. The analysis of the implementation of the state policy in the field of monitoring and protection of minors from information harmful to their health and development in the information and telecommunications network Internet, as well as problems and ways to solve them, is being conducted. Protection of minors from actions of a destructive and illegal nature is one of the highest priority areas of state policy, including information that is harmful to their health and development. This issue is based, first of all, on the practice of applying certain methods of monitoring and protecting minors in the virtual space.

Keywords: minors, information, Internet, health, development, protection, harm, monitoring, methods

For citation: Fedorova I. V., Sukhinina Ya. V. About some issues of the implementation of the state policy in the sphere of monitoring and protection of minors from information harmful to their health and development in the information and telecommunication network Internet. Bulletin of economic security. 2022;(6):241–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-241-243>.

В настоящее время вопросы защиты несовершеннолетних от различных посягательств выступают одними из важнейших направлений государственной политики. Такое положение не является случайным и обусловлено

необходимостью применения повышенных мер охраны и защиты по отношению к подрастающему поколению. С повсеместным распространением сети Интернет несовершеннолетние подвергаются несанкционированно-

© Федорова И. В., Сухинина Я. В., 2022

му воздействию информации, которая может нести вред их здоровью и развитию. В данном случае, особенно актуально рассматривать вопросы совершенствования методик мониторинга и защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в контексте развития общего механизма защиты от негативного информационного воздействия.

Мониторинг и защита несовершеннолетних от информационного воздействия базируется на положениях действующего законодательства, и, прежде всего, Конституции Российской Федерации [1, ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 22, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 45].

Реализация прав и свобод ребенка основана на нормах международного и национального права. При этом, отталкиваясь от общих норм, относительно прав человека, перенося их на ребенка с учетом возрастных особенностей, следует отметить особенности и признаки механизма защиты прав:

- формирование конкретной правовой базы по данным вопросам;
- наличие повышенных правовых гарантий, кроме того, имеет место взаимодействие значительного количества субъектов, осуществляющих защиту прав ребенка;
- применяется установленный перечень юридических процедур;
- тесное взаимодействие правовых предписаний с иными нематериальными элементами (моральными, правовой культурой, правовым поведением и др.);
- государство выступает правовым гарантом обеспечения соответствующих прав несовершеннолетних.

Существуют и специальные гарантии, направленные на соблюдение и реализацию прав несовершеннолетних. К ним следует отнести:

- деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по вопросам обеспечения безопасности и правопорядка, в том числе в информационной сфере;
- различные средства правовой защиты;
- установление мер юридической ответственности;
- пресекательные и профилактические мероприятия, проводимые уполномоченными органами государственной власти;
- меры судебной защиты нарушенных прав.

Защита прав ребенка в информационной сфере, в сети Интернет, имеет определенные нюансы, обусловленные тем, что большое значение приобретает деятельность соответствующих органов и должностных лиц, а не только родителей (законных представителей). Такое положение следует объяснить тем, что несовершеннолетние, не обладая достаточной степенью психической зрелости, не могут самостоятельно защитить свои интересы в силу возрастных особенностей.

Очевидно, защита прав ребенка выражается в системе целенаправленных действий субъектов, обладающих определенными характерными признаками, что позволяет выделить особенности обеспечения информационной безопасности. В средствах защиты можно

выделить два основания классификации: материально-правовые; процессуальные.

Представляется допустимым осуществить классификацию средств защиты прав несовершеннолетних в сети Интернет: 1) гражданско-правовые; 2) административного характера (в том числе ст.ст. 6.17, 6.21, 6.27, 14.3, КоАП РФ и др.) [2]; 3) меры уголовного принуждения (ст.ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ и др.) [3].

Как правило, если дело в итоге разрешается в порядке судебного разбирательства, суд соразмерно применяет меры ответственности. Обеспечение безопасности и защиты здоровья детей, их развития, в сети Интернет должно принимать во внимание специальные нормы, связанные с данным направлением: 1) ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ № 436). Согласно п. 4 ст. 2 под информационной безопасностью понимается состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и развитию (физическому, психическому, духовному, нравственному) [4]; 2) Концепция информационной безопасности детей [5] и др.

Осуществление охраны и защиты несовершеннолетних и их здоровья, развития, в связи с информационным взаимодействием в сети Интернет, находится в зависимости непосредственно от родителей (законных представителей, опекунов), а также представителей соответствующих правоохранительных органов.

В положениях ФЗ № 436, а именно главах 4-6 установлены особенности экспертизы информационной продукции, а также меры по надзору и контролю в исследуемой сфере, предусмотрены (определены) меры ответственности. Между тем, на сегодняшний день, отсутствует единая методика мониторинга и защиты несовершеннолетних от негативного информационного воздействия в сети Интернет.

Действующее законодательство устанавливает требования к экспертизе информационной продукции (гл. 4 ФЗ № 436), действует Порядок проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей [6]. Данный правовой акт распространяет свое действие на определенные организации, прошедшие аккредитацию в установленном законом порядке.

Между тем, единые подходы к мониторингу информации не обеспечены, а также не установлены особенности межведомственного взаимодействия уполномоченных органов. К числу государственных органов, осуществляющих мониторинг и контроль за оборотом информации и информационной продукции, следует отнести: МВД России, ФАС России, Роскомнадзор, Роспотребнадзор и др.

Следует согласиться с позицией М. С. Власенко в части того, что обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних возможно исключительно в условиях четкого распределения обязанностей и полномочий [7].

Действительно, двоякие трактовки, отсутствие правовой определенности в отдельных вопросах по обеспе-

чению информационной безопасности детей, негативно влияет на общую обстановку и не позволяют реализовать эффективно те меры, которые уже закреплены на сегодняшний день на законодательном уровне.

Подводя итоги, следует отметить, что назрела необходимость в формировании единой методики мониторинга и защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Наличие многочисленных нормативных правовых актов в исследуемой сфере (законы и подзаконные акты), не способствуют эффективному правоприменению. Необходимо разработка единого, комплексного подхода, при этом подобный подход должен учитывать и вопросы межведомственного взаимодействия в данной сфере.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 48.
5. Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» // Собрание законодательства РФ. 07.12.2015. № 49. Ст. 7055.
6. Приказ Минкомсвязи России от 29.08.2012 № 217 «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения

информационной безопасности детей» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.10.2012 № 25682) // Российская газета. № 245. 24.10.2012.

7. Власенко М. С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети интернет: современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. 2019. Т. 1. № 3. С. 98–105.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954.
4. Federal Law No. 436-FZ of December 29, 2010 «On the protection of children from information that harms their health and development» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.01.2011. No. 1. Art. 48.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.12.2015 No. 2471-r «On approval of the Concept of information security of children» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.12.2015. No. 49. Art. 7055.
6. Order of the Ministry of Communications of Russia dated 29.08.2012 No. 217 «On approval of the procedure for the examination of information products in order to ensure the information security of children» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 16.10.2012 No. 25682) // Rossiyskaya Gazeta. № 245. 24.10.2012.
7. Vlasenko M. S. Ensuring the information security of minors on the Internet: the current state and improvement of legal regulation // Bulletin of the V.N.Tatishchev Volga State University. 2019. Vol. 1. No. 3. P. 98–105.

Информация об авторах

И. В. Федорова – доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Я. В. Сухинина – курсант 282 учебного взвода факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. V. Fedorova – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

Ya. V. Sukhinina – Cadet of the 282nd training platoon of the Faculty of training police officers for units for the protection of public order of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-244-248>

ИДОН: 2015-0066-6/22-569

MOSURED: 77/27-011-2022-06-768

Предупреждение преступности в Республике Сингапур

Мария Павловна Хайлова¹, Виктор Анатольевич Шестак²

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

¹ miahailova@gmail.com

² shestak.v.a@mgimo.ru

Аннотация. Статья посвящена способам предупреждения и профилактики преступности, затрагивающей различные интересы сингапурского общества и государства. Авторами была предпринята попытка изучения комплекса принимаемых мер, способствующих низкому уровню преступности в Республике Сингапур. Анализируется опыт системного влияния на преступность в Сингапуре, с помощью которого государство стремится минимизировать криминальную составляющую. В рамках работы рассматриваются различные методы и условия, оказывающие воздействие на преступность, в том числе правоохранные, экономические и культурные.

Ключевые слова: предупреждение преступности, профилактика, Республика Сингапур

Для цитирования: Хайлова М. П., Шестак В. А. Предупреждение преступности в Республике Сингапур // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 244–248. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-244-248>.

Original article

Crime prevention in the Republic of Singapore

Maria P. Khaylova¹, Viktor A. Shestak²

^{1,2} Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ miahailova@gmail.com

² shestak.v.a@mgimo.ru

Abstract. This article focuses on ways to prevent crime affecting various interests of Singapore society and the state. The authors of this article has attempted to identify the causes and measures that contribute to the low crime rate in the Republic of Singapore. The article provides analysis of the experience of systemic influence on crime in Singapore, through which the state seeks to minimize the criminal component. The article provides various methods and conditions that influence crime, including law enforcement, economic, and cultural.

Keywords: crime prevention, crime fighting, Singapore

For citation: Khaylova M. P., Shestak V. A. Crime prevention in the Republic of Singapore. Bulletin of economic security. 2022;(6):244–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-244-248>.

Республика Сингапур, по мнению полиции этой страны, представляет собой одно из безопасных государств в мире. Так, в сопоставлении с соседней Малайзией количество зарегистрированных преступлений в 2020 году составило 37,273 против 65,623 [1]. Однако в 2021 году в Сингапуре коэффициент преступности на 100 000 населения республики увеличился с 656 до 847 [2]. В натуральных показателях в период 2020–2021 гг. также наблюдается рост общего числа зарегистрированных преступлений с 37,273 до 46,196. Такая си-

туация обусловлена увеличением на 52,9 % (с 15,651 до 23,931) мошенничеств. При этом, если не учитывать случаи мошенничества и киберпреступления, которые составляют 51,8 % от совокупного числа преступлений, то общее количество зарегистрированных преступлений в период 2020–2021 гг. снизилось на 1,0 % (с 19 498 до 19 303). В 2021 году также снизилось количество преступлений с применением физической силы. Количество хищений уменьшились на 8,0 % (с 7,437 до 6,843).

© Хайлова М. П., Шестак В. А., 2022

Такое положение в значительной степени объясняется постоянными усилиями полиции и общества по предупреждению преступлений, присутствием полиции на местах и использованием технологий для сдерживания преступности. Так, в 1977 году в полиции Сингапура (SPF) был сформирован Отдел по предупреждению преступности при Департаменте уголовного розыска (CID). Основной его задачей являлась защита населения и имущества от преступлений. В 1981 году отдел был преобразован в Подразделение по предупреждению преступности (CPD). Одновременно были инициированы несколько проектов по предупреждению преступности: сформированы комитеты по предупреждению преступности (CPC), проведено исследование риска преступности, проведены операции по идентификации преступников, а также была сформирована общественная инициатива «Граждане в патрулировании», суть которой - пешее патрулирование для обеспечения охраны общественного порядка на регулярной основе.

В Сингапуре с 1981 года действует Сингапурский национальный совет по предупреждению преступности (NCPC), который представляет собой некоммерческую организацию, деятельность которой нацелена на повышение осведомленности общественности о преступности, а также поощрение индивидуальной ответственности в предупреждении преступности [3]. Совет организует взаимодействие между общественными организациями и государственными органами, включая полицию, в сфере борьбы с преступностью, а также обеспечивает работу интернет-портала Scam Alert [4], на электронной странице которого размещаются истории потерпевших от действий преступников.

Основное направление взаимодействия полиции и общества основано на взаимном сотрудничестве. Население убеждают и поощряют оказывать помощь полиции, брать на себя ответственность как индивидуально, так и совместно с другими людьми за обеспечение своей безопасности, безопасности своего имущества и своего района. Фундаментом такого сотрудничества служит понимание того, что профилактика преступности является заботой общества. Меры по предупреждению преступлений, принимаемые обществом, могут ограничить и уменьшить возможности для совершения последних, так как усилия полиции не принесут желаемых результатов, если общество будет пассивно стоять в стороне, ошибочно полагая, что ответственность за преступность лежит исключительно на полиции [5].

Одной из причин низкого уровня преступности является осведомленность населения Сингапура о преступлениях. Информация, например, о случаях киберпреступлений с 2015 года размещается как в печатных, так и в вещательных СМИ, в том числе на рекламных щитах и в социальных сетях. Упомянутый веб-сайт Scam Alert был создан именно для того, чтобы предоставить возможность общественности поделиться своим опытом в выявлении схем мошенников. В Сингапуре пред-

усмотрена Служба помощи против мошенников, куда можно сообщить о факте мошенничества. Вдобавок для целей осведомленности и просвещения населения о том, как не поощрять преступность, имеется транслируемая по телевидению программа, рассматривающая схемы мошенничества, тактики серийных грабежей и другие виды преступления. В сентябре 2016 года Сингапур запустил мобильное приложение SGSecure [6], предназначенное для подготовки сообщества к противостоянию угрозе терроризма. «SGSecure – это ответ сингапурского общества на угрозу терроризма. Это движение за повышение устойчивости общества и призыв к действию для всех членов многорасового, многоконфессионального общества объединиться, чтобы защитить Сингапур и образ жизни», – опубликовано на сайте. Данное приложение позволяет общественности получать предупреждения во время террористических атак или других чрезвычайных ситуаций, угрожающих общественной безопасности, отправлять информацию властям и загружать информацию о борьбе с терроризмом.

Такие преступления, как кража или грабеж случаются крайне редко, как минимум из-за того, что в Сингапуре предусмотрена достойная оплата труда и поскольку все жители ценят как право на жизнь, так и право собственности, то преступления, посягающие на них, вызывают отвращение и всегда являются предметом особой озабоченности граждан.

Следует признать, что Сингапур является одним из наименее коррумпированных государств мира, что является заслугой первого премьер-министра Республики Сингапур Ли Куан Ю. Победить коррупцию и выбиться в мировые лидеры экономического развития Сингапур смог за счет политической воли лидеров и грамотного антикоррупционного законодательства [7]. Была разработана система мер по предотвращению, выявлению и пресечению коррупционных правонарушений, приняты законы, направленные на борьбу с коррупцией, например, Закон о предотвращении коррупции 1960 года [8], Закон о коррупции, незаконном обороте наркотиков и других тяжких преступлениях 1992 года [9]. Созданы специализированные правоохранительные органы, к чьим функциям относится борьба с данным преступлением.

Главной причиной низкого уровня преступности является то, что в Сингапуре строгое соблюдение законов и, соответственно, надзор за их исполнением. В частности, в законодательстве предусмотрены очень суровые наказания, даже если преступление «мелкое», что, в свою очередь, удерживает людей от «неверного» пути. Как-никак закон в Сингапуре действительно неотвратим и избежать наказания «договорившись» не получится. В Сингапуре до сих пор остаются телесные наказания, длительные тюремные заключения и смертная казнь. Большинство граждан Сингапура и проживающих в нем иностранцев убеждены, что смертная казнь по сравнению с пожизненным заключением является

более эффективным инструментом предотвращения преступлений [10]. Так, например, в 1973 году в Сингапуре было зафиксировано 170 вооруженных разбойных нападений, а после введения смертной казни, их количество стремительно уменьшалось. В конце концов не было зафиксировано ни одного случая подобного преступления до настоящего времени. Высшая мера наказания не просто формально закреплена, а действительно применяется к лицам, которые, например, совершили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, вооруженным нападением, попыткой совершения теракта, умышленным убийством. Таким образом, прослеживается репрессивность уголовного законодательства Сингапура.

Незаконный оборот наркотиков и злоупотребление ими все еще остаются серьезной проблемой для Сингапура. Центральное бюро по борьбе с наркотиками (CNB) является основным органом по борьбе с наркотиками в Сингапуре [11]. Закон о злоупотреблении наркотиками 1973 года [12] является основным законом о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, который был принят в целях укрепления системы борьбы с наркотиками, правоприменения, а также усиления режима реабилитации наркозависимых. В Сингапуре действует всеобъемлющая стратегия контроля за оборотом, распространением и потреблением наркотиков, которая включает в себя просвещение населения, местное и международное участие, твердые законы и программы реабилитации. Стратегия Сингапура в области контроля над наркотиками направлена на сокращение как предложения, так и спроса на наркотики. В 2018 году был проведен опрос местных жителей об отношении к политике Сингапура по борьбе с наркотиками, в результате была обнаружена сильная поддержка политики нулевой терпимости к наркотикам и жесткая позиция в отношении неотвратимости наказания за их применение и распространение.

В рамках общественной инициативы Polkam, в Сингапуре предусмотрена широкая сеть полицейских видеокамер, которая помогает бороться с преступностью, повышает безопасность районов и общественных мест [13].

Сингапур имеет репутацию одного из самых безопасных городов мира. Насильственные преступления в Сингапуре редки - по состоянию на 2021 год на 100 тысяч населения приходилось девять таких преступлений [14]. Одной из причин этого, как уже говорилось, может быть суровое наказание для преступников, а также строгий запрет на владение оружием для тех, кто не служит в правоохранительных органах.

Говоря о террористических угрозах, в Сингапуре действует Закон о внутренней безопасности 1960 года [15], который позволяет правительству действовать упреждающе. Одной из ключевых особенностей закона является «превентивное задержание», то есть он дает право без суда задерживать лиц, подозреваемых в потенциальном участии в терроризме, на срок до двух лет.

Правительство страны проявляет особую бдительность и разрабатывает меры по предотвращению террористических актов путем борьбы с терроризмом, контрразведки, поддержания расовой и религиозной гармонии, защиты от иностранного вмешательства.

Если рассматривать проблему отмывания денег и финансирования терроризма (ПОД/ФТ), то Сингапур применяет общегосударственный подход к борьбе с данными преступлениями. Это возложено на Руководящий комитет по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма [16]. Одной из целей политики Сингапура в данной области является выявление, пресечение и предотвращение легализации денежных средств, сопутствующих предикатных преступлений, возможностей и фактов финансирования терроризма. Усилия сосредоточены на наличии и исполнении выработанной правовой базы, нетерпимости к коррупции, эффективном мониторинге и т. д.

Стоит отметить, что киберпреступность является наиболее серьезной проблемой Сингапура на данный момент. Существует многочисленные инициативы, в свою очередь, в 2016 был принят Национальный план действий Сингапура по борьбе с киберпреступностью [17], которым предусмотрена стратегия по борьбе с киберпреступностью. Подробно описаны текущие усилия правительства, а также планы на будущее по эффективному противодействию угрозе киберпреступности. Для достижения безопасной и надежной онлайн-среды правительство принимает многовекторную стратегию.

Национальные усилия по формированию и координации национальной политики и программ по предотвращению торговли людьми и борьбе с ней возглавляет Межведомственная целевая группа по борьбе с торговлей людьми Сингапура. На региональном и глобальном уровнях Сингапур активно участвует в платформах по борьбе с торговлей людьми, чтобы повысить осведомленность глобального и регионального сообщества об усилиях и успехах Сингапура в этой области. Так, в 2012 году был запущен Национальный план действий Сингапура по борьбе с торговлей людьми с 2012 по 2015 год. Завершив реализацию этих инициатив, в марте 2016 года Целевая группа запустила Национальный подход к борьбе с торговлей людьми 2016–2026. Такой подход устанавливает следующие ключевые стратегии и результаты: общественность знает о совершенных преступлениях и активно предпринимает шаги для их предотвращения и пресечения; государственные служащие хорошо обучены, компетентны и профессиональны; система уголовного правосудия эффективно и комплексно реагирует на каждое преступление; создана надлежащая система поддержки жертв преступлений; обеспечивается партнерство между государственными органами и общественностью.

Таким образом, достаточно низкий уровень преступности в Сингапуре достигнут благодаря сочетанию мер сдерживания или устрашения, принуждения к со-

блюдению законов и реабилитации в рамках эффективной системы уголовного правосудия. Сдерживание, в свою очередь, обеспечивается жесткими законами, неподкупными правоохранительными органами и гуманной исправительной системой. Борьба с угрозами безопасности ведется не только своевременно разработанными законодательными инструментами, но и при активном участии общества, которое надлежащим образом осведомлено о преступности и помогает полиции.

Список источников

1. Crime statistics, Malaysia, 2020 // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemedByCat&cat=455&bul_id=UFZxVnpONEJqUU5pckJlBzIXeEJ1UT09&menu_id=U3VPMldoYUxzVzFaYmNkWXZteGduZz09 (дата обращения: 21.03.2020).

2. Annual crime brief 2021 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.police.gov.sg/media-room/statistics> (дата обращения: 20.03.2020).

3. Серия университетских модулей. Предупреждение преступности и уголовное правосудие. Модуль 2 // ООН. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

4. Scam Alert Singapore // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.scamalert.sg> (дата обращения: 19.03.2020).

5. Crime Prevention: The Singapore Approach // Material Series No. 56, P 140-150, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No56/No56_15VE_Singh2.pdf (дата обращения: 19.03.2020).

6. SGSecure // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sgsecure.gov.sg> (дата обращения: 19.03.2020).

7. Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000 годы: из третьего мира – в первый. М. : МГИМО-Университет. 2-е изд. 2010. Глава 12. Борьба с коррупцией. С. 153–167.

8. Prevention of Corruption Act 1960 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960> (дата обращения: 19.03.2020).

9. Corruption, Drug Trafficking and Other Serious Crimes (Confiscation of Benefits) Act 1992 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CDTOSCCBA1992> (дата обращения: 19.03.2020).

10. Большинство жителей Сингапура поддерживают наличие смертной казни // «ТАСС». [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9635547> (дата обращения: 21.03.2020).

11. Keeping Singapore drug-free // Ministry of home affairs. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mha.gov.sg/what-we-do/keeping-singapore-drug-free> (дата обращения: 19.03.2020).

12. Misuse of Drugs Act 1973 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/MDA1973> (дата обращения: 19.03.2020).

13. Иммиграция в Сингапур – в страну с низким уровнем преступности // [Электронный ресурс]. – URL: <https://internationalwealth.info/immigration-and-emigration-offshore/immigration-to-the-country-with-low-level-of-crime-singapore/> (дата обращения: 19.03.2020).

14. Crime rates in Singapore 2012–2021 // Statista. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.statista.com/statistics/628339/crime-rates-in-singapore/> (дата обращения: 19.03.2020).

15. The Internal Security Act 1960 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/ISA1960> (дата обращения: 19.03.2020).

16. Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism Steering Committee // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mha.gov.sg/what-we-do/managing-security-threats/countering-the-financing-of-terrorism/policy-on-anti-money-laundering-and-countering-the-financing-of-terrorism> (дата обращения: 19.03.2020).

17. Singapore's National Cybercrime Action Plan // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mha.gov.sg/mediaroom/press-releases/launch-of-the-national-cybercrime-action-plan/> (дата обращения: 19.03.2020).

References

1. Crime statistics, Malaysia, 2020 // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemedByCat&cat=455&bul_id=UFZxVnpONEJqUU5pckJlBzIXeEJ1UT09&menu_id=U3VPMldoYUxzVzFaYmNkWXZteGduZz09 (accessed: 21.03.2020).

2. Annual crime brief 2021 // Singapore Police Force. [Electronic resource]. – URL: <https://www.police.gov.sg/media-room/statistics> (accessed: on 20.03.2020).

3. University module series. Crime prevention and criminal justice. Module 2 // UN. [Electronic resource]. – URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf (accessed: 19.03.2020).

4. Scam Alert Singapore // [Electronic resource]. URL: <https://www.scamalert.sg> (accessed: 19.03.2020).

5. Crime Prevention: The Singapore Approach. 56, P 140-150, 2000. [Electronic resource]. – URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No56/No56_15VE_Singh2.pdf (accessed: 19.03.2020).

6. SGSecure // [Electronic resource]. – URL: <https://www.sgsecure.gov.sg> (accessed: 19.03.2020).

7. Lee Kuan Yew. Singaporean History: 1965-2000: From the Third World to the First. M. : MGIMO-University. 2nd ed. 2010. Chapter 12. The fight against corruption. С. 153–167.

8. Prevention of Corruption Act 1960 // [Electronic resource]. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960> (accessed: 19.03.2020).

9. Corruption, Drug Trafficking and Other Serious Crimes (Confiscation of Benefits) Act 1992. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CDTOSCCBA1992> (accessed: 09.03.2020).

10. Most Singaporeans support the death penalty // TASS. [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/9635547> (accessed: 21.03.2020).

11. Keeping Singapore drug-free // Ministry of home affairs [Electronic resource]. – URL: <https://www.mha.gov.sg/what-we-do/keeping-singapore-drug-free> (accessed: 19.03.2020). Text: electronic.

12. Misuse of Drugs Act 1973 // [Electronic resource]. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/MDA1973> (accessed: 19.03.2020).

13. Immigration to Singapore – a country with low crime rate // [Electronic resource]. – URL: <https://internationalwealth.info/immigration-and-emigration-offshore/immigration-to-the-country-with-low-level-of-crime-singapore/> (accessed: 19.03.2020).

14. Crime Rates in Singapore 2012-2021 // Statista. [Electronic resource]. – URL: <https://www.statista.com/statistics/628339/crime-rates-in-singapore/> (accessed: 19.03.2020).

15. The Internal Security Act 1960 // [Electronic resource]. – URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/ISA1960> (accessed: 19.03.2020).

16. Anti-Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism Steering Committee // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mha.gov.sg/what-we-do/managing-security-threats/countering-the-financing-of-terrorism/policy-on-anti-money-laundering-and-countering-the-financing-of-terrorism> (accessed: 19.03.2020).

17. Singapore's National Cybercrime Action Plan // [Electronic resource]. – URL: <https://www.mha.gov.sg/mediaroom/press-releases/launch-of-the-national-cybercrime-action-plan/> (accessed: 19.03.2020).

Информация об авторах

М. П. Хайлова – кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, бакалавр права, соискатель магистерской степени;

В. А. Шестак – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. P. Khailova – Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Bachelor of Law, Master's degree Applicant;

V. A. Shestak – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-249-252>

НИОН: 2015-0066-6/22-570

MOSURED: 77/27-011-2022-06-769

Ограничение как понятие общей теории права

Анастасия Вячеславовна Хвостова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, anastasiya_hvostova97@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент **Г. М. Лановая**

Аннотация. Обосновывается, что ограничение не имеет правовой природы и в самом общем виде представляет собой деятельность акт, устанавливающий рамки, границы или условия действия. Делается вывод о том, что ограничение существует в праве в различных формах и в разных проявлениях. Предлагается рассматривать ограничения в качестве факта правовой реальности и идеи правосознания.

Ключевые слова: право, ограничение, правовое ограничение, ограничение в праве, ограничение прав, ограничение свободы, юридические ограничения

Для цитирования: Хвостова А. В. Ограничение как понятие общей теории права // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 249–252. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-249-252>.

Original article

Restriction as a concept of the general theory of law

Anastasia V. Khvostova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

anastasiya_hvostova97@mail.ru

Scientific supervisor: Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the

Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor **G. M. Lanovaya**

Abstract. It is substantiated that a restriction does not have a legal nature, and in its most general form is an activity act that establishes framework, boundaries or conditions for action. It is concluded that a restriction exists in law in various forms and manifestations. It is proposed to consider a restriction as a fact of legal reality and the idea of legal consciousness.

Keywords: right, restriction, legal restriction, restriction in law, restriction of rights, restriction of freedom, legal restrictions

For citation: Khvostova A. V. Restriction as a concept of the general theory of law. Bulletin of economic security. 2022;(6):249–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-249-252>.

Понятие «ограничение» можно считать одним из базовых в теории права, поскольку действие права неразрывно связано с ограничением свободы его субъектов. Вместе с тем, несмотря на очевидную востребованность и актуальность изучения ограничения в общетеоретическом аспекте, исходя из обобщенных представлений о его природе и назначении, именно в этом ракурсе оно в общей теории права практически не рассматривается.

И в теоретико-правовых, и в отраслевых юридических исследованиях термин «ограничение», как правило, используется в составе словосочетаний – таких, как, например, «ограничение в праве», «правовое ограничение», «ограничение прав», «юридическое ограничение», «ограничение свободы». Таким образом, ограничение рассматривается в отдельных своих формах и проявлениях, изучение которых, к сожалению, не дает полного и всестороннего представления о самой его сути.

Чаще всего в юридической литературе встречается термин «правовое ограничение». Изучение существующих в юридической литературе точек зрения относительно понятия и сущности правовых ограничений позволяет сделать вывод о том, что преимущественно под ними понимаются особого рода правовые средства, которые используются для установления границ действий субъектов права [3, с. 9; 13, с. 20–22]. Базовые положения данного подхода к интерпретации правового ограничения получили свое обоснование в работах А. В. Малько, который определяет его как «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [7, с. 240]. Приведенное определение

© Хвостова А. В., 2022

представляется очень точным с той оговоркой, что, очевидно, в данном случае следует вести речь о сдерживании не только противозаконных, но и любых других противоправных деяний. В заданном контексте ограничение следует рассматривать как средство-деяние, носящее динамический характер, ориентирующее субъектов права на правомерное поведение и проявляющееся реально в их поступках и актах, влекущих за собой юридические последствия.

Наиболее широким по объему из других часто употребляемых является понятие «ограничение в праве». Нередко соответствующий ему термин используется в качестве синонимичного термину «правовое ограничение» (в частности, А. В. Малько [7, с. 240], Б. Н. Макогоном [6, с. 66], В. В. Трофимовым [14, с. 344]). Однако, убедительными выглядят аргументы авторов (Ю. Н. Андреева [1, с. 17], А. С. Шабурова [15, с. 367–368]), подчеркивающих, что понятия «ограничения в праве» и «правовые ограничения» имеют разное содержание.

Вряд ли можно согласиться с тем, что понятие «правовое ограничение» является более широким [1, с. 17], что оно «богаче», чем «ограничение в праве» [15, с. 367]. Как справедливо подчеркивает А. С. Шабуров, в текстах правовых актов, наряду с правовыми, закрепляются также «неправовые социальные ограничения» (нравственные, религиозные, физические) [15, с. 367], и уже в силу этого «ограничение в праве» следует рассматривать как понятие, по своему объему более широкое, чем «правовое ограничение». Кроме того, ограничение в праве может быть приемом юридической техники (например, при определении возраста уголовной ответственности и при формулировании обстоятельств, исключающих преступность деяния [10, с. 51]), и в этих случаях нередко речь идет об ограничениях, которые не охватываются понятием «правовые ограничения».

Признавая понятие «ограничение в праве» весьма широким по объему, тем не менее, его нельзя считать совпадающим с понятием «ограничение». Например, ст. 12.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях устанавливает ответственность за незаконное ограничение прав на управление транспортным средством и его эксплуатацию. В данном случае речь идет о таком ограничении, которое не является «ограничением в праве», находится вне права и в силу своей общественной опасности запрещается под угрозой юридической ответственности. Существование подобного рода ограничений, тем не менее, теория права не может не учитывать.

В юридической литературе широко используется понятие «ограничение прав» [2; 10; 11], значение которого, на наш взгляд, не совпадает с ранее рассмотренными, в том числе с понятием «правовое ограничение». Ограничение прав связано с сокращением возможностей (доступных средств) для реализации субъективного права во всех его проявлениях, оно может быть правомерным и неправомерным, в то время как правовое ограничение, с одной стороны, предполагает в том числе изменение объема обязанностей, полномочий и некоторых других элементов правового статуса субъекта, с другой стороны, всегда является правомерным.

Близкое, но далеко не тождественное значение с рассмотренным понятием имеет «ограничение свободы». Ценность свободы в праве реализуется через акт выбора, который состоит в отказе от альтернативных возможностей и тем самым представляет собой ограничение свободы [12, с. 84]. Поэтому нам представляется убедительной позиция И. Д. Ягофаровой, согласно которой ограничение свободы есть «...уменьшение количества вариантов правового поведения путем установления различного рода пределов такого поведения либо полного его запрета» [16, с. 11]. Однако, следует признать, что свобода для человека атрибутивна и ограничить ее можно только путем ограничения средств и условий ее осуществления. Поэтому, рассуждая об ограничении свободы, следует иметь в виду свободу правового выбора, действия, поведения.

Словосочетание «юридические ограничения» в научной литературе встречается реже и, как правило, используется в качестве тождественного термину «правовые ограничения». Так, под «юридическими ограничениями прав и свобод человека и гражданина» Т. О. Москаленко понимает «...вводимые в строго определенных целях закрепленные в нормативных правовых актах юридические меры...» [8, с. 10].

На наш взгляд, главной особенностью юридических ограничений является их закрепление в законодательстве, то есть отражение в позитивном праве. Правовое по своему характеру ограничение в частноправовых отношениях может быть закреплено не законом, а, например, гражданско-правовым договором или сложившимся в той или иной области предпринимательской деятельности обычаем. Это дает основание утверждать, что юридические ограничения являются правовыми, но не исчерпывают их.

Анализ изложенного позволяет сделать вывод о том, что в действительности ограничение существует в праве в различных формах и в разных проявлениях. При этом право без ограничений не существует. Ограничение присуще праву как одно из его имманентных свойств, одно из его начал, вытекающее из его предназначения, связанного с регулированием общественных отношений, и, как следствие, определением сферы должного поведения субъектов. Для того чтобы учесть все многообразие форм и проявлений ограничений в правовой реальности, необходимо исходить не из характеристики этих форм и проявлений, а из того, что представляет собой ограничение как действие (процесс) по глаголу «ограничить».

Согласно словарю С. И. Ожегова «ограничить» – значит стеснить определенными условиями, поставить в какие-нибудь рамки, границы [9, с. 380]. Исходя из этого, можно утверждать, что, во-первых, ограничение – не правовой по своей природе феномен, во-вторых, в самом общем виде ограничение представляет собой деятельностный акт, устанавливающий какие-либо рамки, границы или условия действия, в-третьих, результатом данного деятельностного акта является изменение внешних рамок свободы субъекта, то есть переформатирование ее масштаба.

В праве ограничение приобретает особый смысл именно потому, что свобода предстает в нем как то,

что имеет пределы, установленные, прежде всего, исходя из представлений о свободе других индивидов [4, с. 55]. При этом целью установления ограничений в праве является не ограничение свободы субъектов, действующих в социальном пространстве, а предупреждение или устранение конфликтов между ними. Как верно отмечает В. П. Малахов, «в праве заложен, воспроизводится и специфическим образом разрешается конфликт прав и обязанностей или конфликт притязаний, и это – конфликт межличностного характера» [5, с. 111]. Отсюда вытекает специфика правовых ограничений в отличие от иных социальных ограничений, поскольку последние призваны разрешать конфликты иного рода.

Конфликт притязаний представляет собой столкновение субъектов права с противоположными или несопадающими интересами, возникающий в связи с реализацией этих интересов. Изъявление притязания в праве есть проявление воли, которое исходит от человека и является результатом продуманного и преднамеренного решения, выбора, усилия и т. п. Условия, в которых субъектами права осуществляется выбор, связывают его с конкретной ситуацией, и в этом смысле они не только открыты для своеволия, но и ограничивают его. Следовательно, любое действие субъектов права равно выступает и как акт проявления свободы, и как ее ограничение.

Логика действия права состоит в том, что интересы порождают притязания, которые, в свою очередь, или признаются, или отвергаются. В первом случае устанавливаются ограничения для реализации других интересов, вступающих в конфликт с признаваемым. Во втором случае ограничивается реализация самого интереса. В обоих случаях ограничение предстает инструментом, и в этой связи становится ясно, почему правовое ограничение рассматривается как правовое средство, направленное на установление границ действия субъектов права.

Несмотря на то, что в общей теории права ограничения предстают в качестве фактов правовой реальности, важно принимать во внимание, что ограничение – это также идея правосознания, посредством которой происходит «соприкосновение» с реальностью на основе рефлексии правового существа.

Идея ограничения занимает особое место в праве, поскольку позволяет согласовать идею свободы с идеями меры и порядка. Идея меры призвана отразить динамику правовой жизни путем определения границ свободы, которая не может быть абсолютной. Абсолютная свобода всегда переходит в произвол, только ограничение позволяет определить, где заканчивается свобода одного субъекта и начинается свобода другого. Идея порядка связывает мысль о праве с определенным качественным состоянием общества и его правовой системы. Порядок выступает как организованность процесса реализации свободы, и такая организованность достигается только посредством ограничений, отсутствие которых при наличии свободы создает угрозу нормальному развитию отношений, поскольку у человека имеется много вариантов поведения и возможностей реализации этой свободы.

Установление ограничений есть следствие признания свободы. Суть идеи ограничения в праве состоит в том, что абсолютная свобода не может быть основой порядка, поэтому представляется необходимым определить меру свободы с целью упорядочения ее реализации. Примечательно, что установление и соблюдение ограничений основано на рациональном подходе к осмыслению права. Ведь человек по своей природе наделен способностью различать право как свое и как чужое, правовое и неправое.

Идея ограничения является универсальной для права, она проявляется в каждом конкретном явлении, процессе, акте. Кроме того, идея ограничения в праве носит программный характер, определяя вектор формирования практических установок субъектов права. Действуя, субъект права, как правило, осознает правовую действительность, себя в ней, ответственность за свой выбор, а также границы и условия, в рамках которых должна происходить реализация интереса.

Таким образом, будучи имманентным праву в силу нацеленности последнего на предупреждение и устранение конфликтов между субъектами социального взаимодействия, ограничение в то же время не имеет правовой природы. Оно не тождественно ни правовому ограничению, ни ограничению в праве, и в самом общем виде его можно определить как деятельность, устанавливающую какие-либо рамки, границы или условия действия.

Наиболее значимым для права является то, что ограничение имеет инструментальную ценность, его можно использовать для исключения случаев удовлетворения субъектами противоправных притязаний либо реализации ими правомерных притязаний противоправными средствами. В этой связи в правовой действительности ограничения наиболее широко представлены в форме правовых ограничений. Однако, это не дает основания рассматривать последние в качестве единственно возможной формы существования ограничений в праве.

Ограничение является не только фактом правовой реальности, но и идеей правосознания. Важность данной идеи обуславливается тем, что она позволяет согласовать идею свободы с идеями меры и порядка.

Идея ограничения чрезвычайно значима для формирования правомерного поведения субъектов права. Действуя, субъект права, как правило, осознает правовую действительность, себя в ней, ответственность за свой выбор, а также границы и условия, в рамках которых должна происходить реализация интереса.

Список источников

1. Андреев Ю. Н. Ограничения в гражданском праве. СПб. : Юридический центр, 2011.
2. Бородавкина Н. М. Ограничения и запреты в гражданском праве // Вестник ОГУ. 2014. № 4 (165). С. 236–239.
3. Ищук И. Н. Ограничения в праве (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 169 с.
4. Лановая Г. М. Идея свободы в правовой культуре современного российского общества // Правовая культура и правовая идеология российского общества:

Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В. М. Курицына, 22–23 декабря 2020 г. : сборник научных статей / под ред. А. И. Клименко, А. Ю. Гарашко. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 503 с.

5. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения. М. : Юнити-Дана, 2008. 391 с.

6. Макогон Б. Н. Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений: дис. ... док. юрид. наук. Белгород, 2019. 389 с.

7. Малько А. В. Ограничения в праве : проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.

8. Москаленко Т. О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях. Обеспечения безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1986. 797 с.

10. Панько К. К. Ограничения в уголовном праве и правоприменении // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 50–53.

11. Петрушкина А. В. Ограничения трудовых прав и правовые стимулы в трудовом праве // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 86–88.

12. Право – язык и масштаб свободы : монография / Ромашов Р. А., Ветютнев Ю. Ю., Тонков Е. Н. СПб. : Алетей, 2015.

13. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 26 с.

14. Трофимов В. В. Ограничения в праве как выражение конфликтной стратегии отношений в социуме: теоретико-прикладной и социолого-правовой аспекты (к постановке и аналитической характеристике проблемы) // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 343–348.

15. Шабуров А. С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения» : соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 365–370.

16. Ягофарова И. Д. Право как мера ограничения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 32 с.

References

1. Andreev Yu. N. Restrictions in the civil law of Russia. SPb. : Legal Center, 2011.

2. Borodavkina N. M. Restrictions and prohibitions in civil law // Vestnik OGU. 2014. No. 4 (165). P. 236–239.

3. Ischuk I. N. Restrictions in law (general theoretical aspect) : dis. ... cand. legal sciences. SPb., 2006. 169 p.

4. Lanovaya G.M. The Idea of Freedom in the Legal Culture of Modern Russian Society // Legal Culture and Legal Ideology of the Russian Society : International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor V. M. Kuritsyna, December 22–23, 2020 : collection of scientific articles / ed. A. I. Klimentko, A. Yu. Garashko. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2021. 503 p.

5. Malakhov V. P. Philosophy of law. Ideas and assumptions. M. : Unity-Dana, 2008. 391 p.

6. Makogon B. N. Procedural and restrictive regulation of public relations: dis. ... doc. legal sciences. Belgorod, 2019. 389 p.

7. Malko A. V. Restrictions in law : problems of theory, practice, politics // Legal technique. 2018. № 12. P. 238–248.

8. Moskalenko T. O. Constitutional and legal grounds for restricting the rights and freedoms of man and citizen for purposes. Ensuring the security of the Russian Federation. abstract dis. ... cand. legal sciences. M., 2012. 32 p.

9. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / Ed. by N. Yu. Shvedova. M. : Russian language, 1986. 797 p.

10. Panko K. K. Restrictions in criminal law and law enforcement // Legal technique. 2018. № 12. P. 50–53.

11. Petrushkina A. V. Restrictions on labor rights and legal incentives in labor law // Society: politics, economics, law. 2017. № 2. P. 86–88.

12. Law – language and scope of freedom : monograph / Romashov R. A., Vetyutnev Yu. Yu., Tonkov E. N. SPb. : Aleteya, 2015.

13. Prikhodko I. M. Restrictions in Russian law (problems of theory and practice) : author. dis. ... cand. legal Sciences. Saratov, 2002. 26 p.

14. Trofimov V. V. Restrictions in law as an expression of the conflict strategy of relations in society: theoretical and applied and sociological and legal aspects (to the formulation and analytical characteristics of the problem) // Legal Technique. 2018. № 12. P. 343–348.

15. Shaburov A. S. «Restriction of the right», «restrictions in the right», «legal restrictions» : correlation of concepts // Legal technique. 2018. № 12. P. 365–370.

16. Yagofarova I. D. Law as a measure of restriction of freedom : author. dis. ... cand. legal sciences. Yekaterinburg, 2006. 32 p.

Информация об авторе

А. В. Хвостова – адъюнкт 2-го года обучения кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. V. Khvostova – Adjunct of the 2nd year of study of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-253-258>

НИОН: 2015-0066-6/22-571

MOSURED: 77/27-011-2022-06-770

Процедура «нулевого чтения» как конституционная форма согласования интересов в публично-правовом дискурсе

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Получившая широкое распространение в законотворческой практике ряда зарубежных стран процедура так называемого «нулевого чтения» – право допарламентского рассмотрения некоторых публичных законопроектов – является своего рода пропедевтической стадией законодательного процесса. В конституционно-правовом смысле «нулевого чтения» – это применяемое в законотворческой практике предварительное, до внесения законопроекта в парламент (или одну из его палат) или до проведения первого чтения его (законопроекта) обсуждение как парламентскими структурами, так и иными органами публичной власти или организациями гражданского общества солидарно с парламентариями, учеными-юристами, представителями экспертного сообщества в целях определения социальной необходимости, приемлемой для общества и государства структуры представленных в законопроекте интересов и средств их обеспечения (баланса интересов), своевременности и целесообразности принятия данного закона.

В сложившихся формах «нулевого чтения», проводимое Общественной палатой Российской Федерации (обозначаемое общественной экспертизой законопроектов), не обусловлено соответствующими процедурами, в определенной мере ограничивает доступ граждан к информации о деятельности публичных органов власти, порождая обоснованные сомнения в публичности дискуссии по законопроектам. В этой связи высказан ряд предложений.

Ключевые слова: согласование несовпадающих интересов, законодательная конструкция «нулевых чтений», «параллельный парламент», внепроцессуальное рассмотрение законопроекта

Для цитирования: Червонюк В. И. Процедура «нулевого чтения» как конституционная форма согласования интересов в публично-правовом дискурсе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 253–258. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-253-258>.

Original article

The procedure of «zero reading» as a constitutional form of coordination of interests in public legal discourse

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. The procedure of the so-called «zero reading», which has become widespread in the legislative practice of a number of foreign countries – the right of pre-parliamentary consideration of some public bills – is a kind of propaedeutic stage of the legislative process. In the constitutional and legal sense, «zero reading» is a preliminary discussion of it (the bill) by both parliamentary structures and other public authorities or civil society organizations in solidarity with parliamentarians, legal scholars, and representatives of the expert community, applied in lawmaking practice, before submitting a bill to parliament or one of its chambers, in order to determine the social need, acceptable to society and the state structure of the interests represented in the bill and the means to ensure them (balance of interests), the timeliness and expediency of the adoption of this law.

In the current forms, the «zero reading» conducted by the Public Chamber of the Russian Federation (designated by the public examination of draft laws) is not conditioned by the relevant procedures, to a certain extent restricts citizens' access to information about the activities of public authorities, giving rise to reasonable doubts about the publicity of the discussion on draft laws. In this regard, a number of proposals have been made.

© Червонюк В. И., 2022

Keywords: coordination of conflicting interests, legislative construction of «zero readings», «parallel parliament», non-procedural consideration of the bill

For citation: Chervonyuk V. I. The procedure of «zero reading» as a constitutional form of coordination of interests in public legal discourse. Bulletin of economic security. 2022;(6):253–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-253-258>.

Введение: история и современное состояние проблемы

В отечественной практике «нулевое чтение» приобрело различные формы. Первоначально практика «нулевого чтения» получает развитие в начале 2000-х гг. в бюджетном процессе, когда Правительство до официального внесения проекта закона о бюджете инициировало предварительное концептуальное согласование позиций по вопросам законопроекта о государственном бюджете с Государственной Думой Федерального Собрания. Равным образом это касалось и более широких сфер законодательства. Хотя понятно, что наиболее острое столкновение интересов разных социальных сил (финансово-промышленных групп, региональных элит, интересов представителей крупных корпораций и др.) в парламенте происходило при принятии главного финансового документа страны – федерального бюджета. Так, считается, что главное обсуждение проекта федерального бюджета на 2005 г. проходило в 2004 г. и проводилось в режиме «нулевого чтения».

Само действие (неюридическая процедура) проводилось, как правило, в стенах Государственной Думы и предполагало собой дозаконодательное и внепроцессуальное рассмотрение законопроекта, подлежащего рассмотрению в палатах Федерального Собрания.

Необходимость солидаризации позиций Правительства Российской Федерации и парламента по наиболее острым проблемам законодательного регулирования получила особенную форму реализации в Государственной Думе четвертого созыва. При этом такие согласования предполагали обязательное участие в «нулевых чтениях» членов Правительства РФ по предмету обсуждаемого законопроекта. Встречи Правительства и главным образом членов парламентской партии «Единая Россия» стали обозначать «нулевым чтением». При этом подобные чтения проводились в основном по резонансным законопроектам, которые требовали концептуального согласования по ключевым проблемам социального и экономического развития страны. При этом одновременно с применяемой на практике новой формой законодательства в парламентской среде поставленные вопросы о том, каким образом на практике будет реализовываться новелла, многие ли депутаты будут иметь возможность соучастия в «нулевых чтениях», будет ли предоставлена представителям оппозиции возможность участия в этой работе, как распределяться обязанности внутри самой крупной партии в связи с проведением «нулевых чтений» и пр., оставались нерешенными.

Примечательно то обстоятельство, что в Государственной Думе третьего созыва при проведении консультаций с Правительством по проектам законов в

режиме «нулевого чтения», к диалогу приглашались парламентарии не менее чем от четырех депутатских объединений, входящих в центристскую коалицию, других депутатских групп и объединений. В Государственной Думе четвертого созыва технологии законодательства заметно изменились – состав участников «нулевого чтения» стал более избирательным; на этом этапе в «нулевом чтении» принимает участие в основном лояльная правительству часть Государственной Думы, притом что «большая часть заседаний по «нулевому чтению» законопроектов проходит в закрытом режиме» [1].

Перемещение центра тяжести в сторону одной политической силы, пусть даже и занимающей центристские позиции, значительно уменьшило репрезентативность (и легитимность) результатов «нулевых чтений». Одновременно с этим «нулевые чтения» утрачивают возможность приобретения статуса парламентской процедуры.

С учреждением Общественной палаты Российской Федерации, которая по замыслу архитекторов данного института должна была приобрести статус своего рода «параллельного парламента» [2], появилась возможность придать «нулевым чтениям» новый импульс к развитию. Несмотря на то, что «учет разнообразных потребностей и интересов граждан при проведении государственной политики, согласованное выражение этих интересов в законодательстве и правоприменительной практике» законодательно были признаны важнейшей задачей Общественной палаты [3], к ее осуществлению данная институция приступает далеко не сразу. Но, уже начиная с 2013–2014 гг., проведение «нулевых чтений» организуются исключительно под эгидой Общественной палаты Российской Федерации, которые проводятся периодически и получают название общественной экспертизы. Известно, что в 2014 г. Общественной палатой РФ было проведено «нулевых чтений» по 24 законопроектам [4].

Примечательно, что на уровне субъектов Федерации обсуждение наиболее значимых законопроектов посредством процедуры «нулевых чтений» осуществляют региональные легислатуры.

Несмотря на то обстоятельство, что подобного рода обсуждения способны существенно повлиять на позицию субъектов законодательства (не только на палаты Федерального Собрания, принимающие законы или на законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ), до настоящего времени каких-либо общих стандартов в данном вопросе не выработано. Как это вытекает из анализа сложившейся парламентской практики, «нулевое чтение» не охватывается стадиями законодательного процесса, или

законодательной деятельности, не является предметом регулирования в парламентском праве, его результаты нормативного значения не приобретают. Возникает вопрос о допустимости конституционности «нулевых чтений» с точки зрения доктрины и практики законодательства.

«Нулевое чтение» в механизме законодательства

Получившую распространение в ряде зарубежных стран процедуру так называемого «нулевого чтения» стали обозначать своего рода пропедевтической стадией законодательного процесса. При этом внедрение в практику законодательства западных стран такой процедуры, прежде всего, отвечало требованию рационализации законодательного процесса и необходимости солидаризации относительно ключевых аспектов разрабатываемого закона позиций самых разных политических сил. Тем самым в разрабатываемый закон как бы изначально закладывали основы механизма его реализации (в материально-правовом понимании), базирующегося на выработке более или менее общего согласия или компромисса в главном вопросе – вопросе закрепления в законе баланса интересов. Обобщенно говоря, «нулевые чтения» ориентированы главным образом относительно принятия законов, отвечающих требованию социальной адекватности [о социальной адекватности закона как общесоциальном, или сущностно-правовом свойстве качества закона и ее слагаемых см.: 5, с. 31–32; 6, с. 471–561] – важнейшему условию их (законов) конституционности и, что немаловажно, реализуемости в общественной практике.

Суть «нулевого чтения» состоит в том, что законопроект, подлежащий рассмотрению в парламенте, предварительно подлежит оценке парламентских и правительственных (в странах с президентской формой правления – президентских) структур. Цель такого обсуждения – разрешение наиболее острых проблемных ситуаций, которые связаны с характером самого законопроекта, связанное с этим согласование интересов, подлежащих юридическому оформлению. Понятно, что такому обсуждению в первую очередь подлежат правительственные законодательные инициативы; правительство в данном случае оказывается самой заинтересованной стороной. В случае достижения поставленных перед «нулевым» чтением целей, инициатор законодательной инициативы получает уверенность в том, что представляемый им законопроект не «увязнет» в парламентских обсуждениях.

Применительно к российской парламентской практике можно сказать, что так называемое «нулевое чтение» – это процедура предварительной консультации Правительства РФ с Государственной Думой еще до официального внесения им того или иного законопроекта, направленная на предварительное концептуальное согласование позиций Правительства и нижней палаты Парламента по вопросам законопроекта, который Правительство планирует внести на рассмотрение

нижней палаты. Но такой вывод без оговорок применим для оценки «нулевых чтений» на этапе их проведения в Государственной Думе с участием Правительства РФ. В последующий период «нулевые чтения», как отмечалось, проводятся под эгидой Общественной палаты РФ, при том, что в обсуждении могут принимать участие члены Правительства, парламентарии, представители общественности, члены Общественной палаты.

Соответственно, в конституционно-правовом смысле «нулевое чтение» – это применяемое в законотворческой практике предварительное, до внесения законопроекта в парламент (одну из его палат) или до проведения первого чтения, его (законопроекта) обсуждение как парламентскими структурами, так и иными органами публичной власти или организациями гражданского общества солидарно с парламентариями, учеными-юристами, представителями экспертного сообщества в целях определения социальной необходимости, приемлемой для общества и государства структуры представленных в законопроекте интересов и средств их обеспечения (баланса интересов), своевременности и целесообразности принятия данного закона.

«Нулевые чтения» в практике Общественной палаты Российской Федерации: технологии

По уже сложившемуся обыкновению все законы, которые затрагивают как в экономическом, так и в социальном плане интересы граждан, гарантии их прав и свобод, целесообразно подвергать предварительному (до внесения законопроекта в парламент) публичному обсуждению по процедуре нулевых чтений. Изучение проблемы указывает на то, что кроме уже ранее упомянутых обсуждений проектов законов о бюджете на соответствующий период, объектом «нулевых чтений», которые с 2013 г. проводятся в Общественной палате Российской Федерации, становятся именно резонансные законопроекты.

Так, 27 августа 2015 г. на сайте Общественной палаты было организовано обсуждение вызвавшего резкую критику правозащитного сообщества законопроекта о внесении изменений в Федеральный закон «О полиции», существенно расширяющих полномочия сотрудников полиции [7]. 3 сентября 2015 г. в Общественной палате обсудили законопроект, предполагающий легализацию «овербукинга» для авиакомпаний – продажи большего количества билетов, чем предусмотрено пассажирских мест в салоне самолета, что существенно ущемляет права потребителей [8]. 28 февраля 2016 г. комиссия Общественной палаты по социальной политике, трудовым отношениям и поддержке ветеранов, по развитию некоммерческого сектора и поддержке социально ориентированных НКО совместно с Общественным советом при Минтруде России инициировали «нулевое чтение» проекта федерального закона «О государственном внебюджетном фонде «Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации» [9]. Учитывая большой резонанс, которые вызвали предпо-

лагаемые изменения в законодательстве о некоммерческих организациях Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и оргкомитет Общероссийского гражданского форума 5 апреля 2016 г. обратились в Общественную палату с предложением провести «нулевые чтения» законопроекта, уточняющего понятие «политическая деятельность» [10]. 30 июня 2016 г. было проведено «нулевое чтение» законопроекта «Об организации дорожного движения в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», по результатам которого было представлено концептуальное понимание необходимости принятия единого основополагающего федерального закона, регулирующего вопросы транспортного развития территорий, организации дорожного движения и оперативного управления ими, а также устанавливающего компетенцию органов публичной власти в данной сфере. В целом же, по данным секретариата Общественной палаты РФ, в 2016 г. были проведены 58 «нулевых чтений» законопроектов.

Принципиально важным было обсуждение в Общественной палате РФ 22 мая 2017 г. проекта федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнителях общественно полезных услуг» (вступил в силу с 1 января 2017 г.), предполагавшего упрощение выдачи заключений о соответствии качества оказываемых услуг, необходимых некоммерческим организациям для получения статуса «исполнителя общественно полезных услуг» (суть упрощения: делегирование права выдачи соответствующих заключений некоммерческим организациям региональным органам власти (на тот момент таким правом наделялись исключительно федеральные органы власти) [11]. С участием членов президиума Совета общественных палат России, представителей органов государственной власти, внебюджетных фондов, Счетной палаты Российской Федерации, уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, сторон Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, профсоюзных организаций, негосударственных пенсионных фондов, научных и экспертных организаций 9 июля 2018 г. Общественная палата РФ провела «нулевые чтения» по законопроекту о повышении возраста выхода на пенсию, внесенный в Государственную Думу Правительством РФ и подлежащий обсуждению в палате в первом чтении 19 июля 2018 г. [12].

26 ноября 2021 г. в Общественной палате РФ состоялись «нулевые чтения» проектов федеральных законов, предусматривавших введение QR-кодов для посещения общественных мест, а также для проезда на железнодорожном и авиатранспорте [13]. 13 октября 2021 г. в Общественной палате РФ были проведены «нулевые чтения» проекта федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», который ранее (30 сентября 2021 г.) был внесен Правительством РФ в Государственную Думу [14].

Заключение: законодательная конструкция «нулевых чтений» в Федеральном законе об Общественной палате РФ

Учредители данной парламентской процедуры, первоначально отстаивая выдвинутую «Единой Россией» идею «подробно прописать порядок такого рода законотворчества», зафиксировать «нулевое чтение» «как обычную регламентную норму», в последующем признали нецелесообразным юридическое оформление данной процедуры, аргументируя это тем, что «нулевые чтения» физически невозможно регламентировать потому, что способы консультаций слишком разнообразны» (А. Жуков). При этом особо подчеркивалась полезность этого парламентского действия: «должно стать меньше открытых дискуссий в самой Государственной Думе».

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что собственно «нулевое чтение» как инструмент парламентской деятельности представители «Единой России» рассматривают как средство легитимации интересов, подлежащих законодательному признанию. В указанном смысле «нулевые чтения» рассматриваются и как средство согласования позиций «Единой России» и Правительства относительно таких интересов и отстаивания ее (правовой позиции) в споре с другими фракциями (А. Жуков).

Отмечается, что имели место случаи, когда Правительством РФ предлагалась парламентской партии совместная разработка концепций ряда проектов законов, в частности, об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии, о введении нового механизма взимания НДС – через специальные счета, о консолидированной финансовой отчетности предприятий, о корректировке списка лицензируемых видов деятельности в то время, как некоторые из них уже готовы к вынесению на заседание правительства, что, по крайней мере, означало, что концепции таких актов уже утверждены. По-видимому, здесь нельзя усматривать некий «злой умысел»; можно предположить, что перед внесением законопроекта в Государственную Думу Федерального Собрания РФ Правительство и проверяет обоснованность собственной позиции по законопроекту и одновременно ставит своей целью получение поддержки самой крупной парламентской партии, исключая тем самым отрицательное решение по законопроекту по результатам его первого чтения.

Вопрос в том, больше пользы в «нулевых чтениях», проводимых Общественной палатой РФ, в отличие от ранее проводимых палатами Федерального Собрания (главным образом Государственной Думой), все же не имеет однозначного ответа в контексте современной практики законодательства. Определить вклад Общественной палаты в совершенствование качества принимаемых парламентом федеральных законов можно лишь самым общим образом. Судя по стабильной пропорции вносимых изменений в уже принятые законы (8 из 10), качество принимаемых законов остается на прежнем, мягко сказать, невысоком, уровне.

Стремление на региональном уровне институционализировать общественные палаты таким образом, чтобы они наделялись правом региональной законодательной инициативы, соответственно, правом внесения в региональные законодательные органы законопроект – заведомо неудачный проект, противоречащий природе общественных палат, даже имея в виду то обстоятельство, что их статус определенностью не отличается, а место в структуре институтов гражданского общества общественные палаты фактически так и не заняли. Информационная деятельность явно преобладает над практическими делами. Симптоматично то обстоятельство, что если проведение «нулевых чтений» на федеральном уровне осуществляется в последнее десятилетие в Общественной палате РФ, то в субъектах Федерации «нулевые чтения», в частности, региональных проектов законов о бюджете проводятся в законодательных (представительных) органах государственной власти. Это, к примеру, обсуждение по процедуре «нулевых чтений» проектов законов о бюджете субъекта Федерации на 2022 г. в Законодательном собрании Санкт-Петербурга [15], в Верховном Совете Хакасии [16], в Законодательном собрании Вологодской области [17]. А, кроме того, в последнее время функции общественных палат отчасти подменяются структурами Общероссийского народного фронта.

Не вполне удачным представляется и резервирование за Общественной палатой РФ статуса Экономического и социального совета, функционирующего не только во Франции, но и в целом ряде стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки [18; 19]. При этом следует иметь в виду, что правом законодательной инициативы во Франции наделен ограниченный круг лиц и органов: премьер-министр и члены парламента (1-е предлож. ч. 1 ст. 39 Конституции Франции), при том, что члены парламента наделены правом вносить законодательные предложения.

Не отменяя уже устоявшейся практики, целесообразно проведение «нулевых чтений» оставить в ведении Общественной палаты. Однако принципиально должен измениться характер таких чтений: оценку законопроекта Общественная палата РФ должна давать в форме заключения общественной экспертизы. При этом формулировку ст. 19 Федерального закона «Об общественной палате РФ» о том, что заключения общественной палаты РФ по всем проектам нормативных актов законодательного и подзаконного характера носят всего лишь рекомендательный характер следует изменить, редакционно представив ее следующим образом: заключения общественной палаты на проекты федеральных законов, принятые по результатам их предварительного рассмотрения, должны учитываться в законодательной деятельности. Соответствующее положение следует закрепить и в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ. В этой же связи Федеральный закон об общественной палате РФ следует дополнить ст. 19.1 «Порядок (процедуры) предварительного рас-

смотрения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». Отмеченные новеллы в полной мере отвечают цели общественной палаты РФ, определенной ст. 2 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации»: ее «основная цель состоит в обеспечении согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации» [3]. В этой связи структура общественной палаты РФ не отвечает достижению данной цели и должна быть приведена в соответствие с необходимостью ее (цели) достижения.

Список источников

1. Любимов А. П. «Нулевое чтение» законопроектов как инструмент согласования интересов // Представительная власть – XXI век : законодательство, комментарии, проблемы. 2005. Вып. № 1 (61). С. 3–4.
2. Червонюк В. И. Общественная палата в контексте социогуманитарной идеи права // В сборнике : Общественная палата и ее роль в формировании гражданского общества : Международная научно-практическая конференция. М., 2006. С. 111–118.
3. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.
4. pravda.ru»news/society/1264366-palata/
5. Гойман В. И. Действие права. Методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 42 с.
6. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права / В. И. Червонюк [Текст] : монография. М. : Юстициформ, 2021. Раздел VI. Качество закона: методология оценки, механизмы обеспечения качества правового закона.
7. krispotupchik.livejournal.com»646730.html.
8. solidarnost.org»news/Legalizatsiyu_verbukin ga...i...
9. ASI.org.ru»news/2022/03/01/nulevye-chteniya/.
10. president-sovet.ru»...news/v...nulevye...politicheskaya...
11. ASI.org.ru»news...obshhestvenno-poleznyh-uslug...
12. expert.ru»2018/07/10/narod...pensii-nulevoe-chtenie/.
13. ASI.org.ru»event/2021/11...zakonoproektov...qrkodov/.
14. oprf.ru»news/nulevye-chteniya-zakonoproekta-o...goda.

15. zaks.ru>new/archive/view/216618.
16. vskhakasia.ru>Пресс-центр>Новости>...o-byudzhete-khakasii-na...
17. 35media.ru>paper--rech/2021...Idut-nulevye-chteniya...
18. Конституционное право зарубежных стран : учебник : в 2 ч. Ч. II. Иностранное конституционное право / В. И. Червонюк, И. В. Калинин, А. Ю. Мелехова, И. С. Назарова [под общ. ред. В. И. Червонюка]. 3-е изд. доп. М., 2018. 548 с.
19. Конституционное право зарубежных стран : учебно-методическое пособие / В. И. Червонюк, И. В. Калинин, А. Ю. Мелехова, И. С. Назарова [под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В. И. Червонюка]. М., 2018. 680 с.

References

1. Lyubimov A. P. «Zero reading» of draft laws as a tool for coordinating interests // Representative power – XXI century : legislation, comments, problems. 2005. Issue № 1 (61). P. 3–4.
2. Chervonyuk V. I. Public Chamber in the context of the socio-humanitarian idea of law // In the collection : The Public Chamber and its role in the formation of civil society : International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2006. P. 111–118.
3. Federal Law № 32-FZ of April 4, 2005 «On the Public Chamber of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 15. Art.1277.
4. pravda.ru>news/society/1264366-palata/.
5. Goyman V. I. The action of law. Methodological analysis : abstract. dis. ...Dr. jurid. sciences. M., 1992. 42 p.

6. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas : in 2 vols. T. I. Theory, Philosophy and methodology of law / V. I. Chervonyuk [Text] : monograph. M. : Justicinform, 2021. Section VI. The quality of the law: assessment methodology, mechanisms for ensuring the quality of the legal law.
 7. krispotupchik.livejournal.com>646730.html.
 8. solidarnost.org>news/Legalizatsiyu_verbukin ga...i...
 9. ASI.org.ru>news/2022/03/01/nulevye-chteniya/.
 10. president-sovet.ru>...news/v...nulevye...politicheskaya...
 11. ASI.org.ru>news...obshhestvenno-poleznyh-uslug...
 12. expert.ru>2018/07/10/narod...pensii-nulevye-chtenie/.
 13. ASI.org.ru>event/2021/11...zakonoproektov...qr-kodov/.
 14. oprf.ru>news/nulevye-chteniya-zakonoproekta-o...goda.
 15. zaks.ru>new/archive/view/216618.
 16. vskhakasia.ru>Пресс-центр>Новости>...o-byudzhete-khakasii-na...
 17. 35media.ru>paper--rech/2021...Idut-nulevye-chteniya...
 18. Constitutional law of foreign countries : textbook : in 2 h. Part II. Foreign constitutional law / V. I. Chervonyuk, I. V. Kalinskiy, A. Yu. Melekhova, I. S. Nazarova [under the general editorship of V. I. Chervonyuk]. 3rd ed. supplement. M., 2018. 548 p.
 19. Constitutional law of foreign countries : an educational and methodological manual / V. I. Chervonyuk, I. V. Kalinsky, A. Yu. Melekhova, I. S. Nazarova [under the general ed. of the doctor. jurid. V. I. Chervonyuk]. M., 2018. 680 p.

Информация об авторе

В. И. Червонюк – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 343.985.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-259-263>

НИОН: 2015-0066-6/22-572

MOSURED: 77/27-011-2022-06-771

Совершенствование применения следователем специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий

Александр Васильевич Шаров¹, Ирина Александровна Архипова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ asharov32@mvd.ru

² iarkhipova9@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается подход к совершенствованию применения следователями специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий посредством получения новых компетенций. Особое внимание уделено современным возможностям самостоятельного применения следователями таких знаний.

Ключевые слова: криминалистика, специальные знания, информационно-телекоммуникационные технологии, профессиональная компетенция следователя

Для цитирования: Шаров А. В., Архипова И. А. Совершенствование применения следователем специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 259–263. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-259-263>.

Original article

Improvement of the investigator's application of special knowledge in the field of information and telecommunication technologies

Alexandr V. Sharov¹, Irina A. Arkhipova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ asharov32@mvd.ru

² iarkhipova9@mvd.ru

Abstract. An approach to improving the use of special knowledge by investigators in the field of information and telecommunication technologies by obtaining new competencies is being considered. Special attention is paid to the modern possibilities of independent use of such knowledge by investigators.

Keywords: criminalistics, special knowledge, information and telecommunication technologies, professional competence of an investigator

For citation: Sharov A. V., Arkhipova I. A. Improvement of the investigator's application of special knowledge in the field of information and telecommunication technologies. Bulletin of economic security. 2022;(6):259–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-259-263>.

С развитием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) и их повсеместным распространением в обществе назрела необходимость внедрения в процесс раскрытия и расследования преступлений инструментов, позволяющих следователю (дознавателю и т. п.) самостоятельно получать, обрабатывать, накапливать и использовать криминалистически значимую информацию. Применяя «традиционный» подход к формированию доказательств, законодатель указывает на необходимость участия специалиста в проведении отдельных следственных действий, связан-

ных с изъятием электронных носителей информации и (или) копированием информации, обозначая это, в том числе как «особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации» (статья 164.1 УПК РФ). Специалист становится, таким образом, обязательным участником следственного действия.

В научных трудах, посвященных проблемам применения специальных знаний и участия специалистов в раскрытии и расследовании преступлений, предлагаются различные подходы к определению понятия

«специальные знания». Чаще всего говорится об их отличии от общеизвестных знаний или знаний, входящих в компетенцию следователя, и т. п. Основательно указанные вопросы недавно вновь освещались в работе Н. Н. Егорова и А. А. Протасевича [1], С. С. Сенькевича [2] и ряда других ученых. Предложенные решения «лежат в поле» традиционного подхода к применению специальных знаний: имеется четкое представление об участии того или иного специалиста в следственных действиях и круге решаемых им задач; следователю необходимо назначить соответствующую судебную экспертизу и оценить заключение эксперта. Аналогично обосновывается применение специальных знаний в области ИТТ, например, в коллективной монографии «Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности» (авторы Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков) [3]. Представляется, что обозначенная позиция не совсем применима, поскольку не учитывает один диалектический процесс: знания в области ИТТ со временем становятся бытовыми знаниями практически любого человека.

В современных научных исследованиях в области уголовно-правовых наук необходимо учитывать, что время, отводимое законом на раскрытие и расследование преступлений в сфере ИТТ, слишком продолжительно и не отражает современных потребностей борьбы с преступностью. Следует признать, что правоохранительные органы значительно «опаздывают» с принятием процессуальных решений, в том числе, в силу излишней формализованности применения специальных знаний.

Видится два направления изменения ситуации: во-первых, кратное увеличение количества специалистов в области ИТТ путем их обучения, во-вторых, принятие мер по трансформации знаний в области ИТТ из категории «специальных» в категорию профессиональных знаний следователя.

Первое направление полностью согласуется с «традиционным» подходом к применению специальных знаний: от следователя практически не требуется самообразования в этом направлении или получения новых профессиональных компетенций, он полностью доверяет результатам работы специалиста и проведенным исследованиям (в том числе экспертизам), использует их в доказывании, причем, без должной оценки результатов из-за отсутствия необходимых знаний.

Второе направление более интересное: необходимо изменить подход к подготовке будущих правоохранителей, уделив внимание применению ИТТ в расследовании преступлений. Соглашаясь с авторами указанной выше монографии, поднявшими вопрос подготовки следователей в эпоху цифровизации [3, с. 205–213], отметим, что выявленные проблемы предлагается решать, в том числе «... изучением расширенного курса информатики, дополненного ИТ-технологиями и основами информационной безопас-

ности, который даст хотя бы базовый уровень знаний для ориентации в цифровом пространстве» [3, с. 208]. Такой подход недостаточен и нуждается в «доведении до логического конца»: формировании у будущего следователя профессиональных навыков работы с программным обеспечением и его использовании в доказывании. Так, определив границы применения ИТТ, широко внедрять в процесс раскрытия и расследования преступлений (и, соответственно, в процесс профессиональной подготовки) программное обеспечение, которое следователь сам может применить без участия специалиста. Наличие новых компетенций позволит самостоятельно работать с компьютерной информацией, критически подходить к собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Приведем в пользу этого подхода несколько аргументов.

Во-первых, само понятие «специальные знания» и связанные с ним проблемы их применения в раскрытии и расследовании преступлений лежат в большинстве своем в научной плоскости. УПК РФ не содержит требований к специалисту и его специальным знаниям, замыкая последнее понятие на процессуальный статус лица через его профессиональную компетенцию (статья 57 УПК РФ).

Действительно, сам термин «специальные знания» как и практически любой другой термин в криминалистике весьма условно отражает сущность этого понятия. Этимология слова «специальный» подразумевает его понимание как «особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный, относящийся к отдельной отрасли чего-нибудь, присущий той или иной специальности. Специальное образование. Специальный термин» [4]. Специальные знания укоренились в криминалистике как особые знания какого-либо лица, не общеизвестные.

Нами неоднократно изучались уголовные дела экономической направленности, возбужденные после проведения аудиторской проверки организаций, в которой решались, в том числе, вопросы правового характера. После проведения следователем судебно-бухгалтерской экспертизы зачастую устанавливалось, что аудиторская проверка проведена с нарушениями, а выводы недостоверны. В целом здесь видится большая проблема «пере-кладывания» правоприменителем установления обстоятельств события на другое лицо, мотивируя наличием у него специальных знаний. В приведенном примере соответствующей оценки результатов аудиторской проверки никем не проводилось.

По нашему мнению, если оценка заключения специалиста (эксперта) или их показаний относится к компетенции следователя, то вся их деятельность по получению результатов также относится к компетенции следователя, вследствие чего весь объем примененных специальных знаний подлежит оценке. Логично предположить, что специальные знания перестают быть таковыми для следователя, ввиду свободного оперирования ими в доказывании.

По устоявшемуся мнению, специальные криминалистические знания, например, в области дактилоскопии, могут быть применены экспертом при производстве экспертизы, в частности, для установления типа и вида папиллярного узора, отобразившегося в следе и т. д. Однако практически эти же признаки следователь может самостоятельно выявить и отразить в протоколе осмотра места происшествия, поскольку определенные знания и навыки он получил при изучении дисциплины «Криминалистика». Далее при оценке заключения эксперта следователь должен применить эти же знания в области дактилоскопии для установления достоверности полученных выводов. Так являются ли такие знания для следователя специальными? Очевидно, нет.

Во-вторых, особый объект исследования в сфере ИТТ – компьютерная информация, позволяющая оперировать ею любому подготовленному сотруднику.

Например, при исследовании вопросов применения сети Интернет в раскрытии преступлений, В. И. Шаров пришел к выводу, что «...использование ресурсов интернета в целях выявления и раскрытия преступлений также распространено у практических работников. Однако используются эти ресурсы интуитивно, без применения каких-либо методик. Это требует специальных исследований по аналитической работе в интернете, разработки методов и методик ее проведения не специальным субъектом, а обычным, оперативным сотрудником» [5, с. 39]. С этим мнением невозможно не согласиться: каждый сотрудник в пределах его компетенции должен уметь осуществлять поиск и исследование необходимо информации, в том числе и компьютерной.

В отличие от традиционных или наиболее распространенных объектов, встречающихся в практике раскрытия и расследования преступлений, компьютерная информация не имеет свойств и признаков, присущих этим объектам – формы, размера, цвета или материала объекта. Такие объекты не идентифицируются криминалистическими методами, невозможно использовать образцы для сравнительного исследования, полученные дубликаты объектов (файлов) на аналогичном носителе по полученным характеристикам не будут в принципе отличаться от исходных файлов (за исключением их расположения) и т. д., а в доказывании необходимо использовать твердую (бумажную) копию содержимого файла.

И, наконец, компьютерную информацию невозможно собственно воспринять без компьютера и его аппаратно-программной среды. Всем этим знаниям можно обучить, а навыки сформировать за непродолжительное время: программное обеспечение имеет интуитивно понятный или дружелюбный интерфейс, логика работы с ним практически не отличается от работы с бытовыми приложениями. Таким образом, обучив сотрудника навыкам работы в такой среде, он вполне самостоятельно может провести те или иные исследования компьютерной информации, то есть применить свои знания в сфере ИТТ в определенном объеме.

В свете научно-технического прогресса, широчайшего распространения в обществе компьютерных технологий, простоты их применения, доступности компьютерных средств, прикладного программного обеспечения и обмена информацией посредством сети Интернет, а также учитывая запрос практики, нами вполне может быть «ускорен» процесс трансформации знаний в области ИТТ из специальных в профессиональные.

Подтверждая высказанные тезисы, отметим, что нами проведен опрос следователей органов внутренних дел (всего 2 948 опрошенных). На вопрос: «Если бы требования ст. 164.1 УПК РФ были необязательными, Вы лично смогли бы изъять электронные носители информации и (или) осуществить копирование с них информации без участия специалиста?», 47,6 % опрошенных ответили положительно, так как владеют соответствующими навыками.

На вопрос: «Каким способом Вы можете обеспечить целостность и сохранность файлов на электронном носителе информации?», 50,7 % ответили «правильно упаковать носитель», 38,2 % – «осуществить копирование информации», 11,1 % – «вычислить и зафиксировать в протоколе контрольную сумму файла (применить хеш-функцию).

Закономерность собирания, исследования, оценки и использования доказательств базируется на механизме слеодообразования, особенностях отображения в пространстве того или иного объекта. Исследователь непосредственно либо опосредованно с помощью средств и методов воспринимает свойства и признаки объекта, но «традиционные» объекты не претерпевают какого-либо преобразования, не переходят при восприятии субъектом из одного состояния в другое: объект при применении неразрушающих методов остается самим собой, его уникальность сохраняется.

При исследовании компьютерной информации каждый раз происходит ее преобразование в удобную для восприятия исследователя форму посредством аппаратно-программной среды компьютера. Без такого обеспечения компьютерная информация скрыта, можно только с той или иной степенью вероятности предполагать ее наличие на носителе только при подкреплении предположения материальными отображениями в процессуальных документах с соответствующими иллюстрациями.

Других способов «уверить» субъект расследования в наличии такой информации нет. Простая демонстрация электронного носителя информации ничего не значит; необходима демонстрация компьютерной информации на носителе посредством компьютера и обеспечение восприятия доказательства, также как ранее с аудио-видеозаписью: доказательство необходимо продемонстрировать с помощью магнитофона или видеоманитофона.

На современном этапе следует стремиться к достижению простоты и доступности средств исследования компьютерной информации, а также визуализации и

интерпретации результатов этой работы. Такие средства есть, многие из них используются в быту, но могут быть использованы в работе.

Например, необходимо провести исследование двух видеофайлов с целью установления их схожести. Конечно, можно провести судебную экспертизу, но обозначенная задача не является сложной: каждый пользователь может получить данные о файле посредством просмотра его свойств в приложении видео-проигрывателя. Сравнив содержание, размер, формат видео, размер и частоту кадров, длительность воспроизведения, тип аудио- и видеосжатия, и иные характеристики можно выявить совпадение или различие этих признаков.

Кроме того, можно сделать вывод о некоей идентичности файлов, сравнив их контрольные суммы, вычисленные посредством применения хеш-функции. Затрачиваемое время несравненно меньше продолжительности производства судебной экспертизы.

К примеру, гипотетически у лица на накопителе на жестком магнитном диске компьютера обнаружен видеофайл «16072022.mp4», который, согласно его пояснениям, был «скачан» 16 июля 2022 года со страницы сайта Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, посвященной выпуску специалистов для органов внутренних дел в 2022 году. По представленной ссылке в браузере по адресу: <https://мосу.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/window/31327598/> «скачан» видеофайл с теми же атрибутами. Задача: необходимо установить степень совпадения файлов на жестком диске лица и на жестком диске лица, производящего проверку.

Последовательно просмотрев оба файла и их свойства в распространенной программе Media Player Classic, установлено совпадение их содержания и следующих атрибутов: дата последнего изменения файла – 16.07.2022 г. 12 час. 53 мин. 10 сек.; размер 258 Мбайт; формат – «МPEG-4»; размер кадра – 1280/720 точек; частота кадров – 25 кадров/сек.; длительность воспроизведения – 3 мин. 29 сек.; тип контейнера – MP4; сжатие видео – кодек «avc1»; сжатие аудио – кодек «mp4a-40-2»; видео битрейт – 10,0 Мбит/сек.; аудио битрейт – 317 Кбит/сек. Также оба файла имеют одинаковые контрольные суммы, вычисленные с помощью HashTab (расширения проводника Windows) путем применения к файлам хэш-функции с использованием, например, алгоритма MD5: AB6D33CB4F99E9A63CC701E4E7BC1FE3, то есть сравниваемые файлы являются идентичными. Проверка возраста страницы в сервисе Be1.ru показал совпадение даты образования страницы с датой последнего изменения проверенных видеофайлов (в данном случае несколько излишне, так как дата размещения материала указана в самой новости). То есть были применены методы установления обстоятельств без применения помощи специалиста с использованием распространенных программных средств.

Подводя итог, можно сказать следующее: информационно-телекоммуникационные технологии на современном этапе развития общества внедрены практически повсеместно, трудно представить область человеческой деятельности, где бы они ни применялись. Практика раскрытия и расследования преступлений, особенно в сфере ИТТ, базирующаяся на традиционных подходах к работе с доказательствами, будет всегда отставать от прогрессирующих способов преступлений, а сроки следствия будут увеличиваться. Связано это, в частности, с необходимостью соблюдения процессуальных требований применения специальных знаний специалистами и экспертами, хотя сам следователь зачастую в состоянии применить некоторые ИТТ самостоятельно. Видится правильным подход к изменению ситуации, когда компетенции в области ИТТ будут профессиональными компетенциями следователя, вследствие чего знания «утратят» статус «специальных». Применение общедоступного программного обеспечения (а со временем, и специализированного) также будет способствовать быстрой, качеству и полноте раскрытия и расследования преступлений, даже без участия специалистов или проведения судебной экспертизы.

Список источников

1. Егоров Н. Н. Использование специальных знаний: история, состояние и перспективы развития / Н. Н. Егоров, А. А. Протасевич // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 101–117.
2. Сенькевич С. С. Использование специальных знаний при расследовании уголовных дел о незаконной охоте / С. С. Сенькевич // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 203–208.
3. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков / под редакцией Е. Р. Россинской; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2022.
4. Толковый словарь Ожегова. Словари онлайн. Onlinedic.net. Сайт. – URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/page/word33334.php>.
5. Шаров В. И. Оперативно-разыскная деятельность и интернет / В. И. Шаров. Н. Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021.

References

1. Egorov N. N. The use of special knowledge: history, state and prospects of development / N. N. Egorov, A. A. Protasevich // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2022. No. 1 (35). P. 101–117.

2. Sen'kevich S. S. The use of special knowledge in the investigation of criminal cases of illegal hunting / S. S. Senkevich // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. P. 203–208.

3. Theory of information and computer support of criminalistic activity / E. R. Rossinskaya, A. I. Semikalenova, I. A. Ryadovsky, T. A. Saakov ; edited by E. R. Rossinskaya ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian

Federation ; Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA). M. : Prospect, 2022.

4. Ozhegov's explanatory Dictionary. Dictionaries online. Onlinedic.net. Website. – URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/page/word33334.php> .

5. Sharov V. I. Operational investigative activity and the Internet / V. I. Sharov. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021.

Информация об авторах

А. В. Шаров – начальник кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

И. А. Архипова – заместитель начальника кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A.V. Sharov – Head of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

I. A. Arkhipova – Deputy Head of the Department of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Настольная книга эксперта. Майлис Н. П. Монография. 287 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований.

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение.

В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

Для аспирантов (адъюнктов), студентов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные

экспертизы, и специалистов, которые их проводят, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к криминалистике и судебной экспертизе.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-264-270>

ИДОН: 2015-0066-6/22-573

MOSURED: 77/27-011-2022-06-772

Правовое регулирование искусственного интеллекта как ключевого элемента цифровой экономики Российской Федерации

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Вячеслав Ильич Федулов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, Fmgouvi@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы правового регулирования искусственного интеллекта как ключевого элемента развития цифрового права, а также особенности его правовой регламентации как объекта в законодательстве Российской Федерации. Проанализированы особенности нормативного закрепления дефиниции искусственного интеллекта, а также механизмы его правоприменения в развивающейся сфере цифровой экономики Российской Федерации. На основе сложившейся практики применения ИТ обоснована необходимость учета интересов государства в системе цифровых правоотношений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое право, цифровая экономика, технологии искусственного интеллекта, цифровые правоотношения

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Федулов В. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта как ключевого элемента цифровой экономики Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 264–270. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-264-270>.

Original article

Legal regulation of artificial intelligence as a key element of the digital economy of the Russian Federation

Nodari D. Eriashvili¹, Vyacheslav I. Fedulov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, Fmgouvi@inbox.ru

Abstract. The problems of legal regulation of artificial intelligence as a key element in the development of digital law, and the peculiarities of its legal regulation as an object in the legislation of the Russian Federation are being considered. The peculiarities of the normative fixation of the definition of artificial intelligence, as well as the mechanisms of its enforcement in the developing sphere of the digital economy of the Russian Federation are being analyzed. Based on the established practice of using digital technologies, the need to take into account the interests of the state in the system of digital legal relations is justified.

Keywords: artificial intelligence, digital law, digital economy, artificial intelligence technologies, digital legal relations

For citation: Eriashvili N. D., Fedulov V. I. Legal regulation of artificial intelligence as a key element of the digital economy of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(6):264–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-264-270>.

В январе 2021 г. был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 года «Об экспериментальных-правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [1]. В соответствии с его положениями

лица, причастные к разработке и внедрению цифровых инноваций должны реализовать их практическое применение в контексте снятия установленных ограничений нормативными правовыми актами. Таким образом,

© Эриашвили Н. Д., Федулов В. И., 2022

эти режимы позволят сократить затраты на проработку, модернизацию, тестирование, а также внедрение новых технологий для субъектов коммерческой деятельности с постепенным снижением консалтинговых, юридических, коммерческих и иных рисков.

В соответствии с абзацем 2 ст. 2 вышеуказанного Закона закреплено нормативное определение термина «цифровые инновации», под которыми понимаются новые или существенно улучшенные продукты (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новый метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным частью 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации, а по направлению, предусмотренному пунктом 4 части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, Центральным банком Российской Федерации».

Постановлением Правительства РФ № 1618 от 07 октября 2020 г. «О внесении изменений в пункт 1 Положения о Министерстве экономического развития Российской Федерации» [2] Министерство экономического развития Российской Федерации определено в качестве уполномоченного федерального органа исполнительной власти с целью правового регулирования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.

Данный закон принят в рамках «Федерального проекта нормативное регулирование цифровой среды» [3], направлен на создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере, а также «реализацию задач национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [4], сформулированных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях развития России до 2030 г.» [5]. Федеральный проект регламентирует разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на устранение приоритетных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, в частности, в таких областях, как: гражданский оборот, финансовые технологии, интеллектуальная собственность телекоммуникации, а также стандартизация и судебные разбирательства.

Создание гибкой системы правового регулирования может быть направлено не только на развитие технологий, но и на предотвращение различных негативных последствий, которые могут быть вызваны действиями по использованию роботов, объектов робототехники, влияющих на быстрое развитие самих технологий. Появление гибкой системы стимулирования развития технологий искусственного интеллекта обеспечивается посредством специальных «песочниц». Метафора «песочницы» является иллюстративным, поскольку конкретный эксперимент должен быть ограничен участ-

никами, технологией, применимые требования и т. д. При этом метафорический характер юридической терминологии уже становятся характерным для стратегических документов, связанных со сферой цифровых технологий [6].

Основной предпосылкой для введения специального регулирования на базе песочницы является то, что развитие технологий зачастую происходит быстрее, чем предполагает общее регулирование. В этих условиях государство находится в постоянном поиске способов сделать более гибкой данную сферу регулирования, способствуя устойчивому и эффективному развитию в различных областях экономики. Как справедливо отмечает Клаус Шваб, основатель и постоянный президент Всемирного экономического форума, «нам нужен новый нормативно-правовой климат, без которого невозможно уверенно применять инновационные технологии. Устаревшее законодательство плохо приспособлено к описанным проблемам – это огромный гандикап» [7]. При таких обстоятельствах и в силу того, что невозможно установить адекватность регулирование большинства инноваций без практического опыта, государства ищут способы опробовать новые подходы без фундаментальных изменений в законодательстве [8].

В целом механизм «регуляторной песочницы» предусматривает методы тестирования новых технологий и бизнес-процессов в ограниченном числе участников по конкретным правовым требованиям, что означает либо удаление некоторых обязательных требования для экспериментальных целей, либо разработку специальных требований и индивидуальных положений. Оба этих варианта имеют ограниченный срок для проверки новых технологий или бизнес-процессов и результатов их внедрения.

При этом аналитики уже использованного подхода правового регулирования, говоря о его перспективах, обращают внимание на то, что, поскольку в рамках пандемии, цифровые технологии приобретают все большее значение в новых сферах общественной жизни таких как экономика, государственное и муниципальное управление, текущая ситуация с COVID-19 может привести к развитию как цифровых инноваций, так и песочниц [9], однако есть сомнения в эффективности гибких правил в балансе общественных интересов и бизнес-стратегии.

«Целями экспериментального правового режима является формирование, по результатам его внедрения новых видов, форм и методов хозяйственной деятельности; разработка конкуренция; расширение состава, повышение качества или доступности товаров, работы и услуги; повышение эффективности государственного или муниципального управления; обеспечение развитие науки и социальной сферы; совершенствование общего регулирования на основе результатов реализации экспериментального правового режима; привлечение инвестиций в развитие предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации;

создание благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций» [8, с. 407].

Установление типа изучаемого правового режима означает применение специальных, отличных от общеправовых норм (специальных норм и норм общего регулирования – в определениях анализируемого закона) хозяйствующим субъектам – юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. На основе специальных положений закон определяет систему правовых институтов, которые заметно отличаются от общих установок, используемых в отношении его участников на определенный период времени. Поскольку фундаментальной основой регулирования выступает федеральный закон, то специальное регулирование осуществляется только в тех случаях, когда федеральными законами предусмотрено их применение.

Специальное правовое регулирование со стороны регулятора должно включать инициативное взаимодействие с установлением конкретизированных правил поведения участников данной системы правоотношений при проведении эксперимента, а также разработка положения о контроле за их деятельностью со стороны основного органа.

Таким образом, аналогичный режим «вводится для поддержки и развития приоритетных секторов экономики, для ускорения появления и внедрения новых продуктов и услуг в области применения цифровых инноваций. Осуществление экспериментального режима в рамках формирования новой «нормативной» среды позволяет осуществить смягчение правового регулирования в течение определенного периода времени в областях разработки, тестирования и внедрения цифровых инноваций, а также сферах, имеющих важное значение для общества» [10].

Анализ взаимозависимости и взаимного влияния развития цифровых технологий, технологии и формирование этой среды в контексте цифровизации экономики, социальной сферы и других составляющих современного высокотехнологичного мира позволяет сделать вывод о том, что формируется принципиально иной регулятивный ландшафт как правовая основа в регулировании искусственного интеллекта, удаленной идентификации и аутентификации человека, обработки больших данных, технологий дополненной и виртуальной реальности.

Анализ Федерального закона от 31 июля 2020 года «Об экспериментальных-правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» предоставляет возможность в последующем использовать цифровые технологии во многих сферах жизни общества, не ограничиваясь лишь экспериментальными. В настоящее время, экспериментальные правовые режимы в область цифровых инноваций могут быть созданы в таких областях разработки, тестирования и внедрения цифровых инноваций как:

1) медицинская деятельность, включая использование телемедицинских технологий и технологий для

сбора и обработки информации о состоянии здоровья и диагнозах граждан, включая фармацевтическую деятельность;

2) проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, включая высокоавтоматизированные транспортные средства и беспилотные летательные аппараты, сертификация их операторов, обеспечение транспорта и логистики услуги и организация транспортных услуг;

3) сельское хозяйство;

4) финансовый рынок;

5) реализация товаров, работ, услуг дистанционным способом;

6) архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений;

7) предоставление государственных и муниципальных услуг, а также осуществление государственного контроля (надзор) и муниципального контроля;

8) промышленное производство (промышленность);

9) другие области разработки, тестирования и внедрения цифровых инноваций, утвержденные Правительством Российской Федерации.

Правовой эксперимент предполагается распространить на системы, основанные на цифровых инновациях, включая большие данные (big data), блокчейн, нейротехнологии и искусственный интеллект, квантовые технологии, робототехника и т. д. [8, с. 409].

Однако в проекте не определен какой-либо полный список таких технологий, но используется только термин «цифровые инновации», определяемый как новый или существенно усовершенствованный продукт (продукт, работа, услуга, защищенный результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новый метод продажи или организационный метод в бизнесе, практика, организация рабочих мест или внешних сношений» [11].

Нормативная песочница представляет собой правовую платформу, которая создается инициаторами (регуляторами или региональными органами) для целей тестирования или ограничения использования инноваций и предусматривающая конкретный режим правового регулирования для участников в контролируемой правовой среде.

Родиной «регуляторных песочниц» является Великобритания, где первая такая платформа была создана в 2016 году. Аналогичные механизмы существуют также в США, Канаде, Китае, Австралии, Сингапур, ОАЭ, Гонконг, Швейцария, Таиланд, Индонезия, Республика Казахстан, Бахрейн, Иордания, Сьерра-Леоне и ряд других стран [8, с. 405]. Несомненно, перечень государств, имплементирующих механизм «регуляторных песочниц», будет расширен в ближайшее годы, поскольку государства с различными правовыми системами заинтересованы в этом с использованием своих политических традиций.

Платформа для «проведения пятилетнего эксперимента по внедрению технологий искусственного интеллекта с целью апробации нового правового режима также была создана в г. Москве (Федеральный закон № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 г. «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условия для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесение изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»)» [12].

Находясь под контролем государства, «песочница» может быть преобразована на основе специальных правил. Новые финансовые продукты, высокие технологии и инновационные бизнес-модели или процессы могут быть утверждены в соответствии с конкретным набором правил, положений и требований, обеспечивающих надлежащие гарантии и защита общественных интересов. При этом территориальные границы «песочницы» законодательно не установлены, они смогут работать в пределах муниципалитета, региона или всей страны. Закон в значительной степени регулирует процессуальную деятельность механизм создания, изменения, отмены и мониторинга изолированных сред. В пределах этого механизма по просьбе инициатора или по просьбе регулятора, власти и бизнес-сообщество смогут оценить инициативу и предложения по специальным правилам и принятие решения о возможности их регулирования.

При этом исследователи обращают внимание на возможные проблемные вопросы практического характера реализация этого механизма [11]. К ним относятся вопросы, связанные с коррупционными рисками из-за отсутствия установленных законом критериев принятия решений, рисков несправедливых компонентов и ограниченных раскрытие бизнес-данных при обработке заявки, налоговая нагрузка для участников песочницы и другие.

В настоящее время стадию независимой антикоррупционной экспертизы проходит проект Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который определяет перечень отдельных законодательных требований, «которые по решению Правительства Российской Федерации в соответствии с программами экспериментального правового режима, могут быть неприменимы в рамках экспериментального правового режима».

Как отмечалось выше, законопроект предусматривает исключения из некоторых законодательных актов требования в таких областях разработки и тестирования цифровых инноваций, как медицина производство, проектирование и эксплуатация высокотехнологичных транспортных средств, предоставление транспортных и

логистических услуг, а также организация транспортного обслуживания. Предлагаемый перечень исключений из некоторых законодательных требований предполагает возможность неприменения положений соответствующих федеральных законов, когда установлен экспериментальный правовой режим.

В середине марта 2021 года стало известно о первых проектах, представленных Правительством Российской Федерации, для которых установлен специальный экспериментальный правовой режим с целью использования цифровых инноваций.

Перечень проектов включает проекты, предлагаемые ПАО «МТС» и Яндекс. Первый проект, представленный МТС, интересен тем, что обеспечивает возможность дистанционного заключения договоров на оказание услуг связи с использованием биометрических технологий, т. е. дает практическую возможность заключить соглашение об услугах сотовой связи без непосредственного посещения салона сотового оператора, и идентификация личности будет осуществляться биометрически.

Второй проект ПАО «МТС», выбранный Правительством Российской Федерации, на который будет распространяться специальный правовой режим – в сфере применения высокотехнологичной медицины. Цель проекта заключается в повышении доступности высококвалифицированных медицинских услуг. Для успешной реализации этого проекта требуется значительный пересмотр действующего законодательства, касающегося действующего Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [13].

В этой связи статья 36.2 данного закона, в частности, налагает определенного рода ограничения на медицинскую помощь, а также предоставление консультаций пациенту с использованием телемедицины в первую очередь подлежит изъятию в рамках применения экспериментального правового режима.

Ряд изменений должен касаться вопросов, которые определяют, в каком порядке и кем принимаются решения об использовании инновационных услуг, несмотря на их отсутствие в перечне, стандартах медицинской помощи и клинических руководствах на дату экспериментального внедрения инновационного сервиса. По мнению экспертов, реализация этой инициативы должна существенно повлиять на изменение законодательства в этой области.

Также в списке первых «песочниц» оказался инновационный проект компании «Яндекс», суть которого заключается в использовании беспилотного транспорта в коммерческом отношении – в высшей степени автоматизированные транспортные средства. Законодательство в сфере обеспечения безопасного дорожного движения не допускает эксплуатацию автомобилей без водителя, и требования эксперимента по пробной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования значительно ограничивают

развитие «NAV технологий». Это нововведение предполагает значительный пересмотр законодательства РФ и внесение в нее существенных изменений (в таких вопросах, как страхование, технический осмотр, безопасность движения).

В этой связи законопроект не предполагает возможность применения ряда положений таких законов, как ФЗ «О безопасности дорожного движения» [14], Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [15], ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электротранспорта» [16], «О техническом осмотре транспортных средств и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [17] и др.

В базе данных Федерального Собрания Российской Федерации имеется законопроект № 1129501-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых технологий инновации в Российской Федерации» [18], который вводит ряд исключений из действующего законодательства, регулирующего связь, использование персональных данных, а также внесение существенных изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в вопросах, касающихся безопасности движения, и допускает правовые исключения для некоторых цифровых инновационных проектов. Список проектов, которые планируется обеспечить особым правовым режимом, приведен в пояснительной записке к законопроекту. И предварительные выводы об эффективности и адекватности использования механизма «регуляторных песочниц» могут быть сделаны только после подведения итогов реализации первых проектов.

В настоящее время Правительство Российской Федерации пересматривает Концепцию развития регулирования в сфере искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, подготовленную Минэкономразвития, «Сбербанком» и «Сколково». Сообщается, что эта концепция перечисляет пробелы и проблемы регулирования, включая неприкосновенность частной жизни и ответственность за ущерб от использования искусственного интеллекта и роботизированных систем.

Согласно имеющимся сведениям, эта концепция основана на понятии «стимулирование до регулирования», которое означает, что ограничения будут вводиться только при наличии риска внедрения новых технологий. Второй подход, ориентированный на человека, означает, что использование искусственного интеллекта (ИИ) не должно причинять вреда самому человеку. Они указывают на определенные препятствия на пути внедрения новых технологий, включая адаптацию законов о данных для учета проблем конфиденциальности, создание безопасного режима доступа данных и снятие ограничений на использование данных.

Еще одна проблема – разграничение ответственности за ущерб, причиненный ИИ и роботизированными системами. Разработка инструментов страхования в сочетании с четким описанием условий, в которых система ИИ идентифицирует себя при непосредственном контакте с человеком. Концепция также рекомендует упростить правила для облегчения экспорта технологий ИИ и улучшить права интеллектуальной собственности. Необходимо найти баланс между конфиденциальностью данных и экспериментами и недостаточностью действующих нормативных «песочниц» для тестирования беспилотных транспортных систем.

Таким образом, экспериментальные правовые режимы такого типа являются наиболее перспективными и эффективными инструментами для создания специальных процедур тестирования и последующего внедрения решений в области искусственного интеллекта и обработки больших данных. Они позволяют своевременно осуществлять реализацию разработок в обход извилистых бюрократических процессов, которые не учитывают специфику искусственного интеллекта или больших данных. Вышеназванные правовые режимы также не требуют корректировки действующего законодательства и обеспечивают надлежащий уровень безопасности и защиты граждан Российской Федерации. Экспериментальный юридический режим создаст надлежащие условия для понимания того, что необходимо исправить в нынешней концепции искусственного интеллекта, и позволит проводить последовательное и целенаправленное тестирование правовых норм в этой сфере правового регулирования.

Список источников

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 года «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 25.03.2022).
2. Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010130016> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Официальный сайт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» // <https://digital.ac.gov.ru/about/7/> (дата обращения: 28.04.2022).
4. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 21.04.2022).
5. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // <https://docs.cntd.ru/document/557309575> (дата обращения: 18.04.2022).
6. Алексеева М. М., Федулов В. И. Актуальные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации // Юридический мир. 2022. № 10. С. 25–29.

7. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции // Top Business Awards. 2018. P. 320.

8. Мамина О. И. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций и механизм специального регулирования : новые понятия российского законодательства. В сборнике : Искусственный интеллект и тренды цифровизации : техногенный прорыв как вызов праву. 2021. С. 404–411.

9. D. Ahlstrom, J.-L. Arregle, M. A. Hitt, G. Qian, X. Ma, D. Faems, J. of Management Studies 57(3), 411 (2020).

10. Артемова С. Т., Жильцов Н. А. Чердаков О. И. Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10.

11. Салихов Д. Р. «Регулятивные песочницы» в России : новые горизонты и вызовы // Цифровое право. Том 1. № 2. 2020.

12. Официальный сайт Российской газеты // <https://rg.ru/2020/04/28/tehnologii-dok.html> (дата обращения: 18.04.2022).

13. Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации // <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g> (дата обращения: 15.04.2022).

14. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 N 196-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585 (дата обращения: 19.04.2022).

15. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (дата обращения: 22.04.2022).

16. Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 08 ноября 2007 г. № 259-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/ (дата обращения: 17.04.2022).

17. Официальный портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102148780> (дата обращения: 20.04.2022).

18. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1129501-7> (дата обращения: 28.04.2022).

References

1. Federal Law of July 31, 2020 «On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation» // SPS «Consultant Plus» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (accessed: 25.03.2022).

2. Official Internet portal of legal information // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010130016> (accessed: 27.04.2022).

3. Official website of the federal project «Regulatory regulation of the digital environment» // <https://digital.ac.gov.ru/about/7/> (accessed: 28.04.2022).

4. Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation // <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (accessed: 21.04.2022).

5. Electronic Fund of legal and regulatory documents // <https://docs.cntd.ru/document/557309575> (accessed: 18.04.2022).

6. Alekseeva M. M., Fedulov V. I. Actual problems of legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation // Legal world. 2022. № 10. P. 25–29.

7. Shvab K. Technologies of the Fourth Industrial Revolution // Top Business Awards. 2018. P. 320.

8. Mamina O. I. Experimental legal regimes in the field of digital innovations and the mechanism of special regulation: new concepts of Russian legislation. In the collection : Artificial Intelligence and Digitalization trends : Technogenic breakthrough as a challenge to the law. 2021. P. 404–411.

9. D. Ahlstrom, J.-L. Arregle, M. A. Hitt, G. Qian, X. Ma, D. Faems, J. of Management Studies 57(3), 411 (2020).

10. Artemova S. T., Zhiltsov N. A. Cherdakov O. I. Digital divide and constitutional guarantees digital equality // Constitutional and municipal law. 2020. № 10.

11. Salikhov D. R. «Regulatory sandboxes» in Russia : new horizons and challenges // Digital law. Volume 1. № 2. 2020.

12. Official website of the Russian newspaper // <https://rg.ru/2020/04/28/tehnologii-dok.html> (accessed: 18.04.2022).

13. Official website of the Ministry of Health of the Russian Federation // <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g> (accessed: 15.04.2022).

14. Federal Law «On road traffic safety» dated 10.12.1995 № 196-FZ // SPS «Consultant Plus» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585 (accessed: 19.04.2022).

15. Federal Law № 40-FZ of April 25, 2002 (as amended on 28.12.2022) «On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners» // SPS «Consultant Plus» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (accessed: 22.04.2022).

16. Federal Law «Charter of motor transport and urban ground electric transport» dated November 08, 2007 № 259-FZ // SPS «Consultant Plus» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/ (accessed: 17.04.2022).

17. Official portal of legal information <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102148780> (accessed: 20.04.2022).

18. Official website of the State Duma of the Russian Federation <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1129501-7> (accessed: 28.04.2022).

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования;

В. И. Федулов – доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of education;

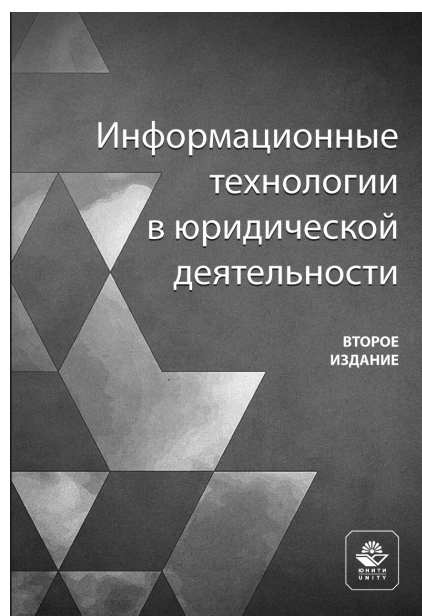
V. I. Fedulov – Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 11.10.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 11.10.2022.

Информационные технологии в юридической деятельности.
2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий. Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-271-276>

НИОН: 2015-0066-6/22-574

MOSURED: 77/27-011-2022-06-773

Украинский проект как геополитическая и экономическая ошибка Запада

Сергей Рифатович Аблеев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

asr028@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается геополитическая стратегия коллективного Запада в отношении Российской Федерации, в которой националистическому режиму на Украине отводится роль разрушительного анти-российского орудия США и Европы. Анализируются причины и последствия украинского кризиса начала XXI века, а также стратегическая роль России в формировании нового многополярного мира и Евразийского полюса силы.

Ключевые слова: геополитика, специальная военная операция, российская цивилизация, суверенитет, многополярный мир, Русский мир, Украина

Для цитирования: Аблеев С. Р. Украинский проект как геополитическая и экономическая ошибка Запада // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 271–276. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-271-276>.

Original article

Ukrainian project as a geopolitical and economic mistake of the West

Sergey R. Ableev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

asr028@yandex.ru

Abstract. The geopolitical strategy of the collective West regarding the Russian Federation, which considers Ukrainian regime as a disruptive anti-Russian weapon used by the USA and Europe is being considered. The author analyses the course and the consequences of the Ukrainian crisis at the beginning of the XXI century and the strategic role of Russia in creating a new multipolar world and a Eurasian pole of power.

Keywords: geopolitics, special war operation, Russian civilization, sovereignty, multipolar world, Russian world, Ukraine

For citation: Ableev S. R. Ukrainian project as a geopolitical and economic mistake of the West. Bulletin of economic security. 2022;(6):271–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-271-276>.

После неожиданного крушения СССР в 90-е годы XX столетия у коллективного Запада возникли два альтернативных варианта или стратегии дальнейшего развития своих отношений с Россией как государством и Русским миром как определенным культурным сообществом народов. Первый – это широкое равноправное сотрудничество, построение единой (как минимум европейской) системы безопасности, формирование общего экономического пространства от Атлантического до Тихого океана. Это был во всех отношениях наилучший вариант с точки зрения разумной политической прагматики и реальных социально-экономических перспектив.

Российские либеральные элиты 90-х годов очень рассчитывали на этот благоприятный вариант развития отношений и даже почти не сомневались в его реализации в самом ближайшем будущем. Фактически отношения с коллективным Западом с начала 90-х годов до 2007 года выстраивались в контексте ожидания такого взаимовыгодного экономического сотрудничества и политического взаимопонимания. Российские реформаторы полагали, что все «идеологические барьеры» и «железные занавесы» наконец падут, и Россию добродушно примут как равноправного партнера в мировое сообщество демократически и технологически развитых государств. Более того, она найдет свое место в мировой

© Аблеев С. Р., 2022

системе разделения труда на основе принципов честной конкуренции и развивающейся глобализации.

Однако Запад выбрал другую стратегию построения отношений с Российской Федерацией – так называемую «*политику сдерживания России*», которая сначала осуществлялась негласно, тонко и завуалировано. А после 2008 года – уже публично, демонстративно и даже грубо. Такая политика фактически предписывала России статус некой социально-экономической резервации, зависимой квази-колонии, политически управляемой кукольной демократии без реального суверенитета и собственных интересов. По этому варианту Россия должна была смиренно поставлять в Европу и Америку дешевые природные ресурсы, не стремиться к развитию наукоемких технологий и высокотехнологичных производств, следовать западным ценностям, позволять окружать себя военной инфраструктурой НАТО, не претендовать на восстановление единого политического, экономического и культурного пространства, в которое входили республики бывшего СССР.

Необходимо констатировать, что данная стратегия Запада вполне успешно осуществлялась на протяжении всего постсоветского периода развития нашей страны. И, в частности, постоянное расширение блока НАТО на Восток в сторону российских границ есть лишь малая и не единственная часть этого грандиозного, многоаспектного, завуалированного благообразной политической риторикой Плана обуздания и сдерживания «*российского Медведя*». Причем около двадцати лет после деструкции СССР все шло довольно гладко и тихо, так как российская политическая система не рефлексировала эту проблему и почти не реагировала на лукавую стратегию Западного мира. Переломным рубежом, как известно, явилась Мюнхенская конференция по безопасности 2007 года, где Президентом РФ были недвусмысленно обозначены негативные стороны однополярного мира и обоснованные опасения России за свою безопасность. Тогда В. В. Путин в своем докладе прямо назвал вещи своими именами: однополярный мир фактически предполагает только *один центр власти, один центр силы и один центр принятия решений*. Сложившаяся ситуация содержит весьма реальные угрозы не только для России, но и для всего человечества.

Таким образом, как только Россия начала активно сопротивляться укреплению монополярного мира и продвижению стратегии Запада по сдерживанию РФ (Грузинский конфликт 2008 года, признание независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 году, твердая позиция по Украинскому государственному перевороту 2014 года, защита населения Крыма с последующим признанием итогов референдума о его вхождении в состав РФ, военная и дипломатическая поддержка Сирии против агрессии исламских боевиков и США, последовательное дипломатическое и экономическое содействие ДНР и ЛНР после 2014 года) – тут же последовала резкая реакция коллективного Запада во главе с США.

После всех этих событий в глазах политической элиты Америки и Европы российское государство становится уже не полу-партнером или «младшим братом», но явным *враждебным противником*, которого необходимо поставить на место политическими, экономическими, идеологическими, информационными, а если потребуется и военными средствами.

Вот так в общих чертах выглядит реальный геополитический фон, на котором надо рассматривать так называемый «*Украинский проект*» Запада. В долгосрочном стратегическом Плате противодействия России Украина своими западными кураторами всегда воспринималась как проходная фигура, разменная монета или даже козырная карта (в зависимости от точки зрения) в большой геополитической игре за доминирование в Евразии и на всем планетарном пространстве в новом тысячелетии. В этом контексте следует обратить особое внимание на евразийский аспект геополитических амбиций Вашингтона, которые вовсе не заканчиваются на границах Украины.

Некоторые современные европейские авторы (Ф. Виелмини [1, с. 70]) не без оснований отмечают, что американская внешняя политика в конце XX и начале XXI столетий развивается в концептуальном фарватере популярной на Западе теории британского геополитика Хэлфорда Маккиндера [2]. Как известно, уже в начале XX века он предписывал стратегическое значение географическому пространству так называемого *Хартленда* – центральной части Евразийского континента, к которой, кстати, относил не только Центральную Азию и Сибирь, но и Восточную Европу. В одной из своих известных работ («*Демократические идеалы и действительность*») Маккиндер предельно четко сформулировал свое представление о линиях детерминации мирового господства: «*Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом; кто контролирует Мировой остров, тот командует миром*» [3, с. 134].

Весьма существенную роль в Восточной Европе, безусловно, играет Украина, которая в этой схеме в силу своего географического и социально-политического положения приобретает решающее значение. Как полагал Маккиндер, она должна быть отделена от России подобно другим пограничными (лимитрофным) государствам и не иметь фактической самостоятельности. Иными словами, всем этим государствам предписывался *марионеточный статус*. Они должны были выступать политическим барьером или буферной зоной между Россией и Европой, особенно между Россией и Германией, союзнические отношения между которыми для британской элиты были недопустимы [4, с. 22].

Таким образом, по оценкам британских и американских аналитиков если Россия потеряет влияние на Украину и другие бывшие советские республики, то ее евразийский имперский потенциал будет сильно подорван. Она не сможет контролировать Евразию. Разде-

ление России и Украины в таком случае приобретает уже не частное европейское, но общее геополитическое значение.

Судьба украинского народа в этой глобальной игре политический истеблишмент США и Европы, разумеется, не интересовала. Так было в начале XX века. И ничего не изменилось в начале XXI века. Неужели в Вашингтоне и Брюсселе не понимали, что в результате государственного переворота 2014 года они сместили законно избранного Президента страны, нарушили хрупкий консенсус политических элит и привели к власти в Киеве бандеровских ультранационалистов и украинских неонацистов? Вне всяких сомнений это было понятно изначально.

Более того, именно в этом и состоял замысел наконец то осуществленной манипулятивной политтехнологии «оранжевой революции» и «майданной демократии», в которые Государственный департамент и спецслужбы США в течение двадцати лет вложили весьма немалые финансовые средства и организационные усилия. Украина изначально рассматривалась как специальное геополитическое орудие или даже как *сокрушительный таран* против России. Новая Украина формировалась под влиянием бредовых идеологических мифов и конструировалась как «*Анти-Россия*» – в сущности агрессивная *политическая химера*, способная втянуть реальную Россию в деструктивные процессы социально-политической, экономической и этнической турбулентности.

Именно в этом видели ее историческое предназначение вашингтонские политтехнологи, вопреки наивным фантазиям украинских лидеров о каком-то самостоятельном значении новой Украинской державы для Европы и даже для всего мира. Далеко не секрет, что о прикладной или утилитарной роли оголтелого украинского национализма в геополитических стратегиях Запада не раз вполне открыто рассуждали европейские и американские идеологи как в XIX–XX столетиях, так и в начале XXI века.

Вот, например, уместно вспомнить весьма недвусмысленное откровение патриарха американской геополитики Збигнева Бжезинского из его известной книги «*Великая шахматная доска...*» (1997): «*Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей*» [5, с. 54].

Оказывается, настоящая цель большой геополитической игры США на постсоветском пространстве в конечном счете есть ослабление и поражение России, имперский потенциал которой уже более сотни лет пугает американскую политическую элиту. Поэтому пришедшим к власти на Украине радикальным националистам на самом деле отводилась незавидная роль «*бешеных псов*» либеральной демократии, которые должны были

идеологически мотивированно рвать культурную плоть Русского мира и его «*поганых москалей*».

Подобная стратегия уже применялась европейскими лидерами накануне Второй мировой войны, когда в качестве подобных «*бешеных псов*» против СССР попытались использовать отформатированные нацистской идеологией дивизии гитлеровской Германии. Тогда в Европе многие тоже наивно думали, что немецкие нацисты обратят свою агрессию исключительно на Восток, и она почти не затронет пространство Старого Света. Однако все пошло по другому сценарию. И эта злобная дипломатическая игра закончилась тотальным поражением Европы и геополитическим усилением двух главных победителей Второй мировой войны – СССР и США.

Такова вся геополитическая и экзистенциальная сущность Украинского проекта Запада, если развеять плотный идеологический туман и убрать псевдодемократические ширмы, которыми американские и европейские лидеры пытаются скрыть от массового сознания подлинные ландшафты политической реальности и скрытые цели своих замыслов. В этой связи надо признать, что некоторые светлые умы в Европе вполне понимали, что осуществляемая стратегия Запада по отношению к России (расширение НАТО и антироссийское форматирование Украины) есть серьезная, если не фатальная ошибка. Например, об этом говорили отдельные немецкие депутаты в Бундестаге. Конечно, они были совершенно правы: Вашингтону и Брюсселю не следовало игнорировать интересы России, усиливать экспансию НАТО и создавать ненужное политическое напряжение между Западом и Россией. Ведь никакой реальной военной угрозы для Европы, тем более для Америки со стороны Русского мира не существовало. Однако голос таких политиков почти никто не слышал и не принимал во внимание.

Таким образом, Специальная военная операция России на Украине в 2022 году явилась прямым следствием неконструктивной, недружественной, агрессивной политики США и Европы в отношении РФ. Могла ли Россия отказаться от военного решения украинской проблемы? Многие на Западе, и некоторые авторы в России говорят, что могла и должна была так сделать. Но этот вопрос поставлен неправильно. На самом деле вопрос стоит иначе: могла ли Россия безучастно смотреть на убийства русского населения Донбасса, допустить втягивание Украины во враждебные военные блоки, согласиться с разработкой бактериологических средств массового поражения на своих границах, не возражать против появления ядерного оружия на критическом расстоянии от своих рубежей и в конечном счете подорвать свою безопасность?

Необходимо также принять во внимание, что политическое руководство России отчаянно пыталось в течение нескольких месяцев (до февраля 2022 года) решить эту обостряющуюся проблему дипломатическим путем. Однако все усилия оказались тщетны. Никто в Вашинг-

тоне и Брюсселе не собирался принимать в расчет тревогу России о собственной безопасности и решать этот вопрос на паритетных началах. Диалог коллективного Запада с Россией выглядел как переговоры Метрополии с одной из своих Колоний.

Поэтому вся обозначенная проблематика должна рассматриваться совершенно в другой системе координат. Не только среди политической элиты, но и в широких кругах российского общества под давлением коллективного Запада наметился резкий рост национального самосознания и на передний план стали выходить весьма непростые и острые вопросы. Мы соглашаемся с нарастающим геноцидом русского населения в Донбассе и во всей Украине или нет? Мы воспринимаем Россию как резервацию для людей второго сорта или как Великую Державу, способную отстаивать свои интересы и ставить грандиозные цели по собственному развитию? Наше государство является суверенным или представляет собой политический кукольный театр, заказные спектакли в котором разыгрывают влиятельные кукловоды из-за Океана? Очевидные ответы на подобные вопросы предопределили довольно существенную поддержку в российском обществе непростого решения Президента РФ по купированию угроз с украинского направления.

Историческая трагедия Украины состоит в том, что она так и не достигла политической зрелости, не смогла осознать все преимущества нейтрального статуса своей государственности и выбрать в качестве стратегии своего дальнейшего развития прагматичную формулу *геополитического Моста* между Евразией и Европой [6, с. 9]. Это вполне могли и должны были понять политические и культурные элиты постсоветской Украины. Ведь речь вовсе не шла о включении Украинского государства в состав Российской Федерации. Москва уже давно согласилась с *«самостийным»* политическим существованием своего соседа (на самом деле своих отделенных территорий). Речь шла об адекватном геополитическом принципе взаимодействия двух стран и народов, который позволил бы снять все возникшие в прошлом напряжения и установить долгожданное равновесие интересов.

Принцип или формула *геополитического Моста* как раз и предполагала такое равновесие. Это есть сбалансированное экономическое взаимодействие с Европой и Россией. Это есть внеблоковый (нейтральный) военный статус Украинского государства. Это есть реально независимая (*«незалежная»*) от Запада суверенная демократия. Наконец, это есть культурное содружество и духовная синергия, закрепляющая равные права исторически близких украинского и русского этносов на территории Украины, в том числе и два государственных (родственных) языка.

Можно даже не сомневаться, что при последовательном осуществлении такого геополитического и социокультурного курса Украина могла бы стать одной из самых развитых и влиятельных стран Европы. Ведь

в наследство от СССР она получила огромные географические территории (которые ей никогда не принадлежали), высоко развитую промышленность, богатые природные ресурсы, выход к Черному морю, сильную науку и систему образования, существенный демографический потенциал.

Однако курс на нейтральный статус оказался невозможен. И эта ситуация явилась вовсе не игрой слепого случая, но была детерминирована вполне объективными причинами. Во-первых, украинское общество так и не смогло излечиться от исторической язвы радикального национализма, которая обострилась на рубеже XX и XXI столетий. Во-вторых, украинские элиты не смогли избежать наивных прозападных иллюзий, которые, надо признать, были сильны практически во всех бывших советских республиках. В-третьих, геополитическая стратегия США по идеологическому подрыву братских отношений России и Украины и формированию из последней универсального орудия против Москвы, к сожалению, оказалась вполне успешной. В-четвертых, невозможно не отметить и определенные просчеты внешней политики России, которая долгое время предоставляла Украине необоснованные экономические преференции на фоне неурегулированных межгосударственных проблем и явно националистического и вместе с тем прозападного курса своего соседа.

Дополнительную существенную сложность создавали ошибки в государственном и культурном строительстве советских лидеров, которые своими волюнтаристскими решениями в угоду текущей политической ситуации неоправданно и недальновидно передавали исторически российские земли в состав административных границ Украинской советской социалистической республики (Донбасс, Крым и др.), а также осуществляли политику насильственной украинизации широких слоев русского населения, проживавшего на территории УССР.

Тогда многим казалось, что новое территориальное деление не имеет существенного значения, ведь все республики находились в составе единого Советского Союза. Однако после деструкции СССР статус этих территорий приобрел уже не формально административный, но реально геополитический характер. Таким образом эти спорные земли явились средоточием острых межнациональных и политических проблем, которые при ином развитии событий (нахождении их в составе РФ) с высокой долей вероятности удалось бы избежать. И это оказались не просто абстрактные проблемы. Это трагически потерянные человеческие жизни, драматически искалеченные судьбы, разрушенные города и разоренные предприятия, гуманитарная катастрофа. Такова оказалась историческая цена ошибок советских политических лидеров.

В России и в других странах политические элиты и народные массы должны наконец осознать реальные причины современного обострения социально-экономических проблем и военных конфликтов. Они напря-

мую связаны с неконструктивной политикой США и их союзников в Британии и континентальной Европе. Это политика *монополярного мира* и *экономического доминирования* исключительно Нового и Старого Света, то есть так называемого *Атлантического партнерства*. Хотя и здесь между Америкой и Европой нет никакого равенства. Наивные и безвольные европейские бюргеры теперь фактически соглашаются со своим подчиненным положением относительно политической и экономической гегемонии Вашингтона. Но это, как говорится, не наша проблема. Если в Берлине, Париже и Риме согласны на роль экономических аутсайдеров и политических вассалов Белого Дома, то это есть собственный исторический выбор европейских народов. Тем хуже для стареющей Европы, которую теперь не только политически третирует «американский Дядя Сэм», но и экономически подавляют голодные «азиатские Тигры».

Итак, главные причины возникающих обострений состоят в попытках Запада сохранить свое уходящее мировое доминирование всеми возможными, даже совершенно недопустимыми средствами. Китай воспринимается как главная экономическая угроза. Но Россия в глазах Америки и Европы расценивается как угроза более серьезная. Ведь она является единственной страной в мире, которая способна в военном смысле гарантированно сокрушить любое западное государство по отдельности или в полном составе всего коллективного Запада. И если некоторые самонадеянные американские и европейские политики это не совсем понимают, то кадровые генералы Пентагона рассматривают этот вопрос без всяких розовых иллюзий.

Однако на самом деле проблема России упирается не только в военную мощь и некоторую экономическую конкуренцию американским и европейским корпорациям в отдельных сферах бизнеса (энергетика, продукция оборонного назначения, металлургия, химическая промышленность, продукты питания и др.). *Русский мир* – это, прежде всего, геополитический, аксиологический и метаисторический противник *Западного мира*. Полагаю, что вовсе немногие идеологи на Западе рационально рефлексируют эту проблему во всей ее полноте. Однако на неосмысленном или бессознательном уровне она представляет собой устойчивый архетип массового сознания в Америке и Европе, который, безусловно, имеет под собой вполне реальные основания.

Россия – это не просто большое географическое пространство с огромными природными ресурсами. Россия – это, прежде всего, *культурное пространство высокой пассионарности*, которое должно явиться синергетическим аттрактором (точкой начала взрывной самоорганизации) принципиально новой *Евразийской цивилизации*. Ее формирование в политическом, экономическом и даже ценностном смысле неизбежно завершит эпоху доминирования Западного мира. И уже вскоре он вынужден будет либо встраиваться в многополярное социокультурное пространство ново-

го мира (причем вовсе не на своих условиях), либо сойти с исторической арены в экзистенциальное небытие.

Главным экономическим конкурентом США сейчас становится Китай. В Америке это хорошо понимают и пытаются как-то затормозить развитие КНР. Но Китай без России не сможет заложить основы Евразийской цивилизации нового типа и бросить открытый вызов Западнему миру. И дело здесь вовсе не в экономических достижениях Китая и военном потенциале России. Китай как правило был чрезмерно меркантилен и не слишком решителен в отношениях с иными влиятельными государствами и их альянсами. Эта стратегия в истории давала ему как определенные выгоды и преимущества, так и определенную слабость и даже поражения. Например, в период Опиумных войн XIX века, когда Китайская империя не смогла дать достойный отпор европейским колонизаторам. Такова сложная диалектика архетипов национального духа и противоречивое соотношение принципов Ян и Инь в традиционном китайском менталитете.

Поэтому открытый вызов Западнему миру из всех современных государств и народов может бросить только Россия и российский супер-этнос. Реакция государства российского на украинскую провокацию Запада после 2014 года, тем более после начала Специальной военной операции в 2022 году является недвусмысленным подтверждением приведенного выше суждения. В Америке и Европе, разумеется, все это довольно ясно понимают. Поэтому «*политика сдерживания*» России в начале XXI столетия приобретает все более изощренные и агрессивные формы. Вплоть до прямых поставок тяжелого вооружения безответственным политическим режимам, готовым пожертвовать своим народом и государством ради чужих геополитических амбиций.

Однако уже сейчас многие серьезные эксперты, в том числе европейские и американские, прогнозируют крайне тяжелые последствия выбранной Западом стратегии взаимодействия с Россией для своих экономик и политических систем. Нарастающую сейчас экономическую рецессию в Европе и углубляющиеся финансовые проблемы в Америке в данном случае надо рассматривать не как конечный итог геополитической ошибки Запада, но лишь как начало глобальной, лавинообразной трансформации Западного мира, в результате которой он неизбежно потеряет свой высокий экономический потенциал, безусловную политическую гегемонию и моральный авторитет.

Список источников

1. Виелмини Ф. Роль теории Маккиндера в нынешнем стратегическом развертывании США в Евразии: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40).
2. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования 1995. № 4.

3. Маккиндер Х. Дж. Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2.

4. Курьлев К. П. Украина в западных геополитических концепциях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2013. № 4.

5. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы / пер. с англ. М., 2021.

6. Аблеев С. Р. Европа и Евразия: проблема цивилизационного разлома // Философские исследования и современность: Вып. 9. М., 2020.

References

1. Vielmini F. The influence of Mackinder's theory on current U. S. deployment in Eurasia: problems and perspectives // Central Asia and the Caucasus. 2005. № 4 (40).

2. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // Polis. Political studies 1995. № 4.

3. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality // Polis. Political studies 2011. № 2.

4. Kurilev K. P. Ukraine in western geopolitical conceptions // Vestnik RUDN. International relations. 2013. № 4.

5. Brzezinski Z. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives / In translation. М., 2021.

6. Ableev S. R. Europe and Eurasia: the problem of the civilization fault // Philosophical studies and modernity: Issue 9. М., 2020.

Библиографический список

1. Аблеев С. Р. Русская идея и евразийские идеалы // Философские исследования и современность: Вып. 11. М., 2022. С. 149–163.

2. Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Кузьминская С. И., Марченя П. П. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. Изд. 2-ое, перераб. и доп. М., 2018.

3. Гринин Л. Е. Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине // История и современность. 2015. № 2. С. 3–44.

4. Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. М., 2021.

Bibliographic list

1. Ableev S. R. The Russian idea and Eurasian ideals // Philosophical studies and modernity: Issue 11. М., 2022. P. 149–163.

2. Ableev S. R., Zolkin A. L., Kuzminskaya S. I., Marchenya P. P. The civilization sovereignty of Russia: problems and discussions. 2nd edition. М., 2018.

3. Grinin L. E. Historic and geopolitical reasons for social and political crisis in Ukraine // History and modernity. 2015. № 2. С. 3–44.

4. Zolkin A. L. Civilization sovereignty, cultural identity and ethical stand stance. М., 2021.

Информация об авторе

С. Р. Аблеев – начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, член Российского философского общества.

Information about the author

S. R. Ableev – Head of the Philosophy Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, Member of Russian Philosophical society.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 09.12.2022.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 09.12.2022.

Научная статья
УДК 338.24:004
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-277-278>
НИОН: 2015-0066-6/22-575
MOSURED: 77/27-011-2022-06-774

Сегментирование участников закупочной деятельности по критериям законопослушности (легитимности) их операций

Владимир Иванович Абрамов

Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия,
wladimir.abramow@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы сегментирования участников закупочной деятельности по критериям законопослушности (легитимности) их операций на основании данных мониторинга и анализа.

Ключевые слова: экономика, закупочные операции, управление, экономическая безопасность, информационная система

Благодарности: статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00351 А.

Для цитирования: Абрамов В. И. Сегментирование участников закупочной деятельности по критериям законопослушности (легитимности) их операций // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 277–278. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-277-278>.

Original article

Segmentation of participants in procurement activities according to the criteria of law-abiding (legitimacy) of their operations

Vladimir I. Abramov

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
wladimir.abramow@gmail.com

Abstract. The problems of segmentation of procurement participants according to the criteria of law-abiding (legitimacy) of their operations based on monitoring and analysis data are considered.

Keywords: economics, procurement operations, management, economic security, information system

Acknowledgements: the article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-010-00351 A.

For citation: Abramov V. I. Segmentation of participants in procurement activities according to the criteria of law-abiding (legitimacy) of their operations. Bulletin of economic security. 2022;(6):277–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-277-278>.

Необходимо создать основы для прозрачности деятельности закупочных институтов, обслуживающих закупочные операции посредством мониторинга и законности заказов и поставок.

Необходимо ликвидировать отставание по цифровым сервисам от ведущих национальных и транснациональных закупочных систем и площадок развитых и новых индустриальных стран в области методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования российских закупочно-логистических комплексов, инфраструктуры, доступного инструментария.

Для этого необходимо создать в России – на основе развитого национального закупочного комплекса – меж-

корпоративный закупочно-логистический центр евразийско-союзного значения.

Требуется также системный подход, т. е. должны быть предусмотрены элементы выработки правоохранительно-контрольного механизма формирования и деятельности мониторинга закупочных операций как суперсистемы.

Главный элемент такой суперсистемы – регламентация функций мониторинга единого межкорпоративного закупочно-логистического пространства, сегментированного по критериям законопослушности (легитимности) при реализации закупочной деятельности.

© Абрамов В. И., 2022

В связи с высокой динамикой операций институтов закупочно-логистического комплекса необходимо продолжить политику усиления мониторинга через усиление роли органа финансового мониторинга [1; 2; 3]. Требуется выработка эффективных механизмов осуществления антикриминальных преобразований закупочно-логистического комплекса; расширение надзорных полномочий в отношении участников торгов и операторов этих услуг [4; 5].

Предлагается развитие правоохранительно-контрольных механизмов в рамках закупочной электронной среды и учета этого фактора при выработке приоритетов формирования и деятельности межкорпоративного закупочно-логистического сетевого пространства [6].

Текущие задачи заключаются в совершенствовании механизмов правоохранительно-контрольного антикриминального оздоровления экономики, в том числе путем выработки правоохранительно-контрольного механизма формирования и деятельности мониторинга закупочных операций, инструментов осуществления антикриминальных преобразований через создание объединенного закупочно-логистического комплекса России.

В целях обеспечения условий для эффективной организационно-управленческой поддержки оздоровления экономики при формировании объединенной системы российских закупочно-логистических цифровых мониторинговых систем целесообразно саму закупочную суперсистему формировать единым массивом на основе электронной информационной инфраструктуры путем выработки стандартов правоохранительно-контрольного механизма формирования цифрового мониторинга закупочных операций.

Поэтому организация объединенной системы российских закупочно-логистических цифровых мониторинговых систем в экономике России как нескольких распределенных блоков требует проработки на всех уровнях управления.

Список источников

1. Абрамов В. И., Григорьев В. В., Логинов Е. Л. Цифровые технологии обеспечения экономической безопасности в бюджетной сфере в условиях системных криминально-коррупционных проявлений. М. : МГИМО (У) МИД России, 2021. 220 с.

Информация об авторе

В. И. Абрамов – исполняющий обязанности директора Института управления образованием Российской академии образования, кандидат экономических наук.

Information about the author

V. I. Abramov – Acting Director of the Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

2. Агеев А. И. Криптовалюты, рынки и институты // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 1 (151). С. 94–107.

3. Дубровин С. В., Глушков А. И., Казанцев С. Я., Дубровин И. С., Розина В. С., Эриашвили Н. Д. Основы теории криминалистической верификации // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 150–157.

4. Маилян С. С., Эриашвили Н. Д. О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 399–402.

5. Райков А. Н. Цифровая экономика : уязвимость к сетевым атакам и возможности обеспечения устойчивости управления // Проблемы рыночной экономики. 2017. № 4. С. 4–10.

6. Шкута А. А. Искусственный интеллект в органах госуправления // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 5 (109). С. 24–29.

References

1. Abramov V. I., Grigoriev V. V., Loginov E. L. Digital technologies for ensuring economic security in the public sector in the context of systemic criminal and corruption manifestations. M. : MGIMO (U) MFA of Russia, 2021. 220 p.

2. Ageev A. I. Cryptocurrencies, markets and institutions // Economic strategies. 2018. V. 20. № 1 (151). P. 94–107.

3. Dubrovin S. V., Glushkov A. I., Kazantsev S. Ya., Dubrovin I. S., Rozina V. S., Eriashvili N. D. Fundamentals of the theory of forensic verification // Public service and personnel. 2022. № 3. P. 150–157.

4. Mailyan S. S., Eriashvili N. D. On the admissibility of the inclusion of digital law in the system of law and law enforcement in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. P. 399–402.

5. Raikov A. N. Digital Economy : Vulnerability to Network Attacks and Possibilities for Ensuring Management Sustainability // Problems of the Market Economy. 2017. № 4. P. 4–10.

6. Shkuta A. A. Artificial intelligence in public administration // Public service. 2017. V. 19. № 5 (109). P. 24–29.

Научная статья

УДК 331.556

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-279-287>

НИОН: 2015-0066-6/22-576

MOSURED: 77/27-011-2022-06-775

Динамическое моделирование факторов и показателей материального ущерба по экономическим преступлениям

Дмитрий Владимирович Дианов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
skad71@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена вопросам перспектив развития статистической методологии для выявления и оценки закономерностей и тенденций формирования показателей материального ущерба, который несет национальная экономика вследствие совершения экономических преступлений и постоянной, интенсивной эволюции экономической преступности как негативного явления общественной жизни. В научной статье применительно к объекту исследования адаптированы такие важнейшие составляющие статистического инструментария, как методы корреляции и регрессии, а также аналитического выравнивания и прогнозирования трендов.

Ключевые слова: статистический инструментарий, экономическая преступность, материальный ущерб, преступления против службы

Для цитирования: Дианов Д. В. Динамическое моделирование факторов и показателей материального ущерба по экономическим преступлениям // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 279–287. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-279-287>.

Original article

Dynamic modeling of factors and indicators of material damage in economic crimes

Dmitry V. Dianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
skad71@mail.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the prospects for the development of statistical methodology for identifying and assessing patterns and trends in the formation of indicators of material damage caused by the national economy due to the commission of economic crimes and the constant, intensive evolution of economic crime as a negative phenomenon of public life. In the scientific article, in relation to the object of research, such important components of statistical tools as correlation and regression methods, as well as analytical alignment and trend forecasting are adapted.

Keywords: statistical tools, economic crime, material damage, crimes against the service

For citation: Dianov D. V. Dynamic modeling of factors and indicators of material damage in economic crimes. Bulletin of economic security. 2022;(6):279–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-279-287>.

1. Постановка задачи математико-статистического анализа экономической преступности

Выявление закономерностей экономической преступности, зависимость данного негативного явления от объясняющих факторов изначально предполагает построение регрессионного динамического уравнения. На втором шаге необходимо провести анализ динамики всех показателей, участвующих в многофакторной модели, построенной по значениям объясняющих показателей и результирующего признака за определенный промежуток

времени. Третий шаг приводит к построению прогнозных значений факторов экономической преступности. Заключительный этап расчетных процедур связан с получением прогнозных значений результирующего показателя экономической преступности, в данной работе это размер материального ущерба против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

В статистике существует несколько методов прогнозирования: метод скользящих средних, метод экспоненциального сглаживания, метод аналитического выравнивания и другие.

© Дианов Д. В., 2022

Прогнозирование показателей размера причиненного материального ущерба по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях будем производить, как обозначено выше, на основе динамической регрессии. Особенностью данного метода является включение дополнительного объясняющего показателя – фактора времени (t).

Построение прогноза результативного признака обязывает определить прогнозные значения объясняющих показателей, для вычисления которых будем использовать метод аналитического выравнивания, то есть построение функции тренда динамического ряда. Методика данного метода основана на экстраполяции параметров, то есть предположении, что параметры тренда сохраняются в прогнозируемом периоде.

Суть метода прогнозирования на основе тренда заключается в построении уравнения тренда, описывающего тенденцию изменения показателей временного ряда.

Трендовый анализ по каждому объясняющему показателю предполагает использовать в качестве математического аргумента функции параметр времени (t). Сами же функции представлены набором традиционных математических зависимостей, основу которого составляют линейные, полиномиальные, гиперболические, экспоненциальные, логарифмические и степенные уравнения.

Выбор уравнения определяется числовым значением коэффициента.

2. *Выявление закономерностей и факторов формирования материального ущерба по экономическим преступлениям*

Корреляционный анализ динамической модели показал сильную связь между социально-экономическими

показателями и размером материального ущерба в динамической модели. Основание: матрица парных коэффициентов корреляции.

Построенная динамическая регрессионная модель результативного показателя выглядит следующим образом:

$$\hat{y} = -50370,33 + 3821,68 * x_1 - 1724 * x_3 + 810,87 * x_4 + t_{\text{стат}} = \begin{matrix} 2,87 & -2,46 & 2,24 \\ \Delta_i = & 1,92 & -1,3 & 2,32 \\ + 2161,9 * x_5 + 326,6 * x_6 + 358,39 * x_8 - 547572,99 * t \\ 3,39 & 2,15 & 3,15 & -1,75 \\ 1,83 & 0,6 & 1,26 \\ R^2 = 0,98 & F_{\text{набл}} = 3,3 \end{matrix}$$

Коэффициент множественной корреляции $R = 0,99$, что, свидетельствует о сильной корреляционной связи между результативным и объясняющими показателями. Данная модель объясняет 98 % вариации результативного показателя.

Из регрессионной модели были исключены пять показателей: (x_2, x_7, x_9, x_{10} и x_{11}), так как они имеют наименьшую корреляционную связь и низкое значение критерия t-статистика непосредственно в самом регрессионном уравнении, то есть их присутствие не улучшает качество модели, следовательно они «загрязняют» уравнение.

Представленное динамическое регрессионное уравнение по качеству является наилучшим, в сравнении с кластерными моделями. Это связано с тем, что суммарные показатели, характеризующие уровень определенного явления в целом по стране, более однородны и качественны, в отличие от показателей отдельных регионов.

В представленном уравнении прямое влияние на размер материального ущерба по преступлениям в ис-

Таблица 1

Фрагмент динамической матрицы социально-экономических показателей и размера причиненного материального ущерба по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях в России, млн руб.

Год	Продукция сельского хозяйства	Объем выполненных строительных работ	Оборот розничной торговли	Объем платных услуг, оказанных населению	Задолженность юридических лиц по кредитам в кредитных организациях в рублях
	x_1	x_3	x_4	x_5	x_6
2000	742424	503836,8	2352274,3	602755	465759,5

2020	6468834	9497824,7	33873740,1	9007944	27586340

Таблица 1 (продолжение)

Год	Объем добычи полезных ископаемых	Объем обрабатывающего производства	Обеспечение электроэнергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	Фактор времени	Ущерб по выявленным преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях
	x_7	x_8	x_9	t	y
2000	983460	1384131	8736943	1	1152,84

2020	14498900	47782550	5959974	21	15154,325

следуемой сфере оказали факторы, во-первых, характеризующие выпуск продукции сельскохозяйственной отрасли (x_1), во-вторых, масштабов потребительского рынка товаров (x_2) и стоимости потребительских услуг населению на платной основе (x_3); в-третьих, участия кредитных учреждений в финансировании, восполнении временного недостатка денежных средств у коммерческих организаций (x_6), в-четвертых, уровень обрабатывающего производства в стоимостном выражении (x_8).

Обратное влияние оказал фактор, характеризующий результат деятельности в строительной отрасли, аккумулированный в стоимостной показатель добавленной стоимости по виду экономической деятельности «строительство» (x_3).

При увеличении объема продукции сельского хозяйства на 1 млрд руб., размер материального ущерба по преступлениям в исследуемой сфере увеличивается на 3,82 млн руб., или на 1,92 % при увеличении объясняющего показателя на 1 %. В первом и втором кластерах характер влияния фактора – обратный, в отличие от четвертого кластера, в котором сельское хозяйство развито слабо и преобладает промышленный сектор. Как было отмечено ранее, в 2019 году законодательное регулирование сферы сельского хозяйства претерпело серьезные изменения, сделав данную отрасль более прозрачной. Однако можем заметить, что в целом по стране данный показатель оказывает прямое влияние, ввиду преобладания регионов со слабым развитием сельского хозяйства, где эта отрасль недостаточно регулируется и контролируется, не говоря даже о климатической составляющей.

Повышение оборота розничной торговли на 1 млрд руб. способствует росту материального ущерба от исследуемых преступлений на 810,87 тыс. руб. Коэффициент эластичности составляет 2,32 %, поэтому при росте объясняющего показателя на 1 %, результирующий признак увеличится на 2,32 %. В регрессионных моделях второго и четвертого кластеров данный показатель оказывал схожее воздействие. Таким образом, торговая сфера современной рыночной экономики продолжает традиции противостояния ОБХСС – Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и совершения действий, подпадающих под деяния, предусмотренные главой 23 УК РФ.

При увеличении объема платных услуг, оказанных населению на 1 млрд руб., материальный ущерб по рассматриваемым преступлениям увеличивается на 2,16 млн руб., или на 1,83 % при повышении значения объясняющего показателя на 1 %. В регрессионных моделях первого и четвертого кластерах данный показатель оказывал прямое воздействие на результирующий признак, а в третьем кластере – обратное. Как видим, в целом по стране увеличению объема платных услуг населению негативно отражается на уровне исследуемой преступности.

Размер материального ущерба по преступлениям в рассматриваемой сфере увеличится на 326,6 тыс. руб.

при росте задолженности юридических лиц по кредитам в кредитных организациях на 1 млрд руб., или при увеличении задолженности по кредитам на 1 %, результирующий признак вырастет на 0,6 %. Данный объясняющий показатель оказывает различное влияние на результирующий признак в регрессионных моделях первого и третьего кластеров, поэтому неудивительно, что задолженность по кредитам юридических лиц столь слабо влияет на уровень преступности.

Увеличение выпуска обрабатывающего производства на 1 млрд руб. будем рассматривать как генератор роста размера материального ущерба по рассматриваемым преступлениям на 358,39 тыс. руб., или на 1,26 % при увеличении данного объясняющего показателя на 1 %. Характер влияния данного объясняющего показателя в четвертом кластере прямой, в отличие от влияния во втором и третьем кластерах. Подавляющую часть обрабатывающего производства составляют виды деятельности, связанные с промышленностью, поэтому характер влияния этого объясняющего показателя аналогичен с влиянием в четвертом кластере, к которому относятся крупные промышленные регионы России.

Фактор x_3 оказал обратное воздействие на размер нанесенного материального ущерба от преступлений против интересов службы в коммерческих организациях.

При увеличении количества объема выполненных строительных работ на 1 млрд руб., размер материального ущерба по исследуемым преступлениям снижается на 1,72 млн руб., или при увеличении этого объясняющего признака на 1 %, материальный ущерб уменьшится на 1,3 %. Данный показатель оказал разное по характеру направления влияние на результирующий признак: в первом и втором кластере – обратное, в третьем – прямое. Как было указано ранее, сфера строительства стала более прозрачной, ввиду положительной эволюции российского законодательства, поэтому рост строительства не способствует увеличению уровня преступности против интересов службы в коммерческих организациях.

3. Анализ трендов и прогноз материального ущерба как следствия совершения экономических преступлений

Чтобы построить прогнозное значение размера материального ущерба по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях следует для начала определить прогнозные значения объясняющих показателей. Для этого построим линию тренда и выберем лучшую модель для каждого объясняющего показателя, результаты которого отображены в таблице 2.

Как можем заметить, значение коэффициента детерминации и относительная ошибка аппроксимации для всех уравнений объясняющих показателей высокие, что говорит об их пригодности для использования в определении прогнозных значений.

Трендовые модели по объясняющим показателям и их оценка на основе коэффициента детерминации

Показатель	Формула тренда	R^2	A
x_1	$\hat{y}_{x_1} = 7\,383,31t^2 + 126\,297,47t + 511\,438,83$	0,99	2,4
x_3	$\hat{y}_{x_3} = 2\,918,86t^2 + 404\,797,4t - 309\,286,69$	0,99	3,7
x_4	$\hat{y}_{x_4} = 10\,793,68t^2 + 1\,524\,280,55t - 1\,025\,945,96$	0,99	2,2
x_5	$\hat{y}_{x_5} = 1\,294,88t^2 + 486\,364,69t - 384\,084,2$	0,98	2,9
x_6	$\hat{y}_{x_6} = 39\,646,75t^2 + 605\,265,76t - 1\,635\,676,27$	0,99	4,1
x_8	$\hat{y}_{x_8} = 54\,539,45t^2 + 1\,255\,950,25t - 977\,619,85$	0,99	3,3

Наиболее адекватной моделью для показателя x_1 – продукция сельского хозяйства, является полиномиальная функция:

$$\hat{y}_{x_1} = 7\,383,31t^2 + 126\,297,47t + 511\,438,83$$

Коэффициент $a_1 = 7\,383,31$ указывает направление ветвей параболы вверх, что свидетельствует о росте показателя. Прогнозные значения отображены на рисунке 1.

Как видим, объем продукции сельского хозяйства в прогнозном периоде продолжает увеличиваться. Стоит отметить, что увеличение данного объясняющего показателя способствует росту размера нанесенного материального ущерба от преступлений в исследуемой сфере. Это объясняется большей привлекательностью для пре-

ступников сферы производства сельскохозяйственной продукции.

Применив метод аналитического выравнивания для показателя x_3 – объем выполненных строительных работ, является полиномиальная функция второго порядка:

$$\hat{y}_{x_3} = 2\,918,86t^2 + 404\,797,4t - 309\,286,69$$

Коэффициент a_1 имеет положительное значение, что свидетельствует об увеличении показателя в прогнозном периоде. Графическое отображение прогнозных значений изображено на рисунке 2.

Как отмечалось ранее, по итогам динамического регрессионного анализа, увеличение данного объясняющего показателя оказывает негативное воздействие на размер материально ущерба по исследуемым пре-

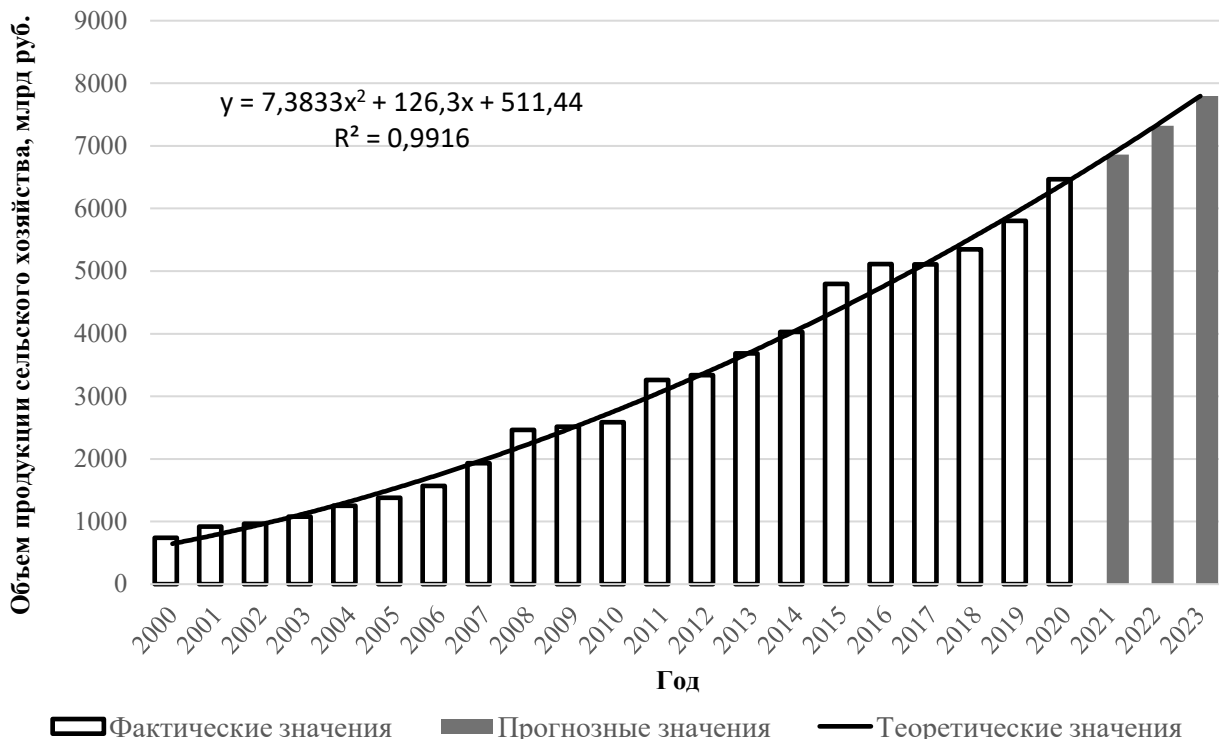

Рис. 1. Динамика объема продукция сельского хозяйства в России, млрд руб.

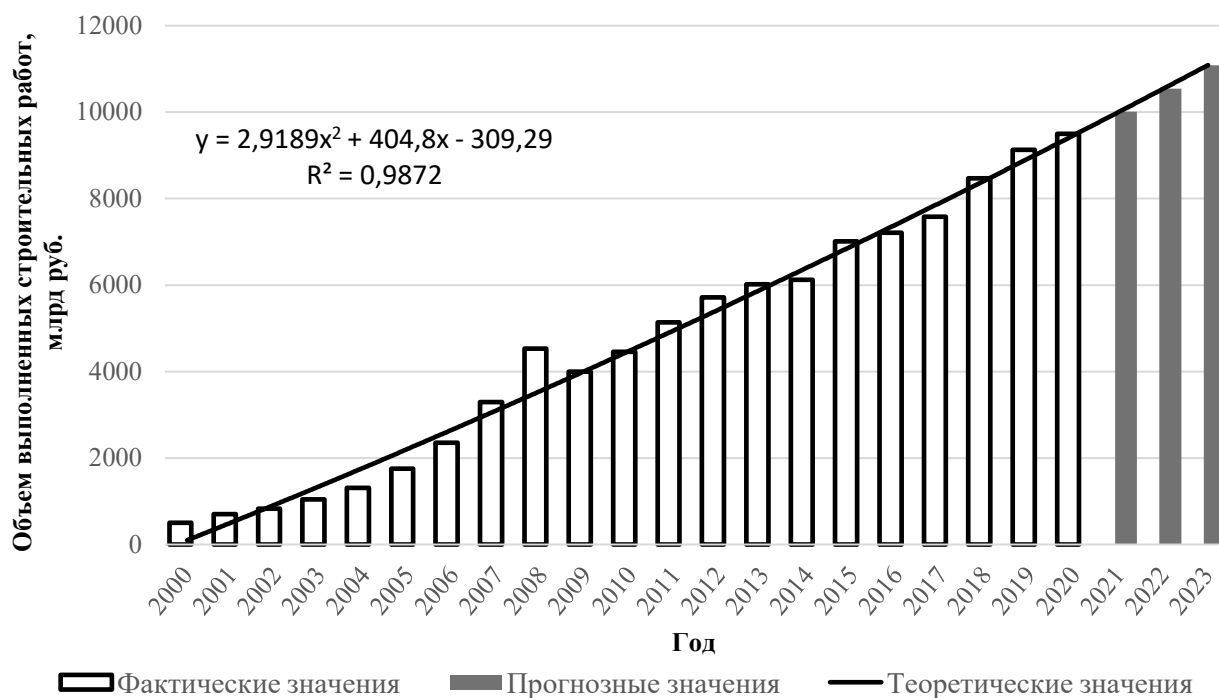

Рис. 2. Динамика объема выполненных строительных работ в России, млрд руб.

ступлениям, то есть увеличение объема выполненных строительных работ способствует росту результирующего признака. Нарастание темпов в развитии и создании стоимости в строительной отрасли, безусловно является фактором экономического роста, однако управляющие структуры и органы исполнительной власти должны обеспечить ликвидацию преступных мотивов в части злоупотребления полномочиями и коммерческого подкупа, в том числе законодательными рычагами.

Наиболее адекватной моделью для показателя x_4 – оборот розничной торговли, является полиномиальная функция второго порядка, представленная уравнением:

$$\hat{y}_{x_4} = 10\,793,68t^2 + 1\,524\,280,55t - 1\,025\,945,96$$

Представленное уравнение свидетельствует о росте данного показателя в прогнозируемом периоде. Графическое отображение прогнозных значений изображено на рисунке 3.

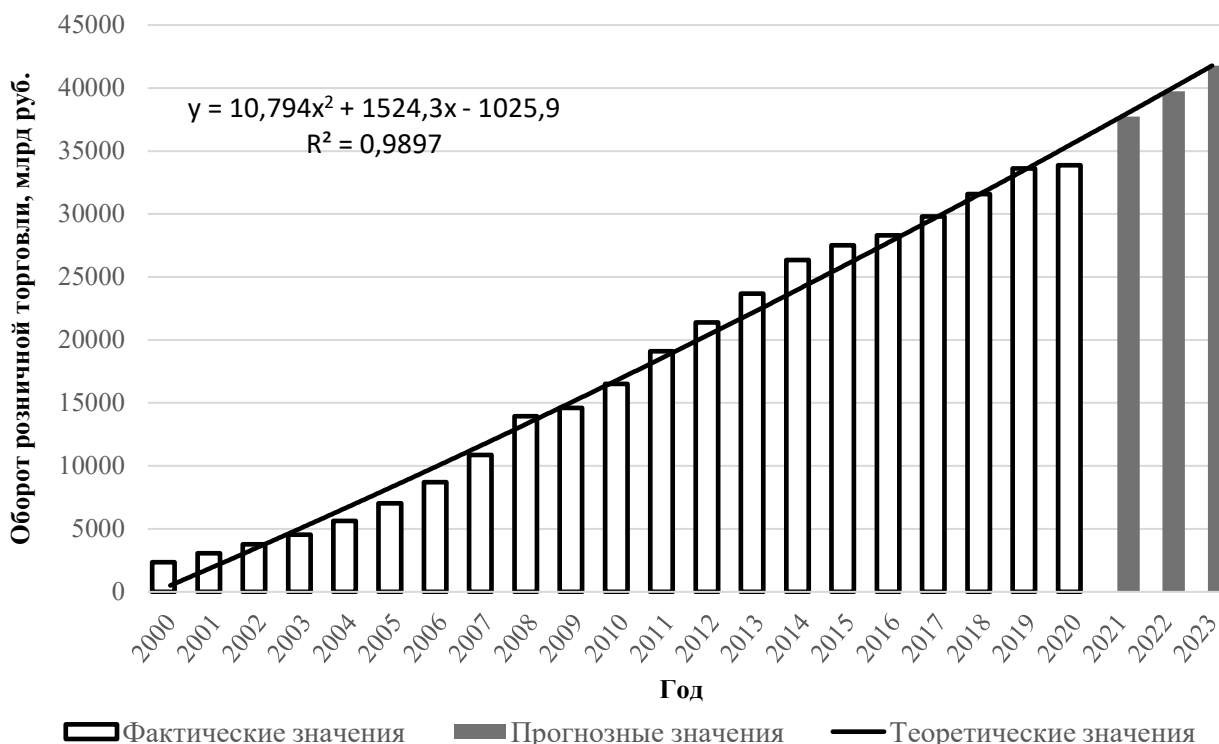

Рис. 3. Динамика оборота розничной торговли в России, млрд руб.

Увеличение темпов роста оборота розничной торговли обусловлено ростом покупательской способности населения. Хотя за последние пять лет реальные денежные доходы населения находятся на одном уровне, что способствует удовлетворению текущих объемов розничной торговли, в 2000-х и начале 2010-х годов денежные доходы населения существенно выросли, что способствует и дальнейшему росту данного показателя.

Как было отмечено ранее, между данным объясняющим показателем и результативным признаком присутствует прямая связь, то есть увеличение оборота розничной торговли способствует росту размера материального ущерба по преступлениям в исследуемой сфере.

Наиболее адекватной моделью для показателя x_5 – объем платных услуг, оказанных населению, наиболее качественной является также полиномиальная функция второго порядка:

$$\hat{y}_{x5} = 1\,294,88t^2 + 486\,364,69t - 384\,084,2$$

Коэффициент $a_1 = 1\,294,88$ свидетельствует о росте показателя. Фактические, теоретические и прогнозные значения отображены на рисунке 4.

Как и в случае с показателем оборота розничной торговли, рост объема платных услуг обусловлен увеличением покупательской способности населения за последние 20 лет. Между данным объясняющим показателем и результативным признаком установлена прямая связь, поэтому увеличение объема платных услуг населению в прогнозируемом периоде будет способствовать росту размера материального ущерба по преступлениям против интересов службы в коммерческих организациях.

Наиболее адекватной моделью для показателя x_6 – задолженность юридических лиц по кредитам в кредитных организациях является полиномиальная функция:

$$\hat{y}_{x6} = 39\,646,75t^2 + 605\,265,76t - 1\,635\,676,27$$

Положительный коэффициент a_1 свидетельствует о росте данного показателя. В прогнозируемом периоде объем платных услуг населению превысит фактические значения. Фактические, теоретические и прогнозные значения отображены на рисунке 5.

В рассматриваемом прогнозном периоде наблюдается существенный рост задолженности юридических лиц по кредитам. Это, в первую очередь, обусловлено повышением доступности кредитных средств в последнее время, ввиду снижения ключевой ставки Центральным банком Российской Федерации в период с 2015-го года.

Как было отмечено ранее, увеличение данного объясняющего показателя способствует росту размера материального ущерба по рассматриваемым преступлениям.

Наиболее адекватной моделью для показателя x_8 – объем обрабатывающего производства является полиномиальная функция второго порядка:

$$\hat{y}_{x8} = 54\,539,45t^2 + 1\,255\,950,25t - 977\,619,85$$

Представленное уравнение свидетельствует о росте данного показателя. Графическое отображение прогнозных, фактических и теоретических значений отображено на рисунке 6.

Замедление роста обрабатывающего производства в 2020 году не повлияет на рост показателя в прогнозном периоде, ввиду существенного увеличения произ-

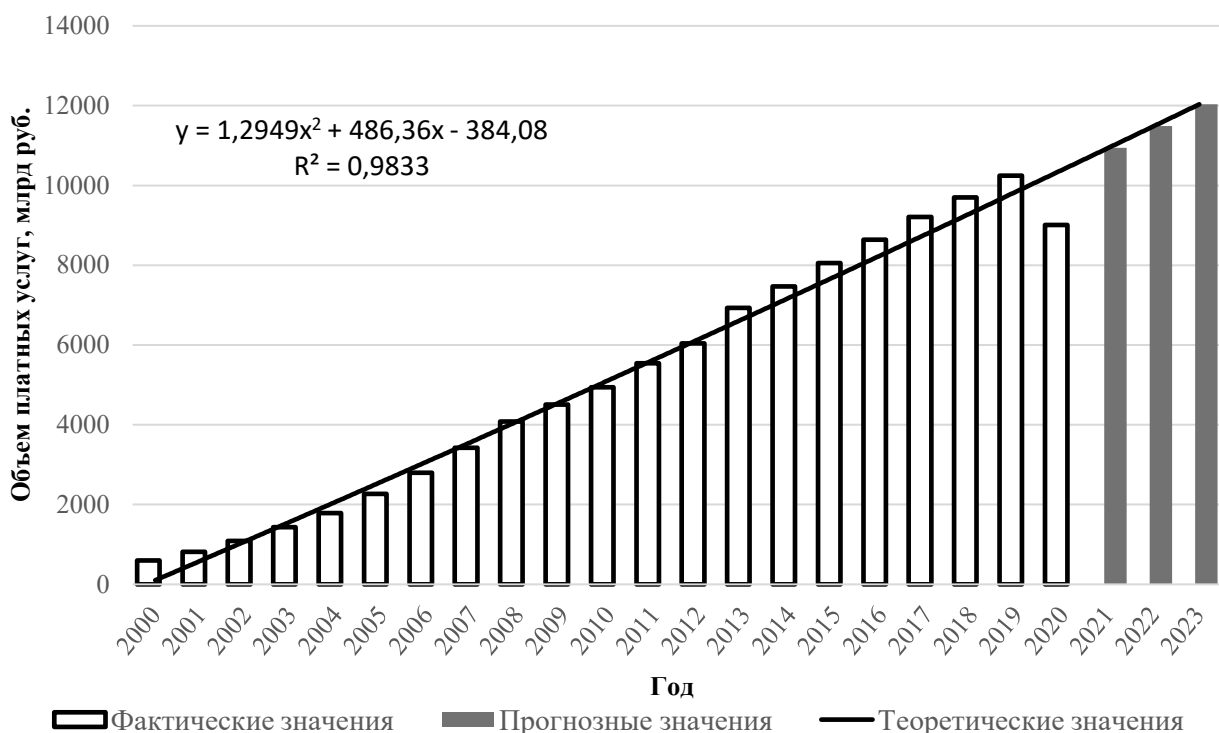

Рис. 4. Динамика объема платных услуг, оказанных населению в России, млрд руб.

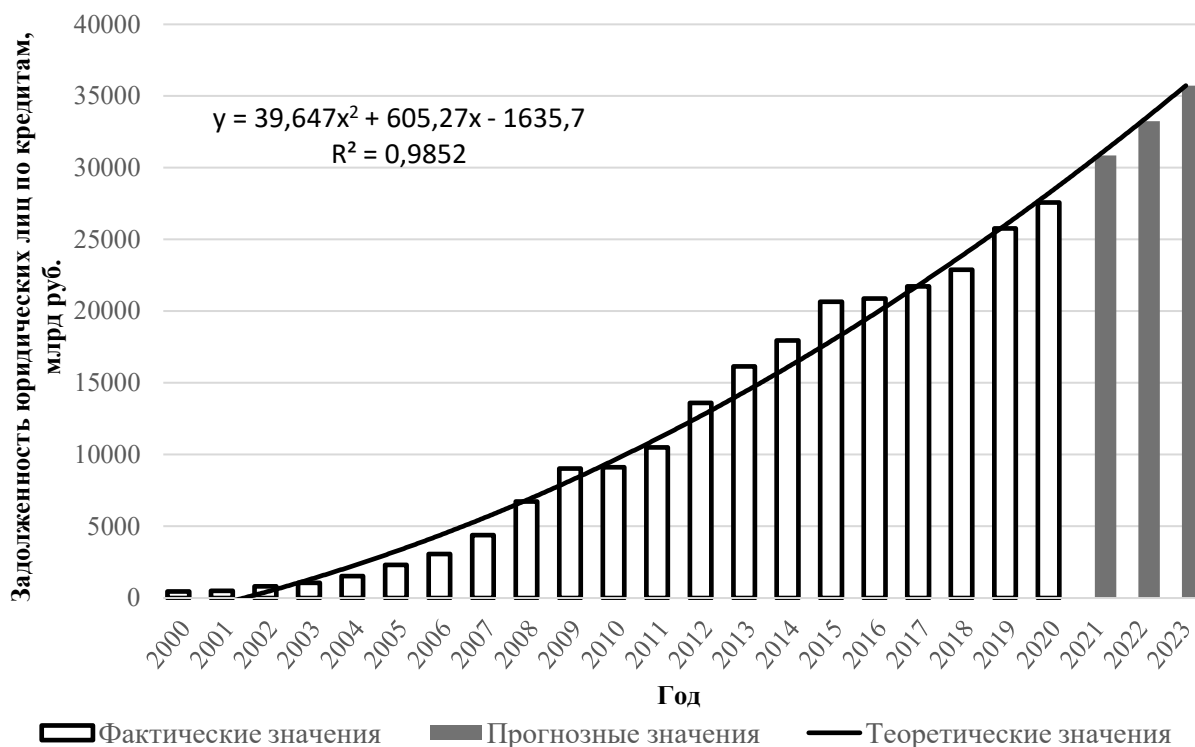

Рис. 5. Динамика задолженности юридических лиц по кредитам в кредитных организациях в России, млрд руб.

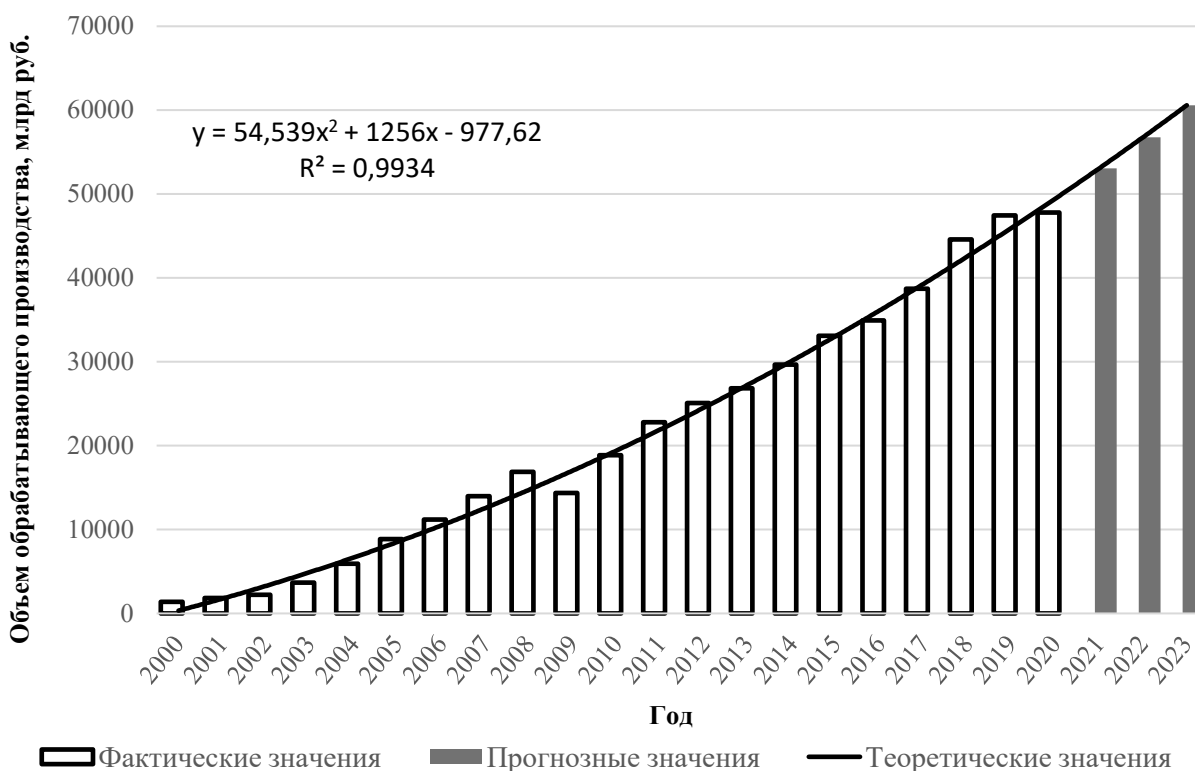

Рис. 6. Динамика объема обрабатывающего производства, млрд руб.

водства. Однако это негативно скажется на размере причиненного материального ущерба по рассматриваемым преступлениям, так как увеличение данного объясняющего показателя способствует росту результативного признака.

Рассчитав прогнозные значения объясняющих показателей, можем перейти к определению размера материального ущерба по рассматриваемым нами пре-

ступлениям на 2021–2023 годы. Для этого необходимо подставить полученные прогнозные значения объясняющих показателей в регрессионную модель, сформированную ранее.

Таким образом, мы получили следующие прогнозные значения размера нанесенного материального ущерба от исследуемых преступлений, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Прогноз социально-экономических показателей и размера причиненного материального ущерба по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, млрд руб.

Год	Продукция сельского хозяйства	Объем выполненных строительных работ	Оборот розничной торговли	Объем платных услуг, оказанных населению	Задолженность юридических лиц по кредитам в кредитных организациях	Объем обрабатывающего производства	Ущерб по выявленным преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях
	x_1	x_3	x_4	x_5	x_6	x_8	y
2021	6863,5	10008,9	37732,4	10942,6	30869,2	53050,4	19,03287
2022	7322,1	10545,1	39742,4	11487,3	33258,6	56760,6	20,97106
2023	7795,4	11087,1	41773,9	12034,5	35727,2	60579,9	23,00871

Графическое отображение фактических, теоретических и прогнозных значений размера материального ущерба по преступлениям представлено на рисунке 7.

Таким образом, несмотря на колебания фактических значений за исследуемый период, в прогнозном периоде размер материального ущерба по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях увеличится, достигнув общероссийского значения в 23 млрд руб. в 2023 году.

Наиболее значительное влияние на результативный показатель оказывают факторы, отражающие результаты деятельности в строительной отрасли, масштаб

потребительского рынка товаров и стоимости потребительских услуг населению на платной основе, кредитной задолженности юридических лиц, а также показатели результатов деятельности в сельскохозяйственной отрасли и объема обрабатывающего производства.

Результаты проведенного статистического анализа свидетельствуют о том, что на уровень преступности против интересов службы в коммерческих организациях оказывают влияние множество социально-экономических показателей, прогнозные значения которых способствуют росту размера материального ущерба по исследуемой преступности в рассмотренной перспективе.

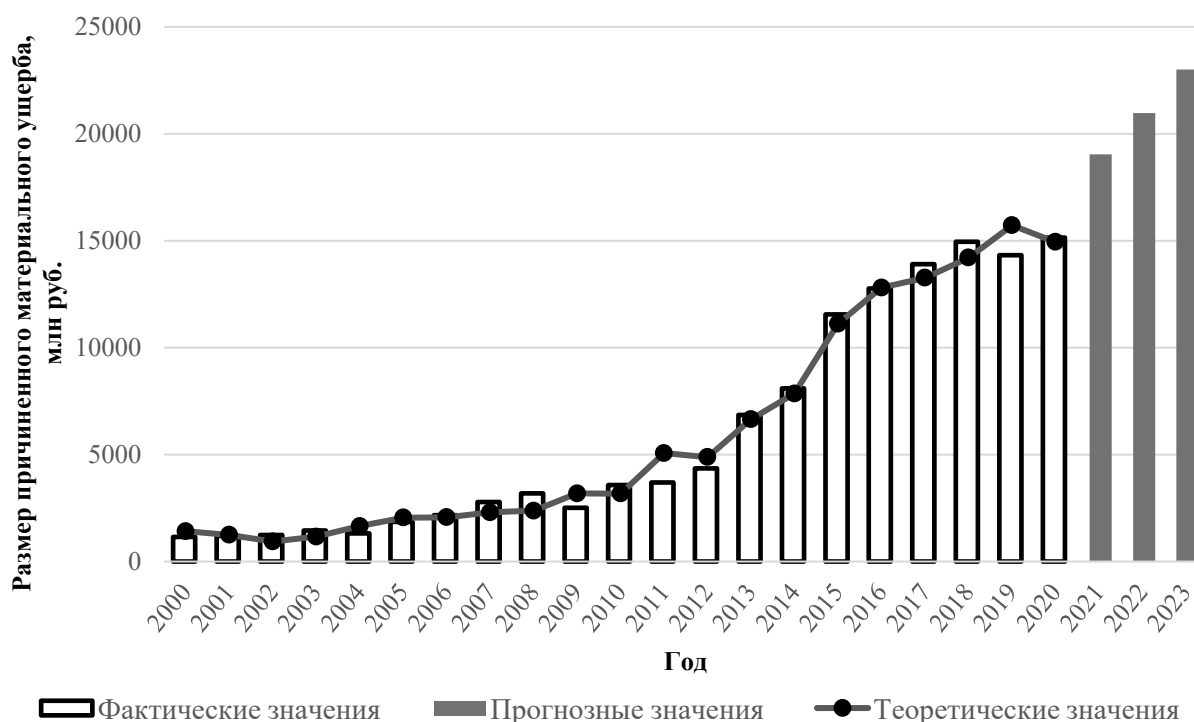

Рис. 7. Динамика размера причиненного материального ущерба по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях в России, млн руб.

Список источников

1. Борщенко А. И. Статистический мониторинг безопасности финансов организаций коммунального хозяйства регионов России // Аудиторские ведомости. 2021. № 1. С. 79–84.
2. Долбилев А. В. Комплексная система обеспечения экономической безопасности предприятия // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2022. № 3 (26). С. 191–195.
3. Ищенко А. Н. Трансформация системы бухгалтерского учета в условиях применения информационных и коммуникационных технологий // Финансовый бизнес. 2021. № 5 (215). С. 137–140.
4. Кузнецова Е. И., Осипова А. Н. Оценка влияния качества социальной среды на развитие человеческого потенциала // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 252–255.
5. Ляпин А. Е. Прикладной математический инструментарий межрегиональной статистики экономической преступности // Вопросы региональной экономики. 2021. № 4 (49). С. 156–170.
6. Майков А. С., Борисова Е. В. Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности в современном мире // Поиск (Волгоград). 2022. № 2 (13). С. 130–132.
7. Чумак Г. В., Суглобов А. Е., Телкова Е. А. Применение метода ручной оценки контрагентов при противодействии корпоративному мошенничеству // Russian Journal of Management. 2022. Т. 10. № 1. С. 71–75.
8. Kiseleva I. A., Sadovnikova N. A., Karmanov M. V., Kuznetsov V. I. Business process modeling in consulting companies // Journal of Contemporary Issues in Business and Government. 2021. Т. 27. № 2. С. 816–822.

References

1. Borshchenko A. I. Statistical monitoring of financial security of public utilities organizations in the regions of Russia // Audit statements. 2021. No. 1. P. 79–84.
2. Dolbilov A. V. Complex system of ensuring economic security of the enterprise // Forum. Series: Humanities and Economic Sciences. 2022. No. 3 (26). P. 191–195.
3. Ishchenko A. N. Transformation of the accounting system in the conditions of application of information and communication technologies // Financial business. 2021. No. 5 (215). P. 137–140.
4. Kuznetsova E. I., Osipova A. N. Assessment of the impact of the quality of the social environment on the development of human potential // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 1. P. 252–255.
5. Lyapin A. E. Applied mathematical tools of interregional statistics of economic crime // Issues of regional economics. 2021. No. 4 (49). P. 156–170.
6. Maikov A. S., Borisova E. V. Actual problems of ensuring economic security in the modern world // Search (Volgograd). 2022. No. 2 (13). P. 130–132.
7. Chumak G. V., Suglobov A. E., Telkova E. A. Application of the method of manual evaluation of counterparties in countering corporate fraud // Russian Journal of Management. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 71–75.
8. Kiseleva I. A., Sadovnikova N. A., Karmanov M. V., Kuznetsov V. I. Business process modeling in consulting companies // Journal of Contemporary Issues in Business and Government. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 816–822.

Информация об авторе

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 30.11.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-288-291>

ИПОН: 2015-0066-6/22-577

MOSURED: 77/27-011-2022-06-776

Проблемы безработицы и занятости населения на примере РСО-Алания

Мира Аслангериевна Кантемирова¹, Милана Костаевна Каллагова²,

Давид Эдуардович Касаев³

^{1,2,3} Северо-Осетинская государственная медицинская академия, Владикавказ, Россия

¹ kantemirova.mira@mail.ru

² milanakallagova28@gmail.com

³ davidkasaev03@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы безработицы и занятости в РСО-Алания, а также проблемы, связанные с безработицей. Приведены сравнительные данные статистики за прошедшие годы, как по России, так и по РСО-Алании.

Ключевые слова: безработица, занятость, последствия безработицы, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Кантемирова М. А., Каллагова М. К., Касаев Д. Э. Проблемы безработицы и занятости населения на примере РСО-Алания // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 288–291. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-288-291>.

Original article

Problems of unemployment and employment of the population on the example of RSO-Alania

Mira A. Kantemirova¹, Milana K. Kallagova², David E. Kasaev³

^{1,2,3} North Ossetian State Medical Academy, Vladikavkaz, Russia

¹ kantemirova.mira@mail.ru

² milanakallagova28@gmail.com

³ davidkasaev03@gmail.com

Abstract. The issues of unemployment and employment in RSO-Alania, as well as problems related to unemployment, are considered. Comparative statistical data for the past years, both in Russia and in the Russian Federation, are presented.

Keywords: unemployment, employment, consequences of unemployment, socio-economic development

For citation: Kantemirova M. A., Kallagova M. K., Kasaev D. E. Problems of unemployment and employment of the population on the example of RSO-Alania. Bulletin of economic security. 2022;(6):288–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-288-291>.

Безработица – это социально-экономическое явление, которое характеризуется наличием лиц трудоспособного возраста, не имеющих работы, пригодных к ней и ищущих ее.

Последствия безработицы: недоиспользование экономического потенциала общества, снижение уровня жизни населения (ведет за собой сокращение доходов работающих по найму, те, кто потерял работу, получают лишь пособия по безработице, сокращается потребительский спрос, уровень сбережений), потеря профессиональных знаний и навыков, сложности трудоустройства, моральная травма → алкоголизм, наркомания, самоубийства, рост преступности.

В 2020 году по данным Международной организации труда в мире насчитывается 400 миллионов безработных (5,26 % населения планеты). Всплеск безработицы произошел из-за влияния пандемии COVID-19.

Если же брать Россию, то это особо затронуло регионы, где острая проблема с занятостью населения существовала и до этого. В 2020 году в пик коронавируса (июнь–август) на лидирующих позициях по нетрудоустройству также была Ингушетия (30,7 %), Тыва (22,3 %), Чечня (21,7 %), Северная Осетия – Алания (16,3 %) и Дагестан (16,1 %).

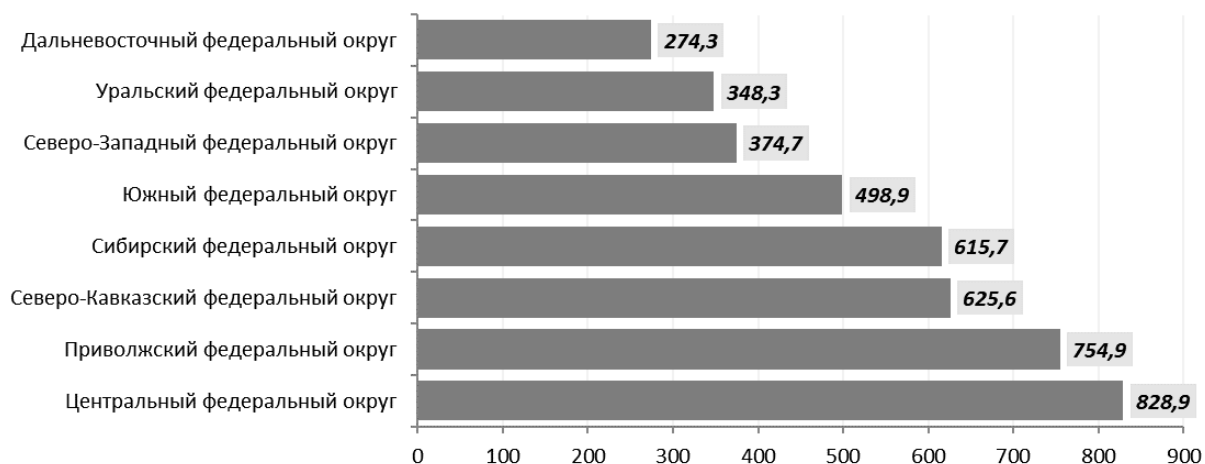
Проанализировав Таблицу 1, и соответствующую диаграмму, можно увидеть, что Росстат предоставляет

© Кантемирова М. А., Каллагова М. К., Касаев Д. Э., 2022

Численность безработных по округам Российской Федерации за 2017–2020 гг.

Федеральный округ	2017		2018		2019		2020	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Российская Федерация	3969,6	5,2	3658,5	4,8	3464,9	4,6	4321,3	5,8
Центральный	692,1	3,2	620,2	2,9	612,1	2,9	828,9	3,9
Приволжский	714,5	4,2	664,7	3,9	620,0	3,6	754,9	5,0
Северо-Кавказский	501,4	4,7	491,1	4,4	509,3	4,2	625,6	5,2
Сибирский	603,1	5,6	556,7	4,7	502,1	4,3	615,7	5,5
Южный	494,6	6,0	458,8	5,6	430,5	5,3	498,9	6,1
Северо-Западный	320,0	6,7	294,6	6,3	265,7	6,0	374,7	6,5
Уральский	355,6	7,0	300,6	6,4	271,0	5,9	348,3	7,3
Дальневосточный	288,3	11,0	271,8	10,5	254,2	11,0	274,3	13,9

следующие данные: 2020 г. – зафиксировано 4,32 млн безработных (разница от 2019 года в 856 тысяч человек). Лидером регионов оказался ЦФО, где нуждались в трудоустройстве 828,9 тыс. человек.

Если же посмотреть на статистику за 2021 год, изображенную в Таблице 2, можно сделать вывод, что лидирующее положение в рейтинге абсолютных цифр занимает ЦАО, где за триместр (апрель–июнь 2021 г.) было зафиксировано 758,7 тысяч безработных (разница с минувшим годом 70 тыс. человек). Продолжая сравнение, мы наблюдаем, что в Московской области ситуация напряжена – 145,1 тыс. человек были в поисках работы. В пиковый период (сентябрь–ноябрь 2020 г.) таковых было 172,7 тысяч. Если же брать относительные цифры, можно сделать вывод: Москва в благоприятном положении. В апреле–июне 2021 г. без работы было 2,7 % населения.

Власти Северной Осетии было зафиксировано рекордное число выплачиваемых пособий по безработице – на эти цели уже направлено более 310 млн рублей.

Число безработных, которых официально зарегистрировали в государственной службе занятости РСО-Алания, чтобы найти работу, соответствующую его специальности, составило на 1 января 2021 г. 19,4 тыс. человек (1 января 2020 г. – 5,5 тыс. человек).

В 2020 г. численность увеличивается на 18,8 тыс. человек (в 2,3 раза).

За этот период безработными являлись 33,4 тыс. человек, снято с учета безработных 19,5 тыс. человек, назначено пособие по безработице 33,4 тыс. человек, для сравнения: в 2019 г. соответственно – 14,6 %, 16,4 % и 14,6 тыс. человек. На 1 января 2021 года уровень официально зарегистрированной безработицы в РСО-Алания составил 6,2 %, в 2019 году – 1,6 %.

Половина всех нетрудоустроенных (57 %) – граждане, проживающие в городской местности, в возрасте от 30–49 лет безработными признаны 59 %, из которых 37 % – женщины, граждане предпенсионного возраста – 8 %.

Заявленная предприятиями и организациями потребность в работниках в 2020 г. составила 12 тыс. должностей. На каждое вакантное место претендовало 3 человека, в 2019 году – 1 человек.

Самыми частыми причинами безработицы являются увольнение в связи с распадом организации или сокращением штата персонала, увольнение по собственному желанию, в связи с окончанием срока действия срочного трудового договора.

Проанализировав выше приведенную статистику, мы хотим привести некоторые меры борьбы с безрабо-

Таблица 2

Численность безработных по округам Российской Федерации за 2021 г.

Федеральный округ	февраль–апрель 2021		март–май 2021		апрель–июнь 2021	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Российская Федерация	4066,4	3,9	3879,9	3,7	3720,4	3,6
Центральный	830,8	4,3	793,7	4,1	758,7	4,0
Приволжский	322,9	5,5	307,3	5,3	300,3	5,2
Северо-Кавказский	450,7	14,0	435,1	13,5	423,6	13,0
Сибирский	645,8	4,7	624,9	4,4	600,5	4,2
Южный	684,3	5,0	648,4	4,8	617,6	4,4
Северо-Западный	315,0	6,7	300,7	6,3	280,9	6,0
Уральский	562,2	6,0	529,7	5,7	502,1	5,6
Дальневосточный	254,7	6,0	240,2	5,8	236,7	5,7

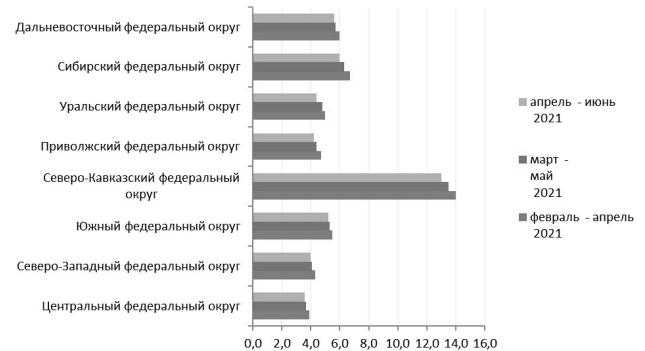
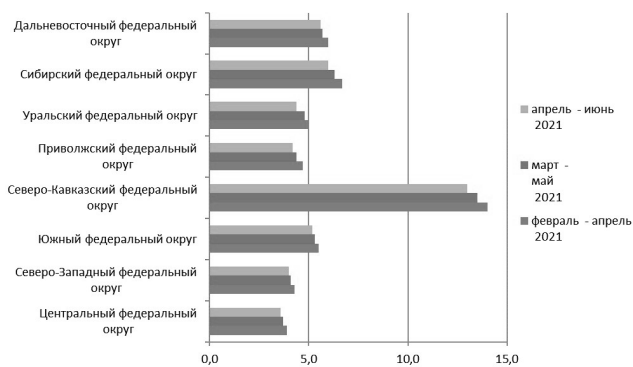

Таблица 3

Численность безработных в РСО-Алания в 2005–2020 гг.

	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
<i>По данным выборочных обследований рабочей силы</i>							
Численность безработных в возрасте 15–72 лет, тыс. человек	29.0	36.8	30.7	39.4	36.5	37.5	44.0
Из их числа:							
– студенты (учащиеся), пенсионеры, тыс. человек		3.7	2.5	3.9	3.0	3.0	3.8
в процентах к итогу		10.1	8.1	9.9	8.2	8.0	8.6
– женщины, тыс. человек	16.7	19.1	16.1	21.1	18.7	16.2	21.7
в процентах к итогу	57.6	51.9	52.4	53.6	51.2	43.2	49.3
– лица, проживающие в сельской местности, тыс. человек		15.4	14.5	19.2	15.2	15.2	14.9
в процентах к итогу		41.8	47.2	48.7	41.6	40.5	33.9
<i>По данным Комитета Республики Северная Осетия-Алания по занятости населения (на конец года)</i>							
Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения, тыс. человек	18.7	12.8	8.1	8.4	7.3	5.5	19.4
Из их числа:							
– женщины, тыс. человек	13.5	7.8	5.1	5.4	4.7	3.2	11.7
в процентах к итогу	72.0	61.1	63.0	64.3	64.4	58.2	60.5
– лица, проживающие в сельской местности, тыс. человек	9.1	5.9	3.8	3.7	3.4	2.3	8.2
в процентах к итогу	48.9	45.9	46.9	43.6	46.6	41.8	42.4
Отношение численности безработных, зарегистрированных в органах службы занятости, к общей численности безработных, процентов	64.5	34.8	26.4	21.3	20.0	14.7	44.3

тей: «Нужно создавать рабочие места, быть эдакими локальными Рузвельтами – американский президент, напомню, во время «великой депрессии» поставил во главу угла именно максимальную трудовую занятость населения. Причем это должны быть реальные проекты с инвестициями и запросом на рабочие руки, а не какие-то гигантские прожекты и «потемкинские деревни». Вот курорт «Мамисон» в Северной Осетии, создание в республике предприятий в реальном секторе экономики, может стать примером практического решения проблемы, адекватного запросам времени и задачам Северной Осетии», – подытожил Смагин.

Еще одним предложением борьбы с безработицей в РСО-Алания является обеспечение рабочих мест, за счет восстановления производственной деятельности заводов: ликеро-водочный завод, завод «Янтарь» и т. д. При возобновлении производства, для повышения экономической ситуации в республике, заниматься взаимным или односторонним импортом.

РСО-Алания вошла в число регионов, которые стали проводить мероприятия по оказанию государственной помощи на основании социального контракта. Основными направлениями оказания государственной помощи на основании социального контракта являются: оказание помощи в поиске работы, по осуществлению предпринимательской деятельности, по ведению личного подсобного хозяйства.

Библиографический список

1. Республика Северная Осетия-Алания в цифрах, 2021 : краткий статистический сборник / ОП Северо-Кавказстата по РСО-Алания, 2021. 22 с.
2. Безработица в России по регионам : где лучше, а где хуже? Анализируем свежие данные Росстата. Режим доступа: <https://bankstoday.net/last-articles/bezrobotitsa-v-rossii-po-regionam-gde-luchshe-a-gde-huzhe-analiziruem-svezhie-dannye-rosstata>

[rossii-po-regionam-gde-luchshe-a-gde-huzhe-analiziruem-svezhie-dannye-rosstata#i-3](https://bankstoday.net/last-articles/bezrobotitsa-v-rossii-po-regionam-gde-luchshe-a-gde-huzhe-analiziruem-svezhie-dannye-rosstata#i-3).

3. Эксперт рассказал, как решить проблему безработицы в Северной Осетии. Режим доступа: https://fedpress-ru.turbopages.org/fedpress.ru/h/news/15/policy/2547188?turbo_feed_type=full.

4. Все по местам: Росстат назвал регионы с высокой и низкой безработицей. Режим доступа: <https://iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/1175389/natalia-bashlykova/vse-po-mestam-rosstat-nazval-regiony-s-vysokoi-i-nizkoi-bezrobotitcei>.

5. Комитет Республики Северная Осетия-Алания по занятости населения. Режим доступа: <http://trud.alania.gov.ru/activity/statistics/data>.

Bibliographic list

1. The Republic of North Ossetia-Alania in numbers, 2021 : brief statistical collection / OP North Caucasus statistics on RSO-Alania, 2021. 22 p.
2. Unemployment in Russia by region: which is better and which is worse? We analyze the latest Rosstat data. Access mode: <https://bankstoday.net/last-articles/bezrobotitsa-v-rossii-po-regionam-gde-luchshe-a-gde-huzhe-analiziruem-svezhie-dannye-rosstata#i-3>.
3. The expert told how to solve the problem of unemployment in North Ossetia. Access mode: https://fedpress-ru.turbopages.org/fedpress.ru/h/news/15/policy/2547188?turbo_feed_type=full.
4. Everyone to their places : Rosstat named regions with high and low unemployment. Access mode: <https://iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/1175389/natalia-bashlykova/vse-po-mestam-rosstat-nazval-regiony-s-vysokoi-i-nizkoi-bezrobotitcei>.
5. Committee of the Republic of North Ossetia-Alania on Employment. Access mode: <http://trud.alania.gov.ru/activity/statistics/data>.

Информация об авторах

М. А. Кантемирова – профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Северо-Осетинской государственной медицинской академии;

М. К. Каллагова – студентка 1 курса Северо-Осетинской государственной медицинской академии;

Э. Д. Касаев – студент 1 курса Северо-Осетинской государственной медицинской академии.

Information about the authors

M. A. Kantemirova – Professor of the Department of Public Health, Healthcare and Socio-economic Sciences of the North Ossetian State Medical Academy;

M. K. Kallagova – 1st year student of the North Ossetian State Medical Academy;

D. E. Kasaev – 1st year student of the North Ossetian State Medical Academy.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022; одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 29.11.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-292-298>

ИПОН: 2015-0066-6/22-578

MOSURED: 77/27-011-2022-06-777

Безработица как внутренняя угроза экономического развития и повышения качества жизни граждан России

Николай Пиманович Купрещенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, kuper52@mail.ru

Аннотация. Проблема безработицы всегда имела огромное значение в экономике страны. Данная проблема не потеряла актуальность и сегодня. В связи с обстановкой в мире закрывается множество предприятий и учреждений, вследствие чего граждане России теряют работу и становятся безработными, снижается их покупательная способность, которая приводит к сокращению производства товаров и услуг. В результате происходит спад в экономике страны, в целом ухудшается качество жизни граждан.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, экономическое развитие, занятость, типы безработицы, естественная безработица, вынужденная безработица, фрикционная безработица, структурная безработица, институциональная безработица, циклическая безработица, сезонная безработица, технологическая безработица, региональная безработица, скрытая, застойная безработица

Для цитирования: Купрещенко Н. П. Безработица как внутренняя угроза экономического развития и повышения качества жизни граждан России // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 292–298. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-292-298>.

Original article

Unemployment as an internal threat to economic development and improving the quality of life of Russian citizens

Nikolay P. Kupreschenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kuper52@mail.ru

Abstract. The problem of unemployment has always been of great importance in the country's economy. This problem has not lost its relevance today. Due to the situation in the world, many enterprises and institutions are being closed, as a result of which Russian citizens lose their jobs and become unemployed, their purchasing power decreases, which leads to a reduction in the production of goods and services. As a result, there is a decline in the country's economy and, in general, the quality of life of citizens is deteriorating.

Keywords: unemployment, labor market, economic development, employment, types of unemployment, natural unemployment, forced unemployment, frictional unemployment, structural unemployment, institutional unemployment, cyclical unemployment, seasonal unemployment, technological unemployment, regional unemployment, hidden unemployment, stagnant unemployment

For citation: Kupreschenko N. P. Unemployment as an internal threat to economic development and improving the quality of life of Russian citizens. Bulletin of economic security. 2022;(6):292–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-292-298>.

Безработица представляет из себя сложное макроэкономическое явление. Ее существование приравнивают к началу 90-х годов. В этот период был замечен наиболее высокий рост безработицы и упадок экономики страны.

Одной из важных особенностей рынка труда выступает то, что в качестве продавцов рабочей силы выступает наибольшая часть населения государства трудоспособных граждан.

Главной задачей государства в данном случае является обеспечение безопасности экономического развития, стабильности рабочей силы, полной занятости на рынке труда, повышения качества жизни граждан России.

Важность проблемы безработицы также объясняется тем, что рынок труда занимает главное место в экономических отношениях. Именно он помогает ускорять процессы производства всех благ, получать выгоду

© Купрещенко Н. П., 2022

предпринимателю. Чем лучше развит рынок труда, тем выше показатель уровня социального положения и материального обеспечения людей.

Согласно данным последних лет двадцать первого столетия сложилось абсолютно новейшее мнение о безработице. В сущность этого нового взгляда положена такая позиция, что не трудоустроенные граждане, которые желают найти работу и ищут ее, как правило не имеют работу только в течение небольшого периода. Кто-то из этих людей находит главным в своем существовании – первую работу, а кто-то тратит время на поиски лучшей, потому что не хотят ошибиться с выбором будущей работы.

Из всего этого следует, что безработица – это социально-экономическое явление, которое характеризуется наличием лиц трудоспособного возраста, не имеющих работы, пригодных к ней и ищущих ее. Занятость – это деятельность людей, связанная с удовлетворением их личных потребностей и, как правило, приносящая им трудовой доход [3].

«Требуйте работы! Если вам не дают работы – требуйте хлеба! Если вам не дают хлеба – возьмите его сами!» Из выступления Эммы Гольдман на Юнионсквер Манхэттена в 1893 году [2].

В современной экономике выделяют два типа безработицы: естественная и вынужденная. Каждая из типов имеет свои подвиды, особенности и свою структуру.

Естественная безработица имеет следующие подвиды:

1) фрикционная безработица. Она связана с поиском работы и ее ожиданием. В обществе всегда существуют люди, которые стремятся найти лучшее место работы или частенько меняют его, например, в связи с неудовлетворенностью достатка или социального положения;

2) структурная безработица. Она содержит в себе часть трудоспособного населения, которая теряет свои рабочие места в связи с внезапными изменениями в структуре экономики;

3) институциональная безработица. Она обусловлена отсутствием бирж труда или высоким пособием по безработице. Это отбивает стимул поиска трудовой деятельности среди людей. Другими словами, институциональная безработица считается результатом государственного регулирования в формировании зарплат. К примеру, это может быть не только повышение пособия по безработице, но и гарантийное обеспечение минимального размера оплаты труда (МРОТ).

Вынужденная безработица и ее подвиды:

1) циклическая безработица. Она обусловлена общим спадом производства. Объясняется кризисом в экономической системе. Общий спад производства является основной причиной возникновения такой безработицы. Этот вид безработицы является самым нестабильным из всех и напрямую связан с экономическими циклами (спад, депрессия, оживление, подъем, спад или рецессия). К примеру, в США во время «Великой де-

прессии» 1929–1933 гг. уровень циклической безработицы достиг 25 %, безработным стал каждый четвертый житель страны;

2) сезонная безработица зависит от времени года и рода деятельности. Наиболее заметно такая безработица проявляется в сельском хозяйстве (выращивание и переработка сельхозпродукции в определенное время года), рыболовстве и т. д.;

3) выделяют вид технологической безработицы. Она связана с изменениями в технологической сфере экономики, с развитием технологий. Внедрение более эффективных производственных процессов. Происходит замена рабочей силы машинами. Выталкивание людей из сферы производства в ходе технологических изменений и дает развитие данному виду безработицы;

4) региональная безработица представляет из себя совокупность факторов демографического, исторического, традиционного характера и является уникальной для каждого региона со своим развитием и особенностями;

5) скрытая безработица. Такая безработица представляет из себя наличие граждан, желающих работать и работающих, но не зарегистрированных как безработных или являющихся формально занятыми;

6) рассмотрим еще один вид безработицы – застойная. Она проявляется в связи с отсутствием рабочих мест в регионе из-за закрытия предприятия. В процессе застойной безработицы граждане длительное время не могут устроиться на работу, теряют веру в себя и свои способности. Вместе с этим постепенно утрачиваются навыки и возникает необходимость в профессиональной подготовке. Застойная безработица является одной из самых морально и психологически сложных для человека.

Социально-экономические причины и последствия безработицы. Экономика любого государства не стоит на месте, она постоянно меняется, развивается, либо улучшается, либо ухудшается, но в любом случае происходят какие-либо процессы. Аналогичное происходит и с безработицей, которая так же колеблется и изменяется. Причин может быть большое количество, начиная с территориального аспекта страны и заканчивая политической ситуацией.

К числу основных причин относят:

1. Избыток населения. Он связан с высокой рождаемостью людей, которая подразумевает под собой большое количество рабочих мест.

2. Заработная плата превышает уровень равновесной цены.

3. Вытеснение рабочей силы в период научно-технического прогресса. Создание новейшей автоматизированной техники, как я уже говорила ранее, приводит к безработице населения. Наиболее высокая эффективность производства достигается внедрением станков, различных аппаратов и т. п.

4. Миграция населения.

5. Минимальный платежеспособный спрос – отсутствие на товары или услуги спроса, снижает спрос на труд, следственно, наступает безработица.

6. Общее кризисное положение экономики страны. Общий упадок спроса, застой производства, а затем и снижение необходимости в рабочих кадрах.

Существуют и положительные аспекты этого явления:

1) Безработица может представлять из себя условие роста производства, появление новых предприятий, специальностей, организацию актуальных рабочих программ; 2) Безработица поддерживает трудовой дух занятых людей. Она поднимает дисциплину, повышает эффективность и производительность труда рабочей силы, полностью погружает в рабочий процесс, пока еще занятый слой населения.

Однако, в большей степени безработица оказывает отрицательное влияние, которое в конечном счете подрывает экономическое развитие и повышение качества жизни граждан России.

К основным социально-экономическим потерям относят:

1. Остановка производства. Крупные компании закрываются и прекращают свою работу в связи с потерей рабочей силы. Не происходит процесс создания новых товаров и услуг.

2. Низкая степень доходной части государства. Нет производства товаров, следовательно, отсутствует и покупательная способность граждан, а значит в казну государства не поступают денежные средства.

3. Экономические потери представляют из себя сумму пособий по безработицы и иные выплаты, расходы, которые уходят на переподготовку кадров, открытие новых рабочих мест.

4. Снижение налоговых поступлений и т. д.

В основном, особое внимание ученые заостряют на экономической составляющей безработицы, а точнее на том, как она влияет на экономику страны.

Однако, социальный аспект безработицы носит не менее важный характер. Главное то, что безработица подрывает уверенность граждан в завтрашнем дне, в своем призвании, авторитете для государства. Ведь, когда человек работает, он чувствует себя полноценным, выполняет возложенные на него обязанности и является поистине значимым для своей страны гражданином. Уверенность в праве на труд и право на защиту от безработицы является одним из важнейших прав гражданина Российской Федерации [1].

Безработица может оказать на человека сильнейшее морально-психологическое потрясение. Подорвать его самооценку и привести к различным травмам. Многие эксперты даже связывают рост преступности с ростом безработицы. И это не случайно, ведь безработный человек всеми способами и силами пытается заработать себе на жизнь, готов пойти и на противоправное деяние. Кроме того, происходит снижение трудовой активности подрастающего поколения, потеря доходов влияет не только на благосостояние страны в настоящем, но и в будущем. Теряется и экономически развитое будущее страны в какой-то степени.

Следует обратить внимание на состояние безработицы в настоящее время, основной причиной которой является, тяжелая политическая ситуация в мире. Уход с российского рынка многих европейских компаний в начале 2022 года, оставил большое количество граждан без рабочих мест. По прогнозам экспертов от апреля 2022 года потери от ухода компаний оценивали в 200 тысяч рабочих мест, и это только в Москве.

В России на данный момент уделяется огромное внимание социально-экономическому развитию с целью повышения качества и уровня жизни населения. Одним

Таблица 1

Динамика численности безработного населения России за период 2017–2021 гг., тыс. чел. [4]

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	Изменения	
						абс., тыс. чел.	отн., %
1	2	3	4	5	6	7	8
Российская Федерация	3966,5	3657,0	3461,2	4316,0	3624,6	-341,9	91,38 %
Центральный федеральный округ	691,1	619,9	611,6	826,6	741,5	50,4	107,29 %
Северо-Западный федеральный округ	320,0	294,3	265,0	374,1	288,4	-31,6	90,13 %
Южный федеральный округ	494,0	458,8	429,7	498,5	419,9	-74,2	84,99 %
Северо-Кавказский федеральный округ	501,3	491,0	508,4	625,2	575,4	74,1	114,79 %
Приволжский федеральный округ	714,3	664,5	619,8	754,7	605,4	-108,9	84,75 %
Уральский федеральный округ	355,2	300,6	270,9	348,3	267,9	-87,3	75,43 %
Сибирский федеральный округ	602,5	556,5	501,7	614,6	486,7	-115,8	80,79 %
Дальневосточный федеральный округ	288,1	271,4	254,1	274,1	239,3	-48,7	83,08 %

из важных вопросов социально-экономического направления государства выступает уровень безработицы.

Актуальность данного явления обуславливает необходимость постоянного мониторинга ее уровня в масштабе государства, а также по регионам России. Для этого, в первую очередь, проведем анализ динамики численности безработного населения (таблица 1).

Согласно представленной динамике, можно сделать вывод, что общая численность безработных на территории Российской Федерации за период 2017–2021 гг. сократилась на 341,9 тыс. чел., или на 8,62 %. При более подробном анализе можно заметить, что только за период 2019–2020 гг. наблюдается прирост числа безработных. Прирост численности данной категории населения за 2019–2020 гг. составил 24,69 %, что в абсолютных показателях равно 854,8 тыс. чел. Сложившаяся ситуация именно в указанный период объясняется фактором глобального распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Пандемия оказала значимое воздействие на экономику не только России, но и всего мира. Угроза здоровью и жизни населения создала негативные условия для ведения бизнеса, поэтому множество хозяйствующих субъектов прекратили свою деятельность, а некоторые значительно сократили свой штат сотрудников. Это и стало причиной такого прироста численности безработных людей в России за период 2019–2020 гг. В остальные периоды наблюдается отрицательная динамика численности безработного населения, так в 2021 году отражено восстановление экономики вместе со снижением численности безработных, за период 2020–2021 гг. темп снижения составил 16,02 %, или 691,4 тыс. чел.

Численность безработных по Российской Федерации складывается исходя из динамики их числа в разрезе регионов, поэтому рассмотрим, какие из них оказали положительное влияние на численность безработных, а какие – негативное.

Итак, среди представленных регионов РФ положительная динамика за период 2017–2021 гг. в отношении

численности безработных наблюдается в Центральном федеральном округе (ФО) и Северо-Кавказском ФО. В случае первого ФО прирост безработных составил 7,29 %, или 50,4 тыс. чел. На территории Центрального ФО также отражен максимальный прирост за период 2019–2020 гг., что говорит об аналогичной динамике по всей России.

Касательно Северо-Кавказского ФО нужно сказать, что здесь наблюдается максимальный прирост безработного населения по России, который за период 2017–2021 гг. составил 14,79 %, что в абсолютной величине равно 74,1 тыс. чел. Сложившаяся ситуация объясняется тем, что в данном регионе наблюдается положительная динамика на протяжении периода 2018–2020 гг., прирост за это время равен 3,54 % и 22,99 % соответственно.

Остальные федеральные округа Российской Федерации отражают благоприятную ситуацию в отношении безработного населения, так как за исследуемый период наблюдается тенденция к снижению несмотря на то, что динамика за период 2017–2021 гг. является нестабильной.

Наибольшее снижение численности анализируемой категории населения наблюдается в Уральском ФО, где темп снижения за период 2017–2021 гг. равен 24,57 %. На втором месте по критерию величины безработных находится Сибирский ФО с темпом снижения, равным 19,21 %. И замыкает тройку лидеров – Дальневосточный ФО. Здесь численность безработных за исследуемый период сократилась на 16,92 %, или на 48,7 тыс. чел.

Для того чтобы наглядно представить динамику численности безработных, отразим ее на рисунке 1.

На уровень безработицы оказывает также большое влияние численность занятого населения, так как показатель рассчитывается на основе этих данных. Поэтому в таблице 2 [4] проведем анализ динамики занятого населения Российской Федерации.

В отношении численности занятого населения наблюдается незначительные изменения в динамике, однако стоит отметить, что рост занятого населения за пери-

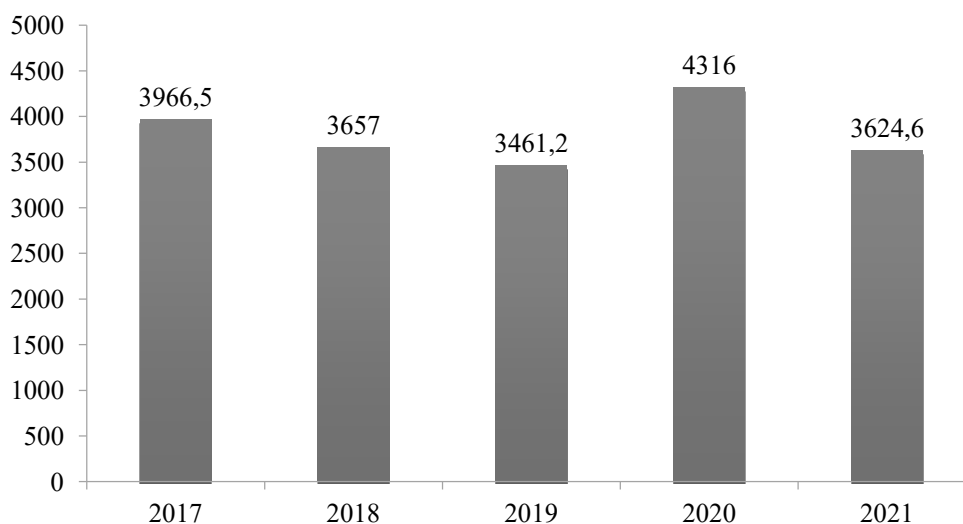

Рис. 1. Динамика численности безработных в Российской Федерации за 2017–2021 гг., тыс. чел.

Таблица 2

Динамика численности занятого населения России за период 2017–2021 гг., тыс. чел.

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	Изменения	
						абс., тыс. чел.	отн., %
Российская Федерация	72142,0	72354,4	71764,5	70460,8	71597,7	-544,3	99,25 %
Центральный федеральный округ	20591,0	20717,7	20674,5	20357,9	20512,6	-78,5	99,62 %
Северо-Западный федеральный округ	7237,4	7205,3	7195,2	7051,0	7184,8	-52,6	99,27 %
Южный федеральный округ	7684,4	7747,9	7682,1	7648,7	7770,4	86,0	101,12 %
Северо-Кавказский федеральный округ	4058,0	4148,2	4089,0	3875,4	4052,1	-5,9	99,85 %
Приволжский федеральный округ	14471,0	14377,4	14127,1	13869,2	14126,8	-344,2	97,62 %
Уральский федеральный округ	6029,9	6058,1	6042,3	5930,1	6028,4	-1,5	99,98 %
Сибирский федеральный округ	8042,9	8061,6	8000,1	7781,1	7946,9	-95,9	98,81 %
Дальневосточный федеральный округ	4027,5	4038,1	3954,1	3947,3	3975,8	-51,7	98,72 %

од 2017–2021 гг. наблюдается исключительно в ЮФО, прирост показателя составил 1,12 %. В отношении всех остальных регионов России наблюдается сокращение в пределах 1–2 %.

Наибольший темп снижения занятого населения отмечен в Приволжском ФО, здесь он за период 2017–2021 гг. равен 2,38 %, наименьший темп снижения – в Уральском ФО с показателем, равным 0,02 %. Тут же отметим, что именно в указанном федеральном округе отражена благоприятная ситуация в отношении динамики численности безработного населения. Из этого можно сделать вывод, что данный регион России имеет достаточно стабильное состояние в отношении числа занятых и безработных.

В большинстве федеральных округов РФ отражено снижение численности занятого населения, следо-

вательно, данная тенденция отразилась и на динамике населения России в целом. По Российской Федерации наблюдается отрицательная динамика числа занятого населения за период 2017–2021 гг., тем снижения равен 0,75 %. Полученный результат выступает средним по всем регионам России.

На рисунке 2 наглядно представим динамику безработного и занятого населения России.

На рисунке 2 отчетливо видно преобладание численности занятого населения, также отражается в отношении данного показателя достаточно стабильная ситуация, чего нельзя сказать о количестве безработных граждан нашей страны. Однако за период 2020–2021 гг. в отношении двух ключевых показателей отражается благоприятная ситуация, что подтверждают результаты проведенного анализа.

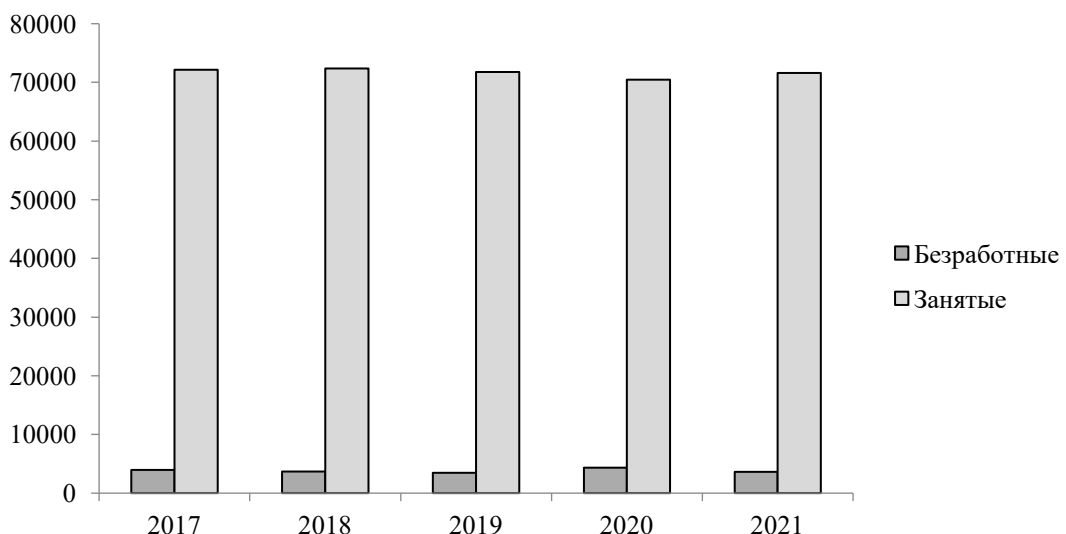

Рис. 2. Соотношения безработного и занятого населения РФ, тыс. чел.

Анализ уровня безработицы в России за период 2017–2021 гг., %

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	Изменения	
						абс., тыс.чел.	отн., %
Российская Федерация	5,2	4,8	4,6	5,8	4,8	-0,4	92,31 %
Центральный федеральный округ	3,2	2,9	2,9	3,9	3,5	0,3	109,38 %
Северо-Западный федеральный округ	4,2	3,9	3,6	5,0	3,9	-0,3	92,86 %
Южный федеральный округ	6,0	5,6	5,3	6,1	5,1	-0,9	85,00 %
Северо-Кавказский федеральный округ	11,0	10,6	11,1	13,9	12,4	1,4	112,73 %
Приволжский федеральный округ	4,7	4,4	4,2	5,2	4,1	-0,6	87,23 %
Уральский федеральный округ	5,6	4,7	4,3	5,5	4,3	-1,3	76,79 %
Сибирский федеральный округ	7,0	6,5	5,9	7,3	5,8	-1,2	82,86 %
Дальневосточный федеральный округ	6,7	6,3	6,0	6,5	5,7	-1,0	85,07 %

Итак, после того, как нами был проведен анализ динамики двух ключевых показателей, состояние и динамика которых оказывают прямое влияние на уровень безработицы в стране, перейдем непосредственно к его более подробному исследованию с целью выявления его масштабов и влияния безработицы на экономику России в настоящее время (таблица 3) [4].

Проведенный анализ уровня безработицы в Российской Федерации за период 2017–2021 гг. позволил сделать следующие выводы.

На протяжении периода 2017–2019 гг. наблюдается тенденция к снижению уровня безработицы в России, однако за период 2019–2020 гг. показатель вырос на 1,2 %, что больше в несколько раз, чем темп его снижения за предыдущие периоды. На это повлияло, как было ранее выявлено, увеличившаяся численность безработного населения в стране в связи с пандемией COVID-19. Но заметим, что уже в следующем периоде, то есть за 2020–2021 гг. уровень безработицы сократился на 1 %, что выступает достаточно хорошим результатом и отражает принятие соответствующих мер со стороны государства в период распространения новой коронавирусной инфекции в целях поддержки экономики России. Такая динамика показывает их эффективность.

Однако не на всей территории нашей страны наблюдается благоприятная ситуация в отношении безработицы. Такое явление представляет собой, как правило, отношение безработных к числу занятого населения или трудоспособного, поэтому в Центральном ФО наблюдается прирост уровня безработицы, который за период 2017–2021 гг. равен 9,38 %, что в абсолютной величине составляет 0,4 %. Такая ситуация сложилась в результате роста количества безработного населения на фоне снижения занятого на территории Центрального ФО. Но

заметим, что в данном регионе уровень безработицы на протяжении всего исследуемого периода является минимальным.

Еще одним регионом России, где уровень безработицы вырос за исследуемый период выступает Северо-Кавказский ФО, здесь прирост безработицы составил 12,73 %, то есть уровень увеличился на 1,4 %. Также отметим, что в данном ФО на протяжении периода 2017–2021 гг. наблюдается максимальный уровень безработицы из всех регионов страны. Отраженная динамика уровня безработицы в данном ФО складывается в результате снижения занятого населения на 0,15 %, а в отношении безработного населения, наоборот, наблюдается положительная динамика (+14,79 %).

На основании результатов анализа ключевых показателей, оказывающих влияние на уровень безработицы, нами был сделан вывод, что в Уральском ФО наблюдаются благоприятные условия в сфере занятости, что подтверждает информация, представленная в таблице 3. Уровень безработицы в Уральском ФО сократился на 1,3 %, темп снижения составил 23,21 %.

В отношении оставшихся федеральных округов России отражен темп снижения уровня безработицы в пределах 10–15 %.

Таким образом, проведя анализ уровня безработицы на территории Российской Федерации, можно сделать вывод, что в настоящее время ее масштабы сокращаются, несмотря на то, что в 2020 году безработица была максимальной и была равна 5,8 %, что выше, чем в начале исследуемого периода, в 2017 году. Но за последний период ситуация изменилась в лучшую сторону, что связано с динамикой безработного и занятого населения страны благодаря государственной поддержке экономики и трансформации бизнеса в России.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. Принятая всенародным голосованием 12.12.1993. С изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года. [Электронный ресурс] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a3a72cb1410c3f6555eb3ee/emma-goldman--14-faktov-o-samoi-izvestnoi-anarhistke-5b1e8e49865165fc98aca5ce>.
3. Электронный ресурс // Режим доступа: https://www.yandex.ru/search/?lr=213&offline_search=1&text.
4. Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993. With the changes approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. [Electronic resource] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Electronic resource // Access mode: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a3a72cb1410c3f6555eb3ee/emma-goldman--14-faktov-o-samoi-izvestnoi-anarhistke-5b1e8e49865165fc98aca5ce>.
3. Electronic resource // Access mode: https://www.yandex.ru/search/?lr=213&offline_search=1&text.
4. Electronic resource] // Access mode: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

Информация об авторе

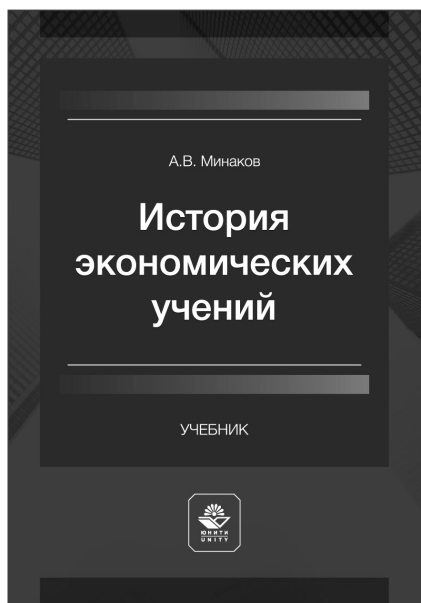
Н. П. Купрещенко – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

N. P. Kupreschenko – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 30.11.2022.

История экономических учений. Минаков А. В. Учебник. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определенному направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох).

Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

Для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика и управление», «Экономика», «Экономическая безопасность», а также слушателей курсов повышения квалификации и программ профессиональной подготовки, аспирантов и преподавателей, специалистов в области экономики и околоэкономической деятельности.

Научная статья

УДК 351.82

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-299-305>

НИОН: 2015-0066-6/22-579

MOSURED: 77/27-011-2022-06-778

Методологические аспекты стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности страны

Александр Николаевич Литвиненко

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, lanfk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению методологических подходов к формированию стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности страны. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что сегодня процесс обеспечения экономической безопасности страны трактуется разнопланово. Автор выделил недостатки существующей методологии в стратегическом планировании и трудности в реализации государственной системы планирования экономической безопасности. В статье предложена комбинация подходов для построения стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности России.

Ключевые слова: стратегическое планирование, экономическая безопасность, система управления, методология

Для цитирования: Литвиненко А. Н. Методологические аспекты стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности страны // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 299–305. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-299-305>.

Original article

Methodological aspects of strategic planning in the field of ensuring the economic security of the country

Alexander N. Litvinenko

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, lanfk@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the understanding of methodological approaches to the formation of strategic planning in the field of ensuring the economic security of the country. The relevance of the problem under study is due to the fact that today the process of ensuring the economic security of the country is interpreted in different ways. The author highlighted the shortcomings of the existing methodology in strategic planning and difficulties in implementing the state system of economic security planning. The article offers a combination of approaches for building strategic planning in the field of ensuring Russia's economic security.

Keywords: strategic planning, economic security, management system, methodology

For citation: Litvinenko A. N. Methodological aspects of strategic planning in the field of ensuring the economic security of the country. Bulletin of economic security. 2022;(6):299–305. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-299-305>.

Введение

Совершенствование системы стратегического планирования и последовательное проведение государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности являются элементами, определяющими развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики.

Стратегическое планирование лежит в основе поддержания устойчивого социально-экономического развития России, и как результат – в обеспечении национальной экономической безопасности. На протяжении десятилетий остаются предметами дискуссий базовые элементы системы планирования: плановые и отчетные

показатели, охват планами субъектов планирования, алгоритмы составления, согласования и корректировки планов, методики планирования, методы анализа и обеспечения сбалансированности, инструменты стимулирования субъектов планирования.

В настоящее время встала проблема создания системы стратегического планирования, учитывающей специфику современных задач управления экономикой. В ходе стратегического управления экономической системой заглавным, – наряду с организационной стороной стратегии, процедур согласования решений, корректировкой стратегии, – стал поиск путей преодоления последствий от кризисов и осцилляционного развития

© Литвиненко А. Н., 2022

экономики страны. Ведь стратегия является не константой, а выступает лишь как достаточно стабильная компонента экономической системы [1].

Собственно последовательность проведения государственной политики во многом предопределяется наличием и качеством государственного планирования. Представляется не только полезным, но и крайне актуальным, проанализировать построение политики обеспечения экономической безопасности российского государства с точки зрения государственного стратегического планирования.

Сегодняшняя политэкономическая ситуация заставляет возвратиться к идее В. В. Леонтьева, высказанной им при анализе техники экономического планирования: «... конкурентная экономика может давать сбои в стрессовой ситуации, а такая ситуация возникает всегда, когда общество сталкивается с проблемами, значительно отличающимися от тех, которые оно решало прежде. Неудивительно поэтому, что при переходе от мира к войне или от войны к миру, при переходе от длительной стагнации к быстрому росту или при необходимости осуществления быстрых и резких технологических изменений решение проблем достижения общего равновесия может быть облегчено благодаря использованию внешнего воздействия, то есть планирования» [2, с. 237].

Институциональное оформление стратегического планирования

Документы государственного стратегического планирования – для оперативного реагирования на внешние вызовы и угрозы посредством построения системы обеспечения национальной экономической безопасности – регулярно готовятся с 2008 г.

В 2014 году в нашей стране принят специальный закон о стратегическом планировании [3]. Хотя документ носит номинальный и рамочный характер, он выстраивает систему планирования в России на стратегическом уровне. Законодатель определил стратегическое планирование как деятельность участников по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации [3]. Отметим, что в данном понимании стратегического планирования задачи экономического характера носят подчиненный характер для достижения цели обеспечения национальной безопасности.

Типология соответствующих документов выстраивается законом в единую систему. При этом Законом выделяются среднесрочные и долгосрочные стратегические документы, а также определяются базовые понятия стратегического планирования (прогнозирование, пла-

нирование, программирование). Критика действующего закона сводится к отсутствию единой структуры власти, координирующей деятельность субъектов стратегического планирования и определяющей роли стратегического планирования на формирование бюджетов.

Работа в этой сфере не останавливается. Отдельным Указом Президента определены направления государственной политики по стратегическому планированию, исходя из взаимосвязи социально-экономического развития и национальной безопасности [4]. Собственно документ призван совершенствовать работу по ряду направлений: организация взаимодействия участников стратегического планирования; согласование равноуровневых документов стратегического планирования; координация и контроль; организация ресурсного обеспечения стратегического планирования.

В Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года фактически впервые говорится о суверенизации российской экономики как о стратегической цели [5]. Поэтому «статус» данной Стратегии определяется как стратегический. Принципиально важно, что без реализации данной Стратегии бессистемное определение рисков становится неэффективным, тем более что рискам свойственно видоизменяться [6].

В нашей стране создана система стратегического планирования – федеральная информационная система «Управление» [7]. Она формирует и обрабатывает данные, содержащиеся в государственных и муниципальных информационных ресурсах, сведения, необходимые для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере государственного управления, в том числе для информационного обеспечения стратегического планирования. Этот ресурс хранит информацию о ходе разработки, общественного обсуждения, согласования и реализации проектов документов стратегического планирования. Вместе с тем, нет единого практического механизма управления экономической системой страны на основе этих данных [8].

В 2020 г. состоялось аналитическое обсуждение проблемы стратегического планирования в Федеральном Собрании РФ. О необходимости его развития говорили все эксперты форума, отмечая, что без этого невозможно ускорение экономического роста и обеспечение экономической безопасности страны. При этом докладчики выделили причины низкой эффективности комплексной государственной политики, среди которых [9]: множество разрозненных (более 500) ведомственных и отраслевых стратегий и программ не до конца согласованных между собой;

противоречие между набором стратегических документов прогнозного характера как содержательной базой государственной экономической политики, и федеральным бюджетом как главным стержнем управления отечественной экономикой;

искаженность системы управления социально-экономического развития, в которой приоритет Минфина, – в принятии экономических решений, – а не органа госу-

дарственной власти, осуществляющего стратегическое управление экономикой;

противоречие между прогнозами как научно обоснованными представлениями о рисках развития систем и планированием как организационной базой для разработки стратегий развития России.

И последнее – отсутствие специальных органов по стратегическому планированию и стратегическому аудиту документов стратегического планирования. Организационно Министерство экономического развития РФ не стало общегосударственным органом, который бы держал в руках картину развития экономики страны в целом. Оно не выработало механизм реализации Закона о стратегическом планировании. Процедуры согласования с различными заинтересованными ведомствами и последующие доработки серьезно размывали первоначальный замысел. Эти организационные нестыковки сильно ослабляют работу по стратегическому планированию.

Создание же механизма объективно тормозится трудностями реализации государственного стратегического планирования в системе обеспечения экономической безопасности страны: появление новых социально-экономических условий по сравнению с прежним экономико-политическим и социальным укладом; слабая адаптивность системы стратегического планирования к новым угрозам и опасностям; в научных кругах нет его однозначного восприятия, не достигнута этимологическая определенность по данной проблематике, а также чистота и ясность в категориальном аппарате; дефицит кадров – нужны ответственные профессионалы, обладающие не только нужными компетенциями, но и намерениями – нет осознания необходимости строить долгосрочную стратегию у лиц, принимающих решения в государственном аппарате [11].

При этом нельзя забывать и о наличии потенциальных рисков в системе стратегического развития России: возможность внедрения в систему стратегического планирования ложных теорий и исходных посылов, бесперспективных технологий, приводящих к тупиковым моделям развития (выделяется восемь разновидностей системного подхода к стратегическому планированию и 23 принципа его осуществления); зависимость результата от достоверности предопределяемой информации [10].

Сложившаяся ситуация уже подтолкнула к применению инструментов мобилизационной экономики. Хотя применение таких инструментов чревато рисками: неправильный выбор направления развития, расходование средств на тупиковые решения; коррупция и лоббирование расходов государственных средств не на решение насущных общегосударственных задач, а на удовлетворение интересов отдельных групп предпринимателей.

Элементы методологии стратегического планирования экономической безопасности страны

Отдельной проблемой стоит несовершенство существующей методологии в стратегическом планировании, основанной на целостном понимании сущности происходящих процессов, системе сложившихся мировоззренческих основ.

Под методологией стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности – исходя из традиционных подходов – сегодня понимается: единая научная основа разработки стратегических прогнозов, проектов и программ, стратегий, направленная на обеспечение устойчивого социально-экономического развития России; гармонизация мировоззренческих, общенаучных принципов и способов познания; механизм согласованных по целям и задачам системных мероприятий, реализуемых согласно единому стратегическому замыслу; логическая взаимосвязь разрабатываемых документов; урегулирование целей, задач, форм и методов ее осуществления; обоснованность системы показателей, используемых в процессе планирования.

Оценка сложившегося несовершенства методологического знания должна проводиться исходя из того посыла, что методология служит для разрешения противоречия между процессами познания и преобразования практики. В этой связи, консолидируясь с рядом мнений участников дискуссии о проблемах стратегического планирования, выскажем несколько предложений.

Первое – необходимость изменения подхода к методологии стратегического планирования, состоящее в том, чтобы не наращивать количество принятых документов, а строить управление системой в соответствие с заданными параметрами [12].

Второе – ограничение (экспертным путем) набора используемых подходов и методов. Специфика стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности предопределяет особенности в выборе и типов, и методов планирования.

В процессе выбора применяемых методов необходимость подходить к стратегическому планированию с позиций системного подхода не отвергается ни кем из исследователей. Однако на практике этот посыл труднореализуем. Проблема состоит в масштабности и многогранности данного вида планирования. Считаем важным дополнение системного анализа и синтеза независимыми экспертными мнениями, а при создании базовых документов долгосрочного горизонта планирования социально-экономического развития страны – обязательность использования экономико-математических методов и моделей.

Идея создания аналога Госплана в виде комиссии экспертов уже высказывалась [11]. Задачей такой структуры стало бы отражение баланса производственных мощностей в экономике России для принятия стратегических решений с ориентацией идей планирования на тип интерактивного планирования (от желаемого будущего).

Третье – реализация идеи Мольтке о том, что стратегия – это система подпорок. Его соображение о стратегии как искусстве действия под гнетом труднейших условий уместно для внедрения в сегодняшней России. Ситуация требует отношения к стратегии больше, чем к науке; это – перенос знания в практическую жизнь, дальнейшее развитие первоначальной мысли в соответствии с изменившимися обстоятельствами [13].

Такой «подпоркой» – для обеспечения экономической (собственно национальной) безопасности должна стать технологическая политика, структурно представленная А. Белоусовым [14] на форуме по стратегическому развитию.

Сегодняшние вызовы для России являются стратегическими, поэтому и поставленные Правительством четыре цели имеют стратегическое содержание.

Первая – обладание ключевыми технологиями, определяющими возможность решения стратегических задач. Это обеспечение технологического суверенитета за счет: государственного технологического заказа на разработку критических технологий; развития сквозных технологий; создания образцов новых рынков; формирование национальной технологической инициативы с поддержкой конкретных проектов, развития сквозных технологий и работы с сообществами технологических предпринимателей.

Вторая цель – экономизация технологий, превращение их в фактор капитализации. Здесь задействовано ряд механизмов: регуляторные изменения по стимулированию оборота результатов интеллектуальной деятельности; лифты для технологических компаний.

Третья цель – восстановление системы производственных и технологических связей как результата санкционных ограничений. Сегодня для ее достижения разработаны отраслевые планы импортозамещения; запущены два производственно-технологических мегапроекта в области авиастроения и радиоэлектронной промышленности.

Четвертая цель – распространение цифровых платформ с выполнением операций в бездокументарной форме без участия человека, не привязанных к одному центру принятия решений.

Достижению этих целей препятствуют ряд проблем: отсутствие единого, связующего между собой существующие разрозненные проекты и программы, стратегического документа – концепции технологического развития, детализирующей организационные решения и ресурсное обеспечение, этапы работы и ответственных за достижение целей; «пробуксовка» технологических соглашений с компаниями-лидерами, требующих открытости формата этих соглашений, развития конкуренции, стандартизации формирования «дорожных карт», независимости экспертизы результатов соглашений; отсутствие нормативного закрепления понятия «малая технологическая компания» для адресности мер поддержки развития технологических стартапов, а также признания интеллектуальной собственности как качественного залогового актива; использование преимуществ государственно-частного партнерства в проектах локализации по отдельным линейкам высокотехнологичной продукции.

Четвертое – обеспечение временной согласованности. О значении этого явления применительно к экономической жизни задумывались ведущие ученые. «Несмотря на все ограничения, явления синхронизации заслуживает дальнейшего практического изуче-

ния, применительно к различным сферам деятельности человеческого общества. Мы удивительно мало знаем о роли синхронизации, а что еще хуже — десинхронизации в возникновении богатства и нищеты» [15]. Учет этого обстоятельства поможет устойчивому развитию экономических систем. Можно использовать синхронизацию как инструмент государственной политики, как принцип согласованности экономических интересов при построении системы обеспечения национальной экономической безопасности. Безусловно, важен учет статических показателей (индикаторы, пороговые значения, дисбалансы и диспропорции), но нужно анализировать и динамические свойства системы с учетом временного согласования экономических интересов ключевых субъектов системы.

Пятое – обеспечение взаимосвязи уровней стратегического планирования.

В российском государстве экономическую безопасность страны можно рассматривать как трехзвенную систему, в которой федеральный уровень выступает гарантом положения национальной экономики в мировом хозяйстве, а регион является промежуточным уровнем, и, с одной стороны, результатом макроэкономической стабильности страны, а с другой – успешности деятельности хозяйствующих субъектов микроуровня.

В силу этого обстоятельства при реализации стратегического планирования нужно исходить из следующих фактов: ключевым субъектом стратегического планирования должно оставаться государство – это его прерогатива; миссия бизнеса – формировать экономические решения, а общество отвечает за запросы на решения в социальном пространстве; необходимо обеспечить взаимосвязь решения экономических проблем государства и общества с задачами бизнеса (как трех субординированных субъектов планирования), исключая при этом их разнонаправленность, противостояние и конфликтность. В конечном итоге эти процессы должны быть направлены на единый вектор экономического развития.

Таким образом, государство занимается не только администрированием проблемы обеспечения экономической безопасности страны, но и достигает желаемого состояния за счет гармонизации экономических отношений между сторонами этих отношений – бизнесом, банками и населением. Исходя из сказанного, целью стратегического планирования на федеральном уровне является оптимизация путей обеспечения противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения. При этом к основным задачам стратегического планирования по обеспечению экономической безопасности страны – в контексте достижения целей государственной политики [12] – можно отнести:

закрепление системы смыслов и принципов принятия решений, предопределяющих выбор критериев и ограничений для обеспечения экономической безопасности на всех уровнях власти и отраслевой иерархии России;

учет и ранжирование внешних и внутренних угроз экономике нашей страны для стратегического планирования; реализацию выбранных государственных приоритетов посредством согласования документов стратегического планирования и бюджетного процесса по обеспечению экономической безопасности;

организацию стратегического планирования по обеспечению экономической безопасности, которая становится базой формирования единого управленческого цикла.

Особенностью в планировании экономической безопасности страны на федеральном уровне может стать идея о выделении двух взаимосвязанных подсистем: подсистемы обеспечения экономического роста и правоохранительной подсистемы обеспечения экономической безопасности [16]. Однако это тема отдельного анализа.

В рамках стратегического планирования экономически безопасного функционирования субъектов Российской Федерации необходимо: учитывать региональные инвестиционные факторы; выделять в качестве направления стратегического планирования развитие инновационной производственной инфраструктуры; обеспечивать согласованность федеральных и региональных приоритетов, ориентироваться на запросы бизнеса и населения; исходить из того факта, что стратегические цели федерального уровня служат инструментом привлечения средств федерального бюджета в интересах развития регионов; формировать социальную политику в стратегиях регионального развития на основе субсидиарного подхода, а также с учетом мнений бизнес-сообщества и общественных организаций [17]; во времена с высокой неопределенностью не отказываться от стратегического планирования, ведь именно в эпоху перемен нужно придерживаться намеченных целей, что позволит не только не сбиться с пути, но и работать на опережение ситуации [18].

Практика стратегического управления в экономически развитых странах подтверждает возможность использования ряда их наработок в региональном управлении, в частности, одновременное достижение целей создания комфортной бизнес-среды и построение диджитализированного общества [19].

Стратегическое планирование в сфере обеспечения экономической безопасности компаний осознают и принимают руководители только крупных фирм. При этом именно организационными факторами предопределяется эффективность результатов использования стратегического планирования. Сложность внедрения в жизнь разноплановых организационных решений порождает набор проблем, среди которых: позиция собственников бизнеса, которая не мотивирует топ-менеджмент компании на формирование долгосрочных задач; недостаточный уровень квалификации управленческого персонала; минимизация затрат как причина низкой эффективности управленческих бизнес-процессов [20].

Шестое. Определение конечной цели планирования для национальной экономики (интересы, устойчивость, защищенность, независимость, конкурентоспо-

собность). Считаем целесообразным исходить из принципа «экономическая безопасность – это национальная безопасность» [21] и оценивать экономическую безопасность государства как неотъемлемую и не выделяемую часть его национальной безопасности [22]. А поэтому в стратегическом анализе позиционировать задачу экономического обеспечения национальной безопасности.

Заключение

Формирование системы стратегического планирования в сфере экономической безопасности в стране требует дополнительной координации всего институционального пространства. Запущенные процессы осознания, формулирования и создания стратегии экономической безопасности России для ее реализации требуют делегирования и разграничения полномочий целого ряда существующих институтов. Роль стратегического планирования будет и далее возрастать по нескольким причинам, среди которых рост неопределенности в мировых хозяйственных отношениях, разочарование в возможностях свободного рынка по обеспечению устойчивости национальной экономики, появление новых направлений взаимодействия хозяйствующих субъектов в экономических интеграционных процессах, учащенное возникновение непредвиденных обстоятельств.

Таким образом, события последних лет подталкивают к изменению методологии стратегического планирования в сфере обеспечения экономической безопасности России. Этот процесс объективно становится неотъемлемой и невыделяемой частью обеспечения ее национальной безопасности.

Направление дальнейших исследований

Продолжением работы может стать анализ стратегического планирования для всей системы управления как эффективной антикоррупционной меры, поскольку коррупционные действия ориентированы на краткосрочные и локализованные в пространстве и во времени эффекты.

Список источников

1. Клейнер Г. Б. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России / Стратегическое планирование и управление. Материалы круглого стола. М. : Научный эксперт, 2011.
2. Леонтьев В. Современная техника экономического планирования и прогнозирования / Экономические эссе. Изд-во: «Политиздат». 1990. С. 230–241.
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fzrf.su/zakon/o-strategicheskom-planirovanii-172-fz/st-3.php>. (дата обращения: 17.07.2022).
4. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/> (дата обращения: 17.07.2022).

5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
6. Павлов В. И. Проблемы и противоречия реализации стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Экономическая безопасность. 2019. Т. 2. № 1. С. 39–45.
7. Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2009 г. № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление», с изм. на 17 мая 2022 г. (дата обращения: 17.07.2022).
8. Попова Е. В. Предложения по созданию эффективного механизма реализации долгосрочной социально-экономической стратегии России / Государственное стратегическое планирование: состояние, перспективы и пути развития. Сб. аналитических материалов фракции Политической партии Справедливая Россия в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, 2020. С. 19–35.
9. Андрианов К. Н. Развитие стратегического планирования социально-экономического развития в Российской Федерации: анализ состояния и направления развития / Государственное стратегическое планирование: состояние, перспективы и пути развития. Сб. аналитических материалов фракции Политической партии Справедливая Россия в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, 2020. С. 5–19.
10. Шаров В. Ф. Государственное стратегическое планирование в Российской Федерации: проблемы и возможные решения / Государственное стратегическое планирование: состояние, перспективы и пути развития. Сб. аналитических материалов фракции Политической партии Справедливая Россия в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, 2020. С. 19–35.
11. Колганов А. Нам не помешало бы что-то вроде Госплана 22.07.2022 <https://me-forum.ru/media/news/15523/> (дата обращения: 22.07.2022).
12. Мунтиян В. И. Методологические аспекты государственного стратегического планирования: состояние и пути развития / Государственное стратегическое планирование: состояние, перспективы и пути развития. Сб. аналитических материалов фракции Политической партии Справедливая Россия в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, 2020. С. 60–66.
13. Гельмут фон Мольтке О стратегии / в Сб. Стратегия в трудах военных классиков. Том II. / Под редакцией А. Свечина. М. : Государственное военное издательство, 1926. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/classic2/15.html#> (дата обращения: 26.08.2022).
14. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Московская область, Ново-Огарево. 18.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69019> (дата обращения: 18.08.2022).
15. Тоффлер Элвин Революционное богатство. М. : АСТ : АСТ Москва, 2008. С. 27.
16. Основные подходы к организации стратегического планирования в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации / Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29). С. 57–61.
17. Мирошников С. Н. Государственное управление территориальным развитием: подходы, инструменты, перспективы : монография / С. Н. Мирошников. М. : Изд-во «Проспект». 2018. 312 с.
18. Мирошников С. Н. Влияние системы стратегического планирования на темпы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 68–82.
19. Веретехин А. В. Комфортизация информационно-экономической среды предприятия в рамках парадигмы стратегического управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 68–79.
20. Проблемы и трудности внедрения стратегического планирования в российских компаниях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blog.iteam.ru/problemu-i-trudnosti-vnedreniya-strategicheskogo-planirovaniya-v-rossijskih-kompaniyah/> (дата обращения: 18.07.2022).
21. Афонцев С. А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // На страже экономики. 2 (13). 2020. С. 27–47.
22. Литвиненко А. Н. Экономическая безопасность государства как неотъемлемая и не выделяемая часть его национальной безопасности / В сборнике: Экономическая безопасность: концепция, стандарты. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / под общей редакцией Л. Н. Родионовой. 2017. С. 64–67.

References

1. Kleiner G. B. Problems of strategic state planning and management in modern Russia / Strategic planning and management. Materials of the round table. М.: Scientific Expert, 2011.
2. Leontiev V. Modern technique of economic planning and forecasting / Economic essays. Publishing house: «Politizdat». 1990. P. 230–241.
3. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation» [Electronic resource]. Access mode: <https://fzrf.su/zakon/o-strategicheskoy-planirovani-172-fz/st-3.php>. (accessed: 17.07.2022).
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 633 dated November 8, 2021 «On approval of the Fundamentals of State Policy in the field of strategic planning in the Russian Federation». [electronic resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/> (accessed: 17.07.2022).

5. Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 № 208 «On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030» // SZ RF. 2017. No. 20. Art. 2902.

6. Pavlov V. I. Problems and contradictions of the implementation of the economic security strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 // Economic security. 2019. Vol. 2. No. 1. P. 39–45.

7. Decree of the government of the Russian Federation of December 25, 2009 № 1088 «On state automated information system «Control», Rev. on may 17, 2022 (accessed: 17.07.2022).

8. Popova E. V. Proposals for the creation of an effective mechanism for the implementation of the long-term socio-economic strategy of Russia / State strategic planning: state, prospects and ways of development. Collection of analytical materials of the faction of the Just Russia Political Party in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2020. P. 19–35.

9. Andrianov K. N. Development of strategic planning of socio-economic development in the Russian Federation: analysis of the state and directions of development / State strategic planning: state, prospects and ways of development. Collection of analytical materials of the faction of the Just Russia Political Party in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2020. P. 5–19.

10. Sharov V. F. State strategic planning in the Russian Federation: problems and possible solutions / State strategic planning: state, prospects and ways of development. Collection of analytical materials of the faction of the Just Russia Political Party in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2020. P. 19–35.

11. Kolganov A. It would not hurt that-something like Gosplan 22.07.2022 <https://me-forum.ru/media/news/15523/> (accessed: 22.07.2022).

12. Muntiyani V. I. Methodological aspects of state strategic planning: state and ways of development / State strategic planning: state, prospects and ways of development. Collection of analytical materials of the faction of the Just Russia Political Party in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2020. P. 60–66.

13. Helmut von Moltke On strategy / in the Collection of Strategy in the works of military classics. Vol. II / Edited

by A. Svechin. M. : State Military Publishing House, 1926. [electronic resource]. Access mode: <http://militera.lib.ru/science/classic2/15.html#> (accessed: 26.08.2022).

14. Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects. Moscow region, Novo-Ogarevo. 18.07.2022. [electronic resource]. Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69019> (accessed: 18.08.2022).

15. Toffler Alvin Revolutionary Wealth. M. : ACT : ACT Moscow, 2008. P. 27.

16. Basic approaches to the organization of strategic planning in the system of ensuring economic security of the Russian Federation / Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1 (29). P. 57–61.

17. Miroshnikov S. N. State management of territorial development: approaches, tools, prospects: monograph / S. N. Miroshnikov. M. : Publishing house «Prospect». 2018. 312 p.

18. Miroshnikov S. N. The influence of the strategic planning system on the pace of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation // Managerial consulting. 2020. No. 12. P. 68–82.

19. Veretekhin A. V. Comfotification of the information and economic environment of the enterprise within the framework of the strategic management paradigm // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 68–79.

20. Problems and difficulties of implementing strategic planning in Russian companies [Electronic resource]. Access mode: <https://blog.iteam.ru/problemy-i-trudnosti-vnedreniya-strategicheskogo-planirovaniya-v-rossijskih-kompaniyah/> (accessed: 18.07.2022).

21. Afontsev S. A. Conceptual foundations of the analysis of national and international economic security // On Guard of the Economy. 2 (13). 2020. P. 27–47.

22. Litvinenko A. N. Economic security of the state as an integral and not singled out part of its national security / In the collection: Economic security: concept, standards. Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of L. N. Rodionova. 2017. P. 64–67.

Информация об авторе

А. Н. Литвиненко – профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ.

Information about the author

A. N. Litvinenko – Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-306-310>

ИПОН: 2015-0066-6/22-580

MOSURED: 77/27-011-2022-06-779

Некоторые вопросы административного регламента рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков на решения налоговых органов

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

staroverova05@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам административного регламента рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков на решение налоговых органов. Рассмотрены вопросы административного порядка обжалования налогоплательщиками решений налоговых органов, представлены не претендующие на полноту выводы по регламентированному рассмотрению жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков на решения налоговых органов.

Ключевые слова: налогоплательщик, налоговый орган, административное обжалование, налоговое правонарушение, налоговые санкции, мировое соглашение

Для цитирования: Староверова О. В. Некоторые вопросы административного регламента рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков на решения налоговых органов // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 306–310. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-306-310>.

Original article

Some issues of the administrative regulations for the consideration of complaints (appeals) of taxpayers against decisions of tax authorities

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

staroverova05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to some issues of the administrative regulations for the consideration of complaints (appeals) of taxpayers against the decision of the tax authorities. The issues of the administrative procedure for taxpayers to appeal against decisions of tax authorities are being considered, the conclusions that do not pretend to be complete on the regulated consideration of complaints (appeals) of taxpayers against decisions of tax authorities are being presented.

Keywords: taxpayer, tax authority, administrative appeal, tax offense, tax sanctions, settlement agreement

For citation: Staroverova O. V. Some issues of the administrative regulations for the consideration of complaints (appeals) of taxpayers against decisions of tax authorities. Bulletin of economic security. 2022;(6):306–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-306-310>.

Затрагивая процессуальные вопросы рассмотрения жалоб налогоплательщиков на решения налоговых органов в административном порядке, давайте оценим сам порядок реализации норм Налогового кодекса Российской Федерации по рассмотрению жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков.

На наш взгляд, процедуру административного обжалования решений налоговых органов необходимо четко регламентировать не отдельными письмами и приказами ФНС, а положениями (нормами) закона или соответствующими административными регламентами.

Решение по жалобе (апелляционной жалобе) на решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, вынесенное в порядке, предусмотренном статьей 101 НК РФ, принимается вышестоящим налоговым органом в течение одного месяца со дня получения жалобы (апелляционной жалобы). Указанный срок может быть продлен руководителем (заместителем руководителя) налогового органа для получения от нижестоящих налоговых органов доку-

© Староверова О. В., 2022

ментов (информации), необходимых для рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы), или при представлении лицом, подавшим жалобу (апелляционную жалобу), дополнительных документов, но не более чем на один месяц.

Решение по жалобе, не указанной в вышеназванном абзаце, принимается налоговым органом в течение 15 дней со дня ее получения. Указанный срок может быть продлен руководителем (заместителем руководителя) налогового органа для получения от нижестоящих налоговых органов документов (информации), необходимых для рассмотрения жалобы, или при представлении лицом, подавшим жалобу, дополнительных документов, но не более чем на 15 дней.

Также, согласно Федеральному закону от 17 февраля 2021 г. № 6-ФЗ «в случае представления лицом, подавшим жалобу (апелляционную жалобу), дополнительных документов сроки исчисляются с момента получения указанных документов вышестоящим налоговым органом, рассматривающим жалобу (апелляционную жалобу)» [1].

Отдельно следует подчеркнуть, что руководитель налогового органа вправе запрашивать информацию или документы у нижестоящего налогового органа неограниченное количество раз, но общий срок не должен превышать в общей сложности 15 дней. Данный срок является крайне небольшим для того, чтобы нижестоящий налоговый орган мог подготовить документы, мотивированный и обоснованный ответ на запрос, а также направил данные документы в вышестоящий налоговый орган. На наш взгляд, в целях повышения эффективности наличия данной нормы и, соответственно, права вышестоящего налогового органа возможно увеличение данного срока до двадцати дней.

Без сомнения, общий срок рассмотрения апелляционной жалобы должен быть нормативно увеличен при проведении дополнительных мероприятий налогового контроля на стадии апелляционного обжалования решений налогового органа. Это также будет только способствовать более правильному рассмотрению налогового спора и позволит избежать ошибок при принятии вышестоящим налоговым органом решения по жалобе. Хотя, безусловно, такое нововведение увеличит сроки рассмотрения жалоб вышестоящим налоговым органом, и не будет способствовать более быстрому рассмотрению спора, но будет способствовать более правильному его рассмотрению, поэтому придется жертвовать временем ради повышения качества.

Общеизвестно, что закрепление права налогоплательщика на участие в производстве рассмотрения материалов по жалобе (апелляционной жалобе) и его обязательное уведомление увеличивает сроки на рассмотрение жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков. По этому поводу справедливо отмечали К. П. Зоммерманн и Ю. Н. Стариков, «чем больше правовых средств имеют участники административного процесса, тем продолжительнее становится процесс»

[2, с. 287]. Однако, это позволит повысить эффективность защиты прав и законных интересов налогоплательщиков.

Есть все основания сказать, что объективное рассмотрение любого спора – это предоставление возможности каждой из спорящих сторон пояснить свою позицию. При разрешении налоговых споров в налоговых органах первой инстанции этот принцип воплотился, например, в требовании обязательного уведомления налогоплательщика о рассмотрении материалов его проверки для обеспечения ему возможности представить свои объяснения и возражения в процессе производства по делу о налоговом правонарушении.

Согласно п. 14 ст. 101 Налогового кодекса Российской Федерации, нарушение таких существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки как обязательное участие налогоплательщика лично и (или) через своего представителя в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки и возможность представить налогоплательщику объяснения, является основанием для отмены вышестоящим налоговым органом или судом решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или решения об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Отдельного упоминания заслуживает Постановление Президиум ВАС РФ от 12 февраля 2008 г. № 12566/07 [3], где подчеркнуто, что «...законодатель... предусматривая внесудебный порядок взыскания сумм налоговых санкций, исходил из необходимости сохранения гарантий защиты прав налогоплательщиков и других лиц, в отношении которых проводится налоговый контроль, по меньшей мере, в объеме, предусмотренном ранее действовавшим законодательством. Одной из таких гарантий при судебном порядке взыскания сумм налоговых санкций является обеспечение судом лицу возможности участвовать лично и (или) через своего представителя в судебном заседании... Следовательно, необеспечение лицу, в отношении которого проводится налоговая проверка, возможности участвовать в процессе рассмотрения ее материалов лично и (или) через своего представителя, является основанием для признания решения инспекции незаконным».

А в своем Постановлении от 13 января 2011 г. № 10519/10 по делу № А41-24669/09 Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указывает, что участие «лица, в отношении которого проводилась налоговая проверка, в рассмотрении имеющихся у налогового органа материалов должно быть обеспечено на всех стадиях осуществления налогового контроля, в том числе и по результатам дополнительных мероприятий налогового контроля» [4].

В Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 20 декабря 2012 г. № А13-9118/2010 суд отметил, что, согласно положений статьи 101 НК РФ, «в отсутствие налогоплательщика на рассмотрении материала»

лов налоговой проверки должностное лицо налогового органа должно располагать данными о надлежащем извещении налогоплательщика о времени и месте рассмотрения материалов проверки. Если такие данные у налогового органа на момент вынесения оспариваемого решения отсутствуют, то это свидетельствует о необеспечении налоговым органом прав налогоплательщика на участие в рассмотрении материалов проверки» [5].

И при обжаловании в вышестоящем налоговом органе актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц должна быть соблюдена такая же процедура уведомления налогоплательщика о рассмотрении их спора в вышестоящем налоговом органе. Так, пунктом 1 ст. 140 НК РФ предусмотрено, что «вышестоящий налоговый орган рассматривает жалобу (апелляционную жалобу), документы, подтверждающие доводы лица, подавшего жалобу (апелляционную жалобу), дополнительные документы, представленные в ходе рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы), а также материалы, представленные нижестоящим налоговым органом, *без участия лица*, подавшего жалобу (апелляционную жалобу), за исключением следующих случаев. В случае выявления в ходе рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы) на решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или на решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения противоречий между сведениями, содержащимися в представленных нижестоящим налоговым органом материалах, либо несоответствия сведений, представленных налогоплательщиком, сведениям, содержащимся в материалах нижестоящего налогового органа, вышестоящий налоговый орган рассматривает жалобу (апелляционную жалобу), документы, подтверждающие доводы лица, подавшего жалобу (апелляционную жалобу), дополнительные документы, представленные в ходе рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы), а также материалы, представленные нижестоящим налоговым органом, *с участием лица*, подавшего жалобу (апелляционную жалобу)» [1].

Надо согласиться с мнением И. А. Хавановой [6, с. 164], которая считает, что письменный характер досудебного производства снижает возможность для примирения сторон.

Более того, как справедливо отмечают суды, при наличии в Налоговом кодексе Российской Федерации пробела правового регулирования должны применяться нормы п. 7 ст. 3 НК РФ, согласно которым все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента).

Учитывая, что налоговые органы имеют огромные полномочия по принятию обеспечительных мер, по обращению взыскания на денежные средства в банках, иное имущество налогоплательщика. При этом, интере-

сы налогоплательщиков гарантируются *возможностью его личного участия* в ходе рассмотрении материалов по жалобе с правом давать пояснения и представлять документы, аргументируя свою позицию. Так, согласно абзацу 3 пункта 2 статьи 140 НК РФ, руководитель (заместитель руководителя) вышестоящего налогового органа извещает лицо, подавшее жалобу (апелляционную жалобу), о времени и месте рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы).

Для целей обеспечения защиты прав налогоплательщиков и сбалансированности интересов налоговых органов и налогоплательщиков необходимо совершенствовать процедуры таким образом, чтобы вышестоящий налоговый орган (должностное лицо), получившее жалобу имели возможность не возвращать жалобу заявителю по формальным основаниям, тем самым только затягивая разрешение налогового спора, а оставлять жалобу без движения. Целесообразность использования данного института в ходе процедуры обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц достаточно велика. Об этом говорит и сложившаяся практика использования данного института, его наличие дает дополнительные гарантии налогоплательщику и способствует более правильному разрешению спора.

На наш взгляд, традиционно считать, что Налоговым кодексом Российской Федерации установлены лишь общие требования к порядку рассмотрения жалобы налоговыми органами (их должностными лицами). Так, согласно статье 139.3 НК РФ, предусмотрен порядок оставления жалобы (апелляционной жалобы) вышестоящим налоговым органом без рассмотрения полностью или в части. Дополнительные разъяснения содержатся в ведомственных актах ФНС России, что явно не способствует защите прав налогоплательщиков. И даже при той совокупности процедур, содержащихся во всех указанных выше актах, невозможно говорить о наличии четких и ясных для всех сторон процедур.

Между тем, думается, что такое право (предоставления дополнительных документов) позволит налогоплательщику более эффективно защищать собственные права, но при всем при этом, необходимо не забывать о балансе частных и публичных интересов. В связи с этим необходимо ограничить возможность предоставления дополнительных документов определенными рамками. Поскольку указанные документы будут являться новыми доказательствами по делу, налогоплательщику в своей жалобе необходимо обосновать, по какой причине он не предоставил и (или) не смог предоставить указанные документы в нижестоящий налоговый орган, выносивший решение, и, если вышестоящим налоговым органом будет установлено, что налогоплательщик действительно не имел возможности предоставить такие документы ранее, они должны быть приняты, рассмотрены и учтены при вынесении решения вышестоящим налоговым органом.

Важным правом налогоплательщика и налогового органа является возможность заключения мирового соглашения. Такая возможность, в частности, предусмотрена арбитражным процессуальным законодательством (ст. 190 АПК РФ) и практика заключения подобных соглашений в судебном порядке урегулирования налоговых споров уже есть, пусть даже она и ничтожно мала по сравнению с общей массой рассматриваемых в суде дел с участием налоговых органов.

Представляется, что подобную положительную практику можно применять также и в ходе обжалования решений налоговых органов в вышестоящем налоговом органе. Данные примирительные процедуры между налоговыми органами и налогоплательщиками действительно необходимы, например, в части изменения сумм штрафных санкций.

Такое нововведение позволит разрешать споры более оперативно, не доводить налоговый спор до судебного разбирательства в административном порядке. Это положительно отразится не только на налогоплательщике, а также и на налоговом органе, который не будет нести дополнительных судебных издержек (ему не придется их возмещать в случае проигрыша дела в суде), это относится и к государственной пошлине за рассмотрение заявления налогоплательщика и к расходам на представителя, которые налогоплательщик также вправе взыскивать с налоговых органов.

Практика использования мирового соглашения в налоговых спорах началась еще в 2012 году. Президиум ВАС РФ своим постановлением от 26 июня 2012 года № 16370/11 утвердил мировое соглашение между организациями и налоговым органом. А в своем письме от 2 октября 2013 года № СА-4-7/17648 ФНС России признала законность заключения мировых соглашений и дала указание налоговым органам учитывать сложившуюся судебную практику по данному вопросу.

Однако противоречия требованиям НК РФ могут послужить причиной отказа в удовлетворении мировых соглашений. Учитывая, что заключение мирового соглашения может быть инициировано как организацией, так и налоговым органом или арбитрами, в него можно включить такие положения: признание обстоятельств, от которых зависит возникновение соответствующих налоговых последствий; условия о снижении размера подлежащих уплате штрафов; условия и сроки исполнения обязательств по уплате налогов по спорному периоду; условие о распределении судебных расходов и иные условия, не противоречащие российскому законодательству. А судья на этапе подготовки к судебному разбирательству по налоговому спору может сам подвести стороны к примирению (ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 138 АПК РФ) [7].

Введение указанных положений позволит также определенно сократить то время, которое стороны (налоговый орган или налогоплательщик) потратили бы на судебное разбирательство, а также позволяет с большой

долей вероятности утверждать, что поступления в бюджет по таким соглашениям не заставят себя долго ждать, что в условиях нестабильности мировой экономики позволит, более оперативно пополнять бюджет.

Полагаем целесообразным представить некоторые, конечно, не претендующие на полноту, выводы, которые в той или иной степени способствовали регламентированному рассмотрению жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков на решения налоговых органов:

- налогоплательщик должен участвовать в дальнейших процедурах производства по его жалобе (апелляционной жалобе), предоставлять дополнительные новые документы и доказательства, не рассмотренные ранее нижестоящим налоговым органом при вынесении решения, причем не только с целью возможного заключения мирового соглашения, а, прежде всего, с целью более эффективной защиты собственных прав и законных интересов, возможностью предоставления дополнительных доказательств по делу, а также аргументации своей позиции уже в вышестоящем налоговом органе. При этом общий срок рассмотрения жалобы вышестоящим налоговым органом (вышестоящим должностным лицом) увеличится на основании соответствующего мотивированного определения налогового органа;

- в ходе настоящего исследования выявлено также, что процедура досудебного обжалования актов налоговых органов необходимо регламентировать не отдельными письмами и приказами ФНС России (недоступными для налогоплательщика и фрагментарно отражающими данную процедуру), а отдельным самостоятельным административным регламентом, в котором четко должна быть описана данная процедура;

- в ходе рассмотрения материалов по жалобе (апелляционной жалобе) налогоплательщика вышестоящим налоговым органом предусмотрено его личное участие налогоплательщика или участие его представителя, право подачи устных или письменных пояснений; предоставления дополнительных доказательств и документов, позволяющих аргументировать свою позицию. Процессуальным актом налоговый орган должен иметь право увеличить срок рассмотрения материалов по жалобе налогоплательщика на срок, необходимый для проведения дополнительных мероприятий налогового контроля;

- совершенно очевидно, что закрепление права налогоплательщика и налогового органа на заключение мирового соглашения (не в судебном порядке, а в ходе административного порядка обжалования решения налогового органа) позволит сократить время и издержки на возможное судебное разбирательство, а также позволит с большей долей вероятности утверждать, что поступления в бюджет по таким соглашениям не будут затягиваться, что даже в условиях нестабильности мировой экономики позволит более оперативно пополнять государственный бюджет.

Список источников

1. Федеральный закон от 17 февраля 2021 г. № 6-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.02.2021. № 8 (Часть I). Ст. 1196.
2. Старилов Ю. Н. Из публикаций последних лет : воспоминания, идеи, мнения, сомнения... : сборник избранных научных трудов. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета. 2010.
3. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 12 февраля 2008 г. № 12566/07 по делу № А50-4625/2007-А19 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 5.
4. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 13 января 2011 г. № 10519/10 по делу № А41-24669/09 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.
5. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 20 декабря 2012 г. по делу № А13-9118/2010.
6. Хаванова И. А. Правовое регулирование досудебного обжалования в налоговых правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
7. <https://www.buhgalteria.ru/article/mirovoe-soglashenie-s-fns-mogut-umeyut-praktikuyut>.

References

1. Federal Law № 6-FZ of February 17, 2021 «On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 22.02.2021. № 8 (Part I). Art. 1196.
2. Starilov Yu. N. From publications of recent years : memories, ideas, opinions, doubts ... : a collection of selected scientific papers. Voronezh : Voronezh State University Publishing House. 2010.
3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of February 12, 2008 № 12566/07 in case № А50-4625/2007-А19 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2008. № 5.
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 13, 2011 № 10519/10 in case № А41-24669/09 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. № 4.
5. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North-Western District of December 20, 2012 in case № А13-9118/2010.
6. Khavanova I. A. Legal regulation of pre-trial appeal in tax legal relations : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2011.
7. <https://www.buhgalteria.ru/article/mirovoe-soglashenie-s-fns-mogut-umeyut-praktikuyut>.

Информация об авторе

О. В. Староверова – профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova – Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 336.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-311-316>

НИОН: 2015-0066-6/22-581

MOSURED: 77/27-011-2022-06-780

Бюджетная политика муниципального образования

Тенгиз Шаликович Тиникашвили

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

Tengiz-05@mail.ru

Аннотация. Исследуются факторы бюджетной политики, влияющие на обеспечение сбалансированности бюджета муниципального образования, пределы которой обозначены современным законодательством Российской Федерации. Выявляются факторы разбалансированности муниципального бюджета, роста и погашения муниципального долга и расходов на его текущее содержание. В рамках исследования доходов местного бюджета предложены меры, направленные на укрепление собственной финансовой базы муниципального образования. В процессе анализа расходов муниципальных бюджетных ресурсов предложены мероприятия по оптимизации финансовых средств на основе оценки достигнутых результатов муниципальных программ в соответствии с основными их индикаторами реализации.

Ключевые слова: бюджетная политика, дефицит бюджета, сбалансированность бюджета муниципального образования, муниципальный долг

Для цитирования: Тиникашвили Т. Ш. Бюджетная политика муниципального образования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 311–316. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-311-316>.

Original article

Budget policy of the municipality

Tengiz Sh. Tinikashvili

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

Tengiz-05@mail.ru

Abstract. The factors of budgetary policy are being examined that affect the balance of the budget of the municipality, the limits of which are indicated by the modern legislation of the Russian Federation. The factors of imbalance of the municipal budget, growth and repayment of the municipal debt and expenses for its current maintenance are revealed. As part of the study of local budget revenues, measures aimed at strengthening the own financial base of the municipality are proposed. In the process of analyzing the expenditure of municipal budgetary resources, measures were proposed to optimize financial resources based on the assessment of the achieved results of municipal programs in accordance with their main indicators of implementation.

Keywords: budget policy, budget deficit, municipal budget balance, municipal debt

For citation: Tinikashvili T. Sh. Budget policy of the municipality. Bulletin of economic security. 2022;(6):311–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-311-316>.

Теоретические аспекты формирования бюджетной политики муниципального образования и обеспечения сбалансированности территориальных бюджетов, в целом, широко представлены в научных работах отечественных и зарубежных ученых.

Теоретические аспекты исследования сбалансированности бюджетов муниципалитетов рассматриваются в работах Дементьевой О. А. [7], Игониной Л. Л. [1], Качановой Е. А. [2], Нехайчук Д. В. [3], Афанасьевой Е. Е. [4], Пынчук В. А. [5] и других.

Зарубежный опыт преодоления проблем разбалансированности местных бюджетов представлен в работах

Третьякова А. В. [6], Янгирова А. В., Яндимировой А. А. [8] и других авторов.

Вместе с тем, особенности государственного регулирования финансовой сбалансированности муниципального образования в условиях современных действующих бюджетных правил и ограничений, поиск действенных способов укрепления доходной базы и оптимизации расходов местного бюджета, управления текущим и капитальным муниципальным долгом все еще являются актуальными и заслуживают особого внимания.

Целью данной статьи является разработка теоретических и практических предложений по разработке и

реализации бюджетной политики муниципалитета, направленной на обеспечение сбалансированности местного бюджета в условиях действующих ограничений.

Предметом исследования выступает совокупность бюджетных отношений между органами местного самоуправления и другими публично-правовыми образованиями, юридическими и физическими лицами в процессе формирования доходов и осуществления расходов, а также регулирования дефицита местного бюджета, управления муниципальным долгом.

Результативность достижения сбалансированности местного бюджета в условиях цифровизации экономики обеспечивается во многом ростом его собственных доходов, сокращением неэффективных доходов, составлением и исполнением бездефицитного финансового баланса на очередной год и плановый период, перекредитовкой дорожных долговых обязательств более дешевыми бюджетными кредитами.

В рамках проведенного исследования применялись методы анализа научной и практической информационной базы, синтеза полученных данных.

Составной частью финансовой политики государства, определяющая условия и принципы организации финансовых отношений при формировании доходов бюджетов, в ходе осуществления бюджетных расходов, при организации межбюджетных отношений, является бюджетная политика. На местном уровне она представляет собой дорожную карту органов муниципальной власти, связанную с использованием бюджетных доходов и расходов для воздействия на социально-экономические условия с целью обеспечения устойчивых темпов экономического роста и принципов справедливого распределения доходов.

В условиях реализации принципов бюджетного федерализма муниципальная бюджетная политика:

призвана обеспечить повышение уровня прозрачности, открытости и инклюзивности финансов муниципального сектора, включая управления ими,

ориентирована на обеспечение долгосрочной устойчивости местных финансов на основе оценки потенциальных рисков,

предполагает трансформацию подходов и инструментов к обеспечению эффективности бюджетных расходов.

Ключевой целью бюджетной политики на местном уровне является финансовое обеспечение всех действующих обязательств муниципалитета в долгосрочном периоде, сохранение возможностей их реализации в различных макроэкономических условиях, высокий уровень доверия и транспарентности бюджетного процесса на местах. Это предполагает, в первую очередь, рационализацию бюджетной архитектуры посредством формирования и исполнения сбалансированного бюджета муниципального образования.

Сбалансированность как принцип построения и функционирования бюджетной системы предполагает равенство расходной части финансового плана государства совокупной сумме доходов, а также поступлений, покрывающих дефицит. Последним имманентны черты, присущие двум экономическим категориям – финансам и кредиту. С одной стороны, восполняя недостающие в денежном фонде финансовые ресурсы, они наряду с доходами направляются на финансирование общественных потребностей. С другой – их привлечение осуществляется на платной и возвратной основах, что неминуемо приводит к образованию или росту государственной

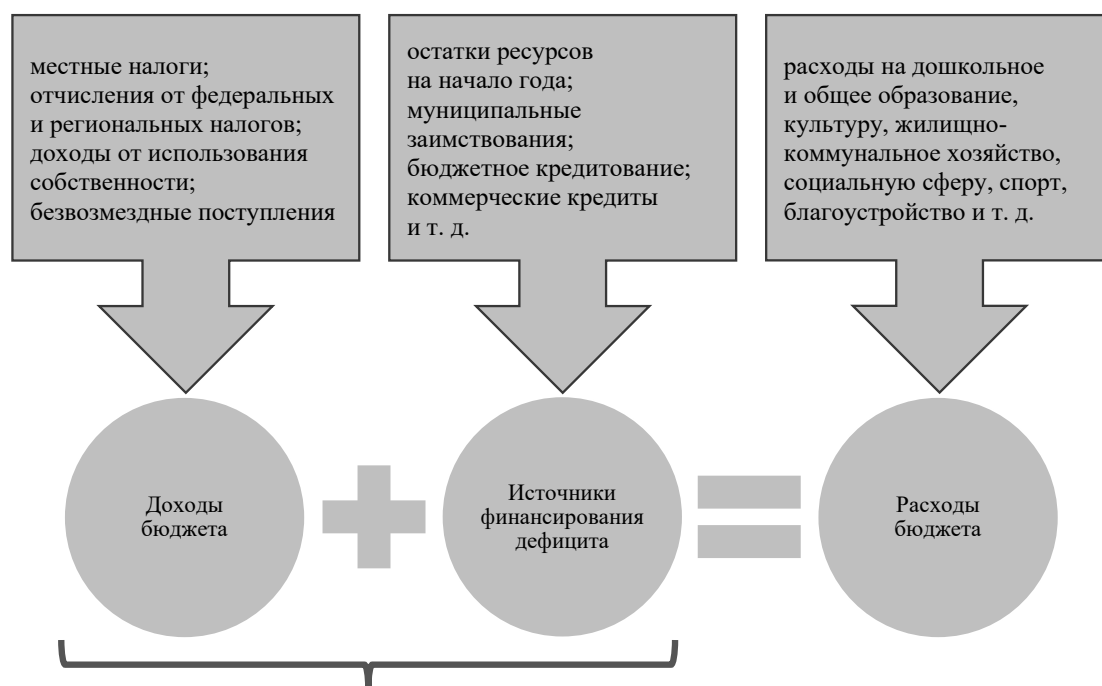

Рис. 1. Общая схема сбалансированности местного бюджета

и муниципальной задолженности. Основным источником ее погашения впоследствии будет выступать перераспределенная через бюджетный фонд стоимость валового продукта и национального дохода.

Вместе с тем, проблема обеспечения сбалансированности бюджетных показателей муниципального образования в условиях действия бюджетных правил и ограничений остается особо актуальной.

Необходимость достижения баланса основных финансовых показателей местного бюджета, пусть даже допускающего предельный дефицит, фокусирует акцент на вопросе качественного прогнозирования бюджетных показателей на местах в условиях жестких требований, направленных на достижение достоверно-реалистичного похода к расчету муниципального финансового баланса.

Ведь необоснованный рост планируемых доходов муниципального образования, заложенных в бюджет, может вследствие низкого уровня их фактического исполнения обусловить в конечном итоге либо рост кредиторской задолженности, либо размещение новых займов на финансовом рынке. Первый случай обусловит фактическое сокращение лимитов бюджетных ассигнований очередного финансового периода, а во втором случае возникают объективные предпосылки роста муниципального долга.

Согласно современным бюджетным императивам, значение отрицательного результата муниципального бюджета не может превышать десять процентов от общего объема его доходов без учета безвозмездных поступлений из региона, а также поступлений налоговых доходов по дополнительному нормативу отчислений от подоходного налога.

В то же время к «высокодотационным» муниципалитетам, в бюджетном плане которых объем дотаций и налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от подоходного налога в течение двух из последних трех отчетных лет превышала пятьдесят процентов суммарной величины налоговых и неналоговых доходов, а также дотаций и субсидий из региона, предъ-

являются более жесткие требования к отрицательному финансовому результату, сведенные до пяти процентных пунктов.

Кроме того, для такой категории муниципалитетов установлены следующие бюджетные ограничения:

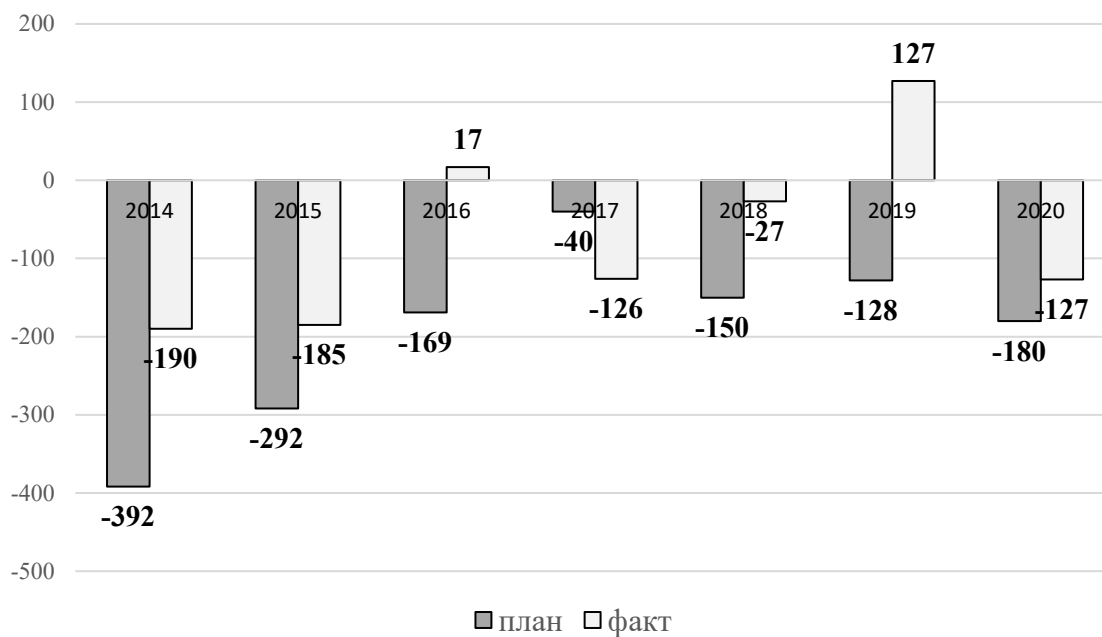
- 1) проектировки муниципального финансового баланса на очередной год и плановый период должны быть согласованы региональным финансовым органом;
- 2) финансовый документ об исполнении местного бюджета должен пройти проверку счетной палаты территории.

Естественно, численность высоко-дотационных муниципальных публично-правовых образований выросла бы в разы, если при подсчетах уровня дотационности законодателем принимались во внимание, наряду с дотациями, и другие формы межбюджетного регулирования. Но, современная российская практика определения данного показателя подчеркивает исключительную роль дотаций в системе межбюджетного регулирования территорий. На местном уровне бюджетной системы России дополнительно к этому осуществляется изъятие из расчета показателя всех сумм подоходного налогообложения, поступивших свыше установленных Бюджетным кодексом пропорций распределения, по соглашению между регионом и муниципалитетом.

Систематическая дефицитность муниципальных публично-правовых образований, объясняемая, во-первых, недостаточным качеством бюджетного планирования на местах, и, во-вторых, провалами в администрировании местных налогов и сборов, а также доходов от использования муниципальной собственности, не оставляет местным администрациям другого выхода из сложившейся финансовой ситуации, как привлечение коммерческих кредитов. Что в свою очередь обуславливает рост муниципальных долговых обязательств, как текущих, так и капитальных. При этом, как известно, текущее содержание долговых обязательств включается в расходы местного бюджета, что сокращает возможности публично-правового образования по качественному и

сбалансированность бюджета	предельный дефицит	предельный долг
<ul style="list-style-type: none">• объем расходов покрывается суммарным объемом доходов и поступлений из источников финансирования дефицита	<ul style="list-style-type: none">• 10 % объема налоговых и неналоговых доходов без учета дополнительных отчислений от НДФЛ• 5 % – для МО, где доля дотаций и налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от НДФЛ, в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 50 % объема доходов бюджета, за исключением субвенций	<ul style="list-style-type: none">• 100 % объема налоговых и неналоговых доходов без учета дополнительных отчислений от НДФЛ• 50 % – для МО, где доля дотаций и налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от НДФЛ, в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 50 % объема доходов бюджета, за исключением субвенций

Рис. 2. Пределы дефицита и муниципального долга

Источник: vladikavkaz-osetia.ru, расчеты автора

Рис. 3. Динамика сальдированного финансового результата бюджета г. Владикавказ, млрд руб.

полному исполнению всех возложенных на него финансовых полномочий. И в первую очередь, социальных.

Разбалансировка планового и фактического показателей дефицита местного бюджета, проявляющаяся практически на протяжении всего анализируемого периода, свидетельствует о низком качестве бюджетного планирования в муниципальном образовании.

Максимальная отметка совокупного накопленного долга местного публично-правового образования, согласно современным финансовым требованиям, равна общему объему налоговых и неналоговых доходов бюджета без учета дополнительных доходов от подоходного налогообложения. Но, если муниципалитет высокодотационен, показатель снижается в два раза.

Конкретный сложившийся показатель дотационности местного бюджета в современных условиях в качестве дополнительных финансовых рисков предусматривает следующие:

- установление нормативов расходов на содержание муниципальных служащих – если расчетный показатель соотношения дотаций и дополнительных поступлений по подоходному налогообложению к собственной доходной базе на протяжении двух из последних трех лет превысил пять процентов. Его превышение чревато сокращением дотаций в очередном финансовом периоде на сумму превышения установленного норматива;

- ограничение прав исполнения расходных обязательств, не отнесенных к муниципальным бюджетным полномочиям – если расчетный показатель соотношения дотаций и дополнительных поступлений по подоходному налогообложению к собственной доходной базе на протяжении двух из последних трех лет превысил двадцать процентов;

- согласование проекта местного бюджета региональным финансовым органом, а также проверка годо-

вого отчета об исполнении местного бюджета региональным счетным органом – если расчетный показатель соотношения дотаций и дополнительных поступлений по подоходному налогообложению к собственной доходной базе на протяжении двух из последних трех лет превысил пятьдесят процентов.

Вместе с тем, расходы на обслуживание муниципального долга, учитываемые в финансовом плане, не могут быть выше пятнадцати процентов от уровня расходов местного бюджета, за исключением тех, что финансируются за счет субвенций.

Действующая практика долгового менеджмента на уровне муниципальных публично-правовых образований свидетельствует о применении в качестве основного инструмента управления механизма рефинансирования. Представляя собой привлечение «новых» долговых обязательств для погашения «старых», он оказывал положительный финансово-бюджетный эффект в условиях снижения ставки рефинансирования Центробанка. В обратных же условиях, такая перекредитовка долговых обязательств муниципалитета, опять-таки, приводит к увеличению капитальных долгов. Но это вынужденная мера, обусловленная необходимостью финансирования полного круга принятых на публично-правовое образование бюджетных обязательств в условиях повышения роли органов муниципальной власти в социально-экономическом развитии территорий. Поэтому более привлекательными с точки зрения стоимости привлеченных ресурсов в структуре источников финансирования дефицита выступают остатки средств на начало года, а также реализация акций и других форм участия публично-правового образования в уставном капитале предприятий и организаций негосударственной формы собственности.

Кроме того, целесообразно в сложившихся условиях осуществлять реструктуризацию муниципальных

долгов. Это предусматривает прекращение долговых обязательств, составляющих муниципальный долг, с заменой указанных долговых обязательств иными долговыми обязательствами, предусматривающими другие условия обслуживания и погашения обязательств. Реструктуризация долга может быть осуществлена также с частичным списанием суммы основного долга.

Важную роль в процессе управления муниципальным долгом играет ключевая ставка мегарегулятора. Ведь при ее снижении стоимость привлеченных на финансовом рынке ресурсов, включая банковские кредиты, также сокращается. В таких условиях экономически целесообразна перекредитовка муниципальных долговых обязательств на более дешевые. Образцовым примером замещения долговых обязательств выступает перекредитовка банковских кредитов, предоставленных муниципалитетам на дорогих условиях, более дешевыми бюджетными. В результате такого финансово-кредитного маневра происходит высвобождение муниципальных бюджетных средств, которые можно перенаправить на финансирование социальных обязательств или экономические развитие территорий.

В итоге, в условиях соблюдения бюджетных императивов в отношении местных бюджетов объективными предпосылками достижения сбалансированности муниципального финансового плана выступают одновременное обеспечение бюджетных процедур, направленных на:

- экономии бюджетных ресурсов, включая повышение эффективности использования муниципальных средств, а также сокращение неэффективных расходов;
- укрепление собственной налоговой и неналоговой доходной базы;
- поиск наиболее дешевых источников финансирования дефицита бюджета, оперативное управление ими в зависимости от изменений процентных ставок на финансовом рынке.

Финансовые решения, направленные на экономию муниципальных ресурсов, а также обеспечение роста их эффективности, могут предусматривать:

экономии средств при осуществлении муниципальных закупок в результате снижения начальной (максимальной) цены контрактов в условиях рыночной конкуренции;

высвобождение ресурсов местного бюджета в сфере жилищно-коммунального обслуживания юридических лиц и населения посредством использования передовых энергоэффективных технологий в муниципальном хозяйстве;

секвестирование расходов бюджета, признанных неэффективными в результате реализации муниципальных и ведомственных программ и другие меры.

К финансовым решениям, обеспечивающим рост доходной базы муниципалитета, относятся:

использование достоверных и реальных показателей социально-экономических и бюджетных прогнозов, являющихся основанием для составления проекта местного бюджета;

усиление функциональной деятельности главных администраторов доходов муниципальных образований в пределах установленных им полномочий;

повышение фискальной роли доходов от использования муниципальной собственности в совокупных доходах местного бюджета и т. д.

Эффективное и ответственное управление источниками финансирования дефицита местного бюджета предполагает:

своевременную, оперативную и экономически обоснованную политику рефинансирования долгов в условиях падения ключевой ставки Центробанка;

привлечение бюджетных кредитов вышестоящего публично-правового образования в целях дефицитного финансирования;

реализацию акций и других форм участия муниципального образования в капитале, не обеспечивающих запланированного финансового эффекта.

Таким образом, проблему достижения сбалансированности местного бюджета целесообразно решать, прежде всего, путем доработки финансового механизма, направленной на обеспечение роста доходной базы муниципального образования, оптимизацию расходов муниципального образования за счет сокращения неэффективного использования средств муниципальных программ, привлечение наиболее дешевых источников финансирования дефицита местного бюджета. Важна роль в повышении муниципального финансового планирования и исполнения местного бюджета, соответствующего действующим бюджетным ограничениям, отводится в современных условиях процессу цифровизации бюджетного сектора.

Список источников

1. Игонина Л. Л. Финансовая самостоятельность муниципального образования: ограничения и возможности // Финансы и кредит. 2015. № 35. С. 12–24.
2. Качанова Е. А. Об оценке финансовой зависимости местного бюджета в условиях ограниченных бюджетных ресурсов // Муниципалитет : экономика и управление. 2015. № 2. С. 47–54.
3. Нехайчук Д. В., Нехайчук Ю. С. Укрепление бюджетного потенциала для обеспечения финансовой независимости органов местного самоуправления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3 : Экономика. Экология. 2018. Т. 20. № 1. С. 99–109.
4. Афанасьева Е. Е. Проблемы формирования доходов местного бюджета в условиях централизации финансовых ресурсов // Вестник евразийской науки. 2018. № 3.
5. Пынчук В. А. Некоторые аспекты совершенствования финансовой основы местного самоуправления в РФ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 3. С. 59–68.
6. Третьякова А. В. Зарубежный опыт формирования доходов местных бюджетов // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2018. № 2 (98).

7. Дементьева О. А. Государственные гарантии сбалансированности местных бюджетов (зарубежный опыт) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 28–34.

8. Янгиров А. В., Яндимирова А. А. Зарубежный опыт обеспечения устойчивости и сбалансированности местных бюджетов // Экономика, предпринимательство и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 43–48.

References

1. Igonina L. L. Financial autonomy of municipalities : opportunities and constraints // Finance and credit. 2015. № 35. P. 12–24.

2. Kachanova E. A. On the evaluation of financial dependence of the local budget in the conditions of limited budget resources // Municipality: economy and management. 2015. № 2. P. 47–54.

3. Nekhaychuk D. V., Nekhaichuk Y. S. Strengthening the budget capacity to ensure financial independence of local authorities // Vestnik of Volgograd state University. Series 3 : Economics. Ecology. 2018. Т. 20. №. 1. P. 99–109.

4. Afanasyeva E. E. Problems of formation of local budget revenues in conditions of centralization of financial resources // Bulletin of the Eurasian science. 2018. Т. 3.

5. Pinchuk V. A. Some aspects of improving the financial basis of local self-government in Russia // Bulletin of the Volga University. V. N. Tatishcheva. 2019. Т. 1. № 3. P. 59–68.

6. Tretyakov A. V. Foreign experience of formation of revenues of local budgets // Journal of REU them. G. V. Plekhanov. 2018. № 2 (98).

7. Dement'eva O. A. the State guarantee the balance of local budgets (foreign experience) // Journal of foreign legislation and comparative law. 2018. № 2. P. 28–34.

8. Yangirov A. V., Antimirov A. A. Foreign experience of ensuring the sustainability and balance of local budgets // Economics, entrepreneurship and law. 2017. Т. 7. №. 1. P. 43–48.

Библиографический список

1. Токаева С. К., Кисиев З. Э. Проблемы формирования местных бюджетов // Научные известия. 2016. № 4. С. 48–51.

2. Неустроев А. Н. Реформы местного самоуправления Российской Федерации и Японии: сравнительный

анализ // Экономика, социология и право. 2015. № 11. С. 101–105.

3. Кривоносова Н. Я. Организация местного самоуправления и состояние местных бюджетов Германии и России : сравнительный анализ // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 2. С. 208–222.

4. Поляк Г. Б., Тиникашвили Т. Ш. Бюджетное право : учебное пособие. 10-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 320 с.

5. Тиникашвили Т. Ш. Финансовые императивы формирования местного бюджета // Финансы и кредит. 2020. Т. 26. № 8 (800). С. 1785–1803.

6. Куцури Г. Н. Проблемы оптимизации оперативного управления государственным долгом // Самоуправление. 2020. № 4 (121). С. 361–364.

7. Kutsuri G. N., Shanin S. A., Frumina S. V., Gardapkhadze T., Ivanova E. V. Russian practice of identifying and assessing budget risks // Journal of Applied Economic Sciences. 2018. 13(3). P. 711–719.

Bibliographic list

1. Tokayev S. K., Kisiel Z. E. Problems of formation of local budgets // Scientific news. 2016. №. 4. P. 48–51.

2. Neustroev A. N. The reform of local self-government of the Russian Federation and Japan : a comparative analysis // Economics, sociology and law. 2015. № 11. P. 101–105.

3. Krivonosova N. Ya. The organization of local government and the state of local budgets in Germany and Russia : a comparative analysis // Bulletin of the Baikal State University. 2018. Т. 28. № 2. P. 208–222.

4. Polyak G. B., Tinikashvili T. Sh. Budgetary Law : textbook. 10th ed., rev. and add. M. : UNITY-DANA, 2020. 320 p.

5. Tinikashvili T. Sh. Financial imperatives of the formation of the local budget // Finance and Credit. 2020. Vol. 26. № 8 (800). P. 1785–1803.

6. Kutsuri G. N. Optimization of the operational management of public debt // Self-government. 2020. № 4 (121). P. 361–364.

7. Kutsuri G. N., Shanin S. A., Frumina S. V., Gardapkhadze T., Ivanova E. V. Russian practice of identifying and assessing budget risks // Journal of Applied Economic Sciences. 2018. 13 (3). P. 711–719.

Информация об авторе

Т. Ш. Тиникашвили – профессор Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук.

Information about the author

T. Sh. Tinikashvili – Professor of the Department of Public Finance of the Finance Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Научная статья

УДК 334.71

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-317-318>

НИОН: 2015-0066-6/22-582

MOSURED: 77/27-011-2022-06-781

Концептуальная оценка опорных промышленных платформ

Дмитрий Владимирович Фирсов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

DVFirsov@fa.ru

Аннотация. Рассматриваются и раскрываются содержательные составляющие опорных промышленных платформ (ОПП). На сегодняшний день их концепция характеризуется высокой степенью неопределенности. В научной литературе понятие опорных промышленных платформ введено относительно недавно, по этой причине отсутствуют характеристики, дающие содержательное описание этих платформ. Автор описывает и характеризует каждую промышленную платформу с точки зрения того, что они в себя включают на сегодняшний день.

Ключевые слова: опорные промышленные платформы, цифровые платформы, промышленность, промышленная политика

Для цитирования: Фирсов Д. В. Концептуальная оценка опорных промышленных платформ // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 317–318. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-317-318>.

Original article

Conceptual evaluation of bearing industrial platforms

Dmitry V. Firsov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

DVFirsov@fa.ru

Abstract. The content components of bearing industrial platforms (BIP) are being considered and revealed. To date, their concept is characterized by a high degree of uncertainty. In the scientific literature, the concept of bearing industrial platforms was introduced relatively recently; for this reason, there are no characteristics that give a meaningful description of these platforms. The author describes and characterizes each industrial platform in terms of what they include today.

Keywords: supporting industrial platforms, digital platforms, industry, industrial policy

For citation: Firsov D. V. Conceptual evaluation of bearing industrial platforms. Bulletin of economic security. 2022;(6):317–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-317-318>.

Рассматривая развитие отечественной промышленности в контексте протекающей цифровой трансформации. Мы неминуемо сталкиваемся с необходимостью конкретизации и формализации новых понятийных категорий и терминов. Одним из самых важных определений 2022 года в сфере промышленности стали так называемые «опорные промышленные платформы», введенные в научный обиход Д. В. Мантуровым в его докторской диссертации «Теория и практика разработки и реализации новой модели промышленной политики» [1]. В рамках теоретического обоснования перспективной модели развития отечественной промышленности Мантуров оценивает разные методы организации вертикальных и горизонтальных связей в национальной экономике, результатом его анализа выступают

4 платформенные концепции, на базе которых должны реализовываться главные изменения. Автор выделяет четыре основные платформы: «Импортозамещение 2.0», «Энергопереход», «Экспорт», «Биобезопасность». В рамках своей работы он определяет эти концепции в качестве фундаментальных «платформ», на базе которых будут строиться основные производственно-экономические связи.

Рассматривая работу Д. В. Мантурова и предложенные им концепции опорных промышленных платформ, мы сталкиваемся с необходимостью определения их профильных задач и характеристик:

Импортозамещение 2.0 – реализуется посредством государственной информационной системы промышленности (ГИСП), на сегодняшний день в рамках ГИСП

© Фирсов Д. В., 2022

уже функционирует сервис «импортозамещение» [2], в рамках которого реализованы функции поиска отечественных контрагентов, предлагающих отечественные аналоги зарубежных комплектующих. Импортозамещение 2.0 расширяет существующий пул отечественных аналогов, включая в него контрагентов из дружественных стран и ЕАЭС. Концепция не представляет собой самостоятельной платформы, а реализуется посредством существующей сервисной базы.

Экспорт – представляет собой план мероприятий по реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Частично реализуется при помощи информационной системы АО РЭЦ «Одно окно» [3]. Направлено на рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров. Фокус делается на упрощение доступа к финансовым займам и увеличении несырьевого экспорта до 119 миллиардов долларов США.

Биобезопасность – включает в себя спектр различных «технологических платформ», направленных на ускоренную разработку и создание вакцин различных профилей. «Биобезопасность» не имеет информационной системы, в рамках которой происходит ее реализация, но подразумевает создание профильной организации, которая будет заниматься определением профилей компетенций, создавать образовательные программы и т. д.

Энергопереход – содержит в себе перечень мер поддержки в сфере энергетического переоснащения. Не имеет своей информационно-аналитической среды, не ориентирована на создание унифицированных платформенных решений и не имеет задач полномасштабной переориентации на новый энергетический уклад. Из всех заявленных опорных промышленных платформ, Энергопереход является наиболее сырым. На сегодняшний день не представляется возможным определить границы предлагаемых изменений или механизмы ее реализации.

Рассмотренные опорные промышленные платформы характеризуются тем, что они не являются опорными, а с определенной точки зрения они не являются промышленными. Две из четырех платформы представляют собой сырые концепции, у которых нет функционально заданных границ или даже единой терминологии.

На сегодняшний день ОПП представляют собой условный список концептуальных пожеланий, непонятно каким образом влияющих на развитие платформенной экономики в сфере промышленности. Несмотря на то, что автором данного понятия подразумевается переход промышленности к платформенным типам организации и взаимодействия [4], отсутствует какая бы то ни было платформенная составляющая.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 19.12.2022.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 19.12.2022.

Платформы по своей природе должны характеризоваться приходом к единым форматам стандартизации и унификации, если рассматривается производственно-техническая составляющая, и к единым инструментам и методам взаимодействия, если рассматривается информационно-аналитическая. В концепции опорных промышленных платформ отсутствует и то, и другое.

С точки зрения существующего понятийного аппарата, ОПП должны представлять собой вертикально и горизонтально интегрированные сервисы особого назначения в сфере промышленности. На сегодняшний день единственным унифицирующим звеном данной концепции является применение информационных систем, однако даже в этом вопросе уровень унификации не определен.

Список источников

1. Мантуров Д. В. Теория и практика разработки и реализации новой модели промышленной политики. дис. ... д-ра экон. наук. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2022. С. 307–339.
2. Государственная информационная система промышленности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gisp.gov.ru/import-substitution/>.
3. Государственная информационная система одного окна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://myexport.exportcenter.ru>.
4. Рожкова Д. Ю. Цифровая платформенная экономика: определение и принципы функционирования / Д. Ю. Рожкова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 10 (104). С. 32. EDN ZNLZBJ.

References

1. Manturov D. V. Theory and practice of developing and implementing a new model of industrial policy. Thesis for the competition degree of doctor of economic sciences. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 2022. P. 307–339.
2. State information system of industry. [Electronic resource]. Access mode: <https://gisp.gov.ru/import-substitution/>.
3. State information system of one window. [Electronic resource]. Access mode: <https://myexport.exportcenter.ru>.
4. Rozhkova D. Yu. Digital platform economy: definition and principles of functioning / D. Yu. Rozhkova // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2017. No. 10 (104). P. 32. EDN ZNLZBJ.

Научная статья

УДК 796

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-319-321>

НИОН: 2015-0066-6/22-583

MOSURED: 77/27-011-2022-06-782

Гимнастика, ЛФК и комплекс лечебных упражнений при сколиозе у детей

Вадим Михайлович Бычков¹, Владислав Юрьевич Капитонов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ wind2999@rambler.ru

² alsgord@mail.ru

Аннотация. Анализ проблемы развития у детей такого заболевания как сколиоз позволяет сделать вывод о необходимости разработки комплекса лечебных упражнений. Важно соблюсти такие факторы, как возраст, угол искривления позвоночника, особенности развития молодого организма для составления индивидуальной программы тренировки.

Ключевые слова: ЛФК, упражнения, физическое развитие, сколиоз, домашние тренировки, опорно-двигательная система, программа лечения

Для цитирования: Бычков В. М., Капитонов В. Ю. Гимнастика, ЛФК и комплекс лечебных упражнений при сколиозе у детей // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 319–321. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-319-321>.

Original article

Gymnastics, exercise therapy and a complex of therapeutic exercises for scoliosis in children

Vadim M. Bychkov¹, Vladislav Yu. Kapitonov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ wind2999@rambler.ru

² alsgord@mail.ru

Abstract. Analysis of the development problem in children of such a disease as scoliosis allows us to conclude that it is necessary to develop a set of therapeutic exercises. It is important to comply with such factors as age, the angle of curvature of the spine, the peculiarities of the development of the young body to draw up an individual training program.

Keywords: exercise therapy, exercises, physical development, scoliosis, home training, musculoskeletal system, treatment program

For citation: Bychkov V. M., Kapitonov V. Yu. Gymnastics, exercise therapy and a complex of therapeutic exercises for scoliosis in children. Bulletin of economic security. 2022;(6):319–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-319-321>.

В последнее время у многих детей школьного и дошкольного возраста появляются проблемы с опорно-двигательной системой, в частности, преобладает такая патология, как сколиоз. Если же эту болезнь не лечить, то она может прогрессировать и впоследствии способствовать повышению риска инвалидизации. Согласно данным статистики примерно 1 из 6 детей имеет различную стадию искривления позвоночника. Этот недуг может появиться из-за неправильного сидения или неправильной ходьбы в раннем возрасте. Чтобы определиться с комплексом упражнений при сколиозе, нужно разобраться, что же такое сколиоз.

Сколиоз – деформация позвоночника в плоскостях (фронтальной и сагитальной), сопровождающаяся скручиванием позвонков. Как уже было написано выше, он может появиться вследствие влияния как вторичных причин (например, перелом позвоночника или неправильное развитие в детском возрасте), так и первичных (врожденные аномалии, нарушения развития костной и соединительной ткани, недостаточность и слабость мышечно-связочного аппарата позвоночника).

Программа, которую используют для лечения сколиоза, называют реабилитацией. Ее основными задачами являются:

© Бычков В. М., Капитонов В. Ю., 2022

- оказать стабилизирующее влияние на опорно-двигательный аппарат;
- укрепление мышечного скелета;
- улучшение осанки;
- принятие ряда мер для торможения развития патологии.

Также сопутствующей будет задача по укреплению и оздоровлению таких систем, как сердечно-сосудистой и дыхательной.

Давайте с вами разберемся, что же такое ЛФК, и как оно влияет на здоровье ребенка. ЛФК (то есть лечебная физическая культура) – отрасль клинической медицины, которая применяет комплекс физических упражнений для профилактики или для восстановления здоровья. Данная процедура является наиболее эффективной при лечении сколиоза, если ее выполняют на постоянной основе с соблюдением определенных правил. Комплекс упражнений будет меняться в зависимости от разных видов искривлений. Например, при сколиотической деформации рекомендуют выполнять спортивную нагрузку. Данный вид занятий может выполняться дома, так как не требует специального оборудования. Задача такой нагрузки – постепенное наращивание физической нагрузки, то есть поэтапное увеличение воздействия на тренируемый участок тела.

Какими положительными сторонами обладает ЛФК:

- не нужно пить таблетки или БАДы;
- помогает придать мышцам тонус;
- активизирует работу сердечно-сосудистой и дыхательной системы;
- ребенок меньше устает, становится активнее;
- перестает увеличиваться угол искривления позвоночника.

Перейдем же к основным принципам гимнастики при нарушении осанки. Главным видом упражнения при сколиозе позвоночника является гимнастика. Ею можно заниматься дома. Она включает в себя следующие упражнения: улучшающие физическое развитие и корректирующие текущее положение. Давайте рассмотрим второй тип упражнения, который исправляет осанку и нарушения позвоночника.

Основные виды упражнений:

- курс массажа спины;
- проработка проблемного участка с инструктором;
- стоя перед зеркалом.

Важно помнить, что домашние упражнения будут эффективны почти при любой стадии искривления. Для того, чтобы достичь результатов в домашних условиях, нужно выполнять ряд правил. Во-первых, перед выполнением любого вида упражнения нужна консультация со специалистом, чтобы он подобрал план тренировок именно под ребенка. Во-вторых, нельзя сразу начинать усиленно заниматься, так как это может травмировать позвоночник; начинать нужно с небольших нагрузок. В-третьих, выработайте вместе с маленьким пациентом

план тренировки и придерживайтесь его; не пропускайте занятия. В-четвертых, перед каждым занятием проводите разминку, чтобы подготовить мышцы к упражнениям.

Примеры упражнений:

1. Маршируете в течение пары минут на одном месте.
2. Поднимаетесь на носочки, при этом руки тоже поднимаете вверх.
3. Плечевые круговые вращения вперед и обратно, повторяете около 20 раз.
4. Делаете наклон с руками вперед около 10 раз.
5. Руки в стороны и выполняете повороты тела вправо и влево (поочередно) – 10 раз.
6. Ложитесь на спину. Руки вверх, носочки на себя, и вытягиваетесь медленно.
7. Подтягиваете локти к противоположным коленям. Количество – по 10 приемов.
8. Поочередно подтягиваете колени к животу.
9. Выполняете упражнение велосипед и ножницы.
10. Положение не меняете. Приподнимаете верхнюю часть туловища, задерживаетесь на время, опускаетесь.

Помните, что эффективность от упражнений будет достигнута тогда, когда будете соблюдать намеченный план по их выполнению. Желательно делать их каждый день, чтобы не достигнуть точки невозврата. Помните, здоровье ваших детей в ваших руках!

Таким образом, позвоночник – это наш основной жизненный каркас. Если с ним что-то случается, то могут пострадать некоторые органы.

Упражнения при сколиозе позвоночника в домашних условиях несложные и легко запоминающиеся. Не ленитесь и выполняйте их чаще вместе с вашими детьми!

Библиографический список

1. Практическое пособие для врачей «Лечебная физическая культура при сколиозе у детей» Д. А. Четин, А. Н. Цуканов, А. Е. Филостин, Э. А. Надыров, Д. В. Чарнаштан, Н. М. Иванова. Гомель : ГУ «РНПЦ РМиЭЧ», 2015.
2. Учебно-методическое пособие «Лечебная физическая культура при деформации и заболеваниях опорно-двигательного аппарата у детей» Н. И. Шлык., И. И. Шумихина, А. П. Жужгов; отв. ред. Н. И. Шлык. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2014.
3. Учебно-методическое пособие Физическая реабилитация детей с нарушениями осанки и сколиозом» Л. А. Скиндер; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. Брест : БрГУ, 2012.
4. Учебник для студентов высших учебных заведений «Лечебная физическая культура» 2-е изд. В. И. Дубровский. М., 2001.
5. Учебное пособие «Лечебная физическая культура и массаж» / Н. В. Третьякова. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013.

Bibliographic list

1. Practical manual for doctors «Therapeutic physical education in scoliosis in children» D. A. Chechetin, A.N.Tsukanov,A.E.Filyustin,E.A.Nadyrov,D.V.Charnastan, N. M. Ivanova. Gomel : GU «RNPC RMI EC», 2015.

2. Educational and methodological manual «Therapeutic physical education in deformation and diseases of the musculoskeletal system in children» N. I. Shlyk, I. I. Shumikhina, A. P. Zhuzhgov; holes ed. N. I. Shlyk. Izhevsk : Publishing House «Udmurt University», 2014.

3. Educational and methodological manual Physical rehabilitation of children with posture disorders and scoliosis L. A. Skinder ; Brest. Gos. un-t named after A.S. Pushkin. Brest : BrSU, 2012.

4. Textbook for students of higher educational institutions «Therapeutic Physical Education» 2nd edition V. I. Dubrovsky. M., 2001.

5. Textbook «Therapeutic physical education and massage» / N. V. Tretyakov. Yekaterinburg : Publishing House Ros. state prof.-ped. un-ta, 2013.

Информация об авторах

В. М. Бычков – доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук;

В. Ю. Капитонов – старший преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. M. Bychkov – Associate Professor of the Department of Physical Training of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences;

V. Yu. Kapitonov – Senior Lecturer of the Department of Physical Training of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-322-327>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-6/22-584

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-011-2022-06-783

Структурно-функциональная модель практико-ориентированной подготовки курсантов образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации в условиях обучения рукопашному бою в ограниченном пространстве

Григорий Сергеевич Мякенький¹, Юлия Борисовна Ленёва², Анна Юрьевна Грушина³

¹ Московское высшее общевойсковое командное орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменное училище Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, yvc90@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, yvc90@mail.ru

³ Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, Anna-0015@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется разработка и апробация инновационных средств профессиональной подготовки специалистов силовых структур в условиях современных глобальных вызовов и угроз. Акцент сделан на внедрение авторской методики Г. С. Мякенького обучения рукопашному бою в условиях ограниченного пространства. Предложена структурно-функциональная модель обучения рукопашному бою, и определены основные векторы разработки изучаемой темы.

Ключевые слова: военно-профессиональная подготовка, высшее образование, рукопашный бой, компетентность, обучение

Для цитирования: Мякенький Г. С., Ленёва Ю. Б., Грушина А. Ю. Структурно-функциональная модель практико-ориентированной подготовки курсантов образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации в условиях обучения рукопашному бою в ограниченном пространстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 322–327. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-322-327>.

Original article

Structural and functional model of practice-oriented training of cadets of educational organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation in the conditions of hand-to-hand combat training in a limited space

Grigory S. Myakenky¹, Yulia B. Leneva², Anna Yu. Grushina³

¹ Moscow Higher Combined Arms Command of the Orders of Lenin and the October Revolution Red Banner School of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, yvc90@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, yvc90@mail.ru

³ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, Anna-0015@mail.ru

Abstract. The article actualizes the development and testing of innovative means of professional training of specialists of law enforcement agencies in the conditions of modern global challenges and threats. The emphasis is placed on the introduction of the author's methodology of G. S. Myakenky teaching hand-to-hand combat in conditions of limited space. A structural and functional model of hand-to-hand combat training is proposed and the main vectors of the development of the topic under study are determined.

Keywords: military professional training, higher education, hand-to-hand combat, competence, training

For citation: Myakenky G. S., Leneva Yu. B., Grushina A. Yu. Structural and functional model of practice-oriented training of cadets of educational organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation in the conditions of hand-to-hand combat training in a limited space. Bulletin of economic security. 2022;(6):322–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-322-327>.

© Мякенький Г. С., Ленёва Ю. Б., Грушина А. Ю., 2022

На вооружении передовых держав мира (Россия, Китай, США и др.) находится современное высокоточное оружие всех категорий, способное уничтожить живую силу противника, вооружение и военную технику. Такой военно-технический и ядерный потенциал стран заставляет задуматься над ролью рукопашного боя как формы ведения вооруженной борьбы. Однако, какой бы технически прогрессивной в военном отношении не была страна, всегда будет оставаться необходимость в подготовке военнослужащих к ведению ближнего боя. Это, прежде всего, обусловлено тем, что технический прогресс не всегда способен повлиять на весь спектр решаемых задач, возникающих в процессе современного ведения боевых действий. И то обстоятельство, что живая сила во всех армиях мира присутствует в достаточно большом количестве, уже говорит о том, что рукопашный бой всегда будет неотъемлемым компонентом подготовки военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач в любых условиях.

Не случайно на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации в 2021 году президент России В. В. Путин отметил: «Приоритетными задачами боевой и оперативной подготовки должно стать освоение современного оружия, а также новых форм и способов действий войск. Сегодня успех во многом и во многих сферах прямо зависит от выверенности и быстроты принятия решения, а в военной области при проведении боевых операций такая скорость исчисляется буквально минутами, а то и секундами. Поэтому нужно развивать системы поддержки принятия решений командирами на всех уровнях, особенно в тактическом звене. Безусловно, на всех уровнях должны быть эффективные алгоритмы действий, передовая автоматика, но вместе с тем мы видим, что современные военные конфликты проходят не по шаблону. В них, как и прежде, ключевая роль принадлежит командиру. Очень многое зависит от его знаний, опыта, личных качеств, и побеждает тот, кто принимает действительно нестандартные решения. Поэтому в ходе оперативной и боевой учебы необходимо готовить именно таких разносторонне развитых во всех отношениях командиров»¹.

Изложенное выше подтверждает актуальность внедрения инновационных педагогических технологий в образовательный процесс и военно-профессиональную подготовку курсантов образовательных организаций высшего образования Министерства обороны Российской Федерации (далее – Минобороны России).

Анализ результатов служебно-боевой деятельности, связанных с гибелью и ранениями военнослужащих, свидетельствует о том, что их уровень специальной подготовленности (физическая, огневая, тактико-специальная) к выполнению служебно-боевых задач не в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к Вооруженным Силам РФ.

Данное обстоятельство требует переосмысления организационных и теоретико-методологических подходов к обучению военнослужащих, разработке и модернизации методик и технологий преподавания дисциплины «Физическая подготовка» в образовательных организациях Минобороны России.

На основании анализа проведенных ранее научных исследований было выявлено, что большое количество средств, применяемых при обучении военнослужащих рукопашному бою, обладают недостаточной эффективностью. Это проявилось в том, что эффективность переноса навыков и умений, сформированных в процессе занятий по физической подготовке, на условия, приближенные к боевым, оказалась очень низкой, и процесс становления мастерства, в связи с этим, значительно затягивался.

Сложившаяся практика военно-профессиональной подготовки военнослужащих не в полной мере обеспечивает должный уровень физической подготовленности для качественного выполнения боевых задач. Значительное количество военнослужащих не всегда могут выполнить установленные нормативы по физической подготовке и недостаточно владеют навыками рукопашного боя. В экстремальных ситуациях многие военнослужащие испытывают непреодолимое чувство страха, вследствие чего появляется неуверенность в собственных силах, что снижает эффективность процесса противостояния жилой силе противника, быстроту, ловкость и др.

Одним из направлений реформирования системы высшего военного образования является повышение эффективности образовательного процесса в военных вузах, устраняющему разрыв между требованиями, предъявляемыми к молодому офицеру в войсках и требованиями к военно-профессиональной подготовке курсантов в вузах является модульная технология обучения, базирующаяся на компетентностном подходе. В русле этой концепции полагаем, что организация образовательного процесса в образовательных организациях Минобороны России в рамках учебной дисциплины «Физическая подготовка» и реализации тематического раздела «Рукопашный бой» профессорско-преподавательским составом направлены на совершенствовании военно-профессиональной подготовки обучающихся.

Создание эффективной модели физической подготовки является важным условием повышения качества обучения будущих офицеров командного профиля и становится одним из значимых направлений реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, государственной программы Российской Федерации «Развитие образования», организации профессиональной подготовки курсантов в соответствии с требованиями Федеральных законов «О воинской обязанности и воинской службе», «Об образовании в Российской Федерации», федеральных государственных

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/67402>.

образовательных стандартов высшего образования, приказов Минобрнауки России, приказов Минобороны России.

В отечественной педагогической науке далеко не в полной мере раскрыты закономерности качества профессионально-прикладной физической подготовки, позволяющие связать его развитие с конкретными условиями и факторами и формирующие теоретический задел для разработки практического педагогического инструментария. В частности, с позиций методологии и технологии профессионального образования не раскрыта закономерная связь между качеством профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций Минобороны России и профессионально-прикладной физической подготовкой обучающихся при формировании у них умений и навыков ведения рукопашного боя в ограниченном пространстве.

Процесс военно-профессиональной подготовки в целом можно представить как накопление военным личностных ресурсов, позволяющих реагировать на различные, в том числе экстремальные факторы. В этом плане особое место занимает организация физической подготовки курсантов в образовательных организациях Министерства обороны Российской Федерации, самостоятельной физической подготовки. Особое место в военно-профессиональной подготовке отводится развитию прикладных физических качеств (скоростно-силовых, координации движений, выносливости); волевых качеств (воли, выдержки, самообладания, решительности, стрессоустойчивости и др.); моральных (устойчивости к негативным воздействиям пропаганды противника, установок на ценности народа своей страны, смысла своего самосовершенствования), которое проявляется в социальной ответственности и личностного восприятия своей роли в повышении обороноспособности России.

В результате освоения учебной дисциплины «Физическая подготовка» будущие офицеры Вооруженных сил России должны иметь фонд сформированных теоретических знаний, методических умений и высокий уровень практической подготовленности, что является составляющими частями военно-профессиональных компетенций, которые с 2017/18 учебного года в соответствии с ФГОС ВО 3+ были переименованы в одну общую – «способность самостоятельно поддерживать должную физическую подготовленность, позволяющую выполнять обязанности военной службы».

В связи с этим требуется внедрение в учебную дисциплину «Физическая подготовка» педагогических технологий, методик и программы, направленных не только совершенствования двигательных качеств и навыков по всем разделам и формам организации физической подготовки военнослужащих, но и на обучение будущих офицеров командного профиля рукопашному бою в ограниченном пространстве. Так как в русле на-

шего диссертационного исследования технология обучения рукопашному бою в ограниченном пространстве курсантов является предпосылкой не только формирования физической готовности военнослужащих, но и средством их профессионально-личностного развития. В частности, развития психических познавательных процессов (память, внимание, восприятие), эмоционально-волевого самоконтроля при прямом столкновении с живой силой противника, формирование навыков саморегуляции, формирование способностей принятия решения в нестандартных ситуациях служебно-боевой деятельности и др.

Задачи физической подготовки в образовательных организациях Министерства обороны Российской Федерации предполагают конкретную целевую ориентацию на военно-профессиональную деятельность, которая включает в себя особенности выполняемых служебно-боевых задач, требования к физическим и профессионально-важным качествам военнослужащих и уровню их проявления.

На основании многих исследований, проводимых специалистами в области рукопашного боя, установлено, что значительное количество средств и методов, применяющихся в обучении военнослужащих рукопашному бою, обладали недостаточной специфичностью. Данный недостаток проявлялся в том, что те навыки, которые формировались во время занятий, оказались слабо эффективными при моделировании боевых ситуаций в динамике.

В программу военно-профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций Минобороны России, в том числе к ведению рукопашного боя с противником входят такие виды подготовки, как физическая, техническая, тактическая и морально-волевая.

1. *Общая физическая подготовка* заключается в укреплении всех функциональных систем организма военнослужащего и повышение его работоспособности.

2. *Техническая подготовка* военнослужащего является процессом формирования технических действий, свойственных рукопашному бою в реальных боевых условиях.

3. *Морально-волевая (психологическая) подготовка* представляет собой процесс воспитания у него воли: целеустремленности, настойчивости и упорства, самостоятельности и инициативности, решительности и смелости, выдержки и самообладания. Воля – это сознательная, целенаправленная психологическая активность, связанная с помехоустойчивостью, достижением поставленных целей, она направлена на качество управления поведением военнослужащего для эффективного ведения ближнего боя с противником.

4. *Тактическая подготовка.* Под тактикой в подготовке военнослужащих к ведению рукопашного боя следует понимать способы и методы, применяемые в ближ-

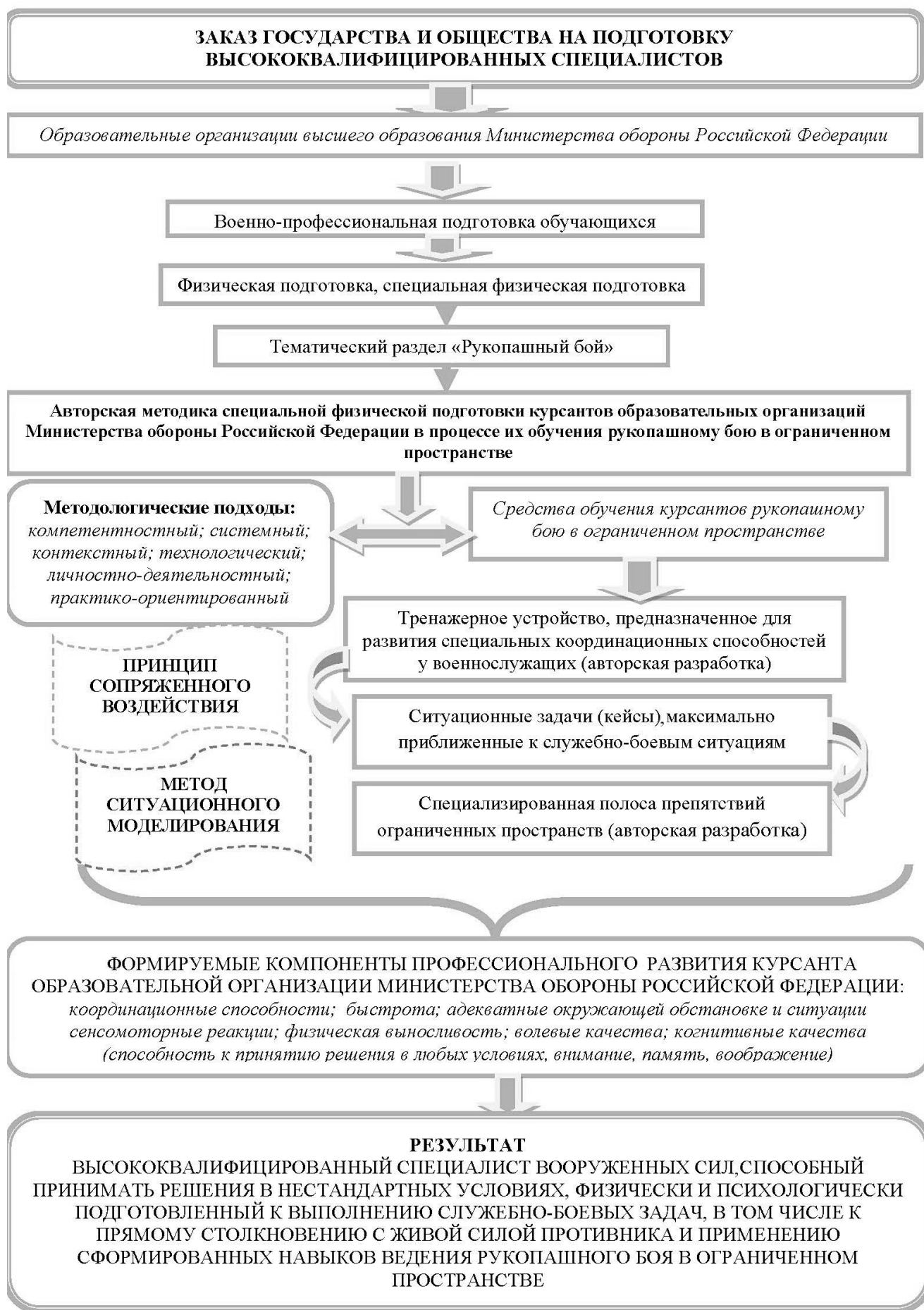

Рис. 1. Структурно-функциональная модель обучения курсантов рукопашному бою в условиях ограниченного пространства

нем бою с противником для победы над ним. Тактика подготовки к ведению рукопашного боя разрабатывается в зависимости от задач, стоящих перед военнослужащими, уровня их подготовленности, условий в которых будет вестись бой, в зависимости от его вооружения и многих других факторов. Азы тактического поведения военнослужащего в рукопашном бою приобретаются уже при решении первых ситуационных задач и по мере накопления опыта подготовки к ведению ближнего боя с противником, а также участия в вольных и обусловленных поединках. Обучение тактике и технике производится взаимосвязано почти в каждом выполняемом упражнении, но эта связь должна быть подвижной (путем перемещения акцента, то на один, то на другой вид подготовки).

Проведенная аналитическая работа и предварительные исследования специфики военно-профессиональной, физической и специальной физической подготовки курсантов образовательных организаций Минобороны России позволили спроектировать структурно-функциональную модель, которая наглядно отражает организационно-содержательную сущность деятельности профессорско-преподавательского состава в профессионально-личностном развитии обучающихся и их физической подготовки (рисунок 1).

Новация структурно-функциональной модели состоит: в учете особой специфики военно-профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций Минобороны России в рамках учебной дисциплины «Физическая подготовка» при освоении обучающимися тематического раздела «Рукопашный бой»; в использовании принципа сопряженного воздействия с методом ситуационного моделирования; интеграции общепедагогических подходов компетентностного, системного, контекстного, технологического, личностно-деятельностного и практико-ориентированного применительно к военно-профессиональной подготовке курсантов образовательных организаций Минобороны России; в адекватном наглядном отражении средств и методов обучения курсантов образовательных организаций Минобороны России рукопашному бою в условиях ограниченного пространства как способа повышения эффективности военно-профессиональной подготовки обучающихся.

Предложенную модель можно реализовывать не только на протяжении образовательного цикла при освоении тематического раздела «Рукопашный бой», но и при освоении других учебных модулей в рамках дисциплины «Физическая подготовка», а также в рамках внеаудиторной деятельности, самоподготовки курсантов и массовых мероприятий. Наряду с этим очевиден прогноз стабильного профессионально-личностного развития курсантов, когда будут совершенствоваться навыки и умения ведения рукопашного боя в любых условиях служебно-боевой деятельности при прямом столкновении с живой силой противника.

Библиографический список

1. Хасанов А. Х. Анализ технических действий высококвалифицированных спортсменов, занимающихся рукопашным боем / А. Х. Хасанов, А. С. Гареева // Проблемы физического образования: содержание, направленность, методика, организация: матер. IV Межд. науч. конгресса, посв. 45-летию УГУФК. Челябинск : Изд. центр «Уральская Академия», 2015. С. 66–70.
2. Каленик Р. С. Педагогические условия обеспечения физической подготовки профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России / Р. С. Каленик // Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Физическая подготовка и спорт : сборник статей. Орел : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова», 2015. С. 52–55.
3. Кикоть В.Я. Физическая культура и физическая подготовка : учебник // В. Я. Кикоть, И. С. Барчуков. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 431 с.
4. Борисов А. А. Современные тенденции повышения эффективности физической подготовки курсантов в военном вузе / А. А. Борисов, К. Н. Дементьев, Р. Е. Булат, О. В. Пристав // Теория и практика физической культуры. 2016. № 9. С. 42–44.

Bibliographic list

1. Khasanov A. H. Analysis of technical actions of highly qualified athletes engaged in hand-to-hand combat / A. H. Khasanov, A. S. Gareeva // Problems of physical education: content, orientation, methodology, organization: mater. IV International Scientific Congress dedicated to the 45th anniversary of UGUFK. Chelyabinsk : Publishing Center «Ural Academy», 2015. P. 66–70.
2. Kalenik R. S. Pedagogical conditions for ensuring physical training of the teaching staff of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia / R. S. Kalenik // Improvement of physical, fire and tactical-special training of law enforcement officers. Physical training and sports : a collection of articles. Orel : Federal State State Educational Institution of Higher Professional Education «Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukanov», 2015. P. 52–55.
3. Kikot V.Ya. Physical culture and physical training : textbook // V. Ya. Kikot, I. S. Barchukov. M. : UNITY-DANA, 2009. 431 p.
4. Borisov A. A. Modern trends in improving the effectiveness of physical training of cadets in a military university / A. A. Borisov, K. N. Dementiev, R. E. Bulat, O. V. Bailiff // Theory and practice of physical culture. 2016. No. 9. P. 42–44.

Информация об авторах

Г. С. Мякенький – преподаватель кафедры физической подготовки Московского высшего общевойскового командного орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменного училища Министерства обороны Российской Федерации;

Ю. Б. Ленёва – доцент кафедры огневой подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А. Ю. Грушина – старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Академии права и управления ФСИН России.

Information about the authors

G. S. Myakenky – Lecturer of the Department of Physical Training of the Moscow Higher Combined Arms Command of the Orders of Lenin and the October Revolution Red Banner School of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

Yu. B. Leneva – Associate Professor of the Department of Fire Training of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

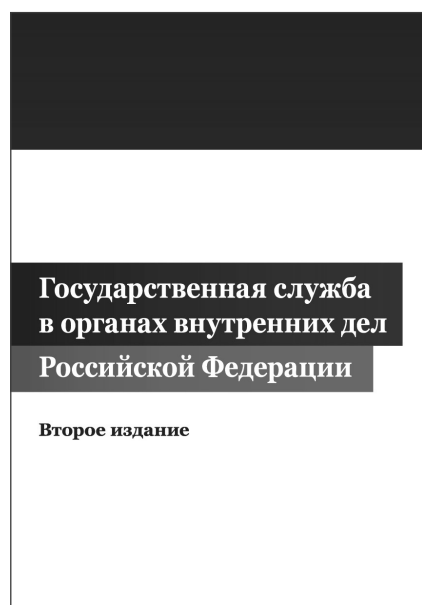
A. Yu. Grushina – Senior Lecturer of the Department of Physical Training and Sports of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. [О. В. Зиборов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 316.628.29

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-328-331>

ИПОН: 2015-0066-6/22-585

MOSURED: 77/27-011-2022-06-784

Особенности развития мотивации к обучению в юношеском возрасте

Татьяна Николаевна Сахарова¹, Вера Владимировна Фони́на²,
Мария Дмитриевна Батаева³, Инна Александровна Журавлева⁴

^{1,2,3,4} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
katamax@yandex.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблема мотивации, которая является важным компонентом смысловой сферы личности и определяет организованность, целеустремленность, активность, а также приносит в жизнь молодого человека удовлетворение, целенаправленную деятельность на достижение цели в профессиональной и личной сфере.

Ключевые слова: личность, мотивация, мотив, потребность, юношеский возраст, индивидуальный план развития

Для цитирования: Сахарова Т. Н., Фони́на В. В., Батаева М. Д., Журавлева И. А. Особенности развития мотивации к обучению в юношеском возрасте // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 328–331. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-328-331>.

Original article

Features of the development of motivation to study in adolescence

Tatiana N. Sakharova¹, Vera V. Fonina²,
Maria D. Bataeva³, Inna A. Zhuravleva⁴

^{1,2,3,4} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
katamax@yandex.ru

Abstract. The article actualizes the problem of motivation, which is an important component of the semantic sphere of personality and determines organization, purposefulness, activity, and also brings satisfaction into the life of a young person, purposeful activity to achieve goals in the professional and personal sphere.

Keywords: personality, motivation, motive, need, adolescence, individual development plan

For citation: Sakharova T. N., Fonina V. V., Bataeva M. D., Zhuravleva I. A. Features of the development of motivation to study in adolescence. Bulletin of economic security. 2022;(6):328–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-328-331>.

В нашем исследовании под мотивацией мы будем понимать движущую силу, включающую в себя мотивы, потребности, цели, стремления, интересы, мотивационные установки и т. д., которая побуждает человека к определенной активности и которая определяет направленность этой активности.

В своей книге Э. Эриксон писал, что молодые люди испытывают потребность в активном движении [2, с. 256–257], что, на наш взгляд, хорошо описывает данный возраст, ведь именно в этот период жизни молодому человеку предстоит сделать большую часть важных выборов и принять важные решения, а в конечном итоге принять ответственность за свою жизнь на себя.

Следовательно, в юношеском возрасте человека будут мотивировать те задачи, которые, по его субъективному мнению, позволят ему достичь успеха в своей деятельности: наиболее важными для молодого человека будут являться профессиональная и учебная деятельность. Л. С. Выготский утверждал, что «на протяжении сравнительно небольшого срока происходят интенсивные и глубокие изменения в движущих силах поведения молодых людей» [5, с. 345]. После окончания школы и поступления в университет у человека могут появиться новые взгляды, мнения, установки, цели, интересы, что напрямую влияет на мотивацию в этом возрасте. А. А. Реан пишет, что в процессе развития самосознания

© Сахарова Т. Н., Фони́на В. В., Батаева М. Д., Журавлева И. А., 2022

«наблюдаются качественные изменения мотивов, которые характеризуются теперь большей устойчивостью. Многие интересы принимают характер стойкого увлечения» [5, с. 345]. Это значит, что молодые люди находят деятельность, которая их удовлетворяет, которой они хотят заниматься, и в которой они хотят развиваться. «По механизму действия мотивы становятся не непосредственно действующими, а возникающими на основе сознательно поставленной цели и сознательно принятого намерения» [5, с. 345–346].

В процессе профессиональной идентификации у студента возникает потребность в специальной подготовке и планировании результатов. На первом курсе в процессе погружения в профессию перед студентом ставятся новые учебно-профессиональные задачи, что обуславливает необходимый переход на овладение новыми инструментами саморазвития и планирования в период овладения образовательной программой.

В юности, при поступлении в университет, молодой человек переживает новую социальную ситуацию развития, в которой ему необходимо задать такой вектор профессионального развития, который будет отвечать именно его уникальной системе смыслов. Совокупность методов, которые могут оказать содействие в построении уникальной профессиональной траектории, называется «Индивидуальный план развития» (или сокращенно ИПР). Инструмент ИПР перешел в психологию из сферы бизнеса. Первоначально его применяли для создания комплекса мер или индивидуальной траектории/стратегии профессионального развития сотрудника компании. Эти меры учитывали индивидуальные особенности и потребности человека для более эффективной работы. Индивидуальный план развития студента учитывает его актуальные потребности, мотивы и цели, а также помогает их понять и структурировать.

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что мотивация – это не просто побуждение к действию, мотивация – это целая система мотивов, установок, потребностей, целей и пр., которая характеризует личность человека.

Для всестороннего личностного развития необходимо обнаруживать, анализировать и понимать индивидуальные потребности, цели и мотивы. Для того, чтобы достигать результатов в обучении и получать удовлетворение от процесса овладения профессией студентам необходимо научиться систематизировать свои мечты и цели, для этого существуют разные методики. В своей работе мы будем рассматривать такой инструмент личностного роста, как индивидуальный план развития.

Дадим определение этому инструменту. Индивидуальный план развития (или ИПР) – это, в первую очередь, стратегия развития человека, с помощью которой он развивается в профессиональном и личностном плане.

Для составления ИПР студенту необходимо освоить: правильную постановку перед собой целей; навывк наведения фокусов развития, то есть развитие своих профессиональных умений и навыков; методы развития, которые помогут преодолевать возникающие трудности; навык применения развивающих действий для овладения профессиональными умениями; постановку конкретных сроков и отметок о достижении результатов.

Для овладения этими навыками со студентами была проведена серия занятий, направленная на составление индивидуального плана развития, который включает в себя овладение инструментами саморазвития (инструменты были взяты из источника – Жизненная навигация: технологии саморазвития личности студента в процессе обучения в вузе [3, с. 8–98]). Всего студентами было освоено 9 тем. Студентам была предложена следующая последовательность овладения методиками: на первом занятии со студентами были разобраны теоретические основы мечтания, как психологического процесса, а также занятие было направлено на поиск и формулировку своей мечты, то есть того, ради чего студент будет выполнять все последующие шаги. Второе занятие было посвящено процессу целеполагания. На этом занятии студенты ближе знакомились с тем, что такие ИПР, как его составлять и зачем нужен этот инструмент. На этом этапе было также рассказано об ошибках целеполагания, о том, как их не допустить и о том, как применять технику SMART для правильной постановки целей. На третьем занятии студенты ближе познакомились с тем, что такое ресурсы, какие они бывают, как их находить в окружающем пространстве и как их использовать. Четвертое занятие было посвящено становлению профессионализма. Здесь студентам было рассказано о профессиональном развитии и карьерном росте. Пятое занятие было посвящено программе саморазвития. Здесь студенты познакомились со стадиями и формами саморазвития, а также узнали, как правильно формировать эффективные привычки. На шестом занятии со студентами были рассмотрены виды помех, которые могут встретиться на пути к цели и средства их преодоления. Также на этом занятии была подробно рассмотрена проблема страха и того, как с ним бороться. Седьмое занятие предполагало составление студентами своего идеального Я. Также были рассмотрены универсальные качества личности, которые помогут в достижении поставленной цели. На восьмом занятии студенты познакомились с эффективными методами тайм-менеджмента и индивидуальным стилем работы со временем. Заключительное девятое занятие было посвящено непосредственно мотивации. Здесь была затронута тема сила воли, а также студенты смогли проанализировать весь пройденный ими путь: если у студента не получается начать двигаться к своей цели, то необходимо будет вернуться к предыдущим этапам и проверять на наличие ошибок выполненные ранее упражнения.

Построение индивидуального плана развития – это трудоемкий процесс, который требует большой сосредоточенности, но, когда студент его составит, перед ним будет наглядное представление и понимание того, что ему предстоит сделать, почему это нужно будет сделать именно ему, а самое главное, для чего ему нужно будет это сделать.

Именно в юношеском возрасте необходимо начать планировать результаты своей профессиональной деятельности, в этом возрасте человек начинает понимать, что несет за них ответственность. Чтобы охарактеризовать юношеский возраст, в своей работе мы будем опираться на структурные компоненты самосознания, предложенные В. С. Мухиной. Первое звено самосознания – это имя: молодой человек отходит от подросткового прозвища, появляется новое интимное имя личности (например, между партнерами), все чаще к молодым людям начинают обращаться на «Вы». Притязание на признание: важным становится успешность в профессиональной сфере (в том числе и в учебе), большую значимость имеет признание со стороны значимых в выбранной профессии людей, то есть становится важным мнение профессионала. Половая идентификация: реализация половой идентичности достигается через поиск партнера, успешность достигается в длительных отношениях с партнером, очень важным в половой идентификации является отделение от семьи. Четвертое звено – психологическое время личности: прошлое ужимается и приобретает определенную окраску, сохраняется интерес к родовому прошлому. Настоящее «свернуто», так как все проекции и планы направлены в будущее. Будущее – с одной стороны юноши планируют все на будущее, но если сейчас они недостаточно реализованы в своей профессиональной деятельности, то будущее им видится неясным и смутным. И последнее звено самосознания – это права и обязанности: молодой человек принимает ответственность за свою жизнь на себя, а также осознает и реализует свои права и обязанности.

Для составления индивидуального плана развития была создана программа мотивации к обучению в юношеском возрасте, которая была направлена на формирование у обучающихся навыков работы со своими целями и осознанного выбора для планирования их жизненной траектории. Программа предполагает изучение участниками своих моделей представлений: «Я-реальный» и «Я-идеальный», расписывание своего идеального дня и месяца, составление дерева жизненно важных целей, оценивание собственных навыков и компетенций, а также анализируют свое окружение. Для проведения программы была создана платформа (сайт), на которой студенты получают доступ к видео-занятиям, рабочим тетрадям со всеми необходимыми заданиями по каждой теме и чек-листам, с помощью которых студенты могут отслеживать свою динамику (в чек-листах студентам предлагается отслеживать свой уровень мотивации, заинтересованности и знаний). Также студенты в

командах работают на платформе Miro, где они прописывают свой индивидуальный план развития. Команды были созданы для поддержания мотивации к составлению ИПР.

В настоящий момент программа мотивации к обучению проходит апробацию, в которой принимает участие 40 студентов на созданной нами платформе. Мы полагаем, что данная программа повысит уровень мотивации к обучению у студентов.

Список источников

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т. 4. М. : Педагогика, 1984. 433 с.
2. Идентичность: юность и кризис : Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
3. Зонис М. М., Казин Ф. А., Мальчукова А. Л., Оленина Е. В., Причисленко А. Г. Жизненная навигация: технологии саморазвития личности студента в процессе обучения в вузе. СПб. : Университет ИТМО, 2016. 109 с.
4. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития и бытия личности : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Педагогика и психология», «Социальная психология», «Педагогика» : в двух томах / В. С. Мухина. 18-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 2022. 22 см.; ISBN 978-5-02-040910-1.
5. Психология человека от рождения до смерти. СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 656 с. (Серия «Психологическая энциклопедия»).

References

1. Vygotsky L. S. Collected works: In 6 volumes; Vol. 4. M. : Pedagogy, 1984. 433 p.
2. Identity: youth and crisis : Translated from English / General ed. and preface. Tolstykh A.V. M. : Progress Publishing Group, 1996. 344 p.
3. Zonis M. M., Kazin F. A., Malchukova A. L., Olenina E. V., Prichislenko A. G. Vital navigation: technologies of self-development of a student's personality in the process of studying at a university. SPb. : ITMO University, 2016. 109 p.
4. Mukhina V. S. Age psychology: phenomenology of personality development and existence : textbook for students of higher educational institutions studying in the specialties «Pedagogy and psychology», «Social Psychology», «Pedagogy» : in two volumes / V. S. Mukhina. 18th ed., reprint. and additional M. : Nauka, 2022. 22 cm.; ISBN 978-5-02-040910-1.
5. Human psychology from birth to death. SPb. : PRIME-EUROZNAK, 2002. 656 p. (Series «Psychological Encyclopedia»).

Информация об авторах

Т. Н. Сахарова – профессор кафедры психологии развития личности Московского педагогического государственного университета, кандидат психологических наук;

В. В. Фомина – студентка 2 курса Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета;

М. Д. Батаева – старший преподаватель кафедры психологии развития Московского педагогического государственного университета;

И. А. Журавлева – старший преподаватель кафедры психологии развития Московского педагогического государственного университета.

Information about the authors

T. N. Sakharova – Professor of the Department of Psychology of Personality Development of the Moscow Pedagogical State University, Candidate of Psychological Sciences;

V. V. Fonina – 2nd year student of the Institute of Pedagogy and Psychology of the Moscow Pedagogical State University;

M. D. Bataeva – Senior Lecturer of the Department of Developmental Psychology of the Moscow Pedagogical State University;

I. A. Zhuravleva – Senior Lecturer of the Department of Developmental Psychology of the Moscow Pedagogical State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.

The article was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Педагогика. Под ред. А. А. Реана, Н. В. Сердюк; под общ. ред. В. Ф. Родина, Л. А. Казанцевой. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 463 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

В учебнике изложены основные положения и содержание педагогики, ее методологические основы, теория и практика обучения, воспитания и развития слушателей. Представлены способы контроля и оценки результатов образовательного процесса в вузах.

Особое внимание уделено специфике обучения и воспитания курсантов в образовательных учреждениях МВД России.

Для студентов юридических вузов, а также практических работников.

Научная статья

УДК 37.037.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-332-338>

ИПОН: 2015-0066-6/22-586

MOSURED: 77/27-011-2022-06-785

Адаптационный подход как метод улучшения физической подготовленности детей 10–12 лет на уроках физической культуры

Светлана Александровна Семенова¹, Ханда-Цырен Дугаровна Гомбожапова²,
Андрей Александрович Сысоев³, Баир Базарович Гынинов⁴

¹ Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия, kaf-oafk@mgou.ru

² Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, gombozh55@mail.ru

³ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sysoeff555@yandex.ru

⁴ Улан-Баторский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Улан-Батор, Монголия, ulan-bator@rea.ru

Аннотация. В статье предложен новый оригинальный подход к организации уроков физической культуры для детей 10–12 лет; адаптирована балльно-рейтинговая система оценки успеваемости учащихся по предмету физическая культура, позволяющая повысить активность посещаемости и уровень мотивации учащихся средних классов; разработана и научно обоснована модель применения активно-оздоровительных технологий на уроке физической культуры, позволяющая индивидуализировать оценку успеваемости учащихся при массовом проведении урока и тем самым повысить уровень их физической подготовленности.

Ключевые слова: адаптационный подход, физическая культура, школьники средних классов, балльно-рейтинговая система оценки, результаты тестирования

Для цитирования: Семенова С. А., Гомбожапова Х.-Ц. Д., Сысоев А. А., Гынинов Б. Б. Адаптационный подход как метод улучшения физической подготовленности детей 10–12 лет на уроках физической культуры // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 332–338. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-332-338>.

Original article

Adaptive approach as a method of improving the physical fitness of children 10–12 years old in physical education lessons

Svetlana A. Semenova¹, Handa-Tsyren D. Gombozhapova², Andrey A. Sysoev³, Bair B. Gyninov⁴

¹ Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia, kaf-oafk@mgou.ru

² Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russia, gombozh55@mail.ru

³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sysoeff555@yandex.ru

⁴ Ulan Bator branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar, Mongolia, ulan-bator@rea.ru

Abstract. The article proposes a new test, the original your approach by us to the organization of physical education lessons for children aged 10–12 years; adapted a point-rating system for assessing the progress of these students themselves on the subject of days of physical culture, which allows to increase the activity of the body of attendance and the level of self-motivation of other students be middle class; The game has been developed and the goals have been scientifically substantiated, the model is to be the application of the spheres of active and health-improving technologies in a row at the lesson of the physical cortex of culture, which allows the hand to individualize the muscles of the assessment of students' academic performance while conducting a mass below the lesson of the path and thereby the body to increase their body level of physical fitness lesson.

Keywords: adaptive approach, physical education, middle school students, score-rating evaluation system, test results

For citation: Semenova S. A., Gombozhapova H.-Ts. D., Sysoev A. A., Gyninov B. B. Adaptive approach as a method of improving the physical fitness of children 10–12 years old in physical education lessons. Bulletin of economic security. 2022;(6):332–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-332-338>.

© Семенова С. А., Гомбожапова Х.-Ц. Д., Сысоев А. А., Гынинов Б. Б., 2022

Рассмотрение проблем физического воспитания учащихся средних классов в естественно-научном, педагогическом и медико-биологическом аспекте позволило определить противоречия между:

- объективной необходимостью государства и общества в сохранении и преумножении здоровья подрастающего поколения и сохраняющейся тенденцией к увеличению заболеваемости детей среднего школьного возраста;

- наличием разработок по проблемам применения активно-оздоровительных технологий и отсутствием системного подхода их интеграции в процесс физического воспитания школьников средних классов;

- необходимостью реализации дифференцированного и индивидуально ориентированного подхода и реальной практики сдвоенных классов в одном зале при проведении уроков по физической культуре, что отражается на недостаточном вовлечении детей, имеющих избыточную массу тела и ослабленное здоровье в процесс физкультурно-оздоровительных занятий;

- необходимостью достижения развивающего эффекта воздействия уроков физической культуры на организм школьников средних классов, обеспечивающих их оптимальную работоспособность и доминирование задач обучающей направленности в программах по физической культуре;

- необходимостью оптимизации системы оценки физических возможностей конкретного ученика на основе учета его индивидуального физического развития и сохраняющегося стандартно-нормативного подхода к оценке по предмету физическая культура.

Как показала практика, период дистанционного обучения усугубил кризис проблемы физического воспитания учащихся школьников средних классов, что определило необходимость изучения адаптационного подхода в процессе физического воспитания.

Цель исследования. Оптимизация физической подготовленности учащихся средних классов посредством реализации адаптационного подхода на уроках физической культуры.

Методы исследования и организация исследования. Оценка физической подготовленности учащихся средних классов была осуществлена с помощью следующих методов:

- анкетирование (оценка уровня школьной тревожности Филипса);

- функциональное тестирование: ортостатическая проба, гарвардский степ-тест (ИГСТ), оценка жизненной емкости легких (ЖЕЛ), оценка экскурсии грудной клетки (ЭГК);

- педагогическое тестирование – выполнялось в соответствии с программой сдачи норм ГТО для возрастной категории 10–12 лет;

- балльно-рейтинговая оценка по предмету «Физическая культура».

Для участия в педагогическом эксперименте были сформированы две группы по 20 человек в каждой из

числа учащихся, посетивших более 80 % занятий. Соотношение мальчиков и девочек в обеих группах было практически одинаково. Контрольная группа осуществляла занятия в соответствии с программой физического воспитания на основе авторской программы А. П. Матвеева «Физическая культура» для основной школы и третий урок физкультуры «подвижные игры с элементами спортивных». В работе с экспериментальной группой осуществлялся адаптационный подход, основа которого базировалась на:

- интеграции оздоровительных технологий в процесс занятий физической культурой;

- повышении интереса посредством внедрения новых форм двигательной активности;

- мотивации учащихся к занятиям физической культурой.

Осуществление контроля физической подготовленности учащихся средних классов было осуществлено на основе разработанной балльно-рейтинговой оценки по предмету «Физическая культура».

Результаты и их обсуждение. Современные исследования в области здоровья приводят к пониманию целостности физического и психологического аспекта, что необходимо учитывать при разработке оздоровительных программ физического воспитания учащихся средних классов. Значительную роль в повышении уровня физической подготовленности учащихся школьников играет мотивация к занятиям физической культуры и новые формы ее организации, к числу которых относятся квест-задания, интегрированные психофизические тренировки, введение в вариативную часть занятий современных форм двигательной активности, популярных среди подростков (паркур, «Double Dutch», воркаут), применение нестандартного инвентаря и оборудования [1].

В процессе анкетирования определена степень удовлетворенности учащимися и их родителями процессом урока по физической культуре. Проведенный опрос родителей (50 человек) и учащихся (56 человек) выявил их неудовлетворенность процессом физического воспитания: большинство родителей считают уроки по физической культуре ненужными, 68 % родителей против проведения физкультуры на улице. Характеризуя процесс физического воспитания, 76 % родителей считают, что оценка не учитывает возможности детей и не мотивирует их, а наоборот, приводит к снижению интереса к занятиям. Традиционное содержание программы физического воспитания удовлетворяет только 52 % опрошенных, большинство родителей (86 %) недовольны процессом организации занятий. Около 50 % детей не нравятся уроки по физической культуре, среди причин можно выделить следующие: – неинтересные занятия; – не нравятся виды спорта; – повторение одного и того же из года в год. Особую тревогу вызывает тот факт, что 48 % учащихся не занимаются никакими формами и видами двигательной активности в свободное время.

Оценив уровень физической подготовленности учащихся, выявлена положительная динамика заболеваемости за период обучения школьников, высокий уровень тревожности детей (показатели нормы имеют менее 25 % учащихся), нарушение механизмов адаптации (45 % детей болеет более 4-х раз в год), что отражается на низкой посещаемости (50 %) уроков по физической культуре в школе. Около 20 % детей (по данным учительского журнала за 2019–2020 учебный год) посетило не более 25–30 % занятий по физической культуре. При этом функциональное состояние и уровень физической подготовленности оценивается как «удовлетворительно», большинство показателей находятся на нижней границы нормы или ниже, что подтверждено литературными данными [2; 3], и служит обоснованием для разработки новых подходов к процессу физического воспитания в школе.

Одним из основных путей увеличения физической подготовленности школьников средних классов, влияющих на их адаптационные возможности, служит повышение мотивации к самостоятельным формам физической активности. С этой целью была адаптирована методика балльно-рейтинговой оценки по предмету «Физическая культура», что приобретает особое значение в условиях дистанционного обучения (таблица 1).

Оценка «Отлично» выставлялась учащемуся, набравшему более 90 баллов; оценка «Хорошо» выставлялась учащемуся, набравшему 75–90 баллов; оценка «Удовлетворительно» выставлялась учащемуся, набравшему 55–70 баллов; набравшему 50 и менее баллов – оценка «неудовлетворительно».

Основой адаптационного подхода в процессе занятий по физической культуре лежит стресс-адаптационный механизм, описанный И. А. Аршавским, с учетом противодействия внешних стресс-факторов. Прием адаптационного подхода для учащихся средних классов основан на квест-заданиях, и более подробно представлен в авторских исследованиях [4; 5].

Сравнительная оценка результатов педагогического эксперимента показала, что в экспериментальной группе прирост показателей физической подготовленности произошел не только за счет естественного (возрастного развития), но и в силу мотивационного фактора. Основным фактором, определившим отличия в уровнях подготовки учащихся контрольного и экспериментального классов, явилось повышение интереса к занятиям и самостоятельной активности учащихся в свободное время (таблица 2, 3).

Изменения, произошедшие в уровне физической подготовленности девочек, менее значительны, чем у мальчиков. По первым 4 тестам различия очень незначительны. Так в показателях выносливости (тест 4) значения контрольных и экспериментальных групп практически идентичны. Чуть более высокие значения в экспериментальной группе, по сравнению с контрольной, в тесте «Поднимание туловища за 1 мин». $29,20 \pm 1,77$ – в контрольной и $31,30 \pm 1,00$ – в экспериментальной.

Наиболее значимые изменения у мальчиков и у девочек экспериментальной группы были отмечены в показателях гибкости и в тесте – подтягивание. Несмотря на то, что в целом прирост произошел и в контрольной и экспериментальной группе, оценочный потенциал

Таблица 1

Балльно-рейтинговый контроль физической подготовленности учащихся средних классов

Вид деятельности	Баллы
Самостоятельные занятия спортом	10
Тренировки по виду спорта в ДЮСШ, спорт клубе	20
Участие в гигиенической гимнастике (оценивался во время периода дистанционного обучения)	10
Исследовательская деятельность (познание учащихся в области физической культуры, спорта)	20
Участие в спортивных каникулярных мероприятиях	20
Подготовка интересных заданий и комплексов	10 баллов каждое
Проведение фрагментов урока	10
Индивидуальный прирост показателей	20
Победа в соревнованиях	20
Сдача норм ГТО	20
Штрафы	
Пропуск по неуважительной причине	–10 баллов
Нарушение дисциплины	–5 баллов каждое

Таблица 2

Динамика физической подготовленности мальчиков контрольной и экспериментальной группы в результате педагогического эксперимента

Тест №	Контрольная группа				Экспериментальная группа			
	До	После	Прирост %	Достоверность	До	После	Прирост %	Достоверность
1.	148,00 ± 4,83	162,60 ± 3,60	11,23	T = 2,42 P < 0,05	137,90 ± 5,30	168,20 ± 4,80	21,9	T = 2,87 P < 0,05
2.	30,70 ± 2,81	32,20 ± 1,77	4,9	T = 2,11 P > 0,05	30,70 ± 1,59	39,30 ± 1,00	28,00	T = 3,91 P < 0,05
3.	11,58 ± 0,22	10,94 ± 0,21	6,23	T = 4,60 P < 0,05	11,84 ± 0,21	10,19 ± 0,38	13,96	T = 7,61 P < 0,05
4.	5,71 ± 0,88	4,90 ± 0,37	14,2	T = 3,46 P < 0,05	5,74 ± 0,41	4,37 ± 1,01	23,9	T = 3,40 P < 0,05
5.	4,80 ± 0,88	4,44 ± 0,14	0	T = 1,36 P > 0,05	4,54 ± 1,00	8,19 ± 0,16	80,4	T = 6,24 P < 0,05
6.	3,12 ± 0,28	3,90 ± 0,37	25	T = 4,16 P < 0,05	3,40 ± 0,41	5,37 ± 1,01	57,9	T = 9,41 P < 0,05

Примечание: Тест 1 (прыжок в длину (см)); Тест 2 (подъем туловища за 1 мин. (к-во раз); Тест 3 (бег 60 м (сек)); Тест 4 (бег 1000 м (мин.); Тест 5 (наклон вперед (см)); Тест 6 (подтягивание (к-во раз)

Таблица 3

Динамика показателей физической подготовленности девочек экспериментальной и контрольной группы в результате педагогического эксперимента

Тест №	Контрольная группа				Экспериментальная группа			
	До	После	Прирост %	Достоверность	До	После	Прирост %	Достоверность
1.	129,50 ± 5,92	144,60 ± 3,60	11,6	T = 2,15 P > 0,05	133,40 ± 4,98	153,20 ± 4,80	14,8	T = 2,42 P < 0,05
2.	25,60 ± 1,22	29,20 ± 1,77	14	T = 6,32 P < 0,05	25,80 ± 1,27	31,30 ± 1,00	21,3	T = 4,73 P < 0,05
3.	12,19 ± 0,31	11,01 ± 0,21	9,7	T = 4,60 P < 0,05	12,36 ± 0,32	10,85 ± 0,38	12,3	T = 7,61 P < 0,05
4.	6,30 ± 1,00	5,35 ± 0,37	5,1	T = 1,85 P > 0,05	6,40 ± 0,92	5,37 ± 1,01	6,1	T = 1,48 P > 0,05
5.	5,98 ± 1,00	6,44 ± 0,14	7,7	T = 1,36 P > 0,05	5,54 ± 0,92	8,95 ± 0,16	61,5	T = 4,31 P < 0,05
6.	8,85 ± 1,07	11,90 ± 0,37	34,5	T = 3,16 P < 0,05	8,94 ± 1,50	15,37 ± 1,01	71,9	T = 7,41 P < 0,05
7.	3,37	3,5	1		3,45	3,9	13	

Примечание: Тест 1 (прыжок в длину (см)); Тест 2 (подъем туловища за 1 мин. (к-во раз); Тест 3 (бег 60 м (сек)); Тест 4 (бег 1000 м (мин.); Тест 5 (наклон вперед (см)); Тест 6 (подтягивание (к-во раз)

(по нормам ГТО) вырос незначительно, а в контрольной группе в некоторых показателях (например, выносливость и прыжок в длину у девочек; бег 60 м и подъем туловища – у мальчиков) даже снизился. Средняя оценка уровня физической подготовленности в контрольной группе практически не изменилась, а в экспериментальной увеличилось количество детей, показавших результаты тестирования, сопоставимые с нормами ГТО золотого и и серебряного уровня (рисунок 1).

Модель интеграции активно-оздоровительных технологий в процесс физического воспитания школьников средних классов доказала свою эффективность, что подтверждается динамикой функционального состояния школьников средних классов, показанных в таблице 4.

Отмечено, что в контрольном классе у мальчиков и у девочек в течение учебного года произошли достоверные изменения ортостатической пробы, ЭГК, в то же время у мальчиков показатель ИГСТ снизился, а у девочек показал недостоверное увеличение. Можно предположить, что низкие показатели ИГСТ в контрольной группе мальчиков и девочек отражают результат внедрения дистанционного периода обучения предмета физической культуры с октября 2020 по январь 2021 гг., тогда как в экспериментальной группе недостоверные изменения зафиксированы только у мальчиков. Наиболее значимые различия произошли в показателях, характеризующих функциональное состояние системы дыхания, что объясняется регулярным

% детей, выполнивших нормы ГТО

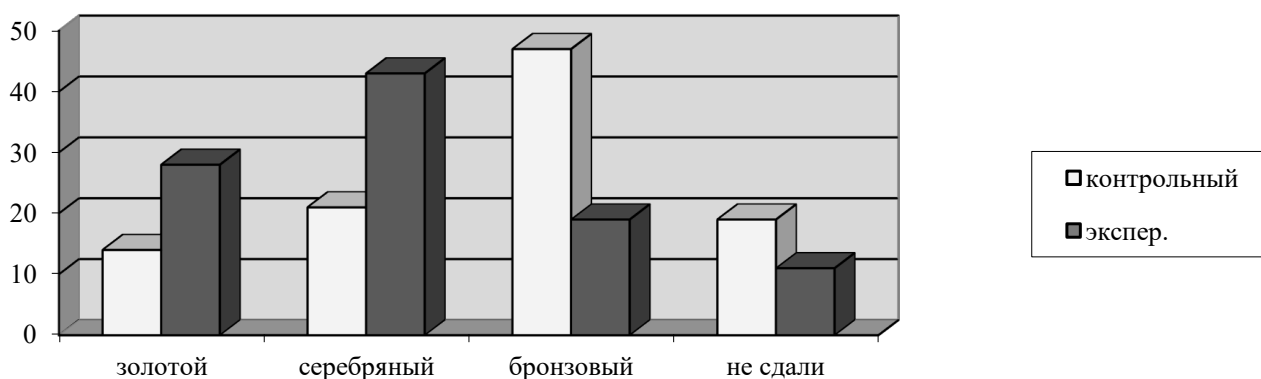

Рис. 1. Оценка выполнения норм ГТО испытуемых контрольной и экспериментальной группы

Таблица 4

Динамика функционального состояния школьников контрольной и экспериментальной группы

Ортостатическая проба		ЖЕЛ, мл	ЭГК		Гарвардский степ-тест	
Результат ± m	Оценка		Результат	Оценка	Результат	Оценка
Мальчики контрольной группы						
18,89 ± 0,18	Удовл.	1520 ± 6,20	3,94 ± 0,64	Удовл.	65,10 ± 0,70	Удовл.
17,24 ± 0,26	Удовл.	1670 ± 4,240	4,10 ± 1,20	Хорошо	62,72 ± 0,48	неудовл
P > 0,05	8,8 %	P < 0,05	P > 0,05	4%	P > 0,05	- 3,7 %
Мальчики экспериментальной группы						
16,98 ± 1,16	Удовл.	1540 ± 8,40	4,12 ± 1,03	Хорошо	71,06 ± 1,13	Удовл.
14,76 ± 0,82	Хорошо	1890 ± 7,62	4,95 ± 1,03	Хорошо	76,12 ± 2,43	Удовл.
P < 0,05	13,1 %	P < 0,05	P < 0,05	20,1%	P > 0,05	7,1
Девочки контрольной группы						
16,23 ± 0,32	Удовл.	1310 ± 5,70	3,62 ± 0,71	Удовл.	62,18 ± 1,84	Ниже среднего
15,88 ± 1,26	Хорошо	1520 ± 6,85	4,24 ± 1,21	Хорошо	67,34 ± 1,14	Удовл.
P > 0,05	3,3 %	P < 0,05	P > 0,05	17,1%	P > 0,05	8,2%
Девочки экспериментальной группы						
16,41 ± 0,16	Удовл.	1335 ± 5,50	3,14 ± 0,98	Удовл.	67,14 ± 0,96	Средне
14,11 ± 0,22	Хорошо	1875 ± 6,35	4,85 ± 0,12	Хорошо	82,36 ± 1,46	Хорошо
P < 0,05	14,1 %	P < 0,05	P < 0,05	54,4%	P < 0,05	22,6 %

использованием дыхательных упражнений в течение всего года.

Оценка уровня школьной тревожности Филипса показала, что наиболее значимые изменения произошли в экспериментальной группе (таблица 5).

В процессе эксперимента в контрольной группе показатели тревожности практически не изменились, тогда как в экспериментальной группе снизилось количество детей с высоким и повышенным уровнем тревожности, и увеличилось число детей с показателями нормы – осо-

бенные улучшения (35 %) наблюдались в показателях переживания стресса и страха самовыражения (28 %), что доказывает эффективность предложенной методики адаптационного подхода на уроках физической культуры учащихся средних классов.

Выводы. Методика балльно-рейтинговой системы оценки по предмету физическая культура апробирована на примере учащихся средних классов, что позволяет рекомендовать ее для практического использования в целях индивидуальной оценки физической

Динамика изменения тревожности в процессе педагогического эксперимента (%)

Контрольный класс						
Факторы	норма		повышенный		высокий	
	начало	конец	начало	конец	начало	конец
1. Общая тревожность в школе	25	28	57	57	19	14
2. Переживание социального стресса	21	25	50	46	29	31
3. Фрустрация потребности в достижение успеха	31	22	46	50	24	29
4. Страх самовыражения	22	21	57	57	22	21
5. Страх ситуации проверки знаний	45	35	40	50	15	15
6. Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	36	31	50	48	14	21
7. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	40	40	55	60	5	5
8. Проблемы и страхи в отношениях с учителями	33	37	41	45	26	18
Экспериментальный класс						
1. Общая тревожность в школе	21	14	57	36	22	50
2. Переживание социального стресса	21	46	50	43	29	11
3. Фрустрация потребности в достижение успеха	35	57	53	43	12	0
4. Страх самовыражения	25	57	57	36	18	7
5. Страх ситуации проверки знаний	50	57	43	39	7	4
6. Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	43	57	43	39	7	4
7. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	43	57	43	39	14	4
8. Проблемы и страхи в отношениях с учителями	43	57	36	29	21	14

подготовленности учащихся, в соответствии с уровнем их физической подготовленности, вовлеченности в процесс физического воспитания и понимания роли физической культуры в жизни школьников средних классов.

Использование методики адаптационного подхода на основе применения авторских заданий (квестов), не отступая от программных норм, позволило повысить оздоровительную эффективность занятий на уроках физической культуры учащихся средних классов, оказывая положительную роль мотивационной составляющей процесса физического воспитания.

Список источников

1. Аустер Б. В. Влияние модульной технологии на формирование устойчивого интереса младших школьников к физическому воспитанию / Б. В. Аустер // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 4. С. 75–76.
2. Березина Л. А. Оптимизация двигательной активности учащихся 5-х классов к выполнению нормативных требований ВФСК ГТО / Л. А. Березина, Д. Н. Немытов, В. В. Вавилов // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы

физической культуры и спорта. 2019. Т. 14. № 1. С. 141–146.

3. Горелик В. В. Состояние регуляторных систем школьников в условиях применения разных режимов двигательной активности на занятиях физической культурой / В. В. Горелик // Вектор науки. 2013. Т. 1. № 23. С. 31–35.
4. Семенова С. А. Адаптивный подход к реализации программы физического воспитания у детей младшего школьного возраста / С. А. Семенова, Е. А. Целовальников // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2015. № 7. С. 167–171.
5. Семенова С. А. Оздоровительная тренировка адаптационной направленности / С. А. Семенова, В. А. Резников. М. : Эдитус, 2020. 206 с.

References

1. Auster B. V. The influence of modular technology on the formation of a stable interest of younger schoolchildren in physical education / B. V. Auster // Physical culture: upbringing, education, training. 2018. No. 4. P. 75–76.
2. Berezina L. A. Optimization of motor activity of 5th grade students to meet the regulatory requirements of the

VFSK TRP / L. A. Berezina, D. N. Nemytov, V. V. Vavilov // Pedagogical-psychological and medico-biological problems of physical culture and sports. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 141–146.

3. Gorelik V. V. The state of regulatory systems of schoolchildren in the conditions of using different modes of motor activity in physical education classes / V. V. Gorelik // Vector of Science. 2013. Vol. 1. No. 23. P. 31–35.

4. Semenova S. A. Adaptive approach to the implementation of the program of physical education in children of primary school age / S. A. Semenova, E. A. Tselovalnikov // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. 2015. No. 7. P. 167–171.

5. Semenova S. A. Health-improving training of adaptive orientation / S. A. Semenova, V. A. Reznikov. M. : Editus, 2020. 206 p.

Информация об авторах

С. А. Семенова – заведующая кафедрой современных оздоровительных технологий и адаптивной физической культуры Московского государственного областного университета, кандидат педагогических наук;

Х.-Ц. Д. Гомбожапова – профессор кафедры физического воспитания Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, кандидат педагогических наук;

А. А. Сысоев – заместитель начальника кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Б. Б. Гынинов – преподаватель междисциплинарной кафедры Улан-Баторского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Information about the authors

S. A. Semenova – Head of the Department of Modern Health Technologies and Adaptive Physical Education of the Moscow State Regional University, Candidate of Pedagogical Sciences;

H.-Ts. D. Gombozhapova – Professor of the Department of Physical Education of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Candidate of Pedagogical Sciences;

A. A. Sysoev – Deputy Head of the Department of Physical Training of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

B. B. Gyninov – Lecturer of the Interdisciplinary Department of the Ulan Bator branch of the Plekhanov Russian University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 15.12.2022.

The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 15.12.2022.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-339-344>

НИОН: 2015-0066-6/22-587

MOSURED: 77/27-011-2022-06-786

Подготовка курсантов образовательных организаций МВД России к публичным выступлениям

Ирина Валентиновна Ульянова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
iva2958@mail.ru

Аннотация. Подготовка курсантов образовательных организаций МВД России к публичным выступлениям как актуальному виду профессиональной деятельности является важным аспектом их учебной, квазипрофессиональной, позже – профессиональной деятельности. Однако недостаточное внимание к данному явлению в повседневной учебно-обучающей деятельности, риторике в целом ведет в определенной мере к коммуникативно-речевой дисфункции курсантов. Автор предлагает горизонтально-вертикальную технологическую матрицу организации эффективных педагогических условий (в ней выделено три содержательных направления: психологическое, культурологическое, педагогическое), в рамках которой на горизонтальном (линейном) направлении обозначены этапы освоения обучающимися знаний, умений, навыков публичных выступлений; на вертикальном уровне указано на те временные параметры и результаты, которые отражают прогресс личности, учебного взвода в совершенствовании культуры речи, включая публичные выступления.

При этом отмечается, что для курсантской аудитории во время проведения учебных занятий существует проблема служебного барьера, которая может стать определенным препятствием в речевом самосовершенствовании, и с которой необходима специальная методическая работа кафедры, факультета, образовательной организации.

Ключевые слова: курсанты, преподаватели, риторическая культура, публичные выступления, служебный барьер, педагогика смысложизненных ориентаций

Для цитирования: Ульянова И. В. Подготовка курсантов образовательных организаций МВД России к публичным выступлениям // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 339–344. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-339-344>.

Original article

Preparation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for public speaking

Irina V. Ulyanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
iva2958@mail.ru

Abstract. The preparation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for public speaking as an actual type of professional activity is an important aspect of their educational, quasi-professional, and later professional activities. However, insufficient attention to this phenomenon in everyday teaching and learning activities, rhetoric in general leads to a certain extent to the communicative and speech dysfunction of cadets. The author proposes a horizontal-vertical technological matrix of the organization of effective pedagogical conditions (it identifies three substantive areas: psychological, cultural, pedagogical), within which the horizontal (linear) direction indicates the stages of mastering students' knowledge, skills, public speaking skills; at the vertical level, the time parameters and results that reflect the progress of the individual, the training platoon in improving the culture of speech, including public speaking.

At the same time, it is noted that for the cadet audience during the training sessions there is a problem of the service barrier, which can become a certain obstacle in speech self-improvement and which requires special methodological work of the department, faculty, educational organization.

Keywords: cadets, teachers, rhetorical culture, public speaking, service barrier, pedagogy of life orientations

For citation: Ulyanova I. V. Preparation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for public speaking. Bulletin of economic security. 2022;(6):339–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-6-339-344>.

© Ульянова И. В., 2022

Постановка проблемы. Процесс подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России к профессиональной деятельности во многом обусловлен формированием у них риторической культуры, коммуникативно-речевых навыков, в целом, и умений в области публичных выступлений, в частности. Благодаря этому у будущего сотрудника органов внутренних дел (ОВД) открываются перспективы вступления в должность как подготовленного к коммуникативно-речевой деятельности специалиста, что во многом обусловит его профессионально-личностную адаптацию к новым служебным условиям, а также предотвратит возможную дисфункцию при выполнении различных задач. Анализ перечня специальностей, по которым осуществляется подготовка курсантов и слушателей к профессиональной деятельности в системе высшего образования МВД России (к оперативной розыскной деятельности, для подразделений по охране общественного порядка, по делам несовершеннолетних, органов предварительного расследования, государственной инспекции безопасности дорожного движения и др.), показывает высокий уровень значимости коммуникативно-речевых навыков сотрудников ОВД при выполнении служебных задач. Однако в настоящее время в образовательных организациях МВД России не реализуется системно-комплексная, пролонгированная программа коммуникативно-речевой подготовки обучающихся – сотрудников полиции с учетом специфики осваиваемой ими специальности. В связи с этим фиксируется необходимость разработки релевантных учебных программ, а также актуализации указанного дискурса в контексте каждой преподаваемой учебной дисциплины.

Целью статьи определяется описание системы подготовки курсантов к публичным выступлениям.

Анализ последних исследований и публикаций. В системе юридического дискурса все более пристальное внимание обращается на семантику научных понятий, от чего во многом зависит направленность правовой деятельности полицейских – А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко и др. [11].

Высокий интерес к коммуникативно-речевой подготовке сотрудников органов внутренних дел проявляется сотрудниками кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России. В научных трудах А. М. Столяренко речевой потенциал сотрудника рассматривается как важный элемент его индивидуальности, личности [10]. Л. Г. Носкова [7] в значительной мере восполнила существующий пробел в области речевой культуры полицейских, указывая на риск бессистемной практики подготовки специалистов и представив Концепцию формирования профессиональной речевой подготовки сотрудников органов внутренних дел, Н. В. Сердюк, Б. Е. Власов [9] феномен культуры речи сотрудников органов внутренних дел рассматривают как элемент его коммуникативной культуры и профессиональной компетентности. Выявлены тенденции в отношении к языковой норме

среди сотрудников и руководителей органов внутренних дел, типичные ошибки и способы их профилактики в профессиональной подготовке кадров органов внутренних дел.

Изложение основного материала исследования. В контексте научной школы «Педагогика смысложизненных ориентаций в системе подготовки сотрудников органов внутренних дел» (И. В. Ульянова) коммуникативно-речевому аспекту подготовки курсантов и слушателей к профессиональной деятельности уделяется пристальное внимание. «Приоритетным направлением в технологии речевой подготовки сотрудников ОВД является обоснованный педагогико-риторический подход: от объяснения к пониманию, от монолога к диалогу и полилогу, от контроля к развитию, от управления к самоуправлению процессом совершенствования. В целях реализации этого направления предложено построение образовательного процесса в вузе на диалоговой основе с использованием активных методов коллективного и группового обучения» [7].

Вместе с тем, как показывает многолетняя педагогическая практика автора, усиливающийся дефицит внимания к формированию риторической культуры у учеников общеобразовательных школ в значительной степени провоцирует проблемы речевого характера у студентов, курсантов образовательных организаций высшего образования. При этом следует принять во внимание, что, в частности, формирование навыков публичных выступлений актуально не только для специалистов, чьи профессии ориентированы на систему «человек-человек», но и для обучающихся по любому профилю, ибо им, как минимум, предстоит во время учебных занятий участвовать в дискуссиях, представлять устные отчеты на семинарах и практикумах, доклады на научно-исследовательских конференциях, а также аргументированно обосновывать ответы на экзаменах, защищать выпускную квалификационную работу.

Публичное выступление в широком смысле – это официальная речь перед организованной аудиторией. Учитывая широкую разновидность публичных выступлений, их психологическую, педагогическую, культурную обусловленность, мы разработали *технологическую матрицу* подготовки курсантов (специальность 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения) к публичным выступлениям. Она прошла апробацию в течение пяти лет в процессе преподавания таких учебных дисциплин, как «Общие основы педагогики», «Теория и методика воспитания», а также в процессе проведения заседаний научного кружка кафедры педагогики, образовательно-досуговых мероприятий («Посвящение в кружковцев», «Литературно-музыкальная гостиная» и проч.).

В данной матрице выделено три содержательных направления: психологическое, культурологическое, педагогическое. Они представляют собой устойчивый конгломерат, но вместе с тем требуют редукции для того,

чтобы максимально конкретно решать конкретные задачи коммуникативно-речевой подготовки курсантов.

На первых двух направлениях остановимся предельно кратко, в силу ограниченных возможностей объема статьи, на третьем – более подробно.

Психологическое направление связано с экспресс-изучением коммуникативно-речевого потенциала учебного взвода. В частности, готовность курсантов к публичным выступлениям определялась по следующим критериям: а) уверенность выступающего в себе, спокойствие (отсутствует страх, в наличии – открытость аудитории); б) целесообразное проявление широкого спектра эмоций; в) целенаправленность, логичность, обоснованность выступления; г) развитость концентрации, переключения внимания; долговременной и оперативной памяти.

Культурологическое направление призвано отражать общую культуру личности выступающего, что определяется по следующим критериям: а) владение выступающим нормами этикета, демонстрация уважения к аудитории, излагаемой информации; б) эрудированность выступающего; в) богатый лексикон выступающего, нормативность речи.

Педагогическое направление обусловлено процессами обучения и воспитания; в данном случае преподаватель опирается на следующие критерии: а) готовность обучающегося к обучению и воспитанию в условиях, предъявляемых к публичным выступлениям требованиям; б) готовность обучающегося к самообучению и самовоспитанию в условиях, предъявляемых к публичным выступлениям требованиям; в) активное освоение и использование в образовательном процессе обучающимися научных понятий, профессионализмов, реализация профессиональной речи.

Этапы подготовки курсантов к публичным выступлениям:

1. Диагностический.
2. Информационно-просветительский.
3. Целеполагающий.
4. Организационно-процессуальный.
5. Контрольный.
6. Аналитико-рефлексивный.

В качестве примера обратимся к процессу подготовки к публичным выступлениям курсантов первого курса, осваивающих учебную дисциплину «Общие основы педагогики».

Диагностический этап (наблюдение, анкетирование, беседы групповые и индивидуальные) приходится на первые 2–3 занятия (семинарские, практические), когда у преподавателя имеется возможность в процессе учебных бесед зафиксировать как общий уровень коммуникативно-речевой готовности учебного взвода в целом, так и его способности в области публичных выступлений. Весьма эффективной в данном случае становится карта речевого развития группы, где преподаватель делает необходимые пометки относительно и конкретных персоналей, и всего сообщества, основываясь на на-

блюдениях. Критерии оценивания представлены выше, они трехуровневые: высокий уровень – всегда, средний уровень – иногда, низкий уровень – редко или никогда. При этом курсантам полезно предложить анкету или несложный тест, выявляющий самооценку своего речевого потенциала, обобщив затем полученные данные.

С учебным взводом обязательно обобщаются имеющиеся коммуникативно-речевые проблемы, чтобы конкретизировать учебно-воспитательные задачи, включая область публичных выступлений. При этом курсанты включаются в пролонгированную самодиагностику, периодически отвечая на вопрос преподавателя типа: «Как Вам кажется, повысилась ли качество Ваших публичных выступлений на занятиях?», получая необходимую поддержку («Вы стали более уверенно выступать!») или рекомендации («Поработайте над чистотой речи! Пока часто звучат слова-паразиты «это», «ну»). Наряду с этим к завершению первого семестра преподаватель, готовя группу к сдаче экзамена по учебной дисциплине, указывает на то, что один из критериев экзамена – это оценка культуры речи отвечающего, его владения понятийно-терминологическим аппаратом педагогики, способности научно грамотно выражать свои мысли по поводу той или иной педагогической проблемы. Курсанты вновь приглашаются к участию в анкетировании/тестировании по поводу их речевого потенциала.

Информационно-просветительский этап также приходится на начальный период изучения «Общих основ педагогики», когда преподаватель, озвучивая задания по семинарам, практикумам ставит акцент на нормах, правилах подготовки к публичным выступлениям. Для этого в Портфолио учебной дисциплины рекомендуется выделить специальный блок «Мое коммуникативно-речевое развитие» (можно взять любое соответствующее название – «Правила риторики», «Коммуникативно-речевые требования» и проч.) и фиксировать на отведенных страницах общие, персональные рекомендации, а также вносить актуальный самостоятельно подобранный материал.

В этот период курсанты знакомятся с тем, что публичные выступления по целевому назначению весьма разноплановы, они подразделяются на социальные, политические, академические (научные), судебные, социально-бытовые, теле- и радиоречи и проч., что обуславливает особый стиль речи (так, научный монолог обеспечивается научным стилем речи, социально-бытовой – разговорным, публицистическим стилями, что осваивается обучающимся).

По видам публичных выступлений курсантам предлагается оформить схему, позволяющую упорядочить первичные знания в области риторики, рационально выполнять предлагаемые задания, контролировать себя во временном плане; это доклад; сообщение; выступление; лекция; беседа (например, на доклад обучающихся рекомендуется отводить 20–25 минут, на сообщение – 5–7 минут).

Значительная помощь курсантам со стороны преподавателя в качестве педагогической поддержки оказывается в том случае, если он предупреждает об особой сложности публичных выступлений в связи с тем, что оратору всегда приходится одновременно «работать» в трех направлениях: о собственном образе, влияющем на слушателей; об эмоциях слушателей; о логике, доказательствах своей речи.

Для обогащения курсантов информационным арсеналом преподаватель обращает их внимание на такие учебные пособия, как «Культура речи», «Методика публичного выступления», «Риторика» [4; 6], что стимулирует личность к самостоятельному погружению в учебный материал (который можно сопрягать с сугубо педагогическими вопросами, рассматриваемыми на занятиях) [1; 2; 3; 5; 8; 12].

Целеполагающий этап тесно связан с предыдущими и последующим, так как акцентируется преподавателем напрямую и косвенно в каждой речевой ситуации. Целеполагание публичных выступлений предполагает обстоятельное знание специфики аудитории, к которой будет обращено выступление. Например, при подготовке инспекторов ПДН необходимо ориентировать обучающихся на своеобразие аудиторий нормативной, высококультурной и асоциальной; взрослой и детской; профессиональной (педагогической) и непрофессиональной (родительской).

Организационно-процессуальный этап представляет собой учебно-воспитательную ситуацию, в которой публичное выступление является самостоятельным и завершенным или элементом диалога, полилога. В данном случае преподавателю в начале преподавания учебной дисциплины необходимо актуализировать общие требования к обучающимся, позже – действовать по ситуации, преодолевая возможную стереотипизацию, шаблонность в педагогических действиях, но при этом четко соблюдать установочные правила контроля, поддержки.

Перед каждой новой формой публичного выступления курсантов преподаватель дает им краткую и четкую рекомендацию, связанную со спецификой подготовки, которую обучающиеся записывают как педагогические требования (на наш взгляд, вид представления таких рекомендаций необходимо варьировать: то это специальная инструктивная карта, то устное указание, то ссылка на специальную литературу, что позволяет отойти рутинных клише и содействовать личности в ее гармоничном развитии).

В частности, курсанты интенсивно осваивают следующие концепты риторики: основные понятия риторики, этапы построения убеждающей речи, классический канон, факторы, регулирующие выбор и применение аргументов (факторы уместности – тематической, ситуативной; факторы места и времени, адресата, свидетеля; фактор цели) [4; 6].

Курсантам необходимо познакомиться с *технологией реализации публичных выступлений*, что связано со следующими шагами: подготовка выступления (плани-

рование как постановка цели, анализ аудитории, работа с материалами, самонастройка, практика) – привлечение внимания аудитории (невербальная подача материала) – убеждение (аргументация и доказательство) – побуждение (вопросы аудитории) [4].

После завершения такой практики продуктивна прогностическая работа с группой, когда преподаватель нацеливает обучающихся на подготовку доклада к конференции и выступление на ней (попутно могут звучать вопросы типа: «Что уже получится в выступлении перед большой аудиторией?», «Какие могут возникнуть у Вас сложности, как их предупредить?» и т. п. Данный шаг обозначается как ближняя перспектива, тогда как отдаленными перспективами будут события выступлений перед различными субъектами во время прохождения практики, перед Государственной аттестационной комиссией во время выпускных экзаменов и проч. В итоге вертикальный элемент разработанной технологической матрицы включает следующие звенья: подготовленное сообщение на занятии – стихийное выступление в процессе учебной дискуссии – подготовка доклада к конференции и выступление с ним – выступления в досуговых мероприятиях – публичная защита курсовой работы – ответы на зачетах, экзаменах – публичные выступления перед различными аудиториями во время прохождения практики – защита выпускной квалификационной работы.

Контрольно-оценочный этап двухпланов; он: 1) ситуативен, когда связан с частным элементом занятия; 2) обобщающий, когда реализуется при подведении итогов по изучению отдельной темы, всего учебного курса. При этом важны 4 аспекта: а) индивидуально-личностный (курсант сам оценивает результат своего публичного выступления, что позволяет ему укреплять адекватную самооценку, развивать критичное мышление); б) преподавательский (выступление курсанта оценивает и комментирует преподаватель); в) групповой (выступление обсуждается учебной группой; в этом случае принцип этичности приобретает ведущую позицию); г) комплексный (в этом случае присутствуют все указанные аспекты контроля и оценивания).

Аналитико-рефлексивный этап позволяет всем участникам педагогического процесса осуществлять сравнительный анализ своих достижений. Особую значимость при этом приобретает слово преподавателя, которому важно, преодолевая одномерность в толковании достижений подопечных, подробно изложить собственный взгляд на их работу в области публичных выступлений, подчеркивая позитивные результаты, а также указать на перспективы самосовершенствования в речевом развитии. Подобная аналитико-рефлексивная деятельность проходит в формате доверительных бесед, когда снимаются служебные барьеры, все участники встречи открыты, честны, доброжелательны.

Предъявляя к курсантам высокие требования в сфере публичных выступлений, преподаватель выступает для них как личность-образец, что требует от него си-

стематического речевого самосовершенствования, повышения риторической культуры (этому способствуют систематические обсуждения результатов взаимного посещения занятий, проведение специальных методических семинаров и проч.). Наряду с этим свою эффективность доказал феномен преемственности, когда, завершая изучение конкретной учебной дисциплины, один преподаватель передает другому результаты динамики развития коммуникативно-речевых навыков учебного звзда, осуществляется совместное обсуждение перспектив работы.

На основе проведения экспериментальной работы (2017–2022 гг.) с учетом выше представленного методического материала готовность к публичным выступлениям высокого уровня в течение первого семестра у курсантов увеличилась с 30 % до 80 % (выборка – 75 чел.). Было отмечено, что достижение высоких результатов учебного звзда в изучаемой области обеспечивается преимущественно коллективной формой работы с использованием элементов индивидуального сопровождения.

Выводы и перспективы исследования. Анализ заявленной проблемы продемонстрировал насущную необходимость повышения внимания к коммуникативно-речевой культуре обучающихся образовательных организаций МВД России в целом и к публичным выступлениям курсантов в частности, ибо это весьма значимый аспект их предстоящей профессиональной деятельности.

Практика показала, что конкретные учебные дисциплины, изучаемые курсантами, могут быть целесообразно дополнены элементами риторики, что во многом упорядочит формируемые ими учебные, воспитательные навыки, а также образовательный процесс в целом с его ближними и дальними перспективами.

Наряду с этим остается нерешенным вопрос о включении в образовательный процесс образовательных организаций высшего образования курса «Риторика» абсолютно для всех специальностей (возможно, это будет самостоятельный раздел в кратком курсе «Педагогика», ибо связанные с ней компетенции выявляются не просто в качестве значимых, но как необходимые для формирования высокого уровня культуры профессионального взаимодействия сотрудников ОВД с обществом и коллегами).

Список источников

1. Андреев В. И. Педагогическая эвристика для творческого саморазвития многомерного мышления и мудрости : монография. Казань : Центр инновационных технологий, 2015. 288 с.
2. Базулина А. А., Дорошенко О. М. Научно-исследовательская деятельность курсантов (слушателей) отдельных направлений подготовки в свете федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Психология и педагогика служебной деятельности. 3/2020. С. 62–64.

3. Берг Е. Б., Панченко С. В., Феденева Ю. Б. Культура речи и риторика для юристов : учебник и практикум. М. : Юрайт, 2018. 322 с.

4. Голованова И. И. Методика публичного выступления : учебное пособие. Казань : Центр инновационных технологий, 2009. 110 с.

5. Михалкин Н. В., Антюшин С. С. Основы риторики : учебное пособие для СПО. М. : Юрайт, 2019. 322 с.

6. Москвин В. П. Риторика и теория аргументации : учебник для вузов. 3-е изд., пер. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 725 с.

7. Носкова Л. Г. Формирование системы профессиональной речевой подготовки сотрудников органов внутренних дел : монография ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Акад. упр. МВД России. М. : Акад. упр. МВД России, 2014. 143 с.; 21 см.

8. Свинаярева О. В. Научная разработанность темы «Педагогическое сопровождение курсантов ведомственных образовательных организаций в период адаптации к образовательному процессу» // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3; URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=24448>. (дата обращения: 12.06.2022).

9. Сердюк Н. В., Власов Б. Е. Культура речи сотрудников органов внутренних дел в контексте коммуникативной культуры полицейского сообщества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018, № 10 (803). С. 261–274.

10. Столяренко А. М. Психология и педагогика: учеб. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 543 с. <URL:<http://elibrary.ru/ebook/Stolyarenko-psychology-pedagogy.pdf>>.

11. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Термин «содействие»: функционально-правовой анализ сквозь призму оперативно-розыскной и частной детективной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 90–95.

12. Тюпа В. И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. М. : Языки славянской культуры, 2020. 387 с.

References

1. Andreev V. I. Pedagogical heuristics for creative self-development of multidimensional thinking and wisdom: monograph. Kazan : Center of Innovative Technologies, 2015. 288 p.
2. Bazulina A. A., Doroshenko O. M. Research activity of cadets (trainees) of certain areas of training in the light of federal state educational standards of higher education. Psychology and pedagogy of official activity. 3/2020. P. 62–64.
3. Berg E. B., Panchenko S. V., Fedeneva Yu. B. Culture of speech and rhetoric for lawyers. Textbook and workshop. M. : Yurayt, 2018. 322 p.

4. Golovanova I. I. Methods of public speaking: A textbook. Kazan : Center of Innovative Technologies, 2009. 110 p.

5. Mikhalkin N. V., Antyushin S. S. Fundamentals of rhetoric. Tutorial for PDF. M. : Yurayt, 2019. 322 p.

6. Moskvin V.P. Rhetoric and theory of argumentation : textbook for universities. 3rd ed., trans. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2019. 725 p.

7. Noskova L.G. Formation of a system of professional speech training of employees of internal affairs bodies: monograph; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Academic Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M. : Academy of Internal Affairs of Russia, 2014. 143 p.; 21 cm.

8. Svinareva O. V. Scientific development of the topic «Pedagogical support of cadets of departmental educational organizations during the period of adaptation to the educational process» // Modern problems of science and education. 2016. No. 3; URL: <http://www>.

science-education.ru/article/view?id=24448 (accessed: 12.06.2022).

9. Serdyuk N. V., Vlasov B. E. The culture of speech of law enforcement officers in the context of the communicative culture of the police community // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018, No. 10 (803). P. 261–274.

10. Stolyarenko A. M. Psychology and Pedagogy: studies. 3rd ed., supplement. M. : UNITY-DANA, 2011 543 p. <URL:<http://elibr.lib.fsu.ru/ebook/Stolyarenko-psychology-pedagogy.pdf>>.

11. Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. The term «assistance»: a functional and legal analysis through the prism of operational investigative and private detective activities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (62). P. 90–95.

12. Турапа В. И. Дискурсивные образования. Эссе о сравнительной риторике. М. : Languages of Slavic culture, 2020. 387 p.

Информация об авторе

И. В. Ульянова – профессор кафедры педагогики Института психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, доцент, академик Российской академии естествознания, Член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, основатель и руководитель научных школ «Педагогика смысложизненных ориентаций в гуманистической парадигме», «Педагогика смысложизненных ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России».

Information about the author

I. V. Ulyanova – Professor of the Department of Pedagogy of the Institute of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Corresponding member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, founder and head of scientific schools «Pedagogy of life orientations in the humanistic paradigm», «Pedagogy of life orientations in the system training of personnel for the internal affairs bodies of Russia».

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 30.11.2022.